М. И. Лошенков

ГОРОДИЩА МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

М.И. ЛОШЕНКОВ

ГОРОДИЩА МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Минск
"Минская фабрика цветной печати"
2011

УДК 902/904(476)(031)
ББК 63.4 (4Беи) я2
Л 68

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Г.В. Штыхов;*
доктор исторических наук, профессор, заслуженный
деятель науки России *Е.А. Шмидт;*
доктор исторических наук, заведующий отделом раннего железного века
Института археологии НАН Украины *С.А.Скорый;*
кандидат исторических наук, доцент *О.А. Макушников;*
кандидат исторических наук, доцент *В.И. Шадыро*

Лошенков М. И.
Л 68 Городища милоградской культуры на территории Беларуси. — Мн.: МФЦП, 2011. — 408 с., илл.
ISBN 978-985-454-575-2

Монография подготовлена в рамках выполнения Государственной комплексной программы научных исследований Института истории НАН Беларуси на 2006 – 2010 гг. «История белорусской нации, государства и культуры». Работа утвержена к печати Ученым советом Института истории НАН Беларуси (15.09.10 г.).

УДК 902/904(476)(031)
ББК 63.4 (4Беи) я2

ISBN 978-985-454-575-2

СОДЕРЖАНИЕ

Моим родителям — Вере Антоновне и Ивану Петровичу Лошенковым — посвящаю.

ВВЕДЕНИЕ

Использование железа с VII в. до н. э. ускорило процесс разложения родоплеменных отношений в древних коллективах юга лесной полосы. Так, на юге Беларуси, как на исторической арене в целом, появлялись то одни, то другие общности древнего населения, которые, пережив расцвет своего развития, уступали затем место последующим. Изучение памятников археологии раннего железного века, составляющих целый пласт своеобразных древностей местного населения первобытного времени, — важная задача исторического исследования. Автор выбрал в качестве объектов изучения древнейшие городища — хорошо учтенный, описанный, но недостаточно изученный путем раскопок вид поселений.

Среди древних племен, населявших территорию Беларуси, которые одними из первых познакомились с железом, были племена милоградской культуры. Свое название археологическая культура получила по хорошо изученным селищу и городищу у деревни Милоград в Речицком районе Гомельской области. Именно это население, в отличие от своих предшественников, стало применять в повседневной жизни орудия труда из железа. Уже где-то со второй половины VII в. до н. э. оно, по-видимому, занималось черной металлургией. Нельзя не отметить, что процесс добычи железа и использования орудий из него на всей территории нашей страны был явлением весьма долгим и занял не одну сотню лет. Так, если на юге Беларуси «милоградцы» начали применять железные изделия уже в VII в. до н. э., то в центре и на севере племена штрихованной керамики и днепро-двинской культур — только где-то на рубеже эр.

Археологические памятники населения милоградской культуры представлены укрепленными (городищами) и неукрепленными (селищами) поселениями, курганными и грунтовыми могильниками. Они занимают территорию не только юга Беларуси (восточную часть Брестской, Гомельскую, юг Минской и Могилевской областей), но и северо-запад Украины (часть Волынской, север Ровенской, Житомирской, Киевской и северо-запад Черниговской областей). Безусловно, что на огромном пространстве в основном Полесской низменности поселения и могильники милоградского населения рассредоточены неравномерно. К тому же разная степень изученности их осложняет в какой-то мере обобщающую характеристику носителей данной общности.

Примечательно, что укрепленные поселения локализуются лишь в северо-восточном ареале культуры. В пределах юго-восточной Беларуси сосредоточены почти все древнейшие городища. Наиболее южные из них находятся на севере Киевского Полесья, а юго-восточные — в северо-западной части Черниговской области. Северо-восточная граница их распространения также на левом берегу Днепра. Она проходит в бассейне нижнего течения р. Сож приблизительно по современной границе Гомельской области. Основное же количество городищ милоградской культуры локализуется в восточной части Белорусского Полесья. В междуречье Сожа, Днепра и нижнего течения Припяти их насчитывается около двухсот. В Западном Полесье Беларуси их единицы, и там преобладают неукрепленные поселения.

Исследование милоградских памятников в Беларуси было начато в начале 50-х годов прошлого века Славянской экспедицией Института археологии АН СССР. В состав

археологических экспедиций в то время входили П.Н. Третьяков, Ю.В. Кухаренко и О.Н. Мельниковская. Результаты больших раскопочных работ обобщены О.Н. Мельниковской в монографии «Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке». Исследование полностью посвящено населению милоградской культуры и являет собой, по существу, итог изучения рассматриваемых древностей до середины 60-х годов XX столетия. В книге помимо селищ и могильников охарактеризованы и городища, расположенные на высоких берегах Днепра, а информация об аналогичных памятниках на Полесской низменности и левобережье Днепра — в Посожье — сведена лишь к краткому упоминанию о них. Полевые работы археологов Беларуси были прекращены после печальных событий 26 апреля 1986 года. Вышедшая в 2005 году книга С.Е. Рассадина «Милоградская культура: ареал, хронология, этнос» стала определенным положительным явлением в изучении рассматриваемого населения. Исследователь фокусирует внимание на актуальных, с его точки зрения, вопросах, которые он вынес в заглавие. Милоградская культура как самобытное историко-археологическое явление им оценивается в определенной системе. Предлагаемая читателю работа автора является логическим продолжением книг О.Н. Мельниковской и С.Е. Рассадина по древностям милоградского населения. Она базируется главным образом на новых коллекциях с привлечением случайных находок.

Автор настоящей монографии ставит своей целью представить целостное в тематическом отношении исследование по милоградским древностям и ввести в научный оборот новые материалы, полученные в ходе раскопок со второй половины 1970-х годов по начало XXI в. Данные разведок и раскопок памятников позволяют осветить ряд вопросов в истории племен милоградской культуры: рассмотреть топографию, планировку и размеры поселений; охарактеризовать их укрепления, жилища и вещевой комплекс, хозяйственную занятость и домашние ремесла их обитателей; определить датировку изученных новых городищ и проследить связи местного населения с племенами других культур. Это дает возможность в какой-то мере рассматривать историю развития населения юго-восточной Беларуси со второй четверти I тыс. до н. э. — по начало II в. до н. э. При освещении ряда вопросов они могут быть рассмотрены лишь предварительно, ибо окончательное решение их будет находиться в прямой зависимости от накопления новых источников. Основные материалы для данной монографии получены автором в ходе многолетних полевых работ на памятниках в междуречье Днепра и нижнего течения Припяти. Кроме того, в исследовании использованы опубликованные и хранящиеся в архивах и фондах Института истории НАН Беларуси материалы раскопок и разведок нижеследующих исследователей с их любезного согласия: Н.В. Бычкова, В.С. Вергей, А.И. Дробушевского, Н.Н. Дубицкой, А.А. Егорейченко, Г.М. Залашко, О.А.Макушникова, О.Н. Мельниковской, Л.Д. Поболя, С.Е. Рассадина, В.Е. Соболя, В.И. Сычева, Г.В. Штыхова.

Автор выражает глубокую благодарность бывшему старшему научному сотруднику Института истории АН БССР, кандидату исторических наук А.Г. Митрофанову, бывшему старшему научному сотруднику Института археологии АН СССР, кандидату исторических наук О.Н. Мельниковской, сотрудникам сектора археологии железного века Института истории НАН Беларуси В.И. Шадыро, В.С. Вергей, В.Г. Белявцу, А.Н. Белицкой за ценные советы, высказанные в процессе подготовки рукописи к печати. За набор текста и подготовку иллюстраций в печать — старшему лаборанту А.В. Пашик и профессиональному художнику Т.В. Зинченко.

Глава I

История и историография исследований

Из истории изучения

Первые упоминания о древних городищах на территории Юго-Восточной Беларуси и в сопредельных регионах содержатся в специальном «Словаре» З.Д. Ходаковского, который был опубликован М.П. Погодиным в первой половине XIX в. (Погодин, 1844, с. 188, 236, 281, 295, 311, 314, 352; Каханоўскі, 1984, с. 32). Уже в начале 20-х годов XIX века Доленга-Ходаковский собрал большое количество сведений об укрепленных поселениях, которые были расположены не только в Белорусском Полесье, но и на значительно более обширной территории. Пятилетние сборы материалов по городищам послужили З.Д. Ходаковскому хорошей основой для обобщений по топографии поселений, их планировке, размерам, укреплениям, и, кроме того, им было отмечено, «что они насыпаны из чернозема» (Погодин, 1837, с. 11–13; он же, 1891, с. 473). Анализ большого количества городищ, в число которых входили и интересующие нас поселения, позволил З.Д. Ходаковскому не только изложить свои взгляды в концентрированном виде на эту категорию археологических памятников, но и представить свои заключения по ним в виде «Исторической системы», что было заметным явлением в изучении рассматриваемых древностей (Погодин, 1837). У «Исторической системы» были как сторонники, так и противники. Отдельные положения в теории З.Д. Ходаковского по сути своей являлись ошибочными, как, например, утверждение о том, что городища «должны быть признаны местами языческого богослужения древних…». Позднее им была дана более правильная оценка Д.Я. Самоквасовым, который историческое значение городищ видел в том, что они «представляют собой остатки городов в смысле укрепленных центров народных поселений» (Самоквасов, 1878, с. 225–226, 233). В середине XIX в. краткие упоминания об отдельных укрепленных поселениях

на юго-востоке Беларуси публикуют М.О. Без-Карнилович и П.М. Шпилевский (Без-Карнилович, 1855, с. 215–216, 230, 231; Шпилевский, 1859, с. 1–2, 26, 33–35, 42, 45). Несколько более обширная информация по древним укрепленным поселениям, относящимся, как позднее было установлено, и к милоградскому времени, с указанием их местонахождения и размеров содержится в «Сведениях 1873 года о городищах и курганах» (Сведения..., 1903, с. 34–38, 55–57). Во второй половине XIX века по-прежнему отрывочные сведения по отдельным памятникам сообщали Р.Г. Игнатьев, А.К. Киркор, Е.Р. Романов, М.В. Довнар-Запольский, В.З. Завитневич (Игнатьев, 1878, с. 104–105; Киркор, 1882б, с. 377, 380–381; Романов, 1889, с. 133, 139; Запольский, 1889, с. 114; Завитневич, 1886, с. 592, 596; он же, 1890, с. 3, 15, 18; он же, 1892, с. 12; он же, 1894, с. 139).

Это были упоминания о наличии городищ вблизи отдельных населенных пунктов, как у М.В. Довнар-Запольского, либо же сведения слишком общего характера, отмеченные, например, Г.Х. Татуром в бассейне нижнего течения р. Припять (Татур, 1892, с. 14–16, 19, 22). Весьма ценными для нас являются замечания В.З. Завитневича о расположении древних городищ в труднодоступных глухих местах Полесья (Завитневич, 1890, с. 3, 15). Г.Х. Татур, В.З. Завитневич и Е.Р. Романов сообщали, кроме того, и о разном количестве памятников в нижних течениях Припяти, Березины, Сожа (Татур, 1878, с. 112; Завитневич, 1890, с. 3; Романов, 1910, с. 114). Нельзя не сказать и о более качественном уровне работ Е.Р. Романова с городищами Нижнего Посожья, которые, как впоследствии выяснилось, содержат и милоградские материалы. Важно подчеркнуть, что Е.Р. Романов обратил внимание и на незаметное, как бы скрытое расположение некоторых городищ среди болот и по берегам небольших речек в бассейне р. Сож (Романов, 1910, с. 104). В «Археологическом очерке Гомельского уезда» он наиболее полно указал сведения о размерах 69 городищ, их формах, характере укреплений, условиях расположения и дал привязки памятников к населенным пунктам (Романов, 1910, с. 104–114). Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что уже в XIX веке исследователи пытались объяснить назначение древних городищ, определить их функции и время существования. Свои взгляды по этим вопросам вслед за З.Д. Ходаковским и Д.Я. Самоквасовым изложили П.М. Шпилевский и Г.Х. Татур, но взгляды последних не отличались новизной по сравнению с суждениями предшественников (Погодин, 1891, с. 473; Самоквасов, 1878, с. 225–235; Шпилевский, 1853, с. 83–85; Татур, 1892, с. 12–23). Для нас представляет интерес заключение В.З. Завитневича по одному из укрепленных поселений: «можно с уверенностью утверждать, что это городище никогда не имело постоянного населения и служило лишь местом временного убежища и обороны на случай нападения врагов» (Завитневич, 1886, с. 593). Естественно, что без археологических раскопок нельзя было аргументированно ответить на возникшие вопросы.

В начале XX в. Е.Р. Романов в результате наблюдений за отложениями на укрепленных поселениях Гомельщины пришел к выводу, что «если исследовать такие городища, то по черноземным слоям их можно проследить весь ход культурного развития человека в данной местности» (Романов, 1910, с. 105).

Интерес к памятникам прошлого — городищам и курганам, о которых имелось немало легенд, — побуждал иногда местных «любителей» к раскопкам их с целью получить древние предметы. Именно о таком случае сообщает И.Х. Ющенко. В конце XIX в. некто гр. Бандаренко при содействии солдат вырыл две кладоискательские ямы на городище Любны, а затем помещик Шендзиковский

провел на нем любительские раскопки, по-видимому, с такой же целью (Ющенко, 1925, д. 175). Возможно, эти факты «раскопок» были единственные для памятников милоградской культуры на территории Беларуси в XIX веке.

Таким образом, подводя итог отрывочным сведениям XIX — начала XX в. об укрепленных поселениях на территории проживания «милоградцев», необходимо отметить следующее. Прежде всего, на протяжении ста лет как они были известны, эти памятники далекого прошлого не раскапывались. Процесс накопления данных по ним протекал таким образом, что сведения касались их внешнего облика. Вместе с тем отдельные исследователи пытались объяснить функциональное назначение городищ. Высказывания же Е.Р. Романова на сей счет наиболее верно относились к их глубинной сущности.

Возможности для исследования археологических памятников в Беларуси коренным образом изменились в послеоктябрьское время. Создание специального государственного учреждения — Археологической комиссии с последующим преобразованием ее в центральную научно-исследовательскую организацию — Секцию археологии при Институте истории АН БССР благоприятно способствовало планомерному и целенаправленному изучению памятников археологии в республике (Исаенко, 1987, с. 5–6).

С середины 20-х до конца 30-х годов XX столетия в пределах южной и юго-восточной Беларуси особенно плодотворно работали А.Н. Лявданский, С.А. Дубинский, А.Д. Коваленя, И.Х. Ющенко, В.П. Таранович, С.С. Шутов, А.О. Рынейский. Археологические и краеведческие экспедиции обследовали городища на Туровщине, Мозырщине и по бассейнам рек Случи, Птичи, Брагинки, Ствиги, Уборти и т. д. (Палікарповіч, 1928а, с. 263–264, 268–269; Дубінскі, 1928, с. 279; Ляўданскі, 1928, с. 56–61). В 1927 г. А.Д. Коваленя и С.С. Шутов осмотрели четыре городища на Туровщине близ деревень Хильчицы, Озераны (Бечи), Переров и в самом Турове. Они сняли планы поселений и описали их (Каваленя, 1930, с. 362–363, 373–374, мал. 6, 10–11). Позднее было установлено, что все они, кроме городища в Турове, относятся к раннему железному веку. В 1928 г. работа по выявлению памятников археологии на Мозырщине была проведена В.П. Тарановичем. Он собрал сведения о 14 городищах с точной привязкой их и подробным описанием (Тарановіч, 1928, с. 37–44). И.Х. Ющенко в 1929–1930 гг. обследовал речку Брагинку с притоками Несвичь и Лебедёвка. Им было выявлено 20 городищ и ряд селищ (Юшчанка, 1930, с. 513–515; он же, 1932, с. 241–242). А.О. Рынейский провел археологические разведки в 1930 г. по р. Птичь, где им были сняты планы и сделаны описания городищ Холопеничи и Радутичи (Рынейскі, 1932, с. 197–214). Комплексная экспедиция Белорусской академии наук, в которую входили А.Н. Лявданский, С.А. Дубинский и Д.А. Коваленя, в 1931 г. обследовала городище Щатково (Ляўданскі, 1932, с. 235). Отдельные сведения о древних укрепленных поселениях на интересующей нас территории в это время публиковали местные краеведы (Чайкоўскі, 1928, с. 45–46; Pietkiewicz, 1927, s. 249–250, rys. 165).

Нельзя не отметить, что в рассматриваемый период не только проводились поиски и учет археологических памятников, но и осуществлялись их раскопки. Так, осенью 1925 г., в 1926 и 1929 годах И.Х. Ющенко осуществил научные раскопки на Любенском городище с фиксацией материалов (Мельниковская, 1967, с. 6; Лашанкоў, 1993б, с. 22–41). В 1928 г. А.Н. Лявданский, С.А. Дубинский,

А.Д. Коваленя и И.И. Ритор провели раскопки на городищах Чечерск и Шепотовичи (Дубінскі, 1928, с. 280; Мельниковская, 1967, с. 6; Поболь, 1974, с. 198–205). А.Д. Коваленя и А.Н. Лявданский в 1936 году раскапывали городище Ворновка, где, по подсчетам Л.Д. Поболя, они вскрыли 220 кв. м памятника (Лявданский, Коваленя, 1936, д. 457; Поболь, 1974, с. 205–209). Как видим, в довоенное время полевые изыскания проведены на четырех укрепленных поселениях с милоградскими материалами на левобережье Днепра. Эти работы выполнены в северо-восточном ареале культуры. По сведениям С.А. Дубинского, в 1929 г. на укрепленном поселении около деревни Хильчицы, что в окрестностях Турова, группой в составе А.Н. Лявданского, С.А. Дубинского, Е.Р. Колодкина, Н.Н. Конвисарова и А.О. Рынейского «...зроблены раскопкі гарадзішча з лепленай і ганчарнай (славянскай) керамікай» (Дубінскі, 1930, с. 511).

Приходится сожалеть, что коллекции и полевая документация с указанных памятников после войны не сохранились.

Задача выявления и постановки на учет памятников археологии всех периодов являлась главной на протяжении всего довоенного времени. К 1939 году в Беларуси было учтено 864 городища, в число которых входили и около 40 памятников с материалами, как позже установлено, милоградской культуры (Палікарповіч, 1947, с. 66; Вергей, 1984, с. 13; Вергей, 1987, с. 51). Краткие отчеты о полевой работе, опубликованные С.А. Дубинским и А.Н. Лявданским, говорят о том, что наряду с обследованием на пяти вышеотмеченных городищах были проведены небольшие раскопки (Дубінскі, 1930, с. 510–513; Ляўданскі, 1932, с. 230–235). Все ранние городища А.Н. Лявданский разделил на три группы: с лепной штрихованной керамикой в Центральной Беларуси; с гладкостенной керамикой в верховьях Днепра и Угры и городища Южной Беларуси с материалами, аналогичными городищам Северной Украины (Лявданский, 1932, с. 55–58; Вергей, 1984, с. 14). Таковы итоги довоенного периода.

Раскопки городищ раннего железного века проведенные в послевоенные годы А.Г. Митрофановым позволили ему прийти к заключению о существовании самостоятельной культуры южнобелорусских городищ (Митрофанов, 1955, с. 9). Систематическое изучение археологических памятников I тысячелетия до н. э. на территории Восточной и Южной Беларуси было начато Славянской экспедицией Института археологии АН СССР в 1951 г. Благодаря целенаправленным работам П.Н. Третьякова, О.Н. Мельниковской, Ю.В. Кухаренко установлено, что ранние городища на юго-востоке республики содержат материалы двух археологических культур: милоградской и зарубинецкой (Третьяков, 1959, с. 119–153; он же, 1960, с. 43–48; Кухаренко, 1961; Мельниковская, 1963, с. 32–41).

Выделенная О.Н. Мельниковской милоградская культура была обоснована на большом материале, полученном в результате раскопок Славянской экспедицией городищ, селищ и могильников, расположенных в основном на правом, высоком, берегу Днепра. В обобщающем монографическом исследовании — «Племена Южной Беларуси в раннем железном веке» О.Н. Мельниковской, посвященном древностям милоградской культуры, рассмотрены территория распространения памятников, укрепленные и неукрепленные поселения с жилыми и хозяйственными сооружениями, могильники. Охарактеризован вещевой комплекс: орудия труда, вооружение, снаряжение коня, украшения и глиняные изделия (посуда, грузики-пряслица, фигурки животных, предметы бронзолитейного ремесла). Определены хозяйственно-культурный тип «милоградцев», их ремесленная деятельность, общественные отношения, верования и торгово-

культурные связи с синхронным населением сопредельных территорий. Установлены хронологические рамки культуры (со второй половины или конца VI в. до н. э. по I–II вв. н. э.) и рассмотрен вопрос этнической атрибуции ее носителей. Несмотря на ряд критических замечаний, высказанных В.В. Седовым, с которыми отчасти следует согласиться, работа О.Н. Мельниковской является важным вкладом в изучение древностей Верхнего Поднепровья середины и второй половины I тысячелетия до н. э. (Седов, 1970а, с. 265–272). Она не утратила своей значимости по настоящее время.

Вместе с тем памятники этой культуры, расположенные в Полесской низменности республики, хотя и не остались вне поля зрения археологов, но почти не раскапывались. В 1959 г. О.Н. Мельниковская вскрыла 35 кв. м на одном из таких поселений, что около деревни Борхов в Речицком районе Гомельской области (Мельниковская, 1967, с. 14–15). На недостаточную изученность так называемых «болотных» городищ обращал внимание и Б.А. Рыбаков: «Трудность исторического осмысления их заключается в почти полном отсутствии вещевого материала, что не позволяет датировать каждое отдельное городище…»; «К величайшему сожалению, проблема болотных городищ до сих пор не решена в надлежащем масштабе: нет общей сводной карты сопредельных с Белоруссией областей, не производились широкие раскопки этих своеобразных городищ почти без культурного слоя и никто из археологов не вскрыл своеобразные двойные валы — ограды с целью определения конструкции забора или стены поверх валов» (Рыбаков, 1987, с. 148, 150). Касаясь проблемы рассматриваемых небольших городищ среди болот, Б.А. Рыбаков почему-то не учел результаты полевых работ П.Н. Третьякова в начале 60-х годов на аналогичных памятниках Смоленщины (Третьяков, 1963, с. 37–39; он же, 1963г, с. 123–129), что привело его к некоторым неточностям в высказываниях.

Почти одновременно с исследованиями в Беларуси милоградских поселений и могильников группой московских археологов В.Н. Даниленко изучал памятники этой же культуры в Украинском Полесье (Даниленко, 1953, с. 197–208; он же, 1956, с. 5–16). В 1950 г. он раскапывал поселение около села Подгорцы, что южнее Киева (Археология…, 1986, с. 179). В ходе работ экспедиции «Великий Киев» памятники подгорцевского варианта этой же культуры в Киевском Поднепровье изучала Е.А. Петровская (Петровська, 1971, с. 9–22; она же, 1971а, с. 83–85; Ильинская, 1983, с. 280–281). В 1959–1964 г. новую группу милоградских поселений и могильников открыл И.К. Свешников в среднем течении р. Горынь (Свєшников, 1971, с. 68–81). В разное время подобные памятники были обнаружены на Волыни в пределах Житомирской, Хмельницкой и Ровенской областей (Ильинская, 1983, с. 288–290; Археология…, 1986, с. 179). В 1970 и 1972 годах М.П. Кучера обследовал самые южные городища милоградской культуры в Киевском Полесье (Кучера, 1976, с. 88–94). Они находятся в междуречье Припяти и Тетерева вблизи населенных пунктов Новая Красница, Бовище, Радинка, Развожев, Диброва. Все городища отнесены к типу болотных (Кучера, 1976, с. 91, 94; Ильинская, 1983, с. 281).

Большие работы в Полесской низменности проводил Ю.В. Кухаренко. Он обследовал ряд древнейших городищ: Большая Слива, Ясенец I и II, Дьяковичи, Моисеевка, Красная Горка, Холопеничи (Кухаренко, 1961, с. 54–55, 61, рис. 26; он же, 1965, с. 13–14). В 1953 году на площадке городища около деревни Моисеевка он вскрыл 60 кв. м при толще культурного слоя 0,3 м (Кухаренко, 1961, с. 61).

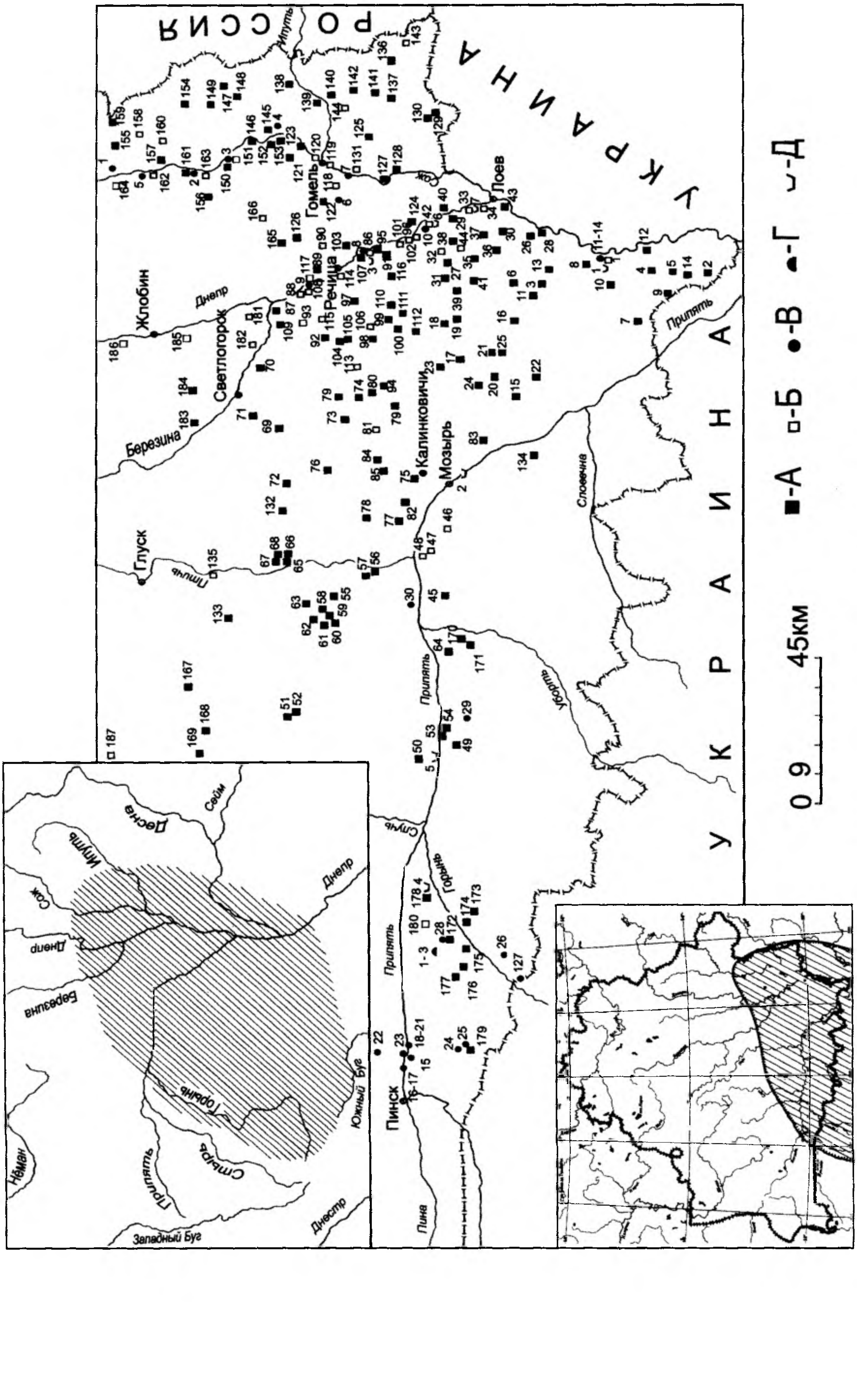

Рис. 2. Карта памятников милоградской культуры Беларуси
(А — городища, Б — исследованные городища, В — селища, Г — курганные могильники, Д — могильники бескурганные)

Рис. 1. Карта памятников милоградской культуры Беларуси
(А – городища, Б – исследованные городища, В – селища,
Г – курганные могильники, Д – грунтовые могильники).

А, Б – городища: Брагинский р-н: 1 – Асаревичи, 2 - Гдень, 3 – Городище, 4 – Капоринка, 5 – Колыбань, 6 – Команов, 7 – Кулажин, 8 – Новая Гребля, 9 – Посудово, 10 – Савичи, 11 – Селец, 12 – Старая Иолча, 13 – Старый Мокрец, 14 – Чикаловичи; Хойникский р-н: 15 – Борисовщина, 16 – Велетин, 17 – Великий Бор, 18 – Дубровица-1, 19 – Дубровица-2, 20 – Кливы, 21 – Небытов, 22 – Новосёлки, 23 – Осов, 24 – Хвойное, 25 – Хойники-Будавник; Лоевский р-н: 26 – Бывальки, 27 – Волкошанка, 28 – Городок (Бывальковский с/с), 29 – Городок (Переделковский с/с), 30 – Колпень, 31 – Лесуны, 32 – Липняки, 33 – Моховское-1, 34 – Моховское-2, 35 – Новая Борщёвка, 36 – Островы, 37 – Пустая Гряда, 38 – Райск, 39 – Рудня Бурицкая, 40 – Рудня Каменева, 41 – Удалёвка, 42 – Чаплин, 43 – Щитцы, 44 – Ястребка; Мозырский р-н: 45 – Глинница, 46 – Моисеевка, 47 – Ясенец-1, 48 – Ясенец-2; Житковичский р-н: 49 – Бечи, 50 – Борки, 51 – Буда-1, 52 – Буда-2, 53 – Переров-1, 54 – Переров-2; Петриковский р-н: 55 – Ванюжичи, 56 – Ивашковичи-1, 57 – Ивашковичи-2, 58 – Новосёлки-1, 59 – Новосёлки-2, 60 – Новосёлки-3, 61 – Новосёлки-4, 62 – Новосёлки 5, 63 – Пилиповичи (Филипповичи), 64 – Снядин, 65 – Хвойное 1, 66 – Хвойное 2, 67 – Хвойное-3, 68 – Хвойное 4; Светлогорский р-н: 69 – Давыдовка, 70 – Затон, 71 – Россава; Калинковичский р-н: 72 – Виша, 73 – Гоголево, 74 – Золотуха, 75 – Калинковичи, 76 – Козловичи, 77 – Клинск, 78 – Кротов, 79 – Луки, 80 – Новинки, 81 – Носовичи, 82 – Рудня Антоновская, 83 – Юровичи, 84 – Юшки 1, 85 – Юшки 2; Речицкий р-н: 86 – Горошков, 87 – Горваль, 88 – Глыбов, 89 – Гиров, 90 – Борхов, 91 – Брегидов, 92 – Будка-Шибенка, 93 – Володарск (Балашевка), 94 – Василевичи, 95 – Заспа, 96 – Заужель, 97 – Козье, 98 – Красная Дуброва, 99 – Короватичи-1, 100 – Короватичи-2, 101 – Колочинское-1, 102 – Колочинское-2, 103 – Копань, 104 – Крынки-1, 105 – Крынки-2, 106 – Лиски, 107 – Луначарск, 108 – Милоград, 109 – Октябрь, 110 – Переволока-1, 111 – Переволока-2, 112 – Первомайск, 113 – Рассвет, 114 – Речица, 115 – Старое Красное, 116 – Храбрый, 117 – Чёрное; Гомельский р-н: 118 – Уза, 119 – Гомель, 120 – Любны, 121 – Поколюбичи-1, 122 – Прибор, 123 – Прудок, 124 – Рудня Маримонова, 125 – Рудня Прибытковская, 126 – Рудня Телешовская, 127 – Скиток, 128 – Новые Терешковичи, 129 – Черетяка-1, 130 – Черетяка-2, 131 – Чонки; Октябрьский р-н: 132 – Волосовичи, 133 – Лясковичи; Наровлянский р-н: 134 – Заракитное; Глусский р-н: 135 – Холопеничи; Добрушский р-н: 136 – Васильевка, 137 – Уть, 138 – Вылёво, 139 – Добруш-1, 140 – Добруш-2, 141 – Иваки, 142 – Крупец, 143 – Ленино (Лукьяновка), 144 – Подгорье; Ветковский р-н: 145 – Старое Село, 146 – Новосёлки, 147 – Новоивановка, 148 – Новые Громыки, 149 – Железняки, 150 – Присно-1, 151 – Присно-2, 152 – Хальч-1, 153 – Хальч-2, 154 – Светиловичи; Чечерский р-н: 157 – Залесье, 158 – Покоть, 159 – Полесье, 160 – Нисимковичи, 161 – Себровичи, 162 – Чечерск, 163 – Шепотовичи; Кормянский р-н: 155 – Волосовичи, 156 – Дудичи, 164 – Ворновка; Буда-Кошелёвский р-н: 165 – Ивольск, 166 – Уваровичи; Любанский р-н: 167 – Заельное, 168 – Засмучье, 169 – Обчин (Броды); Лельчицкий р-н: 170 – Рудня Убортская 1, 171 – Рудня Убортская-2; Столинский р-н: 172 – Бор Дубенецкий, 173 – Хотомель-1, 174 – Хотомель-2, 175– Белоуша, 176 – Юнищи-1, 177 – Юнищи-2, 178 – Туры, 179 – Нечатово, 180 – Хоромск; Жлобинский р-н: 181 – Городок, 182 – Отрубы, 183 – Замен-Рынне, 184 – Коротковичи, 185 – Проскурни, 186 – Красная Горка; Слуцкий р-н: 187 – Ивань.

В – селища: Чечерский р-н: 1 – Верхи, 5 – Ипполитовка; Ветковский р-н: 2 – Себровичи, 3 – Присно, 4 – Ветка; Гомельский р-н: 6 – Макеевка, 7 – Никольск; Речицкий р-н: 8 – Горошков, 9 – Милоград; Лоевский р-н: 10 – Чаплин; Брагинский р-н: 11 – 14 – Асаревичи; Пинский р-н: 15 – Лемешевичи, 16 – 17 – Теребень, 18 – 21 – Курадово, 22 – Сошно, 23 – Кривичи; Столинский р-н: 24 – Федоры, 25 – Нечатово, 26 – Струга, 28 – Бор Дубенецкий; Житковичский р-н: 29 – Хильчицы, Петриковский р-н: 30 – Белка.

Г – могильники курганные: Столинский р-н: 1 – 3 Дубой;

Д – могильники бескурганные: Брагинский р-н: 1 – Асаревичи; Мозырский р-н: 2 – Боровики; Речицкий р-н: 3 – Горошков; Столинский р-н: 4 – Давыд Городок (Левановщина); Житковичский р-н: 5 – Погост; Лоевский р-н: 6 – Чаплин, 7 – Мохов-1.

Кроме того, в Западном Полесье он раскопал 13 курганов милоградской культуры в могильнике около дер. Дубой Столинского района Брестской области (Кухаренко, 1961, с. 11–12, 21, 22, 24, рис. 10, 6: 11: 12, табл. 1–4). В 1961 году В.В. Седов в восточной части Белорусского Полесья обследовал два городища около дер. Переров Житковичского района (Седов, 1961, л. 115; Седов, 1965, с. 278). Л.Д. Поболь в 1961–1964 гг. провел разведки на Туровщине ряда памятников раннего железного века. Им были осмотрены городища около деревень Бечи, Борки, Переров, Переровский Млынок, Знаменка и Хильчицы (Поболь, 1969, с. 7–8, 19–21, 26–27, 71–72; он же, 1974, с. 161–164, 166). Вышедшая в 1971 г. «Археологическая карта Белоруссии», составленная Г.В. Штыховым, содержала наиболее полный перечень известных к тому времени городищ на изучаемой территории (Штыхов, 1971). В середине 70-х — начале 80-х годов прошлого века вышли из печати два свода памятников железного века Беларуси Л.Д. Поболя (Поболь, 1974; он же, 1983).

Во второй половине 1970-х годов белорусские археологи провели сплошное обследование археологических памятников на территории республики в связи с созданием «Свода памятников истории и культуры Беларуси». В процессе работы над «Сводом...» в каждом районе были учтены и осмотрены уже известные памятники археологии и в ряде случаев выявлены новые городища, селища, могильники, в числе которых и поселения с милоградскими материалами на изучаемой нами территории: Ястребка (рис. 2: 2), Новая Борщевка (рис. 6: 1) в Лоевском и Козье (рис. 3: 1), Крынки (рис. 4: 4), Красная Дуброва (рис. 4: 2), Лиски (рис. 6: 2), Рассвет (рис. 2: 4) в Речицком районах (Соболь, 1976, с. 426–427; Коробушкина, 1977, с. 408; Штыхов, 1977, с. 420; Лошенков, 1978, с. 419; он же, 1983, с. 357).

Начиная со второй половины 70-х годов археологи Беларуси приступили к раскопкам городищ раннего железного века, расположенных на юге республики. Так, в 1976 г. М.Ф. Гурин исследовал городище Липняки (рис. 2: 1) в Лоевском районе Гомельской области (Гурин, 1977, с. 402–403). Затем в междуречье Днепра и нижнего течения Припяти автор данной работы с 1977 по 1983 г. раскапывал следующие укрепленные поселения: Липняки, Ястребка (рис. 2: 2) в Лоевском, Старое Красное (рис. 3: 3), Рассвет (рис. 2: 4) и Лиски (рис. 6: 2) в Речицком районе Гомельской области (Лошенков, 1978, с. 419; он же, 1979, с. 441–442; он же, 1980, с. 366; он же, 1981, с. 341–342; он же, 1983, с. 357–358; он же, 1984, с. 365; он же, 1985, с. 400–401). В северной части Полесской низменности А.А. Егорейченко вскрыл на городище Холопеничи 246 кв. м в Глусском районе Могилевской области, а на Иваньском — более 820 кв. м в Слуцком районе Минской области (Егорейченко, 1978, с. 413; он же, 1979, с. 433; он же, 1980а, с. 360; он же, 1983а, с. 347; он же, 1984, с. 353; он же, 1985, с. 387–388). На правобережье Припяти в 1978–1983 гг. милоградские памятники изучал Г.М. Залашко (Дубицкая 1979, с. 432; Залашко, 1983, с. 348–349). В Мозырском районе Гомельской области он шурфовал Моисеевское городище, а на первом Ясенецком раскопал 530 кв. м, на втором — 148 кв. м (Залашко, 1980, с. 361; он же, 1981, с. 334–335; он же, 1984а, с. 354–355; он же, 1985, с. 389–390). В междуречье Березины и Днепра, в Жлобинском районе Гомельской области, Н.Н. Дубицкая вскрыла на городище около деревни Отрубы 360 кв. м (рис. 6: 3), на укрепленном поселении Красная Горка — 48 кв. м, а около деревни Городок, в урочище Тарелка, — 16 кв. м (Дубицкая, 1985, с. 385–386; она же, 2003, с. 60; она же, 2005, с. 80; она же, 2005а, с. 54). На левобережье Днепра,

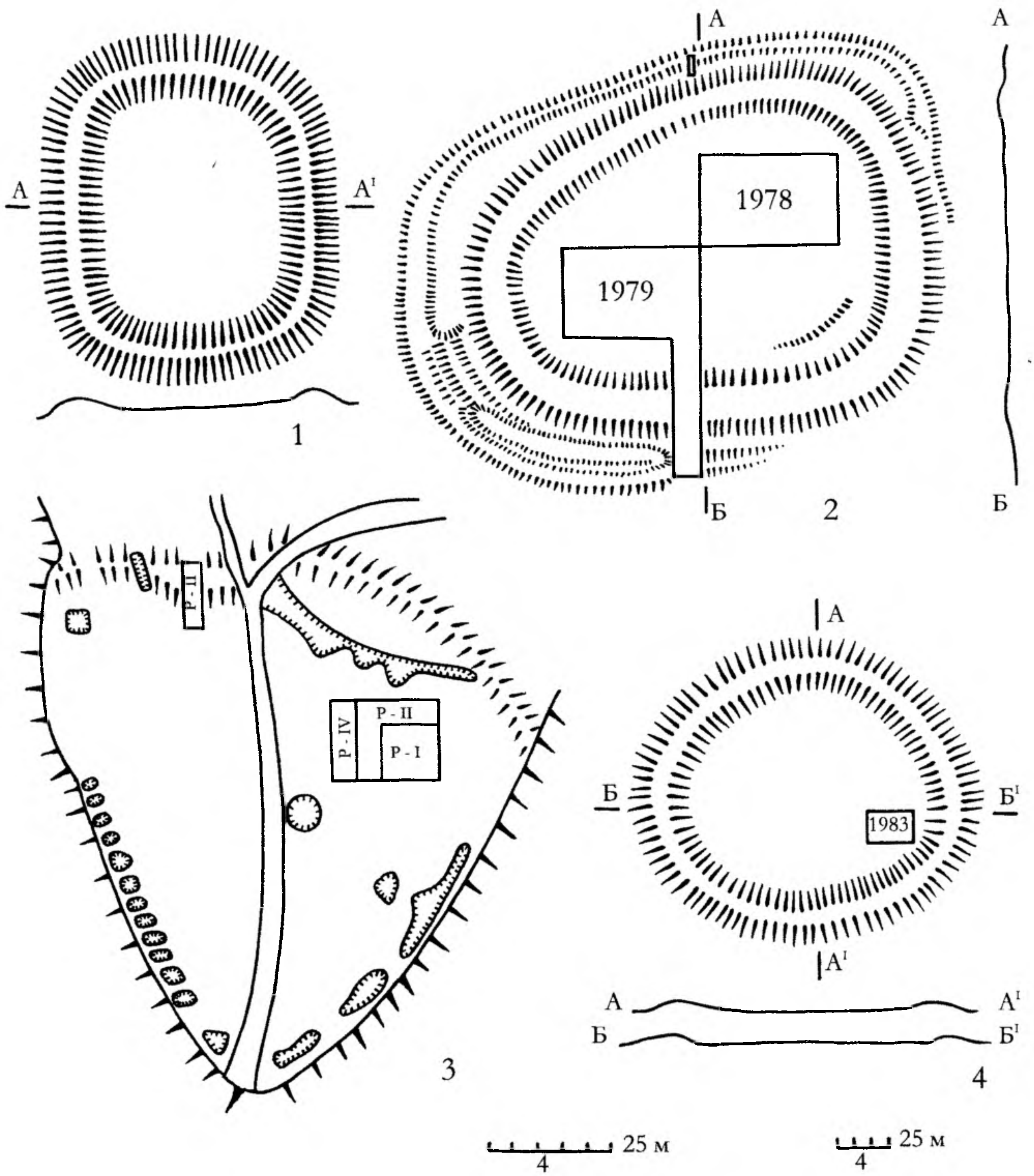

Рис. 2. Планы исследованых милоградских городищ
(1 — Липняки, 2 — Ястребка, 3 — Любны, 4 — Рассвет)

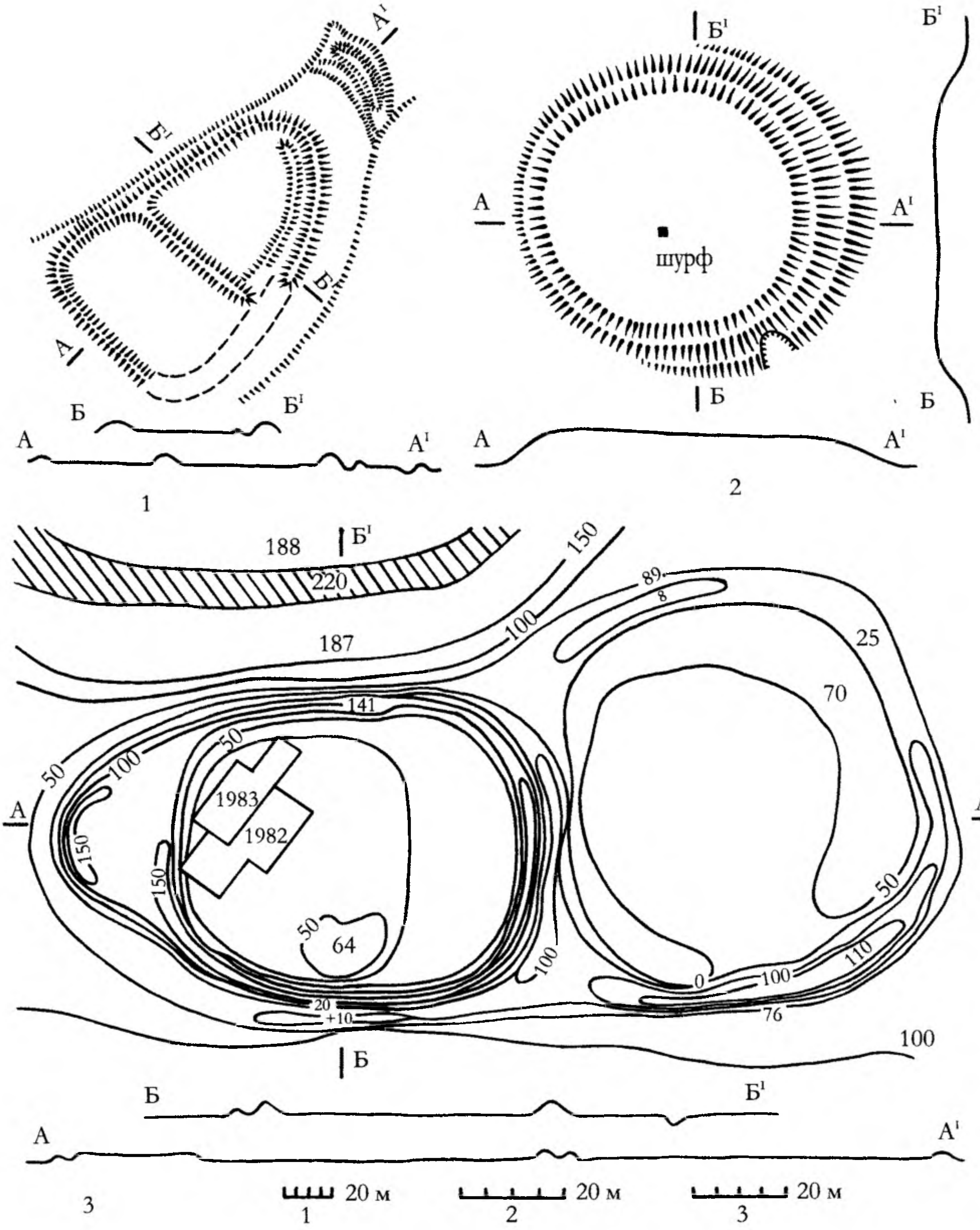

Рис. 3. Планы городищ Восточного Полесья
(1 — Козье, 2 — Гдень, 3 — Старое Красное)

в Нижнем Посожье, в течение трех полевых сезонов — 1976–1978 гг. — В.И. Сычев исследовал на Любенском городище 289,5 кв. м (рис. 2: 3) (Сычев, 1976, д. 544; он же, 1977, д. 561; 1978, д. 657; Лашанкоў, 1993б, с. 22–41). А.И. Дробушевский на городище Шепотовичи — 54 кв. м в 1979 г. (Дробушевский, 1982, д. 784, 784а; он же, 1995, с. 33–51). В междуречье Днепра и Сожа на городище Уваровичи А.И. Дробушевский изучил 640 кв. м в 1988–1993 годах (рис. 9: 1). С 1980 г. С.Е. Рассадин приступил к изучению городищ раннего железного века в Посожье (Рассадин, 1981, с. 343–344; Рассадзін, 1982, с. 40–41; Рассадин, 1983, с. 12–14; он же, 1984, с. 367–369). В Нижнем Посожье среди милоградских поселений есть и расположенные на низменности. С.Е. Рассадин установил, что городища «болотного типа» в Посожье отличаются от полесских значительно более мощным культурным слоем (до 1 м), который обильно насыщен материалами милоградской и зарубинецкой культур (Рассадин, 1983, с. 13). На пяти памятниках: Присно II (1981), Нисимковичи (1982), Подгорье (1982, 1983), Ленино (1983), Уза (1987) — он вскрыл 834 кв. м их площади.

В Посожье помимо раскопок С.Е. Рассадина изучалось еще одно городище — Чечерск. Его раскапывали спорадически три археолога: М.А. Ткачев (1974, 1975), В.В. Богомольников (1981), И.М. Чернявский (1981, 1982). Суммарно вскрытая площадь составляет 579 кв. м (Богомольников, 1983, с. 340–341; Ткачев, 1976, с. 427–428; Чернявский, 1983, с. 363–364; он же, 1984, с. 375). Отложения милоградского и зарубинецкого населения небольшой толщины выявлены в предматериковом горизонте культурного слоя при общей мощности его около двух метров.

Таким образом, на левом берегу Днепра, в Посожье, раскопки проведены на девяти городищах с отложениями населения милоградской культуры. Усилиями В.И. Сычева, А.И. Дробушевского, С.Е. Рассадина, М.А. Ткачева, В.В. Богомольникова и И.М. Чернявского суммарно вскрытая площадь на них составила 2396 кв. м. К сожалению, до начала XXI века опубликованы материалы только двух памятников: Любны и Шепотовичи.

В результате ряда целенаправленных исследований на городищах этой же культуры в регионе Полесья суммарно раскопанная площадь составила около 8 тыс. кв. м, из них автором было вскрыто примерно 5500 кв. м. Получен материал, который позволяет расширить наши знания об укреплениях поселений, жилищах, хозяйстве, домашних ремеслах, материальной культуре милоградских племен, проживавших на Полесской низменности Беларуси и в Посожье на левобережье Днепра.

Во второй половине 70-х — конце 90-х годов XX столетия черниговские археологи выявили и исследовали с богатыми материалами поселения и курганные могиль-ники населения милоградской культуры в северо-западных районах области (Новые раскопки на Черниговщине, 1978, с. 402; Шекун, 1981, с. 321; он же, 1983, с. 333; он же, 1984, с. 342; он же, 1995, с. 152–158; Жаров, 1993, с. 29–30; Дослідження..., 2002, с. 118–120). Благодаря работам коллег из Украины можно более точно определить юго-восточную границу изучаемой культуры (Жаров, 1991, с. 19–22; Жаров, 1995, с. 45–50). В 1985 году Сармато-славянская экспедиция Госэрмитажа под руководством М.Б. Щукина провела раскопки на городище Горщина II, которое расположено на коренном берегу речки Тетева (правый приток р. Снов) около села Мощёнка в Городнянском районе Черниговской области. В Киевском Поднепровье работы проводились на многослойных поселениях Кощиевка и грунтовом могильнике Малополовецкий III (Гаскевич, 1998, с. 69–73). С 1993 по 2003 год на Малополовецком могильнике С.Д. Лысенко

вскрыл 131 погребение, в числе которых 7 оставлены населением подгорцевского варианта изучаемой культуры (Лысенко, 2005, с. 320–327).

Обзор литературы по исследованиям укрепленных поселений «милоградцев» в Беларуси позволяет автору выделить пять периодов в их изучении.

Первый — начиная с 20-х годов XIX в. до середины 20-х годов XX в. Он характеризуется накоплением сведений по отдельным городищам и их группам. Исследователи пытались объяснить функциональное назначение этой категории археологических памятников.

Второй — довоенный, с середины 20-х до конца 30-х годов XX в. В это время главной задачей было выявление и постановка на учет всех памятников археологии в республике. Описывались топография поселений, их укрепления, уточнялись формы и размеры, снимались планы, шурфовались площадки и собирался подъемный материал. За одиннадцать лет (1925–1936 гг.) проведены раскопки на пяти городищах: Ворновка, Любны, Хильчицы, Чечерск и Шепотовичи.

Третий период, с 1950 по 1975 год, являет собой качественно новый этап в изучении древностей раннего железного века по хорошо разработанной методике раскопок. Изыскания на памятниках осуществлялись большими площадями. Полевые исследования были сконцентрированы в основном в Приднепровском регионе. Благодаря работам московских археологов П.Н. Третьякова, О.Н. Мельниковской и Ю.В. Кухаренко выделена милоградская общность древнего населения. Материалы раскопок быстро обрабатывались и посредством публикаций вводились в научный оборот. Именно на этом этапе лучшим образом были изучены городища. На 13 памятниках (Асаревичи, Борхов, Горошков, Глыбов, Зборов, Кистени, Колочин II, Милоград, Мойсеевичи, Мохов I, II, Чаплин, Чечерск) вскрыто 10 570 кв. м. Затем — могильники: на трех грунтовых (Горошков, Мохов I, Чаплин) — 107 погребений и три одиночных погребения (Боровики, Отвержичи, Погост); 13 курганов в Дубойском. Селища исследованы слабее: на четырех (Горошков, Милоград, Кистени, Чаплин) — 1792 кв. м.

Четвертый — дочернобыльский, 1976–1986 гг. В это десятилетие полевые работы проводили археологи Беларуси в Полесском регионе. Раскопки в Полесье осуществлялись в связи с выполнением плановой темы Совета Министров БССР «Археологические памятники Полесья в зонах гидротехнического строительства» (распоряжение СМ БССР № 236 от 21 апреля 1977 г.). На десяти городищах (Ивань, Липняки, Лиски, Рассвет, Старое Красное, Холопеничи, Хоромск — «Бесова Гора», Ястребка, Ясенец I и II) исследователями вскрыто 7685 кв. м. На памятниках Приднепровья работы почти не проводились. В Посожье на семи городищах: Ленино, Любны (рис. 2: 3), Нисимковичи (рис. 8: 1), Присно II, Подгорье (рис. 8: 2), Чечерск и Шепотовичи — исследовано 1433 кв. м. За рассматриваемый период в трех регионах только на укрепленных поселениях изучено 9 158 кв. м. А на четырех селищах в Полесье (Лемешевичи, Липняки, Мойсеевичи, Хильчицы) — 1380 кв. м. В 1981 г. Г.М. Залашко раскапывал два могильника: грунтовый в Давид-Городке (Левановщина) и два кургана в Дубойском.

Пятый период — послечернобыльский, охватывает более 20 лет (22 года). В связи с катастрофой на ЧАЭС территория проживания «милоградцев» оказалась зараженной радионуклидами. Поэтому научные раскопки в зоне радиоактивного излучения были полностью остановлены. Выборочно их начали проводить в местах, прилегающих к радиоактивной территории. Так, С.Е. Рассадин в 1987 г. провел раскопки

на городище Уза (рис. 7: Б) под Гомелем. А.И. Дробушевский — на аналогичном поселении в междуречье Сожа и Днепра — Уваровичи — в 1988–1993 годах (рис. 9: 1). А.А. Егорейченко в 1989–1991 гг. продолжал работы на городище Ивань, в северной части Центрального Полесья. В Приднепровском регионе раскопки проведены на трех памятниках. Н.Н. Дубицкая исследовала в 1997, 2000–2006 гг. городище Отрубы (рис. 6: 3) в нижнем течении Березины и городище Красная Горка выше по течению в 2004, 2006 и 2007 годах. Автор провел раскопки на городище Чёрное (рис. 9: 2), что на левобережье Днепра, в 2003 и 2004 году. А.И. Дробушевский в 1998 году осуществил работы на городище Зборов, на левом берегу Днепра, чуть выше Рогачёва, а А.И. Штеменко продолжил их в 2000 г. В послечернобыльское время на семи вышеотмеченных укрепленных поселениях изучено 1628 кв. м. Целенаправленные работы на селищах не проводились. На курганном могильнике Дубой в 1989 г. С.Е. Рассадин раскопал четыре насыпи. Таковы краткие итоги хода полевых работ за последние 20 лет.

Отмеченные пять периодов в истории изучения милоградских памятников в Беларуси имеют, как видим, разную продолжительность и обусловлены интенсивностью полевых работ. Автором они выделены субъективно.

Историографический аспект

Вначале нельзя не отметить разработки тех исследователей, которые находились у истоков открытия милоградской культуры, — П.Н. Третьякова, Ю.В. Кухаренко, О.Н. Мельниковской.

Вклад П.Н. Третьякова в разработку милоградских древностей весьма весом, хотя бы потому, что он стоял у истоков этого научного направления в исследованиях раннеславянской проблематики (Третьяков, 1948, с. 30, рис. 3; он же, 1953, с. 55, 62, 88, 90, рис. 8, 9). Рассматривая занятия и материальную культуру населения юхновских городищ бассейна Десны, он лишь упоминает о проведенных раскопках О.Н. Мельниковской в 1952 году на Горошковском городище, послуживших началом изучения древностей милоградского населения на территории Беларуси (Третьяков, 1953, с. 88). В коллекциях находок с Чаплинского и второго Моховского городищ он выделил материалы милоградского населения — посуду, грузики-пряслица, полуземляночное жилище, железные ножи с горбатой спинкой, глиняные фигурки животных и украшения: браслеты, булавки, бусы (Третьяков, 1959, с. 119–153; он же, 1960а, с. 43–48). В последующих публикациях этот исследователь касался попутно вопросов территории распространения милоградских памятников; времени начала функционирования (VII–VI вв. до н. э.) и прекращения жизни на поселениях (последние века до нашей эры); в проблеме генетических связей «милоградцев» с «зарубинцами» он пришел к заключению о том, «что зарубинецкая культура не сложилась, а распространилась в среде милоградского населения...» (Третьяков, 1948, с. 29–33, рис. 3; он же, 1959, с. 151–152; он же, 1960а, с. 38–39, 40; он же, 1970, с. 28, 31–32, рис. 3, 4). Нельзя согласиться с мнением П.Н. Третьякова, что на памятниках Гомельского Поднепровья «зарубинецкая культура была усвоена местным милоградским населением» (Третьяков, 1960а, с. 40). Более мощные отложения культурного слоя пришлых «зарубинцев» на городищах Городок (Бывальковский с/с), Чаплин в Приднепровье, а равно как и на аналогичных поселениях Нижнего Посожья, говорят скорее об обратном — не усвоении, а поглощении милоградских автохтонов зарубинецким населением. В то же время на исследованных городищах Восточнополесской низменности зарубинецкого слоя нет, и «милоградцам» нечего было усваивать, тогда как жизнь на

этих поселениях прекращается в конце III — начале II в. до н. э.

В обзоре культур раннего железного века Верхнего Поднепровья П.Н. Третьяков в конспективной форме характеризует милоградские племена, отмечая их своеобразие в поселенческой структуре, жилищах, культурно-бытовых традициях (Третьяков, 1966, с. 177–184). Он заострял внимание на том, что орудия труда, оружие и украшения у этого населения «...несут на себе следы влияния скифской и латенской культур» (Третьяков, 1966, с. 180). Специфические формы милоградской посуды он объяснял особой культурно-бытовой традицией. Основываясь на материалах могильников Придепровья (Асаревичи, Горошков, Мохов I, Чаплин), он показал погребальную обрядность данного населения только через сожжение. Выделяя отличительные особенности милоградских племен среди аналогичных группировок Верхнего Поднепровья, исследователь пришел к мысли, что данному населению присущ и своеобразный этнос. В середине 60-х годов XX века, касаясь этнической атрибуции «милоградцев», П.Н. Третьяков констатировал две версии: свою по которой считал их древнейшими восточными славянами, и Ю.В. Кухаренко — древними балтами (Третьяков, 1948, с. 32; Кухаренко, 1965, с. 15). Сам же он воздержался от окончательного вывода: «По-видимому, это были племена индоевропейские, родственные балтам, но, возможно, родственные и славянам» (Третьяков, 1966, с. 187). Не изменилось его мнение и в начале 70-х годов: «...вопрос об отношении “милоградцев” к древним балтам является пока что дискуссионным» (Третьяков, 1970, с. 32). А вот уже в начале 80-х годов, в последней своей книге, он примкнул к сторонникам балтской принадлежности милоградского населения (Третьяков, 1982, с. 52).

Ю.В. Кухаренко начал изучение милоградских древностей в 1952 году с раскопок на городище Милоград. На этом памятнике до него раскопок никто не проводил. Он вскрыл на центральной части площадки 100 кв. м. В последующем этот исследователь осуществлял полевые изыскания не в Приднепровье, а в Полесском регионе. Здесь он обследовал ряд памятников и картографировал их (Кухаренко, 1961, с. 11, рис. 6). На городище Моисеевка раскопал 60 кв. м. Опубликовал керамику с городища Хильчицы (Кухаренко, 1961, с. 12, табл. I: 11–15). В нижнем течении реки Горынь в 1955 и 1956 году изучил 13 курганов милоградского населения (Кухаренко, 1961, с. 21, 22, 24, рис. 10: V, VI; 11; 12). Впервые он детально зафиксировал у «милоградцев» обряд трупоположения в курганных насыпях с богатым и выразительным инвентарем. Свои взгляды на милоградские древности Полесья Ю.В. Кухаренко изложил в концентрированном виде в «Своде археологических источников». Рассматривая материалы Дубойского могильника, он обратил внимание на подобие форм глиняных сосудов, как и других вещей, с аналогичными у населения лужицкой, высоцкой культур и племен скифской архаики. Это, по его мнению, указывало на связи с югом и юго-западом (Кухаренко, 1961, с. 11). Курганный могильник в Дубое исследователь продатировал VI — началом V в. до н. э. (Кухаренко, 1961, с. 11; он же, 1965, с. 14). Особую значимость Дубойского могильника он подчеркивал, сравнивая его с таковыми на Житомирщине и в верховьях Южного Буга у села Куриловка, а также с бескурганным могильником у села Корост. Исследованиями в 50–60-е годы XX века на милоградских памятниках в пределах Полесской низменности Беларуси и Украины Ю.В. Кухаренко обозначил северо-западное пограничье их, определил раннее время населения Дубойского микрорегиона (VI–V вв. до н. э.), отметил тесную связь его с племенами юго-западных территорий. По сути, на материалах могильников он выделил западнополесский локальный

вариант в милоградской культуре, который в 90-е годы дополнила В.С. Вергей материалами поселений (Вергей, 1994, с. 133–151; она же, 1995, с. 83–100). В Погорынье милоградское население проживало до прихода с запада в III в. до н. э. поморских племен, а в восточном регионе — дольше — до появления «зарубинцев» в начале II в. до н. э. Видя локальные различия у трех изученных групп милоградского населения: подгорцевской, верхнеднепровской и полесской, — он констатировал, тем не менее, что в культурно-историческом отношении они составляют единое целое (Кухаренко, 1961, с. 12). По мнению исследователя, население милоградской культуры следует связывать с древними балтскими племенами (Кухаренко, 1965, с. 15).

О.Н. Мельниковская приступила к раскопкам милоградских памятников в Гомельском Приднепровье в 1952 г. вскрыв на городище Горошков 200 кв. м. До середины 50-х годов XX века она исследовала шесть укрепленных поселений: Асаревичи, Глыбов, Горошков, Колочин II, Милоград, Мохов I. Полученные коллекции археологических материалов отражали, как пишет исследовательница, «своеобразие и устойчивость целого комплекса культурных явлений на довольно обширной территории...» (Мельниковская, 1957, с. 29). Именно они позволили выделить (во второй половине 50-х годов. — *М. Л.*) южнобелорусскую группу памятников в особую археологическую культуру — милоградскую (Мельниковская, 1957, с. 29; она же, 1957а, с. 46). Осуществив огромные полевые работы на городищах, селищах и могильниках в Приднепровском регионе, она обобщила их вместе с результатами других исследователей в монографии «Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке», которая вышла из печати в 1967 году. В этом исследовании подведен итог раскопкам за 15 лет и на большом материале показана милоградская культура в полном объеме. По сути, она раскрыла особый этап в жизни первобытных племен, проживавших на юге и юго-востоке Беларуси в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. Исследовательница не просто выделила новую древнюю общность — «милоградцев», но и определила территорю их проживания, время — с VI в. до н. э. по I в. н. э., реконструировала жилища и обряд погребения. Подробно характеризуя материальную культуру населения, она отметила, во-первых, самобытность орудий труда, украшений, посуды и других изделий, а во-вторых — более высокий уровень общего развития по сравнению с племенами северных территорий лесной полосы. Такой уровень был обусловлен использованием в повседневной жизни железных изделий в столь раннее время. Установила, что «милоградцы» проживали на обширной территории не изолированно, а поддерживали на протяжении длительного времени тесные внешние торгово-экономические и культурные связи с племенами Лесостепи на юге и населением юго-западных территорий — Южного Буга и Приднестровья. В то же время их связи с северными и восточными соседями лесной полосы — «штриховиками», «днепро-двинцами», «юхновцами» — прослеживаются крайне слабо, и, по ее мнению, они не оказывали «...никакого значения на формирование и развитие милоградской культуры в целом» (Мельниковская, 1967, с. 155). В силу имеющихся коллекций ею фундаментально охарактеризован хозяйственно-культурный комплекс и занятия милоградского населения, а сделанные выводы не утратили своего значения и по настоящее время. В историческом отношении милоградское население она отождествляет с неврами Геродота, аргументированно доказывая свою точку зрения (Мельниковская, 1967, с. 169–176). Резюмируя взгляды разных исследователей на этническую принадлежность «милоградцев»,

О.Н. Мельниковская приходит к заключению, «...что если в нашем распоряжении нет решающих данных о принадлежности этих племен древнейшим предкам восточнославянских народов, то и те данные, на основании которых их сопоставляют с древними балтийскими племенами, пока недостаточно убедительны» (Мельниковская, 1967, с. 185).

Автор книги весьма обстоятельно показывает изучение милоградских памятников на территории Беларуси и Украины начиная с последних десятилетий XIX в. и заканчивая началом 60-х годов XX в. (Мельниковская, 1967, с. 5–16). При этом она обращает внимание на качественный уровень полевых работ довоенного времени и послевоенного.

В.Е. Еременко историю изучения милоградской культуры разделил на три этапа. Первый — с конца XIX в. по начало 50-х годов XX в. Начальный период связан с накоплением материалов и оценкой их А.Н. Лявданским, отметившим различие в керамике северобелорусских памятников и городищ Нижнего Посожья. Второй — с 50-х по начало 60-х годов. Этот этап обусловлен работами Славянской экспедиции Института археологии АН СССР, позволившими создать базу для обоснования и выделения ранее неизвестных древностей в милоградскую культуру. Третий начался после выхода обобщающей книги О.Н. Мельниковской в 1967 году и продолжался, судя по публикации, до конца 80-х годов (Еременко, 1989, с 76–77).

В истории изучения археологических памятников раннего железного века центральной части Белорусского Полесья А.А. Егорейченко выделил и рассматривает три этапа: 1) 20–30-е гг.; 2) 50–60-е гг.; 3) 70–80-е годы (Егорейченко, 1996, с. 4–8). В данном случае речь идет об укрепленных поселениях, на которых в разное время проживало население трех древних общностей: милоградской культуры, зарубинецкой и штрихованной керамики, — четко расчленить материалы которых, даже на исследованном поселении, не всегда возможно. Именно поэтому их культурная принадлежность иногда является не бесспорной.

С.Е. Рассадин довольно критично оценивает историю исследований милоградских древностей на огромной территории проживания данного этноса, включая и обширные пространства Северо-Западной Украины. Он выделяет «...пять периодов: 1873–1912 гг., 1924–37, 1947–67, 1967 — конец 80-х и, наконец, текущий» (Рассадин, 2005, с. 3–10). Здесь им впервые дается оценка изучению милоградско-подгорцевских памятников в Украине за продолжительное время. Он намеренно увязывает в органическом единстве разработки коллег Беларуси, Украины и России, что следует признать новаторством.

В связи с вышеизложенным замечу, что, во-первых, выделенные исследователями периоды в истории изучения древностей населения милоградской культуры имеют разную продолжительность. А во-вторых, они отражают и разные подходы в оценках как полевых, так и исследовательских разработок, не лишенных иногда региональности. При всех расхождениях мнений по данному вопросу они, тем не менее, наглядно и значимо показывают важные этапы в изучении рассматриваемой культуры за 50 лет, с момента ее открытия.

Раскопки археологических памятников милоградского населения на территории Беларуси во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов прошлого века позволили накопить новые материалы с ранее не изученных территорий. В указанное время не только накапливался источниковедческий материал по так называемым «болотным» городищам, но авторы раскопок приступили одновременно к его осмыслению. Появление

новых источников создало надежную базу для оценки исторической ситуации на юго-востоке и юге республики с VII по начало II в. до н. э. Обработка новых археологических данных и оценка коллекций не замедлили сказаться на появлении публикаций. Значительное их количество носит информационный характер, так как в них отражены результаты раскопок памятников (Богомольников, 1983, с. 340–341; Вергей, 1983, с. 343–344; Гурин, 1977, с. 402–403; он же, 1995, с 16–20; он же, 1984, с. 67–73; Дробушевский, 1984, с. 351; он же, 1986, с. 340–341; он же, 2009, с. 161; Дубицкая, 1979, с. 432; она же, 1983, с. 346; она же, 1985, с. 385–386; она же, 2003, с. 60–74; она же, 2004а, с. 281; она же, 2005, с. 80–89; она же, 2005а, с. 54–59; она же, 2006, с. 50–57; она же, 2008, с. 194–204; она же, 2009, с. 162–168; Егорейченко, 1978, с. 413; он же 1979, с. 433–434; он же, 1980а, с. 360; он же, 1982а, с. 67–71; он же, 1983, с. 14–15; он же, 1983а, с. 347; он же, 1984, с. 353; он же, 1985, с. 387–388; Егарэйчанка, 1986, с. 181–182; он же, 1987, с. 181–182; Залашко, 1980, с. 361; он же, 1981, с. 334–335; Залашка, 1981, с. 46; он же 1982, с. 43–44; он же, 1983, с. 72–77; Залашко, 1983, с. 348–349; он же, 1984, с. 234–239; он же, 1984а, с. 354–355; он же, 1985, с. 389–390; Залашка, 1985, с. 160–162; он же 1985а, с. 264; Залашко, 1988, с. 59–63; Ільюцік, 1985, с. 76–81; Коробушкина, 1977, с. 408; Лашанкоў, 1978, с. 35–36; он же, 1983, с. 38–39; он же, 1985, с. 36–38; он же, 1993а, с. 71–73; он же, 1994, с. 29–34; он же, 2004, с. 281–283; он же, 2005, с. 227–228; Лошенков, 1978, с. 419; он же, 1979, 341–342; он же, 1983, с. 357–358; он же, 1984, с. 365; он же, 1985, с. 400–401; он же, 1987, с. 460–461; он же, 1991, с. 16–19; он же, 1992, с. 70–73; он же, 2004, с. 532–533; он же, 2005, с. 545–547; он же, 2007, с. 214–216; Рассадин, 1981, с. 343–344; Рассадзін, 1982, с. 40–41; Рассадин, 1983, с. 12–14; он же, 1984, с. 367–369; Рассадзін, 1985, с. 142; Рассадин, 1988, с. 376–377; Соболь, 1976, с. 426–427; Ткачев, 1976, с. 427–428; Чернявский, 1983, с. 363–364; он же, 1984, с. 375; Штыхов, 1977, с. 419–420). В статьях исследовательского плана нашли отражение различные проблемы.

Определенные успехи в изучении милоградских древностей на терртирии Беларуси нашли отражение в юбилейных публикациях и обобщающих работах (Будько, 1967, с. 138–139; Поболь, 1970, с. 138–151; Вергей, 1987, с. 53–56; Лашанкоў, 1999, с. 29–39; он же, 1999а, с. 46–70, 86–109; Рассадзін, 1999, с. 39–46; он же, 1999а, с. 70–75).

Некоторые вопросы хозяйственной занятости обитателей древнейших городищ рассмотрены в публикациях А.А. Егорейченко, С.Е. Рассадина и автора. Последний склонен считать, что в условиях Полесской низменности скотоводство преобладало над земледелием (Лошенков, 1982, с. 82; Мядзведзеў, 2000, с. 106). А.А. Егорейченко пришел к заключению о доминирующей роли подсечно-огневой системы земледелия у населения Белорусского Полесья в раннем железном веке (Егарэйчанка, 1983, с. 77–79, 82). На отдельных территориях низменности оно, кроме того, было еще и припоселково-пойменным, а в районах с высокоплодородными почвами — пашенным (Лошенков, 1986, с. 95). Исследователи отмечают комплексный характер хозяйства у населения восточнополесских городищ (Егарэйчанка, 1983, с. 82; Лошенков, 1986, с. 95). С.Е. Рассадин, признавая косвенную значимость большинства археологических источников, считает, что их явно недостаточно для обоснования ведущей роли пашенного земледелия у «милоградцев». Тем не менее, Геродотовых лесных скифов-пахарей он отождествляет с населением милоградской культуры, замечая при этом, что «вспашка под посев применялась и при подсечной системе, которая в Белорусском Полесье практиковалась» вплоть

до прошлого века (Рассадин, 1988а, с. 3–5). Характеризуя земледелие, авторы обычно касаются системы обработки почв, затем констатируют такие источники, как орудия уборки урожая — серпы и последующей его переработки — зернотерки. Прямых же доказательств о выращиваемых культурах населением того или иного поселения у них обычно нет. Исключение в этом отношении долгое время составляли лишь два факта с городищ Асаревичи и Горошков (Мельниковская, 1967, с. 129; Краснов, 1971, с. 16, табл. 1). Лишь в начале XXI столетия выявлены новые археоботанические коллекции еще на трех поселениях в Приднепровье: Отрубы, Красная Горка, Чёрное — и на пяти — в Полесском регионе: Липняки, Лиски, Рассвет, Старое Красное, Ястребка (Лашанкоў, 2005а, с. 56–61; он же, 2007, с. 88; Лошенков, 2008, с. 238, 240; он же, 2010, с. 404–417); он же, 2010а, с. 61–72).

Крайне малое количество железных предметов с памятников Приднепровья, исследованных металлографически Б.А. Колчиным, позволило М.Ф. Гурину усомниться в том, что металлурги-кузнецы милоградской культуры владели новейшими технологическими операциями: цементацией, сложными схемами, сваркой (Мельниковская, 1967, с. 143; Гурин, 1982, с. 9, 96). А на основании металлографического анализа железных изделий с городища Липняки он пришел к выводу о том, что уровень мастерства у металлургов-кузнецов этого поселения соответствует «экономическому потенциалу племен рубежа нашей эры» (Гурин, 1982а, с. 67). В структуре серпа из городища Ястребка им выявлена наварка стальной рабочей части на железную основу. Он высказал предположение об импортном происхождении этого предмета — из Центральной Европы от кельтов (Гурин, 1986, с. 159). Исследование структуры 57 железных предметов с городищ Восточного Полесья М.Ф. Гуриным показало, что 27 из них выкованы из кричного железа, 23 — из сырцовой стали и только 7 — из высокоуглеродистой, а сложные технологические схемы зафиксированы всего лишь у 9 изделий (Лошенков, 1988а, с. 117). Весьма важные для милоградской культуры сведения о структуре металлов, сложных технологиях у трех серпов, проушного топора и мотыжки из клада 1957 года на Горошковском городище до настоящего времени, к сожалению, не опубликованы.

С помощью естественнонаучных методов выявлялся уровень мастерства не только металлургов-кузнецов, но и гончаров. Количество обломков посуды милоградской культуры, исследованных петрографическим методом, до 80-х годов прошлого века было невелико (Pobol, 1968, s. 474–489; Дубіцкая, 1988, с. 67, табл.; Дубицкая, 1991, с. 30–32; Дубіцкая, 1992, с. 56–61). Малая репрезентативность материалов, до исследований автора, не позволяла дать развернутую характеристику технологии процесса лепки посуды у милоградского населения (Лошенков, 1988а, с. 117–118; он же, 1990, с. 20; Лашанкоў, 1993, с. 68–76). Вопросам изготовления посуды мастерами-керамистами милоградского населения на территории Беларуси Н.Н. Дубицкая посвятила, начиная с 1988 года, семь статей (Дубіцкая, 1988, с. 64–70; она же, 1998, с. 86–95; Дубицкая, 1998, с. 16–24; она же, 1999, с. 29–36; она же, 2000, с. 16–23; она же, 2001, с. 57–62; она же, 2005б, с. 104–105). В них она рассматривает данное ремесло в разных регионах проживания «милоградцев» — Нижнем Посожье, Приднепровье, Восточном и Западном Полесье. Технологический процесс лепки посуды исследовательница характеризует, применяя петрографический метод. Рассматриваемые ею образцы никак не связаны с формами сосудов и вообще никак не проиллюстрированы. Нельзя не согласиться с ней в том, что развитие

гончарного ремесла «в разных регионах милоградской культуры происходило в целом самостоятельно» (Дубицкая, 2000, с. 16). При этом она изредка указывает на локальные различия в формовочных массах и, по-видимому, преувеличивает стандартизацию рецептуры приготовляемых глин. При однообразной структуре рассмотрения источников в образцах прозрачных шлифов, обусловленной технологическим процессом, она не только делает выводы по регионам, но и выделяет два этапа в развитии гончарства у милоградского населения (Дубицкая, 1999, с. 36). Первый этап — становление и расцвет домашнего производства (VII–III вв. до н. э.), — по нашему мнению, соответствует всему хронологическому диапазону милоградской культуры в Беларуси. Второй — зарождение ремесленного производства (конец III — II в. до н. э.) — нуждается в комментарии. Вряд ли можно предположить, что развитие лепки посуды у «милоградцев» в указанное время вышло на уровень ремесленного производства, когда сама культура уже находилась на этапе угасания и исчезновения. Финал ее — уже в конце III — начале II вв. до н. э. Поэтому второй этап в развитии гончарного ремесла у изучаемого населения нельзя признать удачным, ибо он не соответствует тогдашней действительности. Ведь не было весьма необходимых в то время условий для ремесленного производства — изготовления посуды на рынок и на заказ. В 2002 и 2007 году вышли из печати два монографических исследования этого автора — «Керамическое производство Белорусского Поднепровья в VIII в. до н. э. — V в. н. э.» и «Производство керамической посуды населением Припятского Полесья в эпоху железа и раннего средневековья» (Дубицкая, 2002; она же, 2007, с. 5–15, 38–39, 60–61, табл. 1). В них гончарное ремесло «милоградцев» рассматривается в обобщенном изложении.

Необходимым этапом в исследовании археологических памятников является их систематизация. О.Н. Мельниковская расчленила условно городища милоградской культуры на мысовые и болотные. А.А. Егорейченко и С.Е. Рассадин предложили новые типологии укрепленных поселений. Оба исследователя свои разработки осуществили на памятниках разных регионов: С.Е. Рассадин — в Посожье, а А.А. Егорейченко — в Центральном Полесье и Предполесье. Нельзя не отметить и различные подходы у исследователей к систематизации рассматриваемых памятников. Если А.А. Егорейченко выделяет типы по местоположению, подтипы — по форме площадки и варианты — по характеру укреплений, то С.Е. Рассадин в качестве базового признака для типов берет соотношение естественных и искусственных препятствий, по степени сложности искусственных укреплений выделяет варианты и по форме площадки — подтипы (Егорейченко, 1980, с. 82–89; Рассадзін, 1991а, с. 72–80). При неоднозначности подходов к типологии укрепленных поселений отмечу строго и последовательно выдержанную систематизацию у А.А. Егорейченко и запутанную, не выдерживающую четко критериев — у С.Е. Рассадина. Культурная принадлежность некоторых городищ Северного Полесья и Нижнего Посожья не бесспорна. Дифференциация же городищ Нижнего Посожья в милоградское время на «ранние» и «поздние» не убедительна из-за отсутствия конкретных материалов с таких памятников (Рассадзін, 1991а, с. 72–80).

Хронология милоградской культуры, предложенная О.Н. Мельниковской, долгое время оставалась без изменений. Напомним, что она выделила три этапа: ранний — конец VI — IV в. до н. э., средний — III–II вв. до н. э., поздний — с конца II в. до н. э. по I — начало II в. н. э. (Мельниковская, 1967, с. 162). С течением времени, по мере накопления новых

материалов, а также уточнения датировок как скифских, так и западноевропейских древностей, стало возможным предложить варианты временных корректировок в милоградской культуре.

С.Е. Рассадин выделяет, как и О.Н. Мельниковская, три главных периода: первый — IX — VIII или VII в. до н. э., второй — VIII или VII — III вв. до н. э., третий — III в. до н. э. — I в. н. э. (Рассадин, 1989, с. 10). Он стремится, как нам кажется, совершенно необоснованно растянуть хронологию милоградских древностей на тысячелетие: IX в. до н. э. — I в. н. э. (Рассадин, 1987, с. 137–138), — с чем нельзя согласиться. В милоградской культуре, и в частности в белорусском ее ареале, нет материалов IX–VIII вв. до н. э. Желание соединить разрыв между раннемилоградскими материалами эпохи железа и лебедовскими памятниками поздней бронзы теоретически вполне приемлемо, однако отсутствие достаточного количества фактических данных оставляет лакуну с IX до VII в. до н. э. объективным фактом. В этом отношении правильнее будет VIII в. до н. э. полностью относить к финалу поздней бронзы, как это делает Н.Н. Кривальцевич (Крывальцэвiч, 2006, с. 123–130; он же, 2006а, с. 46,50). Наличие добычи (выплавки) железа на территории Беларуси в VIII в. до н. э. еще никем не доказано. Знакомство же милоградского населения с черным металлом (его добычей) произошло, как полагает автор, в лучшем случае в середине — второй половине VII в. до н. э.

Л.Д. Поболь соглашался с типологией милоградской керамики, разработанной О.Н. Мельниковской, и в то же время возражал против ее хронологических периодов, предложенных исследовательницей. В 1983 г. он писал: «Есть основания разделить все типы сосудов милоградской культуры на три хронологических периода» (Поболь, 1983, с. 12). По его мнению, ранние типы посуды следует отнести к VIII–VI вв. до н. э.; второй хронологический диапазон — V — начало IV в. до н. э. и третий — IV — первая половина III в. до н. э. Поскольку суть «обоснований» он не раскрыл, а доказательства полностью отсутствуют, то предложенные Л.Д. Поболем хронологические уточнения выглядят декларативно.

Более убедительным представляется уточнение В.Е. Еременко. Он предлагает подкорректировать периоды О.Н. Мельниковской следующим образом: I этап — VII–VI вв. до н. э., II этап — VI — первая половина IV в. до н. э., III этап — с середины IV по начало III в. до н. э. (Еременко, 1989, с. 91–92). Сомнение вызывает финальное время культуры. Поздний период связан с постепенным ее угасанием и представлен слабовыраженным материалом, что и осложняет определение конечной даты. Заметим, что и на однослойных памятниках Восточного Полесья (чисто милоградских) отсутствуют хорошо датированные вещи II в. до н. э. По-видимому, в середине или к концу III в. до н. э. прекращается импорт на милоградскую территорию, главным образом бронзовых украшений, за исключением, может быть, бус, а примерно в начале первой четверти II в. до н. э. в Верхнем Поднепровье и Припятском Полесье появляются племена зарубинецкой культуры (Каспарова, 1991, с. 24; Каспарова, 1991а, с. 22–23; Еременко, 1992, с. 71). Сказанное не позволяет согласиться с В.Е. Еременко о финале милоградской культуры уже в начале III в. до н. э. (Еременко, 1989, с. 88, 92). Автор полагает, что милоградская культура полностью прекращает свое существование в начале — середине II в. до н. э.

Предложенные хронологические уточнения, как видим, касаются милоградской культуры в целом, на огромном ее пространстве. Роль же группы так называемых «болотных» городищ остается неясной. Древнейшие укрепленные поселения, расположенные на низменности Полесья, при отсутствии материалов с них датировались по-разному.

Так, обследовав памятники на территории Хойникского района Гомельской области в 1976 г. Т.Н. Коробушкина отнесла их по времени к милоградской культуре (Коробушкина, 1977, с. 408). Не проведя раскопок, в 1983 г. она почему-то передатировала их VI–VIII и XVI–XVIII вв. н. э. (Помнікі Хойніцкага раёна, 1983, с. 14–18). Бóльшая часть этих памятников в 1985 году ею снова привязана к раннему железному веку и только один (Хвойное) — к раннему средневековью (Збор…, 1985, с. 347–355). Б.А. Рыбаков время возникновения болотных городищ относил к середине I тысячелетия до н. э., а позднюю дату их доводил до VIII–X вв. н. э. (Рыбаков, 1987, с. 151). Обследование с 1976 по 1985 г. большого количества учтенных городищ в пределах Южной Беларуси и проведенные раскопки на части из них как автором, так и рядом других исследователей позволили получить новые материалы. Они говорят о том, что хронологические рамки рассматриваемых поселений не выходят за пределы раннего железного века: примерно с середины — второй половины VII в. до н. э. по I в. н. э. В подавляющем большинстве они содержат милоградский пласт, который, по нашему мнению, ограничивается рубежом III–II вв. до н. э. — первой половиной II в. до н. э. Лишь у небольшого количества памятников (четвертой или третьей части) милоградский горизонт перекрыт сверху отложениями населения зарубинецкой культуры. На городищах Полесской низменности зарубинецкий слой второй половины II в. до н. э. по середину I в. н. э. отсутствует, а на левобережье Днепра, в Нижнем Посожье, он выражен весьма значимо (Рассадин, 1983, с. 13; Рассадзін, 1991а, с. 76). Памятники, находящиеся в северо-восточной части Полесской низменности и в Предполесье, на широте нижнего течения Березины (от Бобруйска и до ее устья) содержат материалы ранних «штриховиков». Древности же (в лучшем случае керамика) середины — второй половины I тысячелетия н. э. и эпохи Киевской Руси на так называемых «болотных» городищах Белорусского Полесья фиксируются крайне редко (Гурын, 1984, с. 71, 73, рис. 2, 5–16; Рассадзін, 1991а, с. 73; Лошенков, 1992, с. 71). Рядом с поселками и вблизи них не выявлены селища I тысячелетия н. э. и более позднего времени. Сказанное свидетельствует о том, что у нас нет достаточных оснований относить группу полесских городищ к древностям позднее эпохи раннего железа.

Еще в 50–60-е годы прошлого века в милоградской культуре четко обозначились, в силу регионов исследований, три варианта: верхнеднепровский, западнополесский и подгорцевский. В последующем пополнение материалов новыми и переосмысление уже хорошо известных позволило исследователям в 80-х — начале 90-х годов выделить новые варианты в милоградской культуре. Если О.Н. Мельниковская рассматривала культуру как единый массив древностей, то А.А. Егорейченко выделил в ней среднебелорусский вариант (Мельниковская, 1967, с. 168; Егорейченко, 1982, с. 54–61; он же, 1982б, с. 20). Полемизируя с А.А. Егорейченко, С.Е. Рассадин отвергает среднебелорусский вариант в милоградской культуре (Рассадин, 1990, с. 68–70; Рассадзін, 1999, с. 44–46; Рассадин, 2005, с. 55–60). Разделяя в какой-то мере точку зрения С.Е. Рассадина, автор полагает, что выделенный А.А. Егорейченко вариант нуждается в более глубоком обосновании. Прежде всего нужно четко определить его границу (южная часть ее вообще не обозначена), остается неясной и хронология данного варианта, а затем — отсутствует весь комплекс материалов свойственный ему, ибо в публикации он подан выборочно (Егорейченко, 1982, с. 54–61).

В пределах Беларуси А.Д. Поболь высказался за два варианта в рассматриваемой культуре. Он писал в 1983 году: «Милоградская культура территории БССР по наличию разнообразных типов памятников, по их микролокальному

расположению, по особенностям керамических форм может быть разделена на два локальных варианта: верхнеднепровский и припятский (полес-ский)» (Поболь, 1983, с. 11).

У В.Е. Еременко — шесть вариантов: подгорцевский, среднебелоруский, верхнеднепровский, восточнополесский, волынский и западнополесский (Еременко, 1989, с. 78, 79, рис. 2). Он весьма обстоятельно и глубоко проанализировал милоградские древности, в силу чего предложенные им варианты представляются более обоснованными. Исследователь рассматривает значительно большее количество признаков для доказательств выдвинутых вариантов, что говорит о комплексном подходе к решению данного вопроса (Еременко, 1989, с. 79). Не останавливаясь на каждом из вариантов, замечу лишь, что в восточнополесском есть ряд неточностей, о которых будет сказано при рассмотрении как памятников, так и материалов с них.

С.Е. Рассадин выделил пять вариантов: западноволынский (горынский), восточноволынский (житомирский), полесский (припятский), верхнеднепровский и подгор-цевский (Рассадин, 1989, с. 14; Рассадзін, 1999, с. 43; Рассадин, 2005, с. 55). Многообразие их у С.Е. Рассадина основано на сравнении данных лишь погребальных памятников, что свидетельствует об одностороннем подходе исследователя к решению проблемы. Он почему-то полностью проигнорировал материалы поселений, которые могли бы усилить особенности регионов вместе с данными погребальных комплексов. Нельзя не заметить, что он оперирует единицами памятников для обоснования вариантов на больших территориях регионов проживания милоградского населения.

Среди разных аспектов, касающихся милоградского населения и его древностей, весьма неоднозначно выглядит проблема его атрибуции. На сей счет четко утвердились два взаимоисключающих мнения: милоградское население — это древние балты либо же — славяне. Ряд исследователей соотносят рассматриваемое население с древнебалтийскими племенами — Е.А. Шмидт, Ю.В. Кухаренко, В.В. Седов, А.Г. Митрофанов, П.Н. Третьяков, Э.М. Загорульский (Шмидт, 1962, с. 39–40; он же, 1963а, с. 20–21; Седов, 1970, с. 12, 34–38; он же, 1970а, с. 271; он же, 1979, с. 75, 76; Митрофанов, 1978, с. 124; он же, 1980, с. 102; Загорульский, 1977, с. 13, 46, 62; он же, 1983, с. 18; он же, 2001, с. 82). В.В. Седов, кроме того, относил милоградские племена к ранней юго-восточной группе балтоязычных, не включая их при этом в диалектно-племенную группировку балтов днепровских (Седов, 1985, с. 23). Приверженцы балтской принадлежности подчеркивали несомненное отличие материальной культуры «милоградцев» от таковой в круге древнебалтийских племенных объединений у «штриховиков», «днепродвинцев» и «юхновцев». В таком случае ими отдавалось предпочтение лингвистике — древнебалтийской гидронимии.

Сторонники славянской или праславянской атрибуции населения милоградской культуры — П.Н Третьяков, О.Н. Мельниковская, Л.Д. Поболь, Б.А. Рыбаков, С.Е. Рассадин (Мельниковская, 1967, с. 169–185; Древности..., 1962, с. 7; Поболь, 1970, с. 150; Рыбаков, 1979, с. 145–148, 160, 189–192; он же, 1987, с. 148–152; Рассадин, 2005, с. 77).

Кроме статей из печати вышли три монографии. В 1967 г. — фундаментальная работа О.Н. Мельниковской «Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке», важность которой сохраняется и по настоящее время. А.А. Егорейченко в 1996 г. — «Древнейшие городища Белорусского Полесья». В ней он предлагает читателю материалы не только «милоградцев», но и зарубинецкого населения, а также племен культуры штрихованной керамики. Рассмотрев

укрепленные поселения Центрального и Северного Полесья Беларуси, А.А. Егорейченко показал, что выделенный им тип городищ на ровном месте (первый) в подавляющем большинстве своем свойственен населению милоградской культуры (Егорейченко, 1980, с. 84–86, 87; он же, 1996, с. 11–13). Опорными памятниками у него являются пять городищ: Ивань, Ленино, Холопеничи, Ясенецкие первое и второе. Общая вскрытая площадь на них составляет 1780 кв. м. Отметим, что оба Ясенецких поселения содержат чисто милоградские отложения. Они расположены на правом берегу Припяти, в восточной части Центрального Полесья. Три североплесских городища: Ивань, Ленино и Холопеничи, — как пишет сам исследователь, «...выявили разновременные и разнокультурные материалы» (Егорейченко, 1996, с. 23–26). На пяти памятниках не обнаружена ни одна постройка милоградского населения. Четыре же — на городище Ивань — принадлежали «штриховикам» (Егорейченко, 1996, с. 21–23). Исходя из материалов керамики с трех северополесских городищ, А.А. Егорейченко замечает, что они основаны населением милоградской культуры. Это же подтверждают и данные разрезов оборонительных сооружений — валов в Ивани и Холопеничах (Егорейченко, 1996, с. 16–18).

Материальную культуру милоградского населения Центрального Полесья исследователь начинает рассматривать с керамики. Он дает описание керамического комплекса обобщенно, подчеркивая при этом общность традиций. В то же время он не показывает локальных различий в посуде южной и северной групп памятников. Расстояние между ними около 130 км. В характеристике керамики почему-то коллекции с городищ Ленино и второе Ясенецкое никак не представлены (Гурын, 1995, с. 16, мал. 3: 1–3; Егорейченко 1996, с. 28–31, рис. 14; 15; 26: 15–18; 27–29). К сожалению, автор раскопок в работе не указывает даже приблизительно, какое количество керамики «милоградцев» им выявлено на исследованной площади Иваньского городища, равно как и других культурных общностей — «зарубинцев», «штриховиков».

Вся коллекция глиняных пряслиц и грузиков на трех северополесских поселениях составляет, по нашим подсчетам, 694 экземпляра, а не «...подходит к 600» (Егорейченко, 1982а, с. 70, рис. 1: 1–6; он же, 1996, с. 45; Гурын, 1995, с. 16, мал. 3: 3–7). В ней исследователь выделил пять типов пряслиц и три типа грузиков (Егорейченко, 1988а, с. 64–70; он же, 1996, с. 45–49). К милоградским древностям он отнес 14 находок из всей рассматриваемой коллекции (2 %). В их числе два пряслица пятого типа — округлой в сечении формы и все грузики: катушковидные (3), лепёшковидные (8) и крестовидные (1). Такие же материалы с первого Ясенецкого городища привлечены им не полностью — только два опубликованных предмета, а всего их в коллекции 12 (Залашка, 1983, с. 75–76, мал. 1, 2; Егорейченко, 1996, рис. 40: 1, 2).

В нижних слоях Иваньского городища, в которых много милоградской керамики, как об этом пишет автор раскопок, обнаружена уникальная коллекция серпов в количестве 15 орудий (Егорейченко, 1996, с. 37, 38, рис. 30: 1–15). Исследователь лишь оговаривает милоградско-зарубинецкую принадлежность какой-то части из них. При этом он не показывает, какие конкретно серпы следует связывать с милоградским населением в Северополесском регионе. Считаю, что серпы без выделенных уступом черенков являются наиболее архаичными и их необходимо соотносить с проживавшими здесь «милоградцами». Во-первых, таких орудий немного. Судя по рисунку, они составляют третью часть от всей коллекции. Во-вторых, именно такой серп обнаружен на городище Лиски,

где имеются еще аналогичные изделия с крючками.

В коллекции железных ножей к числу архаичных, синхронных керамике с жемчужным орнаментом, следует относить экземпляр, у которого линия лезвия и черенка — на одной прямой, а спинка дугообразно выгнута (Егорейченко, 1996, рис. 30: 21). Ножи такой формы у милоградского населения находились в употреблении на раннем этапе культурного развития.

По нашему мнению, милоградские материалы с городища Ивань имеют особое значение, несмотря на их малочисленность (?). По керамике А.А. Егорейченко продатировал милоградский горизонт отложений с VI–IV вв. до н. э. по первую половину I в. до н. э. (Егорейченко, 1996, с. 29, 31). Представляется весьма сомнительным, чтобы коллектив милоградского населения проживал на данном поселении четыреста лет до появления «зарубинцев». Думается, что община «милоградцев» появилась и проживала на месте Иваньского городища довольно рано — в VI–V вв. до н. э. К этому времени относятся зафиксированные здесь грузики, пряслица, нож, серпы и вся керамика. Хорошо выраженных вещей V, IV, III вв. до н. э. на рассматриваемом памятнике просто нет. Поэтому наиболее вероятно, что с конца V по середину II в. до н. э. на городище Ивань никто не проживал. Лишь примерно в середине II в. до н. э. здесь появились племена зарубинецкого населения, а потом — культуры штрихованной керамики, отложения которых представлены более мощно, нежели предшественников «милоградцев».

Городище Ивань — наиболее северный памятник милоградского населения на юге Центральной Беларуси. Уже в середине I тысячелетия до н. э. (VI–V вв.) милоградская община в Северополесском регионе, продвигаясь на север, достигла Предполесской равнины на уровне 53° северной широты. Однако пока нельзя утверждать, что вся территория Северополесского региона и Предполесья была освоена «милоградцами» в столь раннее время. Например, на городище Холопеничи нет раннемилоградских материалов, одновременных иваньским, как это правильно отмечает автор раскопок (Егорейченко, 1996, с. 26).

В 2005 году вышла из печати монография С.Е. Рассадина «Милоградская культура: ареал, хронология, этнос». Если монография А.А. Егорейченко имеет общепризнанную структуру, предполагающую освещение новых материалов и их интерпретацию, то книга С.Е. Рассадина фокусирует внимание на отдельных, с его точки зрения, наиболее важных и значимых, вопросах, которые он рассматривает в полемическом изложении. В главе «Палеоэтнографические признаки культуры» С.Е. Рассадин ставит перед собой задачу найти «...позитивные признаки культуры "милоградцев", именно те, которые можно считать определяющими ее этнографический облик» (Рассадин, 2005, с. 11). Почему-то в развернутой и глубоко обоснованной характеристике милоградских древностей, изложенной О.Н. Мельниковской в ее фундаментальной монографии, он «специфики культуры» не увидел, равно как и в кратких, конспективных версиях П.Н. Третьякова, В.В. Седова, Е.А. Шмидта, касающихся самобытности этой же культуры в разных контекстах (?). Исследователь устраивает палеоэтнографическую экспертизу чертам культуры «милоградцев», которые можно «...интерпретировать и как свидетельства ее специфичности, и как подтверждения противоположного» (Рассадин, 2005, с. 11). Далее следуют рассуждения «эксперта» о неоригинальности посуды у милоградского населения (ее форм, пропорций, украшений), глиняных сосудовидных грузиков и фигурок животных, металлических орудий труда, украшений, предметов вооружения, жилищ (Рассадин, 2005, с. 11–14). В результате оказывается, что автор раскрывает таким

образом межкультурные связи милоградского населения с соседями: «Заканчивая рассмотрение признаков милоградской культуры, объединяющих ее с соседями, и даже дальними...» (Рассадин, 2005, с. 14). Складывается впечатление, что исследователь говорит о простых устоявшихся положениях, только сложно и запутанно, по-видимому, для наукообразности. Отсюда надуманные им «негативные» и «позитивные» признаки в древностях рассматриваемого населения.

Под «негативными» следует понимать, уважаемый читатель, элементы, черты, равно как и предметы, традиции, которые есть у других племен (соседних) и которых нет у «милоградцев». С.Е. Рассадин так содержательно рассмотрел то, чего у общинников милоградского населения не было, что показал, насколько множественны «негативные» признаки в их среде (Рассадин, 2005, с. 14–19). Оказалось, что межкультурных различий у них довольно много, и он не смог даже резюмировать их. С нашей точки зрения, это лишний раз подчеркивает своеобразие культуры (по С.Е. Рассадину — специфику).

Под «позитивными» признаками С.Е. Рассадин понимает лишь те новшества (предметы, явления), которые имеются только у милоградского населения, и ничего подобного не было у других племен. Даже предмет, сделанный руками «милоградца», если он имел типологическое подобие с таковыми у населения соседних территорий, к «позитиву» не относится (?). В результате такого подхода к оценке милоградских древностей из богатого арсенала вещевых комплексов и черт остаются лишь жалкие крохи артефактов. Если же следовать таким путем, то получится, что любая культура древнего населения будет выглядеть крайне бедно, с чем нельзя согласиться. В набор «позитивных», палеоэтнографически значимых признаков С.Е. Рассадин включает формы сосудов, ассортимент посуды, украшения (бронзовые ажурные булавки, шумящую брошь), железные пластинчатые наконечники стрел, жилища с их «негативными» признаками, городища на низменности и т. д. (Рассадин, 2005, с. 19–21). Небезынтересно выглядит и финал палеоэтнографической экспертизы исследователя. «Итак, признаки созданной милоградским населением культуры, ...согласно принятому нами обозначению, межкультурные, позитивные и негативные. ...только определенный баланс первых и вторых, обязательное отсутствие черт, образующих третьи, которые, конечно, ...и создает тот "портрет", который воспринимается как этнографический облик культуры "милоградцев", дает нам набор критериев, которые позволяет или нет относить к этой культуре конкретный памятник» (Рассадин, 2005, с. 21).

Читать такие измышления, как видим, дело утомительное, а применять их на практике в исследованиях — заранее непродуктивное. Затем автор уходит от милоградских проблем, перенося свои критерии на древности населения культуры штрихованной керамики (Рассадин, 2005, с. 21–24). В работе над картой памятников милоградского населения он руководствовался уже другим подходом — «очистительным» (Рассадин, 2005, с. 24, 90–91, рис. 1).

Вывод по первой главе книги следующий: «...мы стоим за понимание милоградской культуры в "узком" смысле: кажется, только он способен продуктивно "работать"» (Рассадин, 2005, с. 24). Результат оказался малопродуктивным, ибо читатель смог увидеть лишь обедненный новый палеоэтнографический облик милоградского населения, в противоположность его богатой материальной культуре, показанной исследователями-предшественниками. В связи со сказанным нельзя не подчеркнуть, что от С.Е. Рассадина досталось не только самой культуре «милоградцев», но и всем исследователям, которые ею занимались. В главах II–IV его мнения единственно

верные, а точки зрения других — всегда почему-то ошибочны.

Теперь об иллюстрациях. В конце книги — иллюстративный блок — 14 рисунков на страницах 90–104. Во-первых, на всех иллюстрациях отсутствуют масштабы, что, несомненно, снижает их ценность. Первый рисунок — карта милоградских памятников, как он озаглавлен, по сути, без документальной карты-основы с административными границами, является схемой карты в исполнении исследователя. Во-вторых, вообще рисунки выполнены не документально, на строгой научной основе, а произвольно, схематически. Во втором рисунке есть неувязки: нет порядковых номеров 25, 33, 40, 41, зато имеются по два номера 34 и 42. Непосредственно к кругу милоградских древностей здесь относятся лишь три предмета (две булавки с Погребов, Козинцев и наконечник стрелы с городища Любны), тогда как все остальные принадлежат совершенно другому населению, что и отражено в подрисуночной подписи. Древности с нижнего горизонта городища Лабенщина, с моей точки зрения, никакого отношения к милоградскому населению не имеют. На третьем рисунке (с. 93) у нас имеются сомнения по одному памятнику — городищу Присно. На укрепленном поселении Присно II в 1981 году С.Е. Рассадин вскрыл 32 кв. м. В первоисточнике — отчете (Архив Ин-та истории НАН Беларуси, дело № 776) есть сведения об индивидуальных находках: глиняных грузиках (10 шт.), миниатюрном сосудике и пяти предметах из железа (обломках иглы, серпа, ножа и двух ножах). На рассматриваемом рисунке этому памятнику почему-то принадлежат девять нижеследующих предметов: гвоздевидная булавка № 50 и булавка с биконической головкой № 52 (эти вещи с городища Горошков. — *М.Л.*), наконечник копья № 63, ворворка № 64, кельт № 67 и наконечники стрел № 73, 74, 84, 85. Ворворка (№ 64) еще значится за археологическим комплексом Асаревичи. Все отмеченное вызывает только недоумение: как такое возможно? Подобная путаница есть результат того, что исследователь весьма легко обращается («работает») с самими материалами. Допустимо ли такое в археологии? — Конечно же, нет. Приходится сожалеть, что в этой книге автор не представил качественных рисунков новых материалов, полученных им с городищ Нижнего Посожья.

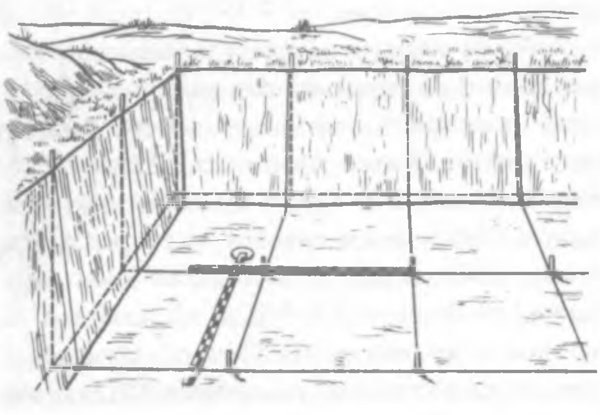
Настоящее исследование, предлагаемое читателю автором, является четвертой книгой, которая посвящена племенам милоградской общности.

В заключение еще подчеркнем, что на материалах милоградских древностей защищены четыре кандидатские диссертации: в Москве в 1964 г. О.Н. Мельниковской на тему «История племен раннего железного века Южной Белоруссии»; А.А. Егорейченко в 1982 г. в Москве — «Поселения Белорусского Полесья в раннем железном веке»; С.Е. Рассадиным в 1989 г. в Киеве — «Милоградская культура (актуальные проблемы исследований)»; в 1990 г. в Киеве М.И. Лошенковым — «Городища милоградской культуры восточной части Белорусского Полесья».

Глава II

Территория населения и памятники

1. Ареал милоградской культуры

Еще в начале 60-х годов XX в. П.Н. Третьяков определил в общих чертах территорию проживания милорадского населения не только в бассейне Средней и Нижней Припяти, но и в Приднепровье — от устья Березины до Киева, на левом берегу Днепра — в среднем и нижнем течениях реки Сож, а также в пределах Украины (Третьяков, 1960а, с. 38; он же, 1970, с. 28, 31–32, рис. 3: 4). Ареал племен милоградской культуры в Беларуси и на сопредельной территории Украины более основательно очерчен О.Н. Мельниковской (Мельниковская, 1957, с. 29; она же, 1957а, с. 46; она же, 1963а, рис. 1). Северную границу она зафиксировала несколько южнее городов Слуцка, Бобруйска на Березине, Рогачева на Днепре и Кричева на Соже. Восточная граница очерчивалась нижним течением речки Ипуть до города Новозыбков. Южная — естественно, за пределами Беларуси, проходила по территориям Черниговщины, Киевщины, Житмирщины, Ровенщины и Волынского Полесья. На западе Припятского Полесья милоградские памятники локализовались по нижнему течению реки Горынь (Мельниковская, 1967, с. 17–18). Исследовательница отмечала, что при более обстоятельных разведках границу распространения памятников милоградской культуры можно будет уточнить. С одной стороны, у нее были весьма надежные материалы с памятников, хорошо изученных раскопками. С другой — данные разведок и шурфовок, которые не всегда позволяли с уверенностью определить культурную принадлежность поселения. В случаях с неясной принадлежностью малочисленных материалов она ставила вопросительные знаки, показывая тем самым, что информация по данному памятнику нуждается в уточнениях: какое население

на нем проживало. В перечне памятников к археологической карте ею отмечено 200 пунктов: городищ, селищ и могильников (Мельниковская, 1967, с. 189–193). Эти данные обобщали сведения на середину 60-х годов. С того времени проведены большие полевые работы белорусскими и украинскими археологами по изучению древностей населения милоградской культуры. Это позволило накопить новые материалы с территорий, которые ранее не изучались. Результаты разведок и раскопок, выполненных белорусскими археологами начиная с 70-х годов по 2000 г., позволяют более точно определить территорию проживания населения милоградских племен на территории республики.

Основным критерием в определении границы расселения «милоградцев» для автора являются селища, городища и могильники, содержащие горизонт отложений рассматриваемой общности. Исходя из имеющихся данных на конец 90-х годов прошлого века, на Беларуси западную границу следует отнести далее на запад от устья реки Горынь до города Пинска на Припяти. В Западном Полесье она проходит по восточной половине Пинского и юго-восточной части Лунинецкого района и включает полностью Столинский район Брестской области (Вергей, 1983, с. 343–344; она же, 1995, с. 83–87, рис. 1). Северную границу целесообразно проводить южнее Солигорска, Любани и Глуска в пределах нижних течений рек Цны, Лани, Случи, Орессы, Птичи, Березины и по Днепру выше Жлобина. На левобережье Припяти в современном административном отношении в зону расселения «милоградцев» включаются южные части Солигорского и Любанского районов Минской области, Глусского района Могилевской области. Октябрьский, Светлогорский и Жлобинский районы (исключая северные окраины двух последних) Гомельской области — на правобережье Днепра. На левом берегу Днепра — от границы Жлобинского и Рогачевского районов, далее в северо-восточном направлении до границы Кормянского района Гомельской области и Славгородского района Могилевской области. Восточная граница совпадает с административной границей Республики Беларусь (Гомельской области) и Брянской области России. Ниже, в пределах Черниговской области Украины, она проходит, по сведениям черниговских археологов, по правому берегу реки Снов до впадения в Десну и далее по Десне ниже Чернигова до впадения в Днепр (Жаров, 1991, с. 19–22; Жаров, 1995, с. 45–50). При отсутствии новой дополнительной информации южная, юго-западная и западная границы на территории Украины остаются в тех пределах, которые были очерчены О.Н. Мельниковской еще в середине 60-х годов (Мельниковская, 1963а, рис. 1). Предложенные автором уточнения, как видим, подкорректировали данные О.Н. Мельниковской и, очевидно, несколько уменьшили территорию «милоградцев» на Беларуси. Из ареала рассматриваемых племен почти полностью исключена Могилевская область. Она представлена лишь южной половиной Глусского района. Таким образом, население милоградской культуры занимало около 50 тыс. кв. км на юго-востоке и юге республики в пределах очерченной автором территории (рис. 1).

Обозначенная автором граница территории проживания населения милоградской культуры не являлась постоянной на протяжении более пятисотлетней истории первобытности: с VII по III — начало II в. до н. э. Она то расширялась, то сокращалась, в чем, собственно, и состоял ее динамизм. Автор полагает, что в VII в. до н. э., в V в. до н. э. и на рубеже III–II вв. до н. э. ареал «милоградцев» не был статичным. Однако мы не располагаем конкретными данными для

его детализации. Здесь уместно обратить внимание на понимание С.Е. Рассадиным ареала археологической культуры: «...мы должны рассматривать территорию расселения "милоградцев" в очерченных границах максимального распространения оставленных ими памятников в качестве условно предельного рубежа, до которого развитие ареала шло по восходящей, а после которого, соответственно, по нисходящей» (Рассадин, 2005, с. 51). Трудно себе представить, чтобы какая-то древняя общность от истоков и до своего расцвета постоянно увеличивала территорию проживания как единое целое. В действительности вряд ли именно так происходил прирост территории. Ведь мы констатируем теперь ту территорию, которая сложилась на протяжении всего времени функционирования древнего сообщества, будь-то «милоградцы» или кто-либо другой. В общем ареале, в каких-то локальных частях его, она могла быть обозначена на раннем этапе в период становления либо на позднем — в период угасания культуры.

Уточнения автора — не первая попытка пересмотреть территорию проживания общин «милоградцев». Первым, кто пытался установить новую северную границу племен милоградской и зарубинецкой культур, был Л.Д. Поболь (Побаль, 1968, с. 61, 65–66; он же, 1974, с. 138–142). С этой целью он обследовал в 1959–1966 годах ряд памятников в бассейне среднего течения Березины. Исходя из данных разведок и небольших раскопок на городище Богушевичи, что в Березинском районе Минской области, он пришел к заключению, что это поселение является самым северным памятником милоградского населения (Побаль, 1968, с. 66). В начале 70-х годов XX века Л.Д. Поболь публикует список памятников раннего железного века Беларуси и археологическую карту, где они рсположены (Поболь, 1971, с. 188–197, рис. 80). На этой карте вся Могилевская область включена в огромный ареал милоградского населения в пределах республики (Поболь, 1971, с. 191–193, рис. 80). Затем в 1973 г. он снова публикует археологическую крату памятников раннего железного века Поднепровья, в которой вновь повторяет территорию проживания «милоградцев» (Поболь, 1973, рис. 1, карта). В первой половине 80-х годов Л.Д. Поболь проводит «предельную северную границу памятников с находками милоградской культуры на карте археологических памятников раннего железного века БССР следующим образом: на западе — по линии Дрогичин, Ивацевичи, Слоним, Дятлово; на северо-западе — Дятлово, Кореличи, Дзержинск, Молодечно, Свирь (Мядельский район); на севере — Свирь, Мядель, озеро Палик в верховьях Березины (севернее Борисова), Юрцево, Большое Бабино (Оршанского района); на северо-востоке — северо-восточнее г. Орши, Горки, Мстиславль, Костюковичи и далее на юг в Брянскую область России» (Поболь, 1983, рис. 1). Для столь значительного увеличения ареала милоградского населения у Л.Д. Поболя не было убедительных данных. Веским основанием, по его мнению, служила керамика. Фрагменты венчиков с отогнутым наружу краем, с бугристой и штрихованной поверхностью для него есть не что иное, как керамика милоградская. Именно ее он зафиксировал в Оршанском и ряде других районов Беларуси, весьма отдаленных от территории проживания рассматриваемых племен. В действительности милоградской подобная керамика на поверку не является. За такой критерий его справедливо критикует А.А. Егорейченко, с которым следует согласиться (Егорейченко, 1982, с. 55).

А.А. Егорейченко в начале 80-х годов выделил в милоградской культуре среднебелорусский вариант (Егорейченко, 1982, с. 54–61). Он включил часть территории

Центральной Беларуси до верховьев Свислочи и Березины в ареал «милоградцев», расширив таким образом северные пределы относительно данных О.Н. Мельниковской (Егорейченко, 1982, с. 60–61, рис. 1; он же, 1996, с. 60–75, рис. 43, 44). Обосновывая среднебелорусский вариант милоградских древностей, он имел, по-видимому, больше оснований для расширения на север зоны проживания этого населения. Но почему-то это произошло только за счет одного вида памятников — городищ. Выделенный вариант исследователь характеризует данными нижних горизонтов исключительно укрепленных поселений бассейнов верхнего течения Березины и Свислочи. О милоградских селищах и могильниках на новой территории здесь речь вообще не ведется.

Вслед за Л.Д. Поболем в середине 80-х годов прошлого века белорусский археолог-каменщик В.Д. Будько «расселил» население милоградской культуры на территории всей Могилевской области (Уводзіны, 1986, с. 11). Затем эту досадную ошибку тиражировал в научно-справочных изданиях и монографиях В.Ф. Копытин. Так, с 1991 по 2004 г. он опубликовал новейшие данные по 18 районам Могилевской области*. Только в трех районах — Белыничском, Дрибинском и Круглянском — он исключил проживание «милоградцев». Сведения же еще по трем районам — Горецкому, Мстиславскому и Осиповичскому — не опубликованы.

Думается, что включение С.Е. Рассадиным в зону проживания милоградского населения городища Волчас неоправданно (Рассадин, 1988, с. 377). Примерно в 20 км северо-восточнее этого поселения, на городище Городец в Кричеве, материалы (керамика) свидетельствуют о проживании в этом регионе Посожья населения днепро-двинской культурной общности (Лошенков, 2002, с. 23–34). На левобережье Днепра, в Посожье, территория проживания милоградского населения не достигала даже широты Славгорода. Периферия северо-восточной окраины «милоградцев» находилась в пределах современной административной границы Гомельской и Могилевской областей.

В конце 80-х годов выходит из печати статья В.Е. Еременко — «Археологическая карта милоградской культуры» (Еременко, 1989, с. 76–105, 156–175). К сожалению, в публикации отсутствует первый рисунок — карта. Этот недостаток отчасти компенсируется приложением к карте — каталогом памятников (Еременко, 1989, с. 77, 92–105). По каталогу исследователь отмечает на территории Беларуси 431 памятник в 50 районах всех шести областей республики. Приложение к карте свидетельствует, что В.Е. Еременко вслед за Л.Д. Поболем увеличивает в несколько раз территорию племен милоградской культуры на Беларуси. Нельзя не отметить, что предложенный каталог грешит рядом неточностей. Многие из них являются результатом некритичного отношения автора к источникам. Он полностью доверился информации Л.Д. Поболя, пренебрегая почему-то предостережениями своих ленинградских коллег и других исследователей

* Копытин, В.Ф. Археологические памятники Бобруйского района Могилевской области : монография В.Ф. Копытин. — Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2001. — 147 с. [с. 40–42]; он же, Археологические памятники Быховского района Могилевской области. — Могилев, 1995. — 192 с. [с. 62–66]; он же, Археологические памятники Глусского района Могилевской области : монография. — Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. — 146 с. [с. 38–40]; он же, Археологические памятники Кировского района Могилевской области : монография. — Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2002. — 144 с. [с. 35–36]; он же, Археологические памятники Климовичского района Могилевской области. — Могилев, 1998. — 112 с. [с. 32–33]; он же, Археологические памятники Кличевского района Могилевской области. — Могилев, 1998. — 112 с. [с. 32–33]; он же, Археологические памятники Костюковичского района Могилевской области. — Могилев, 1996. — 175 с. [с. 46–47]; он же, Археологические памятники Краснопольского района Могилевской области. — Могилев, 1996. — 111 с. [с. 36–38]; он же, Археологические памятники Кричевского района Могилевской области : науч. издание. — Могилев : Изд-во Могилевского ун-та, 1999. — 109 с. [с. 38–39]; он же, Археологические памятники Могилева и окрестностей. — Могилев, 1993. — 103 с. [с. 14–15]; он же, Археологические памятники Славгородского района Могилевской области. — Могилев, 1997. — 223 с. [с. 44–45]; он же, Археологические памятники Хотимского района Могилевской области. — Могилев, 1997. — 84 с. [с. 31–33]; он же, Археологические памятники Чаусского района Могилевской области. — Могилев, 1992. — 105 с. [с. 22–23]; он же, Археологические памятники Чериковского района Могилевской области. — Могилев, 1994. — 65 с. [с. 21–22]; он же, Археологические памятники Шкловского района Могилевской области. — Могилев, 1993. — 98 с. [с. 15–16].

(Рецензия на кн..., 1976, с. 241–253; Митрофанов, 1986, с. 286–293). Именно поэтому такие факты, как: «Отдельные фрагменты близки милоградским» (катал. № 55), «...отдаленно напоминающая милоградскую» (катал. № 57), «...несколько фрагментов близки милоградским» (катал. № 60), «...милоградская керамика со штриховкой (катал. № 81, 83, 83а, 88), «...и похожая на милоградскую керамика» (катал. № 91), — послужили основанием считать памятники других культур — штрихованной керамики и днепродвинской — милоградскими. Например, сведения о городище Холопеничи (катал. № 72) в Крупском районе на северо-востоке Минской области являются ошибочными. Ссылка дается на карту А.А. Егорейченко, где этот памятник локализуется в бассейне нижнего течения реки Птичь (Глусский район Могилевской области). По существу, один памятник в каталоге фигурирует дважды — под номерами 72 и 114 (Еременко, 1989, с. 94, 96). Из числа милоградских памятников необходимо исключить и два городища в Кричеве. Одно из них, Городец (катал. № 96), содержит отложения исключительно днепро-двинской культуры, среднего слоя тушемли и Киевской Руси* (Лошенков, 2002, с. 23–24), а другое — Замковая гора — с материалами XII–XIV вв. и более позднего времени (Ткачоў, 1986, с. 275; Мяцельскі, 1993, с. 347–348; Метельский, 1997, с. 183, 184; Мяцельскі, 2000, с. 81–82). Из сказанного видно, что в рассмотренную нами археологическую карту памятников милоградской культуры включены и такие поселения, которые не имеют ничего общего с древностями рассматриваемого населения.

Рассматривая динамичный ареал милоградского населения на территориях Украины, Беларуси и России, С.Е. Рассадин приходит к заключению, что «...IV–III вв. до н. э. — время оптимального состояния милоградского ареала» (Рассадин, 2005, с. 51). В пределах нашей республики он следующим образом маркирует северные, северо-восточные и восточные рубежи проживания рассматриваемой древней общности. Исследователь оговаривает, что он ставит задачу установить, «...где эти границы выглядели как четкие рубежи, а где они представляют собой "полосы смешения"» (Рассадин, 2005, с. 46). По его мнению, на севере Центрального Полесья граница доходила до городища Холопеничи, что ранее было отмечено Ю.В. Кухаренко и О.Н. Мельниковской. На реке Березине она достигала городища Щатково, что в 8–10 км выше Бобруйска. На правом берегу Днепра, севернее Рогачева, — городища Кистени и Яново (в Быховском р-не). На левом его берегу — Зборовское городище. В Посожье, на правом берегу, — городища Волчас и Городец в Кричеве. Восточная граница условно обозначена по раскопанным памятникам Нисимковичи, Вылёво, Подгорье, Ленино (Рассадин, 2005, с. 49–51). Как видим, С.Е. Рассадин не согласен с автором по северо-восточной периферии «милоградцев» в Беларуси.

Юг и юго-восток республики по особенностям физико-географического районирования входят в Полесскую провинцию (VI) (Подпровинция Белорусского Полесья), в которой весьма существенными для нас являются три физико-географических района: Припятское Полесье (30), Гомельское Полесье (31) и Мозырское Полесье (32) (Яроміна, 1986, с. 199–200, каляровая карта). Эта территория совпадает с подзоной широколиственных лесов (Б). Не вдаваясь в подробные характеристики климата, растительности, почв, обратимся лишь к некоторым особенностям рельефа. Нас он

---

* В 1995 г. автор лично принимал участие в раскопках этого памятника вместе с А.А. Метельским, отчет которого (Отчет о проведении археологических исследований на городище Городец в Кричеве в 1995 году) хранится в архиве Института истории НАН Беларуси. Дело № 1593.

Таблица 1

Количество милоградских городищ по районам и регионам

Регионы и районы	Площадь, тыс. кв. км*	Количество городищ	Регионы и районы	Площадь, тыс. кв. км	Количество городищ	Регионы и районы	Площадь, тыс. кв. км	Количество городищ
Полесье:	**31,8**	**95**	**Приднепровье:**	**7,9**	**70**	**Посожье:**	**8,9**	**56**
Брагинский	1,9	14	Жлобинский	2,1	7	Буда-Кошелёвский	1,6	3
Ельский	1,4	2	Лоевский	1,0	19	Ветковский	1,6	13
Житковичский	2,9	7	Речицкий	2,7	32	Гомельский	2,1	16
Калинковичский	2,8	14	Рогачевский	2,1	12	Добрушский	1,5	9
Лельчицкий	3,2	1				Кормянский	0,9	8
Мозырский	1,6	5				Чечерский	1,2	7
Наровлянский	1,6	3						
Октябрьский	1,4	2						
Петриковский	2,8	14						
Светлогорский	1,8	4						
Хойникский	2,0	11						
Столинский	3,4	10						
Любанский	1,9	2						
Слуцкий	1,8	1						
Глусский	1,3	5						

* Белорусская ССР. Административно-территориальное деление. Мн., 1974.

интересует с точки зрения локализации древних поселений. Для удобства исследований три физико-географических района разделим на три региона: Полесье (от Пинска на западе до правого берега Днепра на востоке); Приднепровье (в рамках современных административно-территориальных районов: Жлобинского, Лоевского, Речицкого, Рогачевского) и на Левобережье Днепра — Посожье (от границы Кормянского и Славгородского районов до впадения р. Сож в Днепр). Нижнее Посожье выделяется тем, что севернее Гомеля несколько меняется характер ландшафта. Выделенные регионы имеют разное количество интересующих нас памятников (Полесье — 95, Приднепровье — 70, Посожье — 56) (табл. 1; кат. с. 360 — 367), современных административных районов (Полесье — 15, Приднепровье — 4, Посожье — 6) и неравные площади территорий (Полесье — 32 тыс. кв. км, Приднепровье — 7 тыс. кв. км, Посожье — 11 тыс. кв. км.

Памятники населения милоградской культуры в пределах обозначенной автором территории изучены далеко не равномерно. Селища и могильники за последние 40 лет почти не раскапывались (Лашанкоў, 1999, с. 35–39). Сегодня мы располагаем новейшими данными лишь о городищах: их количестве, топографии, размерах, характере культурного слоя, планировке и датировках. Новая информация о могильниках (рис. I: 3; VIII: 52) и селищах почти отсутствует, поскольку целенаправленные исследования этих видов памятников в Беларуси никто не осуществлял. Данное обстоятельство в какой-то мере осложняют изучение разных аспектов жизнедеятельности «милоградцев». Начиная со второй половины 70-х годов до Чернобыльских событий (1986 г.) и в последующее время целенаправленные изыскательские работы автор и другие белорусские археологи проводили в основном на укрепленных поселениях, о которых речь пойдет ниже.

2. Топография, планировка и размеры городищ

Для характеристики городищ важное значение имеют следующие показатели. Прежде всего — их расположение на местности — топография, затем характер укреплений, планировка, размеры, толщина культурного слоя и его насыщенность материалами. Рассмотрим каждый из этих аспектов в отдельности.

Топография

Гидрографическая сеть Полесья, как и юга Беларуси в целом, получает свое окончательное очертание в конце валдайского оледенения. В этот период складываются основные черты современного ландшафта республики. «Современное Полесье представляет собой сильно заболоченную низменность, занятую бассейном Припяти, имеющую незначительный общий уклон к центральной части и в сторону Днепра. С поверхности низменная равнина Полесья сложена флювиогляциальными песками, аллювиальными и озерными наносами и характеризуется, чрезвычайно незначительным врезом речных долин» (Коржуев, 1960, с. 116). Однообразный характер поверхности нарушают лишь отдельные повышенные «острова». В разнообразной литературе по Полесью песчаные формы рельефа рассматриваются как дюны. Типичный дюнный рельеф сохранился на территории заболоченных массивов. Эоловые формы рельефа выражены в виде гряд, валов, бугров, реже холмов (Коржуев, 1960, с. 123). К настоящему времени в бассейнах Днепра, Сожа и Припяти исследователи выделяют пять высотных уровней. Верхний представлен разрозненными останцами древней доледниковой равнины. Четыре остальные являются уровнями террас Днепра, Припяти, Сожа: вторая и первая надпойменные, которые прослеживаются непосредственно в рельефе; высокая и низкая поймы. Высокая пойма наблюдается только у крупных рек, а низкая сопровождает все реки.

В раннем железном веке, начиная со второй четверти I тысячелетия до н. э. все эти природные факторы во многом определяли характер выбора мест под укрепленные поселения у общинников милоградской культуры. Учитывая топографические условия в расположении памятников, городища милоградской культуры четко делятся на три группы: 1) низинные, расположенные на ровном низком месте или на невысоких (до 1,5 м) пологих возвышенностях; 2) береговые, сооруженные на высоких берегах больших и малых рек; 3) холмовые, устроенные на высоких (4–10 м) останцах, дюнах, грядах, холмах среди пойм и заболоченных пространств (Лошенков, 1987а, с. 102; Лашанкоў, 1999, с. 30). Нижеследующая таблица хорошо отражает то доминирующее положение, которое занимают городища первой группы (табл. 2; кат. с. 360–367).

Таблица 2

Топографические группы городищ милоградской культуры

Регионы	Группы			Всего
	низинные I	береговые II	холмовые III	
Полесье	80	10	5	**95**
Приднепровье	33	32	5	**70**
Посожье	15	33	8	**56**
Всего	**128** **58 %**	**75** **34 %**	**18** **8 %**	**221** **100 %**

Низинные. Наши сведения несколько расходятся с данными С.Е. Рассадина, который в Посожье зафиксировал 18 городищ на низменности (Рассадзін, 1991а, с. 73). В каждом из регионов рассматриваемые памятники имеют неравное количественное соотношение. Так, в Полесье они составляют 62,5 %, в Приднепровье — 25,8 %

и в Нижнем Посожье — 11,7 %. Вполне естественно, что в выделенных автором регионах есть свои природные факторы, которые и отличают их друг от друга. Например, в Приднепровье почти половина городищ расположена на второй и первой надпойменных террасах правого берега Днепра. Далее на запад высокий берег постепенно соединяется с низменностью Полесья, где и локализуется вторая половина поселений на низком месте. А в Посожье низинные городища находятся южнее широты Буда-Кошелево, тогда как севернее их почти нет. В Кормянском районе — одно (Октябрёво) и в Чечерском — одно (Покоть). Городища Заракитное Наровлянского, Старый Мокрец (рис. 5: 1), Капоринка (рис. 4: 1), Колыбань Брагинского, Велетин, Великий Бор, Новоселки Хойникского, Козловичи, Золотуха, Гоголево Калинковичского, Василевичи, Козье (рис. 3: 1), Рассвет (рис. 2: 4) Речицкого районов сооружены на ровном месте в поймах рек Припять, Брагинка, Вить, Иппа и Ведрич. В древности их, как и остальные городища этой группы, со всех сторон окружали трясинистые топи болот, которые в настоящее время осушены (рис. I: 1). Ю.В. Кухаренко отмечал, что в Полесье городища «...почти всегда располагаются среди пойменных лугов» (Кухаренко, 1965, с. 13). Поселения первой группы представляли собой труднодоступные островки. Шурфовки и раскопки, проведенные на ряде таких памятников (Велетин Хойникского, Липняки (рис. 2: 1), Волкошанка (рис. 6: 4) Лоевского районов и др.), показывают, что они сооружены на песчанистой природной основе. У рассматриваемых памятников материки почти всегда из песка. Выбор песчаных участков среди пойм и заболоченных пространств для строительства городищ на низменности был не случайным. Если бы укрепленные поселения сооружались на других почвах низменного типа: торфяно-болотных, дерново-подзолистых или болотно-подзолистых, слагающих равнину, что в отдельных случаях имело место, — то они были бы непригодны для проживания. Во время весенних паводков и обильных дождей площадки таких поселений затапливались бы, как это до сих пор можно наблюдать на городищах Василевичи Речицкого и Небытов Хойникского районов. Песчаные и супесчаные возвышения были наиболее удобными местами для поселений, поскольку песок быстро пропускал воду, являясь хорошим естественным дренажом (рис. I: 2). Не случайно поэтому общины милоградского населения при строительстве укрепленных поселений на ровном месте использовали именно песчаные участки, которые находили в глухих, природою защищенных местах. На подобные обстоятельства обращал внимание Ф. Энгельс. Он писал, что оборонительная фортификация «...предусматривает способы приспособления данной местности, постоянно или только на короткое время, к обороне...» (Энгельс, 1959, с. 326). Рассматриваемые городища, так как они сооружались на ровных местах низинного рельефа, имели еще одну особенность — скрытность. А.Н. Лявданский отмечал эту черту у болотных городищ Смоленщины: «...три маленьких круглых городища. Расположены они в виде треугольника, в 1/4 км, в среднем, друг от друга и почти совершенно не заметны даже на близком расстоянии, хотя с самих городищ открывается довольно широкий вид» (Лявданский, 1926, с. 263). Есть такие поселения милоградских общинников и на территории Украины: в Киевском Полесье — 7 и Черниговском — 14 (Кучера, 1976, с. 88–91; Жаров, 1991, с. 19–21).

Городища этой группы составляют специфическую особенность именно милоградской культуры. Ни в одной другой

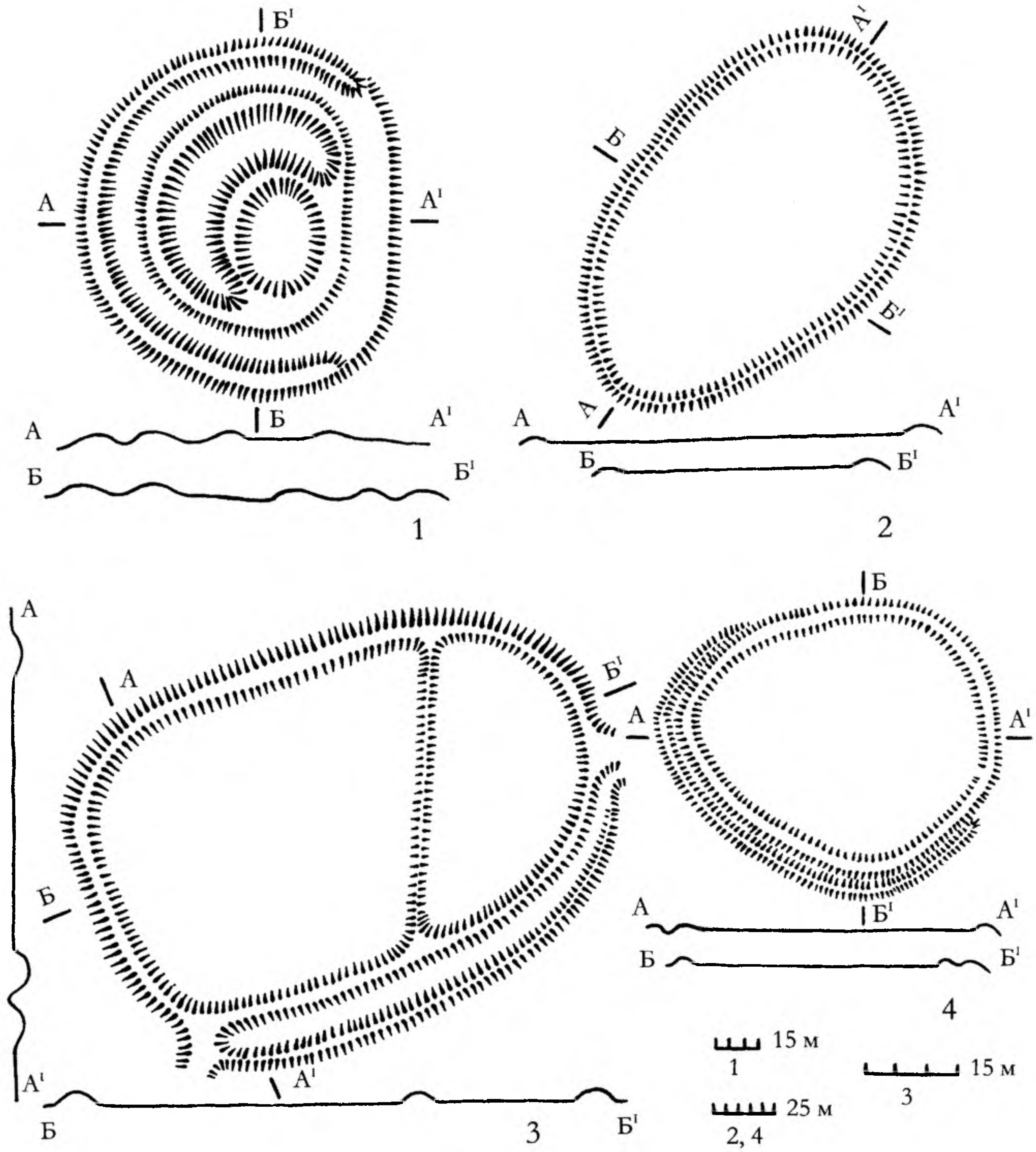

Рис. 4. Городища Восточнополесской низменности
(1 — Капоринка, 2 — Красная Дуброва, 3 — Рудня Бурицкая, 4 — Крынки I)

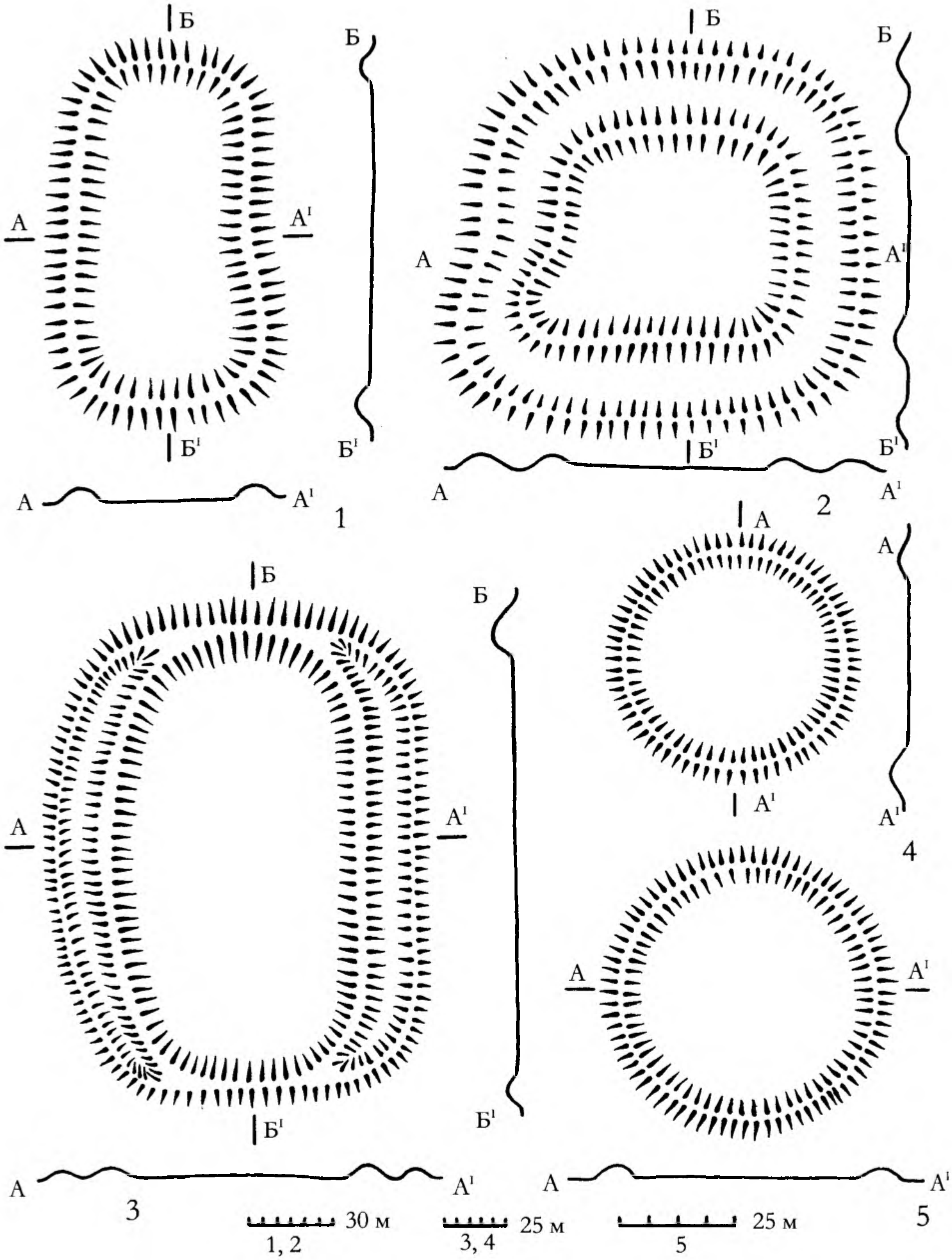

Рис. 5. Планы милоградских городищ
(1 — Старый Мокрец, 2 — Кулажин, 3 — Команов, 4 — Переволока I, 5 — Короватичи II)

культуре раннего железного века укрепленные поселения на низком месте среди пойм и болот не получили столь широкого распространения, как у «милоградцев». Нельзя не заметить, что милоградские племена не только сами сооружали городища на низменности, но и оказывали тем самым некоторое влияние на южных соседей — скифов-пахарей. В аналогичных природных условиях в Фастовском районе Киевской области расположено городище Млынок (Бессонова, 1987, с. 33, 38). По данным А.М. Медведева, у «штриховиков» низинные городища (IV тип) составляют только 3,1 % (Медведев, 1996, с. 18, 19). Примечательно, что эти 6 поселений из 195 памятников входят в 15 группу, которая локализуется в Предполесье (Медведев, 1994, с. 84, рис. 2). У населения днепро-двинской культуры нет вообще поселений с рассматриваемой топографией (Шадыро, 1985, с. 11, табл. 1).

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие низинных городищ у населения юхновской культуры, там они известны единицами, как, например, поселение Волынцево Путивльского р-на Сумской области (Ляпушкин, 1961, с. 59). Сабынинское и Люботинское городища в бассейне Северского Донца являются единичными памятниками такого рода среди лесостепных поселений Днепро-Донского междуречья (Шрамко, 1962, с. 188–189; он же, 1998, с. 11, 13–14; Моруженко, 1985, с. 176; Бессонова, 1987, с. 38). Аналогичное городище имеется и у населения дьяковской культуры в бассейне верхней Оки — Огубское (Городцов, 1926, с. 107–109; Никольская, 1959, с. 101–112). Группа болотных городищ Смоленщины, выделенная А.Н. Лявданским, как показали исследования П.Н. Третьякова и Е.А. Шмидта, относится к более позднему времени и имеет лишь топографическое сходство с памятниками раннего железного века Белорусского Полесья (Лявданский, 1926, с. 187–190, 259–260, 263–273; Третьяков, 1963, с. 37–39; он же, 1963г, с. 123–129; Егорейченко, 1980, с. 84; он же, 1996, с. 10).

Береговые. Во вторую топографическую группу входят городища, расположенные на берегах рек, — береговые. Их часто называют мысовыми. Нам представляется не совсем удачной привязка памятников к мысам. В таком случае не ясно, где расположено поселение, ибо неизвестно, частью чего является мыс: коренного берега или послеледникового останца, дюны, гряды, холма? Например, городище Любны расположено на мысу послеледникового останца, который находится в пойме реки Сож. По местонахождению его следует относить к группе поселений на холмах. Городища второй группы составляют третью часть (34 %) рассматриваемых милоградских памятников. Такие поселения значительно преобладают в Посожье, где на них приходится 44 %, затем в Приднепровье — около половины памятников — 42,7 % и в Полесье — 13,3 %. Эту группу укрепленных поселений можно разделить на два варианта. Первый — памятники, расположенные по берегам крупных рек на первой и второй надпойменных террасах Сожа, Днепра (рис. VIII: 51) и Припяти. Второй — поселения, сооруженные на берегах небольших речек: Беседи, Брагинки, Ипути, Покоти, Ржавки, Узы, Ути. Топография городищ первого варианта обстоятельно описана П.Н. Третьяковым и О.Н. Мельниковской (Третьяков, 1959, с. 119, рис. 1; он же, 1960, с. 43–44, рис. 21: 1; Мельниковская, 1957, с. 28–31; она же, 1967, с. 8–16, 24–33, рис. 2–5). Поэтому ниже мы остановимся на описаниях только второго варианта.

В Нижнем Посожье территория севернее широты Буда-Кошелево (Кормянский и северная часть Чечерского район) входит

в Предполесскую провинцию (V). Это — Чечерская равнина (27) с подзоной смешанных лесов (А) (Яроміна, 1986, цветная карта). Данное обстоятельство существенно повлияло на топографию древних поселений, расположенных в этой части региона. Среди 32 памятников на реке Сож находится 11: на левом берегу — 2 (Залесье и Скиток) и на правом — 9. Но больше всего древнейших городищ возведено на притоках Сожа — 21: на левых — Покоть (2), Беседь (3), Ипуть (3), Уть (2), Вилянка (1), Крупки (1), Хоропуть (1); на правых — Чечера (1), Деменка (1), Уза (5), Мужанка (1). Наиболее обжитым был правый берег Ипути с городищами Вылево, Добруш II и Подгорье. На левом берегу Узы локализуются четыре поселения (Азделин, Прибор, Уваровичи, Уза), а пятое — на правом берегу (Рудня Телешовская). В этом регионе лишь одно городище расположено на левом берегу Днепра — Рудня Маримонова. В Посожье, как видим, «милоградцы» предпочитали селиться по берегам небольших речек. Систематизируя памятники Посожья, С.Е. Рассадин отмечает 40 поселений на мысах (III тип). Он включает в эту группу городища с территории Славгородского и Кричевского районов Могилевской области (Рассадзін, 1991а, с. 73, 76, мал. 1, 2). А.И. Дробушевский выделяет в Посожье, как и С.Е. Рассадин, четыре типа укрепленных поселений. Среди них есть городища на мысу (тип II) и на высоком коренном берегу реки (тип III). Он отмечает: «В Белорусском Посожье господствуют мысовые городища» (Дробушевский, 1998, с. 6). К сожалению, такое рассуждение носит слишком общий характер. Если оно может быть верно по форме, то по сути — вряд ли. Ибо в верхней части Среднего Посожья, севернее Славгорода и выше, проживали уже не «милоградцы», а племена днепро-двинской культуры (Лошенков, 2002, с. 23–34).

В Приднепровье, в отличие от Посожья, мы наблюдаем следующую ситуацию. Известные нам береговые городища почти все находятся исключительно на правом, высоком берегу Днепра. Их насчитывается на Днепре 26 памятников. Из этого количества только два городища (Зборов и Шапчицы) расположены на левом, коренном берегу. А на его левых мелких притоках речках Серебрянке и Ржавке — по одному поселению, соответственно Хмеленец и Каменка. На двух правых притоках — четыре городища: на Друти (2) и Березине (2). В нижнем течении Друти, на ее левом берегу — Озераны, а на правом — Хомичи. В низовьях Березины городище Отрубы — на левом берегу, а Горволь — на правом. Заметим, что количество укрепленных поселений в Приднепровье (32) примерно такое же, как и в Посожье (табл. 2), но здесь они возводятся милоградским населением только на больших реках, а мелкие речки, как видим, почти не используются для таких целей.

В Полесье городища второй группы единичны. Так, на Припяти их только четыре: на левом берегу — Юровичи, а на правом — Акулинка, Моисеевичи, Стрельск и Лелёв. Последнее — на территории Украины (Кучера, 1976, с. 92). Остальные пять памятников находятся на малых речках. Среди них правый приток Днепра — Лебедёвка с городищем Асаревичи. На левобережье Припяти — четыре укрепленных поселения. К ним относятся Старая Иолча и Городище на правом берегу Брагинки, которая является самым нижним притоком Припяти. Городище Ивань находится на левом берегу речки Локнея — правого притока Случи (Егорейченко, 1980а, с. 360). На левом берегу реки Птичь, в ее нижнем течении, есть поселение Ивашковичи-I (Вяргей, 1994, с. 37). Сложившаяся ситуация объясняется прежде всего особенностями самих малых речек. «Русла современных полесских рек

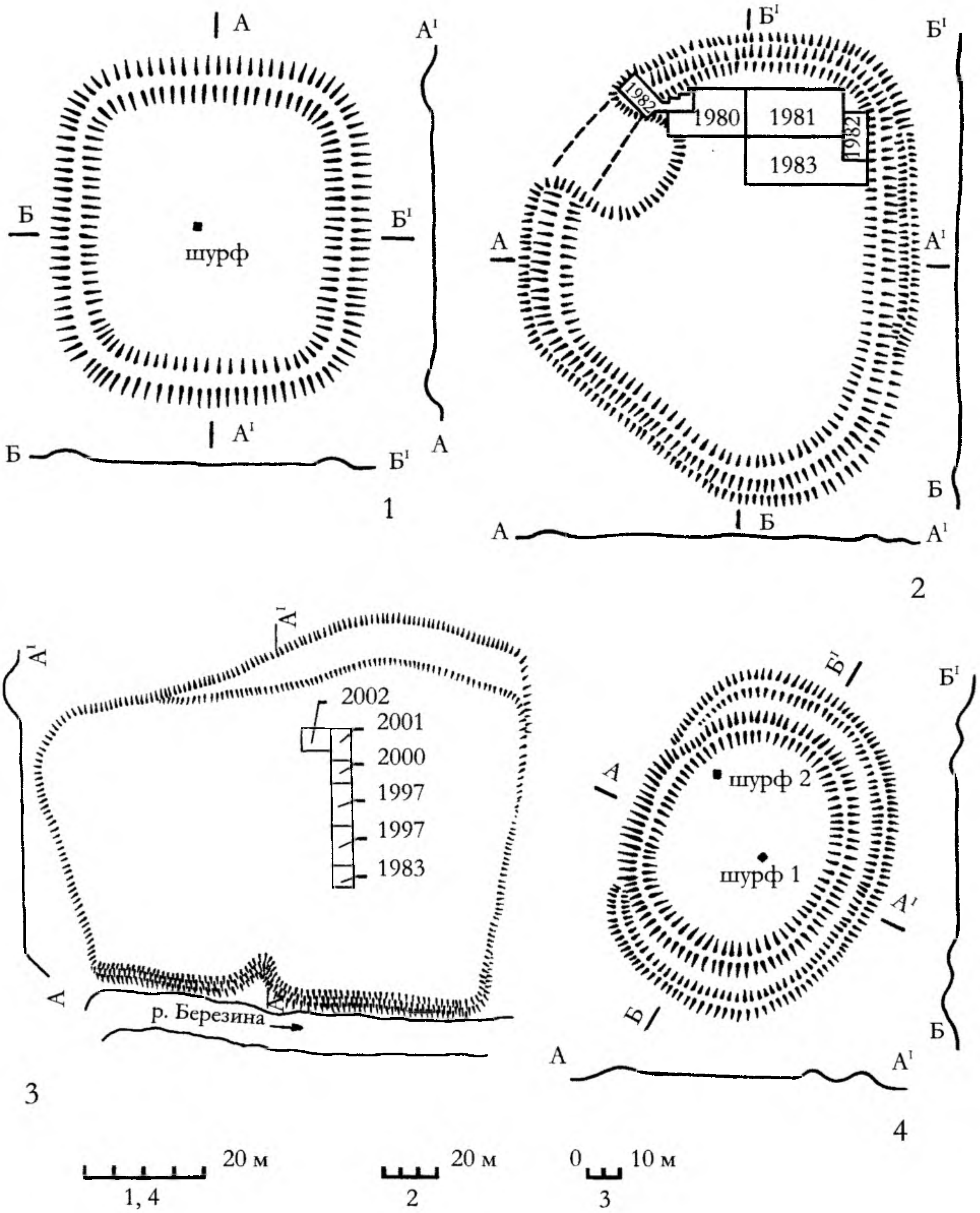

Рис. 6. Восточнополесские городища милоградской культуры
(1 — Новая Борщевка, 2 — Лиски, 3 — Отрубы (по Н.Н. Дубицкой), 4 — Волкошанка)

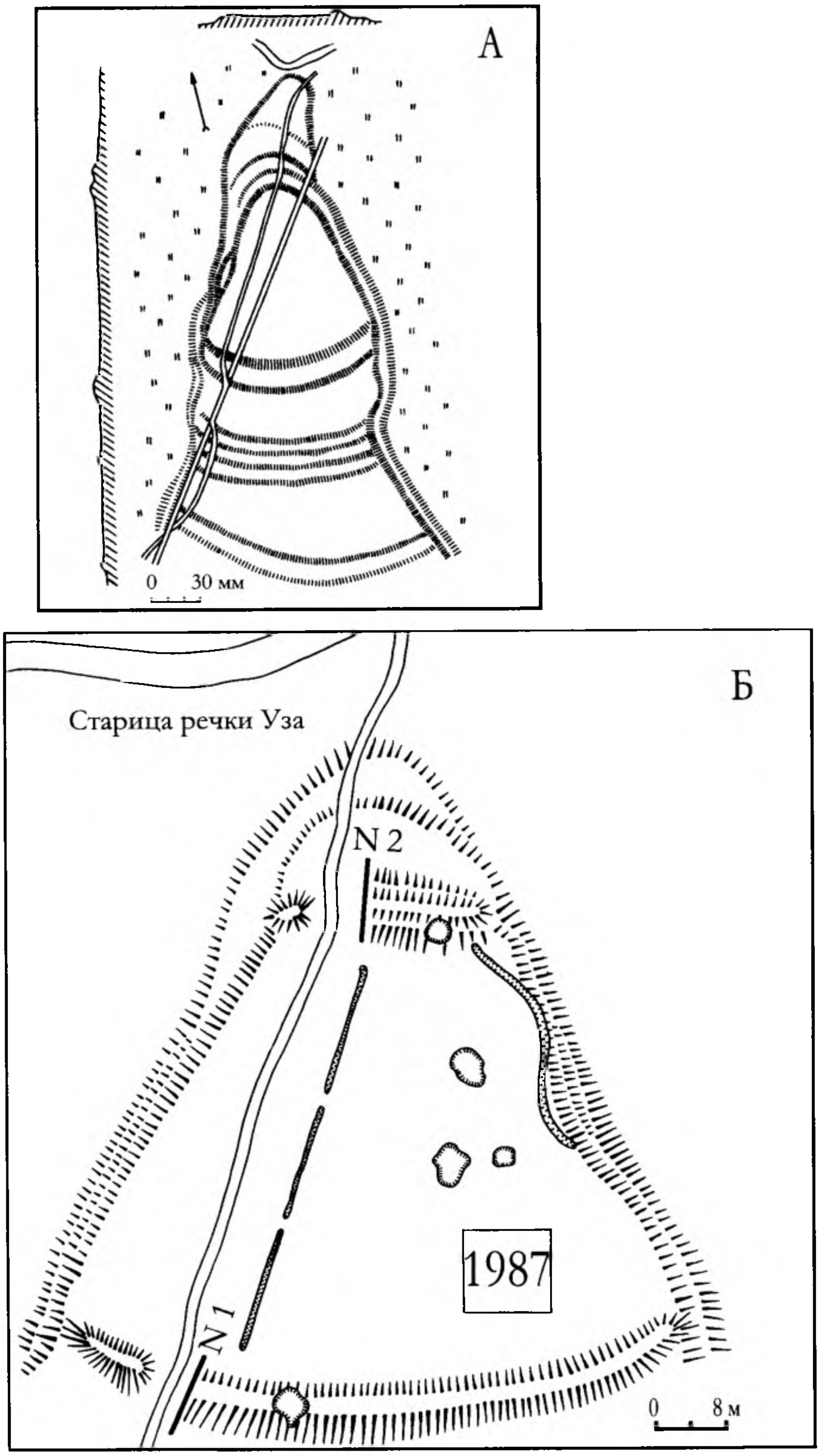

Рис. 7. Планы городища Уза
(А — по Л. Д. Поболю, Б — по С.Е. Рассадину)

(до широкомасштабной мелиорации. — *М. Л.*) выражены крайне плохо, они очень извилисты и дробятся на множество рукавов, ...образуя огромные и глубокие озеровидные расширения... У многих из них берега часто не выражены — реки теряются среди болот; уклоны русел ничтожны, течение почти не заметно» (Коржуев, 1960, с. 115). На отдельных участках берега небольших речек возвышаются на 2–2,5 м над уровнем воды. Иногда края берегов речек выше поймы на 1,5–2 м. Ю.В. Кухаренко отмечал, что берега полесских рек «низкие и поэтому в половодье бывают затоплены или лишь немного возвышаются над уровнем полых вод» (Кухаренко, 1961, с. 5–6). Именно поэтому в Полесье на берегах небольших речек «милоградцы» строили городища довольно редко, как и в Приднепровье (Лошенков, 1983, с. 11).

Во всех трех регионах мы наблюдаем локальные различия среди памятников второй группы. Это следует объяснять, с одной стороны, природными особенностями, а с другой — сложившимися традициями у населения милоградской культуры в разных регионах. Нетрудно заметить, что поселения первого и второго вариантов в регионах имели иногда почти взаимоисключающее соотношение. А в целом же на Беларуси преобладают городища первого варианта — на берегах больших рек с показателем 44 (61 %) против 28 (39 %). На Черниговщине 5 мысовых городищ милоградских общинников. Они расположены на левом берегу Днепра (3), правых берегах Десны (1) и Снови (1) (Жаров, 1991, с. 21, рис.). В пределах Киевского Полесья только два таких памятника: один на правом берегу Припяти (Лелев), а другой — Медвин — на левом берегу реки Тетерев (Кучера, 1976, с. 92, 93). У племен культуры штрихованной керамики городища на мысах и коренных берегах рек составляют, по уточнениям автора, 34,4 % (Медведев, 1994, с. 83; он же, 1996, с. 18). Население днепро-двинской культуры также строило укрепленные поселения в местах впадения небольших речек или ручьев в более крупные реки либо озера (Шадыра, 1999, с. 178). По данным В.И. Шадыро, на такие городища приходится четвертая часть памятников — 22,7 % (Шадыро, 1985, с. 11, табл. 1). У племен Лесостепи, в Днепро-Донском междуречье, городища с рассматриваемой топографией составляют 88,5 % (Моруженко, 1985, с. 160, 161).

Холмовые. Городища на холмах составляют третью топографическую группу памятников у населения милоградской культуры. В целом на изучаемой территории их немного, всего 18 городищ, что соответствует 8 % памятников. В Полесье на холмах небольших размеров, высотой от 4 до 8–10 м построены городища Гдень (рис. 3: 2), Команов (рис. 5: 3), Городное, Хоромск (Залашко, 1988, с. 59, рис. 1). Они находятся среди низменности в Брагинском и Столинском районах. В Приднепровье городище Удалёвка локализуется на правобережье Днепра в Лоевском районе. Поселение Чёрное (рис. 9: 2) в Речецком районе занимает небольшую часть послеледникового останца, что в пойме левого берега Днепра. Оно расположено на восточном краю останца между двумя оврагами. С восточной стороны возвышенности, в пойме, — старичное озеро Хотимля. Копаньское городище также на левом берегу Днепра на песчаной гряде. Около половины рассматриваемых памятников третьей группы находится в Нижнем Посожье. К таким поселениям относятся Любны, Новый Млын, Поколюбичи II, Старое Село, Черетяка II, Шепотовичи. Еще в середине 60-х годов О.Н. Мельниковская высказала мнение о том, что городища на останцах чаще встречаются

на реке Сож (Мельниковская, 1967, с. 26). Она объясняла данное явление рельефом местности. С.Е. Рассадин среди памятников раннего железного века Посожья фиксирует только два поселения (Поколюбичи и Старое Село, IV тип) с рассматриваемой нами топографией (Рассадзін, 1991а, с. 73, 79).

Наблюдения исследователей показывают, что в Белорусском Полесье, Приднепровье и Посожье почти повсеместное распространение имеют высокие останцы, холмы, песчаные гряды, дюны, валы. Эти естественные образования беспорядочно ориентированы относительно других элементов рельефа. Дюны имеют длину от нескольких десятков метров до 2 км. Ширина их может достигать 30–60 м, а высота — от 2–6 до 10–20 м. Наветренные склоны у них имеют крутизну 25–35°, а подветренные — 15–20° (Коржуев, 1960, с. 123, 124). Обычно древнейшие укрепленные поселения расположены на плоских вершинах возвышенностей, если имеют небольшую площадь, как Гдень (рис. 3: 2), Команов (рис. 5: 3), Хоромск (Залашко, 1988, рис. 1). Надо полагать, что склоны холмов вокруг городищ эскарпировались, чтобы придать им большую крутизну. Реже городища сооружались на мысовидном выступе (Любны) либо на краю останцов (Чёрное), если последние были больших размеров. Несмотря на достаточное количество высоких холмов, останцов, гряд в рассматриваемых регионах, они весьма редко использовались племенами милоградской культуры под строительство городищ. Свидетельством сказанному является небольшое количество поселений, устроенных на них (табл. 2). Вряд ли можно согласиться с О.Н. Мельниковской в том, что количество холмовых городищ у «милоградцев» напрямую зависело от природных факторов — наличия большого количества высоких останцов (холмов) на территории проживания. При выборе места для поселения будущие обитатели поселков руководствовались какими-то другими соображениями. Высокие гряды и холмы для таких целей их интересовали, как видим, меньше всего. Именно поэтому холмовые городища третьей топографической группы не получили широкого распространения у изучаемого населения. Вместе с тем заметим, что они имелись в достаточном количестве у племен других культур лесной полосы. Аналогичные памятники есть среди поселений дьяковской культуры в Верхнем Подвинье: Подгай, Ахромово (Станкевич, 1960, с. 23, 25, рис. 9, 10, 13). Они имеются и у населения днепро-двинской культуры в Верхнем Поднепровье: Никола, Микулино, Церковище, Тушемля (Третьяков, 1958, с. 171, рис. 2; Шмидт, 1976, с. 50, 181–182, 205; Седов, 1960, с. 51, рис. 21, 23; он же, 1964, с. 70, 71). У племен этой же культуры в Белорусском Подвинье холмовые городища составляют 2/3 всех поселений (Шадыро, 1981, с. 6; он же, 1985, с. 11, табл. 1). По наблюдениям А.Г. Митрофанова, довольно много холмовых городищ у населения культуры штрихованной керамики (Митрофанов, 1978, с. 15). В южной части ареала этой культуры три подобных городища отмечает А.А. Егорейченко: Качановичи, Аношки, Городище (Егорейченко, 1980, с. 87). Подсчеты А.М. Медведева показывают, что рассматриваемые памятники составляют более половины — 061 % поселений «штрихо виков» (Медведев, 1994, с. 83; он же, 1996, с. 18). Если ближайшие соседние племена часто сооружали городища на холмах, то весьма далекие финно-угры ананьинской культуры в Волго-Камском регионе — так же редко (Усть-Нечкинское — Тра-Тау), как и «милоградцы» (Иванов, 1984, с. 42).

В 60–70-е годы в археологической науке бытовало мнение о том, что у племен милоградской культуры преобладают

городища мысового типа (береговые. — *М. Л.*), а болотные встречаются в небольшом количестве (Мельниковская, 1967, с. 26; Очерки..., 1970, с. 142; Археология..., 1986, с. 179). Благодаря сплошному обследованию территории Беларуси во второй половине 70-х годов, получены новые данные по интересующим нас памятникам. Основываясь на них, мы смогли убедиться в том, что милоградскому населению в большей мере были свойственны городища низинные (первой группы). Надо сказать, что памятники, расположенные на низменности, в литературе часто называются поселениями болотного типа (Мельниковская, 1967, с. 26–27). К середине 70-х годов Л.Д. Поболь собрал сведения о 250 памятниках такого рода на Беларуси (Поболь, 1974, с. 30–33). Но эти поселения железного века он отнес к древностям раннего этапа зарубинецкой культуры (Поболь, 1974, с. 25, 27, 31–33). Лишь позднее, в начале 80-х годов, А.А. Егорейченко стал утверждать, что такие городища «...характерны в основном для милоградской культуры» (Егорейченко, 1980, с. 87; Егорейченко, 1996, с. 9–14). Работы, выполненные автором в Восточном Полесье во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов, как и другими исследователями, показали, что полесские городища однослойные и содержат отложения милоградских древностей (Лошенков, 1990, с. 5–7; Лашанкоў, 1999, с. 30, 32).

Рассмотрев топографию милоградских городищ, автор пришел к заключению, что у этого населения доминировали укрепленные поселения на низменности — низинные, затем — береговые и, наконец — холмовые.

Планировка

Имеющиеся планы городищ, а при их отсутствии подробные описания форм памятников позволяют рассмотреть вопрос о планировке древнейших укрепленных поселений у населения милоградской культуры. Их планировочная структура во многом определялась организацией защиты поселков с максимальным использованием природных возможностей той или иной местности. Форма поселения в плане существенным образом влияла на организацию его защиты. Тактические преимущества городищ во многом зависели от их планировки. Одной из положительных особенностей в таком деле являлась наименьшая или полная независимость формы поселения от рельефа. Сооружение городищ по заранее намеченному плану — прогрессивное явление. В таком случае конфигурация памятника выступает одним из необходимых элементов его обороны. Поэтому не случайно одни городища имеют правильные геометрические очертания — прямоугольные, квадратные, трапециевидные круглые, полукруглые, овальные, треугольные, а другие — лишь отдаленно их напоминают. Принимая за основу правильные геометрические формы, мы попытались проследить те тенденции в планировке поселений, которые были характерны как для культуры в целом, так и для отдельных регионов в частности.

В начале рассмотрим влияние природных факторов на планировку укрепленных поселков. Хорошо известно, что в древности формы городищ, расположенных по берегам рек, в значительной мере были подчинены рельефу местности: формам мысов, береговым пространствам между двумя оврагами, а также формам береговых линий и балок — ложбин (Мельниковская, 1967, с. 26). Их естественные очертания во многом определяли форму поселения в плане. Обитатели таких городищ, укрепляя их, ограничивали площадку с напольной стороны только на одну треть либо на половину длины периметра поселка. Классическим примером памятников с

Таблица 3

Формы милоградских городищ Беларуси

Формы в плане	Полесье	Приднепровье	Посожье	Всего	
Овальные	37	23	15	75	34 %
Круглые	31	4	7	42	19 %
Полукруглые	1	5	2	8	3,6 %
Прямоугольные	16	23	18	57	25,7 %
Квадратные	3	2	1	6	2,7 %
Треугольные	5	8	9	22	10 %
Трапециевидные	2	5	4	11	5 %
Итого:	**95**	**70**	**56**	**221**	**100 %**
Кол-во площадок*	1/4; 1/3; 14/2	6/2	2/3; 2/2	1/4; 3/3; 22/2	
Всего:	**16**	**6**	**4**	**26**	**11,7 %**

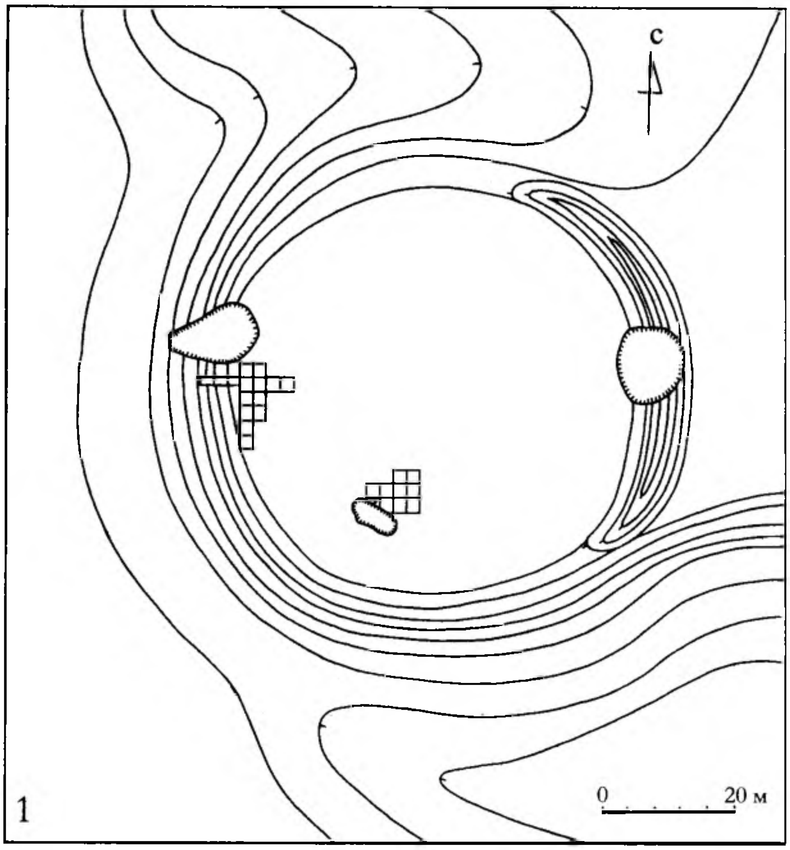
* В числителе — количество памятников, а в знаменателе — количество площадок у одного городища

зависимой от рельефа планировкой являются городища Горошков и Милоград, Подгорье (рис. 8: 2), Отрубы (рис. 6: 3). К ним следует относить все береговые городища в Приднепровье, Посожье и расположенные на берегах Припяти в Полесье. Подобная зависимость планировочной формы древнего поселения от рельефа наблюдается не только у береговых городищ, но и у холмовых. В Полесье примером удачного сочетания общей планировки памятников с естественной формой возвышенностей являются городища Гдень (рис. 3: 2), Команов (рис. 5: 3), Хоромск, Моисеевка. В таких случаях вершины холмов служили основаниями для площадок городищ, а по краям их, с нужных направлений либо по всему периметру, возводились искуственные оборонительные сооружения.

В отличие от береговых и холмовых городищ, низинные поселения обладают рядом особенностей, свойственных только им. Прежде всего — замкнутыми по всему периметру искусственными оборонительными сооружениями. Затем, как правильно было замечено О.Н. Мельниковской, формы укрепленных поселений на низком месте определялись не природными условиями, а соображениями оборонительного характера (Мельниковская, 1967, с. 26). Сооружение поселков той или иной формы на ровном месте уже никак не зависело от рельефа. Это явление прогрессивное. В таком случае планировка их наиболее полно отражает преднамеренный замысел строителей. Последнее обстоятельство для нас весьма важно, так как свидетельствует о сознательно приданной форме городищу. Примечательно, что рассматриваемые поселения первой топографической группы составляют большую часть памятников (табл. 2). Здесь мы вправе говорить о том, что сознательно приданные формы поселениям на ровной низкой местности свидетельствуют о существовавших тенденциях в планировке городищ у населения милоградской культуры.

Сводные данные показывают, что поселения овальной в плане формы доминируют во всех трех регионах (табл. 3: кат. с. 360–367).

Овальные городища составляют 34 % от изучаемых памятников (рис. 4: 2). На втором месте памятники прямоугольной формы (рис. 2: 1; 5: 1). Удельный вес таких городищ 25,7 %. Они занимают прочно ведущие места в Посожье и Приднепровье. А вот в Полесье количественно они находятся на третьем месте. В целом же на третьем месте у «милоградцев» были поселения круглой в плане формы — 19 %. Если в Полесском регионе они на втором месте (рис. 5: 4, 5), то в Приднепровье и Посожье их совсем немного: соответственно четыре и семь памятников. О.Н. Мельниковская отмечала,

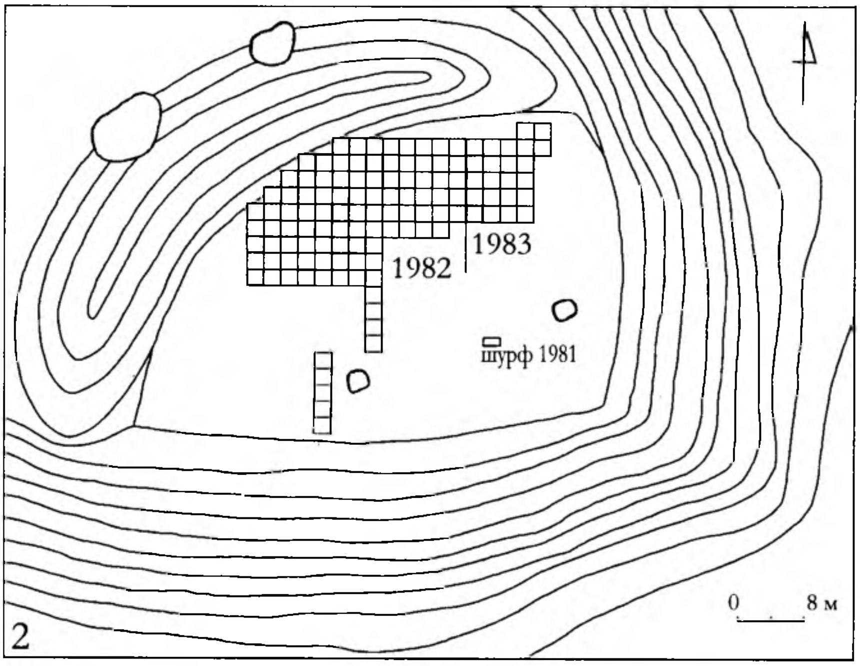

Рис. 8. Городища Посожья с раскопами С.Е. Рассадина
(1 — Нисимковичи, 2 — Подгорье)

что круглые городища у изучаемого населения встречаются довольно редко, с чем, как видим теперь, нельзя согласиться (Мельниковская, 1967, с. 26). Четвертое место занимают городища треугольные — 10 %. Больше всего их в Посожье (9) и Приднепровье (8), где по количеству они на третьем месте (рис. 2: 3; 3: 1; 7). Пятое место у поселений, которые в плане имеют форму трапеции — 5 %. Они чаще встречаются среди памятников Приднепровья (рис. 6: 3) и Посожья, а в Полесье — только в двух случаях: Доколь Глусского и Юровичи Калинковичского районов. Квадратные в плане городища являются редкой формой (рис. 6:1). Их мало во всех регионах (табл. 3). Полукруглые в плане памятники зафиксированы в Приднепровье и Нижнем Посожье. В Полесском регионе одно такое поселение — Акулинка. Объясняется это тем, что у таких городищ одна сторона, прямая, является руслом реки либо обрывом к реке. К числу таких памятников относятся Вылево, Глыбов, Городок (Переделковский с/с), Зборов, Лучин I, Полесье, Рудня Маримонова. С.Е. Рассадин подобные поселения относит ко второму типу (Рассадзін, 1991а, с. 73, 75, 76). Следует сказать, что формы таких поселков в какой-то мере «подвижны». Если все рассмотренные выше формы (планы) поселений существуют изначально без изменений, то у городищ полукруглых мы этого не наблюдаем. Их первоначальная форма нам может быть вообще неизвестной. Нужно учитывать то, что река постоянно подмывает берег, и он обваливается, что приводит к постоянному изменению формы такого городища. В таком случае со временем оно может стать из полукруглого сегментовидным (Городок Переделковского с/с). Подобные явления имеют место и у памятников других культур, как, например, городище Палицкое у племен штрихованной керамики (Лашанкоў, 1997, с. 30, мал. 1; Лошенков, 2000, с. 125–126, рис. 2, 3).

Таким образом, мы можем, с одной стороны, констатировать разнообразие форм городищ у населения милоградской культуры, а с другой — отметить, что преобладающими среди них были овальные, прямоугольные и круглые в плане поселения. Другие же в плане формы изучаемых памятников такие как трапециевидные, полукруглые и квадратные, не получили широкого распространения (табл. 3).

А.А. Егорейченко не соглашается с мнением О.Н. Мельниковской в том, что у низинных городищ наличие самых разных форм площадок не может быть объяснено только лишь соображениями оборонительного характера. Объяснение различий в конфигурации городищ он усматривает в каких-то местных ландшафтных особенностях, и в частности в формах естественных площадок под создаваемые поселения (Егорейченко, 1996, с. 12). В таком случае непонятно, о каких естественных площадках может идти речь на ровном низком месте, которые бы могли влиять на планировку городищ? Мне представляется, что наличие тенденций в создании устойчивых форм поселений, по-видимому, следует объяснять определенными традициями, которые сложились у населения регионов, исходя как из условий местности, так и из задач наилучшей защиты площадок городищ. Тогда ясно, почему одни формы характерны, а другие не получают распространения. Для сравнения отметим, что у племен культуры штрихованной керамики количественно преобладают, как и у «милоградцев», городища овальной формы — 66 %, затем круглые — 17,5 % и подпрямоугольные — 7,2 % (Медведев, 1996, с. 18). У милоградского населения на

втором месте прямоугольные, а на третьем — круглые (табл. 3). Здесь важно подчеркнуть большее разнообразие других форм у рассматриваемых памятников милоградских общинников, нежели у «штриховиков». В данном случае мы рассмотрели планировку одноплощадочных городищ.

Теперь отметим еще одну особенность у поселений «милоградцев» — наличие городищ с двумя и более площадками (Третьяков, 1966, с. 178, 179; Мельниковская, 1967, с. 27; Лошенков, 1982, с. 82; он же, 1987а, с. 103; он же, 1990, с. 7). На территории проживания милоградских племен в пределах Беларуси имеется 26 таких памятников (кат. с. 360–367). Опубликованные автором сведения о 16 таких поселениях верны только для Полесского региона (Лашанкоў, 1999, с. 31). Городища с двумя и более площадками у милоградского населения — явление нередкое — 11,7 % (табл. 3). Остановимся на них подробнее. В этой группе только одно городище — Новая Гребля состоит из четырех площадок (Мельниковская, 1967, рис. 5: 1). Совсем немного поселений с тремя площадками. В их числе Уза (рис. 7: А), Старое Село, Чикаловичи (Мельниковская, 1967, рис. 5: 3, 4). Численно же преобладают двухплощадочные городища — 22. В Полесье их 14, в Приднепровье — 6 (Горошков, Козье (рис. 3: 1), Коротковичи, Рудня Бурицкая (рис. 4: 3), Старое Красное (рис. 3: 3), Милоград) и в Посожье — 2 (Бобовичи и Черетяка II). В планировке рассматриваемых поселений с несколькими площадками прослеживается ряд внешних различий.

Во-первых, городища, которые сооружались с самого начала с двумя площадками, как у деревень Козье Речицкого и Виша Калинковичского районов. У них одинаковые размеры внешнего вала и вала между площадками.

Во-вторых, поселки, которые строились с одной площадкой, а потом она разделялась валом-перемычкой на две, как правило, не равные части (Бечи (Поболь, 1974, с. 161, рис. 49: 3), Лясковичи, Козловичи, Савичи, Рудня Бурицкая (рис. 4: 3), Снядзин). Вал, делящий площадку такого городища на две части, небольших размеров: шириной 6–7 м и высотой 0,5–0,9 м. Внешний же вал всегда значительно больших размеров. В связи с этим интересно подчеркнуть, что у городища Черетяка-II площадка разделена рвом, а не валом, как у всех остальных поселений (Рассадзін, 1985, с. 142). Ров, делящий городище на две части, шириной 2 м и глубиной около 1 м. Шурфовки, проведенные на отгороженных меньших площадках у городищ Рудня Бурицкая и Савичи, показали, что слой на них выражен крайне слабо. С.Е. Рассадин отмечает, что на городище Черетяка II культурный слой толщиной 0,4 м содержит керамику, кости животных и металлургические шлаки (Рассадзін, 1985, с. 142).

В-третьих, есть городища Кулажин (рис. 5: 2), Чикаловичи Брагинского, Борисовщина Хойникского, Заракитное Наровлянского районов, у которых расстояние между внутренними и внешними валами достигает 10 м и более. Ров между валами не прослеживается. Заметим, что у трех поселений: Заракитное, Чикаловичи, Борисовщина — в центральной части внутренний вал ограничивал площадки прямоугольной формы, а внешний — придавал городищам круглую либо эллипсообразную в плане форму (Мельниковская, 1967, с. 28, рис. 5: 4; Лошенков, 1983, с. 11). По такому же планировочному принципу сооружены городища Защёбье в Речицком и Коротковичи в Жлобинском районе (Мельниковская, 1967, с. 28), Новая Красница и Радинка в Киевском Полесье (Кучера, 1976,

с. 88, 89, 90, 91, рис. 2, 4). Два последних памятника отличаются от рассматриваемых лишь большими размерами. У городища Чикаловичи первоначально была такая же планировка, но потом площадка между валами разделена двумя валами-перемычками на две части, в результате чего оно стало трехплощадочным (Мельниковская, 1967, рис. 5: 4).

В-четвертых, городища возведенные с одной площадкой, к которой потом пристраивались дополнительно еще одна и в одном случае три — Новая Гребля (Мельниковская, 1967, рис. 5: 1). Такие поселения находятся вблизи деревень Старое Красное (рис. 3: 3), Бобовичи, Дубровица-II. Пристроенные площадки ограждены земляными валами меньших размеров, чем основные. Раскопки на городище Старое Красное показали, что одна из двух площадок — наиболее сильно укрепленная, содержит культурный слой. Она является жилой частью поселка. Совершенно права О.Н. Мельниковская в том, что назначение дополнительных, как и отгороженных площадок вряд ли следует ограничивать какой-то одной функцией, так как их использование в действительности могло быть более разнообразным. Нам представляется, что причины членения одной площадки на две части, как и пристройки дополнительных к основным, были вызваны внутренними хозяйственно-производственными потребностями обитателей городищ, нежели серьезными оборонительными задачами. Вполне возможно, что такие площадки могли быть и могильниками, как это зафикси-ровано лишь на одном из рассматриваемых поселений — городище Горошков (Мельниковская, 1962, с. 163, 165, рис. 1). Все вышеизложенные автором суждения о городищах с двумя и более площадками у населения милоградской культуры носят, к сожалению, предварительный характер. Отсутствие целенаправленных раскопок на таких памятниках не позволяет иметь уверенное представление, вытекающее из конкретных материалов, о времени их функционирования, о назначении их отдельных частей, о последовательности в строительстве оборони-тельных сооружений и т. д.

В лесной полосе Восточной Европы двухчастные городищавстречаются в небольшом количестве у населения милоградской культуры (11,7 %). Их почти нет у носителей культур штрихованной керамики, днепро-двинской, дьяковской, городецкой и, по-видимому, юхновской (Митрофанов, 1978; Медведев, 1996; Шадыро, 1985; Станкевич, 1960, с. 18–36; Смирнов, 1974, с. 7–17; Третьяков, 1966, с. 145–156; Шмидт, 1976). В то же время укрепленные поселения с двумя и более площадками были распространены у южных соседей: населения на право- и левобережье Среднего Днепра (Петренко, 1967, с. 8–9; Ильинская, 1983, с. 260–264, 267, 269, 330, 334, 338, 340, 341, 345; Археология..., 1986, с. 33, 87–88, рис. 6: 23, 24, 29) и у лесостепных племен Днепро-Донского междуречья (Либеров, 1962, с. 63–64; он же, 1965, с. 8–11; Пузикова, 1969, с. 43, рис. 1: 5; Моруженко, 1985, с. 161–168, рис. 3: 12–20; 22–24; 4: 1, 2; 6–13). Следовательно, небольшое количество милоградских городищ с несколькими площадками можно рассматривать как заимствование подобной планировочной структуры у населения скифской Лесостепи. В целом же многочастная планировка городищ не получила у «милоградцев» широкого распространения.

Размеры

Весьма показательными для характеристики поселений являются их размеры. Такие сведения указывают, с одной стороны,

на общую величину памятника, а с другой — на площадь укрепленной площадки. Размеры защищенных площадок у поселений находились в прямой зависимости от численности проживавшего коллектива. Здесь можно заметить, что число обитателей того или иного городища не могло быть постоянным долгое время. Оно то увеличивалось, то уменьшалось на протяжении длительного периода функционирования поселков. Границы же площади городища оставались постоянными все время. Поэтому размеры площадок городищ могут лишь косвенно указывать на количество проживавшего древнего населения.

Вопрос о размерах милоградских укрепленных и неукрепленных поселений подробно исследователями не рассматривался. Сведения в публикациях носят слишком общий характер (Мельниковская, 1957, с. 30; она же, 1967, с. 8, 10; Очерки..., 1970, с. 140, 142; Поболь, 1974, с. 32, 33; Егорейченко, 1980, с. 84, 85, 87; он же, 1996, с. 12, 13, 14; Лашанкоў, 1999, с. 31). Основными источниками для рассмотрения данного вопроса послужили опубликованные, а в ряде случаев и уточненные в отчетах сведения по интересующим нас памятникам (Кухаренко, 1961; Древности..., 1962; Штыхов, 1971; Поболь, 1974; он же, 1983; Збор..., 1984, 1985, 1986, 1987). Информация о размерах древних поселений приводится в источниках часто неполная, иногда приблизительная, а то и вовсе противоречивая. Так, например, Л.Д. Поболь сообщает, что городище Клинск Калинковичского района имеет размеры по наружному валу 330 × 280 м, а в «Зборы помнікаў гісторыі і культуры Беларусі» по Гомельской области эти же данные уже относятся только к площадке (Поболь, 1974, с. 157; Збор..., 1985, с. 209). Подобные неточности, как и приблизительные данные, увеличивали в известной мере погрешности в проводимых автором вычислениях (кат. с. 360–367). Для полноты характеристики рассматриваемых поселений обязательно учитывались три фактора: общая площадь памятника, площадь укрепленной площадки и площадь оборонительных сооружений. Уточним, что из 221 анализируемого памятника информация полностью отсутствует о размерах шести городищ. В Полесском регионе нет данных о трех поселениях (Ивашковичи I, Рудня Убортская, Хотомель I) и в Посожье о трех — Добруш II, Покоть, Яново. Сведения еще о четырех памятниках в Посожье неполные: по городищам Косельский Прудок, Подгорье, Себровичи есть лишь их общие площади, а по Чечерску — только площадки (кат. 366–367). Для удобства сравнений автор использует шкалу величины площади с интервалами по 500 кв. м. Сводные данные, приведенные в таблице, показывают, что по величине общих размеров и непрерывности шкалы основное количество милоградских городищ (187) находится в пределах от 900–1000 до 17500 кв. м (табл. 4). Далее от 17500 до 90000 кв. м шкала разрывается на промежуточные интервалы разной величины и в этом диапазоне насчитывается только 27 памятников.

Как следует из имеющихся данных, минимальные размеры (от 900 до 1000 кв. м) только у трех городищ: Уть, Городок и Азделин в Посожье. В Приднепровье наименьшие размеры зафиксированы у городищ Заспа (1420 кв. м) и Новая Борщёвка (1672 кв. м). В Полесье к числу таких памятников относятся Ивашковичи II (1220 кв. м), Стрельск (1400 кв. м) и Шишки (1600 кв. м).

Все рассматриваемые памятники милоградского населения целесообразно разделить по величине общей площади на пять групп. В первую входят городища, площадь которых 0,1–1 га. Их насчитывается

Таблица 4

Количество милоградских городищ по величине общей площади

№ п/п	Шкала площади, кв. м	Количество памятников по регионам			Всего поселений	№ п/п	Шкала площади, кв. м	Количество памятников по регионам			Всего поселений
		Полесье	Приднепровье	Посожье				Полесье	Приднепровье	Посожье	
1	900–1000			3	3		— // —				
2	1001–1500	2	1	3	6	35	18501–19000		1		1
3	1501–2000	2	3	1	6		— // —				
4	2001–2500		3	4	7	36	19501–20000	1	1		2
5	2501–3000	1	3	3	7	37	20001–20500	2	1		3
6	3001–3500	2	2	2	6		— // —				
7	3501–4000	2	5	2	9	38	21501–22000	1			1
8	4001–4500	4	2	2	8	39	22001–22500		1		1
9	4501–5000	5	1	5	11	40	22501–23000		1		1
10	5001–5500	3	2	3	8		— // —				
11	5501–6000	4	4	4	12	41	23501–24000			1	1
12	6001–6500	3	2	2	7	42	24001–24500	1		1	2
13	6501–7000	1	3	1	5	43	24501–25000	1			1
14	7001–7500	5	4	1	10		— // —				
15	7501–8000	4	3	3	10	44	27001–27500	1			1
16	8001–8500	1	5	1	7	45	27501–28000	1			1
17	8501–9000	4	5	3	12		— // —				
18	9001–9500	4	1		5	46	30001–30500	2			2
19	9501–10000	4	3	1	8	47	30501–31000	1			1
20	10001–10500	2			2	48	31001–31500	1			1
21	10501–11000	2	1		3	49	31501–32000	1			1
22	11001–11500		1		1		— // —				
23	11501–12000	2		1	3	50	37501–38000	2			2
24	12001–12500	1	4		5		— // —				
25	12501–13000	3	1	1	5	51	39501–40000	1			1
26	13001–13500	1	1	2	4		— // —				
27	13501–14000	2		1	3	52	43001–43500	1			1
28	14001–14500	3			3		— // —				
29	14501–15000	1			1	53	64501–65000	1			1
30	15001–15500	1			1		— // —				
31	15501–16000	1		1	2	54	72001–72500	1			1
32	16001–16500	1			1		— // —				
33	16501–17000	2	1		3	55	89501–90000	1			1
34	17001–17500		3		3		**Всего:**	**92**	**70**	**52**	**214**

147. Они составляют 68,6 %. Среди регионов соотношение их примерно равное: Полесье — 51, Приднепровье — 52, Посожье — 44. Однако, исходя из общего количества памятников в каждом из регионов, заметим, что в Полесье эта группа составляет только 55,4 % поселений, в Приднепровье — 74,3 % и в Посожье — 84,6 %. Вторую группу составляют 43 (20 %) поселения с площадью 1,01–2 га. По регионам, в отличие от первой группы, их соотношение разнится следующим образом: Полесье — 22 (24 %), Приднепровье — 15 (21,4 %), Посожье — 6 (11,5 %). Как видим, число городищ площадью более гектара в регионах резко сокращается. В третью группу, площадью 2,01–3 га, объединяются только 12 (5,6 %) городищ. Данные по регионам такие: Полесье — 7, Приднепровье — 3 и

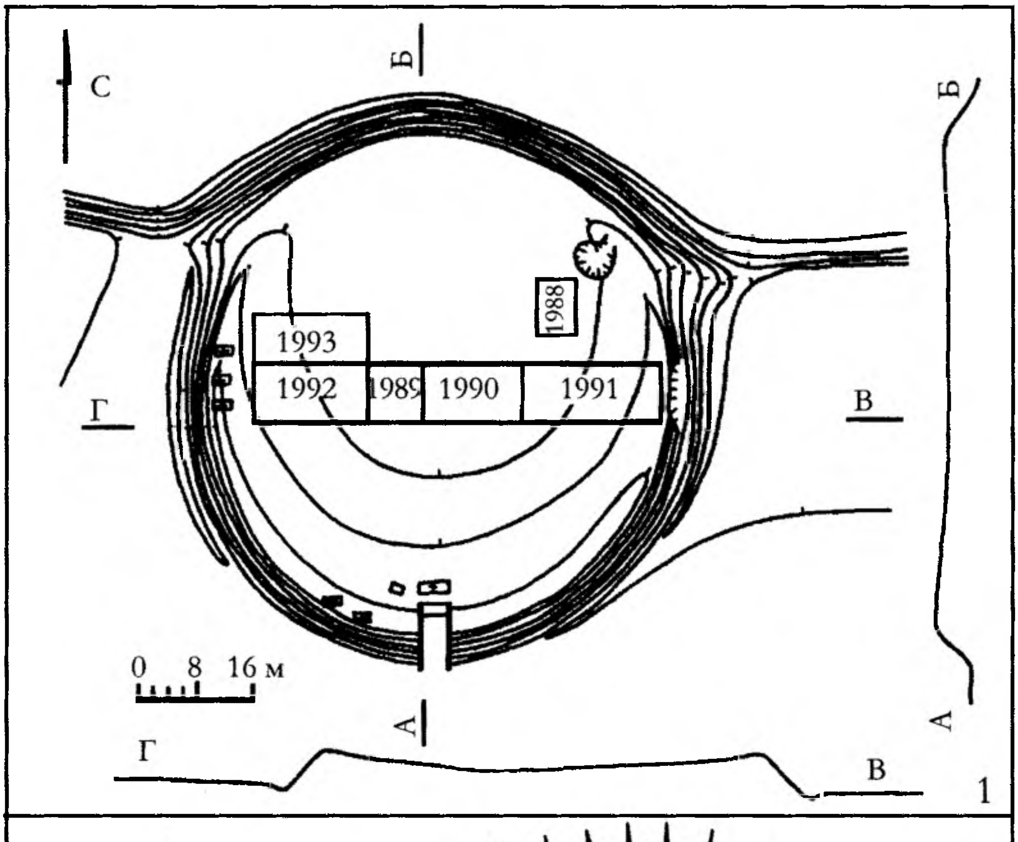

Рис. 9. Городища левобережного Днепра:
1 — Уваровичи (по А. И. Добушевскому), 2 — Черное

Посожье — 2. У двух регионов в этом интервале поселения имеют предельно максимальные размеры. В Нижнем Посожье — Старое Село (24 000 кв. м) и Уза (24 300 кв. м), а в Приднепровье — Моховское I (20 100 кв. м), Лиски (22 500 кв. м) и Рудня Бурицкая (22 880 кв. м). В четвертую группу включаем 8 (3,8 %) поселений, площадь которых в пределах 3,01–4 га. Они представляют, в отличие от предыдущих групп, памятники только одного региона — Полесья (табл. 4). Пятую группу составляют самые большие по площади (в интервале 4,01–9 га) четыре (1,8 %) городища: Буда II (43300 кв. м), Юровичи (65000 кв. м), Клинск (72500 кв. м) и Бечи (90000 кв. м).

Для милоградской культуры, городища площадью более 2 га следует считать памятниками очень больших размеров. Подобных поселений немного — 24. К ним относятся укрепленные поселки вышерассмотренных III, IV и V групп. Ранее автор выделял по величине общей площади три подгруппы среди восточнополесских памятников (Лошенков, 1990, с. 8). Здесь важно подчеркнуть, что городища больших размеров находятся преимущественно в Полесском регионе. Изучение восточнополесских городищ позволило автору показать те различия, которые имеются в соотношениях между величиной защищенной площадки и площадью, занятой под укрепления (Лошенков, 1983, с. 12; он же, 1987а, с. 102). Автором установлено, что существуют три варианта таких различий (табл. 5). Первый — поселки, у которых площадки занимают около 1/3 от общих размеров. Второй вариант — городища с примерно равным соотношением размеров площадки и площади, занятой укреплениями. Третий — памятники, у которых на площадки приходится около 2/3 и более от их общей величины. Как соотносятся эти варианты в регионах, показано в табл. 5. В целом же в милоградской культуре, как видим, существует определенное равенство между вторым и третьим вариантами при наличии локальных различий.

Таблица 5

Соотношение размеров площадок и площади укреплений

Регионы		Варианты		
		Первый 1/3	Второй ≈ 50 x 50	Третий 2/3
Полесье	92	15 (16,3 %)	31 (33,7 %)	46 (50 %)
Приднепровье	70	19 (27,2 %)	35 (50 %)	16 (22,8 %)
Посожье	49	10 (20,4 %)	14 (28,6 %)	25 (51 %)
Всего:	**211**	**44 (20,8 %)**	**80 (38 %)**	**87 (41,2 %)**

Так сложилось, что сравнивать данные о размерах милоградских городищ с аналогичными поселениями у населения смежных территорий мы можем только по величине площадок (табл. 6). Племена юхновской культуры, на правом берегу Десны от Брянска до Сосницы, проживали на городищах, площадки которых 0,2–0,5 га (Воеводский, 1949, с. 68–69; Левенок, 1957, с. 49). П.Н. Третьяков отмечает, что общей особенностью древнейших городищ Смоленщины являются их небольшие размеры. Площадки большинства памятни-ков 800–1000 кв. м встречаются как исключение (Третьяков, 1963, с. 10). Также небольшие по площади укрепленные поселения (от 400 до 2000 кв. м) сооружали ананьинские племена в Приуралье (Иванов, 1984, с. 42, 44, табл. VII). Население культуры штрихованной керамики строило городища как маленьких (от 300 кв. м), так и больших (7000 кв. м и более) размеров. Л.М. Медведев выделяет у «штриховиков» 6 групп памятников по размерам площадок. На первом месте малые городища (900–2200 кв. м) — 48 %, на втором — средние (2700–5000 кв. м) — 17,5 % и на третьем — миниатюрные (300–800 кв. м) — 12 % (Медведев, 1996, с. 18). У племен днепро-двинской культуры подавляющее большинство поселений (87,2 %) имеют размеры площадок от 500 до 5000 кв. м (Шадыро, 1985, с. 13, табл. 3). В интервале площади 300–5000 кв. м у «штриховиков» — 77,5 % поселений, а у «милоградцев» —

Таблица 6

Количество милоградских городищ по размерам площадок

№ п/п	Интервалы площади, кв. м	Количество памятников	№ п/п	Интервалы площади, кв. м	Количество памятников	№ п/п	Интервалы площади, кв. м	Количество памятников
1	200–999	22	13	12000–12999	5	23	28000	1
2	1000–1999	28	14	13400 и 13800	2	24	29800	1
3	2000–2999	28	15	14000	1		— // —	
4	3000–3999	29	16	15000–15999	4	25	31400	1
5	4000–4999	25	17	16500 и 16500	2		— // —	
6	5000–5999	19	18	17570 и 17800	2	26	42800	1
7	6000–6999	11		— // —			— // —	
8	7000–7999	6	19	20000 и 20600	2	27	60000	1
9	8000–8999	4	20	21300	1		— // —	
10	9000–9999	6	21	22700 и 22800	2	28	76000	1
11	10000–10999	5		— // —			**Всего:**	**212**
12	11300	1	22	27500	1			

60,2 %. Здесь можно подчеркнуть, что у последних в Нижнем Посожье несколько больше городищ с малыми площадками, нежели в других регионах.

Что касается памятников больших размеров, то их не так уж много. У «днепро-двинцев», по сведениям В.И. Шадыро, поселений с площадью более 0,7 га — 15, около 8 % (Шадыро, 1985, табл. 3). По данным А.М. Медведева, в южном и юго-восточном ареале «штриховиков» преобладают укрепленные поселения больших размеров (Медведев, 1996, с. 20, рис. 8). Территориально они локализуются вблизи северных пределов расселения милоградских племен. В пятую группу больших городищ населения штрихованной керамики входит 14 памятников и в шестую — очень больших (более 0,7 га) — 7, которые вместе составляют 11,5 % рассматриваемых поселений. Нетрудно заметить, что максимальные размеры укрепленных площадок у населения как днепро-двинской культуры, так и штрихованной керамики ограничиваются в пределах 0,75 га. У милоградского населения 50 (23,6 %) городищ, площадки которых от 0,7 до 7,6 га (табл. 6).

В отличие от общин милоградской культуры, племена Лесостепи строили городища огромных размеров (Либеров, 1965, с. 8, 10; Петренко, 1967, с. 8, 9; Моруженко, 1985, с. 174; Археология..., 1986, с. 92–94, 105, 106, 108, 114, 115, 117–118). Заметим, что наиболее южные милоградские городища находятся в Киевском Полесье, и они также имеют большие размеры (Кучера, 1976, с. 88, 89, 90, 92). В восточной части Белорусского Полесья основное количество таких памятников локализуется в бассейне нижнего течения Припяти. Есть основания полагать, что сооружение городищ боль-ших размеров население милоградской культуры позаимствовало, по-видимому, у племен лесостепных культур. Поэтому не случайно большие по площади укрепленные поселения расположены в пределах Беларуси до широты южнее Речицы. Несмотря на то, что общины «милоградцев» и возводили очень большие городища, в целом же это явление не получило у них широкого распространения.

Таким образом, милоградские городища по величине общей площади значительно большие, нежели таковые у племен днепро-двинской, штрихованной керамики и юхновской археологических культур. Более половины таких памятников (68,7 %) имеют площадь 0,1–1 га. Очень большие городища, площадью более 2 га, появившиеся под влиянием с юга, населения Лесостепи, составляют только 11,2 %. Вместе с тем укрепленные поселения у «милоградцев» меньшие по размерам, нежели таковые у лесостепных племен.

3. Укрепления поселений

В раннем железном веке организация защиты поселений включала в себя не только выбор места, укрепленного природой, планировку поселка, но и еще, что также важно, — возведение искусственных укреплений. Естественные препятствия на подступах к поселениям органически дополнялись специально возводимыми защитными сооружениями в виде деревянных ограждений, земляных валов и рвов. Условия местности в значительной мере определяли степень сложности таких укреплений, которые были тесно связаны с планировкой древнейших городищ. О.Н. Мельниковская подробно описывает характер оборонительных сооружений у городищ милоградской культуры, которые расположены на правом высоком берегу Днепра (Мельниковская, 1967, с. 29–32). Нельзя не отметить, что большая часть городищ рассматриваемой культуры находится в совершенно иных природных условиях.

Сохранившиеся до настоящего времени насыпи валов у милоградских поселений имеют ширину по подошве от 8 до 16–18 м. У подавляющего большинства памятников валы шириной 10–12 м. Высота валов варьируется в пределах от 1,3–1,5 до 2,5–3 м. У городищ, сооруженных на берегах больших рек, размеры валов бывают иногда более мощными, как, например, у поселения Городок Бывальковского сельсовета Лоевского района: ширина по подошве — 25 м, а высота около 3,5 м. В Полесском регионе единственным памятником, у которого весьма близкие размеры укреплений, является холмовое городище Команов Брагинского района (рис. 5: 3). Его основной вал, опоясывающий площадку на вершине высокой возвышенности, имеет ширину у основания с севера 28 м, с востока — 19 м, с юга — 20 м и с запада — 23,5 м. Высота этого вала с севера — 3,5 м, с юга — 3 м и с запада — 2 м. Низинные же городища не имеют насыпей валов больших размеров. Крайне редко максимальная ширина их достигает 18 м, а высота 3 м. Рвы у них небольшие: шириной 2–4 м и глубиной около 1 м. В разрезе они чашеобразной формы. Надо полагать, что в древности высота валов и глубина рвов были несколько большими, чем сейчас, когда они оплыли. Вполне допустимо, что у некоторых городищ (Ястребка) на гребнях валов имелись еще деревянные ограждения в виде каких-то стен, которые, естественно, не смогли сохраниться до настоящего времени.

Нельзя не отметить, что характер укреплений у памятников трех топографических групп разный, не зависимо от их планировочной формы. Так, низинные городища имеют искусственные оборонительные сооружения, в виде земляных насыпей валов и рвов, по всему периметру поселений. Примечательно, что расположены эти укрепления на одном уровне с площадкой. В отличие от низинных, береговые городища имеют искусственные укрепления только с напольной стороны. Их протяженность напрямую зависела от продолжительности естественных преград: длины обрывистого берега реки и прилегающих к ней оврагов, долин, притоков. Если река защищала треть или четверть поселка, то на искусственные укрепления оставались соответственно 2/3 либо 3/4 его периметра. У рассматриваемых городищ, расположенных на берегах рек с прилегающими долинами и оврагами, искусственные защитные сооружения составляют от 1/4 до 1/2 их общей протяженности по периметру. Со стороны естественных преград иногда края площадок несколько возвышенные. Это объясняется тем, что во время эскарпирования склонов земля набрасывалась на края поселков (Любны). Крайне редко у таких памятников земляные

валы имеются со стороны яров, как, например, у городища Милоград. Искусственные укрепления возводились иногда и со стороны пологих склонов, но валы в таких случаях находятся на одном уровне с площадками. Городища же, устроенные на берегах небольших речек, как и низинные, укреплялись по всему периметру (рис. 9: 1). Установлено, что меньшую группу милоградских поселений составляют поселки на холмах (табл. 2). У двух из них — Гдень и Харомск в качестве укреплений использовались эскарпированные склоны возвышенностей. Площадки у них находятся на плоских вершинах холмов в плане круглой (Гдень) и треугольной (Харомск) формы. Валов и рвов у этих поселений нет. Еще два памятника занимают окраинные участки на больших по площади послеледниковых останцах. Любенское — на мысовидном выступе, а Чёрное — на краю между двумя оврагами (рис. 2: 3; 9: 2). В силу данных обстоятельств они имеют искусственные защитные сооружения только с напольных сторон, как и береговые. Остальные городища на холмах возведены таким образом, что их площадки занимают плоские вершины. По краям их насыпаны земляные валы. Внешние склоны валов совпадают с естественными склонами, которые были, по всей видимости, эскарпированы.

Определенный интерес для нас представляет типология городищ Белорусского Полесья, предложенная А.А. Егорейченко для памятников раннего железного века (Егорейченко, 1980, с. 82–89; он же, 1996, с. 9–14). Исследователь первоначально выделил восемь (а затем семь) вариантов укреплений у 85 (81) полесских поселений. В указанной типологии он равнозначно оценивает городища защищенные одним и двумя валами, включая их в один (первый) вариант, что, с нашей точки зрения, не совсем оправданно. Ведь защита поселков одной и двумя линиями укреплений — это не одно и то же. Вполне естественно, что поселения с двумя и более линиями оборонительных сооружений защищены мощнее и надежнее, чем с одной. Варианты защиты полесских поселений милоградской и культуры штрихованной керамики, по А.А. Егорейченко, выглядят следующим образом: первый — с одной или двумя линиями валов и рвов по всему периметру; второй — площадка разделена валом-перемычкой на две части (?); третий — кольцевой вал и дополнительный в слабо защищенном месте; четвертый — без признаков валов и рвов (эскарп. — *М.Л.*); пятый — с одной стороны рекой, а с остальных — подковообразным валом либо валом и рвом; шестой — без валов, но предохраняемые в слабо защищенных местах рвом; седьмой (восьмой) — с двумя линиями валов и рвов вокруг площадки, причем внутренний вал повторяет форму площадки, а внешний — близок к овалу и оба они соединены между собой с противоположных сторон валами-перемычками (Егорейченко, 1980, с. 82–89; он же, 1996, с. 9–14, рис. 1). Типология городищ раннего железного века Посожья разрабатывалась сначала С.Е. Рассадиным, а затем А.И. Дробушевским. В зависимости от степени развитости искусственных укреплений у поселков С.Е. Рассадин выделил три варианта защиты: А — с одной, Б — с двумя и В — с тремя линиями валов (Рассадзін, 1991а, с. 73, мал. 1, 2). По рассматриваемому вопросу систематизация А.И. Дробушевского, основанная на значительно большем количестве разнокультурных памятников, по сути своей, повторяет С.Е. Рассадина (Дробушевский, 1998, с. 6). Характеризуя 21 древнее городище в бассейне небольшой речки Брагинки, автор в зависимости от сложности оборонительных сооружений отмечает четыре группы поселений: 1 — с одним валом по периметру городищ;

2 — с двумя валами и рвом между ними вокруг площадки; 3 — защищенные кроме основного вала дополнительными валом и рвом, но не по всему периметру поселения; 4 — неординарной системой укреплений (Лошенков, 1983а, с. 11–12). Изучение большого количества городищ (134 памятника), расположенных в восточной части Белорусского Полесья, позволило автору выделить шесть вариантов укреплений у поселений милоградской культуры (Лошенков, 1987а, с. 103; он же, 1990, с. 9). Как видим, оборонительные сооружения «милоградцев» изучались по отдельным территориям. Наша задача теперь сводится к тому, чтобы рассмотреть характерные тенденции в укреплениях городищ населением милоградских общин в целом, проанализировав всю имеющуюся информацию по данному вопросу.

В зависимости от степени сложности фортификационных сооружений автор выделяет у городищ населения милоградской культуры семь вариантов их защиты.

Первый вариант. К нему относятся городища, которые не имеют валов и рвов. Их площадки расположены на плоских вершинах холмов, склоны которых подрезались для придания им большей крутизны. Не все холмовые городища имеют такую защиту. Известно только четыре таких поселения: Азделин, Гдень (рис. 3: 2), Затон и Хоромск (Залашко, 1988, с. 59, рис. 1). Первое находится в Посожье, а три остальные — в Полесье. Городище Затон устроено на невысокой (около 2 м) возвышенности среди заболоченной поймы, а Гдень и Хоромск — на останцах первой надпойменной террасы высотой 4 м. В настоящее время трудно судить о том, насколько крутыми были склоны у данных поселков, так как края площадок и склоны оплыли. Все остальные городища на холмах, в отличие от рассмотренных, имели кроме эскарпов еще другие способы искусственной защиты. Например, у городища Любны не только подрезались склоны, но с напольной стороны оно было защищено тремя валами и двумя рвами между ними (Ющенко, 1925, д. 175; Лашанкоў, 1993б, с. 23). Есть все основания полагать, что эскарпирование как необходимый элемент в защите городищ довольно часто применялось населением, проживавшим в береговых поселениях. Такой факт отмечает С.Е. Рассадин у городища Нисимковичи (рис. 8: 1) (Рассадин, 1984, с. 368). Нетрудно заметить, что рассматриваемый способ защиты поселений у общин милоградской культуры был явлением нередким, так как значительная часть памятников (42 %) расположена на берегах и холмах (табл. 2). Лишь в редких случаях он был единственным способом искусственной защиты у поселков на холмах. Его же применяли в таких условиях, когда вокруг городищ были непроходимые трясинистые топи, которые обеспечивали надежную естественную преграду. У береговых же поселений подобную функцию естественных препятствий выполняли обрывистые берега рек и очень крутые склоны яров. С напольных сторон у них применялись совершенно другие варианты укреплений. В целях усиления защиты эскарпирование применялось только у холмовых и береговых городищ, у низинных его нет.

В древности усиление естественной защиты поселений с помощью искусственного увеличения крутизны склонов путем подрезания берегов, оврагов, дюн, холмов, останцов имело широкое распространение. Оно было свойственно не только милоградским племенам. Его отмечают исследователи и у ряда других культур раннего железного века: штрихованной керамики, днепро-двинской и населения Лесостепи. Для сравнения заметим, что у

племен культуры штрихованной керамики подобный способ защиты существовал у четвертой части аналогичных памятников, как без внешних следов укреплений — 22,4 %, так и с террасами — 2,6 % (Медведев, 1996, с. 18). Хотя ранние поселки у «штриховиков» и не имели земляных укреплений, но площадки их были защищены по периметрам деревянными стенами (Митрофанов, 1978, с. 10; Волкайте-Куликаускене, 1986, с. 15–16, 48, рис. 9–12; Григалавичене, 1986, с. 86; она же, 1986а, с. 96–97, 136, рис. 5–6; Даугудис, 1988, с. 51, 53, 54; Медведев, 1996, с. 20). Население днепро-двинской культуры на раннем этапе (VIII–VII — IV–III вв. до н. э.) не строило земляных укреплений на поселениях (Седов, 1969, с. 119; Шадыро, 1985, с. 13–24, табл. 4; Шмидт, 1992, с. 27–28; Шадыра, 1999, с. 179–182). Племена Лесостепи также использовали эскарпирование в качестве необходимого элемента в целях обороны городищ. Так, на левом берегу Днепра, по данным А.А. Моруженко, в междуречье Днепра и Дона, поселения с эскарпами составляют 26,6 % (Моруженко, 1985, с. 171–172). В меньшем количестве это явление зафиксировано на аналогичных памятниках в Лесостепном Правобережье. Здесь из 18 поселений только у одного отмечено эскарпирование (Малое Ходосовское), что, как представляется, можно объяснить слабой изученностью этого явления у остальных памятников (Памятники скифской эпохи..., 1989, с. 139–161, прил. 1, с. 166–177, прил. 2).

Рассматривая эскарпирование у поселений днепро-двинской и культуры штрихованной керамики, исследователи часто связывают его только с ранним периодом их функционирований (Седов, 1969, с. 119–120; Шадыро, 1985, с. 13, 15, 23; Митрофанов, 1978, с. 10–11; Шмидт, 1992, с. 37). В нашем распоряжении нет данных, которые бы позволили делать подобные заключения относительно милоградских памятников. Мы можем лишь с уверенностью говорить о том, что этот прием применялся «милоградцами» со времени появления городищ и использовался до финала их функционирования. Ведь для надежной защиты поселков системы укреплений постоянно и неоднократно обновлялись и усиливались в процессе ремонтно-восстановительных работ, которые позволяли содержать их на нужном уровне.

Второй вариант укреплений — поселки защищены одним валом по всему периметру (рис. 2: 1, 3; 5: 1, 4, 6) либо с хорошо доступных направлений. Укрепления, состоящие из одного вала, имеют около сотни (95) милоградских памятников. Такие городища преобладают во всех регионах над поселениями с другими разновидностями защиты (табл. 7; кат. с. 360–367).

Таблица 7

Варианты укреплений городищ милоградской культуры

Варианты	Регионы				
	Полесье	Приднепровье	Посожье	Количество городищ	Количество процентов
1. Эскарп	3		1	4	1,8
2. Вал	47	28	20	95	43
3. Вал и ров	18	19	22	59	26,7
4. Вал, ров, вал	18	15	8	41	18,5
5. Вал, ров, вал, ров	4		3	7	3,2
6. Вал и усиление на отдельном участке	5	8	2	15	6,8
7. Комбинированный с рекой	6	9	3	18	8,1
Всего памятников	**95**	**70**	**56**	**221**	**100**

Племена культуры штрихованной керамики, как и милоградские, часто использовали для обороны своих поселков только один вал — 42,7 % (Медведев, 1996, с. 18). Рассматриваемый способ защиты у населения днепро-двинской культуры, судя по данным В.И. Шадыро, почти не использовался (Шадыро, 1985, с. 23, табл. 4). Он отмечен только у пяти памятников этого населения. Лишь у двух из них (Прудники и Соболевщина) валы находятся на краю

площадок, как у милоградских поселений, а у остальных — на склонах возвышенностей. Исследователь отмечает, что и мысовые поселения «днепро-двинцев» укреплялись одним валом, но количество таких памятников не приводит (Шадыра, 1999, с. 180). Это не позволяет автору провести сравнение с аналогичными милоградскими поселениями.

Третий вариант оборонительных сооружений у городищ населения милоградской культуры сводился к тому, что с наружной стороны вала имелся еще и ров (рис. IV: 33). В настоящее время рвы на поверхности не всегда визуально хорошо просматриваются (Лошенков, 1985, с. 400). Имея небольшую ширину и глубину, они заплыли и иногда вообще незаметны, но при раскопках, как на городищах Горошков и Ястребка (рис. 2: 2), выявляются (Мельниковская, 1967, с. 32; Лошенков, 1988, с. 74, рис. 2). Рвы перед поселениями, как уже не раз отмечалось, небольших размеров. Они сооружались вдоль валов и параллельны им. Их расположенность и размеры говорят скорее о том, что грунт из них использовался для насыпей валов, что не раз отмечали авторы раскопок, исследовавшие оборонительные сооружения (Третьяков, 1963а, с. 45; он же, 1963б, с. 72; Мельниковская, 1967, с. 36; Седов, 1969, с. 119–120; Лошенков, 1988, с. 74; Шмидт, 1963, с. 147; он же, 1992, с. 35). Такие рвы лишь отчасти усиливали препятствие перед наступающим противником. У низинных городищ они сочетались с естественными водными препятствиями. На высоких берегах и холмах вода в таких целях не использовалась. Интересные наблюдения в связи с этим сделаны О.Н. Мельниковской. В процессе изучения рвов на Горошковском городище она установила, что в основании одного из них есть остатки деревянных конструкций каких-то стен (Мельниковская, 1967, с. 32). Наличие деревянных стен во рвах и в дополнение на вершинах валов создавало надежную защиту поселениям. При прорезке валов и рвов на других памятниках этой же культуры следы деревянных конструкций во рвах больше не фиксировались (Лошенков, 1980, с. 366; Залашко, 1984а, с. 355; Лошенков, 1984, с. 365). На поселениях днепро-двинской культуры оборонительные сооружения из вала и рва составляют 28,9 % (Шадыро, 1985, табл. 4). Несомненно, что рассматриваемый вариант защиты древнейших городищ был не только у «милоградцев» и «днепро-двинцев», имелся он и у населения других археологических культур (юхновской, штрихованной керамики), но исследователи не всегда обращают внимание на такие детали. Древнейшие юхновские городища на Десне укреплены небольшими насыпями валов иногда в сочетании со рвами (Левенок, 1957, с. 49; он же, 1963, с. 88). В Волго-Камском регионе, у населения ананьинской культуры, 67 % городищ защищено подобным образом (Иванов, 1984, с. 46).

Четвертый вариант Городища имеют более сложную систему защиты. Они укреплены двумя валами и рвом между ними. У таких поселков из двух валов внутренний является основным. Он всегда имеет большие размеры: ширину до 10–12 м и редко до 16–18 м при высоте до 2–3 м. Наружный вал расположен в подавляющем большинстве случаев параллельно внутреннему, но размеры у него меньшие. Ширина в пределах 6–8 м и может доходить у некоторых поселков до 10 м, а высота — 1–1,5 м. Ров между двумя валами небольшой: ширина его 2–4 м и глубина 0,5–1 м. У отдельных поселков размеры двух валов могут быть равными, как, например, у городищ Храбрый Речицкого и Кулажин Брагинского районов (Лошенков, 1987, с. 460). Памятники с одинаковыми по величине внутренним и внешним валами у изучаемого населения встречаются очень редко. Система защиты четвертого варианта свойственна

всем топографическим группам милоградских городищ. Некоторое отличие имеют поселки на обрывистых берегах. Рассматриваемая защита у них есть только со стороны поля, в силу чего она сочетается с эскарпированием (первым вариантом). У городищ лесостепного населения, укрепленных системой валов и рвов, как и в нашем варианте, внутренний вал более мощный по сравнению с остальными (Моруженко, 1985, с. 172). Племена культуры штрихованной керамики также укрепляли свои городища двумя валами. Количество таких поселков составляет 20,8 % (Медведев, 1996, с. 18). Коренное отличие заключается лишь в том, что второй вал у них находится на склоне, и поэтому он ниже уровня первого (внутреннего), чего у милоградских городищ не наблюдается.

Пятый вариант укреплений состоит в том, что кроме двух валов и рва между ними с внешней стороны наружного вала есть еще один ров — второй. Искусственные препятствия в виде чередующихся двух валов и двух рвов делали поселения сильно защищенными по сравнению с простыми вариантами оборонительных сооружений (первым и вторым). Вместе с тем нельзя не отметить, что количество городищ со столь сложной защитой у «милоградцев» невелико (табл. 7). К их числу относятся поселения Заракитное, Зеленковичи I, II, III в Полесском регионе и Ворновка, Любны, Рудня Телешовская в Нижнем Посожье. Вполне возможно, что второй ров у ряда городищ теперь не прослеживается внешне, чего нельзя исключать. У населения днепро-двинской культуры аналогичные памятники составляют 48 %, по данным В.И. Шадыро. Здесь следует оговориться, что он включает в это число городища не только с двумя валами и параллельными им рвами, но и те, которые имеют еще третью линию защиты (Шадыро, 1985, с. 23–24, табл. 4, рис. 2: 6).

Шестой вариант оборонительных сооружений сводится к тому, что кроме основного вала по периметру поселков есть дополнительные укрепления в виде валов и рвов, которые возводились общинниками милоградского населения лишь с наиболее опасных направлений (рис. 2: 2; 4: 4; 6: 4). Дополнительные рвы и валы могли усиливать до половины и более внешнего периметра городища. Усиление защиты на отдельных участках хорошо прослеживается у низинных и холмовых городищ, тогда как у береговых это выявить практически невозможно, ибо они имеют искусственную фортификацию только со стороны плато. Дополнительные укрепления состояли чаще всего из рва и второго вала, как у городищ Волкошанка (рис. 6: 4) и Команов (Лошенков, 1987, с. 460–461). Крайне редко дополнительные усиления могли состоять еще из трех рвов и двух валов между ними, как, например, у поселения Капоринка (рис. 4: 1). В целом у племен милоградской культуры такие способы защиты поселений не получили широкого распространения. Удельный вес памятников с рассмотренным вариантом укреплений составляет 6,8 % (табл. 7).

Седьмой вариант защиты отличается от всех предыдущих тем, что одно из направлений преграждалось руслом реки. С.Е. Рассадин в Нижнем Посожье отнес поселки над обрывами ко второму типу (Рассадин, 1983, с. 13; Рассадзін, 1991а, с. 73, 76, мал. 2: 8–10). А.А. Егорейченко также отмечает реку как один из элементов защиты у низинных городищ (тип. 1), но у него разнообразие таких способов обороны зависит от форм площадок (Егорейченко, 1980, с. 85, рис. 1; он же, 1996, с. 11, 103, рис. 1). Здесь уместно отметить следующее. Данный вариант укреплений является, по существу, комбинированным. Суть его в том, что река защищает какую-то часть городища, тогда как

с остальных сторон обязательно возводились искусственные оборонительные сооружения: валы и рвы. Форма площадки у поселков в таких случаях могла быть разной, и к тому же она с течением времени изменялась, так как река постоянно подмывает обрывистый берег. В этом сложносоставном варианте защиты городищ удачно сочетаются естественные водные препятствия со специально сооруженными укреплениями. В данном случае русла рек примыкают к площадкам городищ либо находятся рядом с ними. У большей же части береговых поселений русла рек удалены от них, иногда на значительные расстояния, и никак не связаны с искусственной фортификацией. А.А. Егорейченко отмечает пять таких памятников у населения разных археологических культур, а С.Е. Рассадин — три у «милоградцев»: Полесье, Рудня Телешовская и Уваровичи (Егорейченко, 1996, с. 11, рис. 1; Рассадзін, 1991а, с. 75, мал. 2: 8–10). Если в Посожье только три таких памятника, то в Приднепровском регионе их девять, причем все они локализуются в Рогачевском районе (Задрутье, Зборов, Каменка, Лучин I, Лучин II, Озераны, Рогачев, Хмеленец и Хомичи). По сведениям автора, в Полесском регионе только шесть городищ (Акулинка, Городище, Ивань, Стрельск, Хильчицы, Шишки) защищают реки. Все вместе такие памятники составляют 8,1 % поселений населения милоградской культуры. Следует подчеркнуть, что седьмой вариант укреплений был приемлем только для береговых поселений, как первой, так и второй топографических групп. В то же время он не фиксируется у холмовых и низинных городищ милоградской культуры.

Рассмотрев семь вариантов оборонительных сооружений милоградских городищ, следует отметить, что у общинников этого населения существовала тенденция укреплять поселки одним валом. Такие городища доминируют — 43 %. На втором месте поселки, защищенные валом и рвом (26,7 %). На третьем — городища со сложной системой обороны, состоящей из двух валов и рва между ними (18,5 %). Вместе с тем, поселения с весьма сложной защитой, включающей в себя вал, ров, вал, ров, имели ограниченное распространение. Такие памятники у «милоградцев» составляют чуть более трех (3,2) процентов. Нельзя не отметить и разнообразие способов защиты поселений: простые (первый и второй варианты); сложные, состоящие из нескольких линий (третий–шестой) и комбинированные с руслом реки. Последние наиболее рационально сочетают в себе два фактора — естественный (с рекой либо эскарпирование склонов) и искусственный с любым из вариантов (два – семь).

Структуры укреплений. Весьма важным для нас является вопрос о характере конструкций искусственных защитных сооружений у населения милоградской культуры. О конструкциях земляных насыпей и времени строительства валов и рвов мы можем судить по результатам прорезок укреплений на следующих памятниках: Ивань, Лиски, Любны, Уза, Холопеничи, Чечерск, Ясенец I, Ястребка. Далее мы будем рассматривать внутривальные структуры перечисленных поселений последовательно в зависимости от сложности укреплений.

К числу городищ с несложными укреплениями (с одним валом) относятся поселения Ивань, Холопеничи, Чечерск.

Холопеничское городище локализуется в 10 км южнее Глуска, на правом берегу реки Птичь, в ее нижнем течении. Памятник расположен в урочище Городище на невысокой (около 1 м) возвышенности среди правобережной поймы р. Птичь, в 1,5 км от ее русла. В 0,8 км северо-восточнее его находится деревня Холопеничи Катковского сельсовета. Раскопки на городище проводил

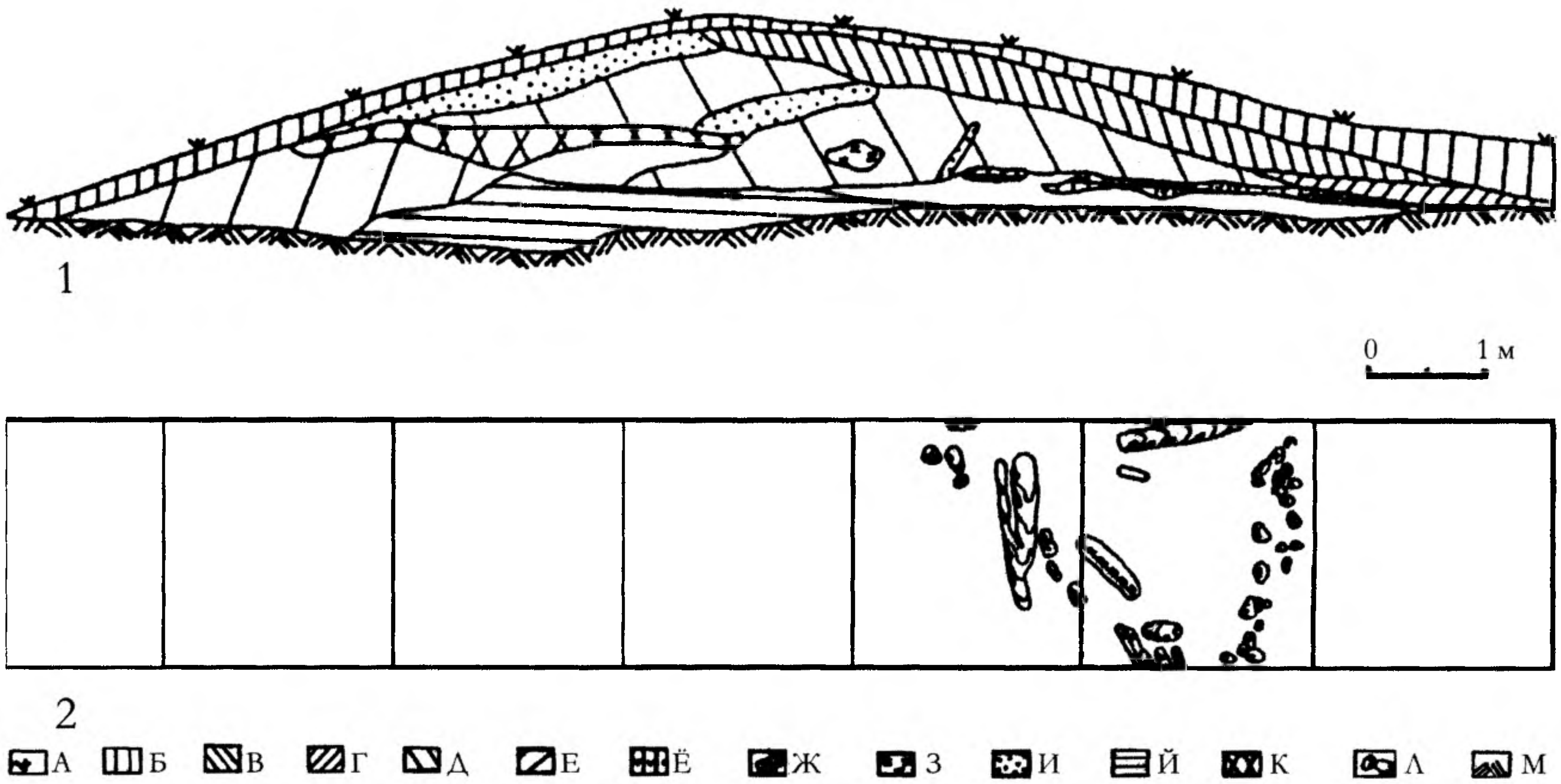

Рис. 10. Профиль северо-западной стены и план материка прорезки вала на городище Холопеничи в 1978 году
(А — дневная поверхность, Б — темно-серый слой, В — серый слой, Г — светло-серый слой, Д — серый слой с включениями углей и золы, Е — супесь пепельного цвета, Ё — черный слой насыщенный углями, Ж — сгоревшие бревна, З — обоженная глина, И — песок, Й — серо-зеленая глина, К — песок с железистыми включениями, Л — камни, М — материк)

А.А. Егорейченко в 1978 г. (Егорейченко, 1979, с. 433; Егарэйчанка, 1986, с. 181). Им вскрыто 246 кв. м памятника: на площадке в северо-западной четверти у вала — 220 кв. м и при прорезке вала в северо-западном направлении — 26 кв. м (Егорейченко, 1982а, с. 69; он же, 1996, с. 25, рис. 2: 1, 4). Городище Холопеничи округлой формы, диаметром около 74 м. Его площадка укреплена по периметру одним кольцевым валом. Ширина вала у основания 10–13 м. Высота его со стороны площадки 0,8 м, а с наружной — около 2 м. Вал разрезался траншеей шириной 2 м и длиной 13 м. Изучение структуры насыпи вала Холопеничского городища (рис. 10) позволило автору раскопок выделить три периода в его строительстве. Изначально единственной защитой поселка являлось какое-то деревянное ограждение, которое погибло в огне. После пожара был насыпан вал высотой 1,2 м и шириной 10 м* (Егорейченко, 1996, с. 16). Древнейший вал сооружен из супеси серого цвета с примесями углей, золы и культурного слоя. Исследователь пришел к выводу, что первоначальный вал возведен в конце IV — начале III в. до н. э. На гребне его имелась какая-то деревянная конструкция, характер которой (частокол или стена) установить не удалось. Как считает А.А. Егорейченко, первоначальный период в существовании поселения и строительство древнейшего вала связаны с населением милоградской культуры. Последний строительный период он связывает с носителями зарубинецкой общности. «Зарубинцы» осуществили подсыпку на первоначальный вал. Она была небольшой. В отдельных местах составляла 0,5 м. В процессе последней реконструкции высота вала достигала 1,6 м, ширина — 12–13 м. Подсыпка произведена около рубежа нашей эры. Выявленный на этом памятнике материал позволил определить его общие хронологические рамки. Городище начало функционировать в IV в. до н. э., а финал приходится где-то на последние века до нашей эры (Егорейченко, 1982а, с. 67–71; он же, 1982б, с. 9; Егарэйчанка, 1986, с. 181–182; Егорейченко, 1996, с. 16–17, 25–26).

В 1974 г. М.А. Ткачев изучал укрепления городища Чечерск на правом берегу реки Сож. По его сведениям, «земляной оборонительный вал с напольной (юго-западной стороны) поселение имело уже в X в., и в дальнейшем он неоднократно подсыпался» (Ткачев, 1976, с. 427). Чечерское городище содержит в надматериковом горизонте милоградско-зарубинецкие отложения. Вал разрезался М.А. Ткачевым траншеей шириной 2 м и длиной более 14 м в южном направлении. Судя по восточному профилю вала, первоначальное укрепление было возведено уже в эпоху раннего железного века. Вал из песка насыпан на культурный слой милоградского времени (рис. 11). Это выполнили сами «милоградцы». Древнейшая насыпь имела небольшие размеры: ширину по подошве около 5 м и высоту — 0,7–0,8 м. На ее вершине было какое-то деревянное ограждение, которое сгорело. На профиле видны остатки трех жердей (рис. 11). После милоградского населения здесь проживали еще зарубинецкие племена, материалы которых есть также в толще древнейшего горизонта слоя. Судя по керамике, финальное время «зарубинцев» — I в. н. э. Затем жизнь на этом городище возобновилась только в конце I — начале II тысячелетия н. э., что убедительно доказывают материалы раскопок М.А. Ткачева, В.В. Богомольникова

* В двух более ранних публикациях — «Раскопки городища у д. Холопеничи» (Древности Белоруссии и Литвы. Мн., 1982а, с. 69) и «Гарадзішча Халопенічы» (Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць. Мн., 1986, с. 181) размеры этого вала указаны меньшие: высота чуть более метра, а ширина — 7,5 м (?).

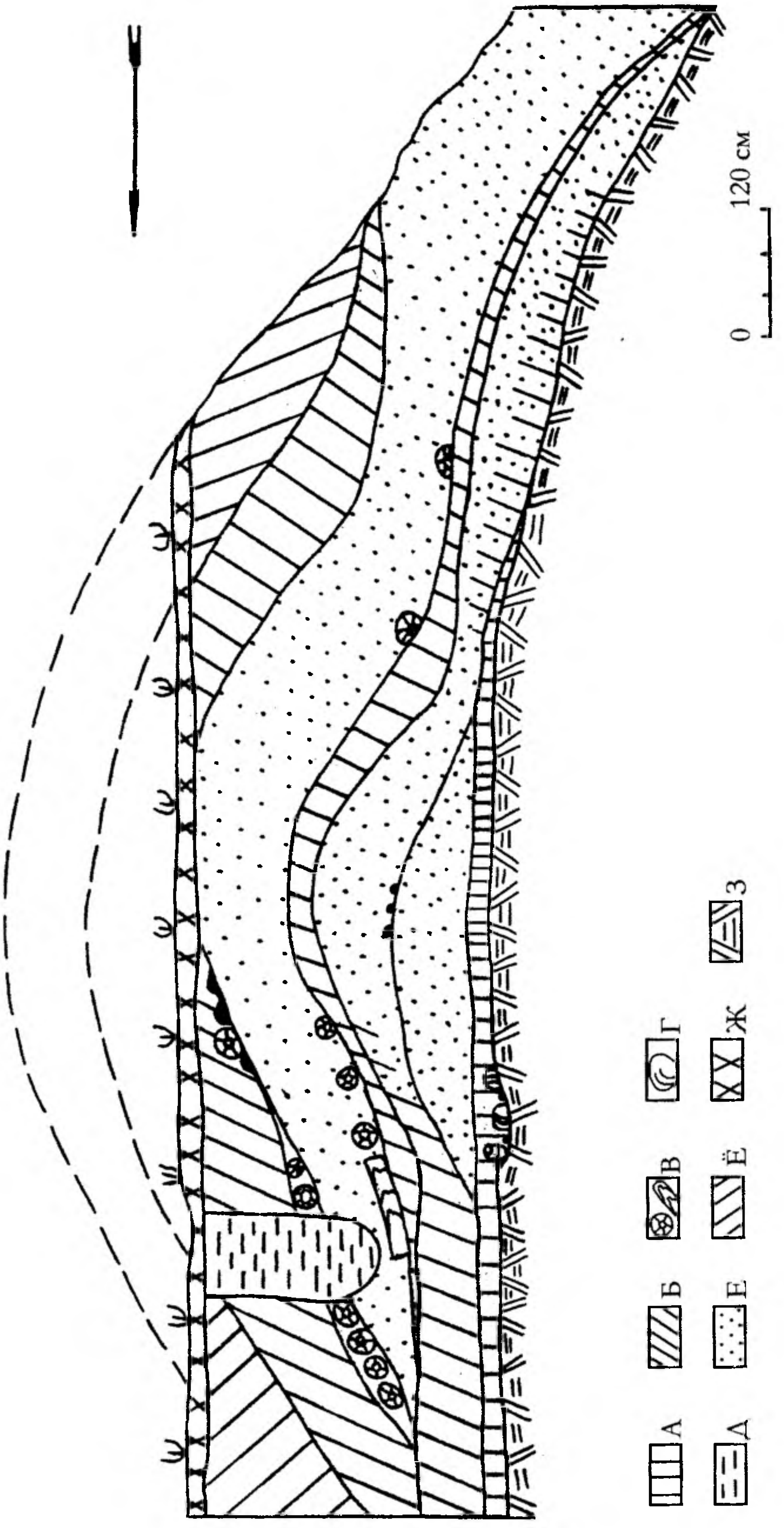

Рис. 11. Профиль вала Чечерского городища исследованного в 1974 году М.А.Ткачевым
(А — слой с керамикой милоградской и зарубенецкой культур, Б — слой с керамикой Киевской Руси, В — дерево, Г — камни, Д — глина, Е — песок, Ё — слой с находками XIV-XVII веков, Ж — перекоп, З — материк)

и И.М. Чернявского (Ткачев, 1974, д. 470; Богомольников, 1983, с. 340–341; Чернявский, 1983, с. 363–364; он же, 1984, с. 375).

Городище Ивань находится около одноименной деревни, в 0,9 км юго-западнее ее, в урочище Замок, на севере центральной части Полесской низменности, в 6 км юго-западнее г. Слуцка. Оно расположено на правом, коренном берегу ручья, впадающего в речку Локнея — правый приток реки Случь в ее верхнем течении. Площадка поселения прямоугольной формы, размером 73 × 78 м. С трех сторон она защищена валом, а со стороны ручья вал не прослеживается (Егорейченко, 1979, с. 433; Егарэйчанка, 1987, с. 181). Раскопки на этом памятнике осуществлял А.А. Егорейченко в 1979, 1981–1983, 1989–1991 годах (Егорейченко, 1980а, с. 360; он же, 1983а, с. 347; он же, 1984, с. 353; он же, 1985, с. 387–388; он же, 1993, с. 39–42). За семь полевых сезонов изучено 820 кв. м площадки поселения в юго-восточной части памятника и сделана прорезка вала (32 кв. м). В 1983 г. вал разрезался траншеей в юго-восточном направлении. Траншея шириной 2 м и длиной 16 м (Егорейченко, 1985, с. 387; он же, 1996, с. 17, рис. 6). Как считает автор раскопок, городище было основано общиной милоградской культуры, впоследствии использовалось населением еще двух культур раннего железного века: зарубинецкой и штрихованной керамики (Егорейченко, 1983, с. 14–15; он же, 1988, с. 64). В результате изучения стратиграфии насыпи вала, внутривальных заполнений и сооружений исследователь установил следующее. Первоначальное поселение «милоградцев» было неукрепленным. Позднее они насыпали вал, который состоит из однородной супеси (рис. 12). Ширина его по подошве — 8 м и высота по гребню — 2 м. В древнейшем земляном валу зафиксирована деревянная конструкция. Она находилась ближе к внешнему склону на глубине 1 м от вершины. Конструкция состояла из двух обугленных бревен, уложенных параллельно на расстоянии 0,8 м между ними. Диаметры бревен 0,3 и 0,5 м. Назначение их остается неясным. А.А. Егорейченко предполагает, что они предохраняли насыпь от оползания, что маловероятно. По керамике обнаруженной в древнейшем валу, автор раскопок относит время его сооружения к VI–IV вв. до н. э. Где-то на рубеже нашей эры племена «штриховиков» усиливают оборону городища: первоначальный вал подсыпается землей с включениями культурных остатков. Мощность подсыпки составляет от 0,2 до 1 м. Склоны насыпи были обложены глиной толщиной 0,15–0,2 м. В процессе реконструкции увеличены размеры вала. Высота составила 2,3 м, а ширина — 9 м. На вершине этого вала была возведена деревянная стена, которая впоследствии погибла в огне. По находкам ребристой керамики первую реконструкцию А.А. Егорейченко продатировал концом I тыс. до н. э. — началом I тыс. н. э. Вторая реконструкция, по мнению автора раскопок, осуществлена в I в. н. э. Модернизация значительно усилила оборонительный вал. Высота его достигала 4 м, а ширина по подошве — 15,5 м (Егорейченко, 1996, с. 17–18, рис. 6). В результате повреждений гребня вала проследить наличие деревянных ограждений на его вершине было не возможно. Хронологические рамки поселения Ивань А.А. Егорейченко определяет по вещевому комплексу VI–IV вв. до н. э. — третьей четвертью I в. н. э. (Егорейченко, 1996, с. 23, 24).

Укрепления городища, защищенного валом и рвом, рассмотрим на материалах поселения Уза. Эпонимный населенный пункт находится в 2,5 км юго-западнее Гомеля

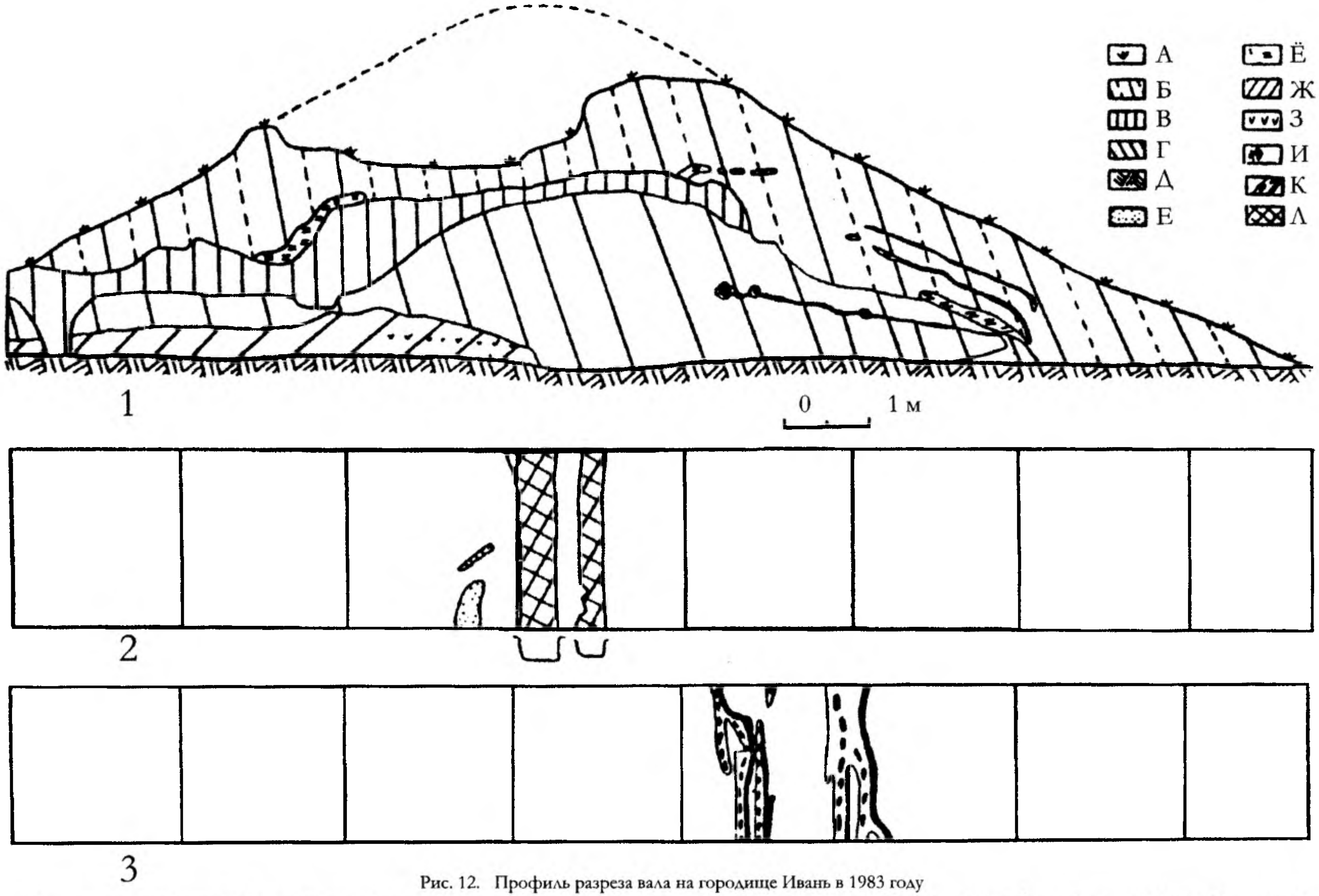

Рис. 12. Профиль разреза вала на городище Ивань в 1983 году
(А — дневная поверхность, Б — вторая подсыпка, В — первая подсыпка, Г — милоградский вал, Д — материк, Е — песок, Ё — обожженная глина, Ж — светло-серый культурный слой милоградского времени, З — угли, И, К — сгоревшее дерево, Л — черный слой насыщенный углями)

на левом берегу речки Уза. Древнее поселение сооружено на мысу правого, коренного берега Узы, в 1,5 км восточнее деревни. В плане оно треугольной формы, состоит из трех площадок, каждая из которых защищена (рис. 7: А). По данным А.Д. Ковалени, с севера, со стороны поймы, площадка отсекалась от пологого склона мыса валом, рвом и еще одним валом. Последний находился ниже на склоне. Между северной площадкой и средней — дугообразный вал длиной около 90 м. Среднюю площадку от южной отделяли вал и небольшой ровик. Южная площадка с напольной стороны ограничена дугообразными валом и рвом. В 1981 г. две площадки памятника — южная и средняя — уничтожены дачным строительством. Впервые раскопки на этом городище провел С.Е. Рассадин в 1987 г. Он вскрыл на северной площадке 100 кв. м и зачистил торцы двух валов. Валы были повреждены дорогой, которая «разрезала» их до подошвы (рис. 7: Б).

Профиль западной стены вала между северной и средней площадками имеет следующую стратиграфию (рис. 13: 1). На светло-желтом материке насыпан первоначальный вал из светло-серой супеси. Его ширина 5 м, высота 1,2 м. С внешней стороны этого вала был небольшой ров, шириной около 3 м и глубиной 0,6 м. В месте зачистки ров чашеобразной формы. Затем, надо полагать, позднее, первоначальные вал и ров были присыпаны темно-серой супесью с целью существенно увеличить размеры вала (рис. 13: 1). В подсыпке С.Е. Рассадиным зафиксированы единичные фрагменты милоградской керамики. В результате неоднократной современной распашки площадки под огороды вершина этого вала была несколько смещена в наружном направлении по сравнению с древнейшей насыпью (рис. 13: 1). Общая высота вала по гребню составила 2,5 м, а ширина — примерно 9–10 м. Наконец, внутренний склон вала содержал наслоение черного культурного слоя, такого же, как и на площадке городища. По мнению автора раскопок, вал между площадками два раза подновлялся. «Первый раз его расширили, досыпав серым песком, который, в отличие от составлявшего ядро вала, уже дает мелкие милоградские черепки, а второй — досыпан культурным слоем, взятым с площадки» (Рассадин, 1987, д. 1108).

Зачистка второго вала выполнена в северной части поселения (рис. 7: Б). Он находится на краю площадки. Его внешний склон переходит в ров на склоне берегового выступа. Стратиграфия показывает, что первоначальная насыпь сооружена из принесенной светло-серой супеси (рис. 13:2). Эта супесь лежит на светло-желтом материковом песке. Древнейшая насыпь возведена в месте начала естественного понижения материка. Ее размеры: ширина 7,5 м, высота 1,25 м. Сверху ее перекрывает горизонт черного культурного слоя толщиной 0,3–0,5 м. Выше находится пласт темно-серой супеси, которая почти соединяется с внешним склоном вала. Со стороны площадки городища толщина этого горизонта около 0,5 м. Структура рассматриваемого вала свидетельствует о том, что край площадки был искусственно удлинен еще на 5 м и приподнят насыпью серой супеси. Об этом убедительно говорит горизонт черного культурного слоя (рис. 13: 2). Он равномерно залегает на материке и на подсыпанной части южного края площадки. Выше отмеченного культурного слоя находится горизонт темно-серой супеси. Толщина ее оказалась большей на краю памятника, нежели в центральной части, что можно объяснить неоднократной распашкой площадки. Этому

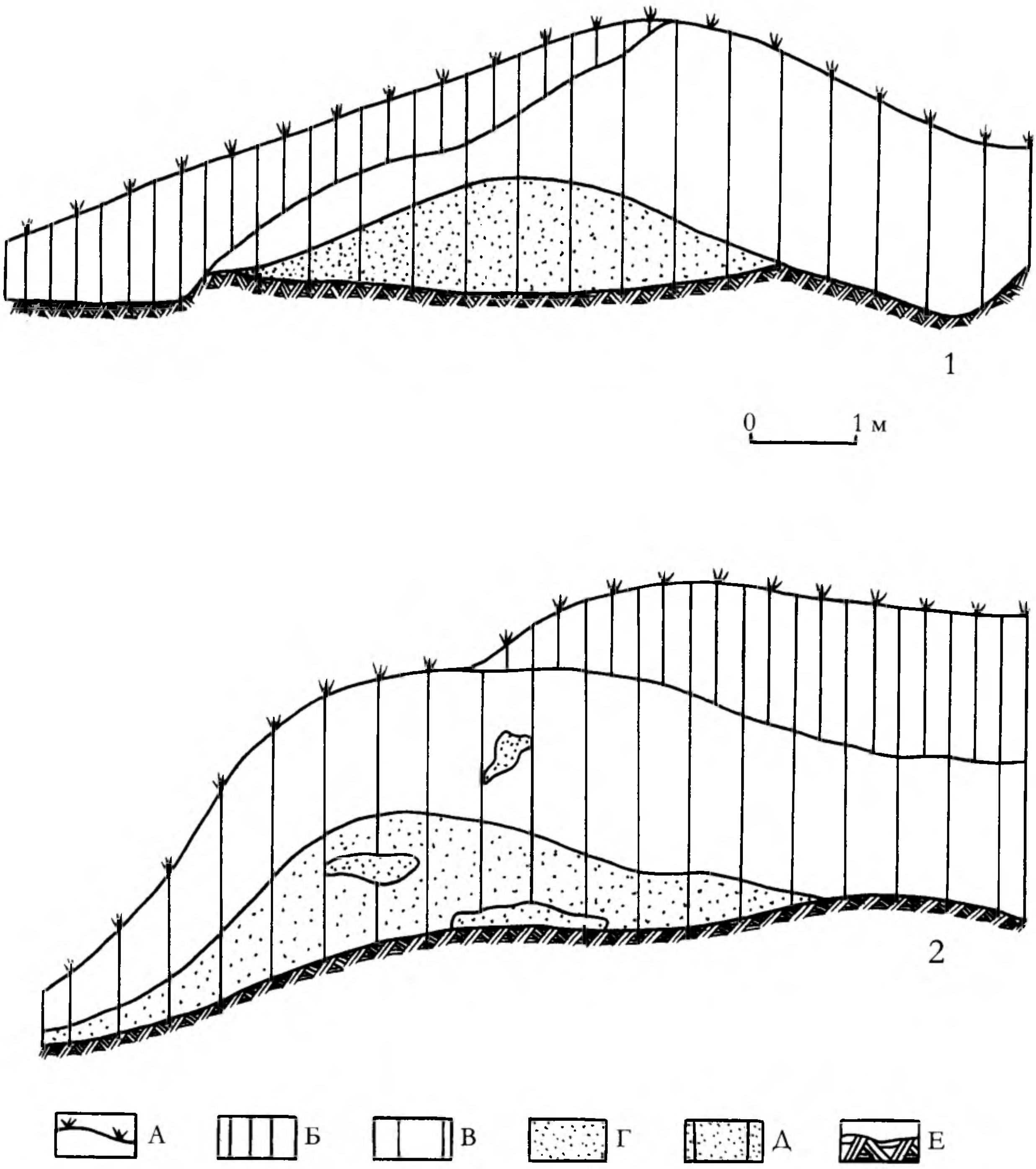

Рис. 13. Профили рвнутреннего (1) и южного (2) валов городища Уза, снятые в 1987 году С.Е. Рассадиным (А — дневная поверхность, Б — черный культурный слой, В — темно-серая супесь, Г — песок желтый, Д — светло-серая супесь, Е — материк)

не противоречат и стратиграфические данные раскопа 1987 г. Автор раскопок следующим образом определяет время поселения: «Абсолютная дата, IV–III вв. до н. э., которую дает втульчатый железный наконечник стрелы (подобран на внешней площадке в 1980 г.), конечно, всего лишь точка внутри более широких рамок существования памятника» (Рассадин, 1987, д. 1108).

Характер укреплений городищ со сложной системой защиты, состоящей из двух валов и рва между ними, мы рассмотрим на материалах поселения Ясенец I. Городище находится в 10 км северо-западнее Мозыря, в пойме правого берега Припяти, в урочище Сухолисток, что в 1 км южнее деревни Ясенец Скрыгаловского сельсовета. Первое Ясенецкое городище имеет форму в плане овальную, вытянутую с северо-запада на юго-восток. Его площадка защищена по всему периметру основным (внутренним) валом, рвом и вторым валом (Кухаренко, 1961, с. 61, рис. 26: 3). Внутренний вал имеет высоту со стороны поймы более 2 м, а со стороны площадки — 1,5 м. Ширина его 10–11 м. Ров шириной около 3 м и глубиной до 0,5 м. Внешний вал высотой 0,6–0,8 м и шириной 6–7 м. Раскопки на этом памятнике проводил Г.М. Залашко в 1979, 1980, 1982 и 1983 годах (Залашка, 1981, с. 46; он же, 1985а, с. 264). За четыре полевых сезона изучено 530 кв. м поселения: на площадке городища — 498 кв. м и 32 кв. м при исследовании оборонительных сооружений (Залашко, 1980, с. 361; он же, 1981, с. 335; он же, 1984а, с. 355; он же, 1985, с. 389). В 1982 г. он вскрывал траншеей (2 × 16 м) двойную линию укреплений в юго-западном направлении, в месте ее наилучшей сохранности (Залашко, 1984а, с. 355). В профиле четко зафиксирована древнейшая насыпь земляного вала (рис. 14). Его высота 1 м, ширина 8,5 м. Этот вал насыпан супесью темной окраски с включениями глины. Если глину приносили откуда-то, то гумусированную супесь брали здесь же, с внешней стороны вала, выкапывая ров. Под первоначальным валом культурного слоя нет, материк ровный. Ров шириной 2 м на материковом уровне и глубиной 0,5 м. Он выкопан, очевидно, по всему периметру вокруг древнейшего вала. В содержании насыпи находки отсутствовали, что затрудняет датировку первоначального укрепления. Со временем оборона городища была усилена. В процессе модернизации защиты увеличены размеры основного вала и сооружена вторая линия укреплений (рис. 14). Подсыпка увеличила высоту внутреннего вала до 2,5 м, а ширину — до 10–11 м. За рвом, который заплыл, насыпан внешний вал, параллельный основному. Ширина второго вала 6,5 м, высота 0,6 м. Подсыпка на древнейший вал, как и возведение второго, выполнена культурным слоем с площадки городища. Слой на площадке — супесь серой окраски. В подсыпке основного вала и во внешней насыпи выявлены обломки глиняной посуды, а индивидуальных предметов не обнаружено.

В результате изучения сложной оборо-ны первого Ясенецкого городища устанавливаются два строительных периода: 1-й — возведение первоначального земля-ного вала и рва вокруг него; 2-й — подсыпка на древнейший вал и сооружение второго вала за рвом. Если время изначального укрепления следует связывать с началом функционирования поселения, примерно с середины VII в. до н. э., то время реконструкции установить не удалось. Судя по всему комплексу находок, общие хронологические рамки первого ясенецкого городища устанавливаются в пределах — вторая половина VII в. до н. э. — IV в. до н. э. (Залашка, 1981, с. 46; он же, 1983, с. 72–77; он же, 1985а, с. 264; Еременко, 1989, с. 81).

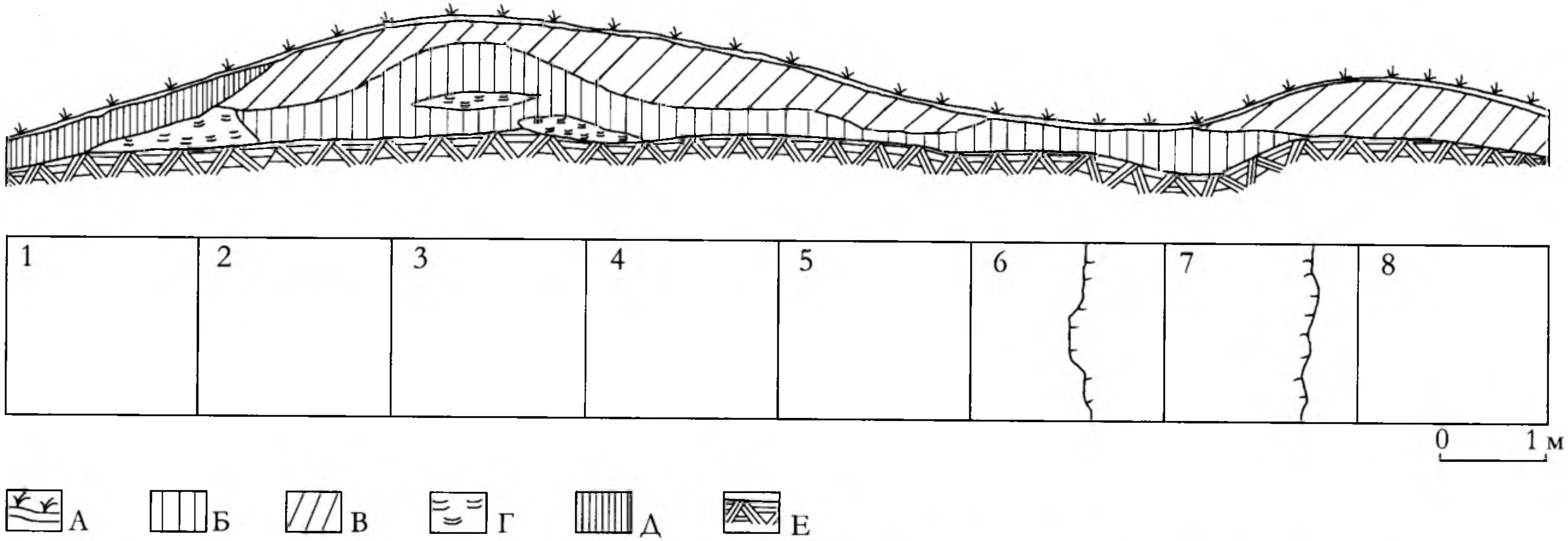

Рис. 14. Профиль юго-восточных стен и план материка разреза валов на первом Ясенецком городище в 1982 году по Г.М. Залашко (А — дерн, Б —гумус серого цвета, В — темный гумусный слой, Г — глина, Д — культурный слой, Е — материк)

Оборонительные сооружения холмовых поселений мы рассмотрим, используя данные городища Любны. Оно локализуется на юго-западной окраине г. Гомеля. Находится этот памятник на правом берегу реки Сож, в пойме на останце. Послеледниковый останец площадью около 8 га. Общинниками милоградского населения был выбран под городище южный край останца. Его естественная форма определила и планировку поселения. В плане оно треугольное (рис. 2: 3). С востока, юга и запада городище защищено поймой и рекой Сож. Русло реки находится в 150–200 м. С напольной, северной, стороны — двумя дугообразными валами и тремя рвами, по данным И.Х. Ющенко, А.Н. Лявданского, А.Д. Ковалени (Ющенко, 1925, л. 175; Лявданский, Коваленя, 1936, д. 457). В конце 90-х годов от укреплений сохранился один вал шириной около 13 м и высотой 1–1,5 м (Лашанкоў, 1993б, с. 23, мал. 1: 1, 3). Любенское городище раскапывали И.Х. Ющенко и В.И. Сычев. В 1925, 1926 и 1929 годах И.Х. Ющенко вскрыл часть площадки и сделал прорезку валов траншеями. Документация по изучению его укреплений в 1926 и 1929 годах не сохранилась (Лашанкоў, 1993б, с. 22). В.И. Сычев изучал его в 1976–1978 годах. Он вскрыл за три года 289,5 кв. м памятника, из них на площадке 252 кв. м и на укреплениях — 37,5 кв. м. Вал разрезался в северном направлении раскопом шириной 3 м и длиной 12,5 м. Для его строительства обитатели городища использовали подзолистую почву, белый песок, дерево и культурный слой. Стратиграфия насыпи (рис. 15) говорит, что поселение «милоградцев» сначала было укреплено деревянной стеной либо оградой. После пожара, когда деревянное ограждение было уничтожено, с внешней стороны пожарища был насыпан земляной вал. Он из белого песка и подзолистой почвы, местами перемешанной с культурным слоем. В его центральной части есть две линзы примерно одинаковых размеров. Первая из них из подзолистой почвы в толще белого песка на высоте 0,2 м от материка. Вторая — углисто-пепельная, в 0,35–0,4 м выше первой и параллельна ей. Древнейший вал шириной по подошве 7,3 м и высотой 1,5 м. На его гребне было какое-то деревянное сооружение (стена?), которое упало при пожаре на внешний склон насыпи. В процессе ремонтных работ внешний склон был присыпан белым песком, что увеличило ширину вала до 8 м. Внешний склон насыпи постепенно переходил в ров. Глубина рва от уровня материка 1 м. Под первоначальным валом культурный слой отсутствовал. В содержании насыпи рассматриваемого вала встречались керамика, кости животных, обломки глиняных грузиков. Очередная реконструкция существенно изменила характер укреплений. В процессе перестройки засыпан ров за валом. Размеры вала увеличены до 12,5 м в ширину и более 2 м в высоту. Увеличение основного вала привело к тому, что со стороны площадки был присыпан культурный слой. В ходе этих работ жители городища использовали почву и культурный слой. В верхних раскопочных пластах вала обнаружены обломок грузика, кости животных и керамика как милоградской культуры, так и эпохи бронзы. Оборонительная система поселения в это время достигла своего максимума: она уже состояла из трех валов и двух рвов (Лашанкоў, 1993б, с. 30). Материалы раскопок показывают, что Любенское городище датируется IV — первой половиной II в. до н. э. (Лашанкоў, 1993б, с. 31–40). Изучение укреплений у поселения на высоком останце позволяет выделить несколько этапов их строительства: 1) деревянное ограждение; 2) первоначальный земляной вал с деревянной стеной на его вершине и рвом с

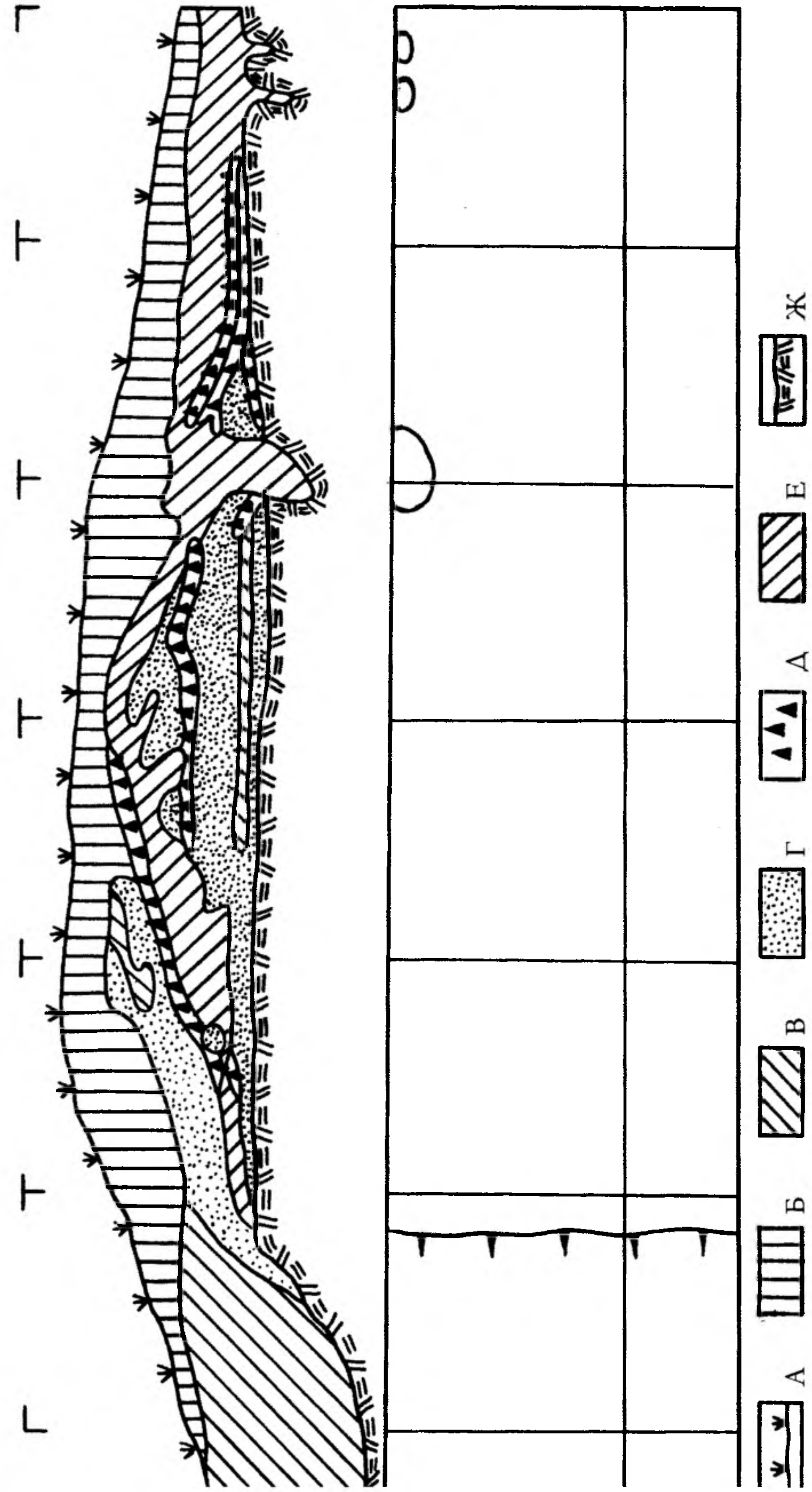

Рис. 15. Профиль восточной стены и план материка разреза вала на городище Любшы в 1976 году (А — дневная поверхность, Б — супесь черного цвета, В — подзолистая почва, Г — песок белый, Д — угли, Е — серая супесь, Ж — материк)

внешней стороны; 3) коренная перестройка, приведшая к созданию целой системы защиты, состоящей из трех валов и двух рвов между ними. Последний этап связан, надо полагать, с появлением в регионе нижнего Посожья зарубинецких племен.

Нельзя не отметить, что исследованный В.И. Сычевым внутренний вал Любенского городища, раскапывался еще в 1925 г. И.Х. Ющенко. Он был прорезан траншеей № 1Б по направлению СЮ в центральной части памятника (Ющенко, 1925, табл. IX). Размеры вала в то время были такие: ширина — 10,66 м, высота — 2,13 м. Основываясь на описаниях и схеме памятника 1925 г. внешние валы (№ 1 и 2) были меньших размеров. Ширина их составляла 6,4 м, а высота — до 0,71 м. Два рва имели ширину 6,4 м и глубину 1,95 м (Ющенко, 1925, с. 1, 4–5). И.Х. Ющенко вскрыл восемь слоев (раскопочных пластов. — *М.Л.*). Первый, второй и третий слои были из желтого песка. В нижней части третьего слоя песок был серой окраски. В толще четвертого слоя встречались зола с углями. Слои с пятого по восьмой состояли из перемешанных черного цвета супеси, углей, пепла, костей животных и обломков посуды. В насыпи вала зафиксированы индивидуальные находки. В третьем слое — обломки каменного топора из песчаника и костяной проколки, а в восьмом — глиняного пряслица. В обобщающем обзоре автор раскопок замечает, что вал состоит из четырех подсыпок. Исследователь зафиксировал в нижних слоях насыпи четыре пятна — остатки погребений по обряду кремации (Ющенко, 1925. с. 4–5). Весьма краткие замечания по раскопочным слоям с указанием их цветовой окраски и содержащихся находок в них указывают лишь на следы пожара в нижних горизонтах вала.

Кроме третьего вала И.Х. Ющенко разрезал еще ров между вторым и третьим валами. Траншея № 13 ориентирована по линии СЮ. Она находилась в северо-восточной части памятника (Ющенко, 1925, д. 175, табл. IX). В стратиграфии заполнения рва он отметил восемь темно-красных прослоек, через неболшие интервалы. Никаких предметов при прорезке не выявлено. Материк — из мелкого песка (Ющенко, 1925, д. 175, с. 12).

Следующие два памятника защищены дополнительными укреплениями с наиболее опасных направлений. Это — городища Лиски и Ястребка.

Городище Лиски — однослойное милоградское поселение второй половины VII — III в. до н. э. Памятник локализуется в 25 км юго-западнее г. Речица, в 3 км южнее деревни Лиски, в урочище Сковорода. Он расположен на невысоком (около 1,5 м) возвышении, в пойме правого берега речки Ведрич (правый приток Днепра). Близкая к треугольной в плане площадка укреплена по периметру основным валом длиной 490 м. Ширина его у основания 14–18 м, высота с внешней стороны около 3 м и со стороны площадки — около 2 м. С восточной стороны поселения имеются дополнительные защитные сооружения: ров шириной 3–3,5 м, глубиной 0,5–0,7 м и вал шириной 8 м, высотой 1м. Городище раскапывалось автором четыре года. Вскрытая площадь составила 2620 кв. м поселения. В 1982 г. изучались укрепления этого памятника площадью 128 кв. м (Лошенков, 1981, с. 341–342; он же, 1983, с. 357–358; он же, 1984, с. 365; он же, 1985, с. 401). Раскопом шириной 8 м и длиной 16 м исследован основной вал в северо-западном направлении, где он был отчасти поврежден (рис. 6: 2).

Стратиграфия основного вала (рис. 16) позволяет отметить, что первоначально он возведен из мелкозернистого песка белого цвета. Его ширина 8 м, высота — 1,5 м. Внутренний склон древнейшего вала пологий, а внешний — более крутой. Под песчаной насыпью культурный слой не зафиксирован, материк

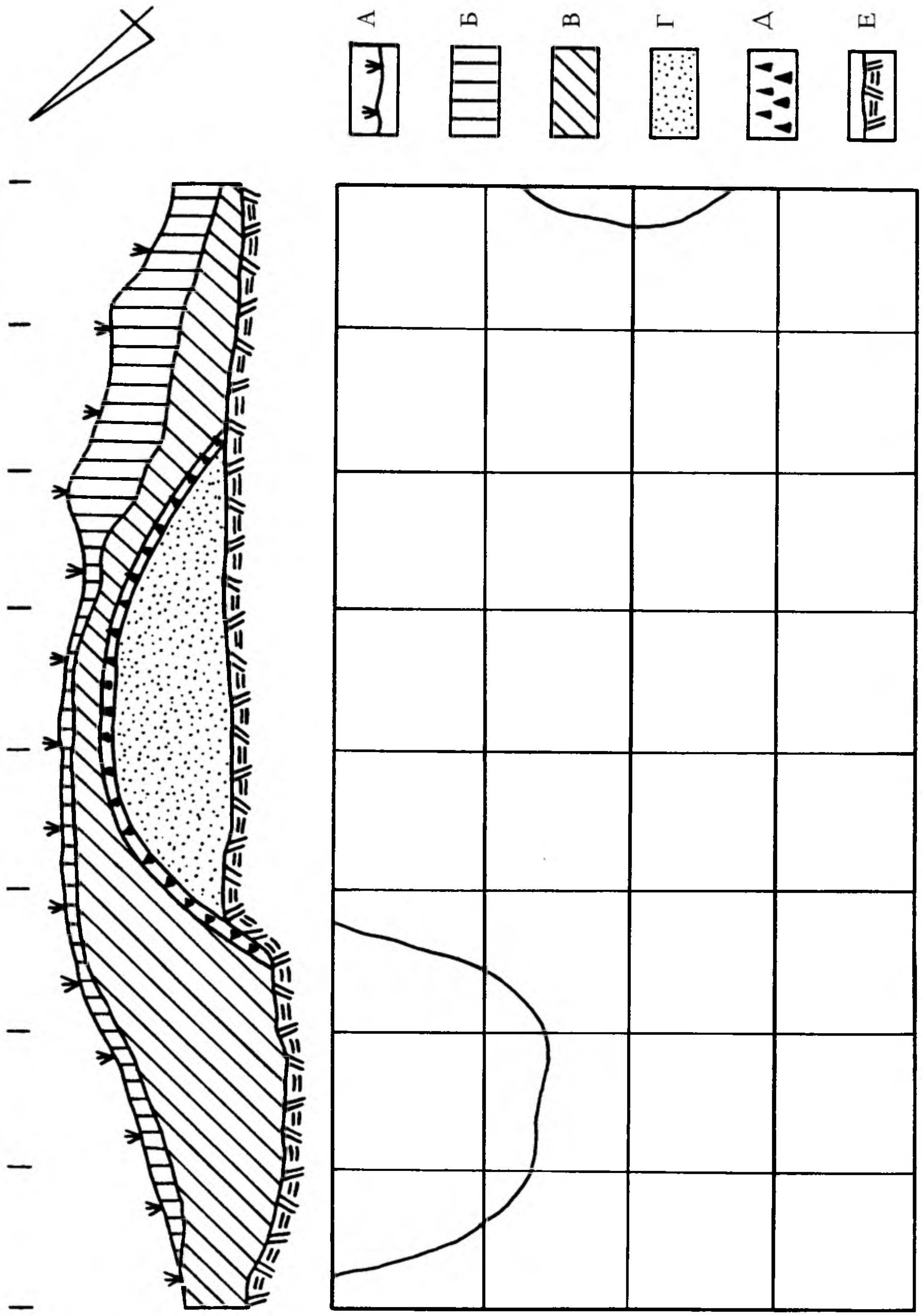

Рис. 16. Профиль северо-восточной стены и план материка разреза укреплений на городище Лиски в 1982 году (А — дневная поверхность, Б — культурный слой черный, В — слой супеси серой, Г — песок белый, Д — угли, Е — материк)

ровный, ям нет. В этой насыпи найдены часть сосудообразного орнаментированного глиняного грузика милоградской культуры и два венчика эпохи бронзы (Лошенков, 1984, с. 365). Всю поверхность рассматриваемого вала покрывает прослойка углей толщиной 10–13 см. Чтобы песок не осыпался, первоначальный вал обложили бревнами. Внешний склон вала переходит в канаву, и прослойка углей покрывает ее внутренний склон до дна. Ширина канавы 4,5–5 м, глубина от уровня материка 0,6 м. Вскрыта часть ее длиной 3 м (рис. 16). После пожара, уничтожившего деревянное покрытие, осуществлена коренная перестройка оборонительных сооружений. Засыпана канава с внешней стороны вала и значительно увеличены размеры насыпи. Ширина по основанию достигает 18 м, а высота 2,2 м. В качестве строительного материала использовались подзолистая почва, культурный слой — супесь серого цвета и камень. Камни попадались преимущественно во внешнем склоне насыпи. В смешанном слое были найдены точильный камень, половина крестообразного глиняного грузика, кремневые ретушер, скобель и отщеп с ретушированными выемками. Позднее жителями городища была усилена защита поселка. С целью увеличения высоты вала осуществлена его подсыпка черным культурным слоем. Так, при прежней ширине высота его достигала, по-видимому, более 3 м. В результате распашки гребень вала (вершина подсыпки) сместился на внутренний склон. С горизонта последней подсыпки происходят обломки посуды, половинка крестообразного грузика, зубы и кости животных, куски болотной руды.

Изучение конструкций основного вала Лисковского городища позволяет выделить три периода в его строительстве: 1) сооружение первоначального вала из песка и обкладка его бревнами; 2) реконструкция древнейшего вала, увеличившая его размеры до 18 м в ширину и до 2,2 м в высоту; 3) подсыпка до высоты 3 м. В связи с тем, что дополнительные защитные сооружения (ров и вал) с восточной стороны поселения не исследовались их структура остается невыясненной.

Материалы однослойного городища Ястребка V — начала II в. до н. э. позволяют рассмотреть вопрос о структуре укреплений у поселений с усилением защиты на отдельных направлениях. Памятник находится в 20 км северо-западнее г.п. Лоев, в 1,3 км северо-восточнее одноименной деревни, в урочище Бобровины или Язы. Площадка у него овальная, укреплена по периметру основным валом. Ширина этого вала 13 м, высота 1,5–1,8 м. Дополнительные укрепления в виде рва и второго вала усиливают защиту поселка с юго-запада, запада и севера (рис. 2: 2). Ров шириной 3–4 м и глубиной 0,3–0,4 м. Вал высотой 0,5 м и шириной 6–10 м. Дополнительный вал расположен несколько ниже основного: его вершина достигает уровня площадки. Раскопки на этом памятнике проводил автор в 1978–1979 годах. Изучена площадь 1396 кв. м, из них на укрепления приходится 196 кв. м (Лошенков, 1979, с. 441–442; он же, 1980, с. 366). На этом поселении изучались основной вал и дополнительный. Главный вал прорезался в южном направлении. Раскоп размером 6 × 30 м. Установлено, что для его строительства обитателями поселения использовались земля (подзолистая почва), дерево, камень и культурный слой. Стратиграфия восточной и западной стенок раскопа, как и план материка (рис. 17), позволяют сделать следующую реконструкцию рассматриваемой насыпи. Внутри древнейшего вала были две стены из горизонтально уложенных бревен. Расстояние

между ними 3,5 м. Пространство между деревянными стенами заполнено плотным грунтом — глиной, глеем и камнями. Все это сооружение присыпано землей: насыпана вершина и склоны вала. Ширина его 10 м, высота — 1,2 м. Под древнейшим валом культурный слой не зафиксирован. Внешний склон вала постепенно переходит в ров шириной 4 м и глубиной 0,4 м от материка. Грунт со рва использован для насыпи ядра вала. Скорее всего, перед заключительным этапом жизни сделана подсыпка культурным слоем на первоначальный вал. Увеличенная насыпь вала подошвой внутреннего склона наслоилась на культурный слой площадки. В связи с тем, что для сооружения основного вала использовался слой поселения, из насыпи происходят кремневый топор, три биконических грузика-пряслица, костяная ручка ножа из ребра, амулет из клыка кабана с циркульным орнаментом, 698 фрагментов керамики и 1321 экземпляр костей животных (Лошенков, 1982, с. 83; он же, 1988, с. 76–77, рис. 1). Материалы с вала позволяют продатировать его первоначальную насыпь V в. до н. э. Подсыпка выполнена примерно в конце III — начале II в. до н. э.

Дополнительный вал изучался с севера, траншеей шириной 2 м и длиной 8 м. Структура насыпи смешанная: супесь черного цвета (культурный слой), глей, бурая глина и угли. Размеры: ширина 4,5 м, высота 0,7 м. В ее содержании выявлено 26 фрагментов керамики, аналогичной на площадке городища. Ров между основным и дополнительным валами сильно заплыл. В разрезе ширина его 3 м, глубина от уровня материка 0,5 м. Надо полагать, что дополнительные укрепления возводились в финальный период жизни на городище, так как в качестве строительного материала использовался культурный слой, что осуществлялось и во время подсыпки основного вала.

Кроме рассмотренных выше восьми памятников изучением оборонительных сооружений у городищ милоградской культуры занимались еще в 50-х — начале 60-х годов П.Н. Третьяков и О.Н. Мельниковская. Материалы их раскопок характеризуют укрепления береговых городищ Горошков и Чаплин (Третьяков, 1959, с. 122–123, рис. 2; Мельниковская, 1967, с. 27–32). На Чаплинском городище в милоградское время имелся вал шириной 5 м и высотой 2 м, а с внешней стороны его — ров глубиной 1 м и шириной 6 м. Эта насыпь вала была укреплена деревом с внутренней стороны поселка. По заключению исследователя, данный вал «...сложен из песка, взятого из рва» (Третьяков, 1959, с. 122). Позднее зарубинецкое население еще дважды ремонтными работами подновляло защиту поселения, значительно увеличив ее. О.Н. Мельниковская выделила по три строительных периода во внешнем и внутреннем валах Горошковского городища. По ее сведениям, поселение сначала было защищено деревянной изгородью и песчаным валом высотой 1 м, удаленном от нее на 15 м (Мельниковская, 1967, с. 27, 29–32).

В результате прорезки валов и рвов на поселениях милоградской культуры удалось установить, что они имеют сложное внутреннее строение. Их структуры тесным образом связаны, как правило, с несколькими строительными периодами. Стратиграфические наблюдения позволили исследователям выделить по несколько этапов, связанных с усилением и усовершенствованием укреплений милоградскими племенами. Вместе с тем, датировать тот или иной строительный период возможно не всегда и лишь приблизительно.

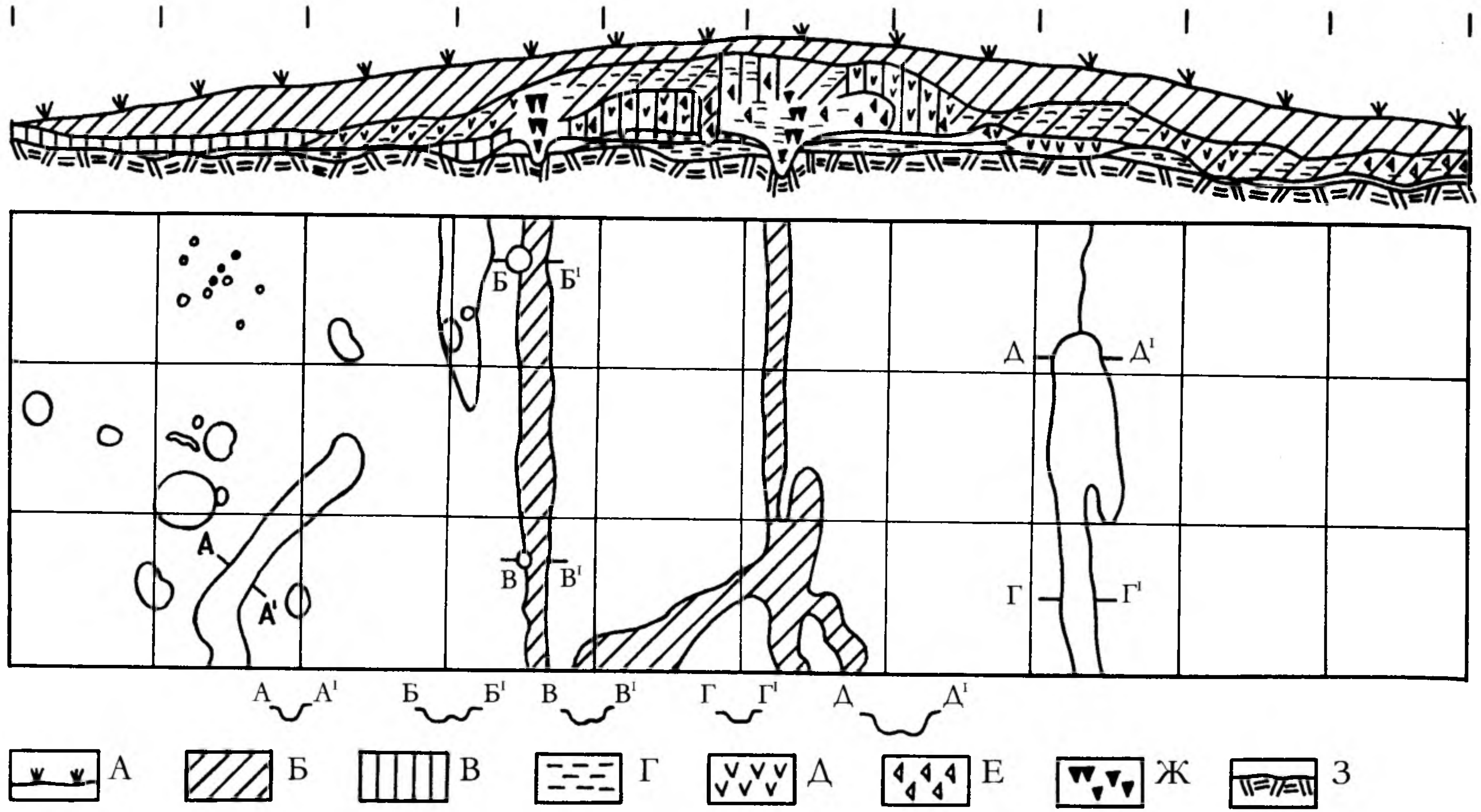

Рис. 17. Профиль восточной стены и план материка прорезки основного вала на городище Ястребка в 1979 году.
(А — дневная поверхность, Б —подзолистая почва, В — культурный слой, Г — глей, Д — глина бурая, Е — мелкие угольки, Ж — древесный тлен, З — материк)

В ряде случаев начало сооружения городищ определяется по наиболее ранним вещам, обнаруженным не в конструкциях валов, а в отложениях культурного слоя. В процессе изучения оборонительных сооружений установлено, что «милоградцы» для возведения искусственных насыпей валов использовали в качестве строительных материалов природную землю, камень, дерево и культурный слой.

Валунные камни разной величины часто встречались во время разрезов валов. Они фиксировались беспорядочно в центральной их части (ядре) либо в склонах. Автором замечено, что на Лисковском городище камни попадались преимущественно во внешнем склоне, а на городище Ястребка — в двух верхних раскопочных пластах внутреннего склона (Лошенков, 1988, с. 74) . О.Н. Мельниковская отмечает, что «милоградцы» с целью укрепления внутренних склонов валов обкладывали их камнями (Мельниковская, 1967, с. 30). Сказанное не всегда подтверждается материалами раскопок. Ни в одном из восьми рассмотренных нами укреплений каменная обкладка склонов не выявлена. Камни же, как бутовый материал, в них есть. Следовательно, в использовании камня при строительстве валов милоградскими общинами, как видим, нет какого-то однообразия. В эпоху раннего железа камень в качестве строительного материала при возведении оборонительных валов использовался не только милоградским населением, но и племенами других культур. Такие факты известны у автохтонов городища Большая Гомольша в левобережной Лесостепи, а в Волго-Камском бассейне — у «ананьинцев» второго Васильсурского (Шрамко, 1962, с. 191; Иванов, 1984, с. 48).

Для обороны поселков племена милоградской культуры довольно широко использовали дерево. Из 9 изученных раскопками памятников оно не обнаружено только у двух городищ — Уза и Ясенец I. Выделяются следующие способы его применения: в качестве изначальных оборонительных стен, затем во внутривальных конструкциях и в надвальных ограждениях. Мы не располагаем материалами о характере устройства первоначальных изгородей, ровно как и о надвальных сооружениях стен, следы которых неоднократно фиксировали исследователи на городищах Горошков, Ворновка, Ивань, Любны, Холопеничи, Чечерск. В земляных насыпях валов городищ Ивань, Лиски, Ястребка его использовали поразному: в виде деревянных стен в ядре (Ястребка), в качестве обкладки поверхности вала (Лиски) и как ограды из горизонтально лежащих бревен во внешнем склоне (Ивань). Факт, аналогичный последнему, отмечает и О.Н. Мельниковская у городища Асаревичи, а случаи обкладки валов — у городищ Ворновка и Милоград (Мельниковская, 1967, с. 30). П.Н. Третьяков фиксирует наружное укрепление деревом внутреннего склона вала у городища Чаплин (Третьяков, 1959, с. 122).

Вполне естественно, что на раннем этапе строительства и функционирования городищ, когда культурный слой еще только начал откладываться, валы сооружались из природных грунтов (песков либо супесей), даже в тех случаях, когда они возводились на предшествующих им селищах (Ивань, Чечерск). В процессе продолжительного проживания системы укреплений постоянно поддерживались в хорошем состоянии. Мелкие текущие ремонтные работы определить стратиграфически не всегда возможно. А вот большая модернизация защиты фиксируется всегда, хотя время осуществления ее остается для нас неуловимым. Часто для таких целей «милоградцы» использовали культурный

слой. Они, надо полагать, специально подрезали его на площадке, перемещая затем на насыпь вала, чтобы площадка не возвышалась над окружающей местностью и, таким образом, легче было укрыться. Рассматриваемое явление отмечено на памятниках Полесья, Приднепровья и Посожья. Это, по существу, традиционная черта, свойственная племенам милоградской культуры. Далее следует отметить некоторое своеобразие в устройстве оборонительных сооружений у изучаемого населения.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что появлению низинных городищ не предшествовали селища, равно как и поселения более раннего времени (эпохи камня и бронзы), что было иногда свойственно холмовым (Любны, Старое Село) и береговым (Ивань, Моховское I, Присно) поселкам.

Большинство рассматриваемых поселений сначала были укреплены земляными валами и рвами. Только у трех городищ — Горошков, Любны и Холопеничи — изначально имелись укрепления в виде деревянных конструкций-ограждений. Если два последних памятника после пожаров защищены земляными валами, то Горошковское — сразу деревянной изгородью и песчаным валом. Валы многих городищ сохранили следы деревоземляных конструкций: остатки обуглившихся бревен, ямки и канавки от деревянных стен.

Почти у всех поселений зафиксированы древнейшие насыпи валов из песка либо супесей, шириной у оснований от 6 до 8,5 м и высотой 1–1,5 м. Последующие модернизации увеличивали размеры первоначальных валов в ширину до 10–12 м (реже 16–18 м) и высоту до 2–3 м.

Рвы у милоградских городищ, как уже отмечалось, небольших размеров. Ширина их, в отличие от валов, в пределах 2–4 м, а глубина около 1 м. Судя по размерам, они не являлись сколько-нибудь серьезным препятствием для нападавшего противника. Только в одном случае, в Горошкове, во рву была стена либо изгородь из дерева. Если у низинных городищ рвы заполнялись водой, то у холмовых и береговых они никак не являлись водной преградой. Раскопки показали, что грунт со рвов использовался для возведения валов. Именно поэтому они параллельны валам и примыкают к ним снаружи. Вместе с валами рвы лишь несколько усиливали защиту поселков. В связи со сказанным нельзя не отметить, что рвы у городищ лесостепного населения были более мощным препятствием для противника (Моруженко, 1975, с. 142).

Сопоставление укреплений городищ милоградской культуры с аналогичными у синхронных городищ на сопредельных территориях позволяет отметить некоторое сходство в приемах их возведения и сходство в конструктивных элементах оборонительных сооружений у населения различных культур в I тысячелетии до н. э. На раннем этапе существования городищ у племен культуры штрихованной керамики и днепро-двинской культуры для них были характерны деревянные укрепления (Митрофанов, 1978, с. 10; Шадыро, 1985, с. 13–22; Шмидт, 1985, с. 180–190). У «милоградцев» деревянные ограждения зафиксированы изначально только у низинного городища Холопеничи, холмового — Любны и берегового — Горошков. Исследователи отмечают, что раннедьяковские городища, возникшие до V в. до н. э. (Дьяково, Щербинское), сначала не имели земляных валов, а укреплялись деревянными ограждениями типа тын либо плетень (Дубынин, 1974, с. 209–215; Кренке, 1986, с. 90–95; Крис, 1986, с. 99). Городища же, возникшие в V в. до н. э. и позднее, уже

укреплялись земляными насыпями валов, как Боршевское, Савиковское и Кикинское (Смирнов, 1986, с. 88–90; Крис, 1986, с. 95–99; Вишневский, 1990, с. 87). Древнейшие земляные валы у городищ дьяковской культуры, как и у изучаемых милоградских, были небольших размеров. У поселения Савики высота вала 0,8 м, ширина около 7 м, а у Боршево — соответственно 1,2 м и 5 м (Крис, 1986, с. 97; Смирнов, 1986, с. 88). Такие же небольшие размеры имеют древнейшие валы у некоторых городищ Смоленщины: Тушемля (ширина 5–6 м, высота 1,25 м), Новые Батеки (Третьяков, 1963а, с. 45; Шмидт, 1963, с. 147). Изучение укреплений на памятниках лесостепных племен в междуречье Днепра и Дона показывает, что и здесь у ряда городищ древнейшим земляным насыпям валов предшествовали деревянные укрепления: Кузина Гора, Большое Сторожевое, Городное, Сосонка, Полковая Никитовка, Каменка, западное у Бельского (Алихова, 1962, с. 87–88, 93; Либеров, 1965, с. 10; Пузикова, 1969, с. 46; Моруженко, 1985, с. 168–169; она же, 1988, с. 34; Шрамко, 1987, с. 28–29).

Таким образом, наблюдается определенное сходство в характере изначальных оборонительных конструкций и в приемах сооружений земляных и дерево-земляных валов у населения милоградской культуры и таковых у племен синхронных культур лесной и лесостепной полосы Восточной Европы.

4. Жилища и нежилые сооружения

Жилища являются одним из основных элементов материальной культуры древнего населения. Они несут в себе черты, связанные с культурными и этническими традициями в их строительстве, характером семейных отношений, природными условиями. В какой-то мере они отражают уровень бытовой культуры и общего развития их обитателей. Характеризуя население милоградской культуры, О.Н. Мельниковская выделила у него три типа жилищ: 1) землянки глубиною 1,2–1,4 м от уровня древней поверхности; 2) наземные жилища, (полуземлянки. — *М. Л.*) слегка углубленные в грунт на 0,25–0,6 м (рис. 18: 1, 2); 3) наземные жилища без следов углубления в материк (рис. 18: 3, 4) (Мельниковская, 1967, с. 35). Анализируя материалы разной степени сохранности, примерно 50 жилых построек с городищ, расположенных на правом, высоком берегу Днепра, исследовательница пришла к выводу о том, что основным типом жилищ у людей милоградской общности были наземные постройки со слегка заглубленным полом. Они были характерны для всего периода функционирования милоградских поселений в Приднепровье. Раскопки же городищ Асаревичи, Глыбов, Горошков, Колочинское II, Милоград, Моховское I, II и Чаплин позволили зафиксировать только одну землянку в 1955–1956 годах лишь на первом Моховском. Ее глубина 1,4 м от уровня древней поверхности, площадь около 55 кв. м. По форме в плане она — многогранник с закругленными углами (Мельниковская, 1967, с. 12, 35, 37).

Изучение памятников в 70–90-х годах XX в. в Полесье и Посожье позволило получить

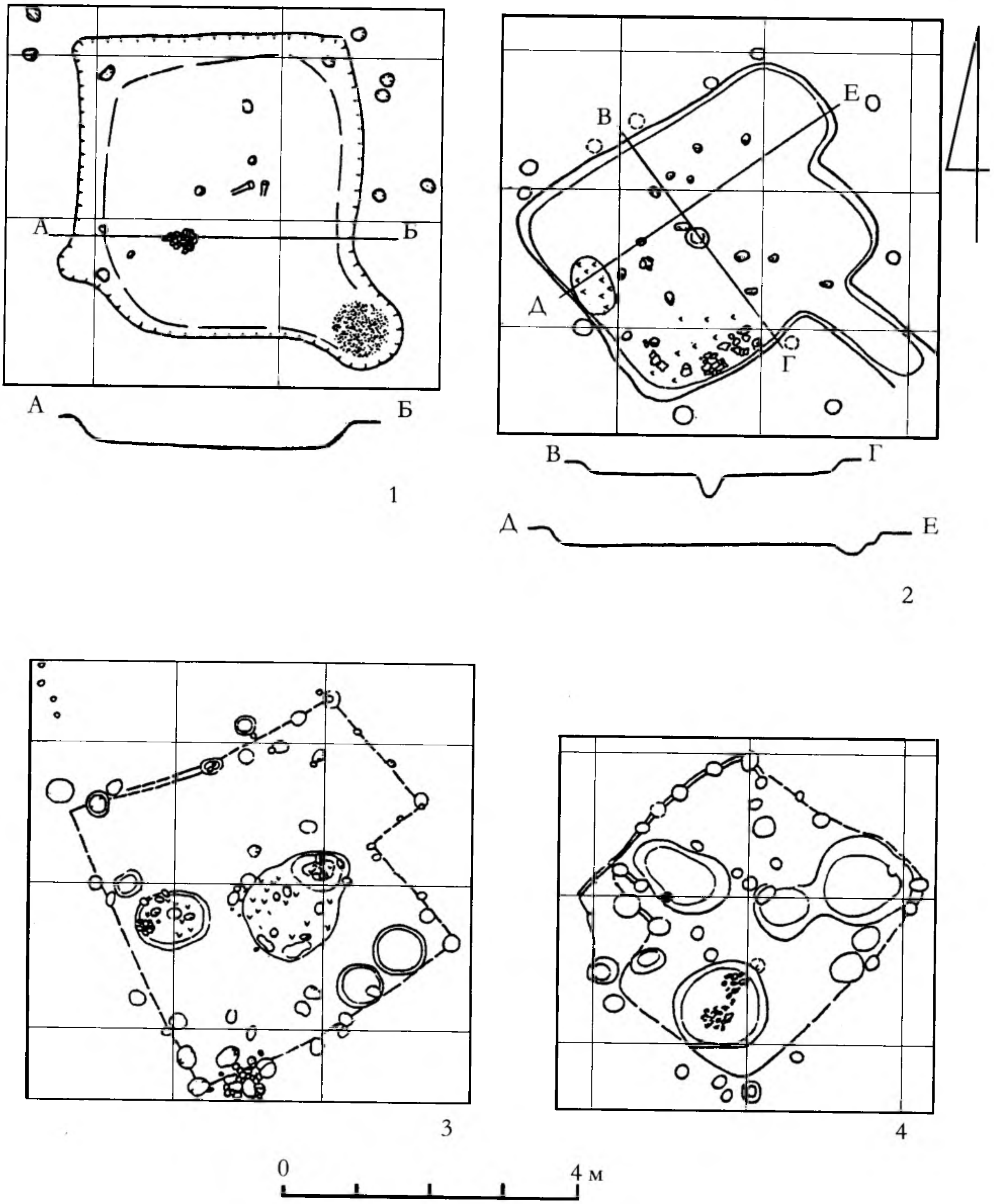

Рис. 18. Планы полуземлянок и наземных жилищ с городищ Приднепровья
(1 — Маховское II; 2, 3 — Милоград; 4 — Горошков)

новые материалы о жилищах. Эти сведения вместе с данными 50–60-х годов позволяют переосмыслить информацию о жилых постройках у населения милоградской культуры. В Посожье жилища обнаружены на четырех памятниках: Любны, Подгорье, Уваровичи и Шепотовичи. К сожалению, богатые материалы с городища Уваровичи не введены в научный оборот А.И. Дробушевским. Он вскрыл 11 построек милоградского населения и 22 очага в нижнем горизонте слоя памятника (Дробушевский, 2004, с. 63). Раскопками И.Х. Ющенко и В.И. Сычева на Любенском городище обнаружены остатки четырех жилищ, среди которых два полуземляночные и два наземные (Лашанкоў, 1993б, с. 24–28). Полуземлянка, выявленная И.Х. Ющенко, представляла собой постройку со слегка заглубленным полом. В плане она круглой формы. Ее наземную часть автор раскопок реконструировал как «шалаш конусообразной формы из жердей (юрта. — *М. Л.*), прикрытых ветвями с присыпкой земли» (Мельниковская, 1967, с. 34). В.И. Сычев вскрыл часть полуземлянки размером 1,5 × 3 м. Ее основание заглублено в материк на 0,7 м (Лашанкоў, 1993б, с. 24, 26, мал. 2). Судя по всему, она была прямоугольной формы. Пол у нее земляной. Он представлял собой очень твердую гумусированную прослойку толщиной 0,1 м. В полу находились две ямы от столбов. Их глубина 0,2 и 0,55 м. Вдоль стен котлована жилища имелись еще четыре столбовые ямы. Они расположены на небольшом расстоянии друг от друга и имели глубину 0,3–0,4 м. Эти ямы свидетельствуют о столбовой конструкции стен в наземной части рассматриваемого сооружения. Постройка была заполнена культурным слоем, в содержании которого обнаружены грузик в форме сосуда, посоховидная булавка, 45 обломков керамики от милоградских сосудов и мелкие кальцинированные косточки. На уровне материка заполнение перекрыто песчано-глинистой прослойкой толщиной 0,08 – 0,12 м. В отдельных местах ее заметны следы действия огня. Над прослойкой мощность культурного слоя составила более 0,8 м.

В процессе раскопок городищ милоградской культуры выявить очертания наземных жилищ в небольшой толще культурного слоя однородной окраски практически невозможно. На их присутствие в таких случаях указывает ряд дополнительных данных: прежде всего, наличие очагов, затем концентрация рядом с ними индивидуальных и массовых находок и, наконец, сочетания в таких местах столбовых и кольевых ям. Все это вместе позволяет исследователям несколько условно фиксировать контуры жилищ без следов углубления в грунт их нижней части. Исходя из вышеизложенного, одно из наземных жилищ «милоградцев» на городище Любны было овальной формы, площадью примерно 16 кв. м (рис. 19). Очаг находился в его средней части (рис. 20: 1). Конструкция стен была кольево-столбовой. Второе жилище, площадью около 42 кв. м, имело неправильную прямоугольную форму. В нем, в центральной части помещения, находились два очага и три хозяйственные ямы между ними (рис. 19; 21). У этого жилища, как и у предыдущего, каркас стен был кольево-столбовой. Заметим, что все четыре рассмотренные жилые постройки в Посожье происходят с одного холмового городища (Лашанкоў, 1993б, с. 24, 26–28, рис. 2).

Следы еще одной наземной постройки фиксируются на городище Шепотовичи (Дробушевский, 1995а, с. 33, 35). В 1979 г. А.И. Дробушевский обнаружил два открытых очага в разрушенном состоянии. Оба они находились в толще культурного слоя, в

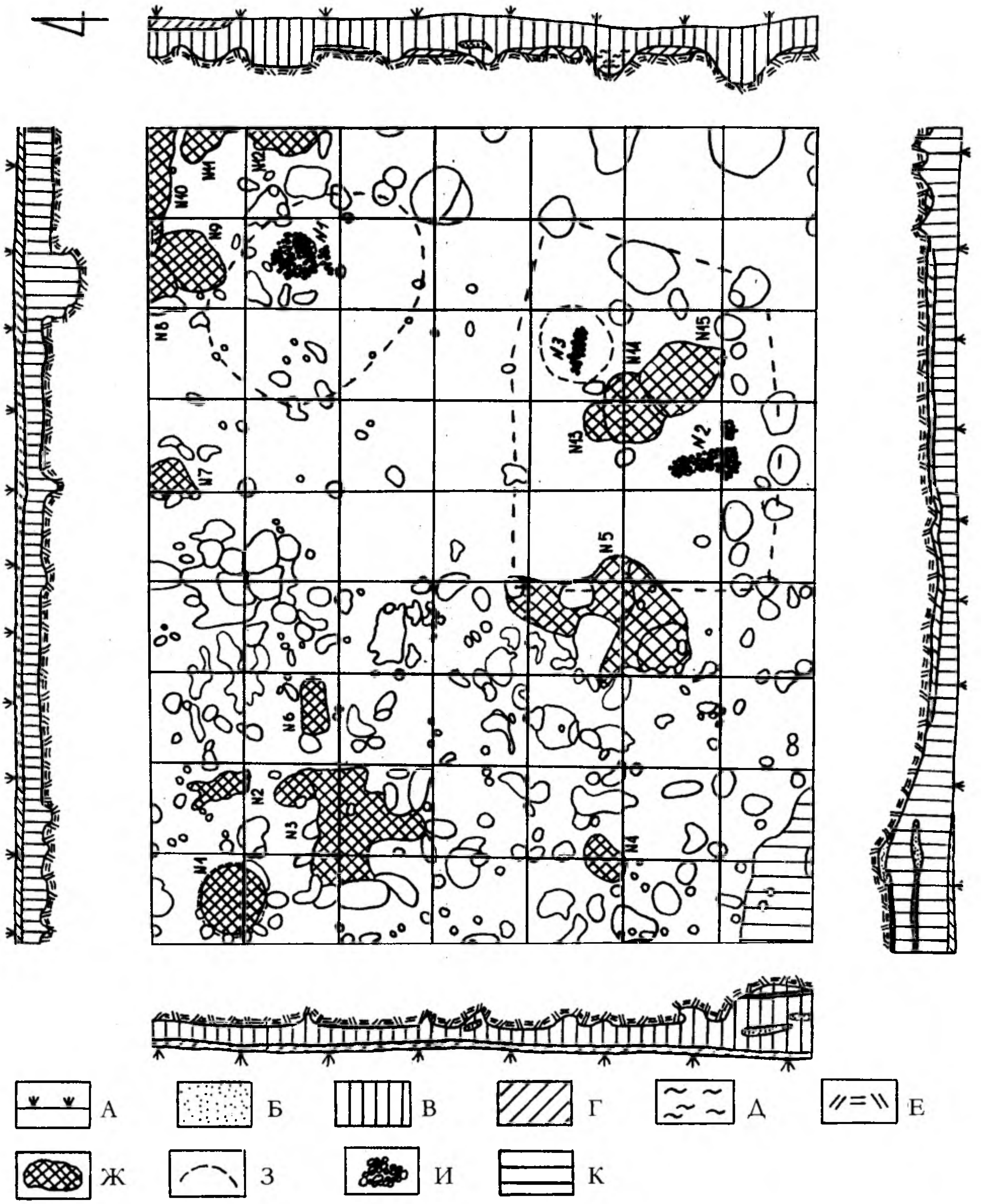

Рис. 19. Планы двух наземных жилищ и полуземлянки в раскопах на городище Любны
(А — дневная поверхность, Б — белый песок, В — черная супесь, Г — серая супесь, Д — темно-синий песок, Е — материк, Ж — хозяйственные ямы, З — границы очагов и жилищ, И — скопление камней в очагах, К — часть полуземлянки)

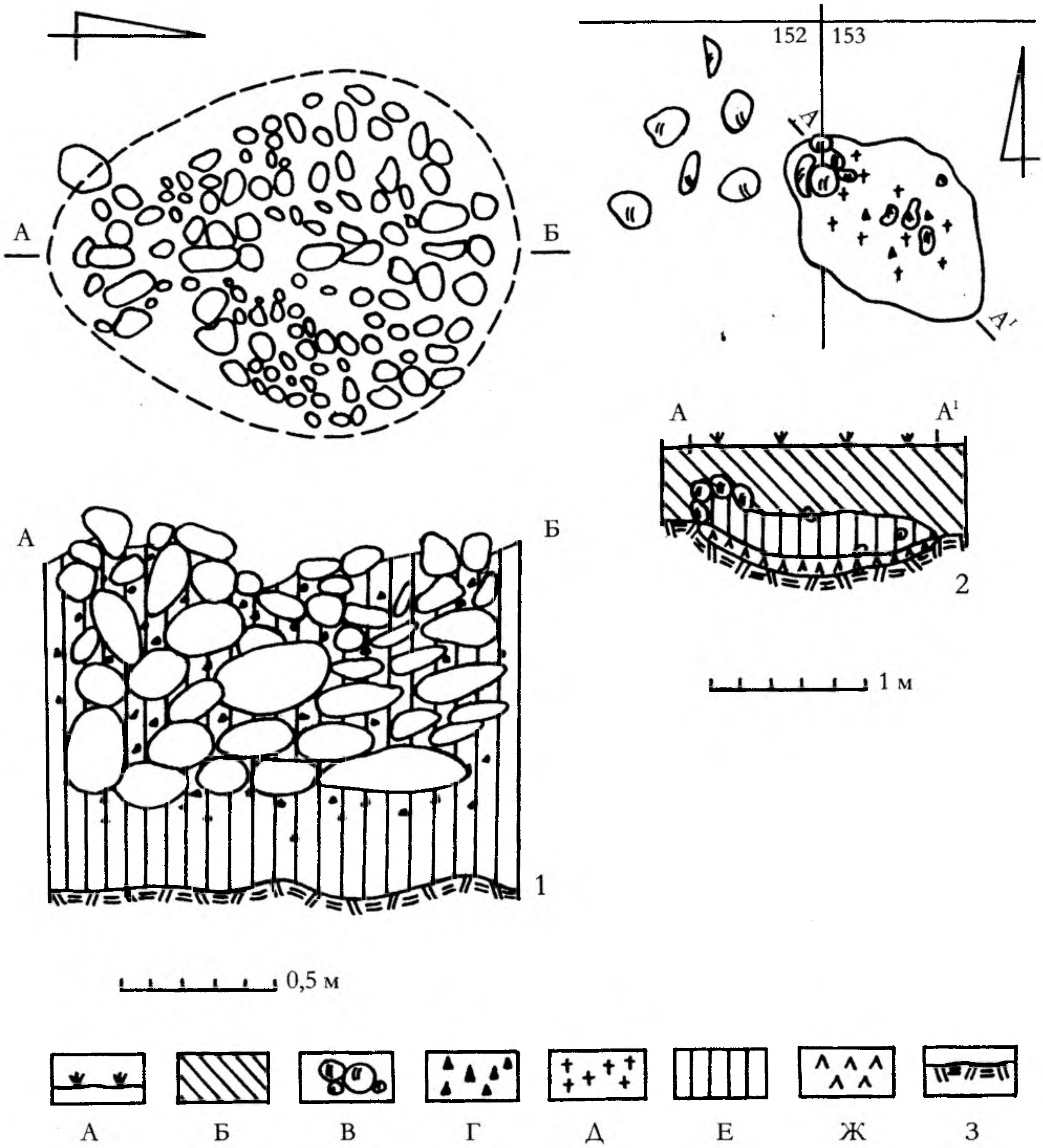

Рис. 20. Планы и разрезы очагов на городищах Любны (1) и Ястребка (2)
(А — дневная поверхность, Б — серая супесь, В — камни, Г — угли, Д — пережженые косточки, Е — супесь черного цвета, Ж — прокаленная глина, З — материк)

жилище. Один был в виде зольного пятна на глубине 0,35 м от дневной поверхности. Он имел овальную, вытянутую с юго-востока на северо-запад форму. Его размер — 0,8–0,9 × 1,5–1,6 м. Другой аналогичный объект находился планиграфически в одном метре южнее первого, но на глубине 0,5–0,6 м. Данное обстоятельство говорит об их разновременности. Второй очаг представлял собой скопление углей, золы, обоженной глины и ошлакованной керамики. Он имел вытянутую с востока на запад овальную форму. Размер его — 0,7–0,8 × 0,9–1 м. Под ним находилась тонкая прослойка культурного слоя. Под западной частью очага, в материке, была предочажная яма неправильной овальной формы размером 1,2 × 1,45 м. Яма заглублена в материк на 0,35 м. В ее заполнении было 14 обожженных камней. Камни встречались в предматериковом горизонте и севернее второго очага, а куски обожженной глины — южнее него. Недалеко от рассматриваемого объекта обнаружены индивидуальные предметы: две каменные зернотерки, три целые глиняные пряслица, камень округлой формы с двумя шарообразными углублениями с противоположных сторон. В 1,5 м севернее очага зафиксированы остатки обугленного столба. Ямы южнее и западнее него в материке позволяют говорить о столбовой конструкции наземной части рассматриваемого жилища. Его примерная площадь 10 кв. м. Вполне возможно, что это жилище вскрыто не полностью, так как его восточная часть уходила за пределы раскопа. Раскопки убедительно показали, что Шепотовичское городище — двухслойный памятник. Поселение основано в IV в. до н. э. милоградскими общинниками. Это населе-ние проживало на нем примерно до середины II в. до н. э. В конце II в. до н. э. здесь появились уже «зарубинцы» (Дробушевский, 1995а, с. 35, 48). Сказанное и стратиграфические данные о том, что рассматриваемое жилище находилось в предматериковом (милоградском. — *М.Л.*) горизонте слоя, позволяют связывать его именно с основателями городища. Верхний же очаг (первый) вполне мог быть оставлен уже зарубинецким населением, которое проживало здесь до конца I в. н. э.

На городище Уваровичи А.И. Дробушевский выявил два наземных жилища и девять — с заглубленным основанием (полуземляночных). Как считает автор раскопок, «на раннем этапе обитания “милоградцев” на этом городище возводились большие наземные дома столбовой конструкции» (Дробушевский, 2004, с. 63). Постройка № 6 — длинный (около 11 м) наземный дом столбовой конструкции. Это строение находилось в центральной части поселка и не связано с системой укреплений. Как замечает исследователь, «позднее большие наземные дома в Уваровичах “милоградцы” уже не возводили. На смену им пришли небольшие углубленные однокамерные жилища столбовой конструкции площадью около 9–20 кв. м. Зарегистрирован всего один случай применения срубной конструкции при сооружении жилищ этого времени» (Дробушевский, 2004, с. 63). На данном памятнике очаги в помещениях находились у одной из стен либо в северо-восточном углу.

В 1982 г. С.Е. Рассадин вскрыл полуземляночное жилище на городище Подгорье (Рассадин, 1982, д. 864). Его основание заглублено в материк на 0,76 м. Стенки котлована вертикальные, а пол относительно ровный. Постройка в плане прямоугольная. В ее западном углу имелся ступеньчатый выступ — черта весьма характерная для жилищ населения милоградской культуры. Это жилище ориентировано длинными сторонами с северо-востока на юго-запад. Его

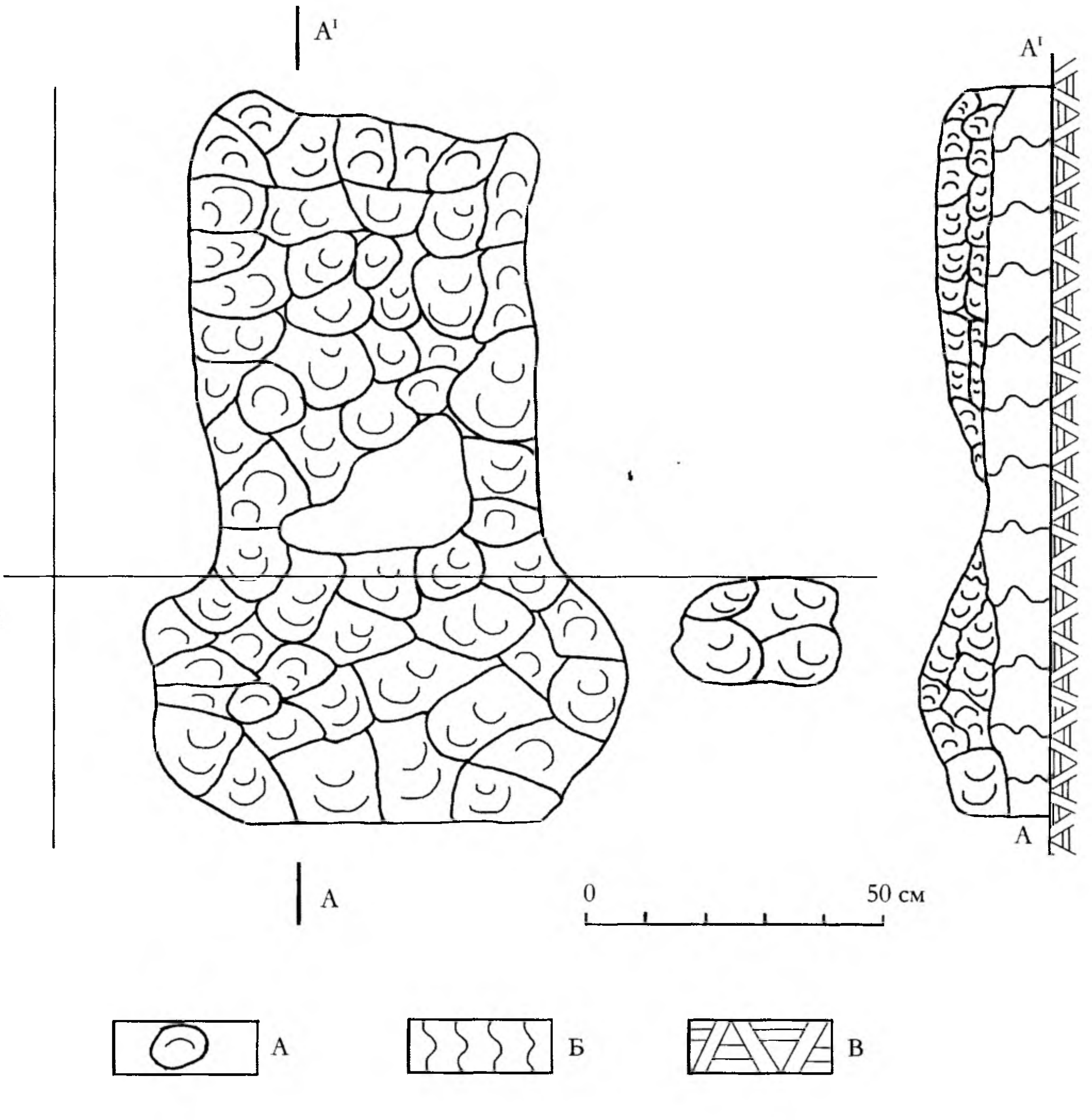

Рис. 21. План и профиль очага № 2 с наземного жилища на городище Любны
(А — камень, Б — гумусированный слой с углями и золой, В — материк)

площадь около 4 кв. м. Отметим, что весьма близкая по форме и размерам постройка есть на Чаплинском городище — полуземлянка № 11 (Третьяков, 1959, с. 123, 128, рис. 3; 6; 9). Рассматриваемый объект с городища Подгорье был заполнен насыщенно черным гумусом. В содержании заполнения обнаружено большое количество обломков посуды, костей животных, несколько глиняных грузиков и пряслиц. В центральной части помещения имелись следы очага в виде зольно-угольного пятна. В предматериковом горизонте, рядом с жилищем, встречались шлаки, связанные с металлургией железа, и найдена бронзовая ворворка. В материке напротив южного угла котлована была яма от столба. По периметру основания постройки прослеживаются следы от кольевых ям в виде черных пятен (Рассадин, 1982, д. 864). Основываясь на последних данных, можно говорить о том, что наземная часть полуземляночного жилища имела кольево-столбовую конструкцию стен.

В Нижнем Посожье из шести жилищ три — полуземляночные и три — наземные (без сведений с поселения Уваровичи). Одна полуземлянка обнаружена на городище Подгорье, сооруженном на правом берегу речки Уть. Все остальные происходят с поселений Любны и Шепотовичи, устроенных на холмах. Рассмотренные жилища с памятников Посожья могут быть продатированы по материалам поселений IV — не позднее первой половины II в. до н. э.

Изучение поселений в пределах Полесской низменности несколько расширяет наше представление о жилищах в совершенно иных природных условиях по сравнению с береговыми и холмовыми памятниками. Ни на одном из городищ, где были проведены раскопки (Борхов, Городок, Липняки, Лиски, Рассвет, Старое Красное, Ясенец I, II, Ястребка) не обнаружено ни одной землянки. Вскрытая площадь на указанных памятниках составляет около 8 тыс. кв. м. Совершенно очевидно, что если первый тип жилищ — землянки вполне мог быть приемлемым для городищ на высоком месте в песчаном грунте, то для поселений на ровном и низком месте они непригодны. В Полесье, где высокий уровень грунтовых вод, иногда выходящих даже на поверхность, сооружать земляночные жилища нецелесообразно. Ведь сами-то городища, как уже отмечалось, расположены на невысоких песчаных возвышенностях, и поэтому постройки, углубленные в материк, в таких условиях неизбежно будут затоплены грунтовыми водами, особенно во время весенних паводков. Именно в силу специфики природных условий на милоградских городищах Полесья не строились жилища типа землянок.

Что касается наземных жилищ с заглубленным полом, то и они почти неизвестны на низинных поселениях Полесья. Одна постройка, формой и размерами (2,8 × 5) напоминающая полуземляночное жилище, найдена М.Ф. Гуриным на городище Липняки в 1976 году (Гурин, 1977, с. 402). В плане она прямоугольной формы, с закругленными углами (рис. 22). Постройка ориентирована по направлению с северо-востока на юго-запад. Внутри помещения остатки очага не выявлены, как и ямы от столбов по периметру основания. Пол земляной и неровный. Он имел уклон по длинной оси сооружения в северо-восточном направлении. За исключением западного угла, вся остальная нижняя часть постройки была углублена в материк на 0,2–0,3 м. В северо-восточном углу пола были три ямы. Они выкопаны, судя по обнаруженным в них половинам двух сосудов, в конце I тыс. н. э. Предполагаемое жилище заполнено супесью черного цвета,

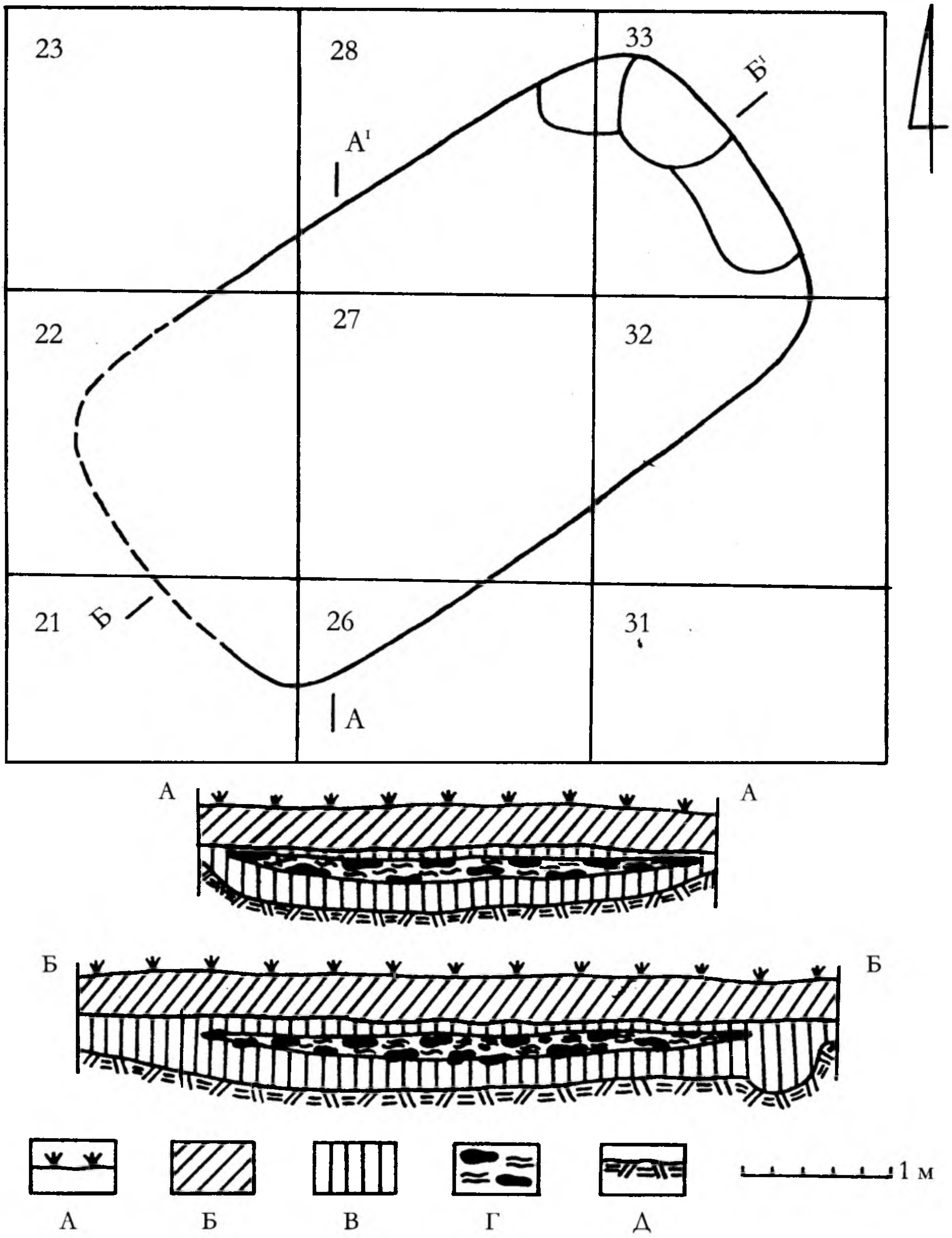

Рис. 22. План и профили жилища с городища Липняки
(А — дневная поверхность, Б — слой супеси серого цвета, В — супесь черная, Г — угли с пеплом, Д — материк)

в которой было семь фрагментов стенок от сосудов раннего железного века. Отсутствие венчиков среди них значительно осложняет определение культурной принадлежности рассматриваемой постройки. Она вполне могла принадлежать населению и милоградской культуры, однако полной уверенности в этом нет. Липняковское городище содержало материалы милоградской и зарубинецкой культур, а также керамику конца I тыс. н. э. (Гурын, 1984, с. 67–73). Можно предположить, что это жилище в наземной части имело срубную конструкцию стен, в отличие от подобных построек на городищах Посожья и Приднепровья.

Еще две постройки, аналогичные липняковской, происходят с селища милоград-ской культуры Лемешевичи в западном Полесье. Их изучала В.С. Вергей в 1980 году (Вергей, 1994, с. 133, 136, рис. 2; она же, 1995, с. 87–88). Оба жилища несколько неправильной прямоугольной формы с закругленными углами. Они ориентированы по длинной оси с северо-востока на юго-запад. Одно из них размером 2,4 × 3,7 м. Его основание углублено в материк на 0,23 м (рис. 23: 1). У него стенки котлована сужались ко дну. В средней части помещения, в полу, была яма подтреугольной формы глубиной 0,48 м от материка, а рядом с ней находился очаг (Вергей, 1994, рис. 2). Он представлял собой углисто-пепельное образование диаметром 0,35 м. без камней. Это жилище было заполнено культурным слоем с примесью мелких угольков и золы. В заполнении выявлено 19 обломков милоградской керамики и кремневый нож. Второе жилище размером 2,2 × 3,6 м. Оно заглублено на 0,18 м. В северной четверти рассматриваемого сооружения имелась яма глубиной 0,43 м от уровня материка. Очаг в этой постройке находился в северо-восточном углу (рис. 23: 2). В заполнении жилища найдено 17 фрагментов лепной гладкостенной милоградской керамики. Автор раскопок реконструирует эти жилые сооружения как однокамерные срубные постройки с углубленным в материк полом, открытыми очагами и ямами — погребами (Вергей, 1995, с. 88), с чем следует согласиться. Расстояние между двумя жилищами на селище Лемешевичи было 4,5 м. В Полесье, как видим, полуземляночные милоградские жилища имели срубную конструкцию стен в их наземной части. Пол и стены у них глиной не обмазывались, как на поселениях Приднепровья и Посожья.

В полуземлянках милоградского населения О.Н. Мельниковская отметила наличие выступов в одной из стен либо в углу. Размеры их небольшие, а формы прямоугольные, овальные и круглые. Они, несомненно, являлись частью интерьера жилищ. По мнению исследовательницы, выступы не могли выполнять функции входов (выходов) и быть местами для очагов. Их назначение для нас в таком случае остается неясным. Нельзя не заметить, что рассматриваемые выступы — специфические признаки жилищ милоградского населения именно Приднепровского региона. В аналогичных постройках на памятниках Полесья они не отмечены ни разу. Исследователями они не фиксировались и у населения других культур.

Сведений о наземных жилищах у «милоградцев» совсем мало. В то же время они являлись единственно возможными для проживания сооружениями на низинных городищах и селищах. Одну такую постройку исследовала О.Н. Мельниковская на городище Борхов в 1959 г. (Мельниковская, 1959, д. 2050; она же, 1967, с. 14, 15). Ее контуры зафиксированы при зачистке материка: выделялось темное пятно пола. Оно было

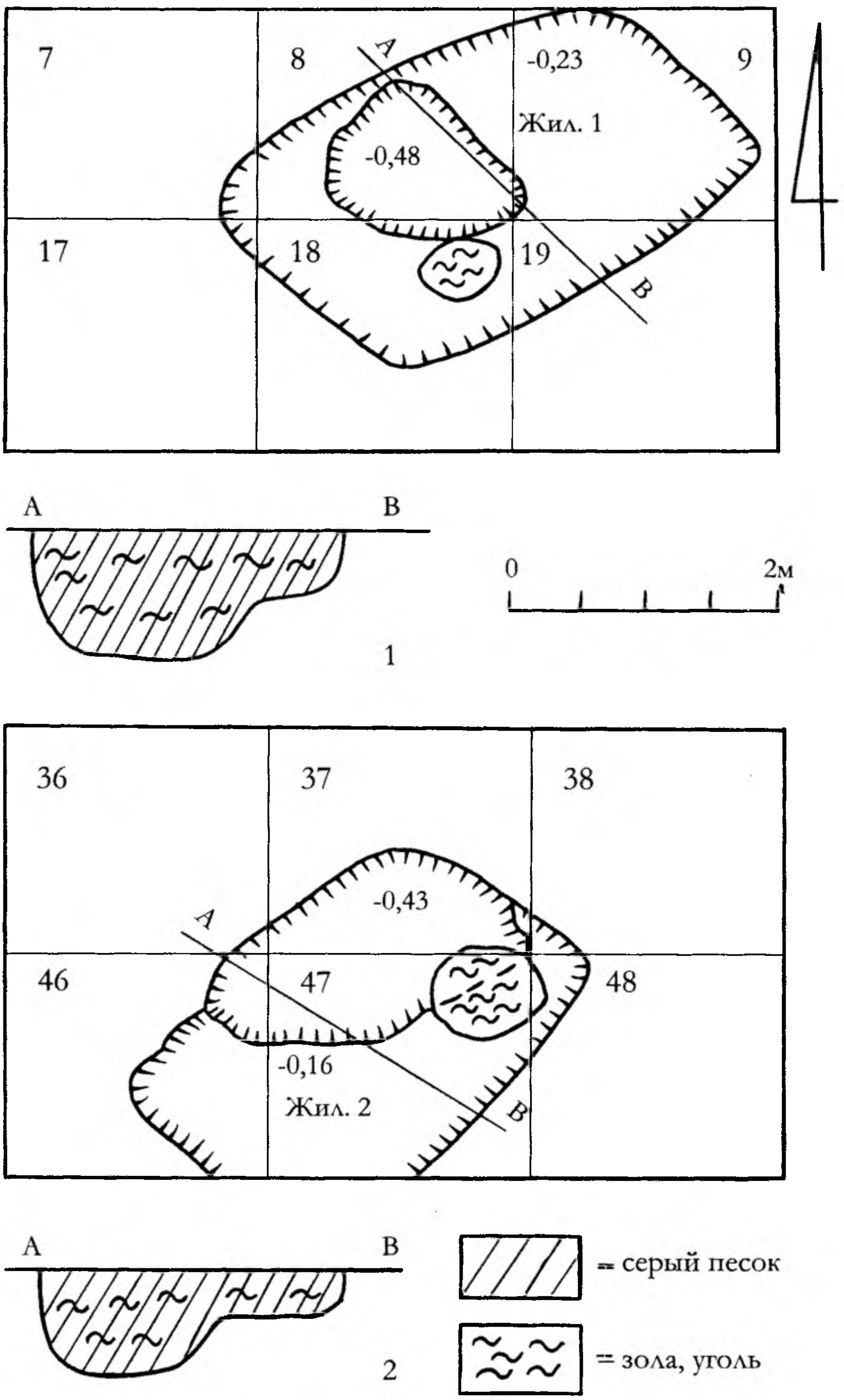

Рис. 23. Планы полуземляночных жилищ с селища Лемешевичи

квадратной в плане формы, размером 3,2 × 3,2 м. Около него на расстоянии от 0,2 до 0,6 м прослежен ряд столбовых ям и канавка (рис. 24). Расчистка показала, что пол жилища имел уклон с юга на север. Углистое дно пола в северной части помещения заглублялось в материк на 0,1 м, а его южная половина находилась выше материкового горизонта. В полу были ямы от столбов и одна большая продолговатая в северной части помещения. Вокруг нее встречались развалы керамики и камни. Отдельные камни попадались на всей площади жилища. В заполнении рассматриваемой постройки обнаружена исключительно милоградская керамика, включая днища шарообразной формы и венчики с ямочными пальцевыми и ногтевыми вдавлениями. По мнению автора раскопок, на Борховском городище отсутствует ранняя керамика. Посоховидная булавка с витым стержнем (рис. 61: 12) и керамичекий комплекс позволили продатировать О.Н. Мельниковской это поселение III в. до н. э. К тому же времени относится и рассмотренное нами наземное жилище со слегка заглубленным полом.

У жилищ на городищах Приднепровья О.Н. Мельниковская выделила два способа возведения стен: 1) плетневую конструкцию, когда пространство между столбами и кольями забиралось частым плетением, и 2) конструкцию из бревен (тонких), уложенных горизонтально между столбами (Мельниковская, 1967, с. 37). Нельзя не заметить, что на укрепленных поселениях, расположенных на низком месте, следы столбовой техники в домостроительстве, за исключением жилища на Борховском городище, не зафиксированы. В Полесье, в отличие от Приднерповья и Посожья, строились наземные постройки срубной конструкции (Липняки, Лемешевичи) и легкие сооружения типа юрты или шалаша. В естественно-географических условиях Полесской низменности такие формы жилищ были единственно приемлемыми (Лошенков, 1989, с. 77–78; он же, 1990, с. 12; Лашанкоў, 1999, с. 32, 33). Полуземлянки здесь — явление весьма редкое и нехарактерное. В Приднепровье, по наблюдениям О.Н. Мельниковской, наземные жилища третьего типа были присущи позднему периоду милоградской культуры и ни разу не зафиксированы на ее раннем этапе. Такое утверждение может быть верным лишь для поселений в названном географическом регионе. На городищах же, находящихся на низменности, срубные наземные жилища и легкие постройки бытовали на всем протяжении существования милоградской культуры. Срубные жилища, как и кольево-столбовые, не обмазывались глиной. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что на холодный период времени «милоградцы» утепляли свои жилища, покрывая их шкурами животных снаружи либо внутри.

Основываясь на материалах раскопак приднепровских городищ, О.Н. Мельниковская установила два варианта расположения строений во внутренней планировке поселков: кучное их нахождение в центральной части и размещение вдоль внутренней линии валов (Мельниковская, 1967, с. 33). Она допускает и совмещение этих традиций, но цель в любом случае одна — максимальная защита построек от нападения врага. Изучение восточнополесских памятников автором показало, что их население придерживалось принципа располагать жилые и нежилые сооружения вдоль линий укреплений. Это явление довольно четко прослеживается на материалах городищ Лиски, Отрубы, Рассвет, Ястребка. Косвенно на это указывает мощность культурных отложений около

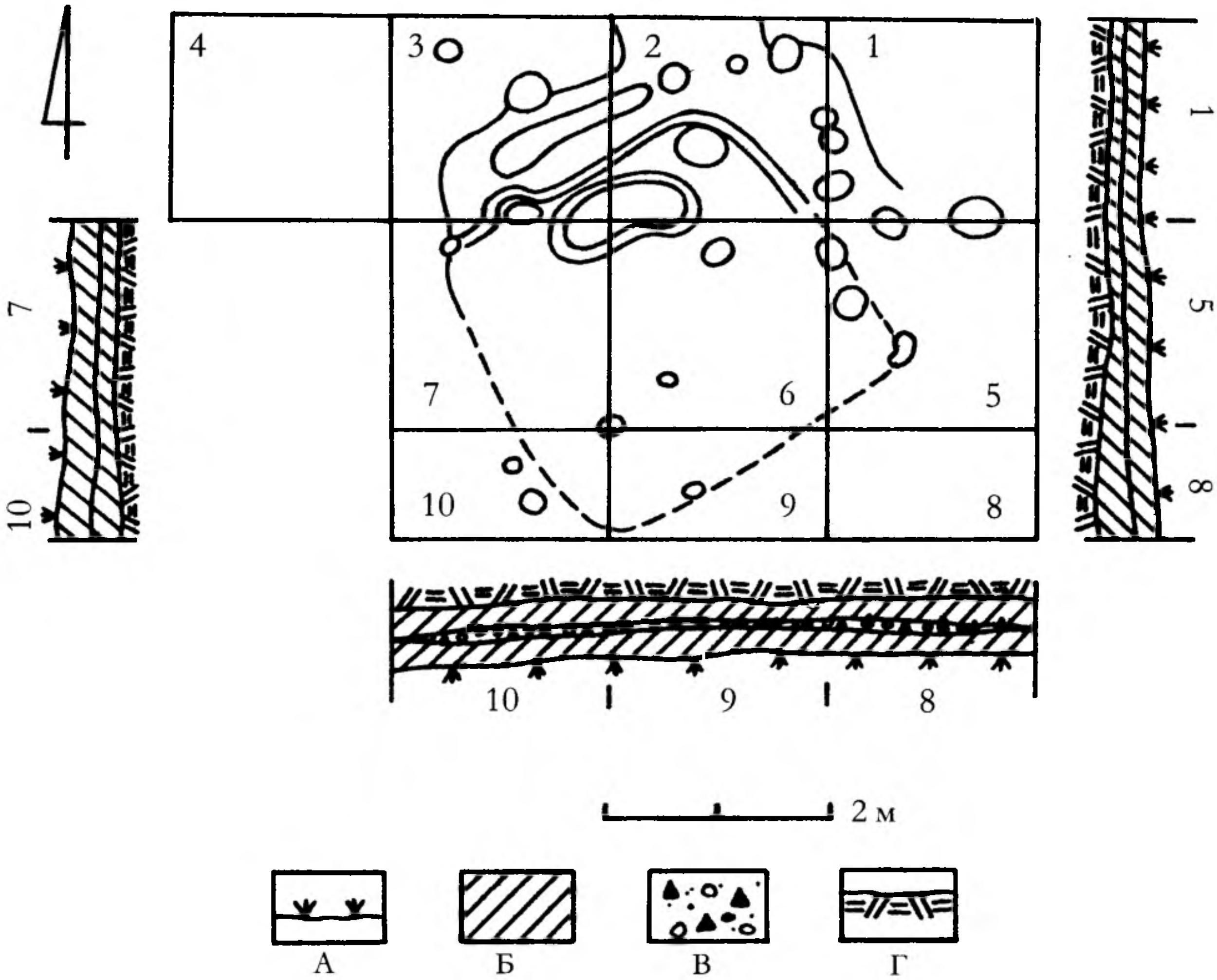

Рис. 24. План наземного жилища с городища Борхов по О.Н. Мельниковской (А — дневная поверхность, Б — супесь желтого цвета, В — углистая прослойка, Г — материк)

валов. В центральной части городищ слой минимальной толщины, а у валов — наоборот. Здесь же он имеет большую насыщенность материалами и содержит открытые очаги. Так, на городище Ястребка очаг находился в предматериковом горизонте недалеко от подошвы вала. Он представлял собой скопление углей, пепла, кальцинированных костей и небольших камней (рис. 20: 2). В нем обнаружено несколько кусков шлаков — стекловидных корок оплавленного песка. Толщина очага в центре 0,3 м, а по краям 0,1 м. В плане он овальной формы. Под очагом — плотная прослойка прокаленного глея толщиной 0,13 м, а над ним — культурный слой до 0,4 м. Северо-западнее него находилось шесть камней со следами действия огня. К сожалению выявить границы жилища, внутри которого находился этот очаг, не удалось. Концентрация глиняных грузиков, костей животных, скопления керамики, включавшие развалы сосудов, вблизи рассматриваемого объекта указывают на место, где находилось срубное жилище (в материке нет ям от столбов и кольев), размеры и форма которого не установлены. Заметим, что открытые очаги были и в наземных жилищах кольевостолбовой конструкции Любенского и

Шепотовичского городищ в Посожье. По данным А.И. Дробушевского, из 22 очагов на Уваровичском городище — «16 выносных» (Дробушевский, 2004, с. 63).

У нас есть все основания утверждать, что для населения милоградской культуры в пределах белорусского ареала были свойственны полуземлянки в регионах Посожья и Приднепровья. В Полесье — наземные жилища преимущественно срубной и столбовой конструкции, а также легкие сооружения в виде юрты или шалаша. Как вытекает из материалов раскопок поселений, землянки (жилища первого типа, по О.Н. Мельниковской) не характерны «милоградцам» вообще.

Кроме жилищ на изучаемых городищах в процессе раскопок встречались и другие сооружения. К ним относятся ямы различного назначения и постройки без отопительных устройств. Одни постройки возводились для хранения запасов продовольствия, а другие являлись сараями для содержания скота в зимнее время. Третьи — использовались в качестве подсобных помещений, возможно и для каких-то ремесленных нужд. Это могли быть навесы, повети, шалаши. В Полесье все сооружения хозяйственного назначения были наземные. На приднепровских памятниках отдельные из рассматриваемых построек имели пол иногда слегка заглубленный в грунт. О.Н. Мельниковская допускает существование в некоторых случаях отопительных очагов в хозяйственных помещениях (Мельниковская, 1967, с. 39). Стены у них, как и у жилищ, имели плетневую, кольево-столбовую и срубную конструкцию. Последняя была весьма характерна для полесского региона. Размеры и формы нежилых построек зависели от их конкретного назначения. Например, по данным О.Н. Мельниковской, в Приднепровье они были преимущественно прямоугольные и реже квадратные, площадью 3–6 кв. м и более. Следует заметить, что в общей планировке поселков хозяйственные постройки располагались рядом с жилищами либо вблизи них.

Ямы относятся к числу объектов, связанных с различными сторонами жизнедеятельности обитателей милоградских городищ. На памятниках Посожья они фиксировались в разном количестве. На городище Любны их около 170, Ленино — 42, Уза — 6, Шепотовичи — 17. Много их на поселениях Подгорье и Уваровичи. В Полесье количество таких объектов следующее: Лиски — 148, Липняки — 57, Рассвет — 1, Старое Красное — 15 и одна канава, Ястребка — 34. О.Н. Мельниковская подчеркивала их «огромное количество...» на памятниках Приднепровья (Мельниковская, 1967, с. 39). На площади раскопов они расположены в большинстве своем беспорядочно (рис. 19). В плане ямы округлые, овальные, неправильно овальные, квадратной формы и прямоугольных очертаний (рис. 25; 26). Важно подчеркнуть, что они, как древние объекты, фиксировались исследователями лишь на материковом горизонте. Отсюда глубина их приводится от уровня материка. Она составляет от 0,1–0,15 до 0,6–0,8 м, но чаще 0,3–0,4 м. Следует сказать, что многие из ям начинались еще в толще культурного слоя. В таких случаях их следы исследователями не фиксировались по причине одинаковой окраски культурного слоя в раскопочных пластах. В материке ямы уже различались не только формами, размерами, но и заполнениями разного цвета: от светло-серого до насыщенно черного. Последнее обстоятельство говорит об их разновременности. Формы ям в вертикальном разрезе показывают, что одни из них чашеобразные, другие имели

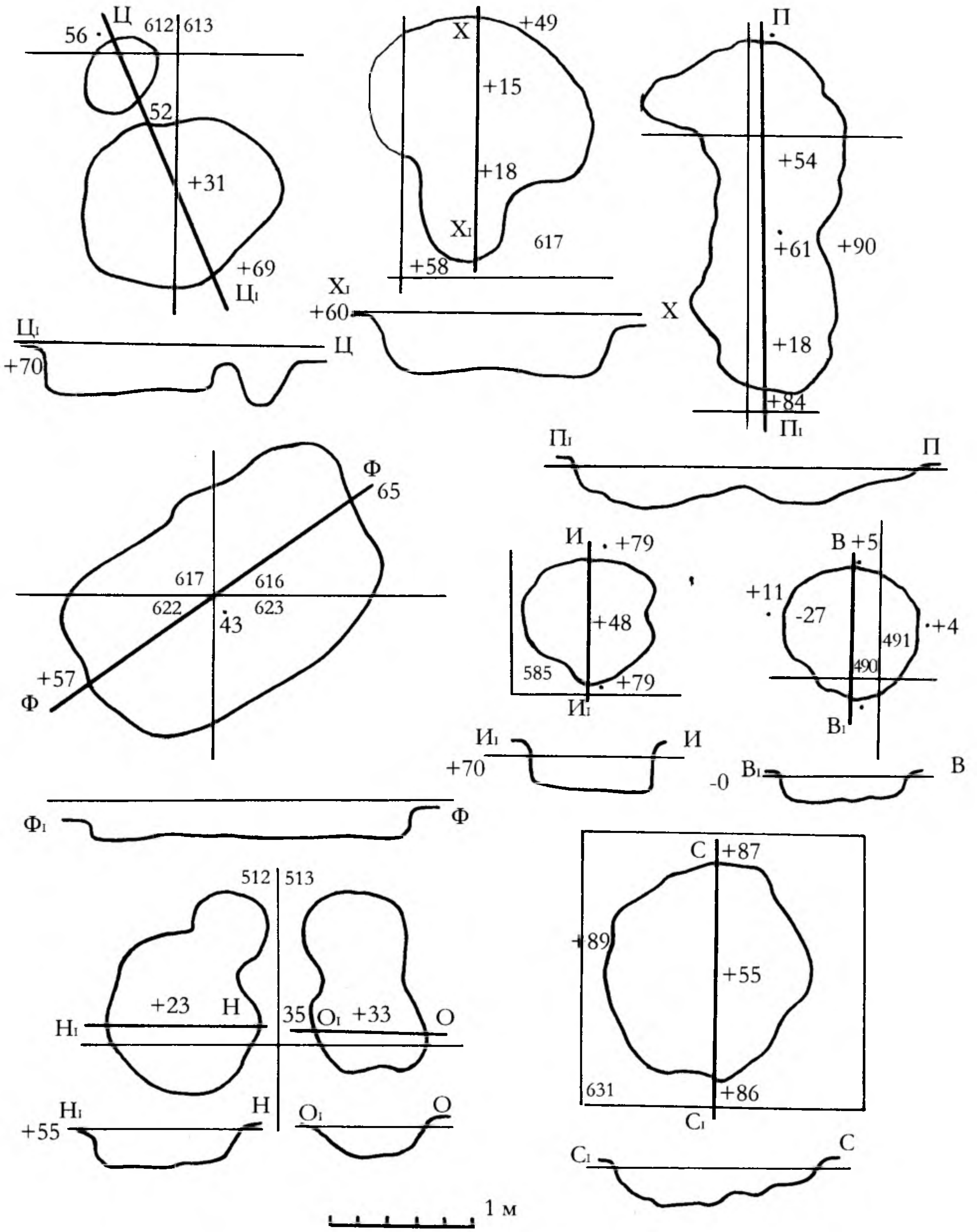

Рис. 25. Планы и разрезы ям на городище Лиски

конически сужающиеся ко дну стенки, а у третьих стенки были ступеньчатые (рис. 25, 26). У ям с вертикальными стенками дно, как правило, плоское. Округлые ямы с вертикальными стенками и плоским дном принято считать столбовыми, если, конечно, они небольшого диаметра. Ямы от столбов встречаются практически на каждом поселении. На изучаемых памятниках много ям и от кольев. Они диаметром до 0,1 м и глубиной 0,1–0,2 м и более. Часто кольевые и столбовые ямы находятся рядом друг с другом (рис. 19). Несомненно, что они связаны с различного рода деревянными наземными постройками. Ямы от столбов на раннем этапе функционирования поселений имеют светло-серые заполнения и вещевой материал не содержат. В таких же объектах с черным заполнением иногда встречаются обломки посуды, которые могли попасть в них в результате перекопов.

Кроме столбовых ям на милоградских поселениях довольно часто встречаются ямы-погреба. По формам в вертикальном разрезе они двух разновидностей: одни — колоколовидные, другие — с прямыми либо слегка наклонными ко дну стенками. Ямы-погреба, расширяющиеся в нижней части, свойственны для памятников Приднепровья. Одна яма с подбоем (№ 1) есть на Любенском городище (Лашанкоў, 1993б, с. 26, мал. 2). На других поселениях, как Посожья, так и Полесья, колоколовидные кладовые ямы не выявлены. В Посожье были распространены погреба другой разновидности. У них небольшая глубина, до 0,6 м, и плоское дно. Размеры в поперечнике достигают 1,5 м. В устройстве таких объектов О.Н. Мельниковская отмечает следующую особенность: разный уровень дна для удобного спуска в них (Мельниковская, 1967, с. 39). Подчеркнем, что у рассматриваемых ям стены и дно глиной не обмазывались. В условиях песчаного грунта они могли быть разового использования. На городищах Подгорье, Любны, Уваровичи замечено, что рядом с погребами-хранилищами расположены ямки от кольев и нетолстых столбиков (рис. 19), что говорит об их укрытии наземными юртообразными сооружениями. Ямы-хранилища заполнены черным слоем с культурными остатками. Очевидно, за ненадобностью их засыпали культурным слоем. По наблюдениям П.Н. Третьякова, на Чаплинском городище редко какие погреба содержали чешую рыбы, кости животных. В них обитатели городища сохраняли, по мнению исследователя, мясо, рыбу, сыры, корнеплоды, но не зерно (Третьяков, 1959, с. 132). На Горошковском городище О.Н. Мельниковская обнаружила в одном из погребов обугленный желудь. Ямы-хранилища — это особый вид хозяйственных сооружений. Они расположены рядом с жилищами и даже внутри их. Племена, проживавшие в пределах низменности Полесья, сохранять продукты питания в таких ямах не могли. Для этих целей они строили наземные кладовые помещения.

На изучаемых поселениях выделяются ямы с бытовым мусором. Они имеют темные заполнения и содержат разнообразный вещевой материал. В их содержании выявляются обломки посуды, кости животных, а иногда и индивидуальные предметы. У таких ям пологие стенки, округленное дно. В плане они часто неправильных овальных очертаний. Размеры их довольно разнообразные: от совсем малых (0,3 × 0,9 м) до крупных (1,4 × 2,7 м). Средняя глубина — 0,4–0,5 м. В редких случаях они бывают более глубокими. Исследователи часто называют такие объекты хозяйственными ямами, что, по сути, не отражает их функционального назначения. Ведь ямы для бытовых отходов

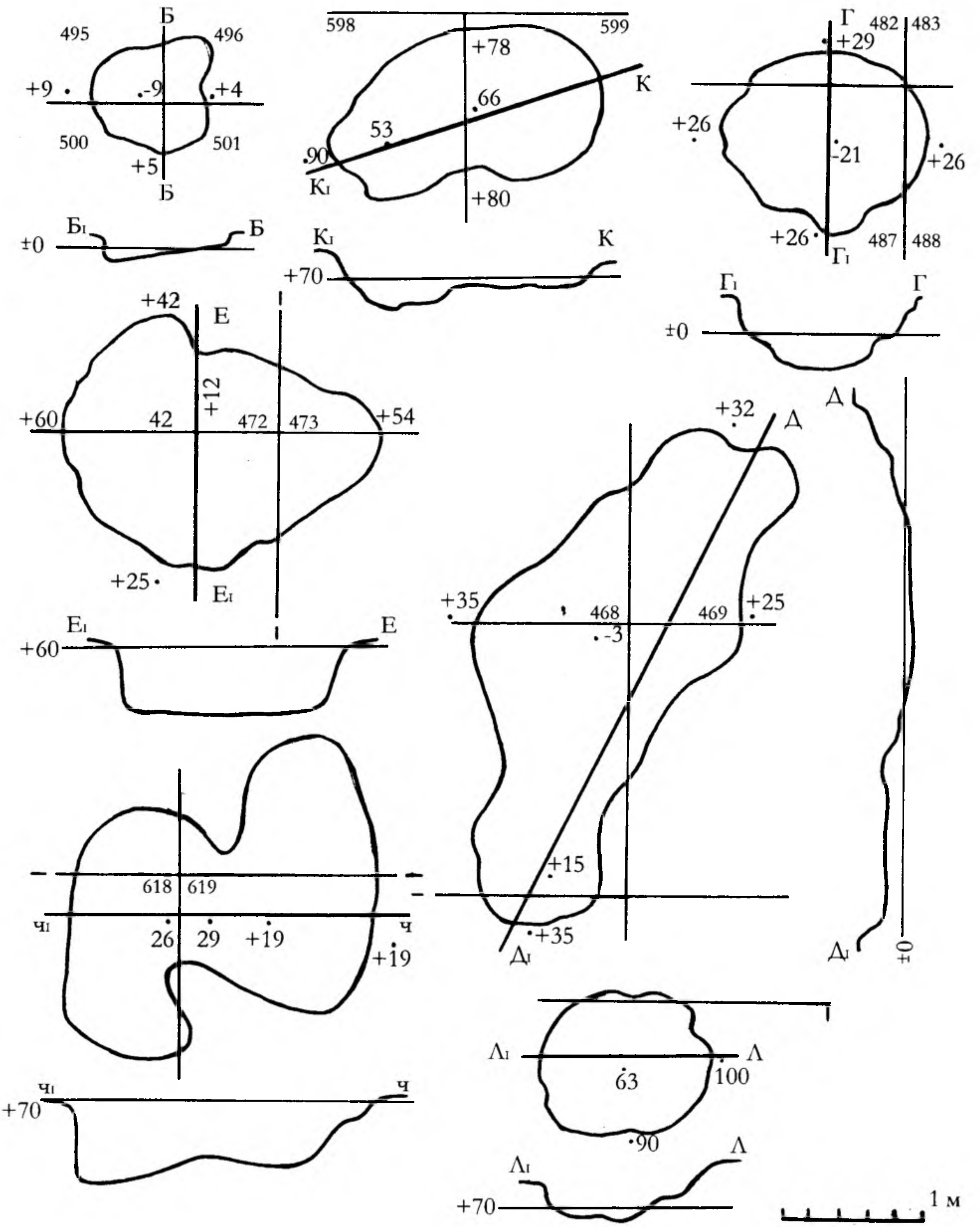

Рис. 26. Планы и профили ям в раскопе 1983 года на Лисковском городище

и для конкретных хозяйственных потребностей, например погребов, — это не одно и то же.

Следует заметить, что отдельные ямы на поселениях связаны с древними очагами. Это либо ямы-очаги, либо предочажные приспособления. Они содержат пепел, угли, обожженные камни и кости. Таких ям на памятниках мало, во всяком случае, зафиксированных на материке.

К числу объектов производственного назначения О.Н. Мельниковская относит ямы, которые являлись, по ее мнению, примитивными горнами (Мельниковская, 1967, с. 40). Весьма достоверным фактом, подтверждающим сказанное, является яма-горн в раскопе 1958 г. на Горошковском городище: «...горн представлял собой обычную круглую яму диаметром 0,8–1 м и примерно такой же глубины с почти плоским, несколько пониженным в центральной части дном. Стены ямы обмазаны глиной и сильно пережжены, дно покрыто углистой коркой» (Мельниковская, 1967, с. 142). Других фактов, которые бы свидетельствовали о массовости ям-домниц на площадках милоградских городищ как в Приднепровье, так в Полесье и Посожье, больше нет.

Крайне редко на милоградских поселениях ямы использовались в культовых целях. Подобные случаи зафиксированы пока только на городище Горошков. Здесь остатки жертвенных животных, таких как собака, бобр, свинья и поросенок, находились в анатомическом порядке в специальных материковых ямах (Мельниковская, 1967, с. 133, 137, 138, 149, 150). Аналогичные факты на остальных исследованных городищах ни разу не отмечены. Это подчеркивает исключительную роль Горошковского городища среди изученных памятников милоградского населения. В связи с этим весьма интересны специальные культовые постройки на данном поселении. По сведениям автора раскопок, их несколько. От жилищ они отличались размерами, пропорциями, рядом мелких деталей и содержанием заполнений. Основание одного из культовых сооружений углублено в материк на 0,5 м. Длина его 8,5 м, а ширина — от 1,5 до 3 м. Наземная часть помещения имела кольево-столбовой каркас стен. Постройка ориентирована длинными сторонами с северо-востока на юго-запад. Как отмечает О.Н. Мельниковская, в заполнении ее были целые крупные кости животных, 45 грузиков, кусок охры, глиняные фигурки животных и костяной амулет (Мельниковская, 1967, с. 38, 150). Вещи были рассредото-чены вокруг центральной части помещения, где в сильно пережженом центральном участке пола выявлена небольшая кольцевая канавка. Она вполне могла быть основанием жертвенника.

В заключение отмечу, что среди большого количества материковых ям совсем малая часть из них была без находок и неясного назначения

Глава III

Характеристика вещевого материала

1. Каменные орудия труда

В жизни населения милоградской культуры заметную роль играли орудия труда из камня. На территории Беларуси за время раскопок поселений с середины 70-х годов XX века до 2005 года их выявлено 370 экземпляров (табл. 8). В этой коллекции 168 готовых изделий и 202 — сырье и отходы производства кремневых орудий. В зависимости от сырья все находки каменных предметов делятся на две группы: кремневые и из других разновидностей минералов — ледниковых валунов. Последних — 113, а кремневых только 55 единиц (табл. 9). Используя разные технические приемы обработки камня, жители поселений изготавливали разнообразные по функциональному назначению предметы: зернотерки, песты, ступки, топоры, точильные камни, наковаленки, литейные формы, всевозможные грузила и даже мелкие кремневые орудия (скребки, ножи, ретушеры, пластины и отщепы с ретушью). Среди рассматриваемых находок есть и украшения: бусина и подвеска. Все эти материалы являются объектами наших исследований, о которых речь пойдет ниже.

Зернотерки. Важную категорию каменных изделий составляют орудия, связанные с переработкой продуктов земледелия — зернотерки. Такие предметы обнаружены исследователями во всех регионах. Если в Приднепровье, по сведениям О.Н. Мельниковской, их было более 20, то теперь — 38, в Полесье — 17, а в Посожье — 21 (табл. 8) (Мельниковская, 1967, с. 64). В процессе раскопок они встречались не на всех памятниках. На городищах Борхов, Городок, Ленино, Липняки, Присно II, Уза, Холопеничи, Ясенец I, II и Ястребка зернотерки не

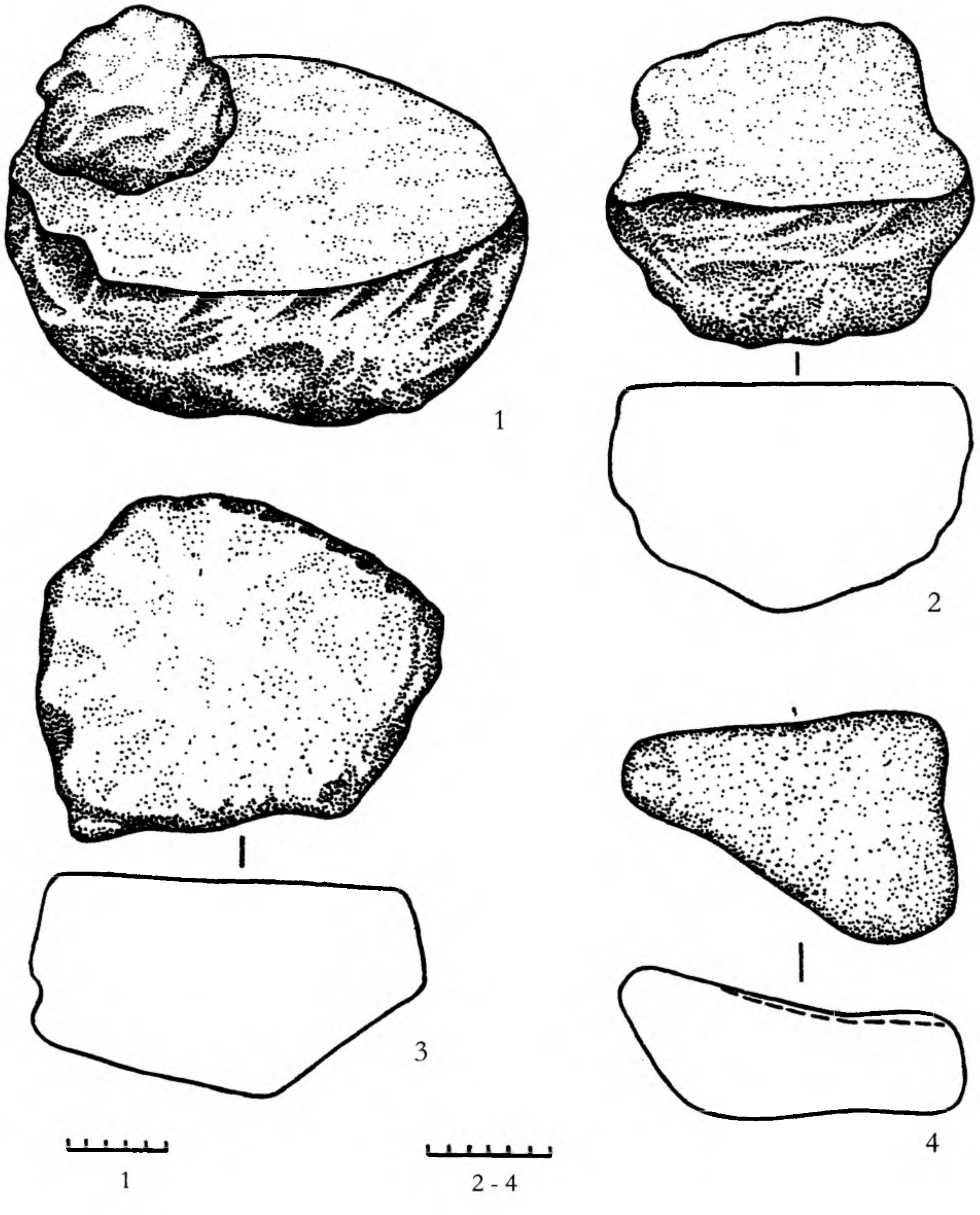

Рис. 27. Нижние камни зернотерок с городищ восточного Полесья (1, 3, 4 — Старое Красное, 2 — Лиски)

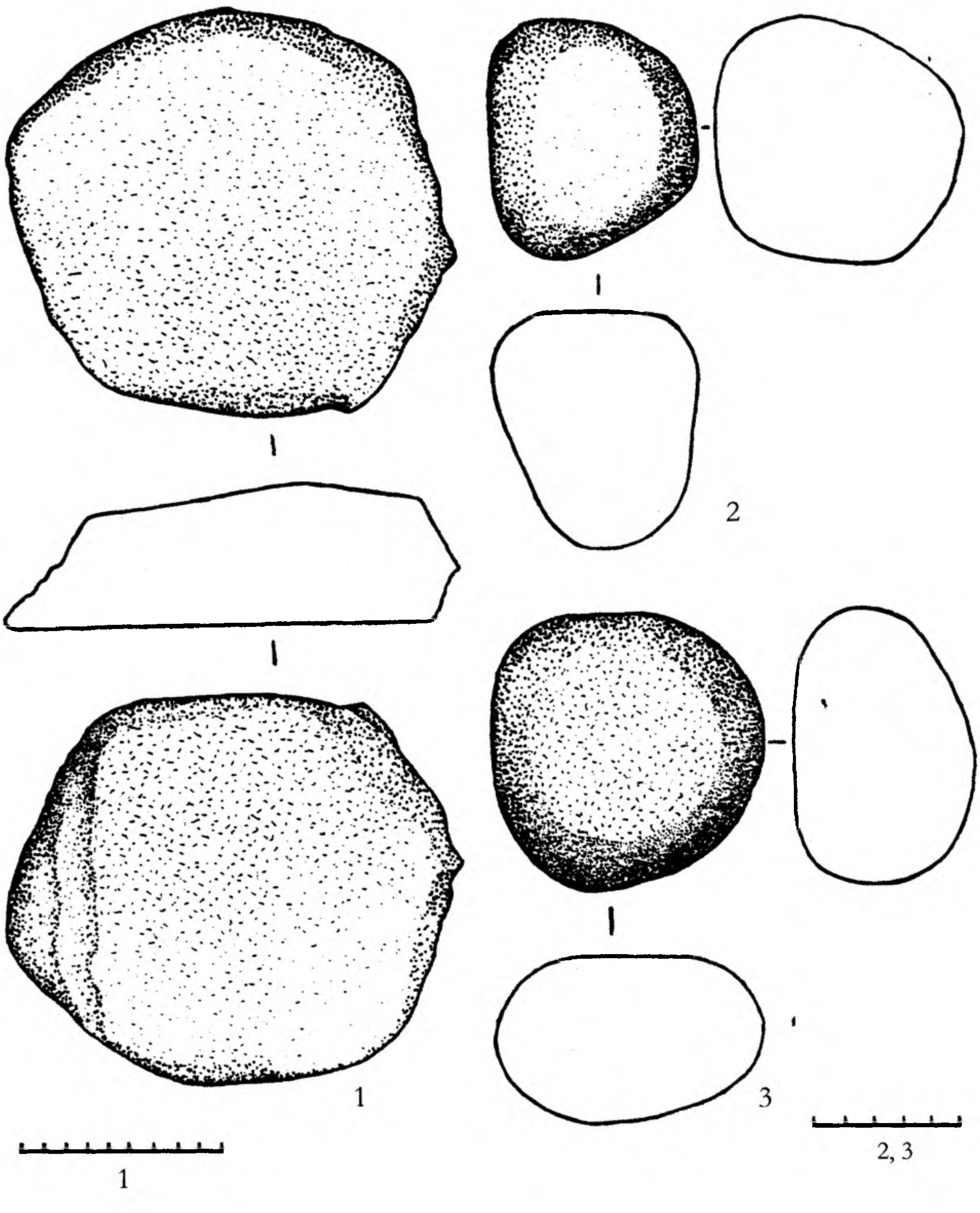

Рис. 28. Зернотерки с городища Черное (1 — нижний камень, 2, 3 — верхние терочники)

Таблица 8

Находки каменных предметов на милоградских городищах

Памятники	Орудия								Всего
	Зернотерки	Песты	Ступки	Топоры	Точильные камни	Разные изделия	Кремневые орудия	Сырье и отходы обработки	
Ленино		2					1		**3**
Любны	/1			1			8	70	**80**
Нисимковичи	1/				1				**2**
Подгорье	2/	3		1	1				**7**
Уваровичи	5/2	4		2	5	6	1		**25**
Шепотовичи	6/4				3	1			**14**
Посожье	**15/6**	**9**		**4**	**10**	**7**	**10**	**70**	**131**
Липняки					1		6	12	**19**
Лиски	4/2	3	1	7	2	2	19	34	**74**
Рассвет	3/						1		**4**
Старое Красное	4/4	4	1		1	2	2	10	**28**
Холопеничи		1		1	1			41	**44**
Хоромск				1			1	5	**7**
Ясенец I							1		**1**
Ястребка				2			3	7	**12**
Полесье	**11/6**	**8**	**2**	**11**	**5**	**4**	**33**	**109**	**189**
Борхов				1					**1**
Отрубы		1					3	1	**5**
Черное	8/4					1	9	22	**44**
Приднепровье	8/4	1		1		1	12	22	**49**
ВСЕГО:	**34/16**	**18**	**2**	**16**	**15**	**12**	**55**	**202**	**370**

* Зернотерки: В/Н (В — верхние терочники; Н — нижние камни)

попадались. Они состоят обычно из двух камней: верхнего и нижнего (Краснов, 1971, с. 82–85). В рассматриваемой новой коллекции преобладают верхние камни — терочники. Их найдено 34 экземпляра, в то время как нижних примерно на половину меньше — только 16. Отметим, что почти все орудия с поселений Полесья и Посожья, за исключением, может быть, с городища Уваровичи, найдены за пределами жилищ. На памятниках этой же культуры в Приднепровье часть их выявлена в жилищах (Мельниковская, 1967, с. 64). Весьма редким фактом у «милоградцев» является случай обнаружения этих предметов в погребениях. Обломки зернотёрок зафиксировал Ю.В. Кухаренко в курганах № 5 и 13 Дубойского могильника (Кухаренко, 1961, с. 11, 22, 24, табл. 2: 7, 10).

Нижние камни зернотерок в хорошем состоянии, для характеристики их, попадались довольно редко (рис. 27; 28: 1; 29: 3; 30: 1, 3). В большинстве случаев это — фрагменты разной величины, по которым не всегда можно определить их изначальную форму и размеры. Рабочие поверхности у нижних камней имеют в плане разные формы: прямоугольную (рис. 30: 3), треугольную (рис. 27: 4), трапециевидную (рис. 27: 2), овальную (рис. 29: 3) и круглую (рис. 27: 1). Очертание рабочей плоскости полностью зависело от естественной формы большого камня — валуна. Его боковые стороны не обрабатывались. Если нижняя часть камня была уплощенная и устойчивая, то оставлялась в естественном состоянии (рис. 27: 1; 30: 1, 3). Если же она имела неустойчивую

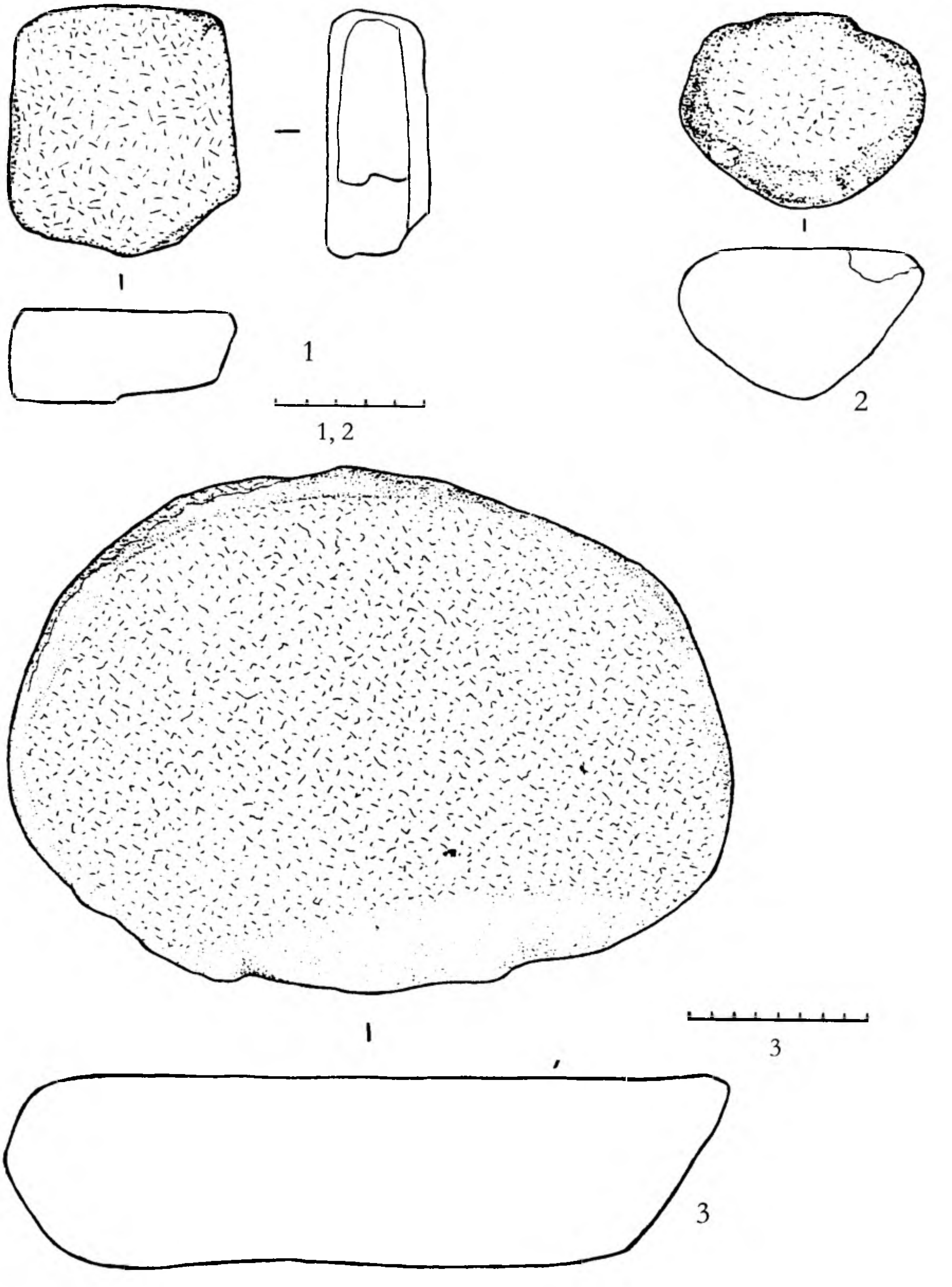

Рис. 29. Каменные орудия труда (1 — плитка, 2 — терочник, 3 — зернотерка — все с гродищ Черное)

форму, то подправлялась путем оббивки с целью придания ей большей неподвижности. Для этого основание плиты закапывали в землю. В процессе работы нижние камни как основы ручных зернотерок находились в горизонтальном либо чуть-чуть наклонном положении. По размерам рассматриваемые орудия разные: есть большие и малые. Например, одна большая зернотерка с городища Старое Красное изготовлена из массивного камня (рис. 27: 1). Ее рабочая сторона плоская и почти круглой формы, диаметром 50 см. Толщина каменной плиты в центре 35 см. Боковые стороны и нижняя часть у нее округлые. Подобное орудие выявлено и на городище Чёрное (рис. 29: 3). Малые зернотерки изготавливались из небольших камней разной величины и формы, как, например, на городище Лиски (рис. 27: 2). Заметим, что у одних нижних камней рабочие поверхности плоские, а у других — в средней части вогнутые (рис. 27: 4; 30: 3) либо слегка выгнутые (рис. 28: 1). Весьма нестандартно выглядит нижний камень зернотерки с городища Черное. Необычность его в том, что данная зернотерка имеет две рабочие стороны. Одна из них — горизонтальная, а другая, с противоположной стороны, — выгнутая (рис. 28: 1). Рассмотренный факт — редкое явление у подобных орудий. Рабочие стороны у всех зернотёрок имеют мелкую шероховатость, что, естественно, увеличивало их рабочие качества. С этой целью у них специально набивали мелкую насечку. Лабораторными исследования установлено, что для таких орудий жители городища Лиски использовали базальт (рис. 27: 2), а на поселении Старое Красное — гранит-биотитовый (рис. 27: 3). Следовательно, обитатели упомянутых древнейших городищ Полесья для нижних камней зернотерок использовали весьма твердые породы минералов, даже магматического происхождения. Естественно, что они собирали для этих целей те валунные камни, которые имелись вблизи поселений. Это было свойственно жителям всех остальных городищ и селищ населения милоградской культуры.

В качестве верхнего, подвижного камня для растирания зерна, как и семян других растений, использовались терочники. Это небольшие по размерам камни, которые свободно удерживались в одной руке (рис. 28: 2, 3; 29: 2; 30: 2). Такие орудия имеют одну, реже две-три плоские рабочие стороны. С остальных сторон у них естественная форма либо они искусственно подработаны для удобного держания в руке (рис. 31: 1–3; 32: 5). Довольно редко терочники находились рядом с нижней плитой. Они часто попадались вдали от нижних зернотерок. На городищах Нисимковичи, Подгорье и Рассвет обнаружены только одни верхние камни. Среди более чем 20 городищ, которые раскапывались в Посожье и Полесье, рассматриваемые орудия зафиксированы только на шести памятниках (табл. 8). Полученные в ходе раскопок материалы указывают на то, что жители милоградских поселений для переработки продуктов земледелия пользовались только одноручными зернотерками.

Песты. В процессе раскопок поселений наряду с зернотерками встречались песты. Это — камни часто довольно правильных форм шара и куба (рис. 31: 4–10). У них хорошо обработаны поверхности. Два шарообразных песта с Лисок диаметром 6,5 см и один со Старого Красного — 5,5 см. У пестов кубической формы округлены грани и углы. Размер одного из таких предметов 6 × 6 × 6 см. Отдельные из этих изделий имеют на

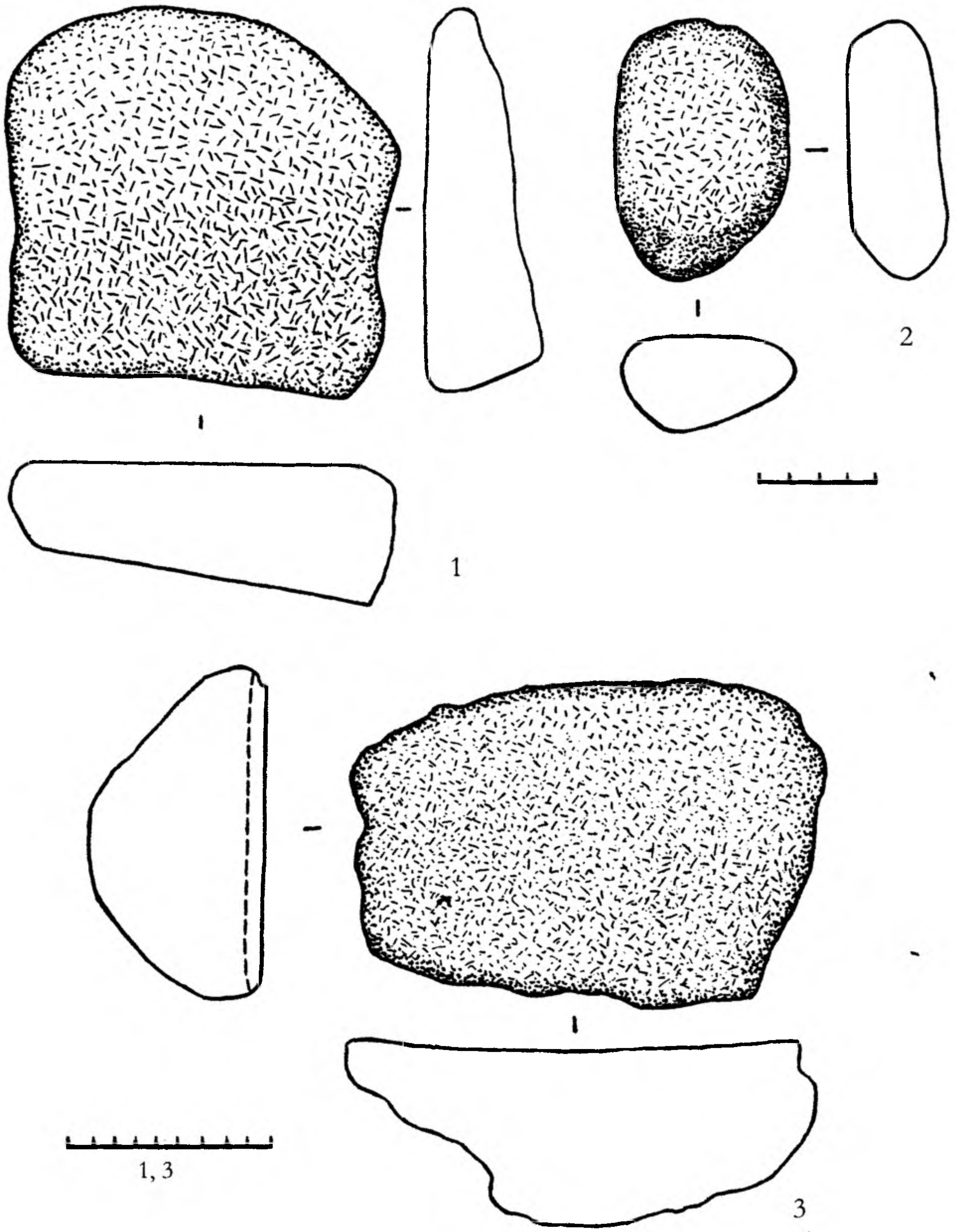

Рис. 30. Нижние (1, 3) и верхний (2) камни зернотерок с городища Черное

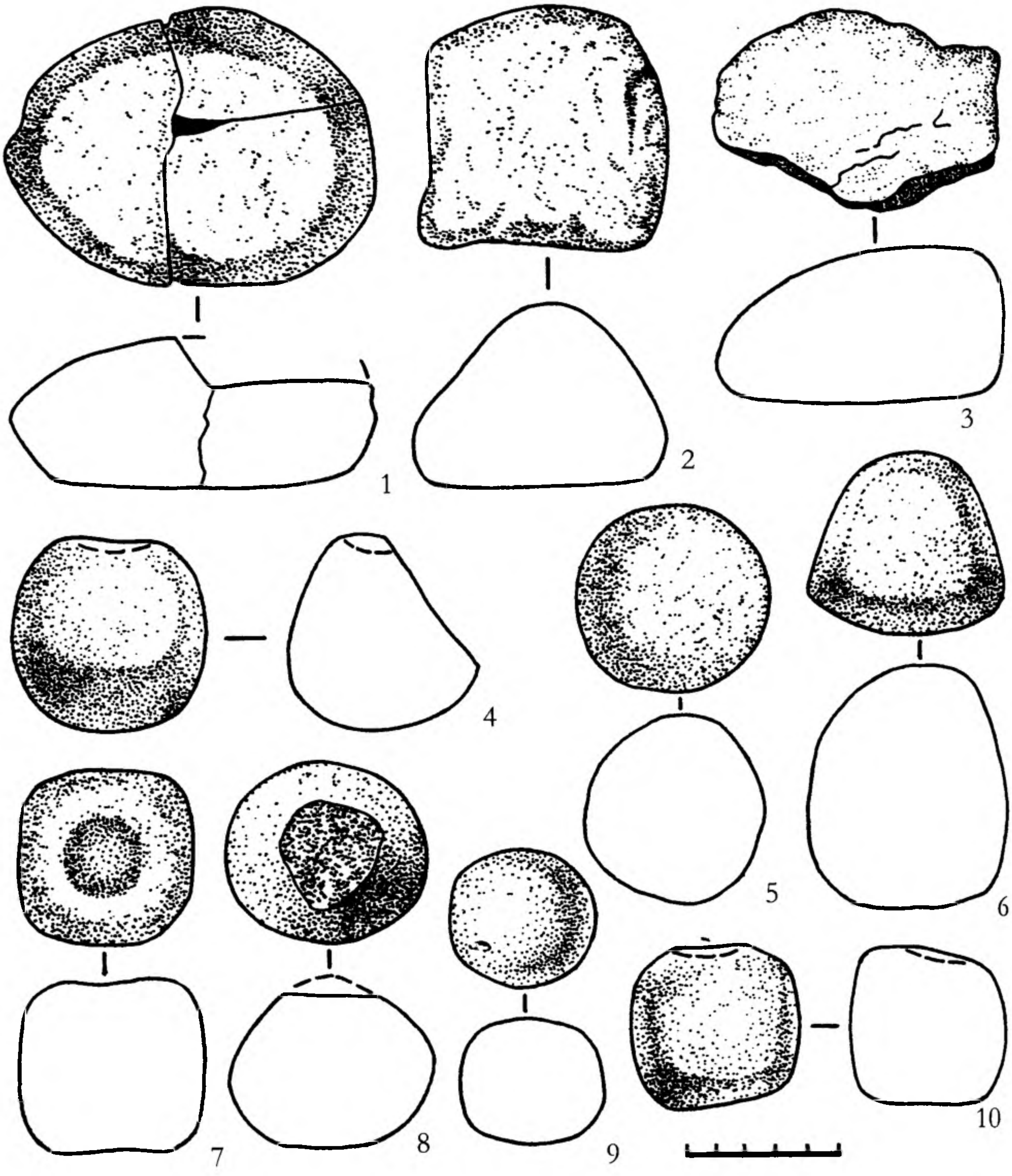

Рис. 31. Терочники и песты с милоградских памятников Полесья (1, 6 – 8, 10 — Старое Красное; 2, 4, 5, 9 — Лиски, 3 — Рассвет)

сторонах, как правило, противоположных, неглубокие шарообразные выемки (рис. 31: 4, 7, 10). Данное обстоятельство говорит об использовании их еще и в качестве ступок. Помимо уже отмеченных форм есть песты еще и овальные, как на городище Холопеничи (Лошенков, 1995а, с. 80–81, рис. 3: 3). Сырьем для изготовления таких орудий являлись небольшие камни плотной мелкозернистой структуры. Два песта с городища Лиски, по петрографическим данным, изготовлены из аплитовидного гранита светло-серого цвета (рис. 31: 4, 5). На памятниках Полесья и Посожья рассматриваемых орудий найдено 17 экземпляров (табл. 8). В Приднепровье, по данным О.Н. Мельниковской, таких каменных изделий только на Горошковском городище обнаружено более 60 единиц. Здесь их находили часто в жилищах, ямах и даже в погребении на первом Моховском городище (Мельниковская, 1967, с. 65). В весьма схожих условиях (в жилищах и хозяйственных ямах) песты выявлены И.К. Свешниковым на памятниках этой же культуры в бассейне верхнего течения р. Горынь (Свешников, 1971, с. 70–71, рис. 4: 11, 12, 14). Лишь в Полесье и отчасти в Посожье песты попадались в толще культурного слоя поселений и не были связаны с жилыми и хозяйственными сооружениями.

Аналогичные предметы из камня встречаются на городищах днепро-двинской культуры Беларуси и Смоленщины (Шадыро, 1985, с. 36–37, рис. 18: 15–17, 19; Третьяков, 1963б, с. 92, рис. 39: 12; Шмидт, 1963, с. 173, рис. 15). Есть они и на юхновских поселениях (Падин, 1966, с. 139–140, рис. 4: 5). Вопрос об их функциональном назначении остается не до конца выясненным исследователями. Так, Б.А. Шрамко и П.Д. Либеров относят такие изделия к пращевым камням (Шрамко, 1957, с. 184; он же, 1987, с. 51, 100, рис. 18: 18; 25: 18; 43: 16–21, 23, 24; он же, 1998, с. 45, 54, рис. 24: 5, 9, 14; 32: 12, 13; Либеров, 1962, с. 36–38, рис. 7: 26, 27). Ю.А. Краснов пишет: «Каменные песты для переработки зерна не применялись и применяться не могли» (Краснов, 1971, с. 83). Материалы же раскопок П.Н. Третьякова, Е.А. Шмидта, О.Н. Мельниковской, В.И. Шадыро указывают на использование этих изделий именно в качестве верхних камней для зернотерок (Третьяков, 1959, с. 146, рис. 16; он же, 1963а, с. 70–71, рис. 30: 4, с. 92, рис. 39: 12, с. 173, рис. 15; Мельниковская, 1967, с. 65; Шадыро, 1985, с. 37), с чем нельзя не согласиться. С этой точки зрения представляет интерес факт, что среди найденных на полесских памятниках пестов один (на городище Старое Красное) лежал около нижнего камня зернотерки. Можно также допустить мысль о том, что применение таких орудий не было однозначным. На это указывает ряд нижеследующих моментов. На некоторых пестах есть чашеобразные углубления (рис. 31: 4, 7, 10), что уже отмечалось, неглубокие выбоины и мелкие сколы. Изредка на пестах округлых форм встречается по одному углублению глубиной 0,7 см и диаметром 2,5–3 см. В таких случаях их использовали, как и песты в форме кубов, в качестве маленьких ступок, в которых могли растирать минеральные краски. Те песты, которые имеют мелкие сколы или неглубокие выбоины, использовались, очевидно, как ударные орудия — отбойники либо же в качестве наковаленок. О.Н. Мельниковской и В.И. Шадыро рассматриваемые предметы найдены в местах скопления шлаков. Это позволило исследователям высказать мысль о применении их в металлургическом производстве (Мельниковская, 1967, с. 65; Шадыро, 1985, с. 37). Думается, что нельзя

исключать возможности использования каменных пестов и в качестве пращи, как метательного оружия. Сказанное позволяет заключить, что у населения милоградской культуры песты находили широкое и разнообразное применение, являясь одновременно и орудиями труда, а в случае необходимости и оружием.

Ступки. На памятниках изучаемого населения автором обнаружены две ступки: по одной на городищах Лиски и Старое Красное. На Лисковском поселении ступка сделана из камня вулканического происхождения — базальта, согласно петрографическому исследованию. Камень почти квадратной формы (рис. 32: 1), размером 14 × 15,7 см и толщиной 7,8 см. Верхняя сторона его наклонная. В средней части ее есть небольшая выемка диаметром 8,5 см и глубиной 1,5 см. Противоположная же сторона (нижняя) — плоская, грани боковых и торцевых сторон, как и углы, округлены. Рассматриваемая ступка использовалась еще и в качестве точильного камня. Об этом говорят следы сработанности на ее нижней части. Округленные углы и боковые стороны содержат на себе неглубокие ровики-следы от заточек металлических предметов. На поселении Старое Красное ступка сохранилась в оббитом состоянии (рис. 32: 4). Она сделана из мелкозернистого гранита. Рабочая сторона ее снабжена круглым в плане и линзовидным в разрезе углублением, которое находилось, надо полагать, в центре. Углубление чашеобразной формы диаметром 4 см и глубиной 1 см. Есть все основания считать, что для растирания в ней какого-то вещества применялись песты шарообразной формы. Не исключено, что в выявленных ступках измельчались болотная руда, обломки керамики и кусочки гранита, возможно, пережженого, для получения отощающих примесей при подготовке глиняного теста для лепки посуды. «В археологическом материале лесной полосы (Восточной Европы. — *М.Л.*), — как считает Ю.А. Краснов, — каменных ступ нет. Здесь имеются лишь ступообразные зернотерки...» (Краснов, 1971, с. 85). С таким утверждением можно согласиться. Необходимость именно в маленьких ступках у населения милоградской культуры все же была. Об этом говорят не только два вышеописанных орудия. К числу таких изделий следует относить ряд пестов (округлой и кубической формы) с шарообразными выемками (рис. 31: 4, 7, 10). Размеры этих углублений — от 3 см у пестов до 4–8,5 см у ступок, а глубина у них от 0,7 до 1,5 см. Использовать такие орудия как ступообразные зернотерки, конечно, можно, но их производительность по сравнению с обычной зернотеркой, даже небольших размеров, будет ничтожно малой. Следовательно, они имели иные назначения, о которых уже говорилось, нежели быть зернотерками. То обстоятельство, что ступки не находили на поселениях Посожья и Приднепровья, еще не говорит о том, что таких орудий там не было. Очевидно, исследователи относили подобные находки к зернотеркам и не выделяли их в особую группу каменных орудий.

Топоры. Коллекция каменных топоров, выявленных на милоградских памятниках в ходе раскопок, небольшая. В ней насчитывается примерно 25 орудий, как целых, так и обломков. Заметим, что они найдены на древнейших городищах не только при раскопках (рис. 33), но и во время обследований их. Так, Г.М. Залашко обнаружил фрагмент топора на городище Нечатово в Столинском районе Брестской области (Залашко, 1983, с. 348), а автор — на городище Осовок в Речицком районе Гомельской области. Такие орудия встречались не только на площадках

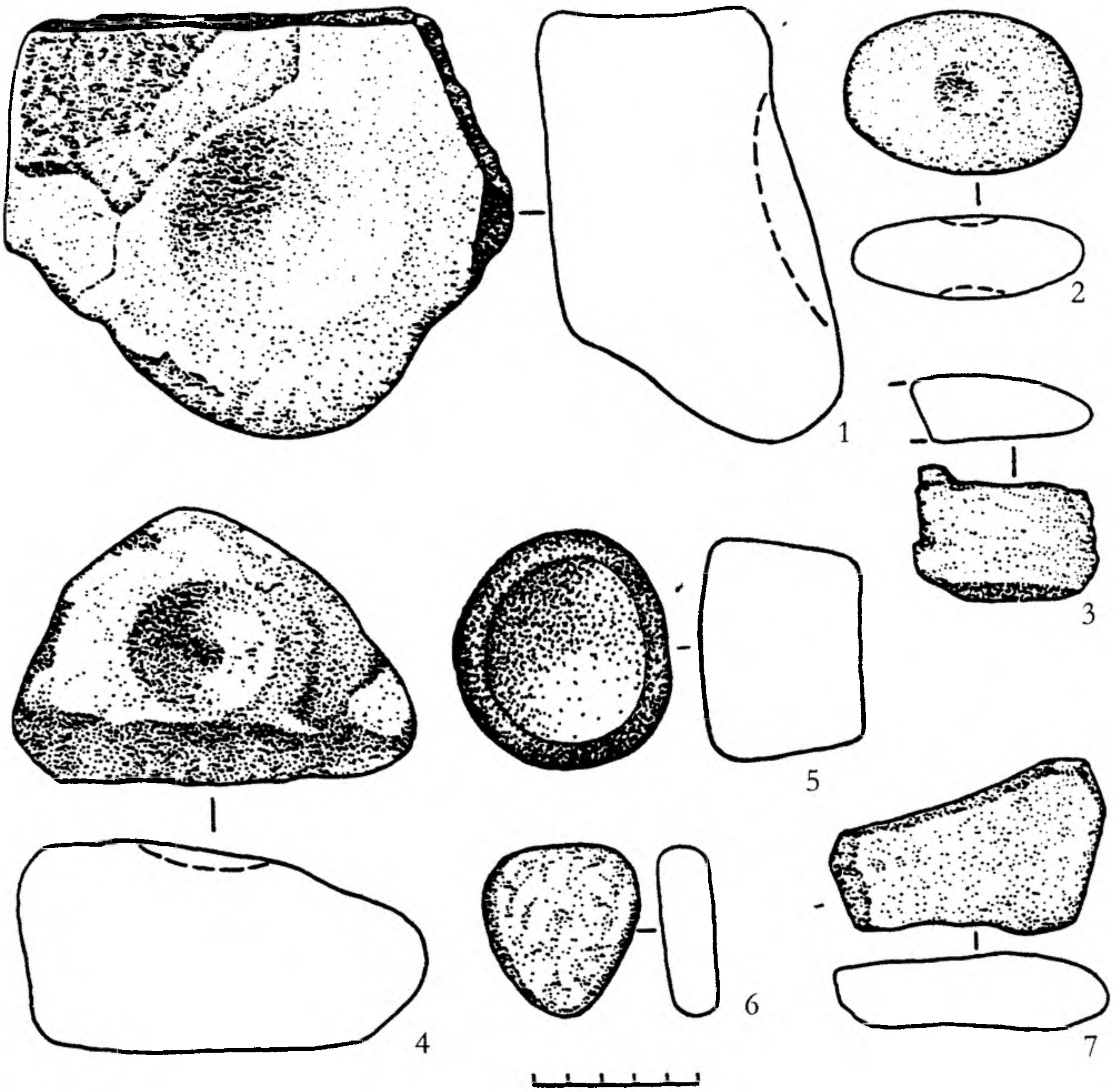

Рис. 32. Ступки и другие изделия из камня
(1, 3, 6 — Лиски, 2, 4 — Старое Красное, 5 — Уваровичи, 7 — Липняки)

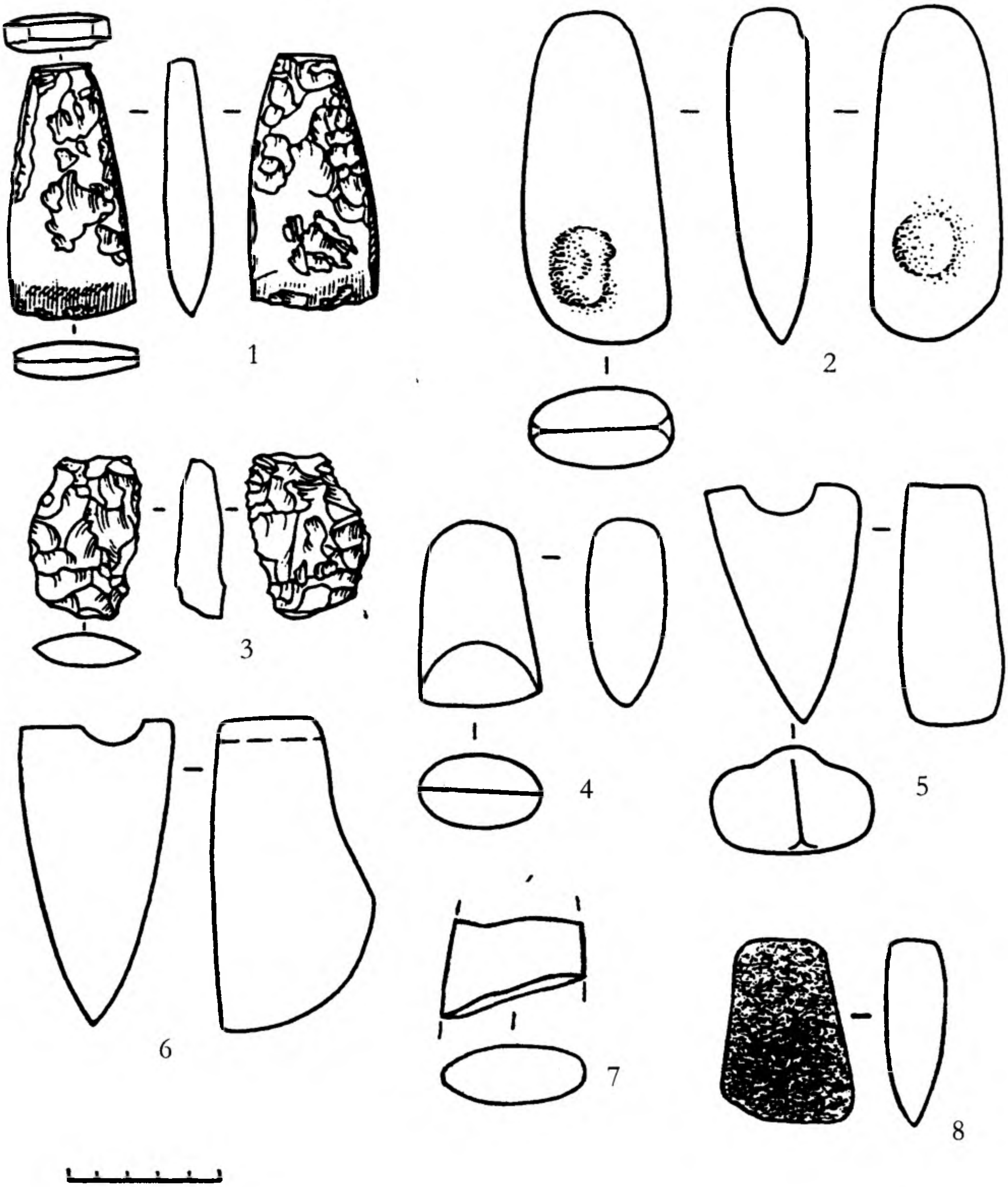

Рис. 33. Каменные топоры с городищ милоградской культуры
(1, 3 — Ястребка, 2, 4 - 7 — Лиски, 8 — Уваровичи)

городищ, но и на прилегающих к ним территориях. Например, в окрестностях городища Лиски, в радиусе 0,5–1,5 км, при распашке осушенных болот найдены три целых топора (один кремневый) и мотыга (рис. 34: 1, 7, 8). В аналогичных условиях вблизи городища Коровэтичи II зафиксировано пять целых топоров (рис. 34: 2–6), в числе которых один кремневый. Еще такие орудия найдены в окрестностях городищ Старое Красное(2), Красная Дуброва (1) и Черное (3). Следовательно, если учесть еще и случайные находки рассматриваемых изделий, то количество их многократно увеличится. Но они не учтены должным образом, и прямая связь их с обитателями городищ не бесспорна.

Материалы раскопок свидетельствуют о том, что каменные топоры встречались как в толще культурного слоя городищ, так и в древних объектах на них. Лишь в одном случае часть кремневого клиновидного топора найдена в погребении милоградского кургана у села Збуж Ровенской области на Украине (Свешников, 1971, с. 79). На памятниках Приднепровья их находили в слое городищ Асаревичи (1), Горошков (1) и Копань (1). По сведениям О.Н. Мельниковской, в этом регионе они часто попадались в жилищах. В таких объектах они зафиксированы на городищах Глыбов (2), Моховское I (1), Чаплин (1) (Мельниковская, 1967, с. 67). Если в Приднепровье около десятка каменных топоров, то на памятниках Посожья известно лишь 4, а в Полесском регионе их насчитывается 11 экземпляров (табл. 8). Отсутствие необходимых качественных характеристик этих орудий с поселений Нижнего Посожья и Приднепровья позволяет ограничиться данными о них лишь с Полесских памятников. Рассматриваемые топоры делятся в зависимости от сырья на кремневые и сделанные путем шлифовки из других твердых пород камня. Все петрографические определения зернотерок, пестов, ступок и топоров в прозрачных шлифах выполнены доктором геолого-минералогических наук А.М. Пап в Институте геохимии и геофизики АН БССР в 1981 году. Установлено, что исходными минералами для двух топоров с городища Лиски служил диабаз (рис. 33: 4, 5), для третьего — мелкозернистый базальт (рис. 33: 2; II: 4). Четвертый изготовлен из мелкозернистого диорита с жилками биотитового гранита (рис. 33: 7). Топоры, найденные вблизи этого поселения, сделаны из габбро-диорита (рис. 34: 7), габбро-амфиболита, а мотыжка — из амфиболита (рис. 34: 8). В пределах Белорусского Полесья подобные валунные камни на поверхности встречаются редко (Геология..., 1973, с. 114–116, рис. 24). Сюда они были доставлены ледником из Скандинавии либо со дна Балтийского моря (Кристаллические..., 1971). В полесской коллекции преобладают шлифованные топоры — клинья. В основном это трапециевидные, среднеобушковые, эллипсообразные в сечении орудия. Высота их — 6,3–11 см, толщина — 2,5–3 см, длина лезвия — 4–5 см. Самый маленький топорик в нашей коллекции имеет одинаковую форму с топором с Глыбовского городища в Приднепровье (Мельниковская, 1967, с. 67, 68, рис. 26: 7). Любопытно. что у них совпадают даже размеры: высота лисковского — 6,3 см, глыбовского — 6,4 см. Кроме клиновидных есть еще шлифованные топоры с отверстиями (рис. 33: 5, 6; 34: 2, 7). Их немного. Высверлины от проушных каменных топоров отмечает О.Н. Мельниковская в слоях приднепровских городищ (Мельниковская, 1967, с. 67), тогда как в отложениях на полесских городищах они ни разу не найдены.

Ошибочным было бы полагать, что все каменные топоры, обнаруженные на изучаемых городищах, были изготовлены в раннем железном веке. Какая-то часть их могла

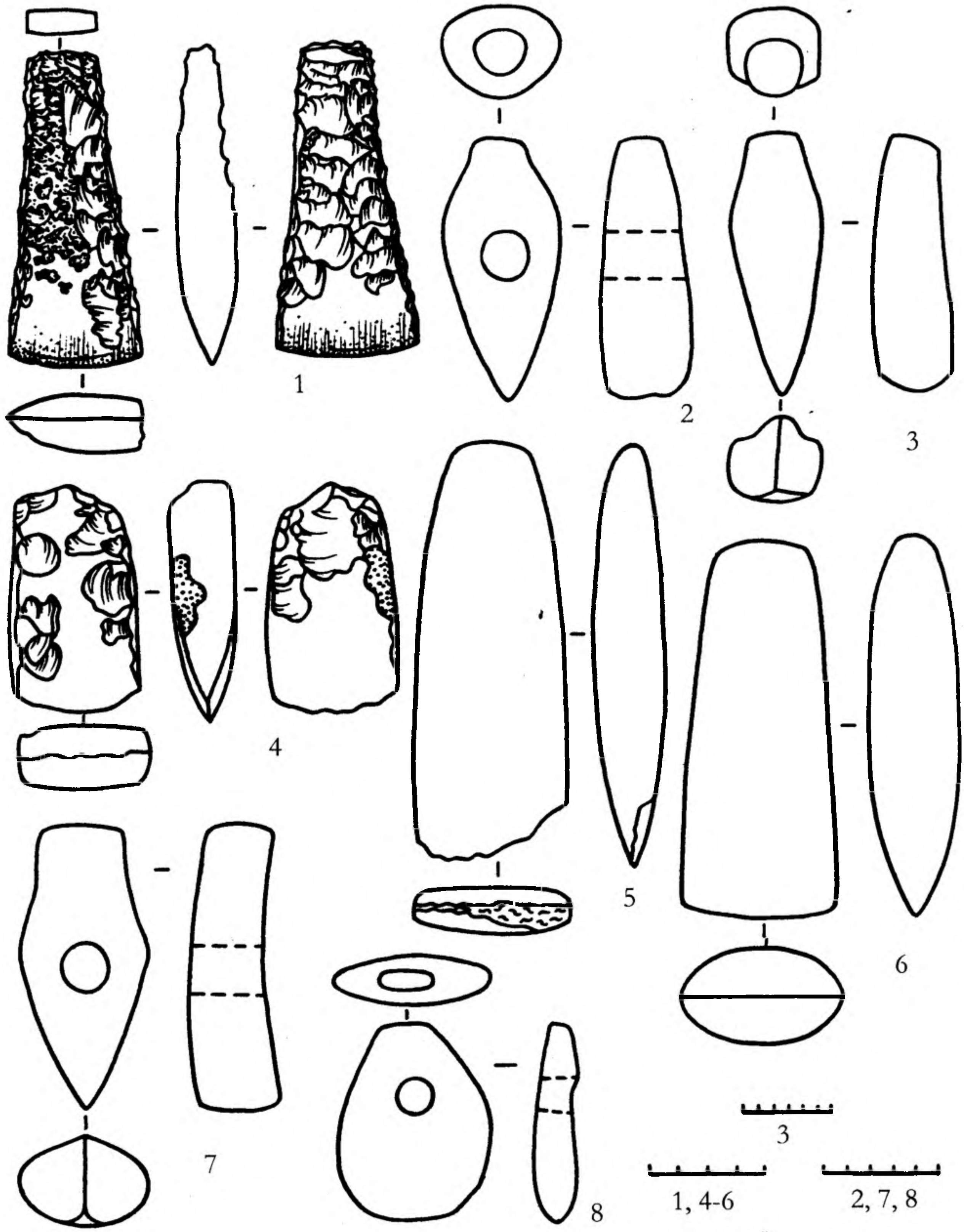

Рис. 34. Каменные топоры и мотыга, найденные около городищ милоградской культуры
(1, 7, 8 — Лиски, 2 - 6 — Короватичи II)

быть сделана в более раннее время — эпоху бронзы, а у милоградского населения они находились уже в повторном употреблении. Например, длиннолопастный ладьевидный топор с отверстием вряд ли был изготовлен жителями поселения Лиски (рис. 33: 6). Это типичный топор бронзового века (Артеменко, 1967, с. 47, 49, рис. 36: 2, 3; Крайнов, 1972, с. 51–57, рис. 19; Исаенко, 1976, с. 97, рис. 9: 1, с. 103, рис. 18: 1; Чэшка, 1978, с. 109–110, 111, 112; Березанская, 1982, с. 140, рис. 48: 1, 3). Представляется, что к этому же времени следует относить и кремневые топоры-клинья, которые в небольшом количестве имелись в обиходе у «милоградцев». Количество их на памятниках Приднепровья неизвестно, а в Нижнем Посожье — два обнаружены на поселениях Любны и Подгорье. Как уже отмечалось, обломок такого топора был в милоградском кургане в бассейне верхнего течения р. Горынь. В Полесском регионе заготовка и целый клиновидный кремневый топор найдены на городище Ястребка: топор — в насыпи вала, а заготовка — в культурном слое площадки (Лошенков, 1988, с. 76, рис. 16: 5). Топор — трапециевидный, среднеобушковый с прямоугольным сечением (рис. 33: 1). По типологии Д.А. Крайнова, он относится к восьмому типу кремневых топоров (Крайнов, 1972, с. 65, рис. 24: 12). По заключению В.П. Ксензова, он изготовлен из припятского полосатого кремня, лезвие обработано путем шлифовки вдоль боковых сторон, а остальная часть — плоскими сколами. О.Н. Мельниковская высказала мысль о том, что наличие каменных топоров на городищах Приднепровья следует связывать в большинстве случаев с отложениями более древних эпох. Раскопки памятников в Полесье и Посожье показали, что милоградские городища в этих регионах, за исключением Любенского, не имеют под собой более ранней подосновы, а каменные топоры на них встречаются. Это подтверждает мысль об изготовлении их в милоградское время. Наличие рассматриваемых орудий на памятниках милоградской культуры, как считает О.Н. Мельниковская, является архаической чертой у этого населения, с чем следует согласиться. С нашей точки зрения, производство и использование каменных топоров обитателями изучаемых городищ осуществлялось лишь на раннем этапе культуры, примерно в VII–VI вв. до н. э. По мере же совершенствования металлургии и обработки железа, когда последнее стало удовлетворять потребности древних общин в различных орудиях труда, изготовление каменных топоров прекращается, как и у племен соседних территорий. Среди синхронных культур лесной полосы Восточной Европы особенно много каменных топоров встречается на раннем этапе у населения днепро-двинской культуры (Шадыро, 1985, с. 31–36, рис. 15–17), юхновской (Левенок, 1963, с. 87) и штрихованной керамики (Волкайте-Куликаускене, 1986, с. 47, 48, рис. 17, 18, 19; Григалавичене, 1986, с. 87, 88, рис. 8–12; она же, 1986а, с. 136, 137, 138, рис. 10–14; Зверуго, 1992, с. 92–95, рис. 1; Медведев, 1996, с. 24, 137, 138, рис. 33, 34). Количественное сравнение таких орудий труда у населения сопредельных территорий и у «милоградцев» говорит о том, что у последних их намного меньше, чем у соседей с севера и востока. Милоградское население топоры использовало не только по их прямому назначению, как рубящие орудия. У одного из топоров с Лисковского городища имеются неглубокие выемки с характерной забитостью на боковых сторонах (рис. 33: 2). Это говорит об использовании его еще в качестве наковаленки. У общинников городищ подобные изделия имели не только практическое применение в повседневных нуждах, но и ритуальное значение. На

это указывает факт использования топора в погребальном обряде, где он входил в состав инвентаря.

Точильные камни. Чтобы улучшить рабочие качества металлических предметов, их нужно было периодически подтачивать. Для заточки орудий труда и предметов быта из железа жители милоградских городищ применяли специальные камни мелкозернистых мягких пород. Это были заточные бруски в виде удлиненных плиток. Например, экземпляр с городища Липняки имел форму параллелепипеда. У него четыре рабочие стороны (рис. 32: 7). Обычно оселки — удлиненных пропорций, как экземпляр с Холопеничского городища (Лошенков, 1995а, с. 80, рис. 3: 1). Длина их редко превышает 10 см. Формы точильных камней могли быть разные: прямоугольная, треугольная либо овальная. Одно из таких изделий с городища Уваровичи имеет вытянутую эллипсообразную форму. У верхнего края его есть отверстие для ношения в подвешенном положении на поясе. Еще один оселок с отверстием, но прямоугольной формы и квадратного сечения, происходит с одного из Приднепровских городищ (Мельниковская, 1967, с. 67, рис. 26: 2). Заметим, что рассматриваемых орудий на Чаплинском городище, где есть и милоградские отложения, найдено более десятка, а на других памятниках они были не частыми находками (Третьяков, 1959, с. 134, 144, 146, табл.; Мельниковская, 1967, с. 67). На поселениях Полесья их так же мало, как и в Посожье (табл. 8). Несмотря на малое количество найденных специальных заточных камней, потребность в них была все же постоянной. В таких целях население милоградской культуры использовало, надо полагать, часто другие каменные предметы, как, например, ступку на Лисковском городище, что уже отмечалось. Для разовой же заточки лезвия ножа либо иглы мог использоваться любой подручный камень, который не всегда имел потом следы такого действия.

Другие каменные изделия. Ассортимент предметов из камня, которыми пользовались обитатели милоградских поселений, не ограничивался только охарактеризованными орудиями. Есть среди рассматриваемых находок и редкие, которые мы включили в эту группу. К ним относятся, например, наковальни. Одна из них обнаружена на городище Старое Красное. Это уплощенный камень в плане эллипсообразной формы. На его боковых противоположных сторонах есть две выемки — чашевидные углубления (рис. 32: 2). Они образовались в результате выбоин. Поверхности их содержат выщербины от ударов. Глубина забитостей составляет 0,3 см, а диаметр их примерно 2,5 см. В таких же целях на городищах Лиски и Короватичи I использовали каменные топоры. В Посожье подобные орудия обнаружены на городищах Уваровичи и Шепотовичи. Фрагмент наковаленки с Шепотовичского городища сохранился в форме полукруга (Дробушевский, 1995а, с. 40, рис. 2: 2). Рабочие места с противоположных боковых сторон у нее находились, надо полагать, в центре овального камня толщиной 4,5 см. Наковаленки, как видим, были небольших размеров. Они использовались для каких-то ювелирных работ (набивок узоров на предметах из цветных металлов и железа), где не нужны были большие физические усилия. Совершенно непонятное назначение имеет каменная плитка треугольной в плане формы с закругленными углами и торцевыми сторонами (рис. 32: 6). Это изделие выявлено на городище Лиски. Оно плоское, толщиной 1,6 см, сделано шлифовкой из жильного кварца. В центре одной из боковых сторон ее есть воронкообразная ямочка глубиной 0,15 см.

Единственная бусина из камня происходит с городища Уваровичи. Она цилиндрическая. Диаметр ее 1 см и отверстия — около 0,25 см. Камень серого цвета. Ранее бусы из камня на милоградских памятниках не встречались. Как и бусину, к числу редких находок следует относить каменную подвеску овальной (трапециевидной. — *М. Л.*) формы с отверстием в середине. Она обнаружена на Горошковском городище (Мельниковская, 1967, с. 85, рис. 36: 29). Такую же трапециевидную по форме подвеску из сланца, но толще, длиннее и с отверстием в верху нашел Б.А. Шрамко на Люботинском городище под Харьковом (Шрамко, 1998, с. 43, рис. 32: 6). Среди рассматриваемых редких предметов особо следует выделить впервые выявленные в милоградской культуре каменные литейные формочки. Они обнаружены А.И. Дробушевским на городище Уваровичи в количестве двух единиц (Дробушевский, 1998, с. 11). Литейные формочки двухстворчатые и предназначены для отливки бронзовых бус. Поверхности у сторон горизонтальные, гладкие, а вырезанные рисунки разные (рис. 91: 1, 2).

В культурном слое городища Старое Красное найдена половина каменного диска с вырезанным круглым отверстием в центре. Углы каналов отверстия и боковых сторон у него закруглены, что говорит об использовании этого предмета в висячем положении. Это вполне могло быть грузило для рыболовных сетей либо ткацкого станка. Весьма схожая с описанной часть каменного дисковидного изделия выявлена на Уваровичском городище.

В культурном слое поселения Черное обнаружена плитка прямоугольной формы небольших размеров — 8,5 × 7,1 см. Камень мелкозернистый, серого цвета, толщиной от 2,7 до 3,3 см. Рабочая сторона у плитки плоская, гладкая (рис. 29: 1). Данное орудие могло использоваться для шлифовки каких-то изделий либо для растираний.

В коллекции изделий из камня с городищ Приднепровья О.Н. Мельниковская выделила группу рубилообразных орудий и клиньев (Мельниковская, 1967, с. 67, рис. 26: 8–10; 28). Грубо оббитые орудия в форме ручных рубил не выявлены на памятниках этой культуры ни в Нижнем Посожье, ни в Полесье.

Мелкий кремневый инвентарь. На милоградских городищах и селищах имеются орудия труда еще и из кремня. Они составляют обычно незначительную часть находок, поэтому исследователями не всегда принимаются во внимание. В культурном слое поселений есть не только готовые изделия, но и сырье для их изготовления. Оно представлено речными кремневыми гальками, кусками конкреций естественного происхождения и желваками. Конечно, на памятниках перечисленные виды сырья появились в результате сборов их милоградским населением в окрестностях мест проживания. Соотношение исходных материалов на изучаемых городищах было разным. Например, на вскрытой площади поселения Лиски выявлено 5 желваков, 4 обломка конкреций и 10 речных галек, как целых, так и со следами оббивки для выделения ударных площадок. Помимо сырья встречаются и продукты расщепления кремня: отщепы, сколы, пластины, кусочки, осколки, чешуйки. Следует заметить, что именно такие кремневые находки доминируют среди остальных материалов (табл. 8). На то, что жители укрепленных поселков сами занимались обработкой кремня, указывают также нуклеусы и ретушеры. Готовые кремневые орудия на памятниках Посожья и Полесья составляют около 20 % от общего количества учтенных кремневых находок. Мелкий кремневый инвентарь есть также на аналогичных памятниках Приднепровья и на селищах в бассейнах рек Горыни, Ствиги, Уборти (Мельниковская, 1967, с. 68–69; Свешников, 1971, с. 70–71, 74–

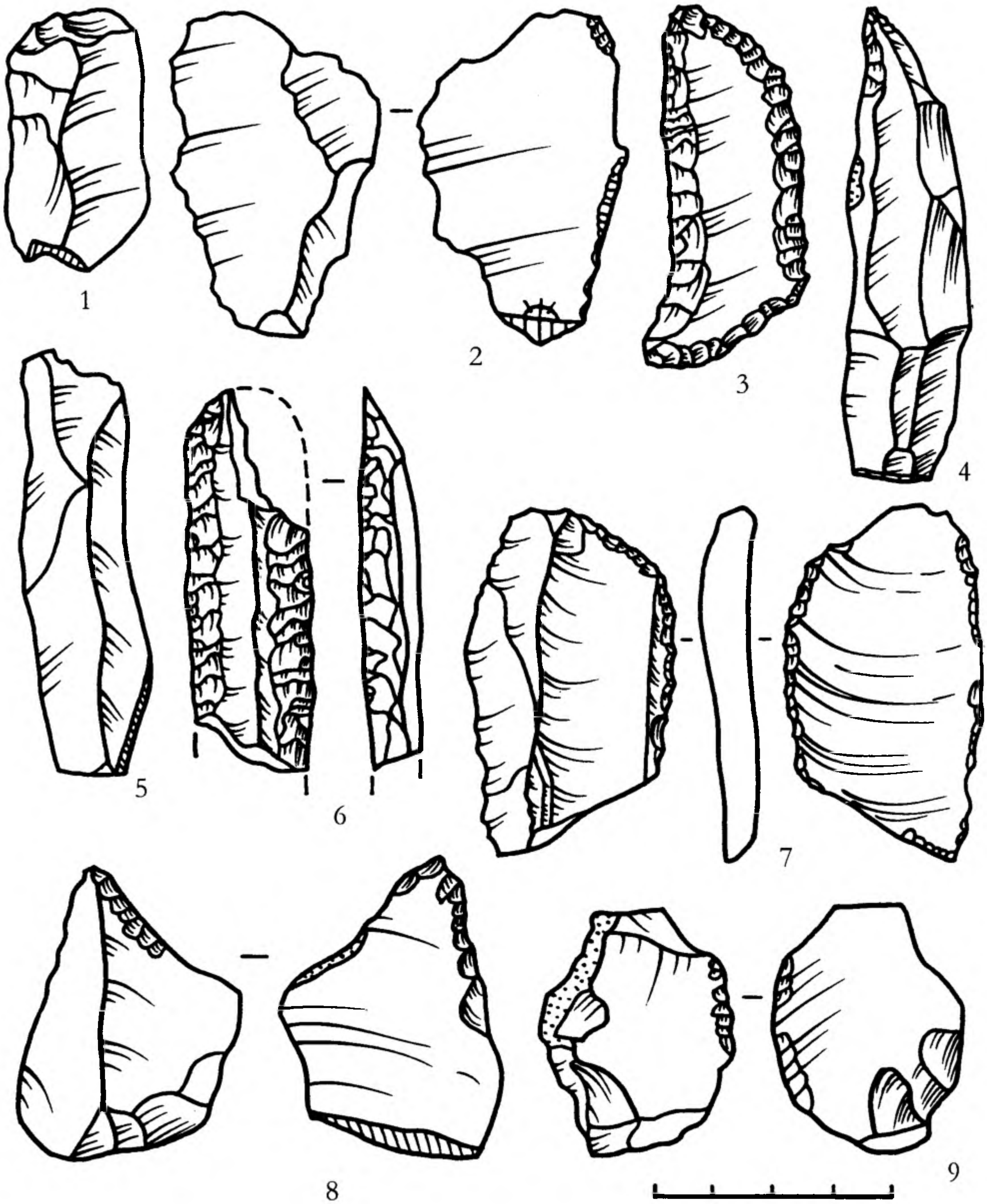

Рис. 35. Кремневые орудия труда с городищ восточного Полесья
(1 - 3, 5, 8, 9 — Липняки; 4, 6, 7 — Лиски)

Таблица 9

Кремневые орудия на милоградских поселениях

Орудия	Памятники													Всего
	Ленино	Любны	Липняки	Лиски	Отрубы	Рассвет	Старое Красное	Уваровичи	Холопеничи	Хоромск	Черное	Ясенец I	Ястребка	
Наконечники стрел и копий		1		1	1									**3**
Вкладыши				2										**2**
Проколки			2	1										**3**
Ножи			2	3		1	1				2	1	1	**11**
Скребки	1	2	1	2			1	1						**8**
Скобели				3							1			**4**
Серпы													1	**1**
Долотовидные орудия		2												**2**
Пластины и отщепы с ретушью		1		2	1						4			**8**
Ретушеры			1	3						1				**5**
Нуклеусы		2		2	1						2		1	**8**
Гальки, желваки, куски				18			2						3	**23**
Отщепы, сколы, пластины, чешуйки		70	12	16	1		8		41	5	22		2	**179**
ВСЕГО	**1**	**78**	**18**	**53**	**4**	**1**	**12**	**1**	**41**	**6**	**31**	**1**	**10**	**257**

75, рис. 4: 15, 5: 2, 4; Залашко, 1983, с. 349; он же, 1985, с. 389–390). В Посожье такие находки выявлены на трех городищах, причем на двух из них — Ленино и Уваровичи — только по одному экземпляру. В коллекции же с Любенского городища входят: листовидный наконечник копья (рис. 36: 3), тесло (рис. 36: 4) и долотовидные орудия, два скребка (боковой и концевой) (рис. 36: 1), пластина с ретушью, два двухплощадочных нуклеуса и около 70 отщепов (Сычев, 1976, д. 544; он же, 1977, д. 561; он же, 1978, д. 657). Надо сказать, что этому городищу железного века предшествовали поселения эпохи неолита и бронзы, свидетельством чему является и соответствующая керамика (Лашанкоў, 1993б, с. 28, 33, 35–36, мал. 4: 4–20). Данное явление, по наблюдениям О.Н. Мельниковской, имело место у памятников не только в Приднепровье, но и в бассейнах нижних течений Припяти и Сожа (Мельниковская, 1967, с. 20). Раскопки автора и других исследователей показали, что городищам Полесья и некоторым в Посожье не предшествовали поселения более раннего времени (Лашанкоў, 1999, с. 32).

Находки кремневых орудий на милоградских памятниках в небольшом количестве или пусть даже единицами все же свидетельствуют о том, что они имели какое-то применение в бытовых нуждах членов общин. В этом отношении представляет интерес их функциональное назначение (табл. 9). Ассортимент рассматриваемых изделий, как видим, разнообразен. Судя по материалам, одни из них являются действительно редкими предметами: вкладыши, проколки, наконечники для оружия, — и вряд ли они могли иметь большое практическое значение. Другие же — наоборот, количественно преобладают над остальными видами. Это — скребки, ножи, скобели, пластины и отщепы с ретушью (рис. 35, 37). Они являлись наиболее специализированными орудиями для обработки шкур животных: снятия мездры (Коробкова, 1983, с. 135–190). Пожалуй, этим и следует объяснять позднейшее производство и использование мелких кремневых орудий в эпоху раннего железа. Не вдаваясь в их технико-морфологические характеристики, заметим, что, по-видимому, они нужны были специально для таких

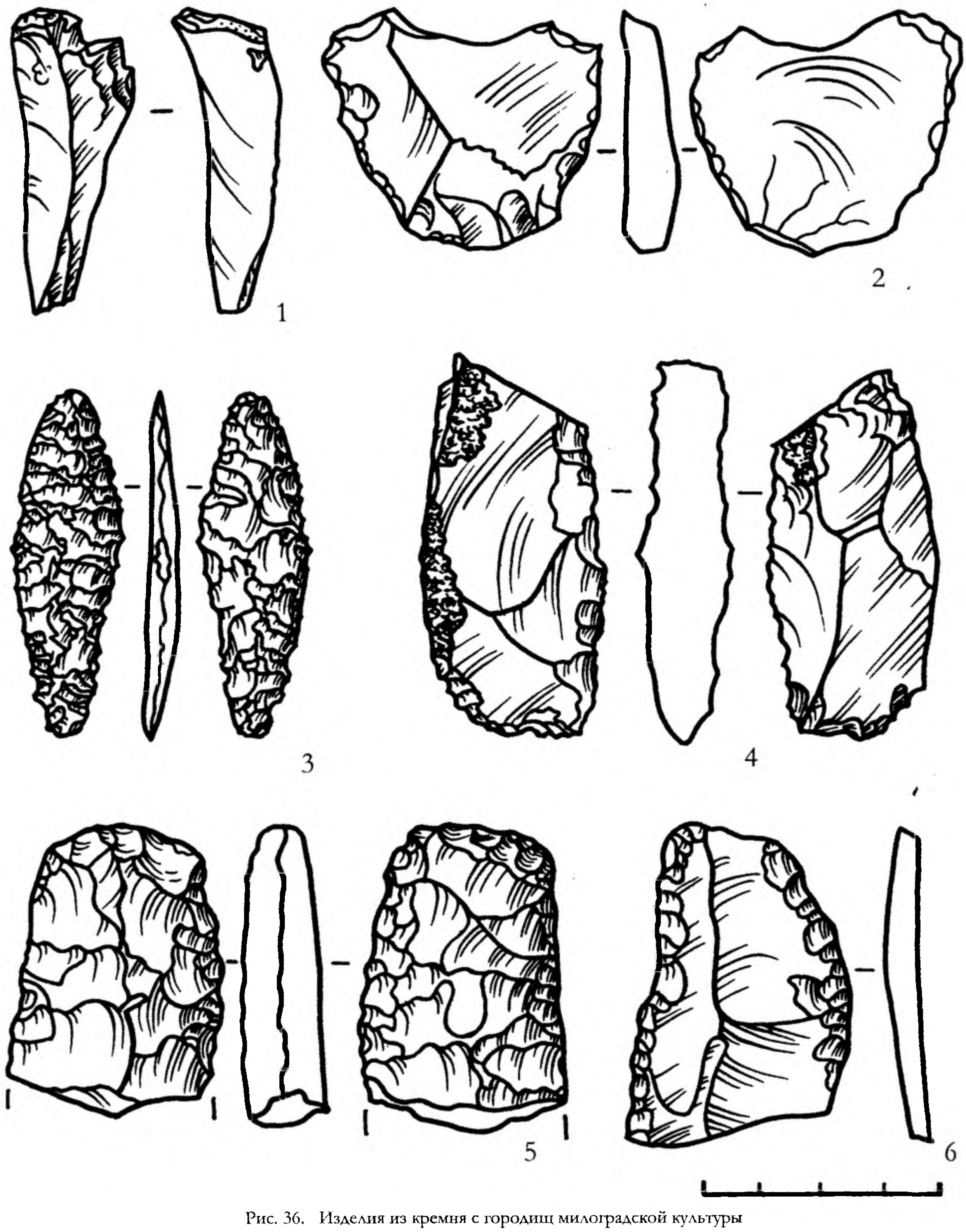

Рис. 36. Изделия из кремня с городищ милоградской культуры
(1, 3, 4 —Любны; 2 — Лиски; 5, 6 — Ястребка)

целей, как орудия, наиболее безопасные, исключающие порезы шкур. Это, однако, еще не доказывает, что все кремневые изделия изготовлены в милоградское время. В коллекции рассматриваемых находок есть предметы, которые имелись у «милоградцев» уже во вторичном употреблении. К ним следует относить обломок серпа (рис. 36: 5), кремневые топоры, о которых шла речь выше, тесло и долотоподобные орудия, наконечники копья и стрелы. Это типичные предметы бронзового века, когда они и были сделаны, а уже потом попали каким-то образом в руки обитателей поселений.

Небольшее количество кремневых орудий говорит о незначительной роли их в жизни милоградских общинников, с одной стороны, а с другой — их следует рассматривать как архаическую черту, свойственную «милоградцам» лишь на раннем этапе развития. Орудия труда из кремня у этого населения имели не только практическое назначение, но и ритуальное. Они обнаружены как на поселениях, о чем шла речь выше, так и в погребальном инвентаре. Кремневые предметы известны в отдельных захоронениях Горошковского грунтового могильника в Приднепровье (Мельниковская, 1967, с. 46). В Полесье Ю.В. Кухаренко зафиксировал, что в числе изредка встречавшихся кремневых изделий в насыпях Дубойских курганов были «большие удлиненные скребки» (Кухаренко, 1962, с. 19). Подобные факты имели место в могильниках Забороль (курганном) и Городок (грунтовом) на территории Северо-Западной Украины (Свешников, 1971, с. 71, 73–74).

Таким образом, рассмотренные выше каменные орудия имели, как видим, достаточно широкое применение в жизни племен милоградской культуры. С одной стороны, есть весьма разнообразный их ассортимент, а с другой — средний по сравнению с другими культурами лесной полосы их количественный показатель. К сожалению, среди охарактеризованных изделий нет предметов с узкой хронологией. Время использования таких находок определяется на каждом памятнике обычно рамками функционирования поселения. Поэтому вряд ли можно связывать коллекцию каменных предметов только с ранним этапом культуры. Думается, что правильнее будет относить их ко всему милоградскому времени. Вместе с тем, нельзя не отметить, что имелись случаи использования «милоградцами» в какой-то мере кремневых и каменных орудий предшествующего времени. Установлено, что в употреблении у них находились не только орудия труда (зернотерки, песты, топоры), но и предметы бытового (ступки, точильные, камни), ремесленного (литейные формочки, наковаленки) назначений, украшения (бусина и подвеска) и, возможно, вооружение (камни для пращи — песты). Такие предметы, как грузила, использовались в рыболовных сетях либо ткацких приспособлениях. Мелкие кремневые орудия находили применение при обработках шкур животных. Камень как сырье для орудий труда и строительный материал имел большое значение для обитателей городищ и селищ. Его использовали и в ритуальных целях во время погребений соплеменников. На поселениях отсутствуют выразительные следы камнеобработки. Надо полагать, что в общинах милоградского населения были мастера-специалисты по изготовлению весьма необходимых предметов из твердых минералов с зернистой структурой и кремня. Камнеобработка хотя и была развита у изучаемого населения, но по мере замены изделий из камня на железные она начала постепенно угасать. Это привело к тому, что в милоградское и последующее время уменьшается уже не только количество, но и, что очень важно, разнообразие рассматриваемых орудий из камня. Заметим, однако, что в общинах «милоградцев» они так и не были полностью вытеснены железными. В последующем лишь зернотерки не утратили своей практической значимости у древних племен примерно до конца I тысячелетия н. э., когда они были заменены жерновами.

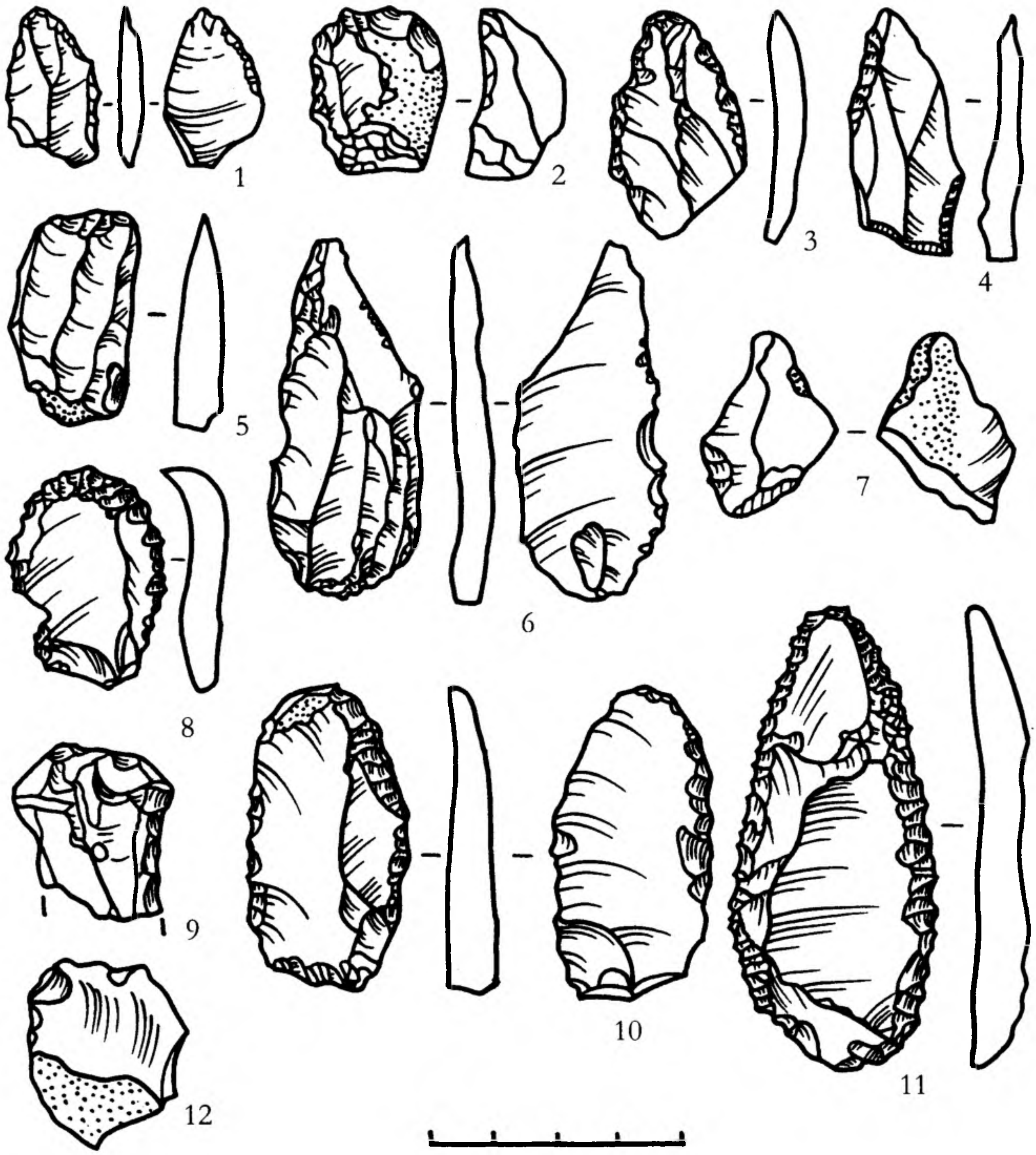

Рис. 37. Кремневый инвентарь с восточнополесских городищ
(1 – 3, 5, 9, 12 — Лиски; 4, 7 — Липняки; 6, 8, 11 — Старое Красное; 10 — Рассвет)

2. Орудия труда из железа

Раскопки, проведенные в последней четверти XX — начале XXI вв. на городищах и селищах милоградской культуры, позволили получить новую коллекцию железных изделий. Они представлены орудиями труда и предметами повседневного обихода (около 180 экз.), украшениями, оружием. Рассматриваемые находки не отличаются большим разнообразием по сравнению с изделиями из камня. В ассортименте орудий труда есть топоры, серпы, ножи, иглы, шилья, а из предметов личной гигиены — бритвы.

Топоры. Важную категорию железных орудий труда у изучаемого населения составляли топоры. На милоградских памятниках они встречались не часто по сравнению с ножами и серпами. Всего известно 22 единицы таких орудий. Следует заметить, что в публикациях имелась разрозненная информация о них (Мельниковская, 1967, с. 58, рис. 20: 6; 23: 6–8; Іллінська, 1961, с. 30, рис. 2: 3; Петровська, 1971, с. 13, рис. 3: 5; Поболь, 1974, с. 180, рис. 56: 11; Лошенков, 1991, с. 18, рис. 1, 2; Лашанкоў, 1999а с. 49–50, мал. 26: 3–5). В коллекции тринадцать целых топоров и девять обломков лезвий от них. Последние обнаружены на городищах Лиски — три, (рис. III: 16), Ворновка, Любны, Подгорье, Хильчицы, Ястребка и, надо полагать, Чаплин — по одному экземпляру. Несмотря на малое количество целых топоров, они, тем не менее, существенно различаются формами. В зависимости от формы автор выделял уже два их вида: проушные узколезвийные и кельты (Лашанкоў, 1999а, с. 49–50, мал. 26: 3–5). В этой категории изделий не были учтены еще три орудия с городищ Горошков, Любны и Моховское первое. Именно эти экземпляры составляют группу пластинчатых, или пальштабовидных топоров. Следовательно, с учетом конструктивных особенностей рассматриваемых изделий, которые находились в употреблении у милоградского населения, можно выделить три типа топоров: 1 — пластинчатые, 2 — проушные и 3 — кельты. Ниже остановимся на их характеристике.

Тип первый — пластинчатые. К ним относятся три топора-тесла. Один – с Горошковского городища, найденный в кладе 1957 года вместе с тремя серпами и проушным топором (Мельниковская, 1967, с. 57, рис. 20: 5; 21: 4). Другой — с первого Моховского — найден в яме (Мельниковская, 1957, с. 36, рис. 10: 15). Третий топор с Любенского городища (Поболь, 1974, с. 180, рис. 56: 11). Все три топора плоские. Толщина их в средней части 0,5–0,7 см (рис. 38: 4–6). К линии лезвия они постепенно утоньшаются. Метрические данные этих орудий отражены в специальной таблице (табл. 10).

Лезвия у них слегка закруглены. У двух топоров выше середины высоты, на расстоянии 1–1,5 см, рельефно выделены плечики конической формы (рис. 38: 5, 6). Плечики расширены на 2,5–3 см. У экземпляра с Любенского городища плечиков нет (рис. 38: 4). Верхние окончания у изделий с Горошкова и Любен заострены, а с первого Моховского — плоское. В таком случае пальштабовидные топоры с поселений Любны и Горошков двухсторонние, а с Моховского I — односторонний. Если топоры с Горошкова и первого Моховского поселений имеют формы, аналогичные орудиям у населения Лесостепной зоны, то Любенский экземпляр таких аналогий не имеет. Это позволяет считать его изделием, несомненно, местных кузнецов.

Рассматриваемые плоские орудия с выступами на торцовых сторонах О.Н. Мельниковская отнесла к мотыжкам (Мельниковская, 1967,

Таблица 10

Размеры пластинчатых топоров милоградской культуры*

Параметры	Памятники		
	Горошков	Любны	Моховское первое
Высота	15,3 см	12,3 см	12,8 см
Длина лезвия	4,2 см	5,4 см	2,6 см
Ширина тулова	2,2 см	2,2 см	1,9 см
Толщина тулова	0,7 см	0,5 см	0,5 см
Ширина плечиков	3 см	нет	2,5 см
Ширина вверху	1,8 см	4,5 см	1,7 см

* В связи с тем, что в описаниях топоров-тесел отсутствуют полные данные размеров, автор восстанавливал их по рисункам (см.: Мельниковская, 1967, рис. 23: 7, 8). Размеры орудия с Любенского городища даны по оригиналу, хранящемуся в Национальном музее истории и культуры Республики Беларусь (ив. № КП 40423/1)

с. 57). Еще в 60-х годах Б.А. Шрамко и В.А. Ильинская считали, что такие изделия являются железными наконечниками для мотыг и привязывались к коленчатой деревянной рукоятке (Шрамко, 1961, с. 89, рис. 11: 4; Ильинская, 1968, с. 161, табл. III: 10; XLVI: 9). Позднее, уже в 80-х годах, мнение об использовании этих орудий несколько изменилось. Их стали относить к топорам-теслам (Петровська, 1968, с. 169, рис. 4: 6; Пузикова, 1981, с. 74, 76, рис. 37: 24–26; Шрамко, 1987, с. 84, рис. 34: 6–9; он же, 1998, с. 37, 120, рис. 27: 3; Моруженко, 1988, с. 38, рис. 4: 21). С точки зрения автора, плоские пальштабовидные орудия вряд ли следует ограничивать какой-то одной направленностью в их использовании. Они имели, скорее всего, более разнообразное, многофункциональное применение, как с деревянной ручкой, так и без нее. Представляется, что наиболее эффективно они могли служить в качестве топоров и тесел. Многое зависело и от способа крепления их с рукоятью. Вместе с тем нельзя исключать возможности использования их и в роли мотыг.

Пластинчатые топоры прямоугольной формы с выгнутыми лезвиями появляются на территории Беларуси еще в эпоху бронзы. Два таких орудия из бронзы обнаружены в восточной и северо-западной частях республики. Одно найдено случайно на правом берегу речки Друть, около деревни Каличенки в Кличевском районе Могилевской области (Ляўданскі, 1932а, с. 244, табл. I: 1; Исаенко, 1976, с. 24, рис. 3: 2; Калечиц, 1987, с. 101). Другое — в культурном слое поселения Костыки в Вилейском районе Минской области (Зайкоўскі, 1996, с. 57; Чарняўскі, 1997, с. 320, мал. 123: 4; Чарняўскі Макс., 2006, с. 18, мал. 1: 1). Более далекие аналоги подобных орудий имеются у трипольских мастеров первой половины III тысячелетия до н. э. (Рындина, 1971, с. 124–138, рис. 28: 1–5). Охарактеризованные автором железные пальштабовидные топоры существенно отличаются от указанных орудий медно-бронзового века. Несмотря на широкий диапазон распространения плоских топоров в лесостепи и степи в скифское время, они все же являются редкими находками на территории милоградской культуры, это во-первых. А во-вторых, судя по хорошо датированным, они также очень ранние — VII–VI вв. до н. э. (Тереножкин, 1961, с. 126, 132, рис. 107: 2; Пузикова, 1981, с. 76, 99–100, рис. 37: 24–26; Ильинская, 1986, с. 32, рис. 7: 19; Памятники скифской эпохи…, 1989, с. 61, рис. 11: 11; Еременко, 1989, с. 81, табл. 2: 28; Шрамко, 1998, с. 123, рис. 27: 3; Лашанкоў, 1999а, с. 49, мал. 26: 1, 2).

Тип второй — проушные. В пределах проживания населения милоградской культуры выявлено три таких орудия. Одно — в Горошковском кладе 1957 года (Мельниковская, 1967, с. 56, 68, рис. 20: 6; 21: 6). Другое обнаружено раскопками В.Н. Даниленко на поселении Подгорцы под Киевом (Даниленко, 1956, с. 8, 10; Іллінська, 1961, с. 30, рис. 2: 3; Петровська, 1971, с. 13, рис. 3: 5). Третий тапор найден авторм в слое городища Старое Красное (Лошенков, 1991, с. 18 рис. 1). Размеры их показаны в табл. 11.

Рассматриваемые топоры имеют клиновидную форму и различаются определенными деталями, размерами (рис. 38: 1, 2). Например, у топора со Старого Красного отверстие для ручки круглое, а у остальных оно округлой формы. У двух орудий узкие лезвия несколько расширены в сторону рукояти (рис. 38: 1), а у экземпляра со Старого Красного такого расширения нет (рис. 38: 2). Обухи у них в горизонтальном сечении прямоугольные. Длина их от 5,2 до 7 см, а ширина — 2,3–3,4 см. У топоров с Подгорцев и Старого Красного они плоские, а с Горошкова — расклепан и слегка выгнутый. Экземпляр с Подгорцев выделяется высотой. Разная у них и толщина обухов — расстояние от верхнего края отверстия до плоскости обуха. Наиболее массивный он у орудия с Подгорцев, а самый тонкий — 1 см — у топора с Горошкова. Проушные топоры имели, судя по размерам, нетолстые деревянные ручки. На их рабочие качества влияли существенным образом соотношения между длиной лезвия и высотой бойка — общей высотой. Так, у изделия с Горошкова эта пропорция составляет 1/3, как и у топора с Подгорцев, а вот у экземпляра со Старого Красного — 1/5. Обычно у узколезвийных топоров боковые стороны ниже отверстия постепенно утоньшаются к линии лезвия. У орудия со Старого Красного боковые стороны сходятся клином от обуха к точке удара (рис. 38: 2). Нижняя часть у него затуплена и закруглена, а лезвие не выражено. Именно этими деталями формы и отличается данный топор от горошковского и подгорцевского. Аналогии ему имеются на Каменском городище, что на Днепре (Граков, 1954, с. 124, табл. XVII: 7). По мнению Б.Н. Гракова и В.А. Ильинской, подобные орудия использовались в качестве молотов (Граков, 1954, с. 124, табл. XVII: 7; Іллінська, 1961, с. 31, рис. 2: 2). Б.Н. Граков вместе с тем уточнял, что такие орудия следует относить к кузнечному инструменту для изготовления панцирных чешуек. В.А. Ильинская, систематизируя скифские топоры, в числе которых были и рассматриваемые нами проушные, объединила их в группу рабочих (Іллінська, 1961, с. 28–31).

Таблица 11

Размеры проушных топоров*

Параметры	Памятники		
	Горошков	Подгорцы	Старое Красное
Высота	12 см	18,8 см	12 см
Длина лезвия	3,3 см	5,2 см	2,3 см
Диаметр отверстия	2,7 x 3 см	2,8 x 3,6 см	2,5 см
Толщина обуха	1 см	3,6 см	2,5 см
Размеры обуха	3 x 6 см	3,4 x 5,2 см	2,3 x 7 см

* С городища Старое Красное — по оригиналу, с остальных — по публикациям

В эпоху раннего железа узколезвийные проушные топоры получили широкое распространение у населения лесостепной полосы. Здесь они известны у обитателей городищ Александровка, Бельское, Люботинское, Полковая Никитовка и поселения Островерховка (Алихова, 1962, с. 129, рис. 20: 15; Шрамко, 1954, с. 111, рис. 48: 1; он же, 1987, с. 103, рис. 44: 1, 2; он же, 1998, с. 48, рис. 27: 1; Моруженко, 1988, с. 38, рис. 4: 20). Есть подобные орудия и в закрытых комплексах скифских курганов Посулья и под Киевом (Ильинская, 1968, с. 92, табл. XLVIII: 31; она же, 1975, с. 103, 104; Іллінська, 1968, с. 148, рис. 1: 1, 2, с. 158, рис. 8: 2; Петровська, 1968, с. 169, рис. 4: 6). В лесной полосе они были в употреблении у «юхновцев» на деснинском городище Торфель (Горюнова, 1950, с. 153, рис. 54: 31). В Белорусском Подвинье и в верхнем Смоленском Поднепровье — у «днепро-двинцев» на городищах Бороники, Замошье, Кубличи, Новые Батеки, Холмец (Шадыро, 1985, с. 51–53, рис. 31: 1–3; Шмидт,

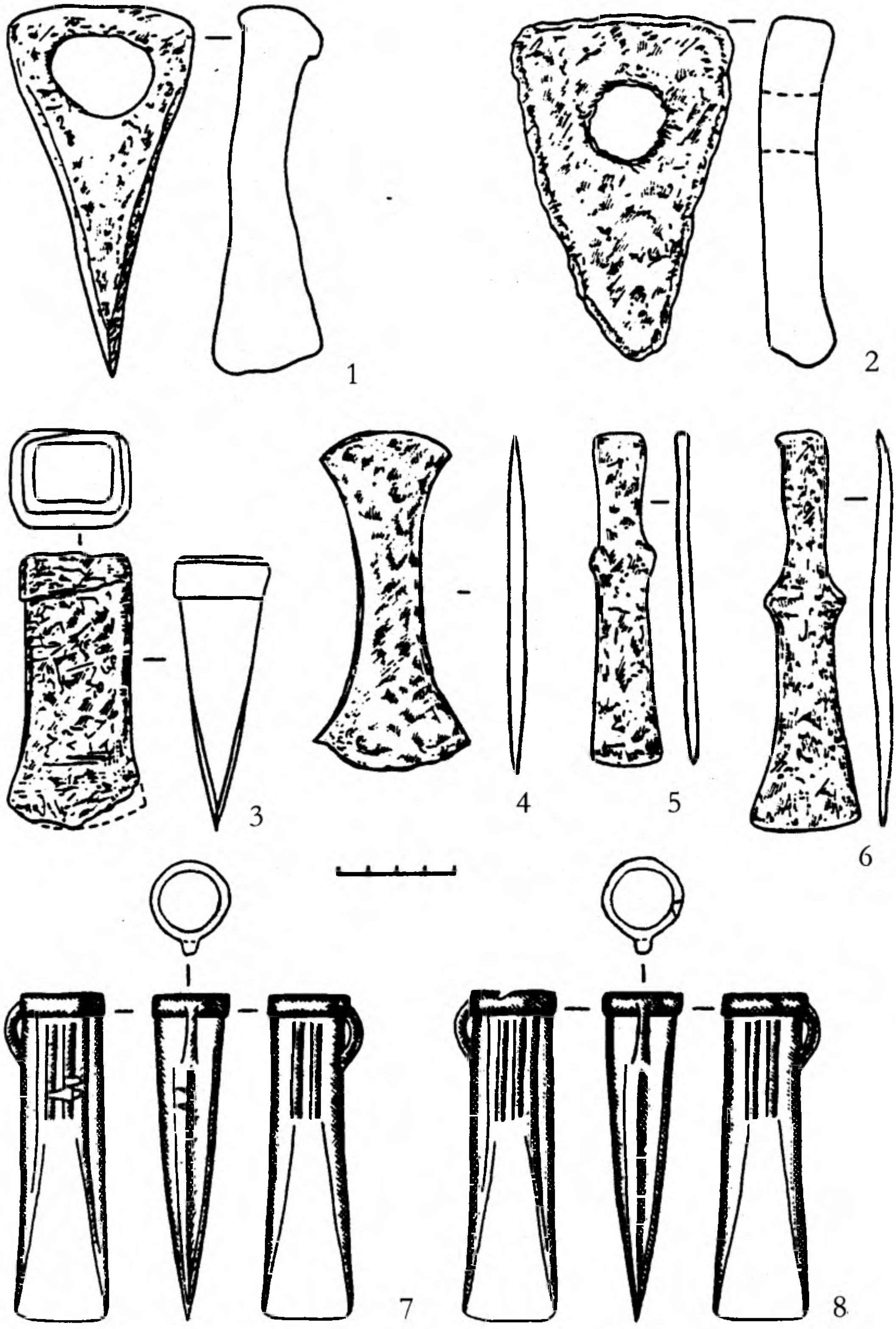

Рис. 38. Топоры с памятников милоградской культуры Беларуси
(1, 6 — Горошков, 2, 3 — Старое Красное, 4 — Любны, 5 — Моховское I, 7, 8 — Урицкое;
1 – 6 — железо, 7 – 8 — бронза)

1992, с. 55–56, табл. 19: 1–3). За пределами Беларуси они есть и на территории Латвии (Циглис, 2003, с. 112–121). Такие топоры отсутствуют в древностях населения культуры штрихованной керамики и зарубинецкой культуры (Егарэйчанка, 1999, с. 133, он же, 1999а, с. 249). У милоградского населения узколезвийные проушные топоры второго типа находились в употреблении, исходя из аналогий, в VI–V вв. до н. э. (Лашанкоў, 1999а, с. 50).

Тип третий — кельты. Находки втульчатых топоров — кельтов в ходе раскопок милоградских памятников — явление редкое (табл. 12). В Беларуси пока лишь в одном случае такое орудие найдено автором на городище Старое Красное (Лошенков, 1984, с. 365; он же, 1991, с. 18, 19, рис. 2). У этого кельта верхний край прямоугольной втулки окован железной пластинкой толщиной до 0,35 см и шириной 1,5 см (рис. 38: 3). Подобные изделия с окованной втулкой встречаются крайне редко. В коллекции с поселения Галиш-Ловачка (севернее города Мукачево Закарпатской области), где их найдено 53 экземпляра, только у одного топора верхняя часть втулки окована пластинкой шириной 6 см (Бідзіля, 1964, с. 111–112, табл. І: 15). Железный кельт со Старого Красного имеет среднюю величину размеров (табл. 12) и нетяжелый вес.

Таблица 12

Размеры железных кельтов (в см)

Данные по орудиям	Памятники			
	Старое Красное	Таценки	Чаплин	Чаплин
Высота H	10,4	7	11	12,5
Длина лезвия L	4,3	5	4	4,3
Соотношение L : H	2,4	1,4	2,7	2,9
Размер втулки	3,5 x 4,2	–	3,2 x3,5	4,2 x 4,4
Глубина втулки	5	–	6,5	8,1

Еще два топора происходят с клада 1934 г. случайно найденного в поле около деревни Урицкое (бывшей Вовковицкий Купец) Гомельского района. В содержание клада входили два бронзовых одноушковых кельта с упрощенным орнаментом и железное копье (Палікарповіч, 1947, с. 65, 66). У топоров одинаковый вес, круглая втулка, шестигранное тулово, слегка расширенное и закругленное лезвие (рис. 38: 7, 8). Наличие в кладе гальштатского копья послужило основанием для К.М. Поликарповича продатировать этот комплекс примерно V в. до н. э. (Палікарповіч, 1947. с. 65, 66). Оба кельта типологически близки таким же орудиям у населения чернолесской культуры (Тереножкин, 1961, с. 126–132, рис. 86; 87; 88; 107: 1). Рассматриваемые бронзовые топоры, как считал А.И. Тереножкин, имели наибольшее распространение среди чернолесских древностей в поздний период — в жаботинский этап — во второй половине VIII — первой половине VII в. до н. э. (Ильинская, 1986, с. 30–34). Клад с Урицкого, сочетающий бронзовые и железный предметы, хорошо соотносится с кладом 1955 г. на Субботовском городище, также состоящем из бронзовых и одного железного изделий. Последний — датируется «...не позднее конца предскифского периода» (Тереножкин, 1961, с. 126, 148, рис. 107). С учетом сказанного автор считает, что урицкий клад 1934 г. следует передатировать серединой — второй половиной VII в. до н. э. Этот комплекс на территории Беларуси соответствует раннему горизонту милоградских древностей, начало которого восходит ко второй половине VII в. до н. э. (Лашанкоў, 1999а, с. 49–65).

По сведениям В.Н. Даниленко, во время раскопок милоградского неукрепленного поселения Подгорцы в раскопе № 1 найден бронзовый одноушковый кельт (Даниленко, 1956, с. 6; Тереножкин, 1961, с. 126–127). Автор раскопок исключил его почему-то из круга подгорцевских древностей раннего железного века, продатировав концом эпохи бронзы (Даниленко,

1956, с. 6). Согласно хронологической стратификации бронзовых кельтов А.И. Тереножкина, рассматриваемое орудие с Подгорцев, как и подобные из Урицкого клада, очевидно следует относить к одному и тому же времени, что будет вполне обоснованно. Анологичные орудия позднебронзового времени с юго-восточной Беларуси указонному автором времени как бы не противоречат (Крывальцэвіч, 2006а, с. 46, 49–50, мал. 2: 12, 14).

Находки наиболее ранних железных кельтов есть на территории Украины на поселениях Зарубинцы и Трояново (Шмаглий, 1960, с. 155, рис. 3; Тереножкин, 1961, с. 132, рис. 88). Они говорят о том, что изучаемые железные топоры начали изготавливаться уже в VII в. до н. э. (Шмаглий, 1960, с. 155; Тереножкин, 1961, с. 132). У населения милоградской культуры на раннем этапе ее развития такие орудия не зафиксированы. В это время оно пользовалось бронзовыми кельтами, на что указывают топоры с Урицкого и Подгорцев. Нельзя не отметить, что бронзовые кельты изготовлены литьем, и на территорию проживания «милоградцев» они попадали в готовом виде путем обменов с племенами, вероятнее всего, чернолесской культуры. Последние могли получать такие топоры, по-видимому, с очагов Карпатской горно-металлургической области, которая активно функционировала еще в эпоху поздней бронзы (Ремесло энеолита–бронзы на Украине, 1994, с. 114–132).

Железные же кельты появляются у населения милоградской культуры, как считает автор, на позднем этапе ее развития, в IV–III вв. до н. э. Они выкованы местными кузнецами с криц путем свободной горячей ковки. Несмотря на то, что этот процесс трудоемкий, он, тем не менее, связан с использованием местного сырья. Этим и объясняется упрощенность форм железных кельтов, для которых уже не характерны элементы украшений, наличие ушек, круглая втулка и шестигранное тулово, как у бронзовых. Надо полагать, что местные кузнецы изготавливали их по образцам аналогичных топоров у кельтского населения Средней Европы во второй половине раннего — В и первой половине среднего — С латена (Filip, 1956, s. 505–590). О.Н. Мельниковской высказана мысль о том, что милоградское население пользовалось железными кельтами. Сказанное она подтверждает обломком такого орудия с городища Ворновка (Лявданский, Коваленя, 1936, д. 457; Мельниковская, 1967, с. 58). Два аналогичных железных топора с Чаплинского городища А.А. Егорейченко связывает с древностями не зарубинецкой, а милоградской культуры, с чем следует согласиться (Егарэйчанка, 1983, с. 79, 80; Егорейченко, 1996, с. 38, 39). Топоры раннелатенского типа с культурного слоя милоградского поселения Таценки (Обуховский р-н Киевской обл. Украины) и городища Чаплин С.Е. Рассадин продатировал вслед за А.Е. Егорейченко IV–III вв. до н. э. (Максимов, 1972, с. 40, 79, табл. XIII: 17; VIII: 17; Рассадин, 1989, с. 8). В настоящее время можно с уверенностью говорить о том, что железные коленчатые топоры-кельты были в употреблении у милоградских общинников поселений Ворновка (1), Старое Красное (1), Таценки (1) и Чаплин (2).

Таким образом, всего на милоградских памятниках известно восемь топоров третьего типа. Три бронзовых орудия составляют раннюю группу, а пять железных — позднюю. Между ранними и поздними кельтами нет хронологического стыка.

Типологию железных кельтов разработал В.И. Бидзиля на материалах позднелатенского поселения Галиш-Ловачка, относящегося к концу III в. до н. э. — рубежу эр (Бідзіля, 1964, с. 111–112, 138–139, 142, табл. I: 9–12, 15; V: 1; Вознесенская, 1984, с. 165). Исследователь

выделяет два типа кельтов: 1 — с узким лезвием, широкой квадратной втулкой, массивные, больших размеров; II — с широким лезвием, узкой вытянутой втулкой, небольшими общими размерами и более легким весом. По его мнению, такое их типологическое членение объясняется различным функциональным назначением орудий. Топоры первого типа — колуны, используемые в основном для вырубки леса и расчистки площадей под посевы. Второго типа — для более тонкой обработки дерева — плотницкие (Бідзіля, 1964, с. 111–112, 142).

Железные кельты с территории Беларуси А.А. Егорейченко делит в зависимости от ширины тулова на две группы: 1 — с широким туловом и 2 — с узким. Первые, которые происходят с памятников, содержащих милоградские и зарубинецкие отложения, он относит к милоградскому времени, а другие — к зарубинецкому (Егарэйчанка, 1983, с. 80; Егорейченко, 1996, с. 39). Следует заметить, что рассматриваемые топоры с милоградских памятников при их общей схожести с таковыми у кельтского населения Средней Европы существенно отличаются от последних своими общими размерами и, надо полагать, весом (Filip, 1956, табл. CXXI: 1, 5; CXXVIII: 32–34). Они более легкие, у них целые прямоугольные втулки, небольшая высота — 10,4–12,5 см и длина лезвий — 4–4,3 см. Размеры втулок — от 3,2 × 3,5 см до 4,2 × 4,4 см при глубине их 5–8,1 см (табл. 12). Боковые стороны у орудий образуют равномерный клин от верхнего края втулки до линии лезвия. Касаясь рабочих качеств железных топоров с коленчатыми рукоятками, отметим, что соотношение длины лезвий к высоте орудий у них составляет 2,4–2,9. Коэффициент же полезного действия у топоров зависит главным образом от величины массы и расстояния от центра тяжести до точки удара (Левашова, 1956, с. 45–46). Чем меньше это расстояние, тем совершеннее орудие. Расчеты, выполненные В.П. Левашовой на основании экспериментальных данных, показывают, что у кельтов коэффициент полезного действия составляет около 0,71, тогда как у проушных топоров — 0,96 (Максимов, 1972, с. 79).

Серпы. Часть коллекции железных изделий на поселениях милоградской культуры составляют специализированные орудия для уборки урожая зерновых культур — серпы. Они найдены на двенадцати памятниках Беларуси. Авторам учтено 40 экземпляров таких орудий (табл. 13).

Помимо серпов полных форм есть и такие, у которых обломаны концы (9 экз.), но по ним еще можно как-то характеризовать эти изделия (табл. 14). На ряде городищ от рассматриваемых орудий сохранились невыразительные обломки, которые пригодны только для статистики. Нельзя не отметить, что в публикациях содержится информация о серпах, иногда крайне ограниченная. Так, с территории Украины есть сведения только о двух рассматриваемых изделиях: у одного, надо полагать, целого, имеется боковая ручка (шпенёк. — *М. Л.*), а от другого, с Великой Солтановки, — окончание лезвия с зазубринками (Петровська, 1971, с. 13–14, рис. 3: 2). Если к этим двум орудиям прибавить еще фрагменты с Лемешевич (2), Подгорья (1), Присно II (1) и Чаплина (4), то 10 орудий от учтенных нами являются только статистическими единицами.

В коллекции преобладают серпы с городищ Приднепровья. По далеко не полным сведениям, в Горошкове, Милограде,

Таблица 13

Серпы с памятников милоградской культуры

Памятники	Кол-во	Памятники	Кол-во
1. Горошков	8	7. Подгорье	1
2. Ивань	4	8. Присно II	1
3. Лемешевичи	2	9. Уваровичи	3
4. Лиски	4	10. Хильчицы	1
5. Милоград	3	11. Чаплин	9
6. Моховское II	1	12. Ястребка	1
Беларусь — 38		и	Украина — 2

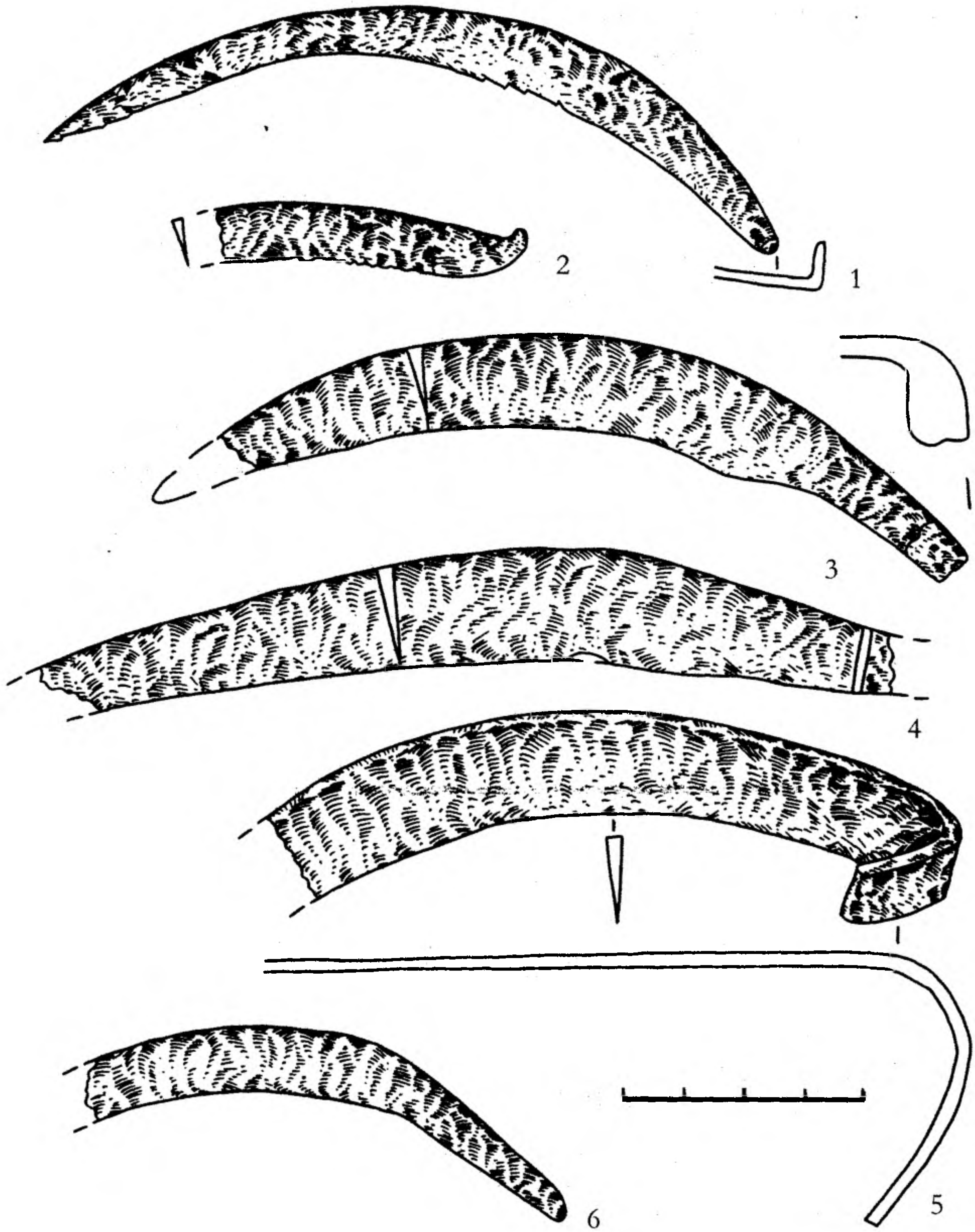

Рис. 39. Серпы с городищ Горошков (1), Уваровичи (3, 5, 6) и селищ Хильчицы (2), Лемешевичи (4)

Моховском втором и Чаплине их найден 21 экземпляр (рис. 39: 1; 40; 41), что соответствует примерно половине от известных в Беларуси (табл. 13). На поселениях Полесья (рис. 42: 1–5) и Посожья (рис. 39: 3, 5, 6) они, к сожалению, малочисленны. В Полесском регионе три серпа обнаружены на селищах Лемешевичи в Пинском и Хильчицы в Житковичском районе. В слое поселения Лемешевичи В.С. Вергей найдены обломки двух серпов. Один сохранился в виде крупного фрагмента без начала клинка и окончания черенка (рис. 39: 4). Длина орудия 15 см, ширина клинка — 2 см. Орудие было слабоизогнутым (Вергей, 1994, с. 140, рис. 5: 18). Другой — представлен окончанием лезвия длиной 4 см. Серп с селища Хильчицы также не целый. У него нет окончания клинка (рис. 39: 2). Длина сохранившейся части 5,5 см. Он имел слабоизогнутую форму. Ширина клинка 1 см. Окончание короткого черенка отогнуто ввверх, в сторону спинки. Весьма важным фактом является зазубренность лезвия у этого орудия. Серпы с городища Ивань автором привлечены выборочно, и только те, у которых черенки не выделены, как у экземпляров с Лисковского городища (рис. 42: 2, 4–9). По сведениям О.Н. Мельниковской, 14 железных серпов обнаружено в жилищах (Мельниковская, 1967, с. 56). Такая картина наблюдается только на памятниках, расположенных по правому берегу Днепра, и к тому же не на всех, где фиксировались такие орудия. В Посожье и Полесье выявленные серпы ни один автор раскопок не связывает с жилищами, как это имело место в Приднепровье.

Методика изучения серпов с помощью математических измерений режущей части клинка была предложена А.В. Арциховским. Она, как отмечал автор, по сути своей сводилась к квадратному уравнению кривой лезвия (Арциховский, 1928, с. 29–42). Позднее В.П. Левашовой была предложена более совершенная методика исследования древнерусских серпов. Она позволяла характеризовать рабочие качества орудий уже не по одному, а по целому ряду признаков (Левашова, 1956, с. 60–73). Эту же методику применил Ю.А. Краснов при изучении серпов эпохи неолита, бронзы и железа (Краснов, 1971, с. 68–77). Предложенная во второй половине 70-х годов классификация серпов Р.С. Минасяном основана, по существу, лишь на одном критерии: конструкции задней части клинка с черенком (Минасян, 1978, с. 74–85). Она не вносит ничего принципиально нового в характеристику серпов раннего железного века и не позволяет получить полную информацию о них. Поэтому автор при описании рассматриваемых орудий пользовался методикой Ю.А. Краснова. Рабочие качества серпов зависели от следующих показателей: длины основания (AB), высоты изгиба лезвия (CD), местоположения максимальной высоты дуги лезвия (AC), величины начального (A) и конечного (B) углов дуги, а также углов резания кромки лезвия. Производительность серпов зависела в значительной мере от сочетаемости указанных признаков у каждого орудия.

Необходимо отметить, что О.Н. Мельниковская, описывая серпы с памятников Приднепровья, указала лишь их среднюю длину (общую. — *М. Л.*), равную 20 см, максимальную — 25 см, а у самого маленького экземпляра — 10 см (Мельниковская, 1967, с. 56). Ю.А. Краснов при характеристике орудий выделенного им второго типа, к которому он отнес серпы с Горошкова (2) и Чаплина (1), почему-то ограничился сведениями только по трем экземплярам. Эти данные он представил как обобщающие для всех серпов милоградской и зарубинецкой культур (Краснов, 1971, с. 72), с чем вряд ли

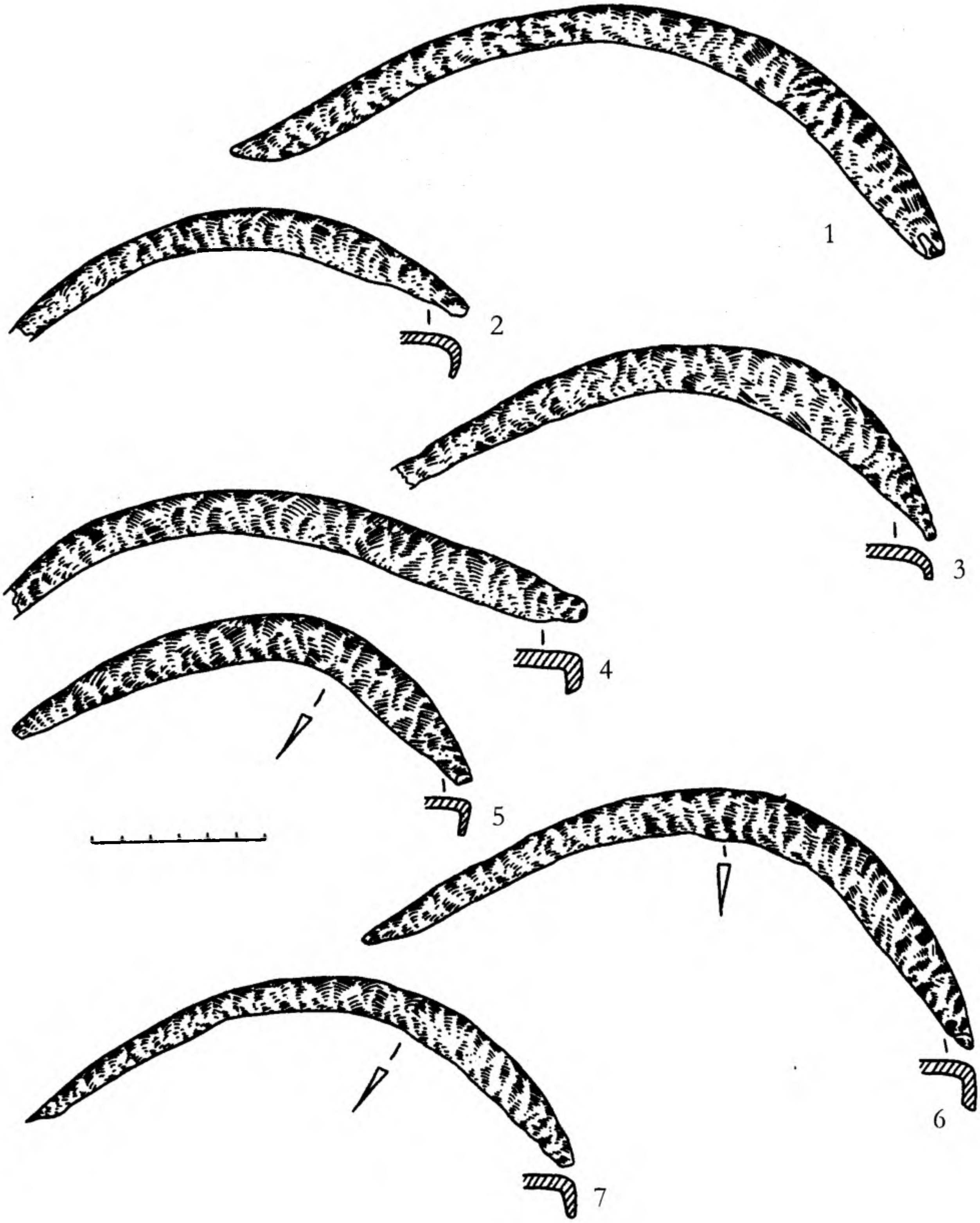

Рис. 40. Серпы с Горошковского городища

можно согласиться. Из сказанного вытекает, что полной характеристики рассматриваемые нами орудия не получили.

Длина лезвий (AB) у милоградских серпов такая: Лиски — 16,5 см, Моховское II — 13,7 см, Уваровичи — 9,5 см, Ивань — 9–13 см, Милоград — 15,5–18,3 см, Горошков — 11,3–18 см, Чаплин — 14–20 см. Как видим, минимальная длина основания — 9–9,5 см и максимальная — 18,3–20 см. Орудия с длинными лезвиями (17–20 см) были только в Горошкове (2), Милограде (2), Чаплине (1) , и к тому же таких изделий немного (табл. 14). Преобладали же у «милоградцев» серпы с основанием от 9 до 16,5 см.

По величине изгиба лезвия мы располагаем следующими данными: Лиски — CD = 1/9 AB, Моховское II — CD = 1/8 AB, Уваровичи — CD = 1/8 AB, Ивань — CD = 1/9–1/5 AB; Милоград — CD = 1/7–1/5 AB, Горошков — CD = 1/6–1/4 AB, Чаплин — CD = 1/6–1/4 AB. Серпов с большим изгибом клинка (CD = 1/5–1/4 AB) в коллекции всего 9 экземпляров: Горошков — 5, Ивань — 1, Милоград — 1, Чаплин — 2. Остальные двенадцать серпов — со слабоизогнутым лезвием, CD = 1/9–1/6 AB. Следовательно, среди анализируемых орудий 43 % были с высокой дугой лезвия и 57 % — со слабоизогнутыми клинками. По данным Ю.А. Краснова, высота дуги у милоградских серпов составляет 1/8–1/5 длины оснований (Краснов, 1971, с. 72).

Среди факторов, влияющих на производительность серпов, значение имеют не только высота дуги, но и характер изгиба клинка. Последний выражается в симметричном либо асимметричном положении вершины дуги по отношению к основанию лезвия. У симметричных орудий AC приходится на 1/2 длины основания, и вершина дуги в таком случае расположена на середине AB. Таких серпов 9. Они происходят с поселений Горошков (4), Лиски (1), Милоград (1), Уваровичи (1), Чаплин (2). Изделий с асимметричными клинками несколько больше — 12 экземпляров. Они не однообразны и делятся на две не равные по количеству группы. У одних вершина дуги смещена к началу клинка, когда AC составляет 1/3 AB. В этой группе 10 серпов: Горошков (3), Ивань (4), Милоград (2), Чаплин (1). Начальный угол A измеряется в пределах от 18 до 58°, а конечный B — от 13 до 31°. Почти у всех рассматриваемых симметричных и асимметричных серпов угол A больше угла B. Разница между ними может составлять от 5–6 до 28–32° у слабо- и сильноизогнутых орудий (табл. 14). Совсем мало серпов, у которых вершина дуги смещена к окончанию лезвия. У таких орудий AC приходится на 2/3 AB. Известны два экземпляра с такой кривизной клинков: один — с Горошкова и другой — с Моховского второго городища. У них конечные углы B больше начальных углов A соответственно на 6 и 2°.

Лезвия у изучаемых серпов имеют в большинстве случаев неодинаковую ширину. В начальной части клинка, у черенка, они максимально увеличены (1,8–2 см) и к окончанию его сужаются до 1–0,7 см (табл. 14). По наблюдениям О.Н. Мельниковской, у отдельных орудий кромка лезвия содержала незначительные следы врезов, а у одного — четыре зубца (Мельниковская, 1967, с. 56). Это указывает на то, что серпы имели не просто хорошо заостренные лезвия, но и насечку зазубрин, что, естественно, повышало их производительность (рис. 39: 1, 2). С аналогичными зубцами, повернутыми вершинами в сторону ручки, найден фрагмент окончания лезвия серпа в жилище IV–II вв. до н. э. на селище Островерховка в Харьковской области Украины (Шрамко, 1954, с. 111, 112, рис. 48: 2). На территории милоградской культуры такие факты не единичны. Они имели место не только в

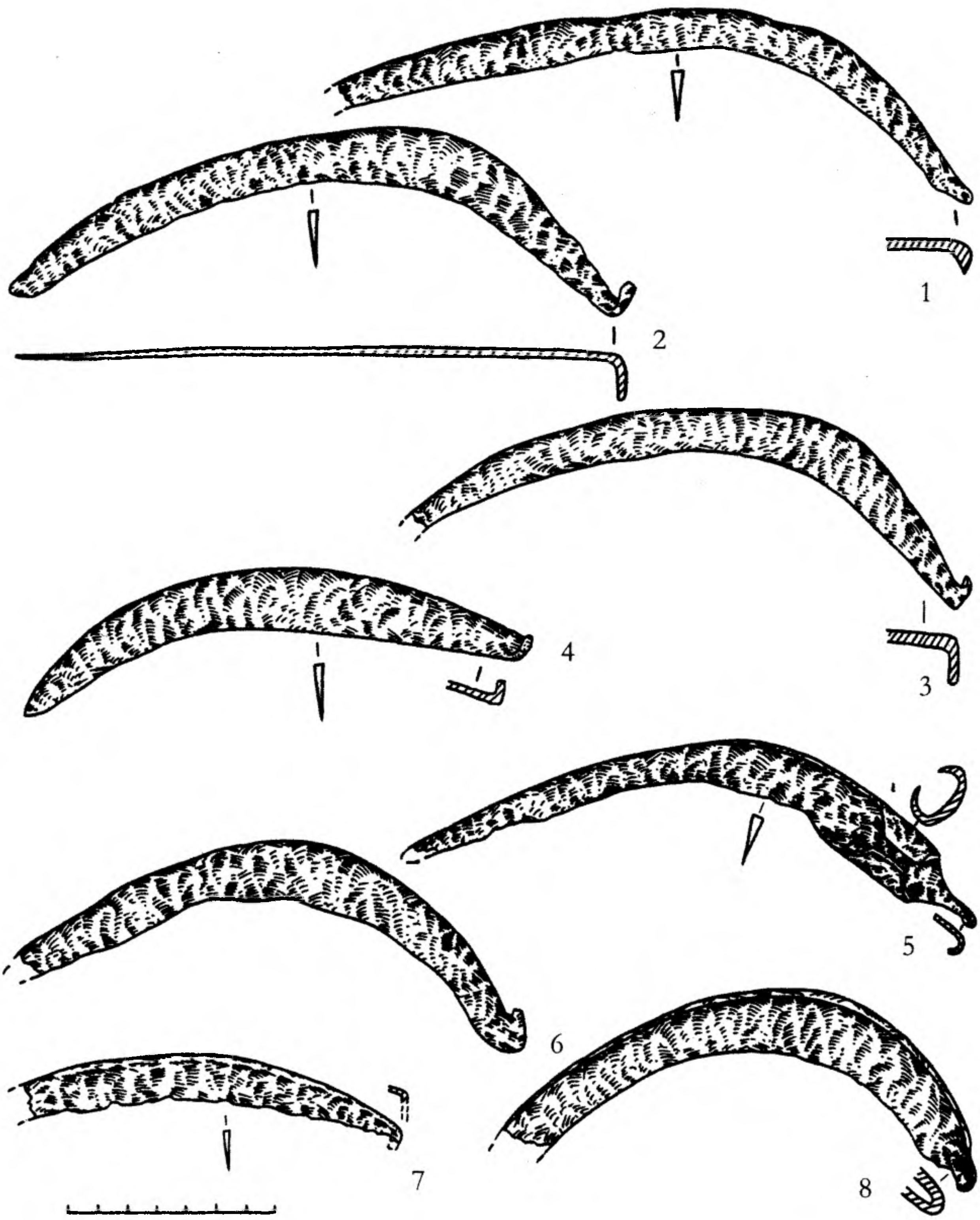

Рис. 41. Серпы с городищ Милоград (1–3), Моховское второе (4) и Чаплин (5–8)

Таблица 14

Качественная характеристика серпов милоградской культуры

№ п/п	Памятники	Лезвия, мм				Углы, град.			Черенки, мм				
											отделы		
		AB	CD	AC	ширина	угол A	угол B	углы резания	L	угол, град.	1	2	3
1	Горошков	180	32	64		46	25	5–30	60	57	+		
2		113	21	59	7–12	36	28	9–36	15	59	+		
3		135	22	65	1–14	30	24	7–27	24	40	+		
4		158	27	58	1–18	40	21	13–31	39	60	+		
5		160	27	90	11–12	25	31	7–32	42	26	+		
6		180	41	73	1–18	50	25	25–45	39	57	+		
7		160	34	67	8–15	45	28	15–35	36	55	+		
8		132	21	43	9–17	40	25	8–32	28	59	+		
9	Ивань	120	13	42	15	28	13	10–20	50	42			+
10		105	17	33	12	45	17	10–32	47	42			+
11		130	24	44	8–13	40	19	15–30	45	30			+
12		90	11	34	11	27	13	13–20	43	37			+
13	Лиски	165	17	75	18	18	13	5–20	37	33			+
14					20				45		+		
15					17				45				+
16					16				33				+
17	Милоград	155	21	58	10–17	45	23	11–27	38	50	+		
18		183	24	55	11–15	40	13	10–26	40	45	+		
19		171	31	71	11–18	45	25	15–27	37	50	+		
20	Моховское II	137	17	74	10–18	18	20	8–25	33	30	+		
21	Уваровичи	95	11	52	10–17	30	17	10–20	40	41	+		
22					11				35				+
23					18				90		+		+
24	Хильчицы				10				15			+	
25	Чаплин	200	30	70	10–27	43	18	8–26	73	40	+		
26		153	32	70	10–20	47	31	15–38	34	63		+	
27		140	34	63	12–20	58	26	16–40	33	68	+		
28					18				35		+		
29					20				37		+		
30	Ястребка				22				80			+	

Горошкове, но и в Хильчицах, Великой Солтановке, что уже отмечалось выше. Возможно, это явление было более широко распространенным, но коррозированные экземпляры не всегда позволяли установить такие факты.

Весьма важным критерием в оценке серпов являются углы резания у них. Они образованы радиусами из точки вращения серпа (А) и касательными к точкам на лезвии. Предельные параметры этих показателей по каждому орудию приведены в специальной таблице (табл. 14).

Графики, характеризующие изгибы лезвий, позволяют наглядно сравнивать рабочие качества каждого изделия, показывая их преимущества и недостатки (рис. 43–48). Чем плавнее кривая углов резания, тем легче работать таким орудием, усилия равномерно распределяются по всей кромке лезвия серпа. Если же вычерченная кривая углов резания достигает 50° либо близка к этому показателю, то конструкция изгиба клинка наиболее совершенная (Панаев, 1903, с. 1026; Левашова, 1956, с. 64–65). Исходя из таких оценочных показателей милоградские серпы

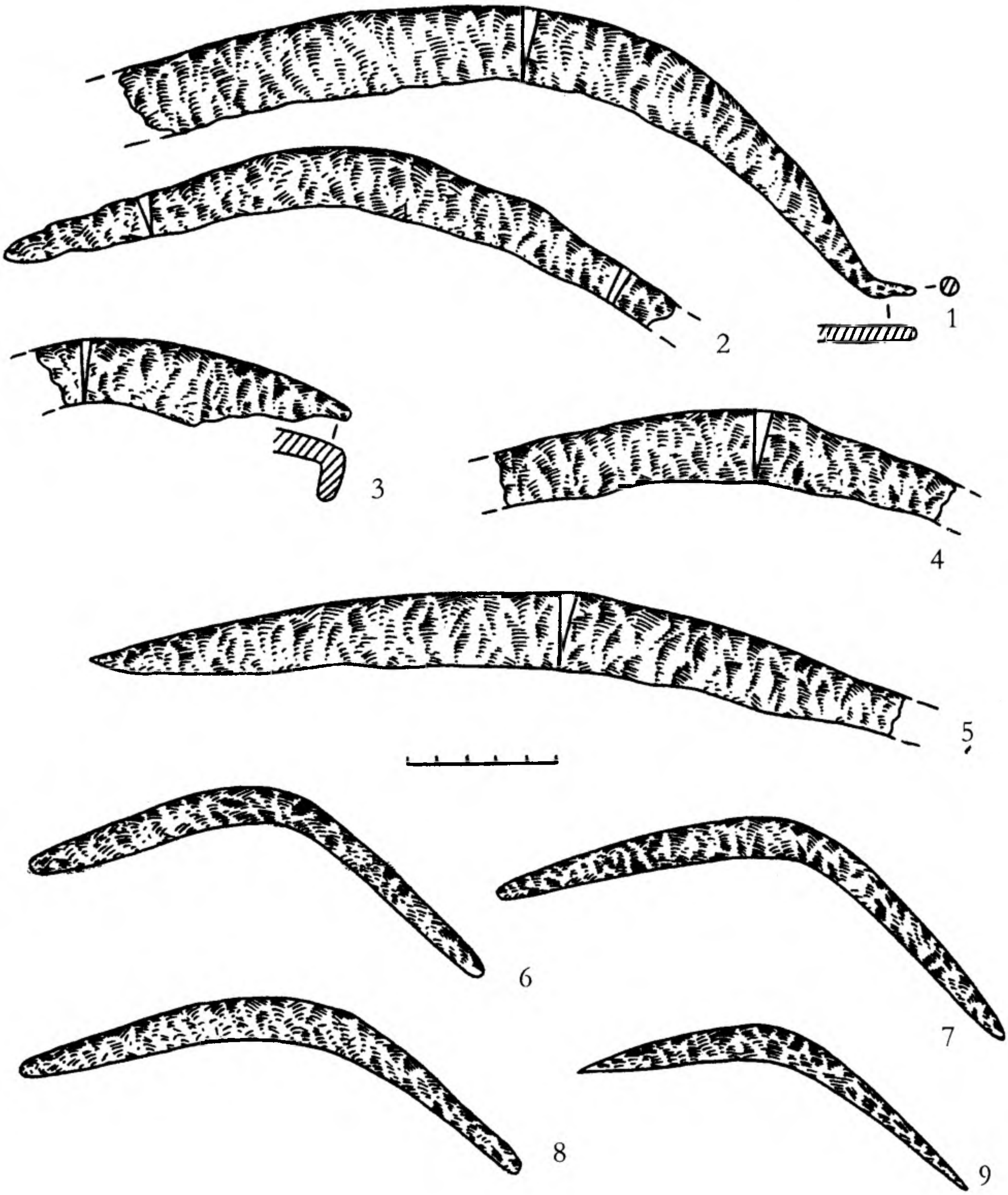

Рис. 42. Серпы с городищ Ястребка (1), Лиски (2 – 5), Ивань (6 – 9)

по своим конструктивным особенностям находятся на среднем уровне от максимально возможных значений (идеальных). Так, высота дуги у единичных серпов с Лисок — 20°, Моховского II — 25° и Уваровичей — 20°. У экземпляров с городища Ивань эти значения составляют только 20–32°. В то же время у орудий с памятников Приднепровья рассматриваемые показатели лучше: в Горошкове высота дуги 27–45°, в Милограде — 26–27° и в Чаплине — 26, 38 и 40°. Из всей коллекции только у трех серпов: одного — с клада в Горошкове и двух — с Чаплинского поселения — углы резания составляют соответственно 45, 38 и 40°, приближаясь к максимально возможным значениям (Краснов, 1971, рис. 45: 4, 5; 46: 1). У большинства орудий с Приднепровья углы резания находятся в пределах от 26–27° до 35–36°, а в Полесском регионе и Посожье эти показатели еще ниже. Следовательно, с этой точки зрения говорить о высоком совершенстве серпов у милоградского населения пока не приходится, что в какой-то мере противоречит данным Ю.А. Краснова (Краснов, 1971, с. 72).

На удобство работы серпом влияет и способ крепления его с рукоятью, как и положение последней по отношению к клинку. По характеру крепления серпов с рукоятью Ю.А. Краснов выделил четыре отдела: 1 — с отогнутым крючком или шпеньком; 2 — с кольцом или петлей в виде кольца; 3 — черенковые; 4 — без черенков, когда рукоять накладывалась на тыльную часть клинка (Краснов, 1971, с. 69). О.Н. Мельниковская отмечает, что у милоградского населения в употреблении были серпы с крючком, перпендикулярным плоскости лезвия — первого отдела, по Ю.А. Краснову (Мельниковская, 1967, с. 56). Изучение полесских памятников позволило автору выделить еще один способ крепления серпов с рукоятью — черенковый без выделенных уступов (Лашанкоў, 1999а, с. 50). Имеющиеся в распоряжении материалы позволяют отметить, что серпов со шпеньком насчитывается 19 экземпляров, причем один — с территории Украины. Шпенёк — крючковидное окончание черенка, отстает от плоскости лезвия на высоту 1–1,5 см. Он сужен, прямоугольный либо круглый в сечении. У одного из серпов с городища Уваровичи форма черенка отличается от описанной. Длина его 9 см. Он прямоугольный в сечении, толщиной 0,3 см, а ширина у лезвия — 1,5 см и у края — 0,9 см. Его окончание дуговидно загнуто под углом 125° к плоскости лезвия (рис. 39: 5). Серпы с черенками подобной формы ранее на милоградских памятниках не фиксировались. Подобные окончания имели аналогичные орудия у населения городища Кузина Гора в Курском Посеймье (Краснов, 1971, рис. 44). По-видимому, отсюда, с Лесостепного Левобережья Днепра, серпы с такой формой черенков проникали на территорию «милоградцев». Рассмотренная форма черенка-крюка у серпа с Уваровичского городища, как видим, существенно отличается от шпеньковой конструкции, которая доминировала у населения милоградской культуры. По сведениям А.М. Медведева, серпы со шпеньком на черенках зафиксированы и у «штриховиков», но они появились у них намного позднее, примерно в середине I тысячелетия н. э. (Медведев, 1996, с. 32–33, рис. 51: 2; 52; 53: 1). В отдел черенковых автор включает только 11 орудий (табл. 14). Серпы с черенковыми окончаниями без выделенных уступов выявлены на полесских и посожских памятниках, и только один из них — на Чаплинском городище в Приднепровье. У него черенок в форме крючка, отогнутого в сторону спинки (Третьяков, 1959, с. 141, рис. 13: 7). Обычно черенки прямоугольные в

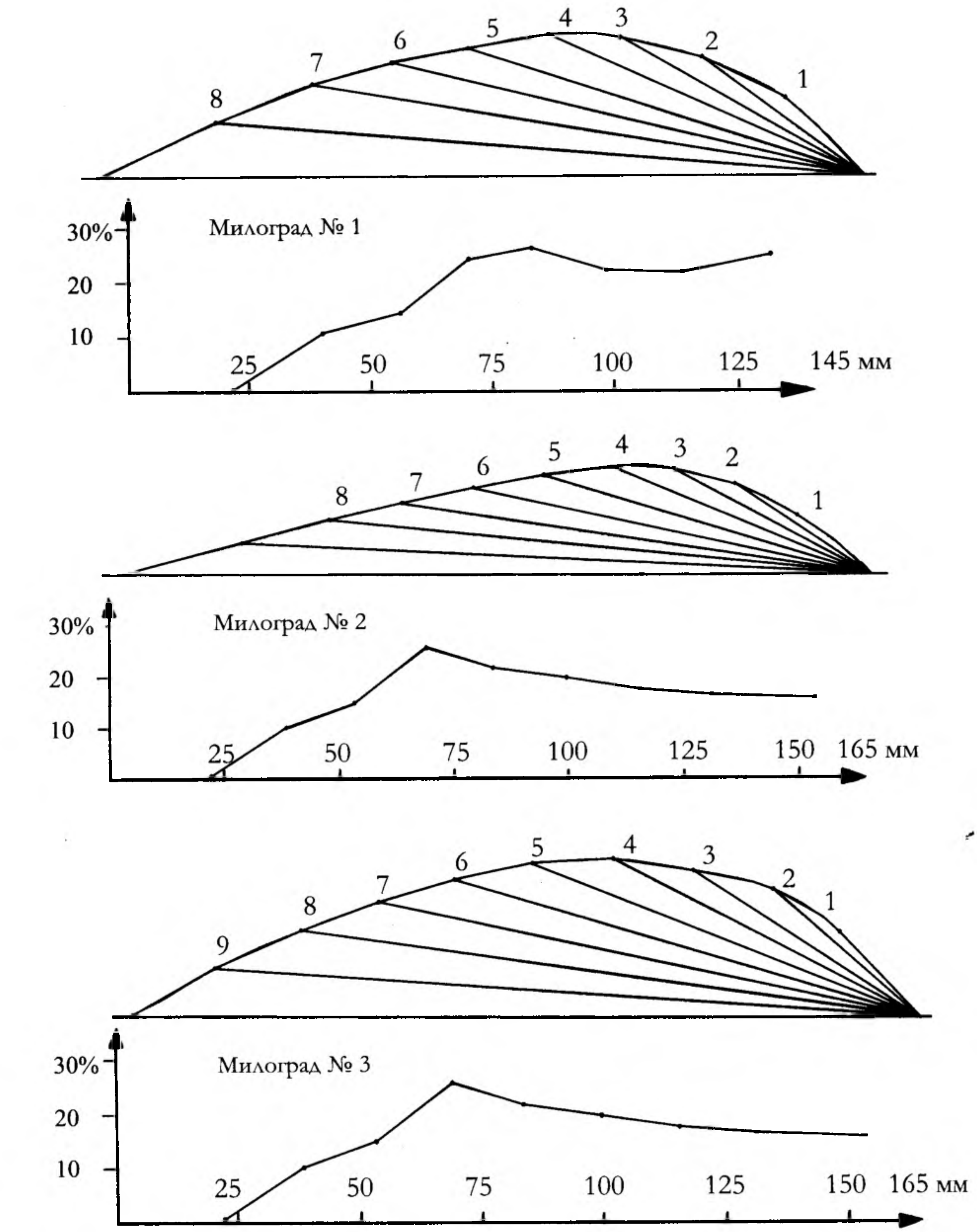

Рис. 43. Графики углов резания серпов с Милоградского городища

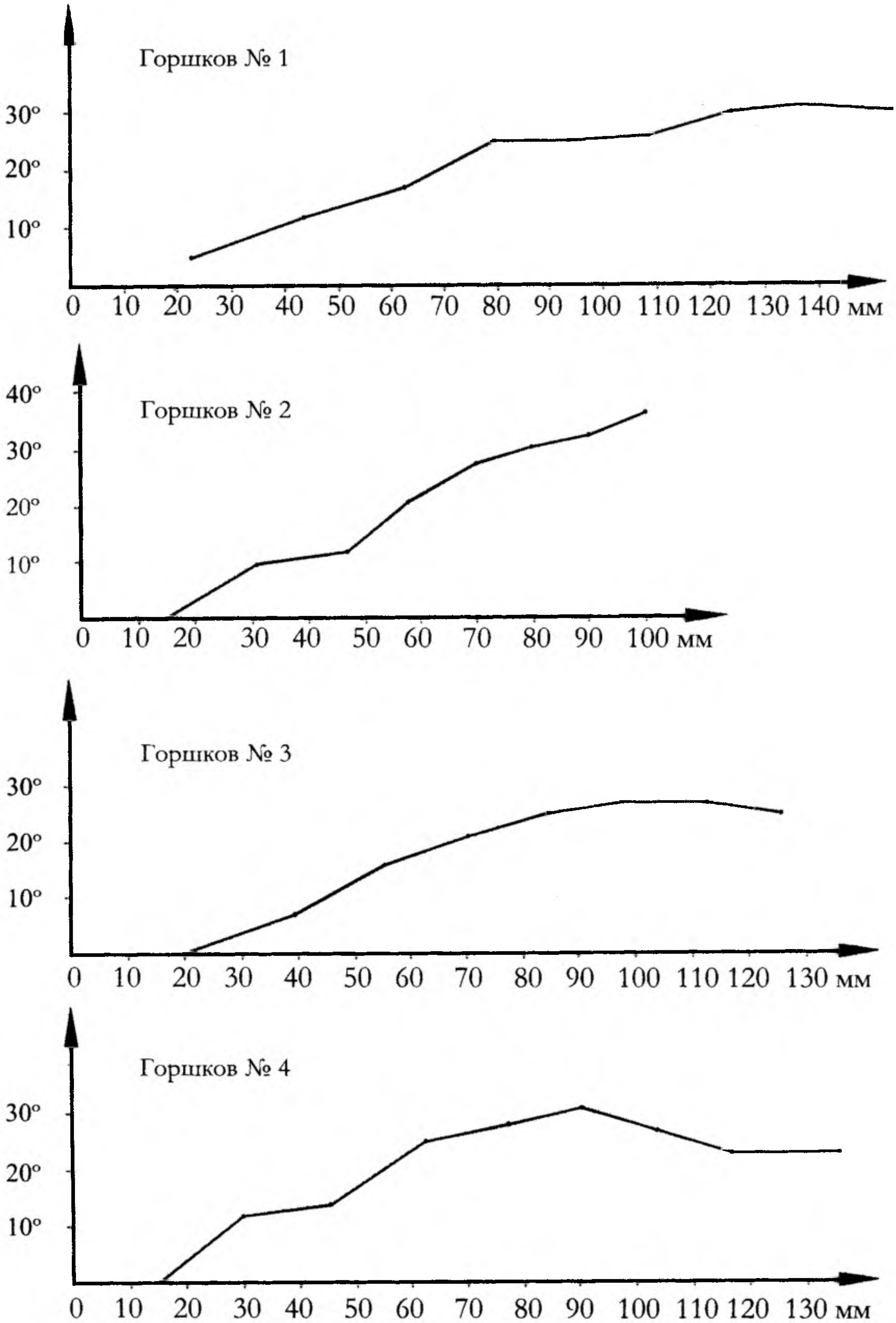

Рис. 44. Графики углов резания серпов с городища Горошков

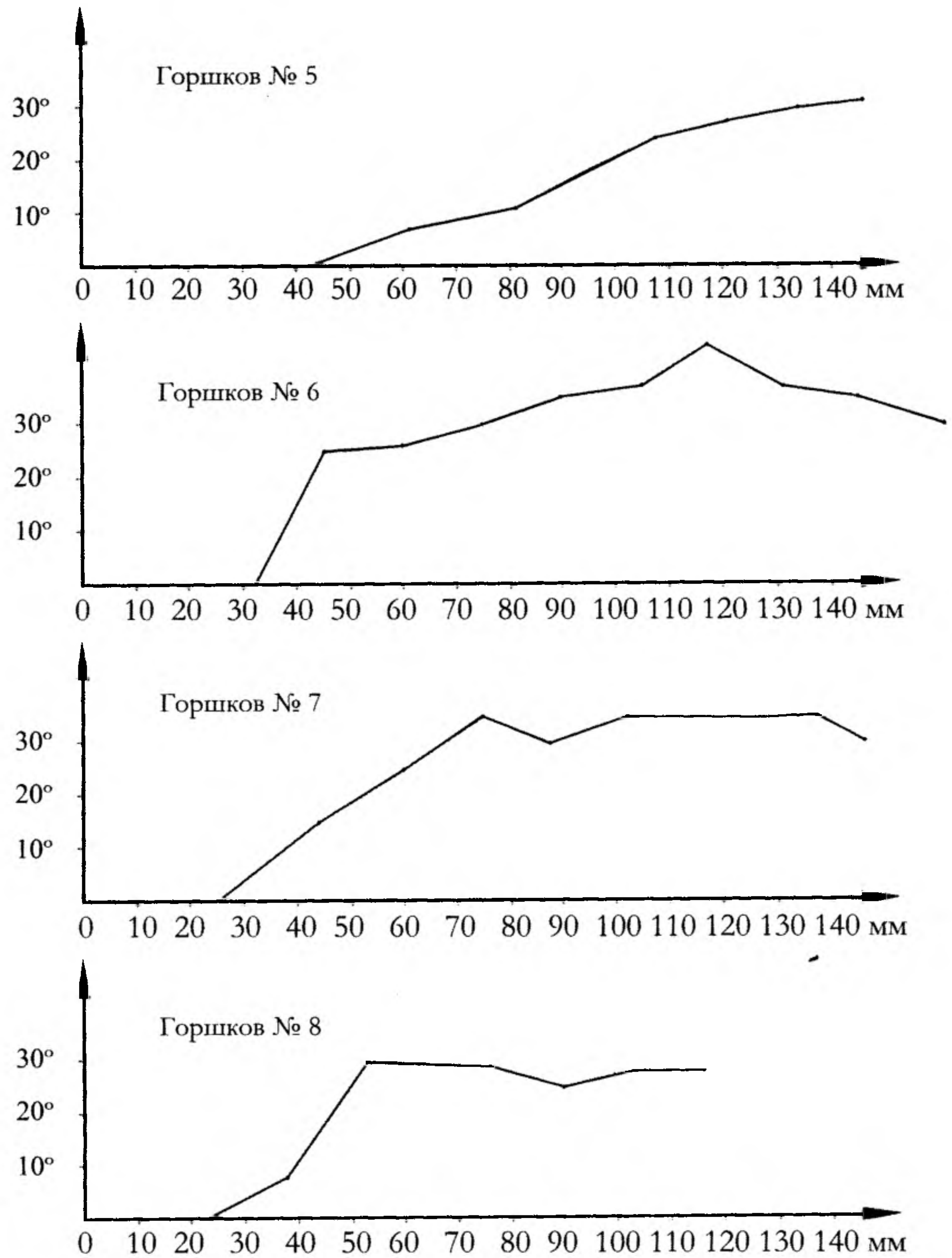
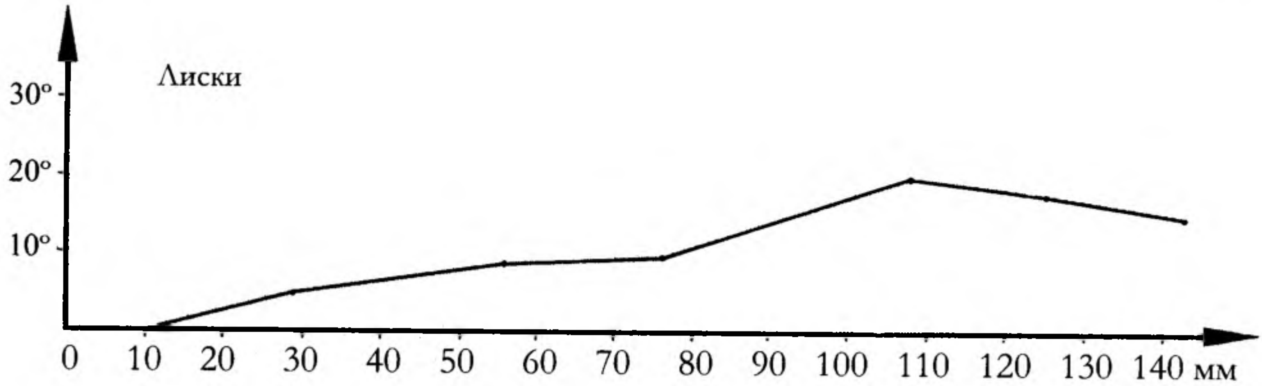
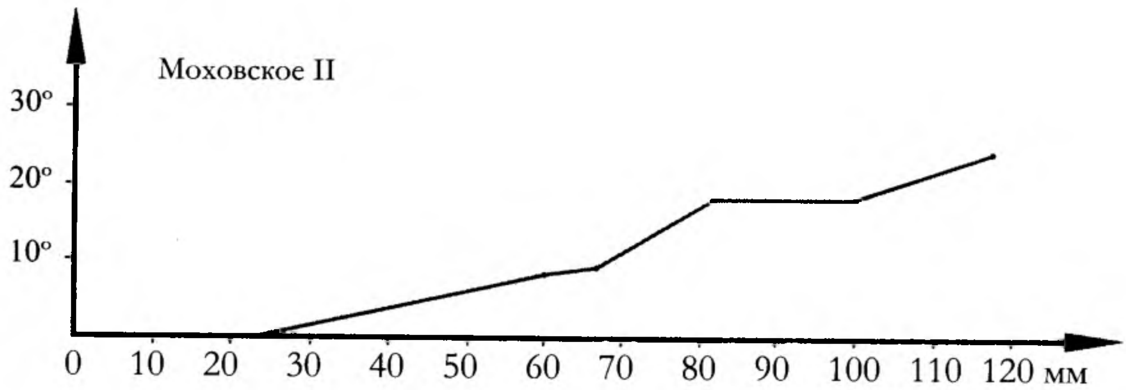

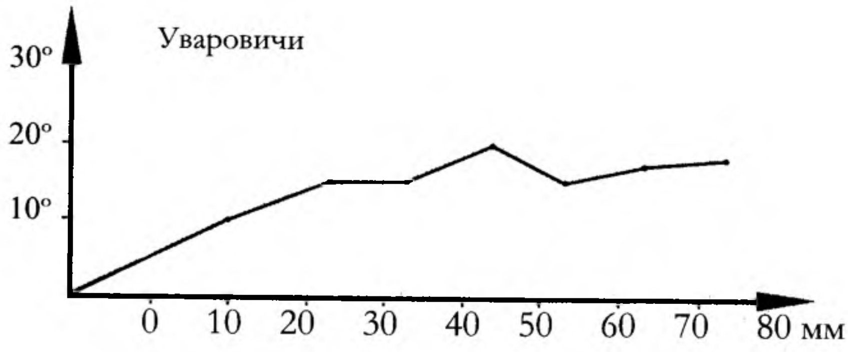
Рис. 45. Углы резания серпов с Горшковского городища

1

2

3

Рис. 46. Углы резания серпов с городищ Лиски, Моховское II, Уваровичи

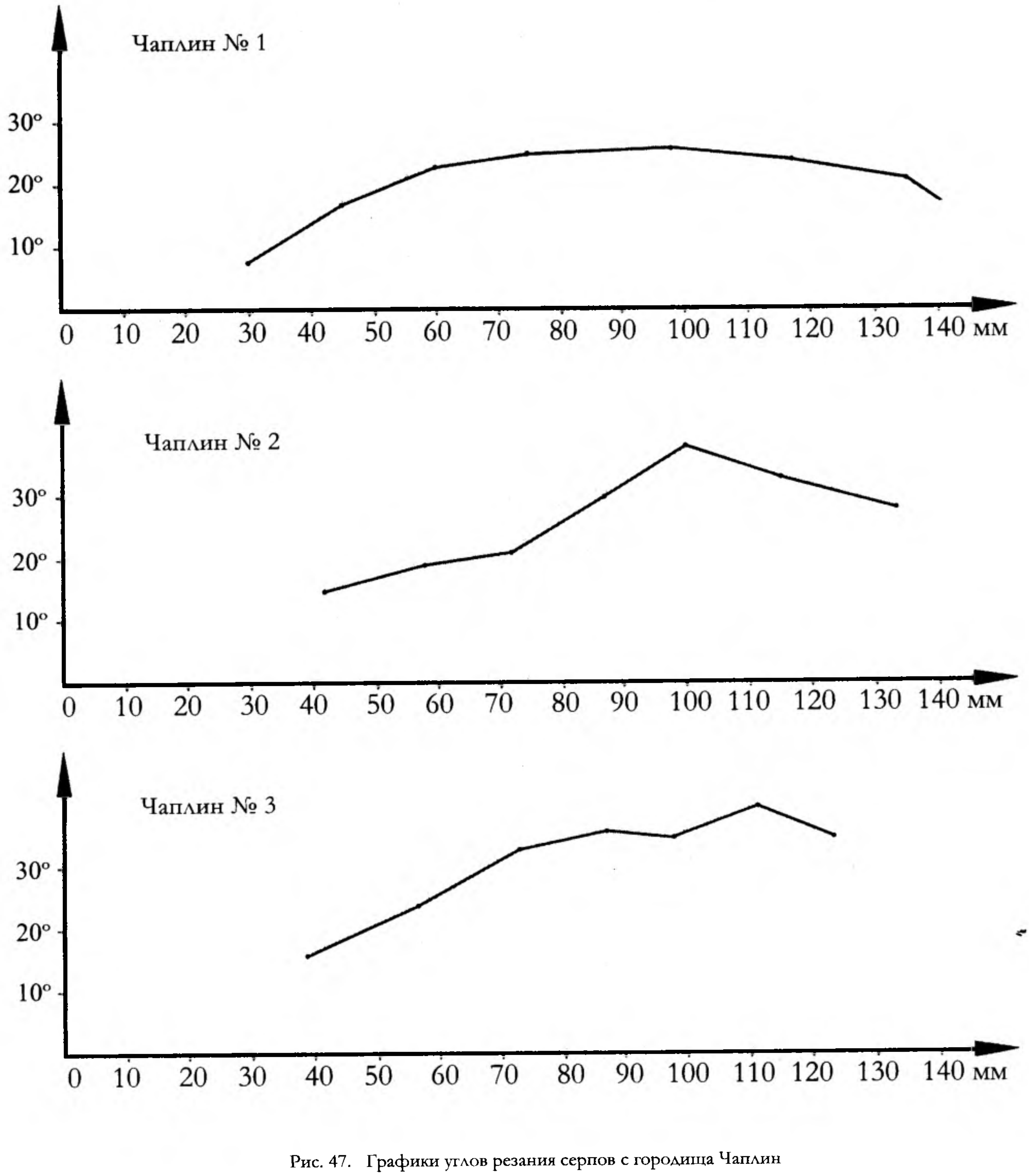

Рис. 47. Графики углов резания серпов с городища Чаплин

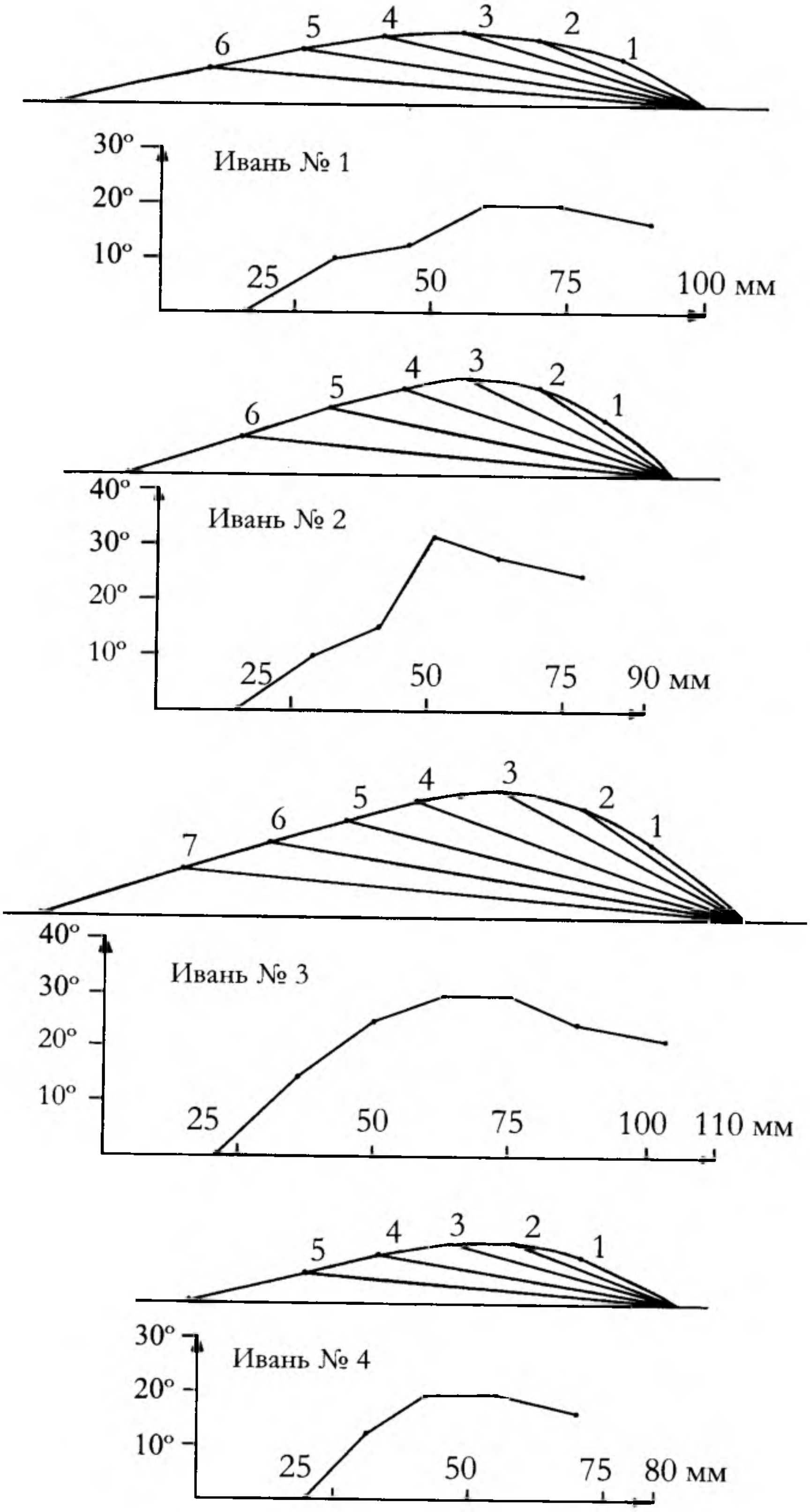

Рис. 48. Графики углов резания серпов с Иваньского городища

сечении, и окончания у них обрублены. У одного серпа с Иваньского городища конец черенка заострен (Егорейченко, 1996, рис. 30: 9). Длина черенков в среднем 3–4,5 см. Самая малая она у серпа с поселения Хильчицы — 1,5 см, а самая большая — у экземпляра с Ястребки — 8 см. У всех орудий третьего отдела черенки плавно опущены вниз от линии основания под углом 33–42°, и у серпа с Чаплина — на 63°. Серпы первого отдела также имеют черенки, опущенные ниже основания АВ. Степень загнутости у них составляет от 40 до 68°. Только у двух орудий — с городищ Горошков и Моховского второго — загнутость черенков составляет соответственно лишь 26 и 30°.

Очевидно, несколько иную функцию выполняли серповидные орудия с городища Лиски и селища Лемешевичи. Они выделяются формой изгиба клинка (рис. 39: 4; 42: 5) и несколько более тяжелым весом по сравнению с серпами. Лезвие у орудия с Лисок слабоизогнутое: высота дуги 1 см, и углы резания составляют лишь 7–10°. Длина основания 20 см, ширина клинка — 2,6 см. Окончание лезвия отогнуто в сторону спинки. Клинок постепенно переходит в черенок, окончание которого отломано. В черенке имеются два отверстия для крепления ручки с помощью заклепок (рис. III: 15). Утяжеленный вес орудия и слабая изогнутость лезвия, по-видимому, исключали возможность работать им, как серпом. Есть основания полагать, что это косарь. Им производили заготовку кормов, сбивая тростник, мелкие ветви кустарника и т.д. Весьма схожее орудие выявлено Л.Д. Поболем на Чаплинском городище, которое автор раскопок предположительно отнес к боевым ножам (Поболь, 1971, с. 32, рис. 19: 1).

В целом же серпы с милоградских памятников имеют южный облик. Они находят широкие аналогии у населения лесостепной полосы Восточной Европы. Рабочие свойства серпов определялись не только формой, пропорциями и размерами орудий, они зависели также и от качества металла, из которого сделаны, о чем будет сказано ниже.

Ножи. Собранная за время раскопок коллекция железных ножей на милоградских памятниках Беларуси насчитывает 77 единиц. Примечательно, что большинство рассматриваемых орудий происходит с однослойных поселений. Исключение составляют лишь немногие городища (Уваровичи, Холопеничи, Чечерск, Чаплин), где есть и зарубинецкие отложения (Дробушевский, 1991, с. 28; он же, 1995, с. 91; Егорейченко, 1996, с. 25–26; Третьяков, 1959, с. 151). Ножи хорошо учтены на памятниках Нижнего Посожья и Полесья (табл. 15).

В Приднепровском регионе учет носит приблизительный характер, так как О.Н. Мельниковская указывает только целые экземпляры, а о количестве фрагментированных изделий не сообщает (Мельниковская, 1967, с. 60). Для характеристики рассматриваемых орудий автор пользовался как целыми экземплярами, которые составляют половину учтенных находок, так и теми, у которых имелись лишь немного поврежденные участки, не влиявшие на их формы. Всего 51 экземпляр. Примерно третья часть всей коллекции имела плохую сохранность: от одних остались рабочие окончания носовых частей; от других — черенки с лезвиями и черенки, а от третьих — только невыразительные фрагменты лезвий.

Промеры показали, что длина милоградских ножей — в пределах 7–17 см, но чаще около 10–13 см. Ширина лезвий у них 1–1,6 см. Максимальное расширение клинков приходится обычно на середину длины лезвия и лишь изредка — на край около ручки. В последнем случае, как у ножей с городищ Уза, Уваровичи, Холопеничи (рис. 49: 3, 4; 50: 11), лезвие постепенно расширяется, увеличиваясь от начала клинка до рукояти, где оно уже имеет максимальную величину.

Таблица 15

Ножи населения милоградской культуры

Памятники	Типы			Обломки	Всего
	I	II	III		
Ленино				1	**1**
Любны				1	**1**
Подгорье	1	4	2	4	**11**
Присно II	1		1	1	**3**
Уваровичи	2	4	2	14	**22**
Уза		1			**1**
Чечерск		1			**1**
Посожье – 40	**4**	**10**	**5**	**21**	
Дубой		1			**1**
Ивань	1	2		1	**4**
Лиски	1	8	2	1	**12**
Холопеничи		1			**1**
Хоромск				2	**2**
Полесье – 20	**2**	**12**	**2**	**4**	
Асаревичи*	1				**1**
Горошков*	2	4	2		**8**
Отрубы		1		1	**2**
Чаплин*		4	2		**6**
Приднепровье – 17	**3**	**9**	**4**	**1**	
ВСЕГО:	**9**	**31**	**11**	**26**	**77**

* Сведения неполные

Линия лезвия дугообразно опускается вниз, образуя пяточный выступ, с вершины которого начинается плавный уступ в сторону черенка. Длина черенков 2,5–5 см. Они составляют третью либо четвертую часть изделий. Различаются два их вида. У одних ножей клинок лезвия плавно переходит в постепенно сужающийся черенок (рис. 49: 6; 50: 4–6, 10). У других он выделен уступом со стороны лезвия (рис. 49: 3–5; 50: 1–3, 11). По степени изогнутости клинков ножи у «милоградцев» делятся на слабоизогнутые и с высоко выгнутой (горбатой) спинкой. Последние по размерам короткие, их общая длина не превышает 10 см. Вершина дуги у них может быть не на середине общей длины, а смещена в одну из сторон, как это установлено О.Н. Мельниковской (Мельниковская, 1967, с. 61).

Типология ножей раннего железного века разработана и предложена Б.Н. Граковым в середине 50-х годов прошлого века. На материалах Каменского городища он выделил пять типов орудий (Граков, 1954, с. 110–111, табл. XIII: 1–5). В середине 60-х годов Б.А. Шрамко дал общую характеристику всех ножей, которые были выявлены на поселениях и в захоронениях у населения Лесостепной Скифии. В ней исследователь выделяет пять групп рассматриваемых изделий: 1 — с деревянными ручками; 2 — с костяными; 3 — с железными; 4 — специализированные хозяйственные ножи; 5 — бронзовые жертвенные кинжалоподобные ножи (Шрамко, 1965, с. 137–151). В первых трех группах им вычленены еще соответственно четыре, три и пять типов ножей. Систематизация этих орудий Б.А. Шрамко представляется непоследовательной. Она основана не на формах изделий, как у Б.Н. Гракова, а на второстепенных деталях в них. Например, из какого материала сделаны ручки, затем и сами ножи и, наконец, учитывается еще их функциональная размежеванность на хозяйственные и жертвенные. Основываясь на значимых элементах форм у изучаемых

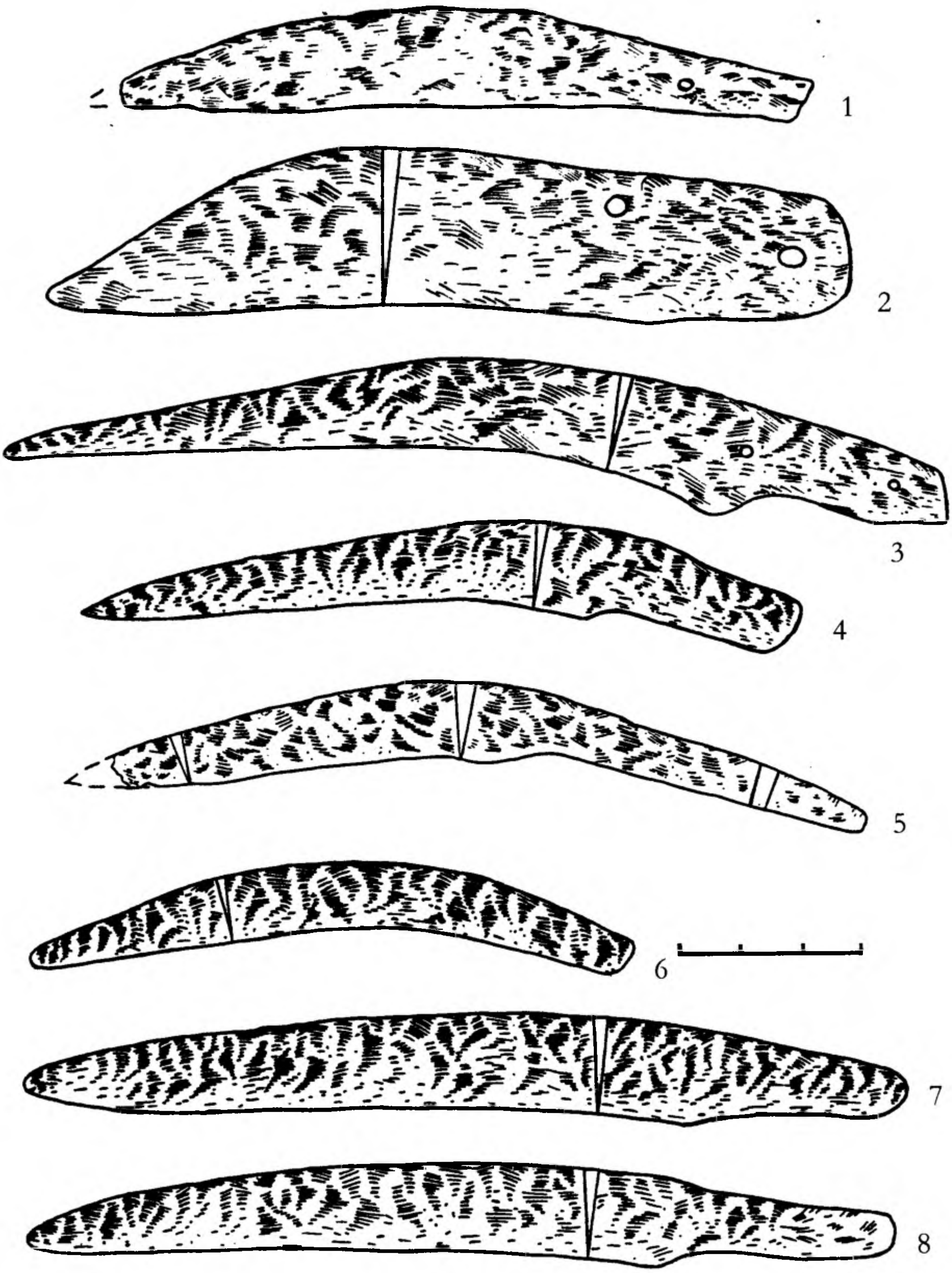

Рис. 49. Ножи с милогадских городищ
(1, 6 — Горошков, 2, 7 — Присно, 3 — Уза, 4 — Уваровичи, 5 — Отрубы, 8 — Подгорье)

орудий и их размерах, автор выделил три типа ножей у населения милоградской культуры (Лашанкоў, 1999а, с. 51, мал. 27: 1–6), речь о которых пойдет ниже.

Первый тип ножей характеризуется изогнутой (горбатой) спинкой и прямым лезвием (по Б.Н. Гракову). Их форма как бы повторяет сегмент (рис. 49: 1; 50: 6). Начала клинков имеют острые углы. Черенок не выделен. В нем есть отверстия для креплений ручек с помощью заклепок. В нашей коллекции девять ножей сегментовидной формы (18 %). Они происходят с городищ Асаревичи (1), Горошков (2), Ивань (1), Лиски (1), Подгорье (1), Присно (1) и Уваровичи (2). Среди них выделяется нож с поселения Присно II (рис. 49: 2). У него широкое лезвие — 2,7 см при общей длине орудия 13,5 см. Ножи с такой шириной клинка — явление редкое в круге рассматриваемых древностей.

У ножей первого типа необходимо выделить один вариант. Обычно у сегментовидных орудий линии лезвия и черенка находятся на одной прямой. Принципиальное отличие варианта в том, что прямое лезвие заканчивается едва заметным уступом (рис. 49: 2) в сторону спинки под углом 25–30°, выделяя таким образом черенок (рис. 50: 6). Имеются всего два ножа такой формы. Они обнаружены на городищах Ивань и Подгорье. Орудия варианта с выделенным черенком относятся к раннему периоду — VI — V вв. до н. э. в скифских древностях Поднепровья (Галанина, 1977, с. 42, табл. 22: 13) и у населения милоградской культуры.

В целом нельзя не отметить, что ножи первого типа являются наиболее архаичными изделиями среди таких орудий на территории Беларуси. Ножи подобной формы бытовали на территории Украины с раннескифского времени — с середины VII — первой половины VI в. до н. э. Они являются обязательной принадлежностью погребального инвентаря в скифских курганах VII–IV вв. до н. э.: во втором погребении Хоминой Могилы; во втором погребении кургана № 3 у с. Богдановка; в первом и втором погребениях кургана № 1 второй группы у села Первомаевка, а также четвертом и пятом погребениях кургана № 4; на Днепропетровщине (Страшная могила, курган № 1); в курганах № 35 Бобрица и № 425 Журовка (Мозолевский, 1973, с. 227, 234, рис. 34: 14; Битковский, 1987, с. 79–80, рис. 7: 1; Евдокимов, 1987, с. 93, 105, 107, рис. 3: 3, 7; 9: 1; 17: 2, 7; Скифские курганы Никопольщины, 1973, с. 136, рис. 19: 14; 53: 17; Памятники скифской эпохи..., 1989, с. 58, 60, 86–87, 260–261, 318–319, рис. 11: 3; 27: 22, табл. 4). Шесть ножей этого типа отмечал Б.Н. Граков в царском кургане Чертомлык, который датируется IV в. до н. э. (Граков, 1954. с. 110; Ильинская, 1986а, с. 73–74, 77–79). Известны они в курганах IV в. до н. э. Ерковцы на Киевщине (Мозолевский, 1975, с. 215, рис. 2: 12).

На Каменском городище, которое датируется концом V — началом III в. до н. э., их найдено 19 экземпляров (Граков, 1954, с. 110; Ильинская, 1986а, с. 87–88). В Лесостепном Левобережье аналогичные находки есть среди материалов городищ Бельское и Люботинское. На первом их находили в укреплении, в жилище и в постройке для скота, где они датируются также VII–VI вв. до н. э. (Шрамко, 1975, с. 100–107; он же, 1987, с. 27, 62, 66, рис. 17: 3; 23: 8; 25: 3). На Люботинском поселении — в усадьбе № 9, которая датируется не позднее V в. до н. э. (Шрамко, 1998, с. 76, рис. 31: 7). На Марицком городище VI–V вв. до н. э. в Посеймье таких ножей семь экземпляров (Пузикова, 1981, с. 71, рис. 37: 1–4). Именно в отмеченное раннее время ножи рассматриваемой сегментовидной

формы появляются у населения милоградской культуры в результате заимствований у лесостепных племен. У «милоградцев» такие ножи имели ограниченное распространение, и датировать их следует по многочисленным аналогиям с середины VII по IV в. до н. э. Нож рассматриваемого типа на поселении Таценки VII, что на Украине, так же относится к раннемилоградскому времени — VII–VI вв. до н. э. (Квитницкий, 2009, с. 263, рис. 3:10). На позднем этапе, примерно с конца IV — III в. до н. э. ножей рассмотренной формы уже нет в употреблении у людей милоградской общности.

Данный тип орудий отсутствует и у зарубинецкого населения, хотя ножи были частыми находками на памятниках. Исследователи не отмечали среди них рассматриваемую форму. Так, П.Н. Третьяков, характеризуя ножи у «зарубинцев», отмечал один тип — с горбатой спинкой (Третьяков, 1959, с. 138, 140, рис. 12: 1–6). Такой же точки зрения придерживался и Ю.В. Кухаренко, обобщая зарубинецкие древности в первой половине 60-х годов XX в. (Кухаренко, 1964, с. 41, табл. 19: 2, 9, 10). В начале 70-х годов у населения Верхнего Приднепровья Л.Д. Поболь различает уже два вида ножей — с горбатой и прямой спинками (Поболь, 1971, с. 32, 122, 127, рис. 19: 10–22; 65; 66). Е.В. Максимов, рассматривая зарубинецкие древности на территории Украины, в Среднем Поднепровье, выделил в начале 70-х годов два типа ножей: с горбатой спинкой и прямой (Максимов, 1972, с. 79, табл. XXVIII: 4, 5; он же, 1982, с. 55, табл. XI: 7, 9; он же, 1986, с. 25, рис. 3: 7, 14). Такая точка зрения на эти орудия существует и по настоящее время (Максимов, 1993, с. 28; Егарэйчанка, 1999а, с. 250). Обязательно следует подчеркнуть, что ножи с выгнутой спинкой у населения зарубинецкой культуры имеют, как правило, еще и вогнутое лезвие, чем существенно отличаются от подобных изделий первого типа у милоградского населения.

Второй тип — ножи с выгнутой спинкой и вогнутым лезвием (по Б.Н. Гракову), так называемые серповидные. Вершина дуги лезвия у них выше 0,4–0,5 см прямой линии основания. Линии спинки клинка и черенка образуют правильную дугу (рис. 49: 6; 50: 5). Черенок не выделен. Начало клинков закругленное. У данного типа орудий следует выделить один вариант, как и у ножей первого типа. Разновидностью варианта являются изделия с выделенным черенком. Он оформлен плавным уступом со стороны лезвия (рис. 49: 4, 8; 50: 1–3). К этому варианту относится большинство из рассматриваемых ножей (60 %). Они обнаружены на нижеследу-ющих памятниках: Горошков (4), Дубой (1), Ивань (2), Лиски (8), Отрубы (рис. VI: 42), Подгорье (4), Уваровичи (4), Уза (1), Холопеничи (1), Чаплин (4). На украинских памятниках этой же культуры подобные изделия зафиксированы пока только на поселении Подгорцы в количестве трех экземпляров (Даниленко, 1953, с. 202, табл. I: 18а, 18б; он же, 1956, с. 8, табл. II: 39, 40; Петровська, 1971, с. 13, рис. 3: 3). В раннем железном веке данная форма орудий получила широкое распространение не только у изучаемого населения, но и у разных племен лесной и лесостепной полосы Восточной Европы. Они есть у населения штрихованной керамики, днепро-двинской, юхновской, дьяковской, зарубинецкой культур и у племен Лесостепи, что избавляет автора от необходимости приводить многочисленные аналогии. Время бытования их у вышеперечисленных культурных общностей лесной полосы разное. Исследователи обычно связывают ножи с «горбатой» спинкой именно с ранними периодами у «штриховиков», «днепро-двинцев»,

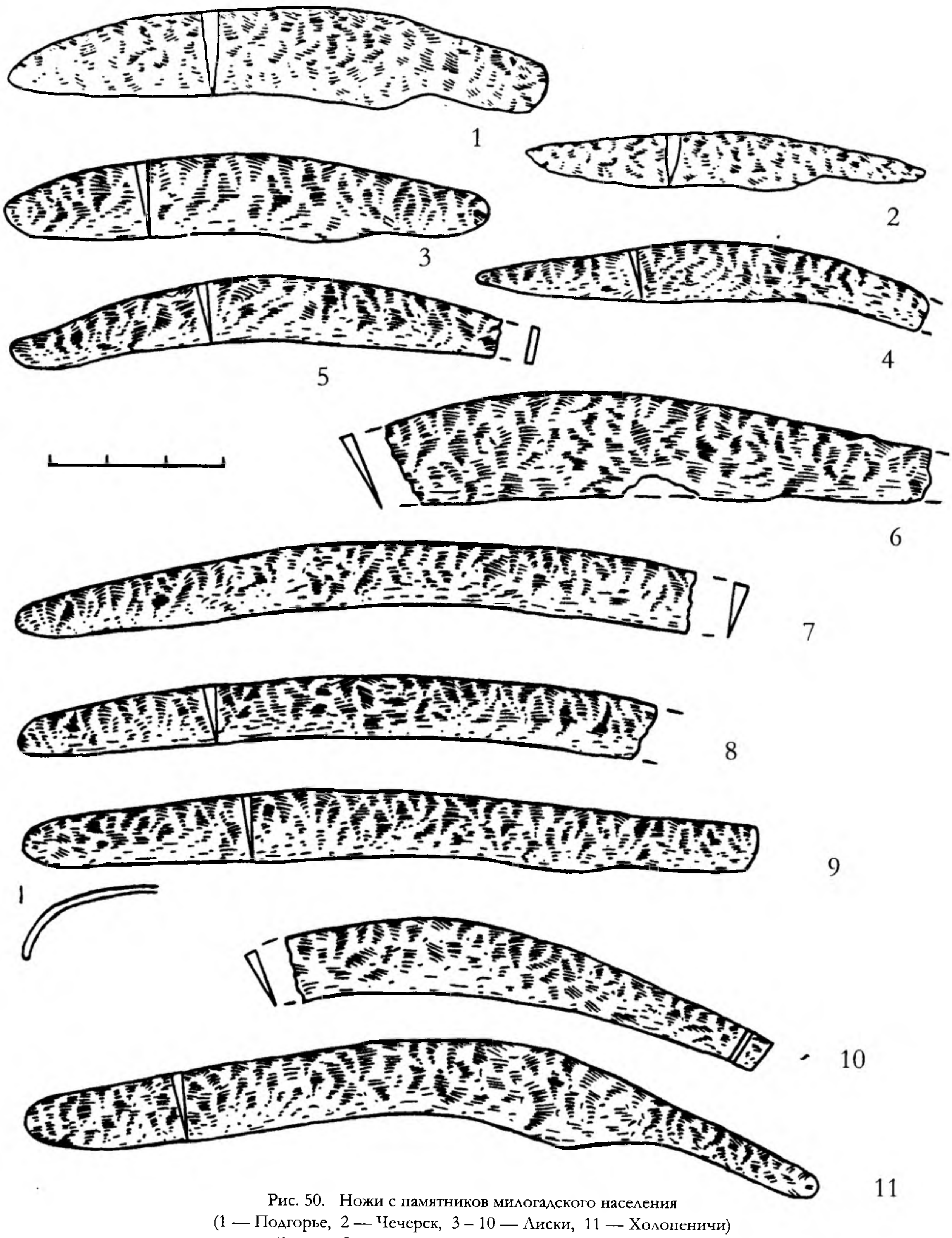

Рис. 50. Ножи с памятников милогадского населения
(1 — Подгорье, 2 — Чечерск, 3 – 10 — Лиски, 11 — Холопеничи)
(1 — по С.Е. Рассадину, 2 — по И.М. Чернявскому)

«юхновцев», «дьяковцев», «зарубинцев». У племен милоградской культуры ножи такой формы были на протяжении всего времени — с VII по III в. до н. э., как и у населения лесостепного региона. В связи с этим необходимо отметить следующую тенденцию. Рассматриваемая форма железных ножей, получившая изначальное распространение в лесостепной зоне, постепенно проникала с юга на север, в зону лесной полосы, где у местных кузнецов находила свои варианты исполнения (есть отличия в размерах, мелких деталях формы, пропорциях клинов и черенков). В целом же эта форма ножей находилась в употреблении различных древних коллективов примерно с VII в. до н. э. по I в. н. э. включительно.

Третий тип ножей имеет слабоизогнутую форму клинка (спинка чуть-чуть выгнута, а лезвие еле заметно вогнуто) и более длинные размеры (рис. 49: 7, 8). Высота спинки не превышает 0,4–0,5 см. Длина лезвий не менее 11,5–12 см. Носовая часть у них закруглена. Черенки короткие — 3,5–4 см. Они составляют четвертую либо пятую часть общей длины орудий. У двух экземпляров с городища Лиски черенки обломаны (рис. 50: 7, 8). У целых ножей они выделены плавным уступом со стороны лезвия (рис. 49: 7, 8). У черенков нет отверстий для заклепок, а края закруглены. Известно одиннадцать ножей этого типа (22 %). Они происходят с поселений Горошков (2), Лиски (2), Подгорье (2), Присно (1), Уваровичи (2), Чаплин (2). Находки их на шести памятниках говорят об ограниченном распространении на территории «милоградцев». Аналогии изделиям этого типа имеются на памятниках Право- и Левобережной Днепровской Лесостепи, где они использовались в ранне- и среднескифское время — с VII по V в. до н. э. (Памятники скифской эпохи..., 1989, с. 60, 86–87, рис. 11: 15; 27: 19; Пузикова, 1981, рис. 37: 12; Моруженко, 1988. с. 36. рис. 4: 2, 4. 5). У населения милоградской культуры форма ножей с удлиненным лезвием применялась, надо полагать, также в VII–V вв. до н. э., как, по-видимому, и у «юхновцев». У племен более северных культур лесной полосы ножей рассматриваемой формы нет, как в последующем и у зарубинецкого населения. У них появляются изделия с прямой спинкой клинка и прямым либо слегка выгнутым лезвием, чем, собственно, они и отличаются от охарактеризованных выше милоградских ножей. Изучаемому милоградскому населению ножи с прямой спинкой не свойственны.

Таким образом, среди выделенных автором трех типов железных ножей у племен милоградской культуры первый и третий являлись орудиями наиболее ранних форм. Они имели ограниченное распространение не только во времени, но и на территории проживания милоградских общинников. Доминировали же у них ножи второго типа — серповидные.

Иглы и шилья. Изделий мелкого бытового инвентаря — игл и шильев в процессе раскопок обнаружено мало. Игл найдено около 30 экземпляров (табл. 16). По одной они зафиксированы на поселениях Присно II, Подгорье (рис. 51:3), Хильчицы (рис. 51: 4) (табл. 16). На Лисковском городище — две (рис. 51: 1, 2). В коллекции есть еще две бронзовые иглы. Одна, с поселения Хильчицы сохранилась, с отломанной верхней частью (рис. 51: 4). Ее длина 6 см при толщине около излома 0,2 см. Другая происходит с Уваровичей. Она целая, длиной 9,5 см. Толщина ближе к ушку 0,2 см. У обоих игл стержни круглые и к концу острия постепенно утоньшаются.

В области ушка стержни слегка расклепаны, а верхний край у них закруглен. Отверстия для нитей каплевидной формы около 0,3 см. Эти две бронзовые иглы обнаружены в деформированном виде. Еще одно такое орудие длиной 6 см отмечает О.Н. Мельниковская в Приднепровье (Мельниковская, 1967, с. 62, рис. 24: 6).

Если бронзовых три иглы, то железных намного больше — 25 штук без региона Приднепровья. В Посожье на городище Уваровичи в толще культурного слоя шестого раскопочного пласта А.И. Дробушевский нашел скопление спекшихся железных игл (более 20 штук) с сохранившимся отпечатком ткани, в которую они были завернуты (Дробушевский, 1993, д. 1482). Обнаружены они, как и фрагмент глиняного грузила, среди россыпи камней. В коллекции железных изделий целых экземпляров нет. У них не сохранились в большинстве случаев верхние (Лиски, Подгорье) либо нижние (Присно II) окончания (рис. 51: 1–4). Длина неполных орудий 4–6,6 см. Стержни в сечении круглые с наибольшим утолщением 0,25–0,3 см. В области ушка они расклепаны и прямоугольные, как у экземпляров с Лисок. У иглы с городища Присно II ушко оформлено загибом утонченного окончания на 360° к стержню. Отверстие для нити щелевидное размером 0,15 × 0,7 см. Как видим, иглы у милоградского населения были тонкие, небольшой длины и предназначались для работы с тонкими нитями.

Весьма необходимыми орудиями в повседневной жизни обитателей милоградских поселений были шилья (табл. 16). Они использовались в шорных работах и при пошиве одежды из меха и других плотных материалов. Практическое применение их могло быть и более разнообразным. Сделаны

Таблица 16

Иглы и шилья с милоградских памятников

	Лиски	Отрубы	Подгорье	Присно II	Уваровичи	Хильчицы	Шепотовичи	**ВСЕГО**
Иглы	2		1	1	2 / 20	1		**27**
Шилья	1	1	5	1	4		1	**13**

эти несложные орудия местными кузнецами из кричного железа. Стержни у них в сечении круглые, а рабочие концы заострены. В области насада черенки расклепаны и имеют прямоугольное сечение (рис. 51: 6, 12–18). Длина экземпляров с городищ Лиски — 6,2 см, Отрубы — 6,5 см, Подгорья — 5,2; 6,5; 8,5; 8,8; 9,7 см. Отметим, что шилья с памятников Приднепровья имели длину от 5 до 18 см (Мельниковская, 1967, с. 62). В Полесье и Посожье их выявлено 13 единиц (табл. 16). Среди них одно бронзовое с городища Присно II, которое автор раскопок С.Е. Рассадин зафиксировал как «острие». Рассматриваемые орудия имелись не только у милоградских племен, но и у населения других археологических культур (Митрофанов, 1978, с. 38; Медведев, 1996, с. 33–34, рис. 58: 2–9; Шадыро, 1985, с. 59–60, рис. 36: 1–6; Шмидт, 1992, с. 84, табл. 17: 9–14; Дубынин, 1970, с. 31, 49, табл. 15: 1–14; Смирнов, 1974, с. 43, табл. IV: 7, 8, 11; Моруженко, 1988, с. 38, рис. 5: 6–10, 13–15).

Бритвы. В милоградских древностях предметы личной гигиены — бритвы являются редкими находками. Исследователями они отмечены на трех памятниках. Одна происходит с грунтового могильника Асаревичи, как подъемный материал (Мельниковская, 1967, с. 61–62, рис. 23: 3). Другая выявлена С.Е. Рассадиным в культурном слое городища Подгорье в 1983 г. (рис. 51: 9). Третья зафиксирована на многослойном селище Лемешевичи (Вергей, 1994, с. 140). Лучшую сохранность имеет экземпляр с

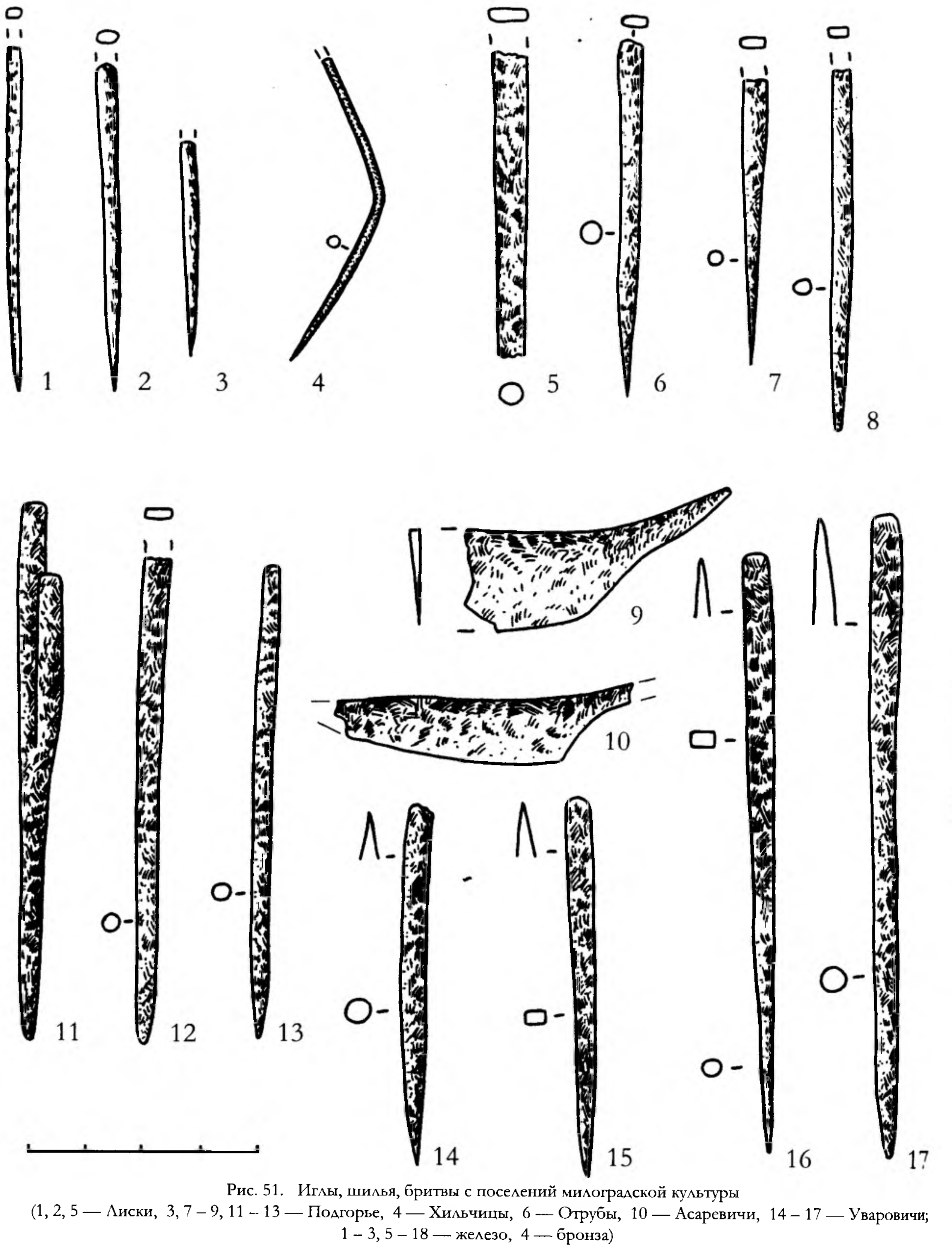

Рис. 51. Иглы, шилья, бритвы с поселений милоградской культуры
(1, 2, 5 — Лиски, 3, 7 – 9, 11 – 13 — Подгорье, 4 — Хильчицы, 6 — Отрубы, 10 — Асаревичи, 14 – 17 — Уваровичи;
1 – 3, 5 – 18 — железо, 4 — бронза)

Асаревичского могильника. У этой бритвы утрачены окончания. Длина ее около 5,5 см при ширине лезвия 1,1 см (рис. 51: 10). Все рассматриваемые бритвы железные. Они имеют вогнутую спинку и выгнутое лезвие. Черенки у них выделены уступами со стороны лезвий. Экземпляр с селища Лемешевичи сохранился в длину на 5 см. Изделие представлено окончанием: фрагментом лезвия (2,5 см) и черенка (2,5 см). На городище Подгорье также не целый предмет, а окончание его длиной более 4,5 см. У этой бритвы ширина лезвия 1,7 см (Лашанкоў, 1999а, мал. 28: 1). По аналогиям с латенскими бритвами О.Н. Мельниковская продатировала асаревичскую концом V — началом III в. до н. э. Автор предложил находку с Подгорья датировать IV–III вв. до н. э., но С.Е. Рассадин возразил, соотнеся ее с днепро-двинскими начала нашей эры (Лашанкоў, 1999а, с. 52; Рассадин, 2008, с. 264–265). Рассматриваемые бритвы появились у «милоградцев», как полагает автор, в результате заимствований их у кельтского населения Центральной Европы. Вслед за латенскими образцами бронзовых браслетов, фибул, железных топоров-кельтов бритвы попадают в обиход к милоградским общинникам на позднем этапе культуры, примерно с IV в. до н. э. (Монгайт, 1974, с. 255; Бидзиля, 1993, с. 81, 82, 83). В позднелатенское время они зафиксированы у племен культуры штрихованной керамики на городищах Банцеровщина, Лабенщина, Петровичи (Митрофанов, 1978, с. 35, рис. 20: 24; Лашанкоў, 1994а, с. 123). Несколько чаще они отмечались исследователями на памятниках днепро-двинской культуры: Барсуки, Бураково, Демидовка, Самсонцы, Холмец (Шадыро, 1985, с. 61, 62, рис. 40: 8, 9; Шмидт, 1992, с. 85, табл. 29: 7–12).

3. Вооружение и предметы конского снаряжения

Предметов вооружения на памятниках милоградского населения выявлено значительно меньше по сравнению с рассмотренными орудиями труда. Обнаружены они на городищах, селищах, грунтовых и курганных могильниках, а также случайно. Они составляют примерно восьмую часть от учтенных автором всех индивидуальных находок. В количественном выражении, по далеко не полным данным, — 289 единиц. Все предметы вооружения подразделяются по способам применения. Оружие дальнего боя — лук со стрелами. В бою на средней дистанции весьма эффективно использовались дротики, копья и праща. В ближнем и рукопашном применялись мечи, кинжалы и ножи.

Оружие дальнего боя

На милоградских поселениях и могильниках оно зафиксировано не в полном объеме. Так, за время изучения памятников, исследователям ни разу не встречались лук и стрелы к нему. Это объясняется тем, что дерево вообще не сохраняется в песчаных и супесчаных отложениях милоградских поселений. А вот металлические наконечники стрел для древков представлены довольно хорошо (Лашанкоў, 1999а, с. 53). В зависимости от материала изготовления коллекция таких находок делится на костяные, бронзовые и железные (Лошенков, 2007а, с. 9–10, табл.). Всего их известно 160 единиц, в числе которых с территории Украины — 77 и Беларуси — 83 (табл. 17).

Костяные наконечники стрел. Наконечников из кости восемь (табл. 17). Во время раскопок они обнаружены в культурном слое четырех городищ: Горошков (1), Уваровичи (3), Чаплин (2) и Шепотовичи (1). О.Н. Мельниковская сообщает о находке большой костяной стрелы на городище Чикаловичи (Мельниковская, 1967, с. 28). К сожалению, описаний формы и размеров ее исследовательница не дает. На памятниках Украины подобные находки пока не известны. В рассматриваемой коллекции один экземпляр с поселения Уваровичи представлен заготовкой. Он выделяется тем, что, во-первых, пластинчатый, а во-вторых — двушипный с черенком для насада (рис. 94: 16). Все остальные — пулевидные, длиной от 4 до 5,6 см и диаметром 0,9–1,1 см. Втулки у них скрытые и неглубокие (около 1 см), основания разные. У стрелы с Горошковского городища оно квадратное, еще у двух с поселений Уваровичи и Шепотовичи — овальное, а у остальных — круглое (рис. 52: 1, 2; 93: 4, 6, 7). Находки наконечников для стрел как в готовом виде, так и в незавершенном исполнении позволяют установить последовательность способов их изготовления. Работа над костяным наконечником с городища Шепотовичи не завершена. Поэтому острие у него тупое, на боковых сторонах есть следы состругивания и наклоненный срез к основанию (рис. 93: 7). Основание прямое, в его центральной части намечена выемочка для дальнейшего высверливания отверстия. Следовательно, изначально, срезая заготовку ножом, ей придавали исходную форму, затем в основании прокручивали углубление для насаживания на древко и лишь потом доводили обработку поверхности, заканчивая полировкой изделия. Для сравнения заметим, что, по наблюдениям А.И. Мелюковой, у скифского населения пулевидные с круглым основанием наконечники были выточены, а с четырехгранным основанием, как у экземпляра с поселения Горошков, вырезались ножом (Мелюкова, 1964, с. 30). Две стрелы имеют шипы. У экземпляра с Горошкова

в основании есть треугольные вырезки, которые и образуют четыре шипа по углам квадрата (рис. 52: 1). Пулевидные стрелы с квадратным основанием (пирамидальные) хорошо представлены на чернолесских городищах Среднего Поднепровья, а вот среди раннескифских материалов они встречаются редко (Мелюкова, 1964, табл. 6: А 2, 4, 8, 16, с. 19, 30). Наконечник с Чаплина с одним шипом. Он конусовидный с наибольшей шириной у основания и длиной 5,6 см. В поперечном сечении круглый. Шип вырезан на краю основания таким образом, что на 2 см ниже его (рис. 52: 2). Наружная сторона шипа является как бы продолжением тулова, а внутренняя — отходит от древка под углом 20° (Третьяков, 1959, рис. 12: 14). Костяные конические наконечники с круглым основанием есть среди аналогичных древностей пред- и раннескифского времени (Мелюкова, 1964, табл. 1: В10, 11; 6: О15, 16). Конструктивная особенность шипа у рассматриваемой стрелы имеет прототипы среди двух- и трехлопастных бронзовых наконечников (первой хронологической группы) (Мелюкова, 1964, с. 16, табл. 6: П1, 2, 10). Как видим, оба вышерассмотренных наконечника с шипами, несмотря на их конструктивные различия, можно относить по аналогиям к раннему времени — второй половине VII — VI в. до н. э., что важно для круга милоградских древностей. Остальные наконечники — пулевидной формы, судя по размерам и пропорциям, могут датироваться не позднее IV–III вв. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 29, табл. 9: Р2, 3).

Бронзовые наконечники стрел. Следующую, значительно большую группу, составляют бронзовые наконечники (табл. 17). На восьми памятниках Беларуси их найдено 36 экземпляров (Лашанкоў, 1999а, с. 54, мал. 28: 9–17; 29: 3–17). На территории Украины они выявлены на девяти поселениях: Бортничи (4 экз.), Зарванщина (1), Кащиевка I (1), Козинцы (12), Лютеж (1), Подгорцы (9), Староселье (1), Табаевка (1), Таценки (1) и Южный Замглай (1 экз.), а также одном грунтовом могильнике — Залесье (3 экз.) (Блифельд, 1952, с. 54, рис. 2: 2; Археологічні розвідки…, 1952, с. 92, 93, табл. II: 10; Даниленко, 1953, с. 198, 203, табл. I: 14, 16, 17; он же, 1956, с. 10, 12, табл. II: 32–38; V: 9, 10; Мельниковская, 1967, с. 69, 70; Бидзиля, 1969, с. 74, рис. 12: 5; Сікорський, 1971, с. 70, 72, рис. 3: 1–12; Жаров, 1995, с. 46, 50, рис. 1: 20; Гаскевич, 1998, с. 70–71, рис. 1: 20). На известных поселениях Западной Волыни, в пределах Ровенской области, нет сведений о таких находках (Свешников, 1971, с. 68–81; Свешников, 1990, с. 162–164). Среди учтенных автором 73 бронзовых наконечников только 67 имеют удовлетворительное описание, что позволяет работать с ними (табл. 17). Шесть экземпляров стрел для характеристики оказались непригодными, так как вся информация о них сведена к тому, что они названы «скифскими». В рассматриваемой коллекции стрелы делятся на три типа: двухлопастные, трехлопастные и трехгранные.

Двухлопастные. Втульчатых двухлопастных наконечников стрел 18 экземпляров (рис. II: 6–9). Они происходят с неукрепленных поселений Бортничи (1), Козинцы (3), Хильчицы (12), Южный Замглай (1) и городища Ясенец I (1). Длина их от 3,6 до 4,7 см. Выступающие втулки короткие, около 1 см. У 11 экземпляров на втулках есть шипы (рис. 52: 3–12, 15). Без шипов шесть стрел: одна — с Бортничей, по две — с Козинцев, Хильчиц (рис. 52: 13) и одна — с Южного Замглая. Наконечники различаются формой головки пера. У одних она ромбовидная (6 экз.), а у других — лавролистная (9 экз.). Лопасти пера гладкие с хорошо выраженными углублениями с двух боков от ребра, которое является продолжением втулки. По типологии

Таблица 17

Наконечники стрел с милоградских памятников Беларуси и Украины

Памятники	Типы							Всего
	Костяные		Бронзовые			Железные		
	втульчатые	пластинчатые	двухлопастные	трехлопастные	трехгранные	пластинчатые	втульчатые	
Асаревичи				5	11	19	1	**36**
Витебск (м*)					1			**1**
Городок (г)					1			**1**
Горошков (г)	1				1	1		**3**
Гродно (м)					1			**1**
Колочин II (г)					1			**1**
Лемешевичи (с)				1	1	1		**3**
Лиски (г)							1	**1**
Любны (г)						1		**1**
Мохов (с)						1		**1**
Отрубы (г)						1		**1**
Подгорье (г)						1		**1**
Пролетарский (с)							1	**1**
Уваровичи (г)	2	1						**3**
Уза (г)							1	**1**
Хильчицы (с)			12	1		6		**19**
Чаплин (г)	2				1		2	**5**
Чикаловичи (г)	1							**1**
Шепотовичи (г)	1							**1**
Ясенец I (г)			1					**1**
Беларусь — 83	**8**		**38**			**37**		
Бобрица						1		**1**
Бортничи			1	3		8		**12**
Вишенки						1		**1**
Залесье					3	12	4	**19**
Зарванщина					1		4	**5**
Кащиевка I					1			**1**
Козинцы			3	5	4			**12**
Лютеж					1			**1**
Малополовецкое						1		**1**
Подгорцы				8	1	7		**16**
Староселье				1				**1**
Табаевка					1			**1**
Таценки					1			**1**
Таценки VII						4		**4**
Южный Замглай			1					**1**
Украина — 77	**0**		**35**			**42**		
По культуре	**7**	**1**	**18**	**24**	**31**	**65**	**14**	
Всего:	**8**		**73**			**79**		**160**

А.И. Мелюковой, рассматриваемые двухлопастные наконечники с шипами и без них с милоградских памятников относятся преимущественно к первому и второму типам аналогичных скифских стрел, которые датируются раннескифским временем — второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 18, табл. V; 6; она же, 1989, с. 92, табл. 31: 6, 7; 86: 35–37; Памятники скифской эпохи…, 1989, с. 61, рис. 11: 17, 20, 23). Из трех стрел с поселения Козинцы лишь две без шипов относятся к пятому и шестому типам первой хронологической группы (Сікорський, 1971, рис. 3: 1, 3; Мелюкова, 1964, с. 18, 19, табл. 6: О, 8, 25). Если В.Е. Еременко раннее время рассматриваемых двухлопастных нако-нечников с территории Беларуси относил к VII — началу VI в. до н. э., то С.Е. Рассадин удревняет их как минимум на столетие, отстаивая большую архаичность — VIII–VII вв. до н. э. (Еременко, 1989, с. 81, 82, рис. 3: 15, 16, 18; Рассадин, 1989, с. 8; он же, 2005, с. 26–27, 93, рис. 3: 3–10, 12). Автор считает, что наиболее ранние бронзовые двухлопастные стрелы с памятников милоградской культуры Беларуси и Украины не следует относить к VIII в. до н. э.

Трехлопастные. В типе трехлопастных насчитывается 24 наконечника. Они выявлены на нижеследующих памятниках: Хильчицы (1), Асаревичи (5), Лемешевичи (рис. V: 36), Бортничи (3), Козинцы (5), Подгорцы (8), Староселье (1). Трехлопастные стрелы, в отличие от двухлопастных, более разно-образны. Так, наконечник с Хильчиц длиной 3 см. Втулка у него 2 см, а головка ромбовидной формы. Шип короткий, расположен в нижней части втулки (рис. 52: 16). Этот наконечник относится ко второму типу (по А.И. Мелюковой) аналогичных скифских стрел (Мелюкова, 1964, с. 19, табл. 6: А1, Е4). Автор раскопок Г.М. Залашко продатировал его второй половиной VII — началом VI в. до н. э. (Залашка, 1985, с. 160, мал. 1: 13). Формой и размерами от описанного отличается наконечник с селища Лемешевичи. Он вытянутой треугольной формы, длиной 3,3 см. Втулка выступает на

0,7 см. Глубина ее 1,2 см, а диаметр у края 0,6 см. Концы лопастей срезаны под острым углом ко втулке (рис. 52: 17). Такие стрелы среди скифских относятся к четвертому типу второй хронологической группы, по систематизации А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, с. 21, 22, табл. V; 7: Г6, Н4). Подобные наконечники появляются в первой половине V в. до н. э. и получают широкое распростронение в середине этого столетия (Мелюкова, 1964, с. 21; она же, 1989, с. 92, табл. 31: 9К).

Среди выявленных на Асаревичском комплексе памятников 22 наконечников стрел О.Н. Мельниковской опубликовано 15 бронзовых (Мельниковская, 1967, рис. 29: 1–9; 30: 1–5). В их числе четыре трехлопастные с коротко выступающей втулкой. Длина их 3–3,5 см. Втулки выступают на 0,5 см. Края лопастей у двух стрел срезаны по-разному: у одной под острым углом ко втулке, а у другой — под прямым. Они весьма схожи со стрелой с Лемешевичей и по аналогиям относятся к четвертому типу второго отдела, которые датируются V, возможно, началом IV в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 21, 22, 29, табл. 7: Ж8). Еще у двух экземпляров лопасти оформлены в нижней трети их длины. Верхние две трети трехгранной формы, а ниже — выемчатыми углублениями выделены лопасти и втулки (рис. 52: 20, 21). Подобные стрелы относятся к 8 типу третьей хронологической группы и датируются второй половиной V — началом IV вв. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 25, табл. 8: А6, Б1, М6, Н12; Лашанкоў, 1999а, с. 54).

Пятый трехлопастный наконечник с Асаревичей маленький (рис. 52: 18). Длина его 2,2 см. Острие головки трехгранное. Длина лопастей 1,7 см. Расстояние между лопастями у краев 0,65 см. Пропорция — 1 : 2,6. Стрела легкая. Втулка длиннее лопастей на 0,5 см. Диаметр ее 0,45 см, отверстия 0,3 см при глубине 1,1 см (Лошенков, 2007, с. 214, рис. 1: 1). На одной из боковых поверхностей втулки между лопастями есть отверстие для насыщения древка ядами (рис. 52: 18), как у двухлопастных стрел с Хильчиц (рис. 52: 5, 8).

Три стрелы с поселения Бортничи, опубликованные В.Н. Даниленко, различаются деталями формы (Даниленко, 1953, с. 203, табл. I:17; он же, 1956, с. 12, табл. V: 9, 10). Первая — это базисный наконечник. У него головка в плане треугольная. Втулка скрытая, находится на одном уровне с длиной лопастей, которые срезаны под прямым углом к древку стрелы (основанию) (Даниленко, 1956, табл. V: 9). Соотношение ширины к длине — 1 : 2,5. По аналогиям такие стрелы соответствуют пятому типу второй хронологической группы скифских наконечников (Мелюкова, 1964, с. 22. табл. 7: Б2–4, Е1–3). Датируются подобные стрелы второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 21). Вторая — имеет едва выступающую втулку (Даниленко, 1956, табл. V: 10). Головка у нее пирамидальной формы. Края лопастей сходятся ко втулке под тупым углом, как у одной стрелы с Асаревичей. Соотношение пропорций у нее 1 : 3,3. По пропорциям она относится к легким стрелам. Аналогии ей есть среди наконечников пятого типа третьей хронологической группы второй половины V — начала IV в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 23, табл. 8: В1). Третья — без выступающей втулки. Ее длина 2,3 см. Головка пирамидальной формы. Края лопастей длиннее втулки и срезаны под острым углом к ней (Даниленко, 1956, табл. I:17). На лопастях есть углубления, подчеркивающие выраженную внутреннюю втулку. Такие стрелы легкие. Аналогии ей имеются среди наконечников шестого типа второй хронологической группы, которые датируются, как и первая из рассмотренных стрел на этом памятнике, второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 21, табл. 7: В1, Л2).

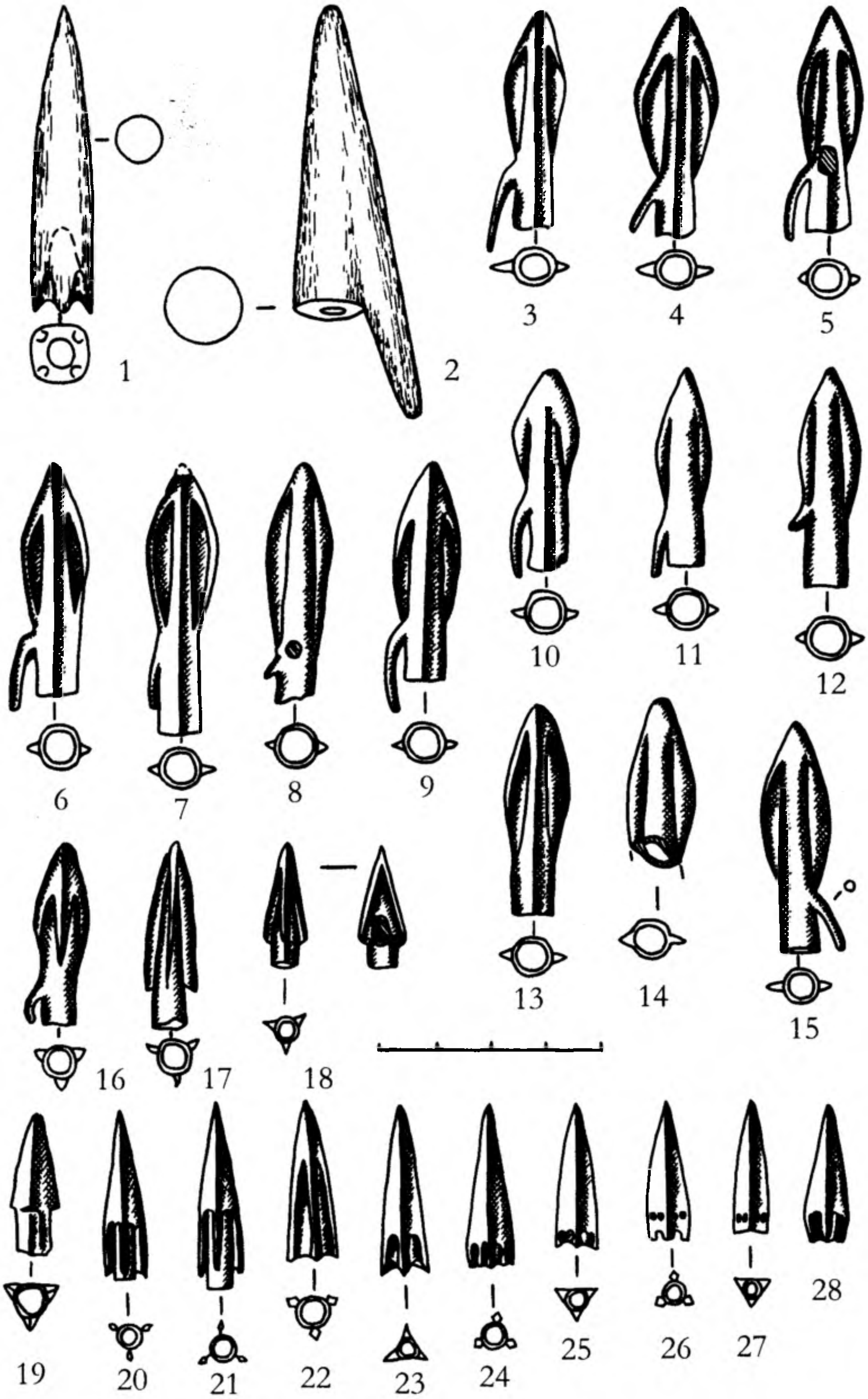

Рис. 52. Костяные и бронзовые наконечники стрел
(1 — Горошков; 2 — Чаплин; 3 – 14, 16 — Хильчицы; 15 — Ясенец I; 17, 19 — Лемешевичи, 18, 20 – 28 — Асаревичи; 1, 2 — кость, 3 – 28 — бронза)

Экземпляр с поселения Староселье трехлопастный, как и последний из рассмотренных с Бортничей. Его длина около 2,5 см, лопасти опущены ниже втулки на 0,35 см. Они образуют шипы. Этот бронзовый наконечник с урочища Верхний Глядин авторами разведок Ф.Б. Копыловым и О.Г. Шапошниковой был найден в 1948 г., и они зафиксировали его как «триграний наконечник стріли скіфського типу» (Археологічні розвідки..., 1952, с. 92, 93, табл. II: 10). Если в тексте он отмечен как трехгранный, то на рисунке изображен трехлопастным, что и позволило автору включить его в соответствующий отдел рассматриваемых нами стрел.

Во втором отделе пять наконечников с поселения Козинцы, и они не однотипные. Четыре из них — с остролистыми головками и выступающими втулками с шипами. Они относятся к первому типу (второй вариант) первой хронологической группы анологичных скифских (Сікорський, 1971, рис. 3: 4–7; Мелюкова, 1964, с. 19, 28, табл. V, табл. 6: Л4, О12). Пятый — с головкой вытянутой треугольной формы и выступающей короткой втулкой. Он соответствует стрелам четвертого типа (первого варианта) второй хронологической группы и датируется второй половиной V в. до н. э. (Сікорський, 1971, рис. 3: 11; Мелюкова, 1964, с. 21, 28, рис. 1 табл. V, табл. 7: Е10). Автор полагает, что архаичный трехлопастный наконечник с шипом на втулке, случайно найденный около села Слободка в Менском районе Черниговской области, по-видимому, следует связывать с ранними «милоградцами» (Яковенко, 1979, с. 91, рис. 1: 2).

В коллекции с поселения Подгорцы (Украина) 8 трехлопастных наконечников. Естественно, что они не одинаковые по своим конструктивным особенностям. Так, например, пять стрел имеют выступающую втулку, а три — скрытую. К наиболее ранним из них следует относить трехлопастную стрелу с головкой остролистной формы и выделенной втулкой без шипа. У нее длина головки равна длине втулки (Даниленко, 1956, табл. I: 14). Такие наконечники по скифским аналогиям входят в первый тип второго отдела первой хронологической группы (Мелюкова, 1964, с. 19, табл. 6: Е2, И5). Еще две стрелы, в отличие от рассмотренной, имеют пирамидальную в плане форму и втулку длиннее лопастей. Выступающая втулка недлинная. Основание у них неширокое, а тулово длинное. Пропорции у одной — 1 : 4, у другой — 1 : 3. Края лопастей срезаны под острым углом. Аналогии им есть среди скифских наконечников четвертого типа второго отдела второй хронологической группы (Мелюкова, 1964, с. 21, 22, табл. 7: Г6, Е10, Ж8, 11). Среди наконечников стрел с выступающей втулкой еще две — башенные. У них головка вытянута вверх. Грани лопастей слегка вогнуты, а концы срезаны под тупым углом, что подчеркивает втулку. Подобные наконечники следует относить к четвертому — шестому вариантам десятого типа третьей хронологической группы (Мелюкова, 1964, с. 24, табл. V). Три нижеследующие стрелы — со скрытыми втулками. У одной головка треугольной формы. В основании она широкая, но не очень длинная: соотношение 1 : 2,5. Лопасти у нее срезаны под тупым углом, весьма близким к прямому, чем, собственно, она несколько отличается от базисных наконечников. По одному экземпляру такие стрелы есть на поселениях Асаревичи и Бортничи. У скифского населения они относятся, по классификации А.И. Мелюковой, к базисным стрелам пятого типа третьей хронологической группы (Мелюкова, 1964, с. 23, табл. V; 8: И3). Следующая стрела легких пропорций — 1 : 3. Головка у нее треугольная. Концы лопастей опушены вниз в виде шипов. Она относится к шестому типу

третьей хронологической группы скифских наконечников (Мелюкова, 1964, с. 23, табл. 8: Е5; Памятники скифской эпохи…, 1989, с. 88, рис. 24: 22, 25, 26). И, наконец, последняя из рассматриваемых на этом памятнике — стрела с шипом. Она узкая и длинная, о чем свидетельствуют ее пропорции — 1 : 4. У нее треугольной формы головка. Две лопасти срезаны под острым углом к скрытой втулке, за которую они выступают недлинными окончаниями. Третья лопасть, длиннее двух других, опущена вниз. Такие наконечники относятся к третьему и четвертому вариантам шестого типа второго отдела (Мелюкова, 1964, с. 23, табл. 8: А1, Б2, Ж1, М3, 4). Подобные стрелы датируются не только временным отрезком третьей хронологической группы, выделенной А.И. Мелюковой, но и более ранним — второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 16–17, 21, 23; Памятники скифской эпохи…, 1989, с. 88, рис. 24: 15). Хронолгический диапазон бронзовых трехлопастных стрел на памятниках милоградского населения охватывает время со второй половины VII в. до н. э. по V в. до н. э. включительно. В этом интервале ранних, до середины VI в. до н. э., мало, а большинство из охарактеризованных находок укладывается в рамках V в. до н. э.

Трехгранные. В третьем типе бронзовых наконечников стрел насчитывается 31 экземпляр (табл. 17). Они обнаружены на памятниках Асаревичи (11), Городок (1), Горошков (1), Залесье (3), Зарванщина (1), Кащиевка I (1), Козинцы (4), Колочин II (1), Лемешевичи (рис. VI: 39), Лютеж (1), Подгорцы (1), Табаевка (1) и Чаплин (1) (рис. 53: 1). На поселениях в большинстве случаев рассматриваемые наконечники встреча-лись, как видим, единичными экземпля-рами. Различаются эти стрелы тем, что у одних втулки выступают, а у других — скрытые. В коллекции шесть трехгранных наконечников с поселений Козинцы, Леме-шевичи, Лютеж и Табаевка имеют выступа-ющие втулки. Стрела с Лемешевич длиной 2,3 см. У нее треугольная головка с плоскими и гладкими сторонами (рис. 52: 19). Ширина основания трехгранной головки 0,9 см. Грани плоскостей острые. Углы граней срезаны перпендикулярно ко втулке. Втулка выступает на 0,8 см. Она диаметром 0,65 см и глубиной 0,8 см. Наконечник с поселения Лютеж, судя по опубликованному рисунку, такой же (Бидзила, 1969, с. 74, рис. 12: 5). По аналогиям оба рассматриваемых экземпляра относятся ко второму типу второй хронологической группы скифских стрел (Мелюкова, 1964, с. 22, табл. 7: А8, Г7). Трехганный бронзовый наконечник с поселения Табаевка на Черниговщине имеет короткую выступающую втулку (Блифельд, 1952, с. 54, рис. 2: 2). Автор раскопок Д.И. Блифельд продатировал его позднескифским временем — IV–III вв. до н. э. (Блифельд, 1952, с. 55).

В коллекции бронзовых стрел с поселения Козинцы четыре относятся к третьему отделу. Они средней величины. Три — с головками треугольной формы, плоскими сторонами и выступающими втулками без шипов. Они соответствуют второму типу (первому варианту — две, четвертому — одна) аналогичных скифских. Время их — со второй половины V в. до н. э. по первую половину III в. до н. э. (Сікорський, 1971, рис. 3: 8–10; Мелюкова, 1964, с. 24, 25, 28, рис. 1, табл. V, табл. 7: Г7). Четвертая — небольшая, пирамидальной формы со скрытой втулкой. У нее в основании небольшие дуговидные выемки. Она относится к седьмому типу второго варианта трехгранных наконечников. Самое раннее время их — вторая половина V — начало IV в. до н. э., но более широко они употреблялись в IV–III вв. до н. э. (Сікорський, 1971, рис. 3: 12; Мелюкова, 1964, с. 24, 28, рис. 1, табл. V, табл. 7: Н5; 8: А3, 8).

В этом отделе два наконечника отличаются от остальных трехгранных тем, что у них прямое основание и острая головка треугольной формы. Подобные стрелы по одной найдены на городище Горошков и Асаревичском комплексе. Они имеют скрытые втулки малого диаметра — 0,25–0,3 см. Ширина основания у экземпляра с Горошкова — 0,75 см, Асаревичей — 0,6 см, а длина — соответственно 2,6 и 2,7 см. Соотношение пропорций такое: у первой — 1 : 3,4 и у второй — 1 : 4,5. Кроме того, у стрелы с Асаревичей есть по два точечных углубления на сторонах, которые расположены в 0,2 см выше основания (рис. 52: 27). Такие стрелы являются характерными для четвертого типа третьего отдела. Они весьма редко встречаются в скифских погребальных комплексах второй, третьей и четвертой хронологических групп (Мелюкова, 1964, с. 22, 24, 25, табл. 7: Д8; 8: Д3, 310).

Наконечники с Зарванщины, Подгорцев, Чаплина и пять с Асаревичей характеризуются тем, что в плане имеют острую пирамидальную головку, плоские и гладкие боковые стороны, скрытые втулки (рис. 53: 1). Концы граней срезаны под острым углом и опущены вниз. Они длиннее основания. Соотношение ширины к длине у них такое: с Зарванщины — 1 : 4, Подгорцев — 1 : 3, Чаплина — 1 : 4,5, Асаревичей — 1 : 2,6; 1 : 4; 1 : 4,3; 1 : 4,3; 1 : 4,7. Подобные стрелы входят в третий и седьмой варианты седьмого и третий вариант восьмого типов третьей хронологической группы (Мелюкова, 1964, с. 24–25, табл. 8: 34, Н5, 6). Наибольшее распространение они получают в IV–III вв. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 25, табл. 9: Б4, Д3, И3,5, Л1, М2, О9).

Среди асаревичских четыре стрелы отличаются от вышеописанных еще некоторыми деталями. Последние определенным образом подчеркивают их особенности. Так, у одной на боковых сторонах, около основания, есть выемчатые углубления, которые придают окончаниям граней заостренность (рис. 52: 23). У другой — небольшие П-образные срезы боковых сторон и углов основания, что придает остроту окончаниям граней (рис. 52: 27). У третьей — в нижней части боковых сторон есть по две вертикальные бороздки с вырезами в основании. Концы граней у нее оформлены острыми шипами (рис. 52: 24). У четвертой — наибольшее расширение несколько выше основания. Грани дуговидные, сужающиеся к основанию. На боковых сторонах, в месте наибольшего расширения, — по две ямочки, а ниже, в основании, — дуговидные выемки. Окончания граней — в виде острых шипов (рис. 52: 26). Отмеченные особенности у рассматриваемых наконечников позволяют найти им широкие аналогии среди скифских стрел шестого — восьмого типов третьей и четвертой хронологических групп (Мелюкова, 1964, с. 24, 25). Наиболее раннее время их — вторая половина V — начало IV в. до н. э., а позднее не выходит за III в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 25, табл. 9; Лашанкоў, 1999а, с. 54). Исходя из вышеотмеченных особенностей трехгранных наконечников и учитывая новейшие датировки аналогичных скифских древностей Украины, автор продатировал их второй половиной V — началом IV в. до н. э. (Мелюкова, 1989, с. 92, табл. 31: 9Е, 20Б, 22З, 24Е; Лашанкоў, 1999а, с. 54).

Особо следует остановиться на двух наконечниках скифских стрел из Витебска и Гродно (рис. 53: 2, 3). Они хранятся в фондах Витебского областного краеведческого музея по книге поступлений № 701 и Гродненского историко-археологического музея за № 3554. Во-первых, оба предмета находятся далеко за территорией проживания милоградского населения. Во-вторых, точное место их находки неизвестно. Первый появился в музее Витебска до Октябрьской революции,

а другой в Гродно — примерно в первой половине 30-х годов XX века.

В Витебский музей, как известно, бронзовый наконечник попал еще до 1917 г. При отсутствии данных о месте его обнаружения автор полагает, что он с территории Украины и находился в частной коллекции. В конце XIX либо в начале XX века коллекционер передал его Витебскому церковно-археологическому музею вместе с другими предметами старины. Наконечник трехгранный (рис. 53: 2), длиной 2,7 см. Грани плоские. Головка пирамидальная длиной 2 см и шириной в основании 0,8 см. Пропорция стрелы 1 : 3,3. Втулка выступает на 0,7 см, диаметр ее 0,65 см, отверстие 0,3 см. По аналогиям со скифскими стрелами рассматриваемый экземпляр из Витебского музея относится к раннему времени — второй половине VI — первой половине V в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 19–23, табл. 7: Г7). Как видим, типологически и хронологически данный наконечник вполне укладывается в милоградское время. Тем не менее, его нельзя связывать с милоградскими древностями в Беларуси, хотя бы на том основании, что до революции памятники милоградской культуры не раскапывались.

В Гродненский музей бронзовая стрела попала в 1932 г. из раскопок в Гродно «Княжеского терема», как сообщает об этом А.М. Медведев (Медведев, 1996, с. 53). Наконечник — трехгранный (рис. 53: 3), имеет длину 3,4 см. Пирамидальная головка длиной 2,9 см и шириной у основания 0,8 см. По пропорциям — 1 : 3,6, это легкая стрела. Плоскости граней в нижней трети ее имеют П-образные углубления с Х-видными перекрестиями (рис. 53: 3). Втулка выступает за основание граней на 0,5 см, диаметр ее 0,5 см, отверстие 0,3 см. По аналогиям в скифских древностях она относится к стрелам третьей хронологической группы, которые датируются второй половиной V — началом IV в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 23–25, табл. 8: Ж9, 10). Автор считает, что данный наконечник попал в культурный слой древнего Гродно в средневековое время. Как правильно замечает А.М. Медведев, его нельзя связывать с редкими находками штрихованной керамики в ранних отложениях слоя города.

Оба скифских наконечника стрел в Витебске и Гродно, хранящиеся в фондах музеев, по не совсем ясным обстоятельствам поступления могут быть отнесены к группе случайных находок. Прямого отношения к древностям населения милоградской культуры они, скорее всего, не имеют.

Железные наконечники стрел. Весьма представительную группу предметов вооружения «милоградцев» составляют железные наконечники стрел (табл. 17). На территории Беларуси и Украины их найдено 79 единиц. В Беларуси они происходят со следующих памятников: Асаревичи (20), Горошков (1), Лемешевичи (1), Лиски (1), Любны (1), Мохов (1), Подгорье (1), Пролетарский (1), Уза (1), Хильчицы (6), Чаплин (2). На территории Украины рассматриваемые наконечники выявлены на поселениях Бобрица (1) Бортничи (8), Вишенки (1), Зарванщина (4), Подгорцы (7), Таценки VII (4) и на могильниках Залесье (16), Малополовецкое (1). Заметим, что меньше всего железные наконечники стрел попадались в погребениях. Кроме уже отмеченных 16 экземпляров в Залесье еще два подобных зафиксированы в Беларуси: Горошков (1) и Чаплин (1). Остальные 56 стрел обнаружены на городищах и селищах. Еще во второй половине 60-х годов О.Н. Мельниковская отмечала только один тип железных наконеч-ников — пластинчатые (Мельниковская, 1967, с. 69). В конце 90-х годов автор выделил вторую разновидность — втульчатые (Лашанкоў, 1999а, с. 55). Существенным признаками, которые характеризуют железную стрелу, являются форма головки и окончание: втулки либо черенка. Учитывая эти факторы, все рассматриваемые наконечники четко делятся на два типа: пластинчатые и втульчатые с плоскими головками пера (Лошенков, 2007а, с. 9–10, табл.)

Пластинчатые. Они численно преобладают в коллекции (65 ед.) (табл. 17). Весьма важной особенностью этих наконечников является отсутствие у них выделенных черенков. Форма пера листовидная, вытянуто треугольная и ромбовидная (рис. 53: 4–27). Толщина — 0,1–0,3 см, а длина — 1,8–4,3 см. Такие стрелы довольно подробно описаны О.Н. Мельниковской (Мельниковская, 1967, с. 69). На украинских памятниках (Бортничи, Залесье, Подгорцы) стрелы рассматриваемого типа встречались вместе с бронзовыми, о которых шла речь выше. В пределах Беларуси такая картина наблюдается только на трех памятниках: Асаревичи, Лемешевичи, Хильчицы. Данное обстоятельство позволило автору высказать мысль о том, что железные пластинчатые наконечники можно относить, как и бронзовые, к раннему времени — второй половине VII — VI в. до н. э., а позднее их время ограничивать III в. до н. э. (Лашанкоў, 1999а, с. 55).Столь раннее время рассматриваемых железных стрел подтверждают новые данные с памятников Украины: Малополовецкое, Таценки VII, где они продатированы VII–VI вв. до н. э. (Квитницкий, 2009, с. 263). Среди всех пластинчатых наконечников из железа две стрелы выделяются своеобразием форм.

Одна — с селища Лемешевичи. Если у вышерассмотренных стрел основание срезано прямо, то у нее в основании есть треугольная выемка (рис. VI: 43). Вырез выполнен под углом к древку, что придало краям окончаний боковых сторон заостренность в виде шипов (рис. 53: 21). Железные пластинчатые наконечники подобной формы на Троицком городище дьяковской культуры выделены в группу «с выемками в основании пера» (Дубынин, 1970, с. 31, табл. 13: 1–4; Крис, 1970, с. 162, табл. 9: 16, 17; 10: 52, 53). Еще один такой наконечник найден в культурном слое Щербинского городища (Дубынин, 1974, с. 228, табл. XXII).

Другая — с городища Любны. У нее головка листовидной формы плавно переходит в черенок, окончание которого раздвоено наподобие ласточкиного хвоста (рис. 53: 22). Длина головки равна длине черенка. Общая длина стрелы 6,8 см, а толщина ее 0,2 см. Наконечник такой формы на милоградском памятнике, как и в первом случае, найден впервые. Аналогии данному экземпляру есть на городище Кузина Гора и в грунтовом могильнике на Марицком городище в Посеймье (Алихова, 1962, с. 105, рис. 10: 8, 9; Пузикова, 1981, с. 37, 40, рис. 18: 4, 5). Стрелы с памятников Посеймья отличаются от рассматриваемой более коротким черенком и большей длиной головки пера. Такие наконечники встречались и в погребениях населения Среднего Дона скифского времени: во втором кургане у с. Мастюгино и в седьмом кургане могильника Русская Тростянка (Либеров, 1965, табл. 19, 44, 48, 49, 140; Мелюкова, 1964, с. 29, табл. 9: Ф3). Последние отличаются от любенского экземпляра подтреугольной формой головки и длиной черенка (Савченко, 2004, с. 207–209, рис. 19: 1–15). Более далекие аналогии ему имеются в захоронениях сарматов (Смирнов, 1961, с. 62, рис. 40: 15–18). Сарматские стрелы отличаются не только формой головки, но и формой расщепленного конца черенка. У них концы раздвоены не под острым углом, как у любенского наконечника, а имеют углубления дуговидной формы (Смирнов, 1961, рис. 40: 15–18). Железные пластинчатые наконечники, подобные любенскому, датируются в лесостепной полосе в основном IV–III вв. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 29). Намного севернее милоградского ареала такие наконечники стрел выявлены у днепро-двинского населения городища Самсонцы и на ряде других аналогичных памятников (Шмидт, 1992, с. 85, 86, табл. 18: 2–7, 9, 11, 12; он же, 2002, с. 126, ил. 20: 6; 21: 15). Подобные стрелы у «днепро-двинцев» отличаются от любенского экземпляра более длинной головкой пера и коротким черенком,

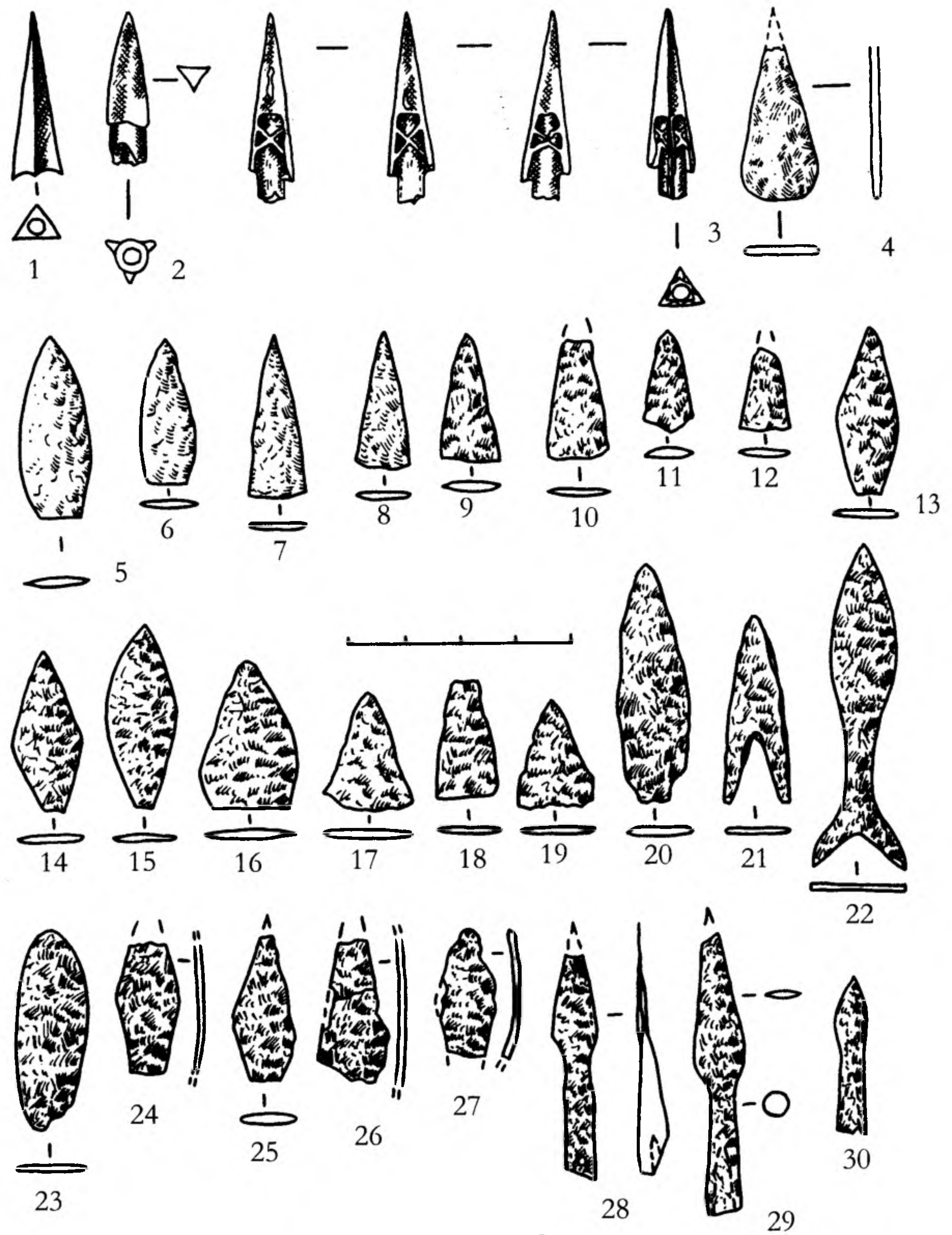

Рис. 53. Наконечники стрел из бронзы и железа
(1 — Чаплин; 2 — Витебск; 3 — Гродно; 4 — Отрубы; 5 — Мохов; 6 — Горошков; 7 – 20, 30 — Асаревичи; 21 — Лемешевичи; 22 — Любны; 23 – 27 —Хильчицы; 28 — Лиски; 29 — Уза; 1 – 3 — бронза, 4–30 — железо)

что лишь подчеркивает местный характер их изготовления. В древностях дьяковской культуры рассматриваемые находки редки. По одной стреле они зафиксированы на городищах Кузнечики, Троицкое, Топорок и Сетунское в Подмосковье (Смирнов, 1974, с. 34, табл. II: 6; Дубынин, 1974, с. 220). У «дьяковцев» А.К. Смирнов выделил такие наконечники в пятый тип отдела черешковых (Смирнов, 1974, с. 34).

В данном типе наконечников обратим внимание еще на два экземпляра с поселений Вишенки и Подгорцы. Они, в отличие от уже рассмотренных, не железные, а бронзовые (Лысенко, 2005, с. 322, рис. 2: 33). Полагаю, что исходный материал говорит о раннем времени их изготовления. Небезынтересно было бы знать, литые они или кованые?

Втульчатые. Известно четырнадцать наконечников этого типа (табл. 17). Выявлены они на таких памятниках, как Асаревичи (1), Залесье (1), Зарванщина (4), Лиски (1), Пролетарский (1), Уза (1), Чаплин (2). Стрелы с Лисок, Узы и одна с Чаплина имеют разную длину (соответственно 4,5, 5,5 и 4,3 см), но у них равное соотношение пера и втулки. Головки у них плоские, вытянутой треугольной формы с расширением ближе ко втулке. Сужаясь, перо плавно переходит во втулку (рис. 53: 28–30). Такой наконечник с Каменского городища в Нижнеднепровской степи Б.А. Граков отнес к четвертому типу железных (Граков, 1954, с. 131, табл. XVIII: 15). Наконечники с Асаревичей длиной 2,8 см, а с Зарванщины — от 3,5 до 4 см. Последние отличаются от трех предыдущих тем, что перо у них листовидной формы, короче втулки. На него приходится треть общей длины стрелы. Рассматриваемые железные втульчатые с плоскими головками наконечники милоградского населения хорошо соотносятся со вторым типом железных стрел скифского населения третьей хронологической группы, по А.И. Мелюковой. У населения Воронежской лесостепи наиболее раннее время их — конец V — начало IV в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 25, табл. 8: Р3, С1). В IV–III вв. до н. э. они часто преобладают над бронзовыми в «Частых» и Мастюгинских курганах Воронежской области. По мнению А.И. Мелюковой, Средний Дон является территорией их происхождения (Мелюкова, 1964, с. 29, табл. 9: С5, 7, Т1, У2). Исходя из аналогий и условий нахождения их на памятниках изучаемой культуры автор датирует рассматриваемый тип железных втульчатых стрел второй половиной V — IV в. до н. э.

Как видим, довольно представительная коллекция рассмотренных нами наконечников стрел с памятников населения милоградской культуры показывает их большое численное превосходство над остальными видами вооружения, это во-первых. Во-вторых, они охватывают время с VII в. до н. э. по III в. до н. э. включительно. В-третьих, почти все стрелы локализуются преимущественно на памятниках Приднепровья (Беларуси и Украины) и в меньшей степени — в регионах Полесья и Посожья. Находки таких предметов оружия почти полностью отсутствуют на поселениях Западного Полесья Беларуси и в юго-западном ареале культуры в Украине.

Метательное оружие

У населения милоградской культуры в бою на среднем расстоянии эффективным оружием являлись копья, дротики и праща. На всей территории проживания этих племен автором зафиксирована 21 единица копий и дротиков. В данной коллекции есть два обломка втулок, которые могли принадлежать как дротикам, так и копьям. Фрагмент железной втулки обнаружен автором в слое городища Старое Красное (Лошенков, 1991, с. 18, рис. 5). Аналогичную находку, но только из кости, отмечает А.И. Дробушевский на

городище Уваровичи (Дробушевский, 1995, с. 93, рис. 2: 8). Камни для пращи отмечены исследователями почти на всех памятниках, на которых проводились раскопки.

Копья. Из 16 копий восемь наконечников найдено в трех курганных могильниках: в погребениях Дубойских курганов — 5 экземпляров (рис. 54: 1–5) и в двух курганах могильника Забороль — 2 экземпляра (Кухаренко, 1961, с. 22, 24, табл. 1: 1, 2, 5, 7; 2: 2; Свєшников, 1971, с. 73, 74, 79; Свешников, 1990, с. 162, 164). Еще один происходит с курганной группы около Мизяково, с северо-западной Украины (Лобай, 1977, рис. 2: 10). Остальные восемь происходят с поселений (Липняки, Ивань, Холопеничи) и случайных находок (Бечи, Мокиш, Урицкое, Мозырский район). Два копья на поселениях Ивань и Холопеничи сохранились в виде обломков пера (рис. 54: 8). У экземпляра с Липняков обломана верхняя часть пера (рис. 54: 7). К сожалению, нет подробных описаний и рисунков двух железных наконечников с Заборольских курганов, раскопанных Т. Сулимирским, что исключает возможность соотнести их с рассматриваемой коллекцией, как и копье с Урицкого (Свєшников, 1971, с. 74; Палікарповіч, 1947, с. 65, 66).

По хорошо разработанной классификации скифских наконечников копий А.И. Мелюковой, рассматриваемые милоградские четко делятся на два отдела: лавролистные и остролистные (Мелюкова, 1964, с. 36). Все пять железных наконечников с курганов Дубой относятся к первому отделу (лавролистных), но типы у них разные. К первому типу относятся три наконечника, у которых втулка проходит широким ребром посредине лопастей пера (рис. 54: 1–3). В приведенной таблице содержатся метрические данные по наконечникам и их пропорции (табл. 18).

Такие копья датируются VII — началом VI в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 36, табл. 12: 4–8). К этому типу следует отнести еще один наконечник с территории Мозырского района Гомельской области. В отличие от дубойских, он бронзовый и представлен фрагментом. Сохранилась нижняя часть втулки с окончанием пера (рис. 54: 10). Втулка у окончания диаметром 1,8 см, а у излома она овальная размером 1 × 0,85 см. Она широким ребром «входит» в перо, что видно по фрагменту. Бронзовые наконечники копий у милоградского населения ранее не встречались. Это случайная находка (Лошенков, 2007а, с. 9). Учитывая то, что втулка у него короткая (2,8–3 см), возможно, что оно относится не к милоградскому времени, а к позднебронзовому. По мнению автора, железный наконечник с кургана № 4 в Мизякове на Винниччине также относится к рассматриваемому типу дубойских (Лобай, 1977, с. 80, рис. 2: 10).

В этом же отделе, но ко второму типу относятся остальные два наконечника с Дубоя (рис. 54: 4, 5). Для второго типа характерно узкое ребро среди лопастей, которое постепенно переходит во втулку (рис. 54: 4, 5). Копья второго типа первого отдела датируются VI — началом V в. до н. э. К этому же времени их и относил автор раскопок (Кухаренко, 1961, с. 11; Мелюкова, 1964, с. 38). Автор уже высказывался об удревнении дубойских копий: с середины VII по VI в. до н. э. включительно (Лашанкоў, 1999а, с. 53). С.Е. Рассадин в начале 90-х годов прошлого века передатировал все наконечники с дубойских курганов VIII–VII вв. до н. э. и придерживается этой точки зрения по настоящее время (Рассадин, 1989, с. 8; Рассадин, 2005, с. 26).

Есть в милоградских древностях наконечники копий и второго отдела — остролистные. Выявлены они на поселениях во время раскопок и случайно. Ко второму типу относятся копья с остролистым пером без ребра. Перо у них в поперечном сечении линзовидное либо ромбическое.

Таблица 18

Размеры железных наконечников копий с курганов Дубоя

Курган	Общая длина наконечника	Длина втулки (l_1)	Диаметр втулки вверху	Диаметр втулки внизу	Длина пера (l_2)	Ширина пера (Z)	Соотношение $l_1 : l_2$	Соотношение $Z : l_2$	Отдел, тип, время	Рисунок
№ 2	16,2 н	8,7	1,5	2,6	7,4 н	3,7	1:1,17	1:2	о1, т1 VII–VI вв.	54: 1
№ 4	13,6 н	1,2 н	1,6	–	12,4 н	3,3	–	1:3,75	о1, т1 VII–VI вв.	54: 2
№ 5	22,4	9	1,9	2,5	13,4	4	1:0,67	1:3,35	о1, т1 VII–VI вв.	54: 3
№ 6	27,6 н	15	1,9	3	12,6 н	4,6	1:1,19	1:2,73	о1, т2 VI–V вв.	54: 5
№ 13	23 н	12	2	2,6	11 н	4	1:1	1:2,75	о1, т2 VI–V вв.	54: 4

Примечание: о — отдел; т — тип; вв. — века до н. э., н — неполные

У таких наконечников перо длиннее втулки. Максимальное расширение пера (3–5 см) в средней либо нижней части его длины. Перо плавно переходит во втулку. Стержень втулки при переходе в перо круглый либо эллипсообразный. Лучше сохранившийся наконечник с Мокиша длиной около 30 см (рис. 54: 6). У него соотношение втулки к перу — 1 : 1,7. Перо расширяется в нижней четверти до 4,8 см. Соотношение ширины к длине составляет 1 : 3,9. Данный наконечник относится ко второму типу аналогичных скифских во втором отделе, которые датируются IV–III вв. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 42). В указанное время такие копья есть в «Частых курганах» (к. № 31), могильниках Русская Тростянка (к. № 17) и Дуровка (к. № 4, 16) на левобережье Среднего Дона (Пузикова, 2001, с. 19, 40, рис. 17: 7, с. 137–138, рис. 28: 2, с. 185–186, 221, рис. 19: 1, с. 197, 251, рис. 49: 3). У копья с Липняков коническая втулка длиной 12 см. Диаметр ее в месте перехода в перо 1,2 см, у края — 2,1 см. Перо у излома ромбическое (рис. 54: 7). У наконечника с городища Бечи уничтожены коррозией первоначальные размеры пера и втулки (рис. 54: 9). Не исключено, что целый наконечник копья с городища Ивань мог когда-то принадлежать и милоградским обитателям этого поселения (Егорейченко, 1996, с. 40, рис. 33: 1). Отмеченные железные наконечники копий второго типа второго отдела у милоградского населения соответствуют, как видим, позднескифскому времени, и наиболее вероятная дата их, по мнению автора, IV в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 42; она же, 1989, с. 93, табл. 31: 37; Памятники скифской эпохи…, 1989, с. 118, рис. 37: 3–8; Лашанкоў, 1999а, с. 53). В круге милоградских древностей они не выходят за пределы III в. до н. э. Этим же временем такие копья датируются и в Среднем Подонье (Савченко, 2004, с. 167–169).

Дротики. Известны только два целых наконечника дротиков с городищ Горошков и Уваровичи (рис. 55: 1, 2). Первый с пером листовидной формы, а второй — треугольной, вытянутой. У них одинаковое соотношение пропорций пера и втулки с круглым стержнем — 1 : 4. В связи с тем, что горошковский дротик хорошо описан, мы остановимся более подробно на уваровичском. Его длина 30,5 см. Стержень около пера диаметром 1 см, а втулка у нижнего края — 2,8 см. Перо длиной 7,8 см, шириной у основания 2 см. Соотношение ширины

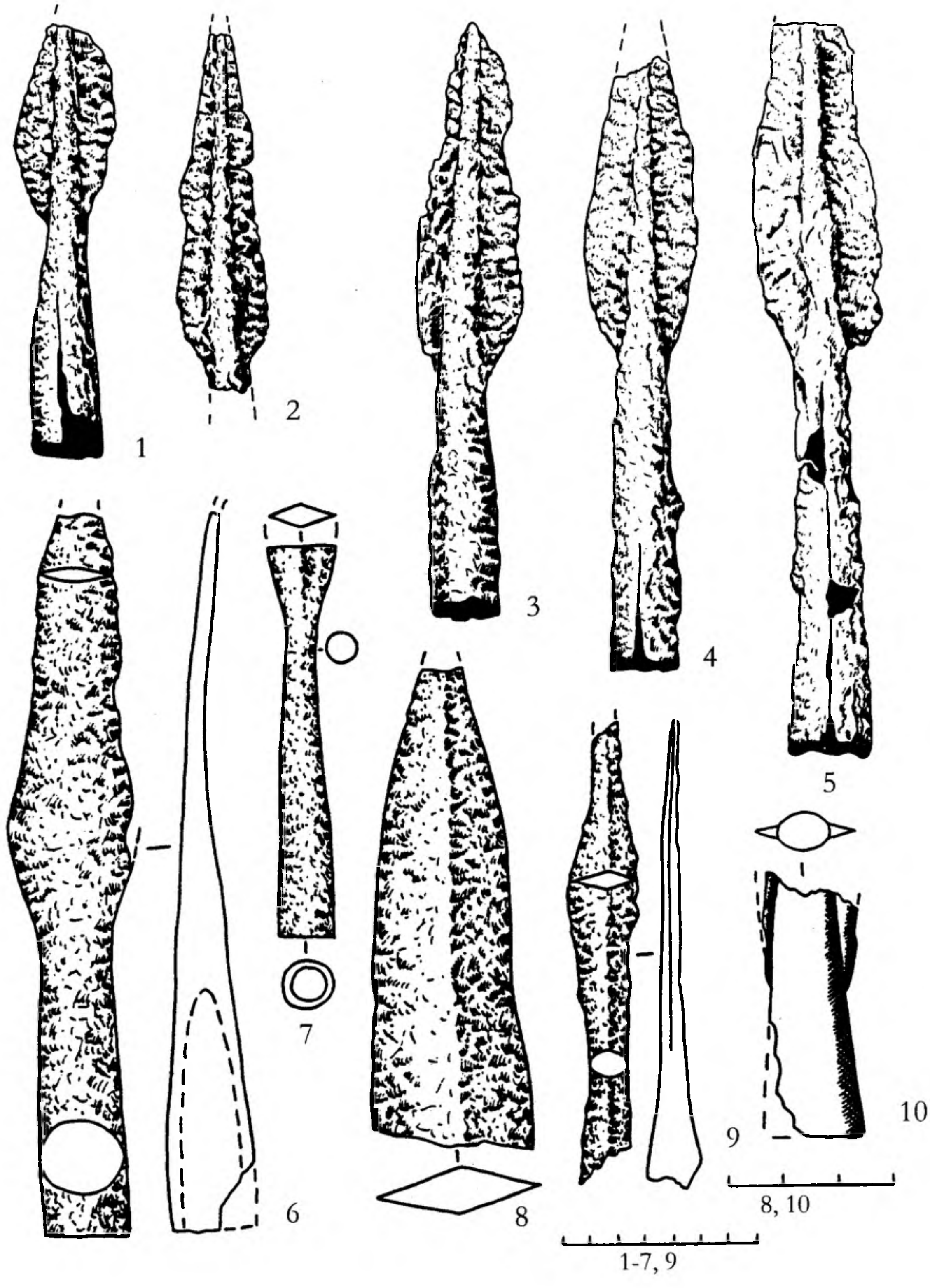

Рис. 54. Наконечники копий
(1 – 5 — Дубой; 6 — Мокиш; 7 — Липняки; 8 — Холопеничи; 9 — Бечи; 10 — Мозырский р-н;
1 – 9 — железо, 10 — бронза)

пера к его длине — 1 : 3,9. В поперечном сечении оно линзовидное. Основание его срезано под острым углом к стержню. Это придает концам пера заостренность в виде небольших шипов. Дротики с таким пером принято называть жаловидными. Если дротик с Горошкова О.Н. Мельниковская связывает с кругом соответствующих раннелатенских древностей, то уваровичский, скорее всего, следует соотносить с соответствующими древностями у населения левобережной Лесостепи (Пузикова, 2001, с. 190, 233, рис. 31: 1–5; Савченко, 2004, с. 171–175, рис. 7, 8). В связи с этим нельзя не отметить, что у скифского населения все наконечники дротиков имели только одну форму пера — жаловидную. Скифы стали вооружаться таким оружием со второй половины VI — V в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 44; Памятники скифской эпохи..., 1989, с. 91, рис. 25: 10). В среднескифское время таких дротиков было мало, а вот в позднескифское (IV–III вв. до н. э.) их становится намного больше (Мелюкова, 1964, с. 44–45; она же, 1989, с. 93). В связи со сказанным нельзя не отметить, что у населения левобережной Лесостепи дротики с жаловидным пером фиксируются в одних погребениях с наконечниками копий также позднего времени — IV–III вв. до н. э. (Пузикова, 2001, с. 185–186, 221, рис. 19: 1–3, с. 194–195, 242, рис. 43: 1, 2, с. 197, 251, рис. 49: 1–3; Савченко, 2002, с. 134; Ворошилов, 2004, с. 211; Савченко, 2004, с. 246, 250). Сочетания в одном погребении копья и дротика, отмечены и в более раннее время — не позднее V в. до н. э. (Медведев, 2001, с. 209, рис. 4: 1, 2). По мнению автора, дротик с городища Уваровичи следует датировать, очевидно, второй половиной V — IV в. до н. э.

Аналогия горошковскому дротику есть в погребальном комплексе 17 кургана в могильнике Русская Тростянка на Среднем Дону. Здесь вместе с копьем, двумя жаловидными дротиками имелся третий — с листовидным пером (Пузикова, 2001, с. 137–138; 169, рис. 28: 2–5). Этот курган продатирован исследователями IV–III вв. до н. э. Этим же временем О.Н. Мельниковская продатировала дротик с Горошкова. Автор согласен с В.Е.Еременко, что временные рамки данного экземпляра можно сузить до второй половины IV — начала III в. до н. э. (Еременко, 1989, с. 86; Лашанкоў, 1999а, с. 53).

В слое городища Отрубы в 2006 г. Н.Н. Дубицкой найден третий дротик. Он представлен жаловидным пером (Дубицкая, 2008, с. 194, 195, рис. 4: 4). Стержень дротика диаметром 0,9 см обломан у основания пера, которое имело длину около 7 см (острие обломано). Шипы ниже основания пера на 1,5 см. Они имеют со стороны стержня как бы выгнутую наружу форму. Максимальное расширение пера по краям шипов — 3,2 см. Автор раскопок связывает почему-то рассматриваемый наконечник не с милоградским населением, а с позднезарубинецким горизонтом — I–II вв. н. э., что вряд ли правомерно.

Праща. В культурном слое милоградских городищ и селищ довольно часто встречались метательные камни. Это говорит о том, что их жители были знакомы с пращой. Пращники с помощью специальных веревочных либо кожаных приспособлений метали небольшие камни в противника. К сожалению, метательные приспособления из веревок и кожи в слое памятников не сохранились. Пращевые камни имеют естественную шарообразную форму. Диаметры их в пределах 3–6 см. Иногда естественным камням небольшого размера жители поселков специально придавали округлые формы. В случае опасности в целях самозащиты использовались и песты. По неполным сведениям, автором зафиксировано 90 пестов (табл. 8). Последние в милоградских древностях хорошо известны среди каменных орудий (Мельниковская, 1967, с. 65–67, рис. 26: 4, 6; 27). Надо полагать, что у «милоградцев» пращой были вооружены

пешие воины. Пращу как вид оружия следует относить, по-видимому, больше к оборонительному вооружению, нежели к наступательному.

Таким образом, железных дротиков и копий, а также пращевых камней как метательного оружия у милоградского населения выявлено более 110 единиц. Доминируют в этой коллекции камни для пращи. Наконечники копий и дротиков редки. Если копья относятся ко времени со второй половины VII в. по III в. до н. э., то дротики — только со второй половины V в. до н. э. и до финала.

Колюще-рубящее оружие

В ближнем и рукопашном бою «милоградцы» использовали ножи, кинжалы и мечи-акинаки. Исследовательница скифского вооружения А.И. Мелюкова заметила, что кинжалы обычно имеют длину от 17 до 40 см, а мечи — от 50 до 80 см. По оформлению наверший рукоятей она разделила их на два отдела: 1) с прямым брусковидным и 2) с антенным простым либо зооморфным. Типы ею выделены по формам перекрестий: с почковидными; с бабочковидными и с ложнотреугольными (Мелюкова, 1964, с. 46, 47). В последнее время Е.И. Савченко предлагает свою точку зрения на различия между кинжалами и мечами. По его мнению, «оружие с клинком до 30 см — кинжал, а все остальные, более длинные клинки — мечи» (Савченко, 2004, с. 154–156).

На милоградских памятниках колюще-рубящее оружие является большой редкостью. Достаточно отметить, что в середине 60-х годов прошлого века в пределах Беларуси о таком оружии имелось лаконичное упоминание О.Н. Мельниковской. Она сообщает о случайных находках на городище и грунтовом могильнике Асаревичи нижеследующих предметов: «…железного целого кинжала (судя по описаниям находчика и сделанному им наброску, скифского акинака с загнутыми вверх концами навершия); железного меча с кольцевым навершием, большого бронзового кинжала или ножа, сведений о форме которого не сохранилось» (Мельниковская, 1967, с. 72). Что касается Украины, то на ее территории к началу 70-х годов XX в. были известны две единицы рассматриваемого вооружения. Это — кинжал с разрушенного погребения около поселка Казаровичи и меч с культурного слоя вблизи поселка Ораного (Петровская, 1971, с. 148, 150, рис. 1; Петровська, 1971, с. 14, рис. 3: 7; она же, 1971а, с. 84, рис. 1: 1). В начале XXI века (2006 г.) на территории Беларуси, на Асаревичском комплексе памятников, опятьтаки случайно, найдены железные меч и кинжал (Лошенков, 2007, с. 214, 216, рис. 1: 5, 6; он же, 2007а, с. 10–11).

Ножи. О ножах необходимо сказать следующее. В целях самозащиты милоградское население вполне могло использовать и железные ножи, хорошо известные как орудия повседневного обихода. Среди них наиболее эффективными в таких случаях являлись экземпляры с удлиненными лезвиями. У «милоградцев» подобные ножи автором выделены в третий тип. Длина лезвий у них 11,5–12 см и более (Лашанкоў, 1999а, с. 51). Заметим, что среди учтенных железных ножей (табл. 15) длиннолезвийные составляют пятую часть — 22 %. Это никак не свидетельствует об их большом количестве у населения изучаемой культуры.

Кинжалы. К началу III тысячелетия хорошо задокументированы только два кинжала (Лошенков, 2007а, с. 10): один — с Казаровичей, другой — с Асаревичей (рис. 55: 3, 4). Своими размерами и большей частью формой они схожи между собой. Общая длина у них такая: с Казаровичей — 35 см, с Асаревичей — 31,8 см. Длина клинков соответственно — 24,3 и 22 см. Лезвия клинков обоюдоострые, в поперечном сечении ромбовидные. Ширина клинков у перекрестий у экземпляра с Казаровичей 3,3 см, с Асаревичей — 3 см. У кинжала

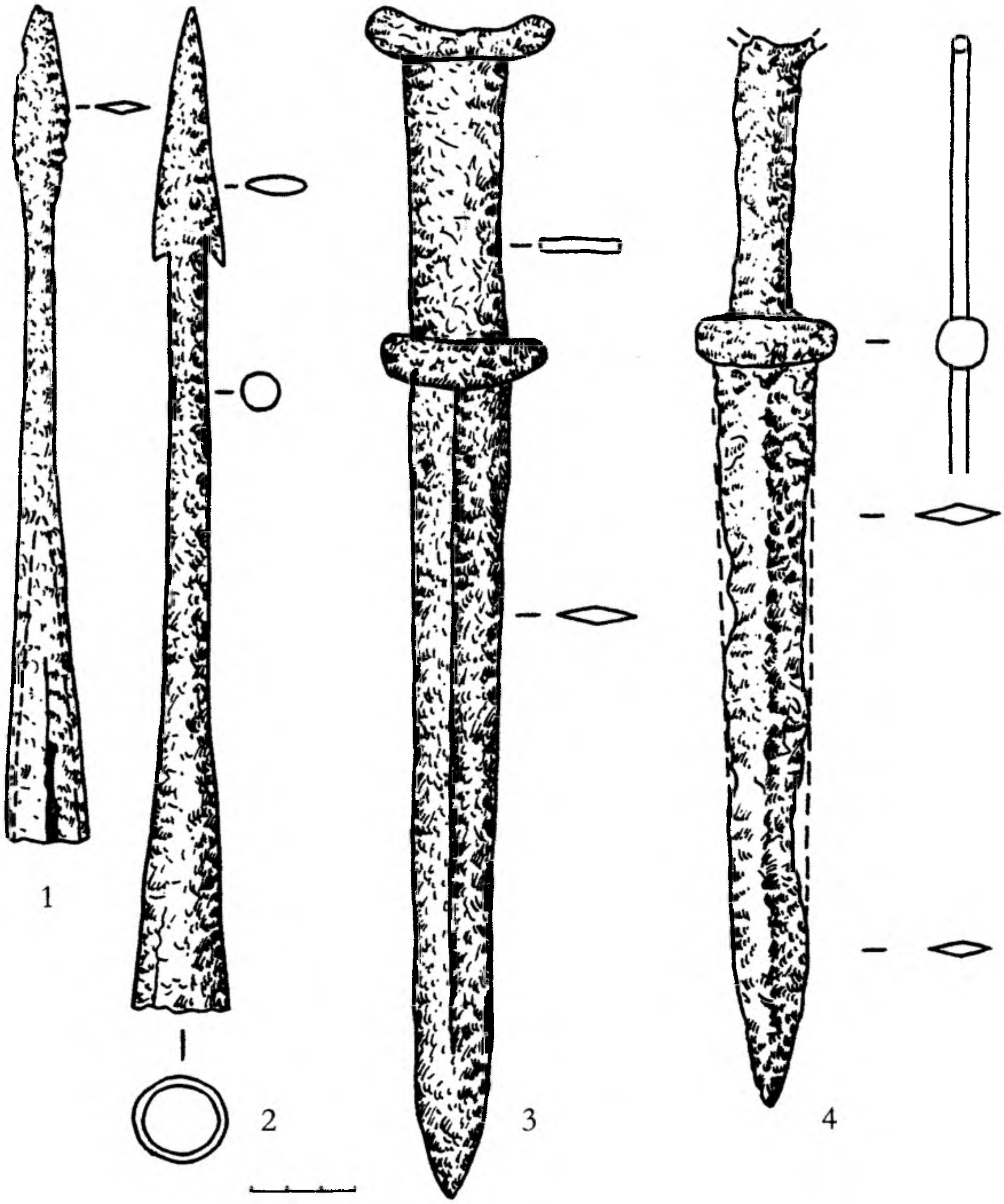

Рис. 55. Дротики и кинжалы
(1 — Горошков; 2 — Уваровичи; 3 — Казаровичи; 4 — Асаревичи)

с территории Украины клинок прямой с параллельными лезвиями, и конец его заострен треугольно. У асаревичского он постепенно сужается от перекрестия к концу: в средней части длины ширина его 2,5 см и в 5 см от окончания — 2 см, затем он сужается к острию (рис. VII: 49). Кинжал с Казаровичей имеет сегментовидное перекрестие, а с Асаревичей — прямое с закругленными углами, размером 1,5 × 4 см. Рукояти у обоих

прямоугольные и заканчиваются антенным навершием. Если у казаровичского экземпляра оно серповидной формы, то у асаревичского не сохранилось (рис. 55: 3, 4). Оба кинжала выкованы из целых прямоугольных заготовок соответствующей длины. Только перекрестия на них крепились при помощи сварки (Казаровичи) и заклепок (Асаревичи). По классификации аналогичного скифского оружия кинжал с Казаровичей относится к третьему типу второго отдела с простым антенным навершием (Мелюкова, 1964, с. 55, табл. 20: 3). В.Е. Еременко отнес его почему-то к пятому типу первого отдела, у которых навершие брусковидное, тогда как прямой аналогией ему является акинак с Волковцев, на что обращала внимание и Е.А. Петровская (Петровская, 1971, с. 150; Еременко, 1989, с. 84, табл. 2: 46). По данным А.И. Мелюковой, подобные акинаки фиксировались случайными находками в Среднем Поднепровье. У скифов короткие двухлезвийные мечи с антенным навершием появляются в V в. до н. э. (Мелюкова, 1989, с. 94). Рассмотренные нами два железных кинжала с территории Украины и Беларуси являются, несомненно, однотипными. По мнению автора, на основании скифских аналогий их следует датировать V в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 80; она же, 1989, с. 93). Третий подобный кинжал с антенным навершием и почти одинаковых размеров (общая длина 33 см, клинка – 20 см) найден случайно в 1970 г. около села Заборье недалеко от Киева (Петровська, 1975, с. 64–65, рис.). Он продатирован концом VI – началом V в. до н. э. Подобное оружие не раз отмечали исследователи у населения лесостепной полосы Курской и Воронежской областей (Воронина, 1962, с. 130–133; Разуваев, 2004, с. 191–192). Территориально наиболее близкой аналогией кинжалу с Асаревичей является случайно найденный около местечка Мена на севере Черниговщины. Этот акинак характеризуется очень коротким (15 см) лезвием клиновидной формы, почковидным перекрестием и брусковидным навершием (Яковенко, 1979, с. 90, рис. 1). По ряду признаков экземпляр с Черниговщины относится к первому типу первого отдела подобного оружия и надежно датируется VI в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 47–49, табл. 15; Яковенко, 1979, с. 91).

Мечи. В настоящее время на территории проживания милоградского населения известно два меча. Первый из них выявлен во второй половине 60-х годов прошлого века в культурном слое поселения вблизи села Ораное, что в Иванковском районе Киевской области. Находка эта опубликована Е.А. Петровской (Петровська, 1971а, с. 83–85, рис. 1: 1). Второй — случайно найден в 2006 году на не раз уже упоминавшемся комплексе памятников Асаревичи в Брагинском районе. Он сохранился не полностью: отсутствует примерно половина (нижняя) клинка (рис. 56). Изделие сильно коррозировано, что привело к частичной утрате лезвий клинка (рис VII: 50). Длина сохранившегося меча 44 см. По реконструкции полный размер его был около 75 см. Клинок у него обоюдоострый, в сечении ромбовидный. Он сохранился на 31 см, что составляет примерно половину его. Ширина клинка у перекрестия 5 см, а в 28 см ниже его — 3 см, у излома — 2,8 см. Рассматриваемый меч имел, судя по всему, вытянутый треугольный клинок, сужающийся постепенно от основания у перекрестия к острию. Этот экземпляр оружия выкован из длинной заготовки. Рукоять выделена от клинка плавным уступом, а от лезвий она отделена почковидным перекрестием (рис. 56). Перекрестие было прикреплено, по-видимому, с помощью сварки. Оно размером 2,5 × 5,8 см и незначительно выступает за кромки лезвий. Размеры

рукояти такие: длина — 8,5 см, ширина — 2,7–3 см и толщина — 0,65 см. Заканчивалась ручка у этого меча антенным навершием, по-видимому, простым. Как видим, меч с Асаревичей типологически схож с таковым с Ораного на Украине. Они различаются в какой-то мере размерами и некоторыми деталями в оформлении. Например, меч с Ораного имеет на клинке рельефные бороздки, а на ручке — углубления с двумя валиками и насечками со стороны перекрестья (Петровська, 1971а, с. 84, рис. 1: 1). Рассмотренный нами меч из Асаревичей относится к подобным изделиям второго отдела первого типа скифских и может быть датирован концом VI — V в. до н. э. (Мелюкова, 1964, с. 53–54, 80). Е.А. Петровская продатировала меч с Ораного V в. до н. э. (Петровська, 1971а, с. 84, 85).

Рассматривая оружие населения милоградской культуры, нельзя не упомянуть еще об одной находке. В настоящее время в Польше, в Государственном археологическом музее Варшавы, хранится бронзовая рукоять кинжала или меча (Поболь, 1979, с. 88, рис. 71). В начале прошлого века она находилась в музее города Витебска, куда поступила в 1901 году от коллекционера либо любителя древностей Ст. Обремпальского (Wegrzynowicz, 2001, s. 61, 121, rys. 52: F). Это случайная находка 1898 г. В публикациях есть рисунки и описания данного предмета. Автор обращает внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, при отсутствии сведений о месте ее находки наиболее вероятно, что она происходит с территории Украины либо самого крайнего юго-востока Беларуси. Во-вторых, литая, орнаментированная с одной стороны, рамчатая рукоять с антенным навершием и полым брусковидным перекрестием хорошо соотносится с соответствующими скифскими древностями, характерными в основном для раннего периода — VII в. до н. э. (Мелюкова, 1964, табл. 20). В-третьих, у рассматриваемого предмета не только полое перекрестие, но и желобчатые углубления на плоской стороне рукояти, противоположной орнаментированной. Естественно полагать, что в эту рукоять нужно было вставить и закрепить в ней железный либо стальной клинок. Ведь в описаниях нет сведений, что клинок был бронзовый и он сломан. Комбинированные мечи и кинжалы с бронзовыми ручками и железными лезвиями — явление редкое среди такого оружия (Мелюкова, 1964, с. 46, 59). Несмотря на редкость биметаллических мечей, они, тем не менее, изучаются весьма обстоятельно (Начальный этап обработки..., 1977, с. 59–70; Ворошилов, 2007, с. 150–156; он же, 2008, с. 91–96). Полагаю, что у нас нет достаточных оснований связывать бронзовую рукоять из Витебского музея (теперь — из Варшавского) с милоградским населением на территории Беларуси. Вместе с тем, упомянутый О.Н. Мельниковской бронзовый кинжал с Асаревичей не позволяет полностью исключать и такую возможность.

Как видим, оружие для рукопашного боя у населения милоградской культуры обнаружено в крайне малом количестве. Кинжалы и мечи происходят только с памятников Приднепровья. Появляются они в V в. до н. э.

Поясной крючок. Среди предметов, имеющих косвенное отношение к вооружению, — крючок, по-видимому, от защитного пояса (рис. 57: 1). Он найден Н.В. Бычковым на левобережье Днепра, в Нижнем Посожье, в разрушенном погребении около деревни Юрковичи Ветковского района Гомельской области (Рассадзін, 1988, с. 75–76, мал.; Он же, 1992, с. 71, мал. 2: 24). Подобные вещи на милоградских памятниках ранее не встречались. Щиток бляхи

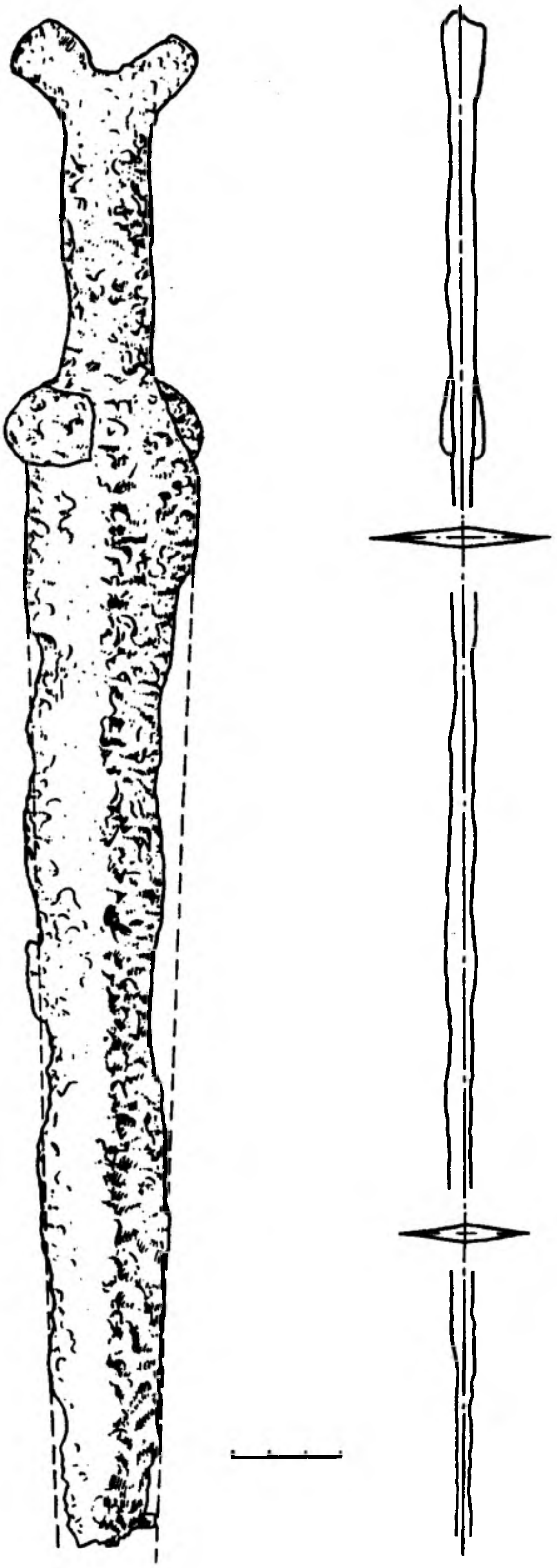

Рис. 56. Железный меч с Асаравичей

треугольной формы. С наружной стороны имеет рельефный орнамент (рис. 57: 1). На обратной стороне ее, на широкой части около края, есть петелька для крепления к ремню. В суженной части щиток переходит в продолговатый стержень, который в поперечном сечении овальной формы. Этот стержень загнут крючком на тыльную сторону. От щитковой бляхи он украшен поперечной гофрировкой. Ниже гофрированной части его с боковых сторон имеются два выступа в виде ушек (рис. 57: 1). Общая длина изделия 4,4 см. Максимальная ширина щитка 2,6 см, а в месте перехода в стержень — 0,8 см. Толщина его от 0,15 до 0,4 см. Стержень толщиной от 0,55 до 0,3 см около окончания. Крючок в месте изгиба максимально толстый. Окончание его закруглено. Рассматриваемый крючок-застежка для пояса является зооморфным изделием. По систематизации зооморфных изображений он вполне может соответствовать мотиву кабана, в чем следует согласиться с мнением С.Е. Рассадина (Рассадзін, 1988, с. 76; Рассадин, 1991, с. 13; Гуляев, 1969, с. 115). Изучение аналогичных предметов скифского звериного стиля показывает, что центр их изготовления находился в Воронежской Лесостепи. Именно у населения Среднего Дона бронзовые крючки-застежки в виде стилизованных фигур животных имели широкое распространение (Либеров, 1965, с. 18–19, табл. 31, 32; Гуляев, 1969, с. 125; он же, 2001, с. 31, рис. 20, 21; Пузикова, 2001, с. 53, 86, рис. 13: 1; с. 56, 94, рис. 21: 1, 2; с. 66, 105, рис. 32: 13; с. 67, 114, рис. 41: 6, 7; с. 129, 151, рис. 10: 8; с. 125, 144, рис. 3: 18; Савченко, 2004, с. 229–241, рис. 26-28, с. 251, 277, табл. 20). Скорее всего, с этой территории данная вещь попала к «милоградцам» в Нижнее Посожье. Нельзя не отметить, что рассматриваемые изделия находились в употреблении непродолжительное время — с конца V в. до середины III в. до н. э. (Гуляев, 1969, с. 125–127; Мелюкова, 1989, с. 95, табл. 39: 56, 65, 68). Учитывая условия нахождения экземпляра с Юрковичей в погребении, его, по-видимому, следует датировать IV в. до н. э. О назначении таких предметов имеются разные взгляды. Их могли использовать для подвешивания к поясу горитов, оселков, для соединения ремней портупеи, в качестве застежек для одежды и как поясной крючок (Либеров, 1965, с. 18–19; Гуляев, 1969, с. 125–127; Мелюкова, 1989, с. 95). С.Е. Рассадин считает, что данный предмет выполнял функцию застежки для колчана (Рассадзін, 1988, с. 76; Рассадин, 1991, с. 13). Думается, следует согласиться с наиболее устоявшимся мнением о том, что такие крючки служили в качестве застежек в простых и защитных кожаных поясах.

Таким образом, рассмотренное нами вооружение милоградского населения позволяет сделать следующие выводы:

– в целом типы его, как и ассортимент, имеют хорошо выраженный южный облик — тождественный набору оружия у лесостепных племен;

– с оружием у населения лесной полосы — «штриховиков», «днепро-двинцев», «дьяковцев» — существует много различий, как по ассортименту предметов, так и по типам конкретных изделий. По-видимому, большее сходство может быть в предметах вооружения у «милоградцев» с восточными соседями — «юхновцами»;

– основным оружием у племен милоградской культуры являлся лук со стрелами;

– почти все известное оружие локализуется в Приднепровском регионе, тогда как на остальной территории проживания милоградских общинников оно фиксируется единицами.

Снаряжение коня

Принадлежности конского снаряжения на памятниках милоградского населения, по данным О.Н. Мельниковской, разнообразны: цепь от уздечного набора, бляхи с петлями, ворворки и кольца. Кожаные ремни уздечек, как и другие приспособления

для верховой езды, в культурном слое не сохранились. А вот металлические и костяные детали от таких принадлежностей зафиксированы. Железная цепь из уздечного набора подробно описана и продатирована IV–III вв. до н. э. (Мельниковская, 1967, с. 56, 73, рис. 19; 20: 4; 21: 7). Раскопки памятников за последние 30 лет позволили пополнить коллекцию снаряжения лошади новыми находками (Рассадзін, 1991, с. 77–78, мал. 2: 6, 7; Жаров, 1995, с. 46, рис. 1: 21, 22).

Удила. Важной составной частью узды являются удила. Во второй половине 70-х годов XX века на территории северной Украины в разрушенном милоградском погребении найдена деталь конской узды — удило. Это половина удила литая, бронзовая. Авторы публикации не сочли нужным дать подробное описание рассматриваемой далеко не рядовой находки (Рассадзін, 1991, с. 78, мал. 2: 7). На рисунке изделие изображено схематически, без масштаба, что исключает поиск параллелей. Время данного фрагмента удил определено не позднее начала V в. до н. э. (Рассадзін, 1991, с. 78).

Бляхи. Все бляхи с петлями сделаны из бронзы. Их восемь. Они обнаружены на укрепленных поселениях Асаревичи (1), Вылёво (1), Горошков (3), Лиски (1), Любны (1), Милоград (1). Шесть экземпляров имеют сферическую наружную форму, и они опубликованы (Мельниковская, 1967, с. 73, 75, рис. 31: 1–6). В плане эти изделия круглые, диаметром от 1,7 до 3,7 см. С внутренней стороны, вогнутой, у них есть петельки. Бляшка с Асаревичей не круглая, а вытянутой овальной формы, размером 2,6 × 4,3 см. Рассматриваемые бляшки пришивались к ремням уздечек либо крепились в местах соединительных узлов. Аппликации из полых сферических бляшек на уздечках либо другом снаряжении, несомненно, являлись элементами украшений. Бляха с городища Вылёво не сферическая, а имеет слегка коническую наружную поверхность. Она диаметром 5,4 см. В центре ее есть рельефный выступ сферической формы диаметром 1 см. Вокруг шаровидного выступа расположены четыре круга из прорезных треугольничков, обращенных вершинами к центру. Рассматриваемая ажурная бляха содержит сакрально-магический рисунок солярной символики. Она литая. С тыльной стороны ее, в центре, есть петелька. По мнению О.Н. Мельниковской, подобные бляхи характерны для позднего гальштата (Мельниковская, 1967, с. 73, рис. 31: 2). В.Е. Еременко продатировал ее VII в. до н. э. (Еременко, 1989, с. 81). Она, несомненно, являлась украшением в конском снаряжении. Экземпляр с городища Лиски отличается от охарактеризованных выше тем, что он не выгнутой сферической формы, а плоский (рис. 57:2). Эта бляшка круглая, диаметром 3,4 см и толщиной 0,3 см. Петля с обратной стороны из круглой в сечении проволоки в форме дужки концами крепится к краю диска. Плоская бляшка с петлей использовалась, скорее всего, для скрепления перекрестных ремней в уздечном наборе. Аналогии ей имеются в закрытых комплексах скифского времени на Среднем Дону, где такие изделия датируются рубежом V–IV вв. до н. э. (Либеров, 1965, с. 29, рис. 2: 107, 142; табл. 24: 23; Пузикова, 2001, с. 131, 148, рис. 7: 15, с. 134–159, рис. 18: 11). Есть они и среди скифских древностей Поднепровья, где относятся к IV в. до н. э. (Петренко, 1967, с. 39, табл. 27: 1–3). Наиболее раннее время подобных бляшек — VII — первая половина VI в. до н. э., по уздечкам с Алексеевского кургана в Предкавказье (Петренко, 1989, с. 222, 303, табл. 87: 59).

Пронизки. Примерно в VII–V вв. до н. э. для соединения перекрестных ремней стали применяться специальные пронизки.

Две бронзовые пронизки найдены на милоградском селище Южный Замглай в Черниговской области Украины (Жаров, 1995, с. 46, рис. 1: 21, 22). Они цилиндрические и выполнены в зверином стиле: одна с головкой олененка, а другая — грифона. В них имеются отверстия для протягивания ремней. Такие предметы звериного стиля на памятниках милоградского населения исследователям ранее не встречались. Функцию пронизок у «милоградцев» могли выполнять просверленные клыки диких кабанов, которые найдены на городищах Уваровичи, Шепотовичи и Чаплин (Третьяков, 1959, с. 144, рис. 12: 20; Дробушевский, 1995, с. 92, рис. 2: 16, 17; Он же, 1995а, с. 40, рис. 2: 1). Автор полагает, что такое их использование вполне допустимо (Лашанкоў, 1999а, с. 57).

Пластина. Снаряжение коня украшали не только бляшки, пронизки, но и пластины. По-видимому, такое назначение имела бронзовая пластина с Лисковского городища. Один конец у нее отломан, а другой целый. Он постепенно сужается и закруглен (рис. 57: 3). Эта пластина имеет небольшую поперечную выгнутость на лицевую сторону. Толщина ее 0,15 см, ширина — 2,3 см. Надо полагать, что она являлась какой-то накладкой.

Ворворки. Бронзовыми были не только бляхи, пластины, пронизки, но и ворворки. На милоградских памятниках их найдено 11 экземпляров. Обнаружены они на поселениях Украины (Бортничи (2), Подгорцы) и Беларуси (Гомель (рис. 57: 6), Горошков, Лиски (рис. 57: 4), Милоград (2), Чаплин (рис. 57: 5), Подгорье (2)). Помимо бронзовых были еще две костяные ворворки — на Уваровичском городище (рис. 93: 8) и из желтой непрозрачной пасты — на поселении Подгорцы (Дробушевский, 1995, с. 92, рис. 1: 28, 29; Даниленко, 1956, с. 10, табл. II: 11). Эти предметы чем-то напоминают колокольчики. Размеры у них разные: высота от 1,1 до 4,2 см, диаметр вверху — 0,7–1 см и внизу — 2–2,5 см. Различия в деталях формы позволили В.Г. Петренко выделить три типа ворворок (Петренко, 1967, с. 41; Лашанкоў, 1999а, с. 57). К первому относятся изделия, корпус которых имеет форму усеченного конуса. В коллекции шесть таких предметов: из бронзы четыре (Бортничи, Милоград (2), Подгорцы) и по одному из кости (Уваровичи) и глухой пасты (Подгорцы). Второй тип — с вогнуто-коническим туловом. Подобные ворворки найдены в Бортничах, Гомеле (рис. 57: 6), Горошкове, Подгорье (2) и Чаплине (рис. 57: 5). Три изделия с Гомеля и Подгорья имели верхнюю и среднюю части цилиндрической формы, а нижнюю — в виде конического расширения (рис. 57: 6). Все шесть экземпляров второго типа бронзовые. К третьему типу отнесены ворворки полусферической формы. Их мало, всего две: одна, бронзовая, — с Лисок (рис. 57: 4), а другая, костяная, — с Уваровичского городища (рис. 93: 8). Среди рассматриваемых бронзовых изделий выделяется одна ворворка с городища Милоград. Она орнаментирована прорезями из трех треугольников, расположенных вершинами вверх (Мельниковская, 1967, с. 75, рис. 31: 17). На корпусе они вырезаны как бы по углам равностороннего треугольника. Ворворки первого типа по ближайшим аналогиям с курганов Поднепровья могут быть продатированы второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 29, 50, табл. 12: 10, 11; 28: 6). Вогнуто-конические изделия второго типа датируются V–III вв. до н. э. (Петренко, 1967, с. 41, табл. 32: 1, 2, 23–31). Ворворка с городища Лиски третьего типа имеет аналогии в уздечных наборах VI–V вв. до н. э. у савроматов (Смирнов, 1989, с. 166, табл. 67: 20). У скифов самые ранние подобные изделия есть в курганах Предкавказья — Келермес и Красное Знамя, где они датируются VII —

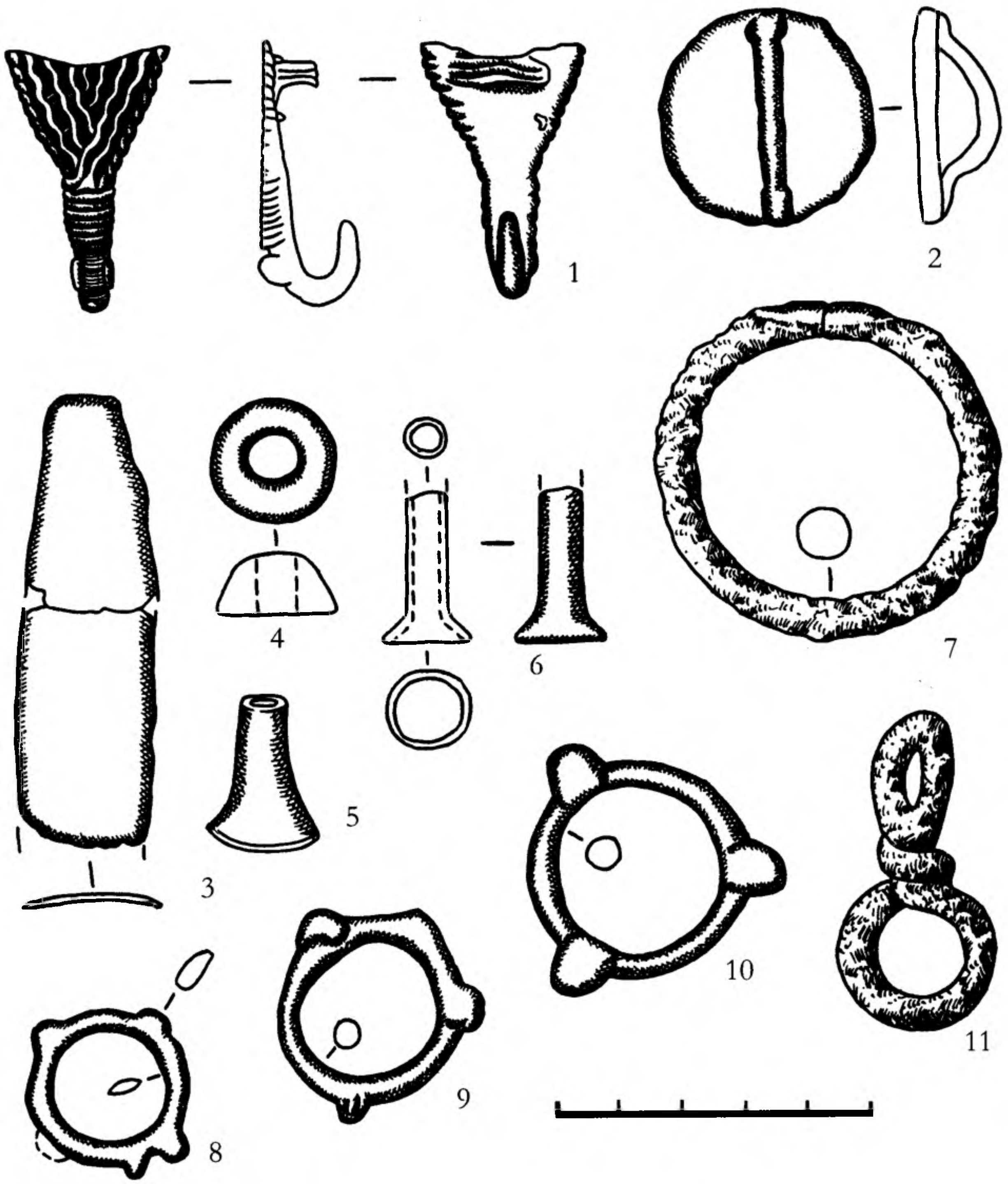

Рис. 57. Поясной крючок и детали конского снаряжения
(1 — Юрковичи; 2, 4 — Лиски; 5, 9, 10 — Чаплин; 6 — Гомель; 7 — Ястребка; 8, 11 — Горошков)

первой половиной VI в. до н. э. (Галанина, 1983, с. 47, табл. 8: 16, 9: 11; Петренко, 1989, с. 222, табл. 87: 79). Экземпляр с Лисок относится к числу наиболее ранних. Учитывая то обстоятельство, что рассматриваемые находки происходят не с закрытых погребальных комплексов, а с поселений, их следует датировать в пределах V — начала III в. до н. э.

(Памятники скифской эпохи…, 1989, с. 97, 124–125, рис. 29: 16–23; 39: 13–15).

О назначении ворворок есть несколько предположений. Условия их выявления на изучаемых памятниках не позволяют однозначно связывать эти предметы только с конской сбруей. Они ведь найдены в культурном слое поселений, а не в погребениях со снаряжением лошади. Ворворки, как известно, были полифункциональными по назначению. Они использовались и как конструктивная деталь в вооружении, в предметах быта и в наборах конской узды. Любой из этих способов их применения у «милоградцев» вполне допустим.

Кольца. Рассматривая кольца с милоградских памятников, О.Н. Мельниковская выделила среди них в зависимости от использования три разновидности: височные, на пальцы и с выступами (амулеты) (Мельниковская, 1967, с. 81–82, рис. 35; 36: 1–14). Если первые две разновидности применялись в качестве украшений, то третья вряд ли имела к этому отношение. Вместе с тем исследовательница отмечает, что какая-то часть железных колец являлась принадлежностью (деталями) конского снаряжения (Мельниковская, 1967, с. 75). Они входили в наборы уздечек и подпружных ремней (Петренко, 1967, с. 38, табл. 26: 2; 27: 52; Галанина, 1977, с. 29, 53, табл. 13: 6; 32: 8–11; Мелюкова, 1989, с. 97, табл. 28: 30; 36: 5). Рассматриваемые кольца третьей разновидности отличались большими размерами по сравнению с украшениями. Их внутренние диаметры превышали 2,5–3 см. Они сделаны из гладкой, круглой в сечении проволоки, толщиной 0,3–0,6 см. В наборах снаряжения коня такие предметы выполняли соединительные функции. В связи с тем, что изделия, о которых идет речь, выявлены в культурном слое милоградских поселений, нельзя не отметить, что их связь со снаряжением лошади не бесспорна. В то же время большинство исследователей эти предметы не описывают, а ограничиваются лишь констатацией фактов их обнаружения. Они никак не оговаривают, хотя бы предварительно, способы их применения. Это осложняет интерпретацию таких находок. Например, кольцо с городища Ястребка сделано не из железа, а из стали и было покрыто бронзой (рис. 57: 7) (Лошенков, 1994, с. 56, рис. 1: 11). Его наружный диаметр 5,5 см. Подобные кольца больших размеров, несомненно, являлись принадлежностью конской сбруи (Савченко, 2001, с. 85–88, рис. 25: 16). Такие кольца и чуть поменьше размером были и в петлях удил уже в V в. до н. э. (Лошенков, 1994, с. 56). Подобные находки археологи чаще фиксировали на городищах Приднепровья (Горошков, Милоград, Чаплин), нежели в регионах Посожья (Уваровичи) и Полесья (Ястребка) (Третьяков, 1959, с. 140, рис. 14: 7, 11; Мельниковская, 1967, с. 75; Лашанкоў, 1999а, с. 57). В большинстве своем кольца железные, диаметром от 3 до 5,5 см. У одних концы стыкуются, как у экземпляра с городища Ястребка (рис. 57: 7), а у других места соединений, по-видимому, сварены и хорошо обработаны, поскольку нет соединительных швов. Помимо одиночных колец встречались и соединенные по три. Такие факты зафиксированы на городищах Горошков, Милоград и Чаплин (Третьяков, 1959, с. 140, рис. 14: 1; Мельниковская, 1967, с. 75). На памятниках Полесья и Посожья подобные случаи ни разу не отмечены.

Крайне редко в слое поселений, а тем более в погребениях, встречаются бронзовые кольца с выступами, которые О.Н. Мельниковская отнесла к украшениям (Мельниковская, 1967, с. 82, рис. 36: 3). Она отмечает, что в пределах Беларуси известно три таких кольца. Одно найдено в милоградском погребении Горошковского грунтового могильника, другое — на многослойном селище Чаплин, а третье — в женском зарубинецком погребении № 116 Чаплинского грунтового могильника (Мельниковская, 1962, с. 166, рис. 5: 1; Поболь,

1971, с. 57, 58, 132, рис. 34: 10; 68: 1, 2; он же, 1973, с. 115–116, рис. 38: 11). Первые два кольца следует связывать с кругом милоградских древностей, поскольку на селище Чаплин есть отложения милоградского времени. Кольца с Горошковского могильника и Чаплинского селища имеют по четыре выступа, а с зарубинецкого погребения — три (рис. 57: 8–10). Диаметры у них разные: у экземпляра с Горошкова — 2,5 см, с селища Чаплин — 4 см, с могильника Чаплин — 3,5 см. Они литые. У них стержни круглые в сечениях, толщиной 0,4 см. У кольца с Горошкова стержень в разрезе линзовидной формы. Здесь весьма важно подчеркнуть, что выступы-шишечки на кольцах расположены не однообразно. Так, у кольца с горошковского могильника они находятся на поверхности внешнего диаметра и расположены несимметрично (рис. 57: 8). У экземпляра с чаплинского селища — на поверхности между боковой стороной и наружным диаметром (рис. 57: 9). На кольце с зарубинецкого погребения выступы-шишечки расположены неравномерно, и находятся они между наружной поверхностью и боковой стороной (рис. 57: 10). Кольца, подобные рассматриваемым, есть в уздечном наборе 14 кургана могильника Русская Тростянка на левобережье Среднего Дона. Два кольца разного диаметра имеют по три выступа-шишечки на боковых сторонах. Интересно заметить, что выступы на них припаяны, и к тому же асимметрично (Пузикова, 2001, с. 135, 163, рис. 22: 9, 10). Территориально более близкое кольцо с тремя шишечками в кургане IV в. до н. э. (№ 14) с Сеньковского могильника под Борисполем на Украине существенно отличается от рассмотренных нами у милоградского населения (Покровська, 1965, с. 144, табл. 1: 10). По-своему уникальными для милоградских древностей являются два соединенных бронзовых кольца (литые) с тремя шишечками с Приборского захоронения по обряду сожжения. В погребальном инвентаре вместе с соединенными кольцами имелись еще две гривны, два браслета, сорок бусин из прозрачного стекла желтого, зеленого и голубого цветов. Данное милоградское погребение с территории Украины продатировано VI — началом V в. до н. э. (Рассадзін, 1991, с. 74–79). Рассматриваемые сдвоенные кольца отличаются от вышеупомянутых одинарных тем, что у одного из них (верхнего) есть петелька для крепления и ношения в подвешенном состоянии. В Северном Причерноморье рассматриваемые предметы в наборах курганных древностей датируются концом V либо рубежом V–IV вв. до н. э. (Битковский, 1987, с. 82, рис. 7: 5, 6; Евдокимов, 1987, с. 105, рис. 16: 3).

О применении рассматриваемых колец существует несколько мнений. О.Н. Мельниковская и Б.А. Шрамко относят такие предметы к украшениям (Мельниковская, 1967, с. 82; Шрамко, 1987, с. 50, 122, рис. 17: 19; 58: 15, 18, 19). Б.А. Шрамко считает их подвесками, а О.Н. Мельниковская допускает мысль об использовании их в качестве амулетов. Заметим, что бронзовые кольца с выступами появляются у скифского населения Поднепровья в первой половине V в. до н. э. (Галанина, 1977, с. 50, табл. 27: 17–19, 23). У населения Лесостепи, на Правобережье Среднего Поднепровья, они встречаются наиболее часто в IV–III вв. до н. э., где входят в состав конской узды (Петренко, 1967, с. 38, табл. 25: 7–9, 12; Ильинская, 1973, с. 42–63; Мелюкова, 1989, с. 97, табл. 36: 5, 35; Памятники скифской эпохи..., 1989, с. 123, рис. 39: 2, 5, 10, 12; Пузикова, 2001, с. 135, 163, рис. 22: 9, 10). Кольца с шишечками не только входили в состав конской узды, но и могли служить для стягивания подпружных ремней. У милоградского населения на территории Беларуси они появились, скорее всего, от соседей с юга. Единичность их и условия выявления позволяют прийти к заключению, что использовали эти

предметы «милоградцы», по-видимому, в качестве украшений. Во всяком случае, на это указывают находки с могильников Горошков и Приборск. Время использования их V–III вв. до н. э.

Среди рассматриваемых предметов весьма необычно выглядят сдвоенные железные кольца с городища Горошков. Они восьмеркообразной формы и свернуты из толстой проволоки (рис. 57: 11). Большее и меньшее кольца в месте их соединения развернуты по вертикальной оси на 90° (Мельниковская, 1967, с. 56, 73, рис. 21: 5). О.Н. Мельниковская высказала мысль о том, что это — деталь (кольцо) от конской сбруи. Эти сдвоенные кольца в одном приспособлении выполняли, несомненно, разъединительную функцию для ремней в снаряжении лошади. Подобные перевитые железные кольца зафиксированы в кургане № 18 группы Русская Тростянка на Среднем Дону (Пузикова, 2001, с. 138, 172, рис. 31: 8). Авторами раскопок П.Д. Либеровым и А.И. Пузиковой два погребения в этом кургане продатированы IV–III вв. до н. э. Такой же «железный разделитель ремней упряжи» обнаружен в 36 кургане могильника Колбино I (Шевченко, 2009, с. 46, рис. 44: 10; Савченко, 2009, с. 248, рис. 8: 9, 10).

Таким образом, если раньше были известны четыре группы предметов из упряжи лошади (цепь от уздечки, бляхи с петлями, ворворки и кольца), то теперь появились новые детали: удила, пронизки и пластина-накладка. Все рассмотренные нами детали, связанные со снаряжением коня, относятся ко времени с VII по III в. до н. э.

4. Украшения и предметы туалета

В ходе раскопок памятников милоградской культуры накоплен значительный материал по украшениям носителей этой древней общности. Коллекции представлены такими категориями предметов, как браслеты, булавки, сережки, кольца, подвески, бусы. Исходным материалом для этих изделий служили золото, серебро, бронза, железо, кость, камень, глина. Следует заметить, что не все из перечисленных украшений были сделаны местными мастерами. Например, бусы из стекла и пасты, золотые сережки и бляшки, серебряные браслеты, несомненно, являлись импортом, как и какая-то часть бронзовых изделий. Надо полагать, что предметов импорта было меньше, нежели украшений местного изготовления. Свидетельством тому служат находки тиглей, льячек и обломков литейных форм не только на городищах Приднепровья, Полесья, но и на аналогичных памятниках Посожья — Ленино, Любны, Подгорье, Уваровичи, Уза (Мельниковская, 1967, с. 126–128, рис. 58; Лошенков, 1995, с. 78–81, рис. 1).

Булавки. На милоградских памятниках булавки составляют значительную часть коллекций. Они сделаны из бронзы и железа. Такие предметы различаются конструктивно лишь навершиями. По формам верхних частей — головок — они делятся на нижеследующие типы: ажурный, биконический, гвоздевидный, игловидный, кольцевидный, конический, лопаточковидный, посоховидный, спиралевидный, цилиндрический (табл. 19). Среди перечисленных типов почти все (семь из десяти) выделены О.Н. Мельниковской (Мельниковская, 1967, с. 86–93). Только три — ажурный, лопаточковидный и спиралевидный — другими исследователями, соответственно Е.А. Петровской и автором, с той лишь разницей, что ажурный — еще в начале 70-х годов, а спиралевидный — в конце 90-х (Петровська, 1971, с. 19–20; Лашанкоў, 1999а, с. 60, 61, рис. 31: 12–14). В ходе раскопок городищ попадались стержни от подобных украшений. Навершия у них были сломаны. Так, стержень от бронзо-вой булавки с городища Отрубы длиной 13,2 см. Он круглый в сечении и толщиной 0,4 см, как и на городище Старое Красное. Еще один бронзовый стержень, примерно таких же размеров, но только квадратный в сечении, обнаружен в слое городища Лиски. Железных же с этого памятника четыре. Один из них длиной 13,1 см и толщиной 0,4 см. Такие находки нами в расчет не принимались, поскольку их нельзя связывать с каким-то определенным типом изделий. Они, тем не менее, свидетельствуют о том, что реальное количество булавок было при этом несколько большим. Естественно, что не все рассматриваемые украшения этой категории были в нашем распоряжении целыми. У многих из них нет нижних половин, окончаний либо вообще есть только навершия. Автором учтено сто пятьдесят три булавоки на территории проживания племен милоградской культуры. Большое их количество обнаружено на памятниках Беларуси, причем на городищах (табл. 19). Только пять булавок выявлено в погребе-ниях. Одна — на Горошковском могильнике (рис. 61: 13) (Мельниковская, 1962, с. 166, рис. 5: 5). Три — на зарубинецких грунто-вых могильниках: в 45-м погребении на Велемичском втором, в 137-м и 236-м на Чаплинском (Кухаренко, 1964, с. 35, табл. 15: 5; Поболь, 1973, с. 129, 180, рис. 44: 3; 65: 4). В последних случаях они имеют еще какую-то связь с древностями населения зарубинецкой культуры. Несомненно, с кругом милоградских древностей следует связывать гвоздевидную булавку, найденную К.В. Каспаровой на грунтовом могильнике

Таблица 19

Булавки населения милоградской культуры

Памятники	Типы										Всего
	ажурный	биконический	гвоздевидный	игловидный	кольцевидный	конический	лопаточковидный	посоховидный	спиралевидный	цилиндрический	
1. Асаревичи			1		1			1	2		5
2. Борхов								1			1
3. Велемичи II			1								1
4. Ворновка									2		2
5. Горошков		1	6	1	4			6		1	19
6. Колочин II								1			1
7. Курадово								1			1
8. Лемешевичи			2						1		3
9. Лиски			2		1			5			8
10. Любны								4			4
11. Милоград			1					1			2
12. Отвержичи			1								1
13 Отрубы								1			1
14. Петриков II								1			1
15. Подгорье								3			3
16. Присно					1			2	1		4
17. Ст. Красное					1			1			2
18. Ст. Однополье		1			1			2			4
19. Теребень					1						1
20. Уваровичи					2		1	4			7
21. Чечерск								1			1
22. Чаплин			2	1	5			6			14
23. Шепотовичи					1						1
24. Шерстин		1									1
25. Ясенец I								1	1		2
26. Ястребка			1								1
Беларусь — 91	**–**	**3**	**17**	**2**	**18**	**–**	**1**	**42**	**7**	**1**	
27. Большая Солтановка								1			1
28. Бортничи								2			2
29. Букрин	1										1
30. Веремье	1										1
31. Гремячее										1	1
32. Дедов Шпиль			1								1
33. Десна	1										1
34. Деснянка			9								9
35. Деревянное								1			1
36. Дудари	1										1
37. Зарванцина			1								1
38. Козари VII			2								2
39 Козинцы			2								2
40. Корост								1			1
41. Красная Почта								1			1
42. Кундеревич (сборы)	1										1
43. Курганы								2			2
44. Лука-Райковецкая								1			1
45 Малополовецкое			1					1			2
46 Малая Снетинка								1			1
47 Мизяково			10					2			12
48. Народичи						2					2
49. Плитовище			1								1
50. Подгорцы	1				2			1			4
51. Прохоревка	1										1
52. Роище			2								2
53. Рудяки	1										1
54. Солтановка			1								1
55. Сороки	1										1
56. Табаевка								1			1
57. Таценки VII			1					2			3
Украина — 62	**9**	**–**	**31**	**–**	**2**	**2**	**–**	**17**	**–**	**1**	
Всего по культуре	**9**	**3**	**48**	**2**	**20**	**2**	**1**	**59**	**7**	**2**	**153**

Отвержичи вне погребений (Каспарова, 1976, с. 51, рис. 11: 4). На памятниках Украины булавок примерно на треть меньше (табл. 19). Примечательно то, что более половины их найдена в милоградских погребениях на могильниках Деснянка, Курганы, Малополовецкое, Мизяково, Народичи, Плитовище, Роище, а другая часть — на селищах (Блифельд, 1952, с. 54, рис. 2: 1; Даниленко, 1953, с. 205, табл. I: 11; он же, 1956, табл. II: 22–24; IV: 7, 8; Гончаров, 1963, с. 290, рис. 4: 9; Жаров, 1995, с. 45–50; Лобай, 1977, с. 77–84, рис. 2: 1, 8; 4: 4, 5; 9: 1–3, 5–7; Лысенко, 2005, с. 323; Максимов, 1982, с. 107, табл. XXI: 26; Кухаренко, 1966, с. 113, рис. 43: 2; Свєшников, 1971, с. 68–81; Свешников, 1990, с. 162–164; Сікорський, 1971, с. 65–73, рис. 3: 13, 14; Шекун, 1995, с. 152–158; Циндровська, 1998, с. 152; Квитницкий, 2009, с. 263, рис. 3:14, 15, 18). Если на территории Беларуси нет булавок ажурного и конического типов, то на Украине отсутствуют изделия с биконическими, игловидными, лопаточковидными и спиралевидными навершиями. Ниже рассмотрим все десять типов булавок, которые находились в пользовании у носителей милоградской культуры.

Тип ажурных булавок в милоградских древностях — примечательное явление (рис. 58: 1–3). Почти все они локализуются в пределах Среднего Поднепровья и только одна обнаружена на западноукраинской территории — в деревне Сороки Ильинского района на Винничине (Петровська, 1971, с. 20). Учтенные Е.А. Петровской девять булавок с ажурным навершием (табл. 19) послужили основанием, чтобы выделить их в качестве этноопределяющих индикаторов для милоградско-подгорцевских памятников (Петровська, 1971, с. 19–22). Особенностью этих изделий является то, что стержни у них были железные, а навершия разнообразных форм отливались из бронзы по восковым моделям. Сохранившиеся экземпляры указывают на отсутствие однообразия среди них (рис. 58: 1–3). Имеющиеся навершия сохранились также не в целом виде. Тем не менее по оформлению головок С.Е. Рассадин разделил их на три варианта: с круглым, с прямоугольным и сложноажурным навершием, которые составляют единый тип (Рассадин, 1994, с. 265). Е.А. Петровская продатировала такие булавки в комплексе с остальными вещами с милоградских памятников V–III вв. до н. э. (Петровська, 1971, с. 9–22). В.Е. Еременко относит ажурные булавки ко второй хронологической группе милоградских вещей, временные рамки которой определяются VI–V вв. до н. э. (Еременко, 1989, с. 84–86, рис. 3: 51, 55). С.Е. Рассадин предложил датировать их скифским временем — не позднее III в. до н. э. (Рассадин, 1988б, с. 121–123; он же, 1994, с. 265). С.Е.Рассадин высказал мысль о том, что ранние «подгорцевцы» переняли ажурный стиль у населения Кавказского региона (Рассадин, 1994, с. 271). Автор разделяет точку зрения тех исследователей, которые считают, что указанное заимствование произошло с более близкой территории. Для окончательного выяснения данного вопроса необходимо осуществить спектральный анализ навершиий этого типа булавок. Такой анализ позволит говорить более точно как о сырье, так и о месте их изготовления.

Булавки ажурного типа на территории Беларуси, как отмечалось, не известны. Почему-то традиция их изготовления не распространилась по всему ареалу культуры, а ограничилась лишь локальной территорией Киевского Поднепровья. Возможно, это объясняется племенной замкнутостью либо отсутствием бронзолитейного ремесла у общинников соседних территорий на раннем этапе культуры? Вместе с тем импульс ажурного стиля проникает далее в глубь лесной полосы по левому берегу Днепра. Его воспринимает население днепро-двинской

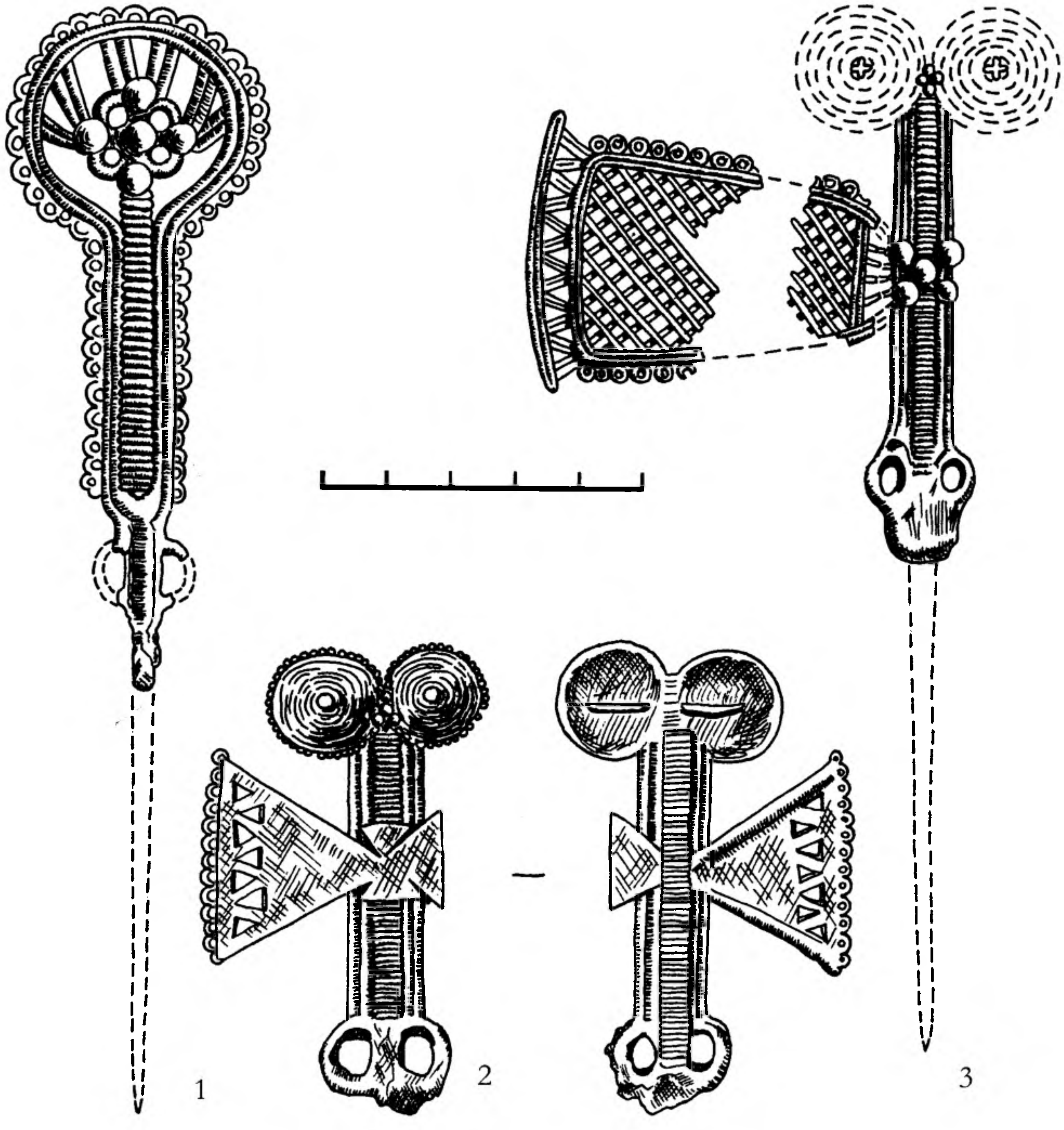

Рис. 58. Ажурные булавки населения милоградской культуры с территории Украины (1 — Букрин; 2, 3 — Подгорцы)

культуры в Смоленском Поднепровье. Здесь, судя по находкам, было налажено местное изготовление булавок ажурного типа (Шмидт, 1992, с. 87–91, 107, табл. 11: 1–5). На белорусских памятниках зафиксирована только одна находка ажурного предмета. Это — обрубок гривны из четырех проволочек, расходящихся из одного места на толстом стержне, нижние концы которых закручены в небольшие плоские спиральки. С обратной стороны спиральки припаяны к продольно расположенной проволочке.

Этот фрагмент ажурного украшения нашел С.Е. Рассадин в культурном слое городища Уза в 1987 г. (Рассадин, 1987, д. 1108).

Тип биконических представлен тремя экземплярами (рис. 59: 9–11). Они происходят с городища Горошков и селищ Старое Однополье, Шерстин. Две последних — случайные находки. Все три булавки железные. Длина их 10,4–15 см. Стержни круглые, прямые, толщиной 0,3–0,4 см. У булавки с Горошкова стержень постепенно сужается к концу, а с Шерстина — в средней части имеет небольшое расширение. Диаметры головок по биконусам 0,7–1,5 см. Высота конусов 0,35 см. Шейки у них конические, как и шляпки (рис. 59: 9–11). В.Г. Петренко относит такие булавки ко второму варианту 16 типа (Петренко, 1978, с. 15, табл. 10: 11–24). Надо полагать, что у милоградского населения булавки с биконическим навершием являются более древними, нежели гвоздевидные. Есть они в древностях высоцкой культуры и Северодонецкой группы скифских памятников (Крушельницкая, 1990, с. 119, рис. 38: 10, 11; Петренко, 1978, с. 15). Экземпляр с Горошкова О.Н. Мельниковская совершенно правильно отнесла к начальному периоду милоградской культуры, а автор лишь уточнил, связав его с раннескифским временем — второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э. (Мельниковская, 1967, с. 91; Петренко, 1989, с. 106, табл. 41: 2; Лашанкоў, 1999а, с. 60).

Тип гвоздевидных насчитывает 48 булавок, что составляет 31 % от всех учтенных автором. Менее половины их происходит с памятников Беларуси (рис. 59: 1–5, 7), а другая половина — с украинских. Поскольку они хорошо описаны (Мельниковская, 1967, с. 86, 88; Лашанкоў, 1999а, с. 60), мы не будем останавливаться на их характеристике. Отметим лишь, что на территории Беларуси четыре обнаружены на грунтовых могильниках (Велемичи II, Отвержичи и Чаплин), а остальные — 11 на городищах и 2 на селище Лемешевичи. Вне погребений на могильнике Отвержичи, на глубине 0,55 м, К.В. Каспаровой обнаружена гвоздевидная булавка с маленькой грибовидной шляпкой и двумя круговыми нарезками на круглом в сечении стержне (рис. 59: 5). Она аналогична найденной на поселении Козинцы (Сікорський, 1971, с. 70, рис. 3: 13). Подобная булавка хранится в фондах Национального музея истории Украины из Рудни Озерянской (Бронзовые украшения..., 2005, с. 169, рис. 5: 4). По мнению украинских коллег, булавки с маленькими грибовидными головками «являются изделиями автохтонного населения Правобережной Лесостепи раннескифского времени», на что указывает экземпляр с Рудни Озерянской (Бронзовые украшения..., 2005, с. 169). Такие бронзовые украшения относятся к первому варианту 11 типа (по В.Г. Петренко) и датируются VI в. до н. э. (Петренко, 1978, с.14, табл. 9: 1.2). Совершенно противоположная картина на украинских памятниках. Семь булавок найдено на поселениях (Зарванщина, Козинцы, Солтановка и Таценки VII), а 25 — в погребениях грунтовых (Плитовище, Роище) и курганных (Деснянка, Мизяково) могильников.

Обращает на себя внимание тот факт, что гвоздевидные булавки с милоградских памятников не однообразны (рис. 59: 1–5, 7). Существуют следующие их разновидности. Например, экземпляр с городища Ястребка имеет плоскую шляпку диаметром 2 см и коническую шейку (Лошенков, 1994, с. 55, рис. 1: 15). Прямой аналогией ей является булавка с Басовского кургана А (Галанина, 1977, с. 50, 60, табл. 27: 21). К сожалению, нижняя часть стержня у нее отломана (рис. 59: 2). По форме шляпки она относится к пятому варианту скифских булавок пятого

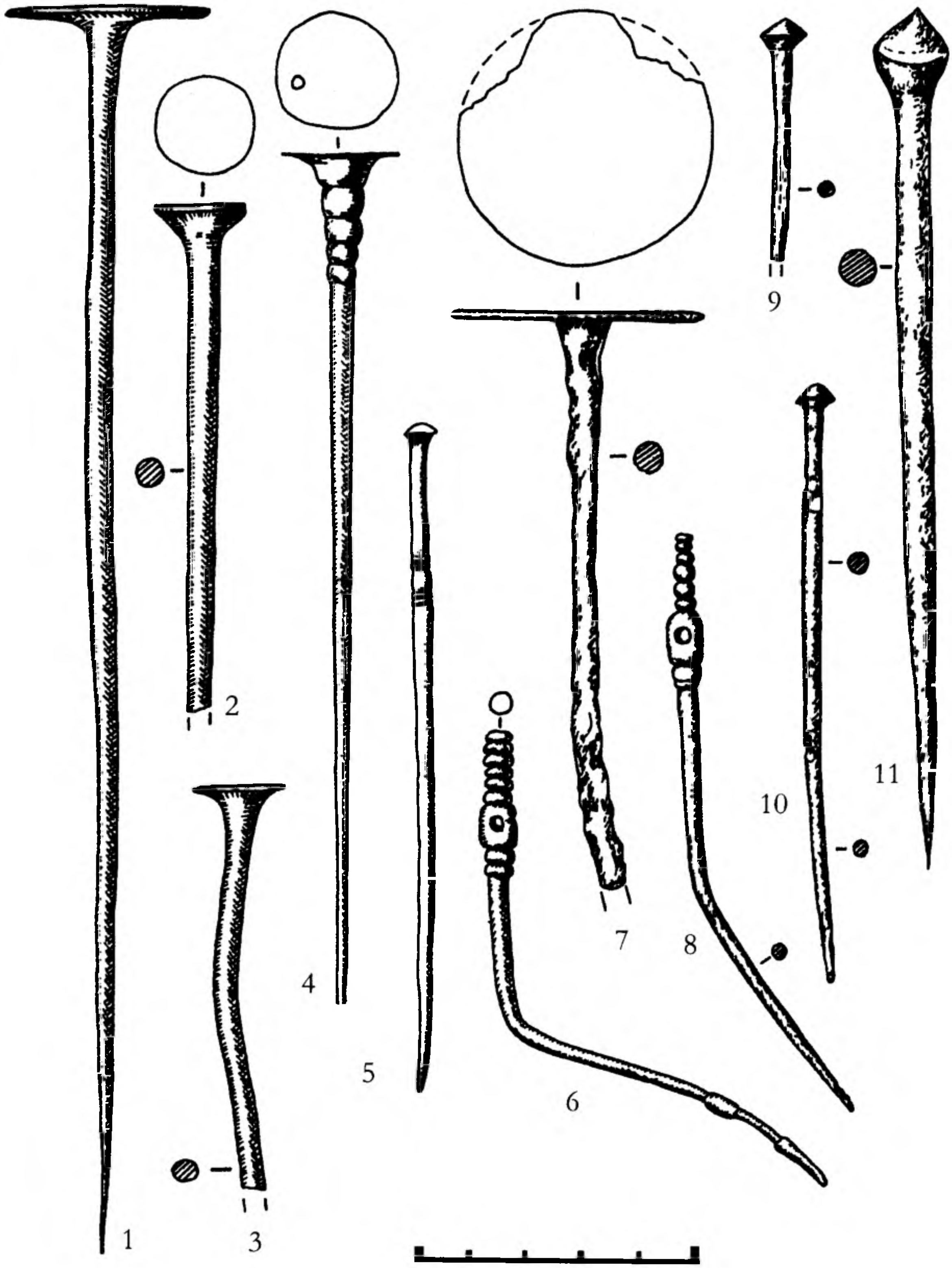

Рис. 59. Булавки биконического, гвоздевидного и игловидного типов
(1, 8, 11 — Горошков; 2 — Ястребка; 3, 6 — Чаплин; 4 — Велемичи II; 5 — Отвержичи; 7 — Лиски; 9 — Старое Однополье; 10 — Шерстин; 1 – 6 — бронза, 7 – 11 — железо).

типа (по В.Г. Петренко), а по полному размеру судить невозможно (Петренко, 1978, с. 13). Датировка ее не выходит за пределы V в. до н. э. Экземпляр со второго Велемичского могильника с отверстием в шляпке (рис. 59: 4) соответствует четвертому варианту четвертого типа (по В.Г. Петренко). Различия есть только в орнаментах. У булавки с Велемичей — под шляпкой четыре рельефных валика, а у скифских аналогов — группы рубчиков чередуются два-три раза, а иногда и более, через неширокое поле между ними. Для четвертого варианта данного типа характерно то, что такой гофрированный орнамент начинается под шляпкой (Петренко, 1978, с. 11, табл. 2: 2–9). Рассматриваемые булавки локализуются в основном на левобережье Днепра, в Посульской группе памятников. Здесь их известно восемь экземпляров, согласно таблице, и они датируются V в. до н. э. (Петренко, 1978, с. 10–11, табл. II; она же, 1989, с. 106, табл. 41: 30, 32). В зарубинецкое погребение второго могильника около Велемичей охарактеризованная булавка попала намного позднее, скорее всего, как вещь вторичного употребления. Более половины рассматриваемых булавок населения милоградской культуры имеют плоские шляпки диаметром от 1 до 2 см (чаще 1,3–1,5 см) и прямой стержень, равномерно сужающийся к острому концу, длина которого — в пределах от 7 до 17 см (рис. 59: 4). Все они соответствуют третьему варианту пятого типа аналогичных скифских украшений (Петренко, 1978, с. 13). Третья часть булавок данного типа относится к четвертому варианту пятого типа, для которых характерны плоская шляпка диаметром от 2,5 до 5 см и стержень длиной от 8 до 19 см (рис. 59: 1, 7). Экземпляр с Горошкова имеет длину 23 см. Булавки с такими шляпками есть на городищах Горошков (1 экз.), Лиски (2 экз.) и в курганах Деснянского могильника (9 экз.). Рассматриваемые булавки важны для нас тем, что показывают, с одной стороны, различие между ними внутри типа. В этом отношении «милоградцы» были в какой-то мере более близки южным соседям — племенам Лесостепи. Вместе с тем эти украшения у них не столь многообразны, как у скифов (Петренко, 1978, с. 8–14, табл. 1–9). Отсутствие же гвоздевидных булавок у северных и восточных соседей — племен «штриховиков», «днепро-двинцев» и «юхновцев» лишний раз подчеркивает существующее между ними различие. С другой стороны, по хорошо датированным аналогиям определяется время их употребления — VI–V вв. до н. э. (Мельниковская, 1967, с. 88; Петренко, 1978, с. 8–13; она же, 1989, с. 106, табл. 41: 30, 32, 33; Лашанкоў, 1999а, с. 60). Как редкое исключение булавки третьего варианта пятого типа могли использоваться и в IV в. до н. э., учитывая то, что они выявлены в культурном слое поселений.

Тип игловидных выделен О.Н. Мельниковской. Он представлен только двумя экземплярами (рис. 59: 6, 8) и назван исследовательницей «булавки с отверстием в стержне» (Мельниковская, 1967, с. 93). Одна из них железная с городища Горошков, а другая — бронзовая с селища Чаплин (рис. 59: 6, 8). Длина стержней 10–11 см. Головки имеют рельефную гофрированную форму. В 1,5–2 см от верхнего края они расклепаны в небольшие прямоугольные пластины, в центре которых есть отверстия диаметром 1,5 мм. Выше расклепанного плоского ушка с отверстием — пять рельефных валиков, а ниже — один и два (рис. 59: 6, 8). Этот редкий тип булавок не получил развития на раннем этапе милоградской культуры. О.Н. Мельниковская определила время их бытования поздним гальштаттом и ранним латеном (Мельниковская, 1967, с. 93). Автор датирует данный тип булавок, вслед за

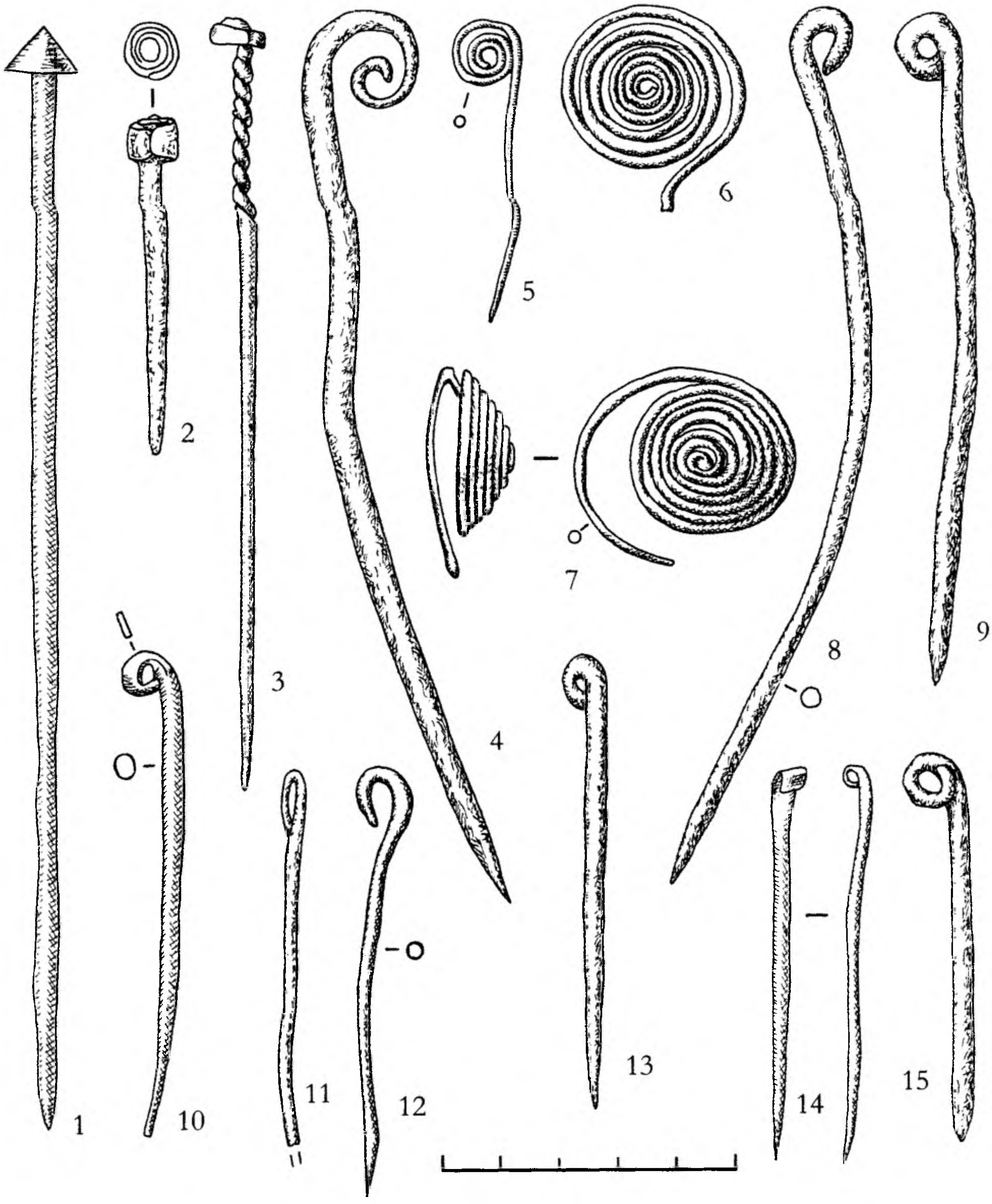

Рис. 60 Конические, кольцевидные, спиралевидные и цилиндрические булавки с милоградских памятников
(1 – Народичи; 2, 14, 15 – Горошков; 3 – Гремячее; 4 – Ворновка; 5 – Лемешевичи; 6 – Ясенец I; 7 – Асаревичи;
8 – Старое Красное; 9 – Лиски; 10 – Подгорцы; 11 – Присно; 12 – Теребень; 13 –Уваровичи;
(1, 3, 5 – 7, 10, 12, 14 – бронза: 2, 4, 8, 9, 11, 13, 15 – железо))

В.Е. Еременко, второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э. (Еременко, 1989, с. 81, рис. 3: 29; Лашанкоў, 1999а, с. 62). Булавок с таким навершием нет в древностях скифского населения VII–III вв. до н. э., как и у соседних племен лесной полосы: «штриховиков», «днепро-двинцев», «юхновцев». Весьма похожие по форме известны автору в могильнике Султан-гора III в Предгорном районе Ставропольского края (Членова, 1984, с. 239, рис. 2: 7). Султангорские булавки датируются концом VII — началом VI в. до н. э. и несколько отличаются от милоградских деталями в оформлении навершений (Членова, 1984, с. 237, 239, рис. 2: 7). Так, у них выше уплощенного ушка по три рельефных кольцевых валика, а ниже него валиков нет. Можно предполагать, что рассматриваемые украшения попали к архаическим «милоградцам» с Северокавказских территорий.

Тип кольцевидных занимает третье место по количеству среди всех булавок (табл. 19). Булавки с кольцевым навершием отличаются от спирале- и посоховидных тем, что кольцо в один оборот расположено с боку стержня (рис. 60: 8–15). Верхний край стержня загнут вовнутрь либо плотно прикасается к стержню. В этой коллекции 12 булавок железных и 8 бронзовых. На территории Украины они известны пока лишь на одном поселении Подгорцы, где зафиксированы два экземпляра из бронзы. Самые длинные булавки происходят с восточнополесских памятников: Лиски — 11,5 см, Старое Красное — 16 см (рис. 60: 8, 9). Длина маленьких экземпляров варьируется от 5 до 9 см. Кольцевое навершие диаметром около 1,5 см. Внутренний диаметр колец — 0,3–0,6 см. Иногда кольцо имеет форму неправильного круга и несколько вытянуто вдоль стержня. О.Н. Мельниковская отмечает еще два различия у этих предметов. У одних булавок верхний край стержня расклепан в пластину и потом завернут в кольцо (рис. 60: 10, 14). У других стержень не расклепывался, а загибался в кольцо круглым в сечении (рис. 60: 8, 9, 11–13, 15). Позднее автор по этим признакам разделил кольцевидные булавки на два соответствующих варианта (Лашанкоў, 1999а, с. 61). Наблюдения показывают, что только у бронзовых булавок головки из расклепанных окончаний: Асаревичи — 1, Горошков — 2, Подгорцы — 2 экземпляра. Естественно, что они соответствуют первому варианту. Все остальные — три бронзовые и 12 железных — относятся ко второму. В.Г. Петренко выделила булавки с кольцевым навершием в 21 тип аналогичных скифских украшений (Петренко, 1978, с. 18, табл. 12: 8–28; 13: 1–7). По комплексам находок с поселений О.Н. Мельниковская продатировала булавки с Асаревичей IV в. до н. э., с Горошкова — V–IV вв. до н. э., а В.Н. Даниленко с Подгорцев — V–IV вв. до н. э. (Мельниковская, 1967, с. 89; Даниленко, 1956, с. 10, табл. II: 22–24). Автор полагает, что кольцевидные булавки первого варианта являются более архаичными и их следует относить к VII–VI вв. до н. э. В древностях населения высоцкой культуры они не моложе VII в. до н. э. (Крушельницкая, 1990, с. 119, 120, рис. 38: 6). У племен Правобережной Лесостепи они также датируются концом VII–VI в. до н. э. (Петренко, 1978, с. 18). Наиболее ранние подобные булавки с кольцевыми навершиями выявлены на памятниках лебедовской культуры бронзового века Украины (Березанская, 1982, с. 78, рис. 19: 9; 20: 12). Булавки второго варианта, по мнению автора, следует датировать V–III вв. до н. э. (Лашанкоў, 1999а, с. 61). Они были распространены на сопредельной территории у племен днепро-двинской культуры (Шмидт, 1992, табл. 12: 1–12, 25, 26; 32: 11; Шадыра, 1999, с. 190–191, рис. 60: 14, 15, 23, 24, 25). В то же время населению

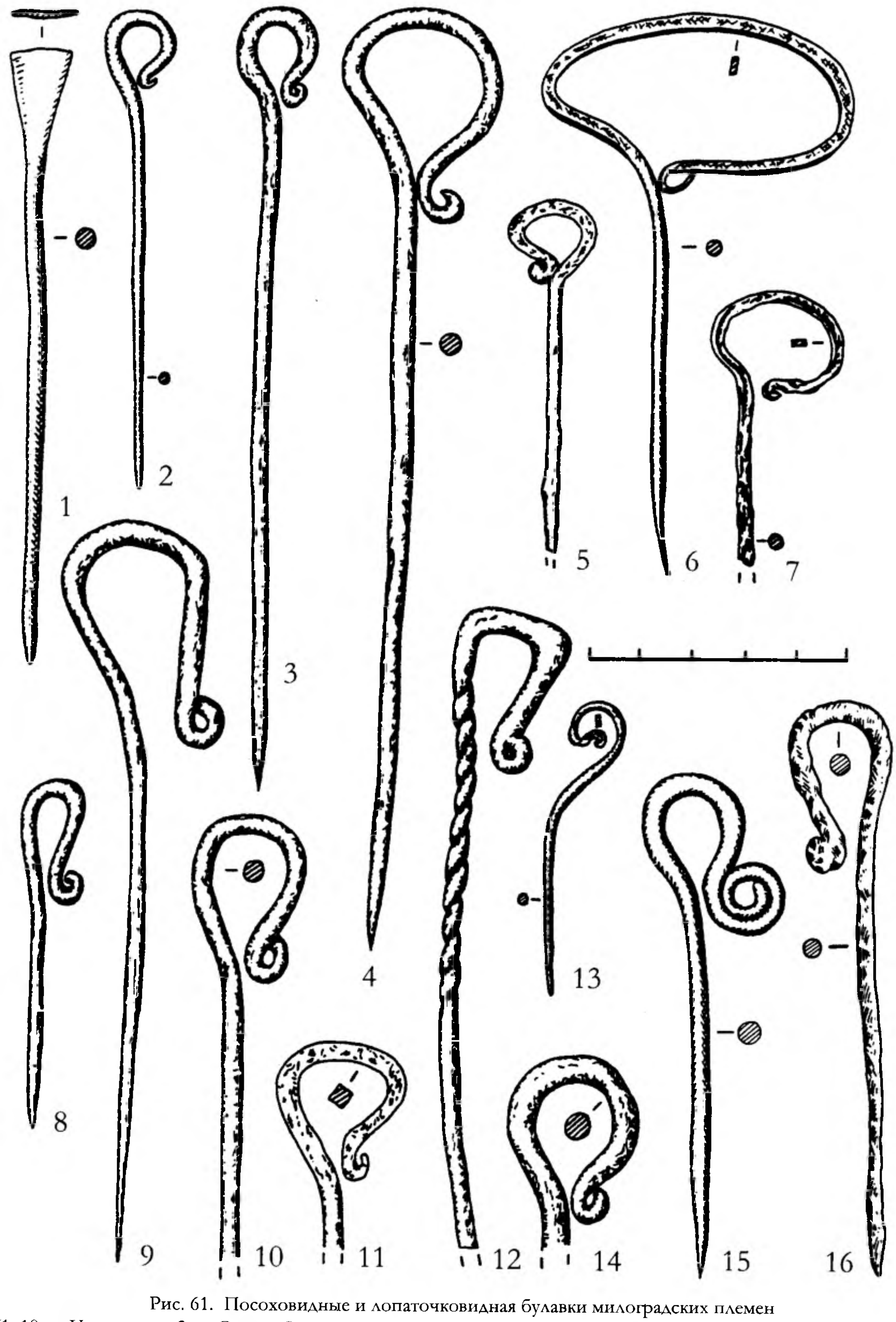

Рис. 61. Посоховидные и лопаточковидная булавки милоградских племен
(1, 10 — Уваровичи; 2 — Старое Однополье; 3, 14 —Лиски; 4, 8 — Подгорье; 5 — Курадово; 6 — Ясенец I;
7 — Табаевка; 9, 11— Любны; 12 — Борхов; 13 — Горошков; 15 — Замостевье; 1 6 — Чечерск;
1, 2, 6, 13, 15 — бронза, 3 – 5, 7–12, 14, 16 — железо);

культуры штрихованной керамики такие булавки были вообще не свойственны, о чем говорит лишь один экземпляр, отмеченный А.М. Медведевым на городище Кащеличи (Медведев, 1996, с. 28, рис. 42: 8). Позднее, с середины II в. до н. э. по I в. н. э. булавки данного типа известны в древностях зарубинецкой культуры (Кухаренко, 1964, с. 35, табл. 15: 4). Учитывая то, что эти украшения происходят с милоградских поселений, О.Н. Мельниковская предложила определять их время хронологическими рамками памятников.

Тип конических булавок в милоградских древностях получил название «лужицко-высоцких», по В.Д. Рыбаловой (Рыбалова, 1961, с. 93, рис. 6: 7; Мельниковская, 1967, с. 91). Таких булавок всего две (рис. 60: 1). Они бронзовые. Обе обнаружены в кургане № 4А могильника близ Народичей Житомирской области (Украина). Навершия шляпок имеют конусовидную форму (рис. 60: 1). В отличие от биконических булавок, основание конусов у них горизонтальное, как у экземпляров с Луки-Райковецкой и Бильче Золотое (Гончаров, 1963, с. 290, рис. 5: 3; Крушельницкая, 1990а, с. 154, рис. 56: 35). Стержень прямой и гладкий с заостренным окончанием. По типологии В.Г. Петренко, такие булавки относятся к 18 типу (Петренко, 1978, с. 16, табл. 10: 32–36). Рассматриваемые украшения с навершиями в виде конуса редко встречаются и у населения лесостепной полосы. Учитывая то, что ареал их распространения — Западная Подолия и Побужье, А.И. Мелюкова предложила считать их «характерной западноподольской формой» (Мелюкова, 1953, с. 69–70, рис. 32: 2; Петренко, 1978, с. 16, табл. 10: 32–36). Исходя из совокупности данных, булавки с коническими головками на милоградских памятниках, и в частности с Народичского кургана № 4А, следует датировать ранним временем — второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э. (Петренко, 1978, с. 16). Данный тип булавок появился у милоградского населения юго-западной территории в результате связей с племенами, по-видимому, западноподольской культурной общности раннескифского времени.

Тип лопаточковидных булавок среди рассматриваемых украшений населения милоградской культуры представлен пока только одним экземпляром (рис. 61: 1). Эту булавку нашел А.И. Дробушевский на городище Уваровичи в 1989 г. Она обнаружена в первом раскопочном пласте на глубине 0,17 м (Дробушевский, 1989, д. 1141). Сделана из бронзы и существенно отличается от охарактеризованных выше. Вся длина ее 12,2 см. Стержень круглый в сечении, толщиной 0,35–0,4 см. Его верхняя часть, длиной 2 см, расклепана в пластинку, которая у верхнего края имеет толщину 0,15 см. Пластинка в сечении прямоугольная. Форма лопаточковидного окончания треугольная (рис. 61: 1). Максимальная ширина его у края 1,35 см. Боковые стороны у лопаточки постепенно сужаются к стержню. Булавки с навершием подобной формы у «милоградцев» ранее не отмечались исследователями. Данный экземпляр автор выделяет в самостоятельный тип лишь потому, что аналогичные булавки известны у южных соседей милоградских племен — населения лесостепного региона Среднего Поднепровья (Петренко, 1967, с. 30, табл. 4: 17; 20: 1). Вместе с тем нельзя не отметить, что булавки с навершием в виде лопаточки — редкое явление среди таких украшений у населения Лесостепи. В Украине, на правобережье Днепра, их известно пока только пять экземпляров, из которых один найден на поселении, а четыре выявлены в курганных захоронениях. По разнообразию форм лопаточек В.Г. Петренко выделила два типа (25 и 26) таких изделий (Петренко, 1978, с. 19, табл. 15: 1–5). Она установила, что

такие булавки происходят из курганов IV–III вв. до н. э., и, стало быть, они появляются только в позднескифское время (Петренко, 1967, с. 30; она же, 1978, с. 19; Памятники скифской эпохи..., 1989, с. 136, рис. 41: 28). Следовательно, лопаточковидная булавка с Уваровичского городища может быть продатирована где-то в пределах IV–III вв. до н. э., что соответствует позднемилоградскому периоду.

Тип посоховидных составляет около половины (38,5 %) от всех булавок, что находились в употреблении у населения милоградской культуры (табл. 19). На территории Украины их найдено мало — 17 экземпляров. В пределах Беларуси, в разных регионах, количество их неодинаковое: в Посожье — 17, в Поднепровье — 17, на Полесье — 8 экземпляров (рис. 61: 2–16). Длина большинства их — 10–15 см. Самые маленькие — 5,5–6,5 см, а самая длинная, с городища Подгорье, — 18,5 см. У рассматриваемых булавок есть различия в форме головок. Одни имеют головки круглой либо близкой к кругу формы (Горошков, Лиски, Старое Однополье) (рис. 61: 2, 3, 14). Другие — подтреугольной (Асаревичи, Борхов, Лиски, Любны, Чечерск) (рис. 61: 9, 11, 12, 16). Третьи — овальной, расположенные горизонтально (перпендикулярно стержню), как у булавок с городищ Горошков, Ясенец I и селища Табаевка (рис. 61: 5–7), либо вдоль стержня в виде капли (Подгорье, Лиски, Старое Однополье, Подгорцы) (рис. 61: 4, 8, 10, 15). Навершия головок различаются не только формой, но и размерами. У большинства булавок этого типа стержни в верхней части круглые в сечении. Крайне редко встречаются экземпляры с квадратным в сечении стержнем, как на Любенском городище (2 экз.) (рис. 61: 11). Чуть больше булавок, у которых стержень в навершии расклепан в прямоугольную пластину (Горошков, Старое Однополье, Табаевка, Ясенец I). Среди 59 учтенных автором булавок данного типа 6 бронзовых и 53 железных. В рассматриваемых милоградских древностях из всех булавок выделяются только две. У экземпляра с городища Борхов верхняя половина стержня витая (рис. 61: 12), а не гладкая, как у всех остальных. Подобные булавки с витым стержнем редки и у «днепро-двинцев» (Шмидт, 1992, табл. 32: 21; Шадыра, 1999, : эис. 60: 26). Единичными находками есть они и у «штриховиков» на городищах Жужлянка и Клишино (Шадыра, 2005, с. 230, мал. 1: 1). Бронзовая булавка с грунтового погребения отличается своеобразной формой навершия (Мельниковская, 1962, с. 166, рис. 5: 5). Стержень ее отогнут в сторону и вверх и завернут в кольцо таким образом, что его окончание расположено как бы в середине головки (рис. 61:13). Это очень редкая форма навершия. Такая же булавка с Тетенковского могильника «А» (курган № 107) в Правобережной Лесостепи датируется VII в. до н. э. (Петренко, 1978, с. 16, табл. 11: 1). Думается, что этим же временем следует датировать булавку с указанного милоградского погребения на Горошковском могильнике. К кругу милоградских древностей следует отнести еще одну посоховидную булавку из бронзы, которую в 1926 г. зафиксировал К.Н. Поликарпович в урочище Замостевье вблизи деревни Присно Ветковского района (рис. 61:15). Булавка длиной 8,8 см из круглой проволоки толщиной 0,3 см обнаружена в разрушенном погребении под правой половиной человеческого черепа, в 4 см от темени (Палікарповіч, 1928, с. 182, табл. XXIV: 13). На раздувах, недалеко от этого погребения, он собрал керамику бронзового века и раннего железа, в числе которой были три маленьких сосудика (два из них с орнаментом). По мнению исследователя, маленькие горшочки вполне могли быть погребальными (Палгкарповіч, 1928, с. 182). Посоховидные булавки В.Г. Петренко включила в 19 тип соответствующих скифских

украшений (Петренко, 1978, с. 16–17). Экземпляры с круглой головкой она относит к первому варианту и датирует VII в. до н. э., с «вытянутой петлей» — ко второму варианту, временные рамки которого — V–III вв. до н. э. (Петренко, 1978, с. 16–17). Изучение автором посоховидных булавок населения милоградской культуры позволило прийти к выводу, что они появляются у «милоградцев» не ранее VII в. до н. э. и находятся в употреблении по III в. до н. э. включительно (Лашанкоў, 1999а, с. 60–61; Лошенков, 2003, с. 101, табл. 2). Булавкам именно этого типа, учитывая их многочисленность у населения разных племен, исследователи посвятили ряд публикаций, в том числе и обобщающих (Седов, 1967, с. 129–145; Поболь, 1971а, с. 239–247; Петренко, 1978, с. 16: 17; Медведев, 1995, с. 172–201). В них рассматриваются различные проблемы: происхождения, эволюции форм, территории распространения, хронологии и локальных различий, а также их культурной атрибуции.

Тип спиралевидных булавок выделен автором в конце 90-х годов. Стержень у них круглый в сечении, утончающийся к концу. Навершие представляет собой многовитковую спираль, имеющую от двух до восьми оборотов (рис. 60: 5–7). На территории проживания населения милоградской культуры булавок с такими головками известно семь (табл. 19). В Посожье одна бронзовая случайно найдена на берегу озера в урочище Гренск, недалеко от городища Ворновка (Поболь, 1974, с. 209). Другая — железная из культурного слоя городища (Поболь, 1974, с. 199, рис. 68: 21). Железная с городища — длиной 15,6 см. Головка у нее диаметром 2 см. Спираль двухвитковая, плоская, не плотная (рис. 60: 4). У пяти булавок спирали плоские. У двух, с селища Лемешевичи и Асаревичского комплекса памятников, она конусовидной формы (рис. 60: 7). Бронзовая булавка с конической спиралью есть на днепро-двинском городище Федотково, северо-восточнее милоградского ареала (Шмидт, 1992, с. 172, табл. 14: 6). В нашей коллекции шесть булавок из бронзы и только одна, с городища Ворновка, железная, к тому же целая. Почти все рассматриваемые экземпляры представлены навершиями из плотно свернутых шести- — восьмивитковых спиралей, как на городищах Ясенец I, Асаревичи. По типологии В.Г. Петренко, они относятся к 22 типу (Петренко, 1978, с. 18–19, табл. 13: 14–18). По ее мнению, такие украшения использовались племенами Лесостепи на Правобережье Днепра в конце VII — начале VI в. до н. э. и появились у них под влиянием населения лужицкой культуры эпохи бронзы (Петренко, 1978, с. 18–19). Известны подобные украшения и среди древностей населения высоцкой культуры (Крушельницкая, 1990, с. 119, рис. 38: 2, 7). Булавки со спиралевидной головкой использовались также населением Западной Подолии, и в частности поселения Долиняны, в раннескифское время — со второй половины VII — в начале VI в. до н. э. (Смирнова, 1998, с. 36, 45–46, 47, рис. 5: 1). Надо полагать, что и у милоградских племен они были, несомненно, на раннем этапе. Автор определяет время использования спиралевидных булавок второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э. (Лашанкоў, 1999а, с. 61). Нельзя не заметить, что на территории Беларуси эта форма булавок получает повторное распространение уже намного позднее. Так, примерно около рубежа эр они использовались населением полесского варианта зарубинецкой культуры (Кухаренко, 1964, с. 35, табл. X, рис. 15, табл. 15: 1).

Тип цилиндрических выделен О.Н. Мельниковской. Его представляют только две булавки: одна бронзовая, с кургана Гремячее под Житомиром, а другая железная, из культурного слоя городища Горошков

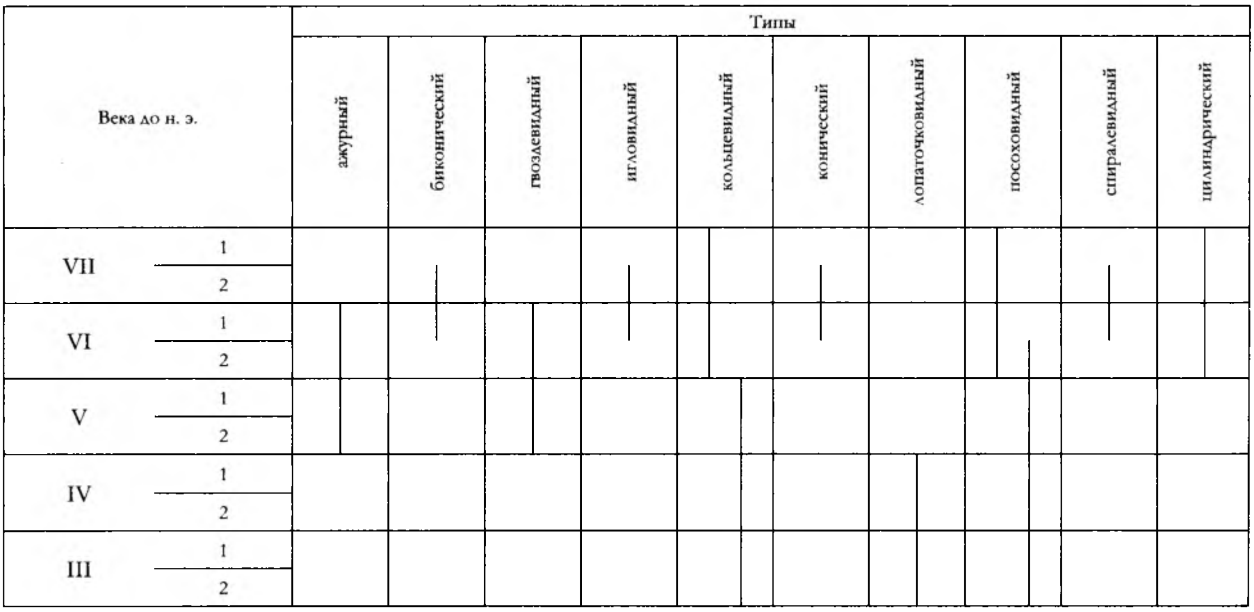
(Махно, 1949, с. 208, 209, табл. 1: 2; Мельниковская, 1967, с, 91, 93, рис. 37: 2). Отличительная особенность булавок этого типа состоит в том, что верхний конец у них расклепан в пластину, которая завернута по горизонтали вокруг стержня. В результате такого закручивания головка булавки имеет цилиндрическое оформление (рис. 60: 2, 3). Образованный указанным способом цилиндр может быть как полым, так и плотно свернутым. Экземпляр с Горошкова длиной 6 см. Цилиндр головки у него диаметром около 1 см. Он полый, диаметр внутреннего отверстия 0,4 см. Высота цилиндра около 0,8 см. По описанию О.Н. Мельниковской, головка у этой булавки из узкой пластины закручена в несколько находящих один на другой оборотов вокруг стержня» (Мельниковская, 1967, с. 91). Булавка с Гремячего длиной 13 см. У нее верхняя часть стержня, до шляпки цилиндра, витая (рис. 60: 3). Верхний, расклепанный конец ее закручен вокруг стержня в два оборота по горизонтали (Махно, 1949, с. 209, табл. 1: 2). Головка имеет вид невысокого цилиндра. Этот экземпляр, в отличие от горошковского, обнаружен среди пережженных костей погребения, а несколько в стороне от него находилась мисочка (Махно, 1949, с. 208, табл. 1: 3). Е.В. Махно продатировала это погребение, как и другие курганы с Гремячего, серединой эпохи бронзы, с чем не согласились Ю.В. Кухаренко и О.Н. Мельниковская (Кухаренко, 1961, с. 12; Мельниковская, 1967, с. 93). Булавку с Гремячего О.Н. Мельниковская относит к VII–VI вв. до н. э. Этим же временем следует датировать и экземпляр с городища Горошков. В ходе раскопок других памятников подобные изделия в милоградских древностях больше не встречались ни разу, как и среди аналогичных материалов соседних племен. Надо думать, что булавки с цилиндрическим навершием следует считать исключительно милоградской формой.

В ареале милоградской культуры рассмотренные типы булавок имели, как видим, зачастую локальную зону распространения. Сказанное относится непосредственно к изделиям ажурного, биконического, игловидного, конического и спиралевидного типов. К числу редких украшений относятся булавки, найденные только в двух экземплярах: игловидные, конические и цилиндрические. Группу многочисленных и более распространенных составляют изделия посоховидного, гвоздевидного и кольцевидного типов (табл. 19). Это ведущие формы булавок у населения милоградской культуры. Следует заметить, что рассмотренные булавки у «милоградцев» имели и разновременные рамки функционирования (табл. 20).

Наиболее ранними среди десяти типов являются биконические, игловидные, конические и спиралевидные. К тому же они использовались весьма ограниченное время, на протяжении всего лишь одного столетия — со второй половины VII по первую половину VI в. до н. э. В течение двух веков у милоградского населения находились в употреблении цилиндрические, посоховидные с маленькой круглой головкой и кольцевидные первого варианта булавки. Время их функционирования — VII–VI вв. до н. э. А вот в VI и V вв. до н. э. находили применение ажурные и гвоздевидные по форме украшения. Более продолжительное время (по III в. до н. э. включительно) использовались булавки кольцевидные второго варианта, все разновидности посоховидных и лопаточковидных (табл. 20). Среди племен раннего железа лесной полосы Восточной Европы милоградское население имело в употреблении весьма разнообразный ассортимент таких украшений, как булавки. В этом отношении с ним не может сравниться население ни одной из синхронных культур,

Таблица 20

Хронология милоградских булавок

проживавших в лесной зоне (Лошенков, 2003, с. 104).

Такое разнообразие рассматриваемых изделий следует объяснять тесными связями «милоградцев» с юго-восточными, южными и юго-западными соседями. Надо полагать, что ранние редкие экземпляры булавок в готовом виде попали к милоградским общинникам в результате обменов с других территорий. Косвенно об этом могут свидетельствовать как единичное их количество, так и локальность распространения. Изучение булавок с памятников милоградского населения, показывает, что для общинников этой культуры были наиболее свойственны те их разновидности (типы), которые преобладают количественно. Именно их местные мастера-кузнецы изготавливали как из бронзы, так и из железа. Нельзя не отметить еще одно обстоятельство. На раннем и среднем этапах культуры (по V в. до н. э. включительно) булавки были более разнообразными. А вот на позднем этапе — в IV–III вв. до н. э. это разнообразие резко сокращается — с десяти до двух типов: кольцевидных и посоховидных (табл. 20). В то же время тип посоховидных существует в четырех вариантах. Именно эти два типа в эпоху раннего железа имели широкое распространение у населения синхронных культур соседних территорий. Здесь можно подчеркнуть и тот факт, что некоторые типы булавок — спиралевидные и изредка — гвоздевидные — появляются значительно позднее у населения зарубинецкой культуры на территории Беларуси.

Браслеты. Эта категория украшений у «милоградцев» довольно разнообразна. Браслеты обнаружены на 26 памятниках, на которых проводились раскопки, и даже случайно, как в Борце, Ветке, Гомеле, Киселевке, Новосёлках. Весьма показателен тот факт, что пять раз их находили в кладах. Первый клад обнаружен в 1925 г. И.Х. Ющенко на городище Любны (Мельниковская, 1967, с. 76; Лашанкоў, 1993б, с. 35). К сожалению, количество бронзовых браслетов в нем неизвестно. Второй, содержащий 9 бронзовых и 3 серебряных браслета, происходит с Горошковского городица, где выявлен О.Н.Мельниковской в 1954 г. (Мель-

никовская, 1957б, с. 149–154). Третий, как и второй, найден в Горошкове в 1957 г. Он состоял из трех бронзовых орнаментированных браслетов и 17 бусин (Мельниковская, 1967, с. 76, рис. 33). Четвертый клад обнаружен на этом же памятнике в 1958 г. В отличие от двух предыдущих, в нем имелось шесть железных гладкостержневых браслетов (Мельниковская, 1967, с. 76). Пятый — за пределами Беларуси — Киселевский, на Украине (Еременко, 1996, с. 130). В него входит 9 бронзовых браслетов (Еременко, 1997, с. 45–47, рис. 8). Вряд ли все четыре клада с Чаплинского городища следует связывать только с зарубинецким населением (Третьяков, 1959, с. 142, рис. 14; Поболь, 1971, с. 31, рис. 1–6). Думается, вполне допустимо, что какой-то из них был сокрыт предшественниками «милоградцами».

По далеко не полным данным, в кладах выявлено около 32 браслетов, а всего таких изделий на милоградских памятниках найдено 96 единиц (табл. 21). В этом их количестве только три — из серебра, двенадцать — из железа, а остальные — из бронзы. Всего шесть раз их находили в погребениях Боровики, Козинцы, Мизяково, Подгорцы, Приборск, Рудяки. Захоронение в Боровиках содержало один браслет (Побаль, 1993, с. 74; Лашанкоў, 1999а, с. 60). В Подгорцах на Украине — два железных с разомкнутыми концами, которые заканчивались утолщениями в виде шариков (Даниленко, 1953, с. 200, табл. І: 12а; он же, 1956, с. 11). Погребение в Рудяках сопровождалось обломками бронзового браслета (Савчук, 1952, с. 57, рис. 1: 7; Петровська, 1971, с. 14).

Целые экземпляры составляют примерно третью часть от учтенных нами находок. Это, в свою очередь, затрудняет характеристику рассматриваемых украшений у милоградского населения. Половины и фрагменты браслетов содержат лишь частичную информацию о них (рис. II: 11–14), тогда как для объективной характеристики этих изделий нужны полные формы.

Существует несколько типологических классификаций браслетов. Классификационные схемы А.В. Арциховского и В.П. Левашовой разработаны на древнерусских материалах (Арциховский, 1930, с. 8–27; Левашова, 1967, с. 207–247). К материалам раннего железного века методы классификации А.В.Арциховского и В.П.Левашовой применила В.Г. Петренко для характеристики скифских браслетов (Петренко, 1978, с. 49–58). Изучая аналогичные находки у населения милоградской культуры, О.Н. Мельниковская расчленила их на ручные и ножные, а также выделила четыре типа: 1 — с гладким стержнем; 2 — с витым стержнем; 3 — из спирально свернутой пластины и 4 — с орнаментированным стержнем (Мельниковская, 1967, с. 75–81). В свете новых данных автор сделал некоторые уточнения по оформлению окончаний у целых экземпляров, поперечных сечениях стержней и орнаментации внешних поверхностей (Лашанкоў, 1999а, с. 58–59). Браслеты милоградского населения хорошо соотносятся с таковыми у южных соседей. У них эти изделия хорошо продатированы. Сами же скифские племена оказывали сильное влияние на северных соседей — «милоградцев».

Автор предлагает нижеследующую схему рассмотрения этой категории украшений. Все браслеты делятся на два отдела: I — ручные, II — ножные. Отдел ручных подразделяется на два подотдела: I — стержневые и II — пластинчатые. Внутри отдела ручных и подотдела стержневых выделяются три типа: 1 — с гладким стержнем, 2 — с орнаментированным стержнем и 3 — с витым стержнем (табл. 21). В типах по оформлению окончаний выделяются варианты, а по способам орнаментации — виды.

Таблица 21

Браслеты населения милоградской культуры

Отделы	ручные				ножные		Всего
	стержневые						
Памятники \ Типы	гладкостержневые	орнаментированные	витые	пластинчатые	гладкостержневые	орнаментированные	
1. Асаревичи			2	1	1		**4**
2. Борец						1	**1**
3. Боровики	1						**1**
4 Ветка		1					**1**
5. Гомель						1	**1**
6. Горошков	4	3	1		1		**9**
7. Зборов		1					**1**
8. Кистени		1					**1**
9. Лемешевичи		1					**1**
10. Липняки	1						**1**
11. Лиски	2	4				1	**7**
12. Милоград	5						**5**
13. Моховское I			1				**1**
14. Моховское II	1						**1**
15. Новоселки				2			**2**
16. Подгорье		2					**2**
17. Славгород		2					**2**
18. Уваровичи	5	3					**8**
19. Уза			1				**1**
20. Холопеничи				1			**1**
21. Чаплин		2		1			**3**
22. Шепотовичи	1						**1**
23. Ясенец I	1						**1**
24. Ястребка	1						**1**
Клады: 25. Любны 1925 г.	?	?	?	?	?	?	**?**
Горошков 1954 г.	5	4		1	1		**11**
1957 г.		3					**3**
1958 г.	6						**6**
Беларусь — 77	**33**	**27**	**5**	**6**	**3**	**3**	
26. Бортничи					1		**1**
27 Козинцы	1						**1**
28 Мизяково	1	2					**3**
29. Подгорцы	2						**2**
30 Приборск	2						**2**
31. Рудяки	1						**1**
Клад: 28. Киселевка 1984 г.	5	4					**9**
Украина — 19	**12**	**6**	**–**	**–**	**1**	**–**	
Всего по культуре	**45**	**33**	**5**	**6**	**4**	**3**	**96**

Отдел ножных или предплечевых. браслетов в рассматриваемой коллекции самый малочисленный — всего семь экземпляров. Они четко делятся на два типа: гладкостержневые и орнаментированные (табл. 21).

Тип гладкостержневых состоит из четырех экземпляров. Они найдены на городищах Асаревичи (1), Горошков (2) и поселении Бортничи (1). Два целых браслета с Асаревичей и Горошкова различаются лишь оформлением окончаний. У экземпляра с Горошкова концы слегка утончены и заходят один за другой по цилиндрической спирали. У браслета с Асаревичей концы разомкнуты и обрублены прямо, как и у горошковского (Мельниковская, 1967, с. 76, рис. 32; 34: 15). Как замечает О.Н. Мельниковская, диаметры у таких браслетов 11–12 см.

Тип орнаментированных. составляют три браслета с Борца, Гомеля и Лисок (рис. 62: 10; 63: 1, 5). По характеру орнаментации эти изделия почти тождественны. Они имеют толщину стержня 0,7–1 см. Стержень с внутренней стороны уплощен, а с наружной — округлый. Судя по браслету с Гомеля, концы у них разомкнуты и обрублены прямо (рис. 63: 1). Расстояние между ними около 0,5 см. Наружную поверхность у экземпляра с Лисок украшают поперечно напаянные проволочки толщиной 1–1,5 мм. В трех местах по округлости браслета есть участки с другим орнаментом. На боковых сторонах напаяны по два эсовидных завитка, расположенных по длине окружности (рис. 62: 10). На поверхности периметра стержня, между завитками, напаяно по четыре продольно расположенных проволочки. Такой орнамент у браслетов с Борца (рис. 63: 5) и Лисок. У экземпляра с Гомеля вместо продольных проволочек напаяны два эсовидных завитка, как на боковых сторонах (Дробушевский, 2002, с. 54, рис. 2: 2). Наружный диаметр Лисковского браслета 11 см, с Гомеля — 10,5 см, с Борца — 9,5 см. Ножные браслеты с рассмотренным орнаментом ранее на милоградских памятниках не фиксировались. Использование милоградским населением предплечевых или ножных орнаментированных браслетов — явление весьма редкое. Надо полагать, что оно появилось на позднем этапе культуры, примерно в IV–III вв. до н. э.

В 2009 г. вышел из печати первый том энциклопедии «Археалогія Беларусі» двухтомного издания. Обращаю внимание на недопустимые ошибки в этом томе. Они стали возможны не по вине авторов статей, а вследствие редакционной работы Республиканского унитарного предприятия «Выдавецтва “Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі”». Речь идет о путанице в цветных фотографиях рассматриваемых нами бронзовых браслетов и подписях к ним. Так, в статье М.И. Лошенкова «Горошков» помещены ручной и ножной браслеты на красном фоне с подписью, что оба эти украшения с Горошковского городища (Лашанкоў, 2009, с. 235). В действительности же большой браслет не с городища Горошков, а случайно найден в Гомеле в 2000 г. Он хранится в Гомельском областном краеведческом музее, где имеется соответствующая информация о его поступлении (КП 14945). В статье О.А. Макушникова, посвященной городу Гомелю, аналогичная ошибка: вверху страницы в правом столбике — фото орнаментированного бронзового браслета на темно-зеленом фоне. Рядом, в левом углу, подпись, общая для двух разновременных украшений, — «Бронзавыя бранзалеты 11–12 ст. з Гомеля» (Макушнікаў, 2009, с. 252). Если браслет древнерусский на голубом фоне действительно соответствует подписи, то второй к указанному времени никакого отношения не имеет, как и к городу Гомелю вообще. Во-первых, этот браслет найден случайно около поселка Борец под Гомелем (Дробушевский, 2002, с. 54, рис. 2: 6). В настоящее время он хранится в Гомельском областном краеведческом музее (КП 16282). Во-вторых, он относится к IV–III вв. до н. э. и принадлежал в то время кому-то из общинников милоградского населения, что нами показано выше. К сказанному добавлю,

что оба этих браслета были уже опубликованы в 2002 г. А.И. Дробушевским.

Отдел ручных. В противоположность ножным, ручные браслеты пользовались большей популярностью, о чем свидетельствуют их частые находки. В общей коллекции браслетов на отдел ручных приходится 92,5 % учтенных находок. Они делятся на два подотдела: стержневые (93 %) и пластинчатые (7 %).

Подотдел пластинчатых небольшой по численности — всего шесть браслетов. Целых — четыре. Они обнаружены в Горошкове (1), Новосёлках (2) и Асаревичах (1 экз.). Еще найдены половина на Холопеничском и обломок на Чаплинском городищах. Целые экземпляры и половина свидетельствуют о спиралевидной форме пластинчатых браслетов у милоградского населения. Экземпляр с Холопенич свернут в три с лишним оборота (рис. 62: 8). Диаметр его около 6 см. Пластина шириной 0,5–0,6 см и толщиной 0,2 см. С внутренней стороны она уплощенная, а снаружи слегка выгнутая. Пластины каждого витка плотно соприкасаются между собой, а окончания у них сужены. В местах соприкосновения пластины спаяны. Края у этого браслета обработаны плохо (Егорейченко, 1982а, с. 70–71, рис. 1: 8; он же, 1996, с. 42, рис. 34: 21). Браслет с Горошкова — спираль в пять с половиной оборотов. Витки пластины не соприкосаются. В сечении она треугольная: внутренняя сторона плоская, а наружная — биконическая. У этого браслета один конец обрублен прямо, а другой загнут в маленькое колечко-завиток (Мельниковская, 1957б, с. 150, табл. 1: 4). Диаметр его 6 см. Данный экземпляр найден в составе клада. Два браслета с Новосёлок случайно найдены на распаханном поле. Они хранятся в музее Новосёлковской средней школы Петриковского района Гомельской области. Автор ознакомился с ними летом 2001 г. Они представляют собой спирали в пять с половиной витков. Пластина шириной 1 см. В сечении она треугольная. Внешняя сторона у экземпляров с Новосёлок биконическая, как у браслетов с Горошкова и Чаплина. Концы у них с обеих сторон постепенно сужены и закруглены. Длина спиралей 10 см. Витки пластин не соприкасаются. Диаметры рассматриваемых браслетов 5,5 и 6,5 см (Вяргей, 1994, с. 12, 55, рис. 4: 1). В.С. Вергей отнесла их к бронзовому веку. Думается, что их вполне можно связывать с проживанием в данной местности Восточного Полесья «милоградцев», которые оставили в окрестностях деревни пять городищ (Вяргей, 1994, с. 42–43).

Многовитковые браслеты, аналогичные рассматриваемым, есть и на Украине. Один, из коллекции Б.Н. Хоненко, хранится в фондах Национального музея истории Украины (Бронзовые украшения..., 2005, с. 173, рис. 15: 2). Замечу, что размерами средняя часть этого браслета почти не отличается от охарактеризованных выше с памятников Беларуси. На территории Украины известно семь таких браслетов. Они выявлены в Среднем Поднепровье (4) и на Волыни (3). Украинские исследователи спиралевидные пластинчатые браслеты трехгранного сечения датируют XV в. до н. э. и не связывают их с древностями раннего железного века (Бронзовые украшения..., 2005, с. 173).

Особо рассмотрим новую случайную находку 2006 г. — пластинчатый браслет с Асаревичей (рис. 63: 7). Он имеет форму неправильного круга. Наружный размер его 5,8 × 6,3 см. Длинна по периметру изделия — 18,8 см. Внутренняя сторона у него уплощенная, а наружная — слегка закругленная. Ширина ленты 0,5–0,6 см при толщине ее 0,3–0,35 см. Этот браслет, в отличие от рассмотренных выше, кованый (Лошенков, 2007, с. 214, рис. 1: 3). Об этом говорят неровности на наружной и боковых

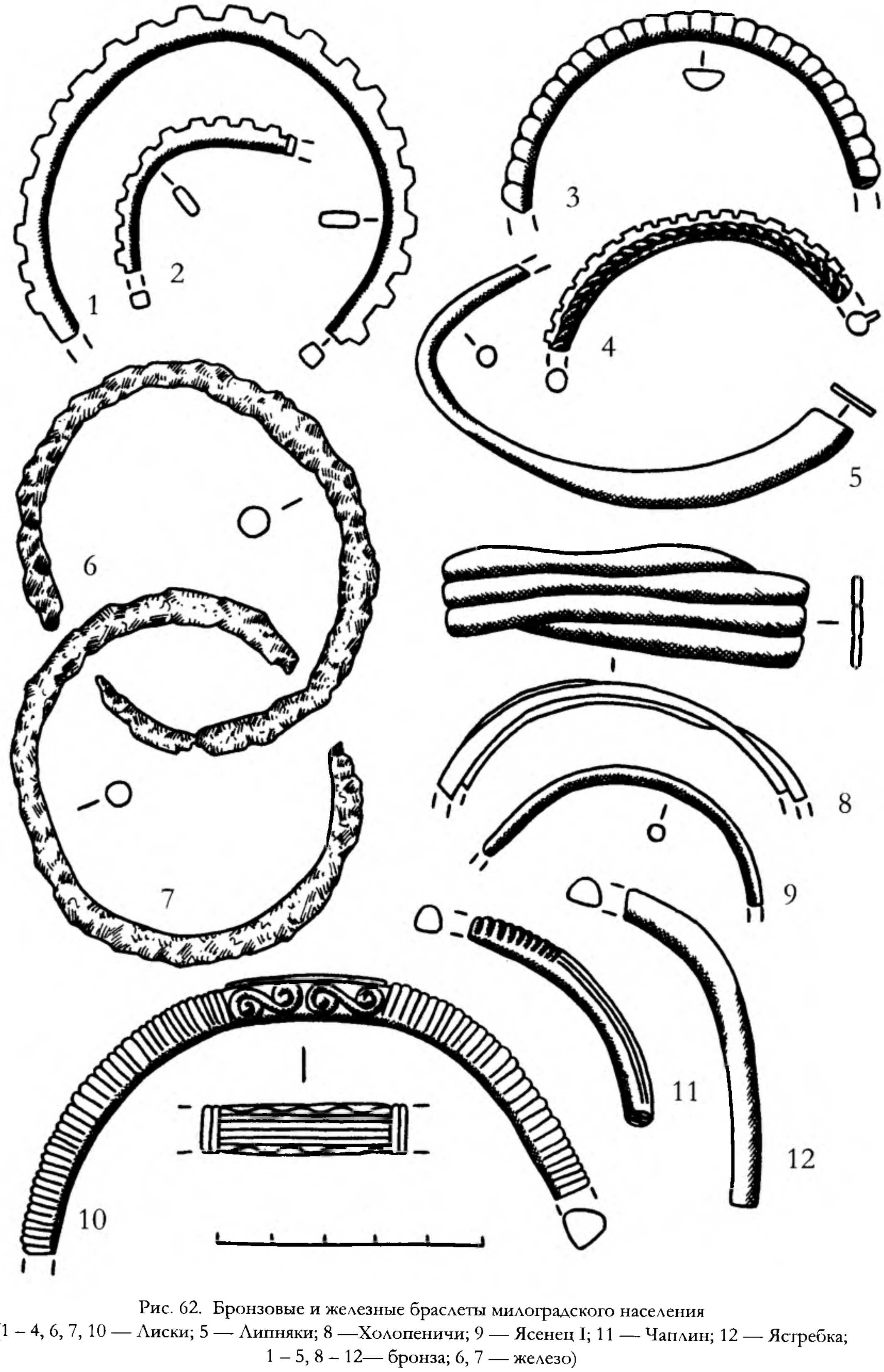

Рис. 62. Бронзовые и железные браслеты милоградского населения
(1 – 4, 6, 7, 10 — Лиски; 5 — Липняки; 8 —Холопеничи; 9 — Ясенец I; 11 — Чаплин; 12 — Ястребка;
1 – 5, 8 – 12— бронза; 6, 7 — железо)

поверхностях изделия (рис. 63: 7). Концы у него спаяны, и стык спайки хорошо обработан. На внешней поверхности браслета есть орнамент из поперечных рельефных валиков. Последние образованы частыми врезками, выполненными через разные интервалы (рис. 63: 7). Наиболее вероятное время использования его — VI–V вв. до н. э.

Ручные пластинчатые браслеты, как видим, не имели широкого распространения у милоградского населения. В пользовании у них были браслеты преимущественно спиралевидной формы. Нельзя не отметить, что рассмотренные нами украшения, изготовленные из бронзовых пластинчатых лент, на милоградских памятниках Украины исследователями пока не зафиксированы. На территории Беларуси они локализуются в Приднепровском и Полесском регионах.

Подотдел стержневых самый многочисленный. В нем насчитывается 86 браслетов. В этом подотделе выделены три типа: гладкостержневые, орнаментированные и витые.

Тип браслетов с витым стержнем включает только пять обломков. К ранее известным трем экземплярам в Приднепровье с поселений Асаревичи, Горошков и первое Моховское добавилось еще два: один с городища Уза в Посожье, а другой — с Асаревичей (рис. 63: 4).

Тип орнаментированных составляет 33,3% от всей коллекции браслетов. Все рассматриваемые изделия литые, и орнаменты у них находятся на наружной поверхности стержней, включая и боковые стороны. Стержни в сечении круглые, квадратные с закругленными углами и уплощенные с внутренней стороны. Автор, в отличие от О.Н. Мельниковской, выделил в этом типе по способам орнаментации семь нижеследующих видов изделий (Мельниковская, 1967, с. 78; Лашанкоў, 1999, с. 59). Первый вид составляют браслеты, у которых вся поверхность либо часть ее украшена поперечными рубчиками, словно гофрированная (рис. 62: 3, 11; 63: 7; II: 14). Второй — с равномерными зубцами на внешнем периметре, как у шестеренки (рис. 62: 1, II: 12). Третий — с тремя поперечно-волнообразными выступами на гладком стержне через короткие и длинные интервалы (рис. 63: 2). Четвертый — с мелкими поперечными рубчиками и двумя-тремя рельефно выступающими между ними валиками (рис. 63: 3). Пятый — с одиночными рельефно выступающими валиками на гладком стержне через небольшие интервалы (Мельниковская, 1967, рис. 34: 17). Шестой — с поперечными мелкими рубчиками и чередующимися участками с напаянными очень мелкими шариками (Мельниковская, 1967, рис. 34: 12). Седьмой — периметр круглого стержня украшают тонкие и частые зубья, а боковые стороны — косые нарезки, образующие как бы витой орнамент (рис. 62: 4; II: 13). Надо полагать, что тип орнаментированных ручных браслетов у милоградского населения не ограничивался семью отмеченными видами. Были у «милоградцев» и другие разновидности орнаментов. На это указывает фрагмент полого браслета с Горошкова, поверхность которого покрыта напаянными эсовидными завитками (Мельниковская, 1967, с.80, рис. 34: 6). Или, например, проволочные спиральки напаяны на наружную поверхность, как у фрагмента с городища Зборов Рогачёвского района (рис. 63: 8).

Среди рассматриваемых орнаментированных браслетов совершенно нетрадиционно выглядит такая находка из-под города Ветка Гомельской области. Браслет бронзовый, литой. Он имеет неправильную форму круга (рис. 63: 6). Его размеры: наружный — 5,4 × 5 см, внутренний — 4,4 × 4 см. Круглый в сечении стержень толщиной 0,5 см. Необычность данного изделия в том, что орнамент у него

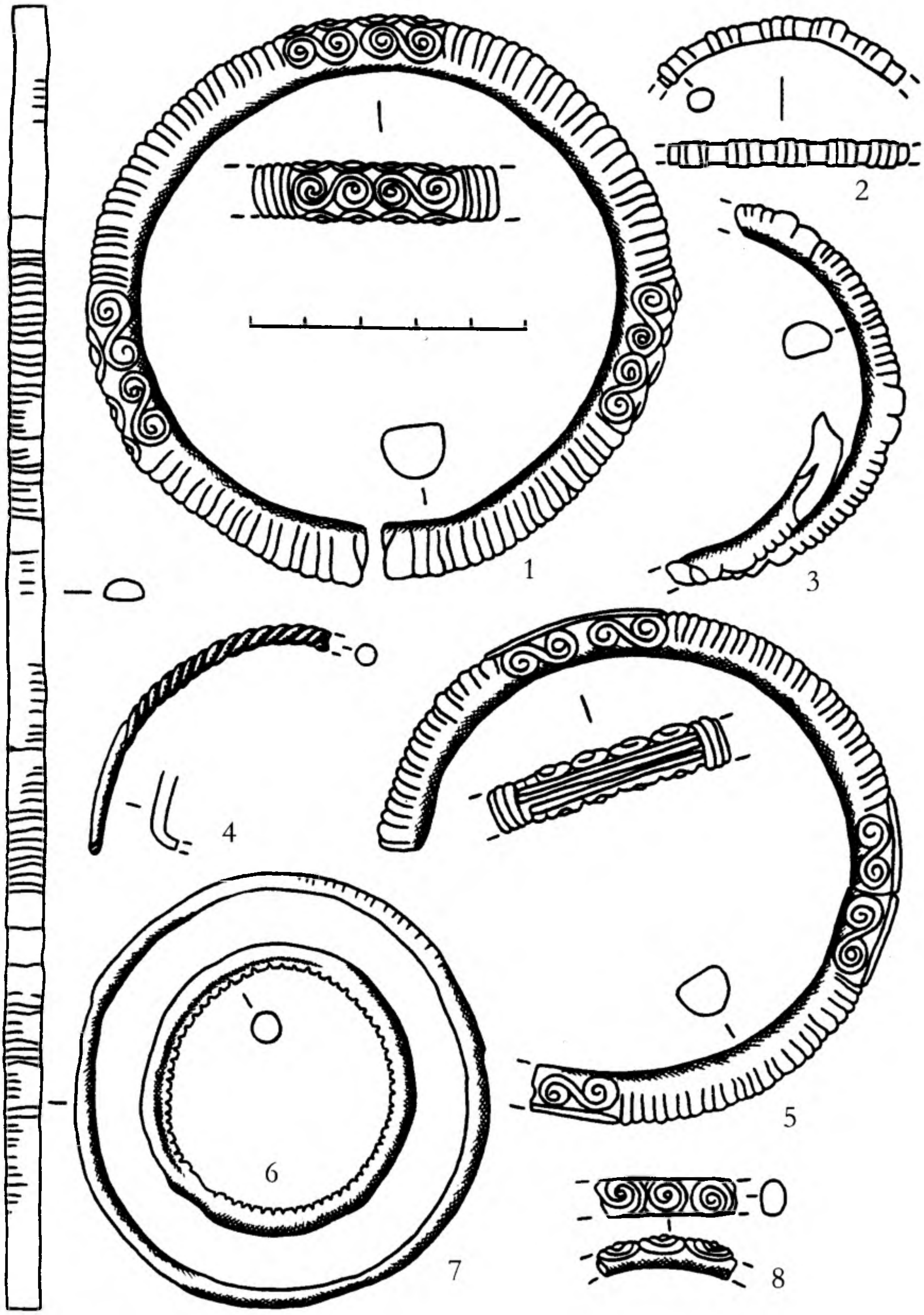

Рис. 63. Орнаментированные милоградские браслеты
(1 — Гомель; 2, 3 — Уваровичи; 4, 7 — Асаревичи; 5 — Борец; 6 — Ветка; 8 — Зборов)

выполнен на внутренней поверхности, а не на наружной, как у всех остальных. Орнаментация состоит из частых мелких зубчиков, выполненных весьма гладко (рис. 63: 6). Этот браслет, судя по размерам, скорее всего, детский.

Тип гладкостержневых браслетов доминирует над всеми вышерассмотреными. На них приходится 48,5 % коллекции (табл. 21). Стержни у таких браслетов имеют толщину от 0,25 до 0,5 см и более. Они в большинстве своем в сечении круглые, но есть и овальные (рис. 62: 5–7, 9, 12). Последних мало. По оформлению окончаний автор выделяет два варианта среди браслетов данного типа. Первый — литые, замкнутые (Мельниковская, 1957б, с. 150, табл. 1: 7). Таких браслетов единицы. Второй вариант — с разомкнутыми концами. Здесь существует три подварианта: а) концы сходятся и почти соединяются встык; б) концы разомкнуты на 0,3–0,5 см и более; в) концы заходят один за другой, как по резьбе. Несомненно, что браслеты второго варианта с подвариантами доминировали у милоградского населения Беларуси и Украины. У рассматриваемых браслетов второго варианта есть еще отличительные особенности, которых нет у всех остальных изделий этой категории. Эти особенности заключаются в форме самих окончаний. Последние имеют четыре нижеследующих разновидности. У одних концы срезаны прямо (рис. II: 11). У других они постепенно утоньшаются (Горошков, Лиски, Мизяково). У третьих — окончания в форме шариков (Подгорцы, Чаплин Шепотовичи). У четвертых концы в виде пластины (Козинцы, Липняки, Мизяково, Моховское I, Приборск). Заметим, что между формой конца и подвариантом оформления окончания какая-либо закономерность не прослеживается по причине малого количества целых экземпляров. Расплющенные или лопаточковидные окончания крайне редко имеют орнамент, как это можно наблюдать по фрагменту браслета с первого Моховского городища (Мельниковская, 1967, с. 77, рис. 34: 18). По причине отсутствия полных форм всех браслетов данного типа нельзя сказать ничего определенного о преобладании какого-либо из четырех вышеперечисленных разновидностей окончаний.

Если сравнивать коллекцию рассмотренных милоградских браслетов с аналогичными у «штриховиков», то у последних они известны прежде всего в небольшом количестве — около 10 экземпляров (Городище, Кацеличи (3), Кимия (2), Мысли (2), Ревячка, Палицкое). Затем по ассортименту — исключительно ручные пластинчатые (Городище, Кимия, Ревячка), тонкостержневые спиралевидные (Кацеличи (3), Мысли (2 экз.)), а также с заходящими (Кимия) и разомкнутыми (Палицкое) концами (Митрофанов, 1978, с. 38, рис. 19: 23, 24; Медведев, 1996, с. 28–29, рис. 43: 1–5; Гурин, 2000, с. 33, рис. 11: 1, 2; Лошенков, 2000, с. 135, рис. 10: 3). Эти украшения у племен штрихованной керамики были только бронзовые.

Население днепро-двинской культуры пользовалось браслетами бронзовыми и железными, как ручными, так и ножными (Третьяков, 1963а, с. 47, рис. 14: 3–6, он же, 1963б, с. 90, рис. 44: 14; Шмидт, 1963, с. 163–166, рис. 12: 21, 25–28; 13: 5, 6; он же, 1992, с. 86, 87, 88, табл. 9; 10; 30; 31). Такие украшения на памятниках смоленского варианта культуры многочисленнее и разнообразнее, нежели в западно-двинском ареале (Шадыро, 1985, с. 65–66, 69–70, рис. 39; 42: 6, 10, 21). В пределах Беларуси браслеты из бронзы были нечастыми находками. Группу железных В.И. Шадыро разделил на три типа: 1 — гладкие, 2 — витые, 3 — с насечками (Шадыра, 1999, с. 191, рис. 59: 14–17). Из учтенных автором 41 бронзового браслета у «днепро-двинцев» орнаментированных — 18,

гладкостержневых — 10, с витым стержнем — 3 и пластинчатых — 10. Последние существенно отличаются от таковых у «милоградцев».

Сопоставление милоградских браслетов со скифскими говорит о высокой степени их схожести. Данное обстоятельство позволяет рассматривать относительную хронологию таких древностей у «милоградцев» (Петренко, 1978. с. 49–58, табл. V; 38–50). Отметим, что заметным разнообразием выделяются у населения милоградской культуры орнаментированные и пластинчатые браслеты по сравнению с такими у скифов (Петренко, 1978, табл. 44–49). Существующее различие объясняется тем, что браслеты с орнаментом на милоградской территории стали появляться не только с юга от населения Лесостепи, но и с юго-запада, от кельтов. О.Н. Мельниковская еще в 60-х годах отмечала это явление, к которому впоследствии не раз обращались исследователи (Мельниковская, 1967, с. 80; Петренко, 1978, с. 55; Залашко, 1986, с. 59–61; Нефёдова, 1992, с. 21–34; Еременко, 1997, с. 37–54). Орнаментированные браслеты «милоградцев» являются хорошим хронологическим индикатором. Большинство таких браслетов О.Н. Мельниковская продатировала IV–III вв. до н. э., тогда как, по мнению В.Е. Нефедовой, их следует датировать с конца V по II в. до н. э. (Мельниковская, 1967, с. 80; Нефёдова, 1992, с. 29–33, табл. 1–3). В.Е. Еременко считает, что у милоградского населения они появляются и функционируют в период горизонта Духцов-Мюнзинген — B1 и B2a (390–280 гг. до н. э.) (Еременко, 1997, с. 41–47). Автор полагает, что население милоградской культуры пользовалось орнаментированными браслетами с V по III в. до н. э. Нельзя не отметить, что рассмотренные украшения в целом локализуются в Приднепровском регионе, в Посожье и в Полесской низменности. Вместе с тем, они ни разу не обнаружены археологами на памятниках западного и юго-западного ареалов культуры.

Серьги. На милоградских памятниках сережек выявлено намного меньше по сравнению с булавками и браслетами. Всего их известно 37 единиц (табл. 22). На селищах и городищах Беларуси и Украины они встречались чаще, нежели на могильниках. Находили их и случайно, как подъемный материал (Азаричи, Асаревичи, Столинский р-н). Все учтенные автором серьги, в отличие от уже рассмотренных украшений, выполнены из бронзы и золота. Две золотые хорошо задокументированы во время раскопок курганных погребений в могильниках Дубой (курган № 5) и Деснянка (курган № 4) (Кухаренко, 1961, с. 22, табл. 1: 3; Шекун, 1995, с. 157, рис. 1: 3). О.Н. Мель-никовская располагала сведениями и о третьей серьге из золота, найденной на городище Азаричи (Мельниковская, 1967, с. 82).

Еще в начале 50-х годов XX в. В.Н. Даниленко выделил на южнополесских материалах четыре нижеследующие разновидности серег: 1 — с низкой конической головкой (щитком. — *М.Л.*); 2 — с головкой, имеющей приплюснутую сферическую поверхность; 3 — с головкой в виде двух-трех веточек (особая подгорцевская форма. – *М.Л.*) и 4 — с окончаниями в виде шляпок гвоздей (Даниленко, 1953, с. 206, табл. I: 7–10). Позднее, в середине 60-х годов, уже на материалах с памятников Беларуси, О.Н. Мельниковская выделяет серьги только двух типов: с коническими и круглыми выпуклыми щитками (Мельниковская, 1967, с. 82, рис. 31: 7, 8, 10; Лашанкоў, 1999a, с. 62). В начале 90-х годов автор выделил еще один тип серег — кольцевидные (Лошенков, 1990, с. 15). В целом на территории проживания милоградского населения известно пять типов серег в зависимости от их форм: 1 — веточковидные, 2 — гвоздевидные, 3 —

Таблица 22

Серьги населения милоградской культуры

Памятники	Типы					Всего
	веточковидные	гвоздевидные	кольцевидные	конические	сегментовидные	
1. Азаричи				1		**1**
2. Асаревичи			1			**1**
3. Горошков			1	1	1	**3**
4. Дубой					1	**1**
5. Лемешевичи					1	**1**
6. Липняки			1			**1**
7. Лиски					1	**1**
8. Любны					1	**1**
9. Милоград					1	**1**
10. Снядин I				2		**2**
11. Столинский район	1					**1**
12. Черное					1	**1**
Беларусь — 15	**1**	**–**	**3**	**4**	**7**	
13. Большая Солтановка	1					**1**
14. Бортничи	2			2	2	**6**
15. Вишеньки	1	1			1	**3**
16. Деснянка				1		**1**
17. Казаровичи				1		**1**
18. Козинцы					1	**1**
19. Корчеватое					1	**1**
20. Лютеж				1		**1**
21. Малополовецкое	1					**1**
22. Подгорцы	3				2	**5**
23. Рудяки	1					**1**
Украина — 22	**9**	**1**	**–**	**5**	**7**	
Всего по культуре	**10**	**1**	**3**	**9**	**14**	**37**

кольцевидные, 4 — с коническим щитком и 5 — с сегментовидным щитком (табл. 22).

Тип веточковидных серег занимает второе место по количеству находок. Девять экземпляров их происходят с украинских памятников. С четырех поселений — Большая Солтановка, Бортничи, Вишеньки, Подгорцы и двух грунтовых погребений — Малополовецкое и Рудяки. В.Н. Даниленко назвал их особым подгорцевским типом. Такие серьги представляют собой как бы веточку со свисающими вниз плодами мелких ягод, наподобие рябины. В ее верхней части все отростки соединяются в один стержень, который имеет крючковидную форму. Внизу окончания веток отогнуты наружу перпендикулярно направлению свисающих отростков, которые заканчиваются половинками шаров (рис. 64: 11). Тыльная часть шара у них плоская, а наружная — сферической формы, как у случайно найденного обломка такой сережки в Столинском районе Беларуси (рис. 64: 14). У рассматриваемых сережек по два-три как бы свисающих шаровидных окончания (рис. 64: 11). В Украине такие серьги локализуются на юго-востоке милоградской территории в пределах только Киевской области (Даниленко, 1956, с. 10, 13, табл. II: 3, 4; V: 22, 23; Петровська, 1971, с. 20, рис. 1; 7: 6; Лысенко, 2005, с. 321, рис. 1: 17). Крайне редко подобные

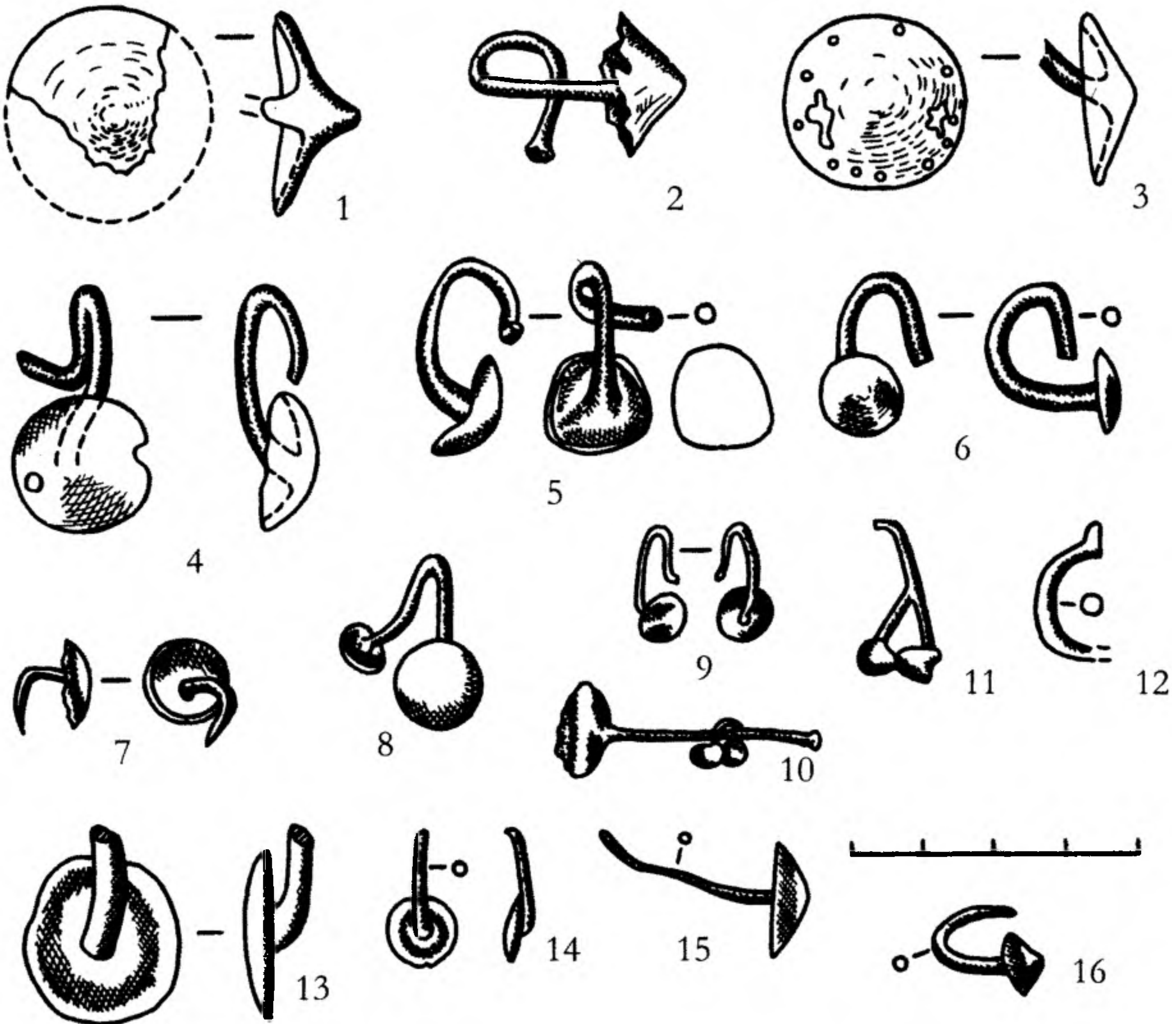

Рис. 64. Серьги населения милоградской культуры
(1 — Азаричи; 2 — Казаровичи; 3, 4 — Горошков; 5 — Лиски; 6 — Лемешевичи; 7 — Черное; 8 — Дубой, 9 — Подгорцы; 10 — Большая Солтановка; 11 — Вишеньки; 12 — Липняки; 13 — Милоград; 14 — Столинский р-н; 15, 16 — Снядин I; 1, 8 — золото, остальные — бронза)

сережки проникали далее на юг, к населению Лесостепи. Один экземпляр их обнаружен на поселении Грищенцы (Петренко, 1967, с. 11, табл. 4: 16; она же, 1978, с. 39, табл. 27: 42). Среди большого количества скифских сережек нет аналогичных подгорцевско-милоградским изделиям данного типа. Поэтому не случайно В.Г. Петренко условно отнесла подобные украшения к 31 типу с его многочисленными вариантами (Петренко, 1978, с. 37–39). По существу следует согласиться с В.Е. Еременко в том, что веточковидные серьги у «милоградцев» датируются VI–V вв. до н. э. (Еременко, 1989, с. 85, рис. 3: 49, 57). Они стали распространяться в южном направлении, надо полагать, в V в. до н. э. Иной точки зрения придерживается В.Г. Петренко, которая считает, что рассматриваемые подгорцевско-милоградские сережки стали появляться у лесостепных племен в IV–III вв. до н. э. (Петренко, 1978, с. 39).

Тип гвоздевидных является самым малочисленным. Известна пока только одна серьга с поселения Большая Солтановка на Украине (рис. 64: 10). Она бронзовая. Дужка прямая с круглым в сечении стержнем. Один конец ее заканчивается шляпкой диаметром 0,35 см, а другой такой же плоский, но диаметром 1,4 см,

как это следует из опубликованного рисунка (Даниленко, 1953, с. 200, табл. I: 10). Длина дужки со щитками 3,5 см. Именно форма щитков послужила основанием для названия таких сережек «гвоздевидными». Следует сказать, что к типу гвоздевидных автор относит серьги только с плоским щитком, перпендикулярным стержню дужки, в отличие от того, какой смысл вкладывают в это содержание другие исследователи (Петренко, 1978, с. 21, 24–26). У рассматриваемого экземпляра в средней части дужки закреплена другая сережка, как отмечает В.Н. Даниленко, веточковидного типа (Даниленко, 1953, с. 200, табл. I: 10). По его мнению, вторая сережка выполняла роль подвески. Такие случаи в подобных древностях единичны.

Тип кольцевидных серег выделен совсем недавно, в начале 90-х годов. На городище Липняки найдена часть такого предмета. Серьга сделана из круглой в сечении проволоки толщиной 0,2 см. Проволока согнута в кольцо диаметром 1,2 см. Один конец ее, у края, имеет утолщение, а другой отломан в средней части изделия (рис. 64: 12). Половина липняковской серьги хорошо соотносится с третьим типом скифских серег с утолщениями на концах. Отсутствие другой части не позволяет связывать ее с каким-либо из двух вариантов данного типа украшений (Петренко, 1978, с. 26, табл. 16: 48–64). Знакомство с коллекциями с других памятников позволило отметить наличие подобных сережек еще на городищах Асаревичи и Горошков. Думается, что на кольцевидные сережки исследователи не всегда обращали должное внимание, поэтому они известны только на трех вышеуказанных памятниках. Рассматриваемые милоградские серьги кольцевидной формы по скифским аналогиям следует датировать VI–IV вв. до н. э. (Петренко, 1978, с. 26). Надо полагать, что такие сережки со временем будут обнаружены и на украинских памятниках.

Тип серег с коническим щитком занимает третье место среди рассматриваемых украшений. У них щиток в форме небольшого конуса с диаметром в основании 0,9–3 см (рис. 64: 1–3, 15, 16). С тыльной стороны вершины конуса отходит припаянная дужка из круглой проволоки. Четыре таких сережки есть на памятниках Беларуси (Азаричи, Горошков, Снядин I) и пять — на украинских (Бортничи, Деснянка, Казаровичи, Лютеж) (Вяргей, 1995, с. 43, рис. 8, 10). Экземпляр с поселения Казаровичи (рис. 64: 2) отличается от остальных тем, что у него щиток по краю частично поврежден (Петровская, 1971, с. 148, рис. 2). Серьги со щитками конической формы, как и веточковидные, составляют четвертую часть рассматриваемых украшений (табл. 22). Они соответствуют пятому типу аналогичных изделий скифов (Петренко, 1978, с. 27, табл. 17: 13–20). Данный тип сережек у «милоградцев» датируется VI–V вв. до н. э. Такой их датировки придерживаются О.Н. Мельниковская, В.Е. Еременко, автор и С.Е. Рассадин (Мельниковская, 1967, с. 82, 84; Еременко, 1989, с. 84, рис. 3: 45; Лашанкоў, 1999а, с. 62; Рассадин, 2005, с. 31).

Тип сегментовидных серег у населения милоградской культуры самый распространенный (табл. 22; рис. II: 10; V: 34). Они в равной мере есть на белорусских и украинских памятниках. Встречались такие находки чаще по одной и реже по две, как на поселениях Бортничи, Подгорцы. Щиток у этих сережек в виде шляпки гриба или сегмента шара (рис. 64: 4–9, 13). Его форма в плане круглая, диаметром от 0,7–1 до 2–2,4 см, либо овальная (рис. 64: 5, 13). Дужка, припаянная с внутренней стороны, как правило, изогнутая. Экземпляр с городища Любны представлен только щитком. Этот тип милоградских сережек соответствует первому варианту первого типа подобных скифских украшений (Петренко, 1978, с. 21, 25). В.Г. Петренко считает их «гвоздевидными» и относит к VI в. до н. э. Время их бытования

у населения изучаемой культуры может быть определено как вторая половина VII — V в. до н. э.

Бронзовая «поделка с двумя грибовидными шляпками на концах», найденная Л.Д. Поболем в 1963 году на городище Щатково, в бассейне нижней Березины под Бобруйском, отнесена С.Е. Рассадиным к скифским серьгам гвоздевидным (Поболь, 1967а, с. 214, табл. 2, рис. 14: 6; Рассадин, 1989, с. 9; он же, 1991, с. 15, рис. 32; Рассадзін, 1992, с. 72, мал. 1: 18; 2: 29; Рассадин, 2005, с. 31). Он определил время ее VI–V вв. до н. э. Сегментовидные окончания у этой поделки диаметрами 1,4 и 1,15 см. Толщина соединяющего их стержня 0,3 см при длине 7,3 см. У оригинала стержень согнут под тупым, углом и расстояние между концами составляет 5,8 см. По-видимому, большие длина и толщина стержня не позволили автору раскопок связывать данную поделку с серьгами. Наше знакомство с оригиналом этой находки подтвердило правильность мнения Л.Д. Поболя.

Несмотря на малое количество рассмотренных украшений, обращает на себя внимание их разнообразие. Исследователями выделено пять типов таких изделий. Надо полагать, что у милоградского населения серьги являлись украшением исключительно женским. Судя по их формам, на территории Беларуси наиболее популярными были серьги с грибовидными щитками. В то же время на территории Украины популярностью пользовались сережки веточковидные, затем сегментовидные и с коническими щитками. Время использования этих украшений ограничивается примерно двумя столетиями — с конца VII по V в. до н. э. Такие изделия из золота были редкостью у изучаемого населения и, несомненно, импортом.

Кольца-перстни. Как категория украшений в милоградской культуре кольца рассмотрены О.Н. Мельниковской. По функциональному назначению она разделила их на четыре вида: височные, на пальцы, колечки-серьги и с выступами в качестве амулетов (Мельниковская, 1967, с. 81). Кольца-сережки и с выступами уже рассматривались. Что касается височных, то новые не обнаружены, а коллекция с милоградского жилища довольно обстоятельно охарактеризована О.Н. Мельниковской (Мельниковская, 1967, с. 81, рис. 35; 36: 1, 2). А вот колечки для ношения на пальцах нуждаются в более подробном описании, поскольку исследовательницей отмечены только три находки (Мельниковская, 1967, с. 81–82, рис. 36: 7, 8). «Милоградцы» их изготавливали преимущественно из бронзы, крайне редко из серебра и железа. Серебряное отмечено только один раз на Асаревичском могильнике. Оно узкопластинчатое, замкнутое, целое и отнесено О.Н. Мельниковской к милоградским древностям с сомнением (Мельниковская, 1967, с. 82). Кольца на пальцы из железа О.Н. Мельниковской не отмечены ни разу. В рассматриваемой нами коллекции их шесть (рис. 65: 1, 2, 20). Два происходят с городища Уваровичи. К ним же нами отнесено еще три с Чаплинского городища и одно — с Лисковского (оно рассыпалось. — *М. Л.*) (Третьяков, 1959, с. 140, рис. 14: 7, 17, 18; Лашанкоў, 1999а, с. 63). Железные колечки целые и с разомкнутыми либо заходящими окончаниями. У целых стыки концов спаяны и хорошо обработаны (рис. 65: 1, 2). Все они кованые, диаметром от 1,5 до 2–2,5 см. Толщина стержней у них 0,3 см. Из шести железных одно сделано из пластины. Наружная сторона у этого колечка биконической формы с продольной гранью посередине (Третьяков, 1959, рис. 14: 18). Небольшие колечки из железа во время раскопок фиксировались часто, но исследователи их не связывали с подобными украшениями, что вряд ли правомерно исключать (Третьяков, 1959, с. 140, рис. 14: 7, 17, 18; Поболь, 1971, с. 132–133, рис. 68:

20, 21; Егорейченко, 1996, с. 43–44, рис. 34: 25, 26).

Среди подобных украшений сделанные из бронзы значительно преобладают. Автором их учтено 40 единиц. По способам изготовления они литые и согнутые. Первых в коллекции очень мало — три. Все обнаружены на одном памятнике — поселении Бобрица на Украине. Литые колечки-перстни гладкие, замкнутые, округлой формы, диаметром до 3 см (Даниленко, 1956, с. 16, табл. VIII: 5–7). На поселении Бобрица они отлиты в разных формах одноразового использования. Колечки, выполненные из пластинчатых полосок либо стержней путем загибания, условно назовем гнутые. Пластинчатые полоски тонкие, шириной 0,3–0,7 см. С наружной (лицевой) стороны они иногда слегка выгнутые, как на городище Отрубы (рис. 65: 15, 16). Стержни, как правило, проволочные, не толстые, диаметром 0,2–0,35 см. В редких случаях они могли быть граненые — квадратные либо ромбические в сечении, как у колечек с городищ Горошков и Уваровичи (рис. 65: 6, 9).

У милоградского населения кольца-перстни различаются своим оформлением: в один оборот либо спиралевидные. Например, бронзовое колечко с городища Отрубы, найденное в деформированном состоянии (рис. 65: 15; VI: 41), выполнено из пластинки шириной 0,7 см и длинной 9,5 см. Внутренняя сторона у него гладкая, плоская, а наружная едва заметно выгнута с продольной гранью в середине. Толщина пластины 0,15 см. Концы у колечка обрублены прямо и заходили один за другой. А вот кольцо с городища Любны — полутораоборотное (рис. 65: 12). Заметим, что в нашей коллекции пластинчатые кольца составляют более трети таких украшений, а доминируют же, несомненно, проволочно-стержневые (табл. 23). Подчеркнем, что окончания у рассматриваемых изделий такие же, как и у браслетов.

Таблица 23

Кольца-перстни с памятников милоградской культуры

Памятники	Кольца			
	литые	гнутые		Всего
		пластинчатые	проволочные	
1. Асаревичи		1	2	**3**
2. Бобрица	3			**3**
3. Ворновка			1	**1**
4. Горошков		2	3	**5**
5. Козинцы			3	**3**
6. Курадово			1	**1**
7. Лемешевичи		3	5	**8**
8. Лиски			1	**1**
9. Любны		1		**1**
10. Милоград		1	3	**4**
11. Нисимковичи		1		**1**
12. Отрубы		2		**2**
13. Присно			1	**1**
14. Старое Однополье			1	**1**
15. Уваровичи			4	**4**
16. Хильчицы		1		**1**
17. Чаплин		1	5	**6**
18.Черное		1		**1**
Всего по культуре	**3**	**14**	**30**	**47**

Согнутые из проволоки кольца населения милоградской культуры с разомкнутыми, сомкнутыми и заходящими концами в одной плоскости хорошо соотносятся с первым типом первого отдела аналогичных украшений у скифских племен (Петренко, 1978, с. 59, табл. 51: 1–9). Редкой разновидностью у «милоградцев» являются колечки, завернутые по спирали (рис. 65: 9, 21). По одному экземпляру они найдены в Милограде и Уваровичах. Они соответствуют второму типу (подтипа а) проволочных скифских по В.Г. Петренко (Петренко, 1978, с. 59, табл. 51: 11–16). У «милоградцев» есть только одно спиралевидное колечко подтипа б этого типа, которое происходит с городища Милоград (рис. 65: 21). Обращает на себя внимание устойчивое однообразие в способах изготовления колечек милоградскими мастерами. В скифских древностях пластин-

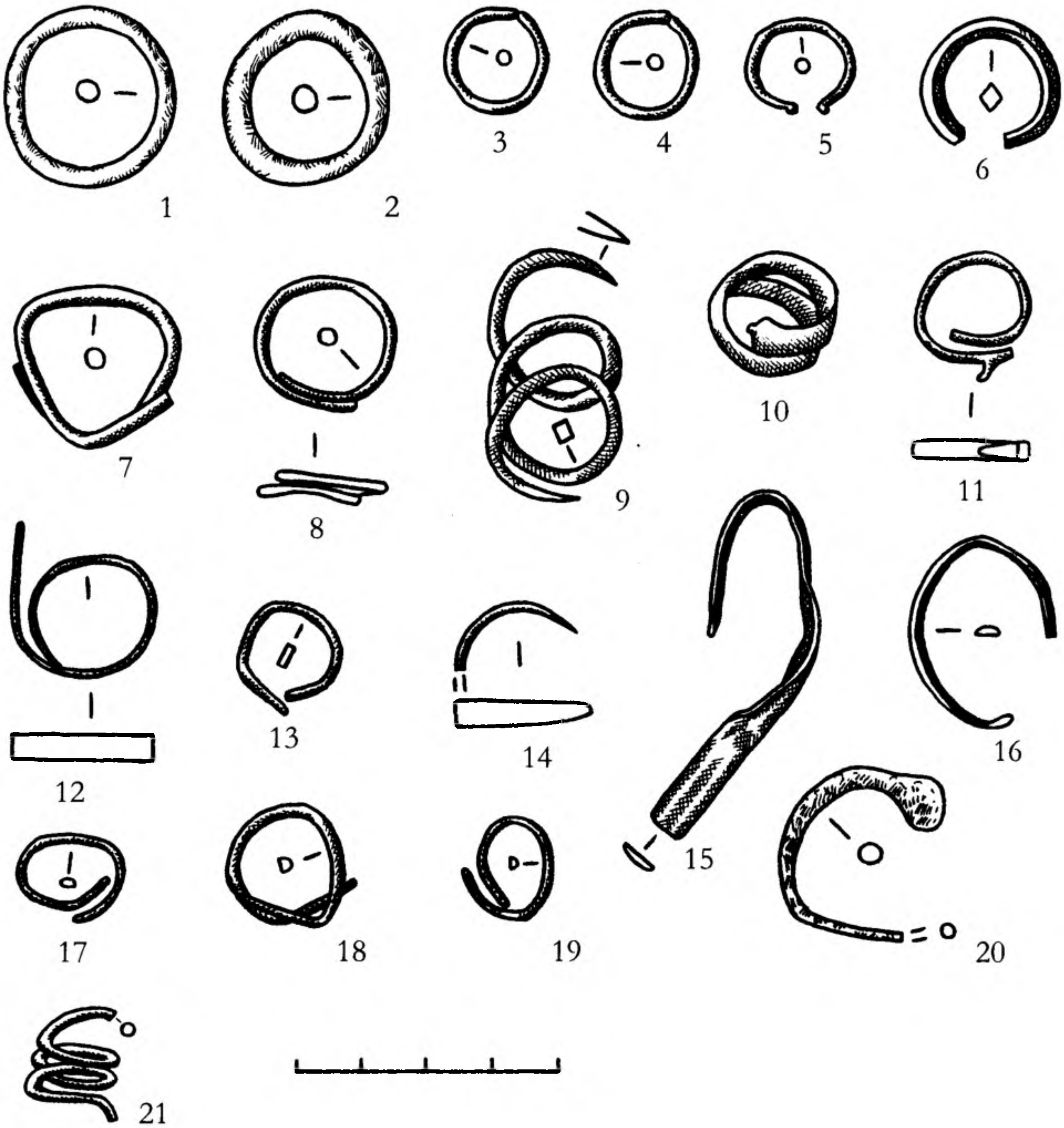

Рис. 65. Кольца-перстни с милоградских памятников Беларуси
(1, 9, 20 — Уваровичи; 2, 7— Чаплин; 3, 4, 17, 19 — Лемешевичи; 5 — Асаревичи; 6, 11 — Горошков; 8, 10, 21 — Милоград; 12 — Любны, 13 —Хильчицы; 14 — Черное; 15, 16 — Отрубы; 18 — Старое Однополье; 1, 2, 20 — железо, остальные — бронза)

чатые кольца обязательно имеют расширенный щиток разных оформлений, чего нет в рассматриваемых милоградских изделиях. По аналогиям, кольца на пальцы у «милоградцев», в отделе пластинчатых скифских, соответствуют девятому типу единичных экземпляров среди всего массива этих украшений (Петренко, 1978, с. 62, табл. 52: 21).

По мнению О.Н. Мельниковской, кольца на пальцы у «милоградцев» находились в употреблении только на позднем этапе,

синхронном зарубинецкой культуре, — I в. до н. э. — I в. н. э. (Мельниковская, 1967, с. 81, 166, рис. 64). Ранее автор эти древности связывал также с поздним периодом у населения Восточного Полесья — II — первой половиной I в. до н. э. (Лошенков, 1990, с. 15). По уточнениям В.Е. Еременко, поздний этап милоградской культуры датируется IV — началом III в. до н. э. (Еременко, 1989, с. 86; он же, 1997, с. 56–62). Позднемилоградское время С.Е. Рассадин относит к III в. до н. э. — I в. н. э.(Рассадин, 1989, с. 10; он же, 2005, с. 38). Автор считает, что позднее время у населения изучаемой культуры ограничивается рубежом III–II вв. до н. э., а его начало следует связывать с VII в. до н. э. Следовательно, перстни и кольца у «милоградцев» являются более ранними по времени, и они никак не связаны с зарубинецким горизонтом. Поскольку происходят они с поселений, то вряд ли их следует связывать только с поздним периодом. Они вполне могли находиться в употреблении наряду с другими украшениями уже в V в. до н. э. или в еще более раннее время.

Подвески. Население милоградской культуры в качестве украшений использовало разнообразные подвески. О.Н. Мельниковская замечает, что такие изделия изготавливались из металла, глины, кости и камня (Мельниковская, 1967, с. 84–86). По данным исследовательницы видно, что подвески из глины и камня единичные, как немного их и из кости. Основываясь на материалах раскопок О.Н. Мельниковской, В.Н. Даниленко и других исследователей, автором учтено 88 рассматриваемых украшений (табл. 24). Все они выполнены из металлов. Подвесок из железа шесть (рис. 66: 8, 9, 14, 15, 20). В их числе две треугольной формы с Горошкова и Чаплина и четыре — трапециевидной с поселений Асаревичи (1), Горошков (1) и Милоград (2). Одна из трапециевидных с Милоградского городища вверху имеет отверстие, а внизу загнута под прямым углом на лицевую сторону (рис. 66: 8). Две с поселения Горошков разные по форме: трапециевидная и треугольная (рис. 66: 9, 15). У трапециевидной верх загнут под прямым углом к плоскости подвески. Надо полагать, что это была петелька для ношения изделия в висячем положении, но она разрушилась (рис. 66: 9). Отсутствие отверстия вверху у треугольной подвески наводит на мысль, что у нее также была петелька, которая не сохранилась (рис. 66: 15). А вот у треугольной с городища Чаплин (рис. 66: 14), найденной П.Н. Третьяковым, петелька завернута на тыльную сторону (Третьяков, 1959, с. 140). Все железные подвески пластинчатые, тонкие. Они изготовлены путем ковки. В этой категории украшений железные кованые подвески составляют 6,8 %. Примечательно, что в Беларуси такие изделия зафиксированы пока только на памятниках Приднепровья. Остальные 82 подвеска сделаны из бронзы. Если железные известны только треугольные и трапециевидные по форме, то бронзовые — более разнообразны: бутылочковидные, круглые, луновидные, прямоугольные, трапециевидные и треугольные (рис. 66: 1–7, 10–13, 16–19, 21–24).

В рассматриваемой коллекции, как полагает автор, они почти все литые. Способом литья изготовлены все бутылочковидные, круглые и почти все треугольные подвески. Всего 64 экземпляра (72,7 %) от учтенных находок. Они утолщенные и выполнены по специальным матричным образцам. Отливать такие украшения можно было по одинаковым узорам, но это мы наблюдаем в редких случаях (жилище в Милограде и клад в Подгорцах 1915 г.). Нельзя не отметить, что в процессе раскопок памятников милоградского населения формы для литья подвесок исследователями почти ни разу не зафиксированы. Лишь об одной такой находке на городище Горошков сообщает О.Н. Мельниковская. Исследовательница

Таблица 24

Подвески населения милоградской культуры

Памятники	Типы						Всего
	бутылочковидные	круглые	луновидные	прямоугольные	трапециевидные	треугольные	
1. Асаревичи					2	1	**3**
2. Горошков					3	3	**6**
3. Лемешевичи	1						**1**
4. Милоград					3	2	**5**
5. Речица II	1						**1**
6. Снядин I			1				**1**
7. Старое Однополье						1	**1**
8. Уваровичи					3		**3**
9. Хильчицы					1		**1**
10. Холопеничи				1			**1**
11. Чаплин		1		1	2	1	**5**
12. Чёрное					1		**1**
Беларусь — 29	**2**	**1**	**1**	**2**	**15**	**8**	
13. Большая Солтановка						1	**1**
14. Бортничи	9					2	**11**
15. Диброво						1	**1**
16. Козинцы					1		**1**
17. Лютеж	1						**1**
18. Мизяково						1	**1**
19. Подгорцы	8	10	2			5	**25**
20. Рудяки	2	1				14	**17**
21. Таценки VII						1	**1**
Украина — 59	**20**	**11**	**2**	**–**	**1**	**25**	
Всего по культуре	**22**	**12**	**3**	**2**	**16**	**33**	**88**

высказала мысль об изготовлении подвесок не только способами литья и ковки, но и штамповкой (Мельниковская, 1967, с. 84). Уточним, что штамповать рассматриваемые украшения можно было только из тонких пластин, толщиной около 0,1 см. После штамповки у них нужно было еще дообработать углы, торцевые грани и отверстия. Пластинчатые подвески из бронзы имеют разные размеры и формы. У «милоградцев» эту группу находок составляют все луновидные, прямоугольные, большей частью трапециевидные (12) и очень мало треугольных — одна с городища Горошков. Штампованных подвесок 18 экземпляров, что составляет 20,7 % рассматриваемых изделий. Здесь заметим, что в число таких украшений не включены пять обломков, формы которых установить невозможно. Часть таких украшений содержит иногда чеканный орнамент на лицевой стороне. По технике исполнения — точечная набивка с тыльной стороны. На лицевой стороне — выступающие мелкие образования сферической формы. Они образуют рисунок по периметру изделий, вдоль боковых сторон в виде прямых линий либо зигзагов (рис. 66: 7), а иногда — лучиков, расходящихся от отверстия вверху (рис. 66: 10, 11, 23). Весьма редко вся плоскость подвески орнаментирована, как у находки с городища Уваровичи (рис. 66: 22).

У населения милоградской культуры автор выделяет в зависимости от формы шесть типов подвесок (табл. 24). Ранее два вида рассматриваемых украшений были выделены

В.Н. Даниленко (бутылочковидные и луновидные) на материалах с памятников Украины (Даниленко, 1953, с. 205, 206, табл. I: 5, 13; он же, 1956, с. 9, 10, табл. II: 5–9, 14, 20, 21). Затем, во второй половине 60-х годов, по находкам с памятников Беларуси О.Н. Мельниковская отметила еще три их разновидности: круглые, трапециевидные и треугольные (Мельниковская, 1967, с. 84; Лашанкоў, 1999а, с. 63–64). И только один тип подобных украшений предложен автором — прямоугольные. Ниже рассмотрим все типы подвесок.

Бутылочковидные. Особую группу подвесок в милоградских древностях составляют литые изделия, форма которых схожа с верхней частью бутылочки, так называемые бутылочковидные (рис. 66: 1–4; V: 35). Нижние части у них расширены и в горизонтальном сечении имеют округлую форму. Расширение внизу у них составляет одну треть либо четвертую часть от общей высоты изделия. Верх заканчивается колечком для ношения в висячем положении. По размерам эти предметы маленькие: высота 2–2,5 см, диаметр расширения у основания — до 1 см, а в верху, около колечка — 0,25–0,3 см. Если в Беларуси только две таких подвески, то в Украине 20 (табл. 24) по количеству среди рассматриваемых украшений эти подвески занимают второе место (26 %). На территории Беларуси они выявлены в начале 80-х годов XX века: В.С. Вергей — на поселении Лемешевичи в Западном Полесье и Н.В. Бычковым — на поселении Речица II, на правом берегу Днепра (Вергей, 1994, с. 144, 145, рис. 6: 15; она же, 1995, с. 94, рис. 3: 17; Бычков, 1981, д. 842; Лошенков, 1995, с. 83, рис. 2: 15, 16, табл. I). На украинских памятниках рассматриваемые подвески были известны благодаря работам В.Н. Даниленко еще в начале 50-х годов XX века. Материалы с памятников Украины показывают, что бутылочковидные подвески имеют отношение к сложносоставным украшениям. По существу, они являются частями комбинированных наборов. На это указывают находки их в погребении Рудяки и в Подгорцевском кладе 1915 г. (Петровська, 1971, с. 14, 17, рис. 4: 2; 5: 2). Такие подвески у милоградского населения С.Е. Рассадин связывает с предметами ажурного стиля, с чем нельзя не согласиться (Рассадин, 1994, с. 263, 265, 268). Вместе с тем следует заметить, что подобные украшения вполне могли использоваться и как самостоятельные, не связанные с другими предметами, либо же в сочетаниях с украшениями не ажурного стиля. Доказательством последнему могут служить аналогичные подвески на проволочных сережках у населения Лесостепи (Петренко, 1978, с. 39, табл. 26: 18, 20, 21). Автор полагает, что время бытования бутылочковидных подвесок у милоградского населения, по-видимому, ограничивается V в. до н. э. В.Е. Еременко включает их во вторую хронологическую группу вещей, которые датируются в пределах VI–V вв. до н. э. (Еременко, 1989, с. 84–85, рис. 3: 54, 58).

Круглые. Известные нам подвески круглой формы литые. Судя по находкам, они двух видов: простые монетоподобные с петельками для подвешивания и ажурные (рис. 66: 5). Последних мало — по одной на территории Беларуси и Украины. Корпус круглой подвески с городища Чаплин украшен снаружи тремя эсовидными завитками (Третьяков, 1959, с. 142, 144, рис. 14: 1). На схожесть экземпляров с городища Чаплин и захоронения в Рудяках обращали внимание О.Н. Мельниковская и автор (Лашанкоў, 1999а, с. 63–64). О.Н. Мельниковская продатировала подвеску с Рудяков IV в. до н. э., а чаплинская, по ее мнению, «безусловно, более поздняя, не исключена ее принадлежность к зарубинецкому времени»

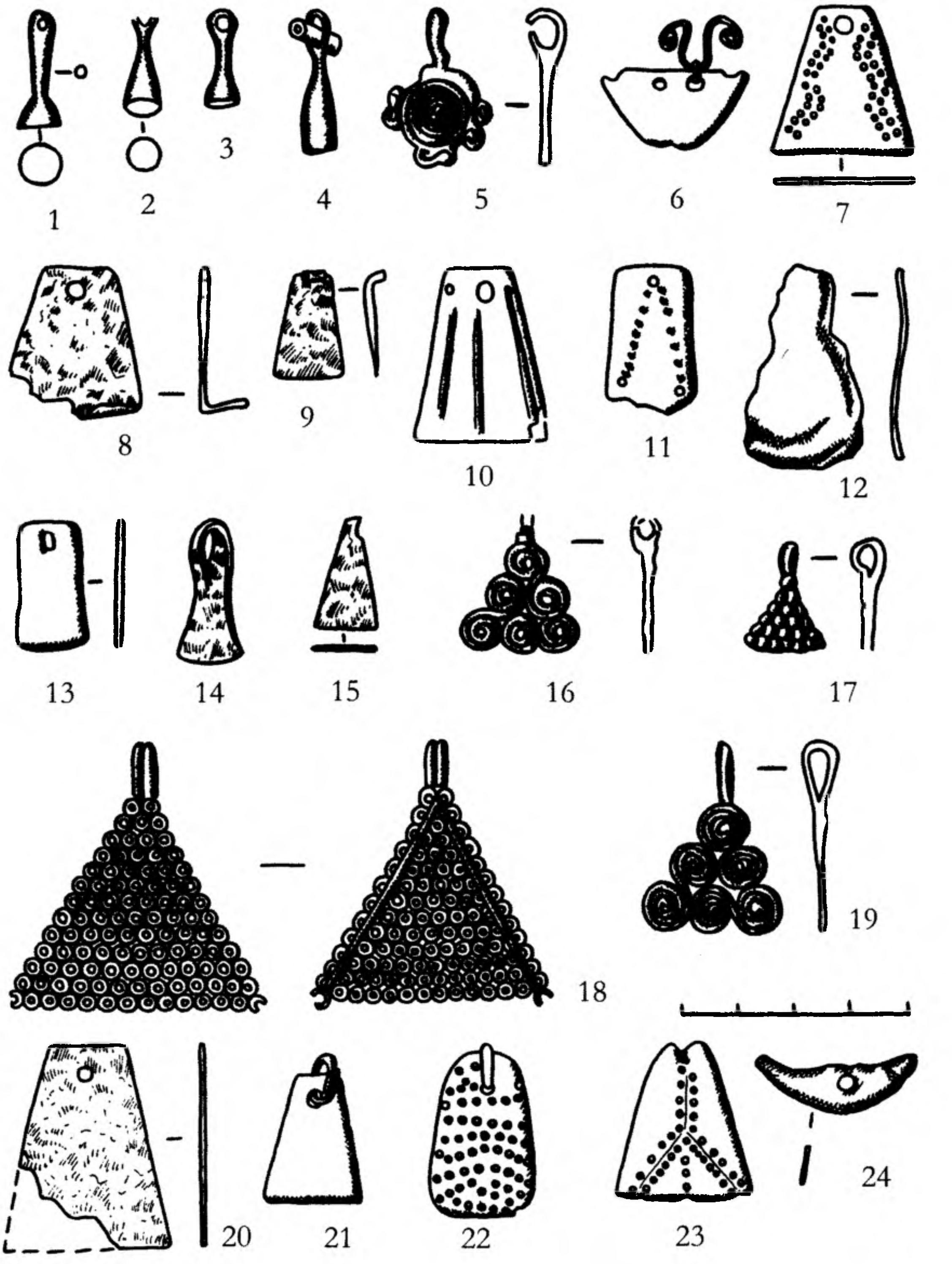

Рис. 66. Подвески с памятников Беларуси и Украины
(1 — Лемешевичи; 2 — Речица II; 3, 4, 6 — Подгорцы; 5, 10, 11, 14 — Чаплин; 7 — Черное; 8, 19, 20 — Милоград; 9, 15 — Горошков; 13 — Холопеничи; 16 — Асаревичи; 17 — Старое Однополье; 18 — Большая Солтановка; 21, 22, 23 — Уваровичи; 24 — Снядин I; 1 – 7, 16 – 19, 21 – 24 — бронза, остальные — железо)

(Мельниковская, 1967, с. 84). Автор полагает, что даже поздняя датировка ажурной круглой подвески с поселения Чаплин не выходит за пределы IV в. до н. э. В.Е. Еременко круглые литые подвески-бляхи с восьмерковидными завитками с Подгорцев и Рудяков продатировал VI–V вв. до н. э. (Еременко, 1989, с. 84–85, рис. 3: 52, 56). Все монетовидные подвески с одного памятника — детского погребения в Подгорцах и с одного украшения — ожерелья. В последнем девять подвесок округлой монетовидной формы (по В.Н. Даниленко — лепестковой. — *М. Л.*) чередовались с бисером (Даниленко, 1956, с. 11; Петровська, 1971, с. 14, рис. 4: 1). Время, к которому это погребение следует относить, как и поселение с захоронениями в Подгорцах в целом, — V–IV вв. до н. э. (Даниленко, 1953, с. 207; он же, 1956, с. 14; Петровська, 1971, с. 10). В.Е. Еременко датирует этот комплекс V в. до н. э. (Еременко, 1989, с. 85).

Луновидные. Этот тип подвесок в милоградских древностях выделил В.Н. Даниленко в середине прошлого века (Даниленко, 1953, с. 206, табл. I: 5; Он же, 1956, табл. II: 20, 21). Если на территории Украины таких находок две, и обнаружены они на одном памятнике — поселении Подгорцы, то в Беларуси найдена одна в 1993 г. на поселении Снядин I (Вяргей, 1995, с. 43, рис. 9). Экземпляр со Снядина как бы повторяет форму луны, а вот с Подгорцев — напоминает только нижней выгнутой частью подвесок (рис. 66: 6, 24). Луновидные подвески небольших размеров, пластинчатые и носились, очевидно, в наборах с другими украшениями. На поселении Подгорцы автором раскопок они продатированы V–IV вв. до н. э. (Даниленко, 1956, с. 10).

Прямоугольные. Подвески прямоугольной формы средней величины. Размеры их: высота — 2,3–2,7 см, ширина — 1,2–1,5 см. Они тонкие с закругленными углами и маленькими отверстиями вверху (рис. 66: 11, 13). У находки с Чаплинского городища имеется узор. Он выполнен точечной чеканкой с тыльной стороны. На рисунке два луча из выступающих точек расходятся от отверстия к нижним углам украшения (рис. 66: 11). Отметим, что подвески прямоугольной формы на памятниках Украины пока не выявлены, а в Беларуси они известны только на двух городищах — Холопеничи и Чаплин. На этих поселениях помимо «милоградцев» позже проживали другие племена. Поэтому связь рассматриваемых подвесок только с милоградским населением не бесспорна. А вот подобные находки, опубликованные Е.Е. Черненко, с разновременного памятника Татарские Горки под Черниговом, возможно, следует соотносить с пребыванием милоградского населения в данной местности (Черненко, 2008, с. 117, рис. 1: 3–6).

Трапециевидные. Все изделия данного типа тонкопластинчатые. Форма трапеций у них вытянута по вертикали (рис. 66: 7, 10, 12, 21, 22). Углы мягко закруглены. Высота таких подвесок от 2 до 3,6 см. Ширина в верху от 0,7 до 1,2–1,9 см, а внизу — от 1,3 до 2,5–3 см. Вверху имеются отверстия для креплений. В коллекции трапециевидные подвески по количеству на третьем месте и составляют пятую часть рассматриваемых украшений (табл. 24). Этот тип изделий имел распространение на памятниках Беларуси. На территории Украины они почти неизвестны.

Треугольные. Литые треугольные подвески составляют самую большую группу находок — 30 единиц из всех 88 (табл. 24). В пределах Беларуси таких украшений имеется пять, а в Украине — 25. Такие подвески различаются размерами и орнаментом на лицевой стороне (рис. 66:

16–19). Пожалуй, самой маленькой является подвеска с поселения Старое Однополье (Лашанкоў, 1999а, с. 64, рис. 32: 22). У нее треугольный корпус с закругленными углами размером 1,1 × 1,1 × 1,3 см. Высота изделия 1,8 см, толщина внизу у основания 0,15 см, а около вершины — 0,25 см. Тыльная сторона гладкая, а лицевая содержит 22 рельефно выступающие горошинки (рис. 66: 17). Вершина треугольника заканчивается овальным колечком — петелькой 0,2 × 0,3 см. Две единообразные с милоградского жилища (рис. 66: 19) украшены тремя эсовидными завитками (Мельниковская, 1963, с. 39, рис. 6: 2, 3). Подобная находка, но чуть меньше размером, выявлена в Асаревичах (рис. 66: 16) (Лошенков, 2007, с. 214, рис. 1: 2). Рассматриваемые подвески с памятников Украины по размерам значительно большие. Равносторонние треугольники у них, как, например, у экземпляра с Большой Солтановки (рис. 66: 18), со сторонами 3,5 см. Наружная поверхность — соединенные рельефные колечки со сквозными отверстиями в середине (рис. 66: 18). Нельзя не отметить, что подвески треугольной формы на памятниках Украины — Бортничи, Большая Солтановка, Диброво, Подгорцы, Рудяки и Таценки VII — отличаются единообразием изготовления если не по размерам, то по стилю. Все 14 экземпляров с погребения в Рудяках отлиты по одной матрице. Единый стиль рассматриваемых изделий в Киевском Поднепровье указывает на то, что они могли быть изготовлены в одном месте (Квитницкий, 2009, с 263, рис. 3:5, 19–49). На памятниках Беларуси они разные, что свидетельствует о локальном характере их изготовления. Автор считает, что литые треугольные подвески находились в употреблении у «милоградцев» в VI–V вв. до н. э. (Лашанкоў, 1999а, с. 64). Их носили в ожерельях с наборами бус и пришитыми к одежде (Ильинская, 1986б, с. 178, рис. 53: 21).

В заключение отметим, что из рассмотренных шести типов подвесок на территории Украины отсутствуют прямоугольные и очень мало трапециевидных, луновидных. Наиболее часто там использовались украшения треугольной, бутылочковидной и круглой форм. В пределах же Беларуси популярными являлись трапециевидные и треугольные изделия, тогда как остальные были редкостью.

Подвески из кости. После характеристики подвесок из металлов рассмотрим таковые из кости. В материалах Горошковского городища О.Н. Мельниковская зафиксировала пластинчатую подвеску трапециевидной формы (Мельниковская, 1967, с. 85, рис. 36: 28). Отметила она и другую группу подвесок, которую составляли просверленные клыки (кабана, медведя, бобра, волка, лисицы или собаки) и когти животных. После выхода из печати ее монографии, за сорок лет раскопок памятников коллекция рассматриваемых изделий из кости пополнилась незначительно. Особенно много их обнаружено в слое Уваровичского городища (Дробушевский, 1995, с. 91–98). Интересующие нас находки на этом многослойном памятнике разной формы. Данное обстоятельство послужило основанием для автора раскопок разделить их на шесть типов. Они составляют вторую группу костяных предметов, численностью 18 экземпляров. Исследователь выделил следующие разовидности подвесок-амулетов: изготовленные из узкой полоски клыка дикого кабана (тип 1); зуб животного с просверленным отверстием в корневой части (тип 2); необработанные кости со сквозными отверстиями (тип 3); подвески, изготовленные из клыка животного (тип 4); сделанные из обработанных трубчатых костей (тип 5); роговые подвески, выточенные

из рога косули (тип 6) (Дробушевский, 1995, с. 91–92, рис. 1: 13; 2: 3, 4, 6, 9–12, 14; 3: 1–6, 9). Предложенная А.И. Дробушевским типология не лишена шероховатостей, поскольку она, как представляется, построена на второстепенных признаках. Именно поэтому в ней есть дублирование (типы первый, второй и четвертый — по сути, одно и то же). В третьем типе, среди «необработанных» — отверстия не естественные, а просверленные, что хорошо видно на рисунках. Непонятно, почему в шестом типе подвески только из рогов косули. Неужели из рогов лосей, оленей, как и других животных, они не изготавливались?

Основываясь на материалах коллекций, автор выделяет в милоградских древностях только три типа костяных подвесок, которые в какой-то мере являлись еще и оберегами-амулетами.

Первый тип — пластинчатые, как это отмечено О.Н. Мельниковской. Их известно 10 единиц. В слое городища Горошков помимо отмеченной трапециевидной подвески найдена еще заготовка похожего изделия из рога лося. Утолщенная дуговидная пластина вырезана в форме трапеции (Мельниковская, 1957, с. 36, рис. 9: 19). Еще одну нашел Л.Д. Поболь на городище Чаплин (Поболь, 1971, рис. 27: 20). Она, в отличие от двух горошковских, на лицевой стороне имеет резной орнамент в виде неправильной ромбической сетки. У чаплинской пластинки два отверстия: одно в расширенной части, другое — в суженной, где и обломано изделие. В 1982 г. С.Е. Рассадиным найдена заполированная костяная пластинка с отверстием на городище Нисимковичи (Рассадин, 1982, л. 864). Пять подвесок данного типа происходят из культурного слоя городища Уваровичи. Все они разные по форме, и только две сохранились в целом виде. Одна из них прямоугольная, дуговидно изогнутая. Она сделана из узкой полоски клыка кабана (Дробушевский, 1995, рис. 2: 9). Другая имеет форму неправильного треугольника (Дробушевский, 1995, рис. 2: 6). У неполной пластины, по-видимому, прямоугольной формы, одна из продольных боковых сторон имеет зубчатую форму (Дробушевский, 1995, рис. 2: 7). В рассматриваемой коллекции единственный экземпляр костяной подвески обнаружен в погребении № 1 около села Городок в Ровенском районе Украины (Свешников, 1971, с. 75, рис. 5: 3).

Второй тип объединяет подвески, сделанные из зубов и клыков животных. Автором учтено 14 единиц находок этого типа. В таких изделиях обязательно имеются по одному, а в некоторых случаях и по два (Шепотовичи) отверстия. Им свойственна следующая особенность. У одних отверстия просверлены у какого-либо края зуба, а у других — в средней части клыка. Последнее зафиксировано у экземпляров с поселений Уваровичи, Моховское II и Чаплин. О.Н. Мельниковская перечисляет виды животных, зубы которых использовались в качестве подвесок (Мельниковская, 1967, с. 85). Отметим, что рассматриваемые украшения выявлены на нижеследующих городищах: Любны — 1 экз., Моховское II — 1 экз., Ивань — 1 экз., Поколюбичи — 1 экз., Уваровичи — 3 экз., Чаплин — 5 экз., Шепотовичи — 1 экз., Ястребка — 1 экземпляр (Третьяков, 1959, с. 134, 144, рис. 12: 20; он же, 1960, с. 45, рис. 22: 2; Поболь, 1971, с. 41, рис. 27: 18–20; он же, 1974, с. 186; Дробушевский, 1995, с. 92, рис. 2: 16, 17; Он же, 1995а с. 37, 38, 40, рис. 2: 1; Лошенков, 1994, с. 55, рис. 1: 3; Мельниковская, 1967, с. 85). Такие подвески носились «милоградцами» как по одной, так и в наборах с другими предметами магического значения либо бусами. Традиция использовать зубы животных в качестве амулетов-оберегов сохранялась у многих первобытных

коллективов послемилоградского времени до начала II тысячелетия н. э. (Голубева, 1997, с. 156–157, рис. 93: 17, 31).

Третий тип составляют подвески из трубчатых костей (по Дробушевскому — тип 5). Они известны пока только на одном памятнике — городище Уваровичи. Всего таких подвесок 13. Они представляют собой полые цилиндры, усеченные конусы с отверстиями в суженной части и цилиндры, вогнутые в середине (Дробушевский, 1995, рис. 1: 26; 2: 2-4, 10, 11; 3: 5, 6, 10). Эти изделия хорошо заполированы. Трубчатые подвески имеют длину от 7,5 до 12–14 см. В поперечном сечении они как круглые (диаметром 1–2 см), так и эллипсообразные (размером от 1,2 × 2 до 2 × 3,5 см). Одна из подобных находок выполнена из ребра животного. Третья часть этих изделий содержит орнаменты с циркульным узором, рисунок, выполненный точками, и изображения в виде беспорядочных нарезок (Дробушевский, 1995, рис. 2: 3, 4, 10; 3: 9). Ранее подвески-трубочки не отмечались исследователями у милоградского населения. Вполне возможно, что они — результат моды, позаимствованной у «юхновцев» либо «днепро-двинцев».

Рассмотренные костяные подвески первого и третьего типов на милоградских памятниках Полесья не выявлены. Наиболее широко «милоградцами» использовались изделия второго типа. Подвески-трубочки третьего типа имели узко локальное применение. В целом же, судя по коллекции, подвески из кости у общинников милоградского населения не пользовались большой популярностью.

Зеркала. Предметы туалета — бронзовые зеркала — редкие находки на памятниках милоградского населения. В 1980 г. на городище Лиски автором впервые найдены два круглых бронзовых зеркала (Лошенков, 1981, с. 342; Лашанкоў, 1982, с. 43–44; Лошенков, 1995, с. 86, рис. 3).Они обнаружены в предматериковом горизонте культурного слоя in situ на глубине 0,6 и 0,75 м от современной дневной поверхности. Оба предмета находились на небольшом расстоянии один от другого. Стратиграфия позволяет связывать их с ранним периодом функционирования поселения. Одно зеркало диаметром 8,3 см, другое — 10,5 см. Толщина дисков в центре 0,2–0,25 см, по краям — 0,1–0,05 см. Зеркальные поверхности у них имеют едва заметную выпнутость (рис. 67). С тыльной стороны рассматриваемые изделия имеют дугообразные петельки, концы которых припаяны к дискам (рис. IV: 31, 32). Ширина петелек 0,6 и 0,7 см. Они отстают от плоскости дисков на 0,5 и 0,8 см.

Занимаясь изучением этой категории украшений, Е.Е. Кузьмина на материалах эпохи неолита и бронзы Средней Азии выделила три типа зеркал: I — круглые, несколько вогнутые; II — с ручкой-петелькой; III — круглые плоские с выступающей ручкой (Кузьмина, 1966, с. 67–69, табл. XIII). Она отмечает, что в конце эпохи бронзы у северных степных племен сосуществуют два основных типа зеркал: круглые с обособленной ручкой и круглые или квадратные с литой петелькой на обороте. Такие изделия получают очень широкое распространение в культуре раннесакских племен Средней Азии и Казахстана и отсюда они проникают на запад, где становятся характернейшим видом инвентаря в погребениях скифо-сарматских кочевых племен Евразийской степи (Кузьмина, 1966, с. 69; Вишневская, 1973, с. 84–85). Эти же два типа зеркал были характерными и для скифских погребальных памятников VI в. до н. э. на правобережье Среднего Приднепровья (Галанина, 1977; Кузнецова, 1987, с. 35–47). В.Г. Петренко отмечает, что чаще всего на этой территории встречаются

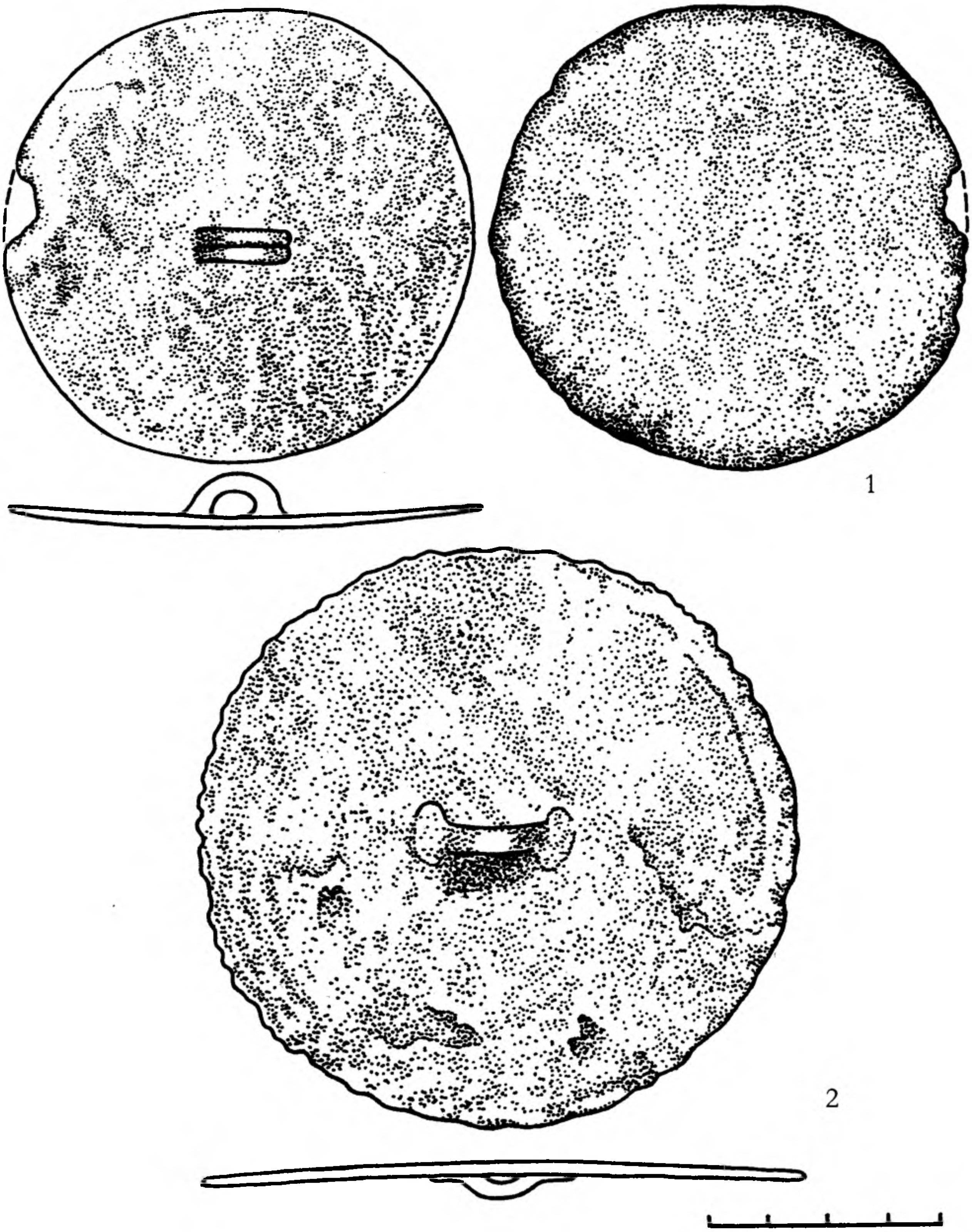

Рис. 67. Бронзовые зеркала с городища Лиски

зеркала с выступающей ручкой, а с петелькой на обороте являются редкостью и к началу V в. до н. э. они выходят из употребления (Петренко, 1967, с. 35). По аналогиям со скифскими, два зеркала с городища Лиски относятся к редкому типу зеркал — дисков с петелькой в центре, которые датируются не позднее VI в. до н. э. (Кузнецова, 1987, с. 43, табл. 1). Автор раскопок предварительно продатировал их второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э., отмечая при этом широкие аналогии им у населения Центральной Азии (Лашанкоў, 1982, с. 44). Н.Л. Членова такие зеркала у племен тагарской культуры датирует VII–VI вв. до н. э. (Членова, 1967, с. 82–84; Рассадзін, 1996, с. 26). Они встречались и на территории Тувы в курганах скифского времени (Грач, 1980, с. 35, рис. 70: 5, вклад. IV, табл. VIII: 14, 61, 62). Лисковские зеркала не только типологически, но и спектральным составом бронзы восходят к зеркалам восточных районов Евразии (Лошенков, 1995, с. 89, 93, 95, рис. 3, табл. №50: 39940–39943). Уже по уточненным датировкам они могут быть продатированы второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э. (Членова, 1967, с. 82–84; Полін, 1987, с. 23–25; Памятники скифской эпохи…, 1989, с. 67, 69, рис. 14, 27, 28; Кузнецова, 1989, с. 109; Лашанкоў, 1999а, с. 64–65).

Третье зеркало обнаружено в погребении кургана № 5 Деснянского могильника на Левобережье Днепра в Черниговском районе Украины (Шекун, 1995, с. 155, 157, рис. 2: 1). В 1980–1982 гг. А.В. Шекун исследовал семь из восьми насыпей в этом могильнике. Курганы содержали пять трупоположений в подкурганных ямах и два сожжения на горизонте. Исследователь продатировал этот могильник «милоградцев» V в. до н. э. (Шекун, 1995, с. 158). Интересующее нас зеркало находилось в кургане с кремацией. В юго-восточном секторе кургана, в 2 м от центра, на глубине 0,6 м автором раскопок зафиксирована линза черной супеси с включениями угольков и мелких кальцинированных косточек. В центральной части спекшегося монолита выявлены: бронзовое зеркало, два кусочка янтаря, железная цилиндрическая бусина, две золотые скорлупообразные полу-сферы и два небольших сосудика (Шекун, 1995, с. 155, рис. 1: 4, 5, 12; 2: 1, 4, 5). Зеркало диаметром около 13,5 см. Плоская железная ручка у него прикреплена к диску двумя заклепками. А.В. Шекун приводит широкие рамки бытования таких зеркал у скифского населения — VI–III вв. до н. э. (Шекун, 1995, с. 157). Есть основания полагать, что зеркало с боковой ручкой с закрытого курганного комплекса № 5 Деснянского могильника датируется VI в. до н. э. (Лашанкоў, 1999а, с. 64–65).

Из вышесказанного вытекает, что бронзовые зеркала у милоградского населения были в употреблении, по-видимому, только на раннем этапе культуры.

Фибулы. В процессе раскопок милоградских памятников получена небольшая коллекция фибул. Они выявлены О.Н. Мельниковской на городищах Горошков, Милоград, В.С. Вергей на поселении Курадово и А.И. Дробушевским на городище Шепотовичи. Из девяти экземпляров таких находок — фрагменты от четырех с Горошкова, две целые с Милограда, обломок с Курадово и две неполные с Шепотовичей. Еще один обломок пружины от железной фибулы обнаружен автором на городище Лиски в 1980 г. По конструктивным особенностям рассматриваемые застежки разные, как разные они и по времени. В их числе шесть бронзовых и четыре железные. В этой коллекции, к сожалению, только два целых изделия. Остальные представлены обломками. О.Н. Мельниковская рассмотрела в хронологической последовательности шесть фибул (Мельниковская, 1967, с. 86, рис. 31: 11–16).

Раннелатенский тип фибулы с Горошкова представлен частью бронзовой ножки. Ее стерженек с уплощенным раздвоенным концом, орнаментирован биконическими и шаровидными утолщениями (Мельниковская, 1967, с. 86, рис. 31: 11). Целая фибула с шариком на конце ножки обнаружена в 1920 году у села Залесье на Украине (Беляшевский, 1904, с. 16, рис. 2). Ее в качестве аналогии к экземпляру с Горошкова приводит О.Н. Мельниковская. Исследовательница продатировала раннелатенскую горошковскую фибулу IV в. до н. э. (Мельниковская, 1967, с. 86). В.Е. Еременко несколько конкретизировал это время, сузив его до финальной стадии горизонта Духцов–Мюнзинген, что вполне обоснованно (Еременко, 1989, с. 86, рис. 3: 42; он же, 1997, с. 40, рис. 7: 5). Такой ее датировки придерживаются М.Б. Щукин и автор (Щукин, 1994, с. 82, рис. 27: 15; Лашанкоў, 1999а, с. 64). Еще одна фибула этого же времени обнаружена в Западном Полесье на многослойном поселении Курадово I в Пинском районе Брестской области Беларуси (Белявец, 2002, с. 6). На этом памятнике получена небольшая серия милоградских материалов: около десятка обломков посуды, три грузика и обломок бронзовой фибулы. Этот фрагмент — окончание ножки длиной 1,6 см. Низ у нее уплощенный, а верх и боковые стороны гофрированные (Белявец, 2002, рис. 3: 11). Фрагмент имеет едва заметную выгнутость. Его окончание раздвоено, как половинка колечка. Авторы публикации считают, что это — конец ножки фибулы духцовского типа, которые по европейской хронологии датируются подфазой LT–B2a (Белявец, 2002, с. 6, мал. 3: 11).

Среднелатенский тип фибул представляют два фрагмента — спинка со следами хомутика и широкая пружина с тетивой (Мельниковская, 1967, с. 86, рис. 31: 12, 14). Автор раскопок по аналогиям продатировала их II–I вв. до н. э. Еще одна бронзовая фибула среднелатенской схемы происходит с милоградско-зарубинецкого городища Шепотовичи, что на Левобережье Днепра в Посожье (Дробушевский, 1995а, с. 37, рис. 1: 6). У нее отломана часть пружины с иглой. Она относится к подвязным проволочным «беляусского» варианта. Такие фибулы в Беляусском могильнике Северного Причерноморья датируются первой половиной I в. до н. э. (Дробушевский, 1995а, с. 37, 48–49). Рассматриваемый экземпляр с Шепотовичского городища следует связывать с населением зарубинецкой культуры, что и отмечают авторы публикации. Есть все основания полагать, что и на городище Горошков среднелатенские фибулы появились с приходом «зарубинцев». Здесь весьма уместно высказывание К.В. Каспаровой: «Ранняя дата ЗК (зарубинецкой культуры. — *М.Л.*) определяется единичными среднелатенскими расчлененными фибулами и ранними варианта В, которые по латенской хронологии относятся к концу фазы LTC1 — началу C2, что в абсолютной хронологии приходится на время около 180–170 гг.» (Каспарова, 1991, с. 24).

Позднелатенские фибулы зафиксированы О.Н. Мельниковской на двух памятниках. Две целые — на Милоградском городище и фрагмент железной — на Горошковском (Мельниковская, 1967, с. 86, рис. 31: 13, 15, 16). А.И. Дробушевским — одна железная на городище Шепотовичи (Дробушевский, 1995а, с. 33, 35, рис. 1: 8). Бронзовая и железная в жилище Милоградского поселения находились в сцепленном состоянии (Мельниковская, 1963, с. 40, рис. 6: 4). Исследовательницей они продатированы I–II вв. н. э. Также I в. н. э. следует датировать железные экземпляры с Горошкова и Шепотовичей. В конце прошлого века исследователи переосмыслили материалы с милоградского жилища в раскопе 1957 г. Это позволило им исключить позднелатенские фибулы из круга древностей милоградского населения (Обломский, 1983,

с. 16–17; Еременко, 1997, с. 59–60; Лашанкоў, 1997, с. 152–154; он же, 1999а, с. 64). Однако существует и другое мнение. Первоначально О.Н. Мельниковская ограничивала позднее время «милоградцев» II в. до н. э. (Мельниковская, 1957, с. 30; она же, 1957а, с. 48; она же, 1963а, с. 9). Находки же в 1957 г. двух фибул в жилище на Милоградском городище прозволили исследовательнице отнести финал к I в. н. э. (Мельниковская, 1967, с. 86, 162–167, рис. 64). Именно такой точки зрения на позднемилоградские древности придерживается С.Е. Рассадин (Рассадзін, 1999а, с. 70–73; Рассадин, 2005, с. 38).

Бусы. Важным видом украшений у населения милоградской культуры были бусы. На селищах и городищах они встречались в большинстве случаев единичными экземплярами либо небольшим числом (табл. 25). Лишь однажды, в 1957 г., найден клад украшений на Горошковском городище, состоящий из 17 бусин и трех бронзовых браслетов (Мельниковская, 1967, с. 75–76, 94, рис. 33). Несколько иная картина в погребальных памятниках. В них бусы зафиксированы пока на пяти могильниках: грунтовых Асаревичи, Малополовецкое, Приборск и курганных Мизяково, Деснянка. К сожалению, погребения в Асаревичах находились в развеянном состоянии, что в какой-то мере нарушило целостность комплексов (Мельниковская, 1967, с. 13). Сказанное в равной мере относится и к материалам Приборского погребения, в котором обнаружено 40 бусин. В их числе две глазчатые из черного глушеного стекла, цилиндрической формы. Остальные 38 — биконические, желтого, зеленого и голубого цветов (Рассадзін, 1991, с. 78, мал. 2: 8). В трех курганах Мизяковского могильника выявлено 30 бусин. В первой насыпи их было 26, в пятой — 3 и в шестой — 1 (Лобай, 1977, с. 77–78, 83, рис. 2: 2; 9: 4, 8). Одна, с кургана № 6, из синего стекла, кольцевидной формы. Три, с кургана № 5, — кольцевидные, желтого и синего цветов. Среди 26 бусин с кургана № 1 — четыре глазчатые и 22 биконической формы из желтого и синего стекла. Несмотря на то, что насыпи Деснянских курганов были повреждены кладоискательскими ямами, они, тем не менее, сохранили захоронения с богатым инвентарем (Шекун, 1995, с. 152–158). В этом могильнике во всех раскопанных курганах имелись бусы (табл. 25). Ценность этих коллекций в том, что они относятся к достаточно короткому отрезку времени — V в. до н. э. (Шекун, 1995, с. 157, 158). Если на территории Беларуси бусы обнаружены в большинстве своем на поселениях, то на Украине — в могильниках (табл. 25). Рассматриваемые украшения на милоградских памятниках сделаны из глины, камня, кости, бронзы, железа, стекла, янтаря, пасты и раковин моллюсков каури.

Нельзя не обратить внимания на разнообразие исходных материалов, из которых изготовлены эти украшения. Семь видов материалов (камень, бронза, железо, стекло, паста, каури, янтарь) из девяти указывают на импорт таких вещей у «милоградцев». А вот такое сырье, как кость и глина, — скорее на местное их изготовление. После публикации О.Н. Мельниковской бус с памятников Приднепровья в середине 60-х годов прошлого века эта категория украшений многократно увеличилась. Новые находки их публиковались спорадически. Автор попытался составить сводную таблицу количества рассматриваемых находок по состоянию на первое десятилетие XXI века. Учтено в общей сложности около 500 единиц таких предметов (табл. 25).

Центры производства этих украшений находились в далеком от милоградской территории Северном Причерноморье. С середины 70-х годов XX века вышли из печати три свода археологических источников «Античные

бусы Северного Причерноморья» Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1975; она же, 1978; она же, 1982). Обобщающие исследования по огромному массиву хорошо датированного материала позволяют соотнести и рассмотреть в какой-то мере бусы в древностях милоградского населения. Классификационная схема для бус Е.М. Алексеевой использована частично. Для полной характеристики по типовым признакам нужны все без исключения экземпляры, а автор располагал лишь десятком предметов. Следовательно, бусы с памятников милоградского населения нуждаются еще в глубокой проработке специалистов с применением естественнонаучных методов (Галибин, 2000, с. 244–248; он же, 2001; Кренке, 2008, с. 95–106; Мошеева, 2008, с. 23–33). Полная коллекция их может быть объектом для самостоятельного рассмотрения.

Глиняные. Среди рассматриваемых украшений изделия из глины немногочисленны. Они известны на укрепленных поселениях Беларуси. В ходе раскопок в слоях памятников встречались обычно по одной. В коллекции их насчитывается одиннадцать единиц (табл. 25). Вполне естественно, что изготовлены они местными умельцами. Изделия вылеплены из отмученной глины и хорошо заглажены. Искусственные включения дресвы и шамота визуально на их поверхности не заметны. Формы глиняных бус не одинаковые. Так, четыре бусины шаровидные — с Ястребки, Уваровичей и Горошкова (рис. 68: 3–5, 8). Диаметры самых маленьких — 0,5 см. Отверстия у них очень тонкие — 0,15 см. Цилиндрическую форму имеют еще две бусины. Они найдены в Старом Красном и Горошкове. Экземпляр со Старого Красного длиной 2,2 см, диаметром 1,2 см и с отверстием 0,3 см. Окраска ее бурая. Среди рассматриваемых находок есть изделия в форме колечек. Кольцевидные бусы обнаружены по одной в Лисках, Отрубах, Рассвете и Горошкове (рис. 68: 6, 7). Такие украшения имеют следующие размеры: диаметр — 0,8–1,9 см, толщину — 1,1–1,2 см, отверстие — 0,2–0,3 см. Цвет их бежевый и темно-бурый. Среди опубликованных О.Н. Мельниковской есть одна бусина биконической формы, по-видимому, с Горошкова (Мельниковская, 1967, с. 94–95, рис. 39: 32). С типологией глиняных бус Е.М. Алексеевой среди вышерассмотренных с белорусских памятников соотносятся только две их разновидности: шаровидные — с типом 1 и цилиндрические — с типом 7 (Алексеева, 1982, с. 28, 33, рис. 21, табл. 46: 50, 52). Тип кольцевидных бус у милоградского населения не имеет аналогий среди Причерноморских коллекций, где учтена 361 единица рассматриваемых украшений (Алексеева, 1982, с. 28). В Северном Причерноморье глиняные бусы находились в ожерельях вместе с такими же изделиями из других материалов. Надо полагать, что так было и у «милоградцев», учитывая единичность этих находок. Далеко на юге, за пределами изучаемого региона, они зафиксированы в погребениях IV–III вв. до н. э. и в комплексах I в. н. э. (Алексеева, 1982, с. 28). На милоградских памятниках их, видимо, следует датировать поздним периодом — IV–III вв. до н. э. Более близкие аналогии бус из глины шаровидной, кольцевидной и биконической форм есть у населения Лесостепной Скифии на хорошо исследованном Люботинском городище VIII–III вв. до н. э. (Шрамко, 1998, с. 117, 125, рис. 12: 21–35). При исследованиях Чаплинского городища П.Н. Третьяковым и Л.Д. Поболем получена небольшая коллекция глиняных бус — около 20 единиц (Третьяков, 1959, с. 134, 144; Поболь, 1971, с. 32, 41, табл. 1, рис. 25: 12–21). Они шаровидной и кольцевидной формы с маленькими отверстиями. Некоторые из них отличаются плохим качеством изготовления: заглажены небрежно, каналы отверстий асимметричные. Авторы раскопок отнесли эти находки к зарубинецким материалам, но можно предположить, что какие-то из них были сделаны и употреб-

Таблица 25

Бусы с милоградских памятников Беларуси и Украины

Памятник	Материал									Всего
	глина	камень	кость	железо	бронза	стекло	паста	янтарь	каури	
1. Асаревичи					18	7				**25**
2. Горошков	4	1	1		2	5	27	1		**41**
3. Гродно		1								**1**
4. Курадово I		2								**2**
5. Лемешевичи					1	2				**3**
6. Лиски	1					1	1			**3**
7. Любны					1					**1**
8. Милоград					1		1			**2**
9. Моховское I						1				**1**
10. Отрубы	1					1				**2**
11. Рассвет	1									**1**
12. Речица II					4					**4**
13. Старое Красное	1					2				**3**
14. Уваровичи	2	1	1		10				5	**19**
15. Хильчицы						1				**1**
16 Чаплин			2							**2**
17. Ясенец I						1				**1**
18. Ястребка	1					2				**3**
Беларусь — 115	**11**	**5**	**4**	**–**	**37**	**23**	**29**	**1**	**5**	
19. Деснянка к. 1–7		1		1	1	189	24	24		**240**
к. 1							10			
к. 2								2		
к. 3						52		2		
к. 4						82	14	11		
к. 5				1				2		
к. 6		1			1	2		4		
к. 7						53		3		
20 Малополовецкое						11	7			**18**
п. 53							2			
п. 77							3			
п. 98						11	2			
21. Мизяково к. 1, 5, 6						30				**30**
к. 1						26				
к. 5						3				
к. 6						1				
22. Приборск						40				**40**
23. Подгорцы					23		7			**30**
24. Роище						1				**1**
25. Южный Замглай					2					**2**
Украина — 361	**–**	**1**	**–**	**1**	**26**	**271**	**38**	**24**	**–**	
Всего по культуре	**11**	**6**	**4**	**1**	**63**	**294**	**67**	**25**	**5**	**476**

лялись уже в бытность на этом памятнике милоградского населения. Если на милоградских памятниках бусы из глины редки, то у населения дьяковских городищ — Троицкое и Дьяково — они исчисляются сотнями (Кренке, 2008, с. 95).

В заключение отметим, что у милоградского населения, проживавшего на территории

Украины, бусы из глины неизвестны. Среди рассмотренных четырех разновидностей этих изделий использовались чаще шаровидные и кольцевидные и реже — цилиндрической и биконической формы.

Каменные. Бусы из камня — явление редкое в милоградских древностях. К настоящему времени зафиксировано шесть единиц таких находок. Они происходят с культурного слоя городищ Горошков, Уваровичи (рис. 68: 2), селища Курадово I и курганного захоронения в могильнике Деснянка (табл. 25). Халцедоновая бусина с Горошкова округло-биконической формы, длиной 2 см. Цвет ее серовато-дымчатый (Мельниковская, 1967, с. 94). Полудрагоценный камень халцедон является особой волокнистой разновидностью кварцита. Среди бус Северного Причерноморья есть изделия следующих расцветок: серовато-дымчатой, голубоватой, белой и желтоватой (Алексеева, 1982, с. 11). Как отмечает Е.М. Алексеева, для периода эллинизма были характерны округлая и билинзовидная формы бус (Алексеева, 1982, с. 11). Отсутствие размеров диаметров, данных о канале отверстия, а также рисунка осложняет определение типа бусины с Горошкова и ее датировки. Вероятно, эту бусину следует продатировать IV–III вв. до н. э. Еще одна подобная находка из полудрагоценного камня – сердолика происходит с многослойного селища Курадово I. Она красноватого цвета. Сердолик — красноватая разновидность халцедона, окраска которого обусловлена железистыми примесями. Эта бусина маленьких размеров: диаметр 0,65 см, толщина — 0,4 см и отверстие — 0,15 см. Она кольцевидной формы, поперечно сжатая. Сверление канала, по-видимому, двустороннее: он почти прямой. Камень темный, чистый. Данный экземпляр следует относить ко второму типу варианта Г сердоликовых, по классификации Е.М. Алексеевой. В Северном Причерноморье этот тип бус датируется с конца VI — V в. до н. э. и III–II вв. до н. э. (Алексеева, 1982, с. 16, рис. 16, табл. 38: 26). Автор связывает ее с древностями милоградской культуры и полагает, что такие украшения у изучаемого населения могли появиться только в III в. до н. э. (Алексеева, 1982, с. 46–47). К древностям «милоградцев» можно относить и вторую каменную бусину с поселения Курадово I (Белявец, 2002, с. 7, мал. 4: 8). Она из белого мрамора и по форме короткоцилиндрическая. Ее размеры: диаметр около 0,8 см, отверстие — 0,3 см, толщина — 0,4 см. На внешней поверхности изделия в одном месте есть легкое уплощение. По типологии мраморных бус Е.М. Алексеевой, она относится к 6 типу, ранняя дата которых восходит ко II в. до н. э. (Алексеева, 1982, с. 26–27, 29, рис. 21, табл. 44: 9).

По мнению автора, к кругу милоградских древностей следует отнести еще одну халцедоновую бусину, светло-коричневого цвета. Хранится она в фондах Гродненского историко-археологического музея (опись фондов № 3554), а выявлена в 1932 году при раскопках в Гродно (Медведев, 1996, с. 53). Она семигранная, длиной 1,4 см с узким горизонтальным каналом 0,15 см. Поверхности боковых сторон не одинаковые, а судя по рисунку, у нее еще повреждена одна из торцевых сторон (Медведев, 1996, рис. 92: 2). Следует согласиться с ранней датировкой этой бусины — IV в. до н. э., предложенной А.М. Медведевым, с той лишь оговоркой, что в слое «княжеского терема» она была случайной вещью, которая могла попасть в Понеманье с территории проживания милоградского населения уже в значительно более позднее время, как и бронзовый наконечник стрелы. У нас нет больше сведений, из каких минералов сделаны остальные две бусины. Экземпляр с Уваровичей имеет почти квадратную форму (рис. 68: 2). Камень светло-серого цвета. Отверстие в этом изделии высверлено асимметрично. Размеры такие: длина — 1 см, диаметр — 0,9 см, отверстие — 0,25 см.

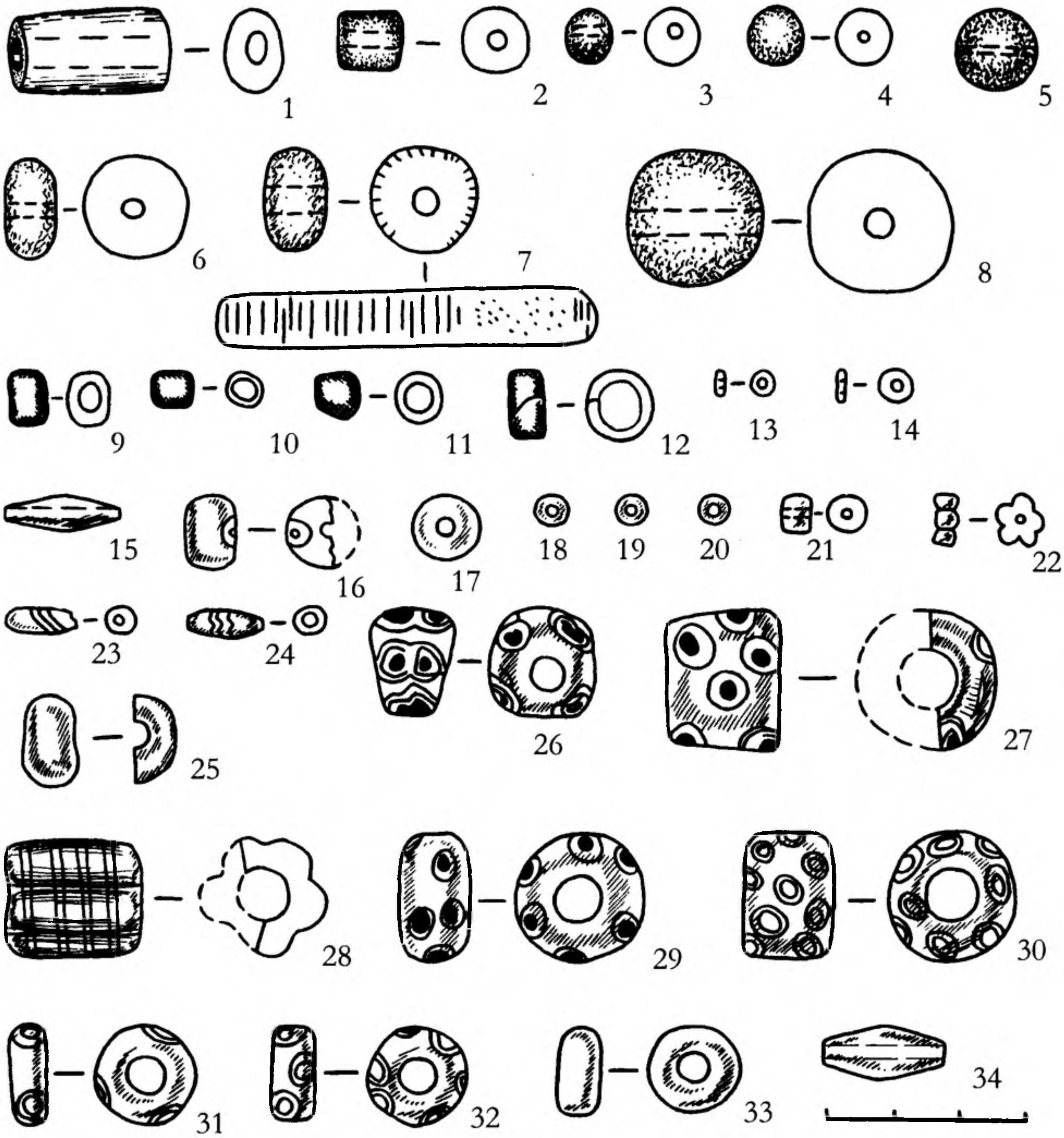

Рис. 68. Бусы с памятников милоградской культуры Беларуси
(1-3, 8, 12 – 14 — Уваровичи; 4, 23, 24 — Ястребка; 5, 29 – 34 — Горшков; 6, 26 — Лиски;
7 — Рассвет; 9 – 11 — Речица II; 15, 16 — Милоград; 17 – 20 — Асаревичи; 21 — Хильчицы;
22, 28 — Лемешевичи; 25, 27 — Старое Красное;
1 — кость; 2 — камень; 3 – 8 — глина; 9 – 14 — бронза; 15 – 25, 27, 28, 30 – 34 — стекло; 26, 29 — паста)

Экземпляр с Деснянки также небольших размеров: диаметр — 0,75 см, толщина — 0,5 см, отверстие — 0,25 см. Оно расположено асимметрично. По форме эта бусина кольцевидная. Обнаружена она в погребении с сожжением в кургане № 6 (Шекун, 1995, с. 156, рис. 1, IV: 14). Автор считает, что единичные находки каменных бус никак не свидетельствует об их местном изготовлении. Есть все основания полагать, что они попадали к милоградскому населения вместе с наборами других бус в низках. Наборы ожерелий из античных городов Северного Причерноморья в VI–V вв. до н. э. распространялись в Лесостепи и достигали пределов южной части лесной полосы Восточной Европы. Этим, пожалуй, и объясняется редкость именно таких украшений у «милоградцев».

Костяные. В целом находки украшений из кости на памятниках раннего железа южной и Юго-Восточной Беларуси очень редки. Из остеологических материалов автору известны всего лишь четыре бусины. Одна происходит с городища Горошков (Мельниковская, 1967, рис. 25: 8). Она сделана с позвонка щуки, согласно заключению археоихтиолога Э.А. Ляшкевич. Две другие, с городища Чаплин, изготовлены из эпифизов животных (Поболь, 1971, с. 41, рис. 27: 18, 19). Они имеют форму сегментов, диаметром 2,2 см (рис. 93: 9, 10). В данном случае для бус использована природная форма сочлененных костей животных. После срезания суставных полушарий в них затем прокручивались отверстия диаметром 0,3–0,45 см. Длина каналов отверстий у рассматриваемых экземпляров 1–1,1 см. Четвертая бусина — цилиндрической формы с городища Уваровичи (рис. 68: 1). Она найдена в 1993 г. А.И. Дробушевским (Дробушевский, 1993, д. 1482). Ее длина 2,25 см, диаметр — 1,25 см, отверстие — 0,45 см. Как видим, бусы из остеологического сырья у «милоградцев» не имели широкого распространения. В небольшом количестве бусы из кости зафиксированы у населения дьяковской культуры (Дубынин, 1970, с. 31, табл. 4: 23; он же, 1974, с. 242, табл. XIV: 28, XXI: 8; Кренке, 2008, с. 95; Сыроватко, 2009, с. 196, рис. 104: 1)

Железные. Ранее 80-х годов прошлого века бусы из железа в милоградских древностях не встречались. Единственная находка такого украшения происходит с кургана № 5 Деснянского могильника. Она обнаружена в погребении с сожжением. Форма ее цилиндрическая. Длина этого изделия — 1 см, диаметр — 0,75 см, канал отверстия — 0,3 см (Шекун, 1995, с. 155, рис. 1, IV: 12).

Бронзовые. Раскопки милоградских памятников показали, что бусы из бронзы встречались на них чаще, нежели каменные и глиняные. О.Н. Мельниковской они обнаружены только на трех памятниках — Асаревичи, Горошков, Милоград. Если на городищах Горошков и Милоград такие предметы зафиксированы единицами, то на могильнике Асаревичи — «в большом количестве», пишет исследовательница (Мельниковская, 1967, с. 94). Ранее, в 1925 г., подобную находку выявил И.Х. Ющенко на Любенском городище, во время зачистки одной из ям в слегка заглубленном полу наземного жилища (Ющенко, 1925, д. 175; Лашанкоў, 1993б, с. 35). Рассматриваемые изделия, по описанию О.Н. Мельниковской, «представляют собой небольшие плоские колечки (диаметром 0,6–0,8 см)» (Мельниковская, 1967, с. 94). На памятниках Украины и Беларуси известно к настоящему времени 63 экземпляра таких украшений, которые составляют 13,9 % от учтенных находок (табл. 25). Больше всего их обнаружено на поселениях. Так, А.И. Дробушевским зафиксировано скопление из 10 бронзовых бусин на городище Уваровичи. Под воздействием высокой температуры они оплавились в комок и деформировались (Дробушевский, 1993, д. 1482). Можно предположить, что это

было небольшое ожерелье. В шейном украшении с поселения Подгорцы, также в одной низке, были 23 бусины, которые чередовались с подвесками круглой формы (Даниленко, 1953, с. 205, табл. I: 12б). Кроме Асаревичского могильника рассматриваемые украшения найдены еще на двух: Речица II и Деснянка. В грунтовом погребении Речица II — четыре бусины (Лошенков, 1995, с. 87, рис. 2: 17–19). Три из них бочковидной формы и одна — цилиндрической (рис. 68: 9–11). Бочковидные диаметром 0,7–0,75 см и длиной 0,6–0,65 см. Отверстия у них — 0,35–0,4 см. Цилиндрическая меньшая: диаметр ее 0,4 см, отверстие — 0,2 см, длина — 0,3 см. В шестом кургане Деснянского могильника — бусина цилиндрической формы, длиной 0,55 см, диаметром 0,7 см и с отверстием 0,2 см (Шекун, 1995, с. 156, рис. 1, IV: 13).

Эта категория украшений из бронзы у милоградского населения по способам изготовления — двух видов: литые и механически скрученные по спирали. Последние известны по экземпляру на селище Лемешевичи и городище Уваровичи (рис. 68: 12). Бусина с селища свернута из неширокой тонкой пластинки (Вергей, 1994, с. 144, рис. 6: 14). Концы заходят один за другой на полоборота. Диаметр и ширина ее 0,5 см.

Доминировали у «милоградцев», несомненно, литые бусы. В древностях населения изучаемой общности есть и литейные формы для их изготовления (рис. 91: 1–3). Несмотря на малое количество находок литейных форм, они, тем не менее, говорят о литье бус местными мастерами-ювелирами. Безусловно, не все известные нам находки изготовлены только местными умельцами. Какая-то часть их, несомненно, является импортом. Хорошо известно, что такие украшения отливались в мастерских Ольвии (Шелов, 1984, с. 163, 164; Козуб, 1986, с. 444, 446, 447, 450). По-видимому, отсюда, с берегов Днепровско-Бугского лимана, из мастерских греков-эллинов, они поступали через посредников — население Лесостепи — в Верхнее Поднепровье вместе с каменными, пастовыми и стеклянными бусами, а также амфорами (Онайко, 1970, с. 32, 62, 67, 68, 77, 78, 119, рис. 14, 17, 18). Для нас весьма ценным является замечание на сей счет Е.М. Алексеевой о том, что в Северном Причерноморье «ранние мелкие украшения из бронзы, датируемые VI–IV вв. до н. э., связаны только с Ольвией» (Алексеева, 1982, с. 21, 22). Стало быть, такие вещи по Днепровскому пути попадали к населению милоградской культуры со второй половины VI по IV в. до н. э. Как показали последние исследования, уже в V–IV вв. до н. э. Днепр становится основной торговой магистралью в направлении Ольвия — Лесостепь (Гаврилюк, 1999, с. 265).

Коллекцию литых бус, по ряду объективных причин, сегодня мы не можем расчленить по изготовлению на местные и привозные. Внешне, визуально они неразличимы. Очевидно, места их изготовления можно будет установить с помощью спектральных анализов.

Имеющиеся в коллекции бусы милоградского населения четко делятся на нижеследующие типы согласно классификации таких изделий Е.М. Алексеевой: округлые поперечно сжатые (тип 1); бочковидные (тип 2); бочковидные поперечно сжатые (тип 3); в виде коротких цилиндриков (тип 5) (Алексеева, 1982, с. 21, 23, рис. 20, табл. 40: 1, 4, 10, 12, 14, 15, 25). Бусы пятого типа в Северном Причерноморье датируются концом VI в. до н. э. (Алексеева, 1982, с. 23, рис. 20, табл. 40: 22). В ожерельях «милоградцы» носили и очень маленькие бусы. Судя по материалам с Асаревичей, они были в форме колечек диаметром 0,45–0,5 см, толщиной (длиной) 0,25–0,3 см и с отверстиями — 0,15–0,2 см. О.Н. Мельниковская называет их бисером. Она отмечает, что бронзовый бисер встречался небольшими скоплениями в погребениях могильника Асаревичи. По фото-

документам двух отчетов за 1955 и 1957 г. автором учтено 18 единиц таких украшений (Мельниковская, 1955, д. 13, 32; она же, 1957, д. 26, 34). Бронзовый бисер исследовательницей зафиксирован еще на одном памятнике — городище Милоград, однако, как и в предыдущем случае, количество единиц его не сообщается. Единичными экземплярами он обнаружен в 1999 г. на городище Уваровичи А.И. Дробушевским (рис. 68: 13, 14).

Стеклянные. Бусы из стекла значительно преобладают над всеми остальными среди данной категории вещей — 62,3 % (табл. 25). В культурном слое поселений Беларуси их выявлено немного — 23 единицы. А вот на памятниках Украины, в погребениях курганных могильников Деснянка, Мизяково и грунтовых Малополовецкое, Приборск, Роище — 271 единица. В слое большинства поселений они встречались по одной-две. Больше всего их найдено на Чаплинском городище с милоградско-зарубинецкими отложениями. На этом памятнике П.Н. Третьяковым и Л.Д. Поболем выявлено 66 пастовых и стеклянных бусин (Третьяков, 1959, с. 134, 142, рис. 9; 14: 25–31; Поболь, 1971, с. 32, 41, табл. 1, с. 41, рис. 71: 7). Только в кладе одного ожерелья их насчитывалось 50 единиц. В публикациях информационного порядка нет подробного описания форм всех бусин, их расцветок, размеров и четкого деления по материалу изготовления. Думается, что в этой коллекции есть изделия как ранние, так и поздние. Отсутствие подробнейших описаний и качественных характеристик сырья делает их недоступными для поисков аналогий, датировок, центров производства, а также сравнений с подобными находками с других памятников.

У милоградского населения бусы из стекла прозрачные и полупрозрачные. По наблюдениям О.Н. Мельниковской, стеклянные мельче пастовых. Цвет преобладает синий и темно-синий, реже — светло-синий, бирюзовый, желтый, зеленоватый (табл. 26).

Таблица 26

Стеклянные бусы с белорусскх памятников милоградской культуры

Памятник	Форма	Расцветка	Орнамент
Асаревичи	шаровидная	желтая	
	цилиндрическая (ребристая)	синяя	
	шаровидная	бледно-зеленая	
	кольцевидная	зеленовато-желтая	
	коническая (рубчатая)	светло-зеленая	
	биконическая (рубчатая)	ярко-голубая	
	биконическая граненая	синяя	
Горошков	сдвоенная шаровидная	светло-синяя	
	веретенообразная	темно-синяя	
	шаровидная	темно-синяя	
	кольцевидная	синяя	
	кольцевидная	синяя	глазчатый: в центре синий диск + белое колечко
Лемешевичи	цилиндрическая (ребристая)	темно-зеленая	
	кольцевидная (рубчатая)	бирюзовая	
Лиски	шаровидная	бирюзовая	
Моховское I	веретенообразная	синяя	
Отрубы	кольцевидная	темно-голубая	
Старое Красное	цилиндрическая	темно-синяя	глазчатый: белые глазки с черными точками в центре диска
	кольцевидная	темно-синяя	
Хильчицы	цилиндрическая	синяя	
Ясенец I	кольцевидная	синяя	
Ястребка	веретенообразная	темно-синяя	три белые поперечно-волнистые полоски в середине
	веретенообразная	темно-синяя	три белые поперечно-волнистые полоски в середине

Самые маленькие бусины с городищ Ясенец I (кольцевидная), Лиски (шаровидная) и селища Хильчицы (цилиндрическая). Диаметр их 0,5–0,7 см, отверстие — 0,15 см, длина по каналу — 0,45–0,5 см (рис. 68: 21). Самые большие — цилиндрические со Старого Красного и Лемешевичей (рис. 68: 27, 28). Они диаметром 2,1–2,2 см и длиной 1,7–1,9 см. Отверстие у них — 0,7–0,9 см. Бусы средней величины, как кольцевидная со Старого Красного, диаметром 1,4 см, с отверстием 0,4 см и длиной 0,6–0,8 см (рис. 68: 25). Рассматриваемые украшения представлены следующими формами: шаровидной сдвоенной, конической, биконической, веретеновидной, цилиндрической, шаровидной и кольцевидной (рис. 68: 15–25, 27, 28, 30–34). Редкими являются изделия конической, биконической и сдвоенной шаровидной формы. В равном количестве соотносятся шаровидные, цилиндрические и веретеновидные (табл. 26). На всю коллекцию стеклянных бус приходится шесть единиц с ребристой поверхностью. Такие изделия происходят с двух памятников: селища Лемешевичи (2 ед.) и могильника Асаревичи (4 ед.). Ребристую поверхность имеют две цилиндрические бусины с Асаревичей и одна с Лемешевичей (рис. 68: 22). По одному экземпляру — кольцевидная, биконическая и коническая. Только у одной биконической бусины с Асаревичей поверхность граненая в виде ромбиков (Мельниковская, 1967, рис. 39: 21).

Бусы с погребений заметно отличаются от таковых с поселенческих памятников. Они кольцевидной формы. В наборах низок доминируют полупрозрачные, но есть среди них и из глухого стекла. На трех нитях в разных погребениях их находилось по 52, 53 и 87 экземпляров (Шекун, 1995, с. 156). В одном из ожерелий было 15 мозаичных, 18 бирюзовых, 13 желтых, 6 синих, 2 зеленых, 1 черная и 23 янтарного цвета. Тем не менее, преобладающей все же являлась расцветка красно-коричневая. В погребальных ожерельях Деснянского могильника стеклянные бусы средней и крупной величины: диаметр 1,2–2,2 см, отверстие — 0,3–0,9 см, длина по каналу — 0,8–1,4 см (Шекун, 1995, с. 156, рис. 1, IV: 18–25). По наблюдениям автора раскопок А.В. Шекуна, самые массивные экземпляры их находились внизу ожерелий. По сведениям автора раскопок Малополовецкого грунтового могильника, в 98-м погребении имелась низка из 9 стеклянных бусин синего цвета биконической формы (Лысенко, 2005, с. 321, рис. 1: 1–9).

Нельзя не отметить, что среди рассматриваемых бус есть четыре экземпляра с орнаментом. Две — темно-синие веретеновидные с городища Ястребка (рис. 68: 23, 24). Они имеют орнамент в виде трех белых волнообразных поперечных полосок (Лошенков, 1994, с. 57, рис. 1: 4, 5). Две другие — глазчатые, с городища Старое Красное и селища Горошков (рис. 68: 27, 31). Обе они темно-синие, но первая цилиндрическая, а вторая кольцевидная. Глазки у них плоские, средней величины, в центре у них диск, а вокруг него — колечко. Они хорошо выделяются на цветном фоне самого изделия. У бусины со Старого Красного центральный диск черный, а колечко вокруг него белое. У экземпляра с горошковского селища диск синий, колечко белое.

Пастовые. Группу пастовых бус в милоградских древностях выделила и охарактеризовала О.Н. Мельниковская (Мельниковская, 1967, с. 94). По ее мнению, они несколько крупнее стеклянных. Среди них есть как одноцветные, так и сочетающие в себе несколько цветов. Окраска у них доминирует сине-фиолетовая и желтая. В коллекции много глазчатых бус: на темно-синем фоне белые диски глазков, на желтом

фоне голубые глазки (рис. 68: 26, 29). Разнообразные цветовые сочетания таких изделий хорошо описаны О.Н. Мельниковской (Мельниковская, 1967, с. 94, рис. 39: 16–20; 40). Рассматриваемые бусы непрозрачые. Они в большинстве случаев имеют кольцевидную форму и очень редко — шарообразную.

В целом в древностях милоградской культуры бус из пасты примерно в пять раз меньше, чем стеклянных разной степени прозрачности (табл. 25). На памятниках Беларуси их известно 29 единиц, а Украины — 38. Из учтенных автором 25 памятников с бусами пастовые зафиксированы только на шести. Здесь важно подчеркнуть, что они были в ожерельях вместе со стеклянными, как в погребениях курганов № 1 и 4 Деснянского могильника, так и в кладе 1957 г. на Горошковском городище. По-видимому, две пастовые и две глазчатые бусины в 98-м погребении Малополовецкого могильника находились в одной низке с девятью стеклянными (Лысенко, 2005, с. 321, рис. 1: 1–13).

Понятие «пастовые» введено в научный оборот в 50–60-е годы XX в. для характеристики бус, сделанных из непрозрачной массы. В качестве такого материала выступает стекловидное образование — паста. Вполне естественно, что химический состав глухого непрозрачного стекла в то время углубленно не изучался. Специальное изучение состава древних стекол показало, что они состоят из устойчивого набора химических элементов, которые содержатся в исходных сырьевых материалах: песке и щелочи (природной соде, растительной золе, поташе). В.А. Галибин установил, что «в процессе стекловарения соотношение основных стеклообразующих компонентов (Sb/H, Na/K, Ca/Mg) остается более или менее постоянным» (Галибин, 2000, с. 244; он же, 2001, с. 15–17, 24–51, 75–76, 86–91, прил. I, II). Существенное значение в рецептуре древних стекол имеет не только присутствие, но и абсолютное содержание каждого из стеклообразующих элементов: кремния, аммония, натрия, калия, кальция, магния, бария и свинца (Галибин, 2000, с. 244, табл. 1). А вот элементы, применяемые в качестве технологических добавок (красители — кремний, марганец, железо, кобальт, медь, серебро, олово, сурьма, золото, свинец; обесцвечиватели — марганец, мышьяк, сурьма; осветители — марганец, сурьма; глушители — кальций, мышьяк, олово, сурьма), никак не влияют на химический тип стекла, независимо от их абсолютного содержания в изделии. Из сказанного вытекает, что так называемые пастовые бусы по сути своей — стеклянные. Они являются одной из их разновидностей. Поскольку рецептура стеклянных бус милоградского населения не изучалась с помощью естественных методов, то можно предположить, что все они либо почти все поступили из какого-то одного центра, скорее всего, из Ольвии.

Янтарные. Рассматривая украшения из бус у племен милоградской культуры, О.Н. Мельниковская замечает, что «как исключение, встречаются бусы из халцедона и янтаря» (Мельниковская, 1967, с. 94). После столь краткого упоминания о янтарных бусах у изучаемого населения исследовательница затем никак их не характеризует. В процессе раскопок милоградских памятников исследователи больше ни разу не встречали такие украшения до начала 80-х годов. Единственный памятник, после городища Горошков, где такие бусы были обнаружены, — Деснянский курганный могильник. Здесь, в погребениях, есть янтарные изделия. Одна бусина кольцевидной формы, диаметром 0,7 см. Отверстие у нее 0,25 см, а толщина 0,3 см. Она происходит с кургана № 6, в котором находилась, по-видимому, в одной низке вместе с другими бусами: бронзовой, каменной и двумя стеклянными. Надо полагать,

что ожерелье погребенного состояло не только из отмеченных бус, но и включало в себя еще кусочки янтаря, которые также носились в подвешенном состоянии. Заметим, что подобные включения кусочков янтаря зафиксированы в шести курганах из семи раскопанных в данном могильнике. В них выявлено 23 кусочка янтаря и одна бусина. Все кусочки имеют продольно просверленные отверстия, чтобы носить их в висячем положении. Только у трех экземпляров поверхности шлифованные, а у остальных они не обработаны. Именно поэтому такие изделия имеют естественные формы разных очертаний. Цвет янтаря буро-красный. Важно отметить еще и то, что количество рассматриваемых кусочков в погребальных наборах было разное. Так, по два — найдены в насыпях № 2, 3 и 5. По три — были в курганах № 6 и 7. Самое большое количество — 11 экземпляров происходит с кургана № 4. Автор раскопок А.В. Шекун полагает, что в данном случае «милоградцами» использован янтарь, который происходит с «известных месторождений на Украине» (Шекун, 1995, с. 156). Находки с Деснянского могильника говорят о том, что бусы из янтаря у населения милоградской культуры были как обработанные, так и необработанные. Последнее обстоятельство подчеркивает, возможно, местный характер их изготовления. Использование их, как видим, было свойственно обитателям лишь одного неукрепленного поселения, которое находилось вблизи исследованного курганного могильника. Захоронения на нем, как установлено, осуществлялись в V в. до н. э. (Шекун, 1995, с. 158).

В эпоху раннего железа бусы из янтаря — редкое явление не только для круга милоградских древностей. Единичными экземплярами они встречаются и у других племен лесной полосы. Так, А.М. Медведев отмечает янтарную бусину у населения культуры штрихованной керамики на позднем этапе, обнаруженную в культурном слое укрепленного поселения Городище Барановичского района. Он продатировал ее III–IV вв. н. э. (Медведев, 1996, с. 29, рис. 44: 3). Такую же находку фиксирует А.Ф. Дубынин на Щербинском городище дьяковской культуры (Дубынин, 1974, с. 242). Одну янтарную бусину конической формы отмечает Б.Н. Граков на Каменском городище в низовьях Днепра (Граков, 1954, с. 107). У лесостепного населения на Правобережье Днепра, в среднем его течении, янтарные бусы редко фиксируются в погребениях как V в. до н. э., так и в IV–III вв. до н. э. (Петренко, 1967, с. 34). Б.А. Шрамко отмечает их наличие и на Бельском городище (Шрамко, 1987, с. 122). Е.М. Алексеева, занимаясь изучением античных бус Северного Причерноморья, говорит о том, что большое количество янтарных украшений происходит из Херсонеса и его окрестностей, а также из Ольвии и Пантикапея (Алексеева, 1984, с. 239). Следовательно, можно предположить, что бусина из кургана № 6 могла быть изготовлена и в мастерских греков-эллинов далекого Причерноморья.

Каури. Крайне редко в наборах ожерелий из бус встречаются подвески из раковин каури. Это небольшие раковины морского моллюска, длиной 1–3 см. Хорошо известно, что такие моллюски обитают в бассейнах Индийского океана и Средиземного моря. Как отмечает Е.М. Алексеева, «в ожерелья включались раковины среднего размера — длинной 15–29 мм, шириной 10–18 мм» (Алексеева, 1982, с. 30). По ее наблюдениям и наблюдениям В.Г. Петренко, в одних случаях их использовали как подвески в естественном виде, а в других у них специально прокручивали отверстия в середине верхней части. В Северное Причерноморье их стали завозить, скорее всего, со Средиземного моря, только с VI в. до н. э., и продолжалось это до III в. н. э. Именно в среднескифское

время — во второй половине VI — V в. до н. э. рассматриваемые украшения поступают по Днепровскому водному пути в Лесостепь. Так, на левобережье Среднего Днепра они есть в курганах могильника Скоробор, расположенном рядом с Вельским городищем. Здесь, в кургане № 8, раскопанном в 1906 г. В.А. Городцовым, в начале VI в. до н. э. погребальный инвентарь состоял из местной керамики, какого-то железного изделия и подвески из раковины каури (Шрамко, 1987, с. 146, 177, рис. 69: 35, табл.). В кургане № 11 этого же могильника, но относящемся уже к V в. до н. э., в погребальной яме был более богатый сопроводительный инвентарь, среди которого имелась и раковина каури (Шрамко, 1987, с. 175, 177, табл.). Если на Полтавщине они известны в погребальных памятниках, то на Харьковщине — на поселениях. На Люботинском городище известны две раковины, найденные на площади двух усадеб. В усадьбе № 4 каури обнаружена в зерновой яме № 16, диаметр которой 2 м и глубина 1,4 м. В ее черноземном заполнении вместе с лепной керамикой и костями животных была подвеска из моллюска (Шрамко, 1998, с. 27, 37, рис. 12: 18). На территории усадьбы № 11, в толще культурного слоя, на глубине 0,4 м, среди массового материала и многочисленных индивидуальных находок имелась подвеска каури (Шрамко, 1998, с. 80, рис. 12: 17). Отмеченный горизонт культурного слоя по обломкам чернолакового аттического сосуда и венчиков хиосских амфор датирован концом VI — началом V в. до н. э. На правобережье Среднего Приднепровья В.Г. Петренко отмечает наличие бус-раковин в ожерельях V–IV вв. до н. э. Они происходят с курганных захоронений у сел Грушевка, Большая Яблоновка, Пастырское, в урочище Холодный Яр и между Гуляй-Городом и Чубовкой (Петренко, 1967, с. 34, 109, табл. 23: 21а). По материалу раковины каури она относит к восьмой категории украшений (Петренко, 1967, с. 33–34).

В эпоху раннего железа на юге лесной полосы каури — крайне редкие украшения у местных племен. Автору известен единственный случай их поступления на территорию Беларуси в столь раннее время. При раскопках многослойного городища Уваровичи в 1989 г. А.И. Дробушевский нашел пять раковин моллюсков каури. Они лежали скученно в толще культурного слоя на глубине 0,7 м от условного репера (Дробушевский, 1989, д. 1141). Есть все основания полагать, что попали они к «милоградцам», основавшим это поселение, в V–IV вв. до н. э., а возможно, и в конце VI в. до н. э. (Алексеева, 1982, с. 30–31, рис. 21, табл. 43: 19). Естественно, что они поступали в указанное время с далекого Причерноморья в результате обменов, которые существовали между племенами милоградской культуры и населением Лесостепного региона.

Рассмотрев бусы милоградского населения из девяти видов сырья, необходимо отметить следующее:

– на территории Беларуси обнаружена только четвертая часть от учтенных автором находок, а три четверти — на Украине;

– если в середине 60-х годов прошлого века их было известно около ста единиц, то по состоянию на середину первого десятилетия XXI в. — около 480 (табл. 25);

– О.Н. Мельниковская отметила, что эти украшения изготовлены из пасты, стекла, камня, янтаря, бронзы и глины. По новым коллекциям они есть еще из железа, кости и раковин каури. Судя по изделиям, основным материалом для них служили стекло, бронза и янтарь;

– примерно десятая часть всей коллекции выполнена местными мастерами из глины, кости и бронзы. Все же остальные — поступили с далекого Северного Причерноморья;

– во всей коллекции значительно преобладают изделия из стекла — 61,8 %;

– если в ареале культуры в Беларуси одна половина их происходит с поселений, а другая — с погребальных памятников, то на Украине почти все они обнаружены в грунтовых и курганных могильниках;

– в пределах Украины отсутствуют бусы из глины, кости, раковин каури и единицами представлены из камня и железа. В Беларуси нет железных и только одна из янтаря;

– время активного поступления импортных бус к «милоградцам» — скорее всего, V–IV вв. до н. э.

5. Глиняные посуда и грузики

Коллекция глиняных находок на памятниках милоградского населения самая представительная. Они составляют около 90 % от общей численности материалов. По функциональному назначению изделия из глины четко делятся на посуду, предметы, связанные с прядением и ткачеством (грузики — пряслица), бронзолитейным ремеслом (тигли, льячки, литейные формы), украшения (бусы) и культового назначения (фигурки животных). Естественно, что все они имеют совершенно разное количественное соотношение. Доминирующим материалом, безусловно, является глиняная посуда, которая представлена в основном фрагментами.

Посуда. Обломки сосудов — массовый материал на всех поселениях населения милоградской культуры. На любом памятнике археологии керамика имеет важное значение для определения культурной принадлежности его к той или иной группе древнего населения. Если на могильниках, в погребениях, такой материал присутствует в крайне ограниченном количестве, то на поселениях он всегда преобладает. Степень преобладания остатков глиняной посуды над другими находками на каждом памятнике разная (табл. 27).

На поселениях, где осуществлены раскопки, обломки посуды фиксировались в большинстве случаев относительно равномерно стратиграфически и планиграфически. О.Н. Мельниковская отметила также концентрацию керамики в жилищах и возле других сооружений. Иногда исследователи находили ее в заполнениях материковых ям. Насыщенность культурного слоя фрагментами керамики у поселений разная. С одной стороны, это зависело от изученной площади, а она далеко не равнозначная, а с другой —

от количества населения и продолжительности проживания его в том или ином поселке. Изучение оборонительных сооружений показало, что и в таких конструкциях имеются обломки посуды. Так, авторы раскопок отмечали керамику в насыпях валов, на городищах Горошков, Лиски, Холопеничи, Чаплин, Ясенец I, Ястребка (Третьяков, 1959, с. 122; Мельниковская, 1967, с. 32; Лошенков, 1984, с. 365; он же, 1988, с. 76–78; Залашко, 1984а, с. 355; Егорейченко, 1996, с. 16). Обломки посуды на поселениях присутствуют в большинстве своем в виде мелких кусочков. В процессе раскопок они встречались также в виде фрагментов средней величины и крупных частей сосудов. Неоднократно исследователи отмечали развалы горшков. Таковы наиболее общие замечания по выявлению керамики на милоградских поселениях при относительно небольшой мощности слоя — 0,3–0,6.

Нельзя сказать, что рассматриваемый нами керамический комплекс посуды изучен достаточно полно. Так, из одиннадцати памятников Посожья в научный оборот введены наиболее полно материалы только с городищ Борхов, Любны и Шепотовичи (Лашанкоў, 1993б, с. 35–39, мал. 5; Дробушевский, 1995а, с. 42–43, 48, рис. 3). С.Е. Рассадин весьма скромно представляет юхновскую керамику с памятников Посожья (Рассадин, 2007, с. 41–42, рис 3, 4: 1–6; Он же, 2008, с. 255–258, рис. 18, 19). Керамика Борховского городища рассматривалась О.Н. Мельниковской (Мельниковская, 1967, с. 14–15, 107, рис. 47: 19–22; Поболь, 1983, рис. 99: 2–6). Частично керамику с городищ Ворновка, Любны, Чечерск, Шепотовичи опубликовал Л.Д. Поболь (Поболь, 1974, рис. 69–72, 74, 75; он же, 1983, рис. 92; 93: 9–11, 14, 20–33; 96: 2–17; 98: 6–30). Аналогичные материалы с остальных восьми памятников авторами раскопок не опубликованы. Следовательно, обобщающая характеристика глиняной посуды по региону Посожья, при отсутствии сведений с большого количества необработанных коллекций, невозможна.

Таблица 27

Количество керамики на городищах милоградского населения

Исследованные памятники	Вскрытая площадь, кв. м	Количество керамики, ед.	Общая коллекция находок, ед.
1. Липняки — 1976, 1977 гг.	1100	1546	1601
2. Лиски — 1980–1983 гг.	2620	30321	32814
3. Рассвет — 1983 г.	160	1639	3240
4. Старое Красное — 1982, 1983 г.	480	24185	24924
5. Черное — 2003, 2004 г.	120	15537	16333
6. Ястребка — 1978, 1979 г.	1396	2385	3956

Обстоятельная характеристика посуды милоградских племен Приднепровского региона дана О.Н. Мельниковской (Мельниковская, 1967, с. 96–116). Керамический материал из городищ, расположенных на берегах Днепра (Асаревичи, Борхов, Глыбов, Горошков, Милоград, Моховское I), она разделила на группы и подгруппы. Основанием для выделения групп является соотношение высоты и диаметра сосудов. Вся посуда из Приднепровских поселений разделена на три типологические группы: 1) сосуды с высотой, большей диаметра, тулово у них яйцевидное или тюльпановидное, дно круглое, плоское; 2) с высотой, примерно равной диаметру, округлым либо шаровидным туловом, плоским или круглым дном; 3) с высотой, меньшей диаметра, тулово у которых имеет округло-уплощенные и полушарные формы, дно круглое. По оформлению верхней части сосудов исследовательница выделила в каждой группе по две подгруппы: А — с шейкой, Б — без шейки. Предложенная О.Н. Мельниковской классификационная схема милоградской керамики увязана с

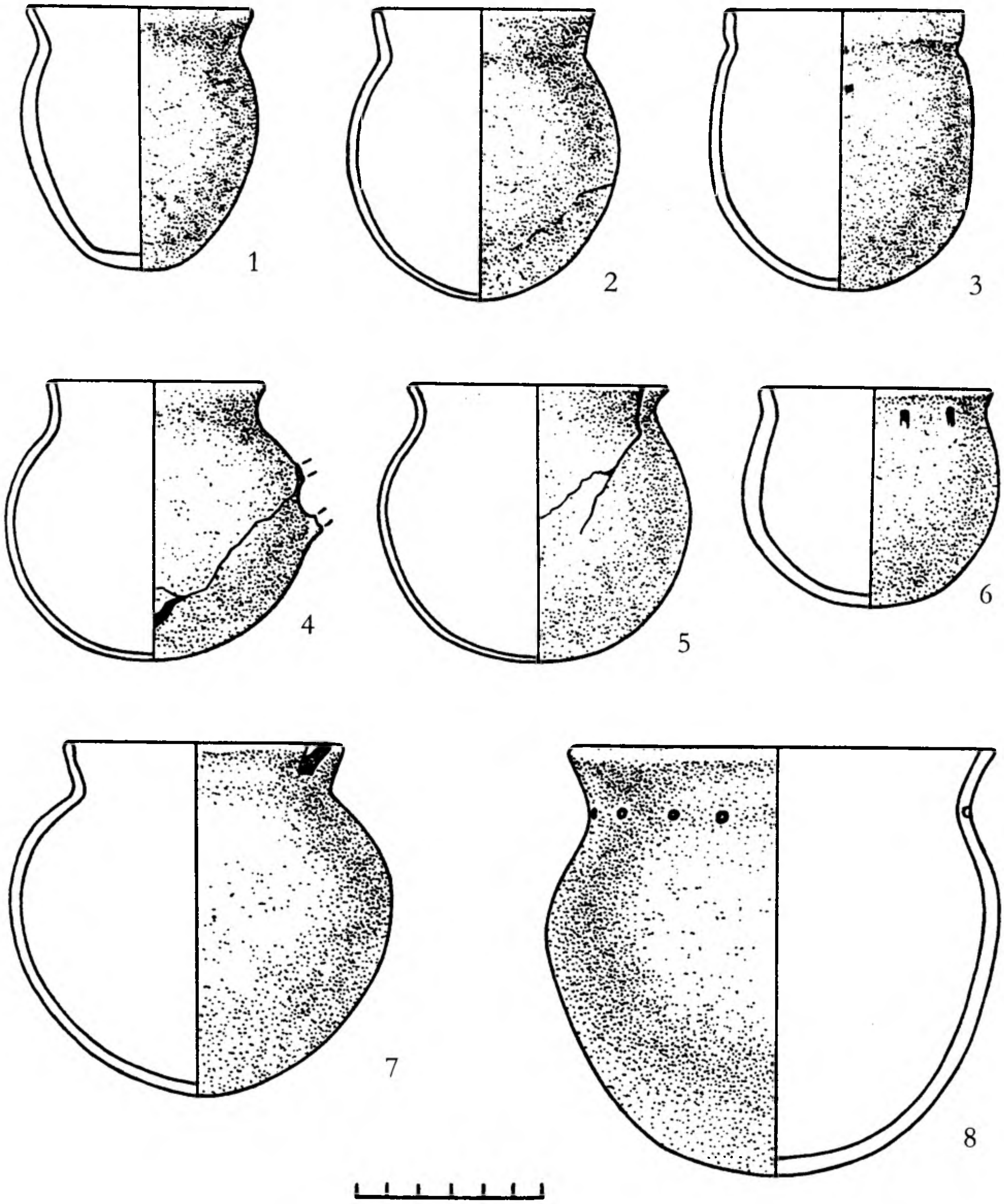

Рис. 69. Сосуды с городища Лиски

хронологическим членением коллекций вещевого материала этих поселений (Мельниковская, 1967, с. 96–116, 161–168). Последнее обстоятельство позволило ей расчленить керамический комплекс посуды Приднепровья на раннюю (вторая половина VI — IV в. до н. э.), среднего этапа (III–II вв. до н. э.) и позднюю (I в. до н. э. — I в. н. э.) (Мельниковская, 1967, с. 102–110). Против классификационной схемы и хронологического членения керамики, предложенной О.Н. Мельниковской, высказался С.Е. Рассадин (Рассадин, 1989, с. 11–12; он же, 2005 а, с. 11–12, 14–15, 39–45). Однако своего варианта систематизации посуды по материалам раскопанных им городищ Ленино, Нисимковичи, Подгорье (рис. VI: 44, 45), Присно II, Уза он не предложил (Рассадин, 2005, с. 39–45). Интересующие нас коллекции с перечис-ленных памятников позволили бы лучше представить комплекс посуды Посожья как отдельного региона.

Следует заметить, что в последнее время в Приднепровье раскопки осуществляются еще на двух городищах — Отрубы и Черное. Сведения по керамике с поселения Отрубы публикуются Н.Н. Дубицкой (Дубицкая, 2003, с. 61–62, рис. 4: 1; 5–7; 3–10; 8; 9: 1–3; она же, 2005, с. 81–82, рис. 5–10). За пять лет раскопок в Отрубах (1983, 1997, 2000–2002) ею вскрыто 276 кв. м площадки, где выявлено 6183 фрагмента лепной посуды, в числе которых 32 днища, 591 венчик и 5560 стенок. Доминирует на этом поселении керамика населения милоградской культуры, но здесь имеются также в небольшом количестве фрагменты зарубинецкой посуды. Судя по милоградским венчикам, орнамент имеют 28 % (166 фр.) от общего их количества. Автор раскопок выделяет следующие его виды: жемчужный, ямочный (от палочек. — *М. Л.*), вдавления (концом пальца. — *М. Л.*), сквозные проколы, насечки (Дубицкая, 2003, с. 61; она же, 2005, с. 81). Соотношения между этими пятью видами декоров таковы. На первом месте сосуды с ямочным узором (42,8 %), на втором — с «жемчужным» (32 %), на третьем — с насечками (15,6 %), затем с пальцевыми вдавлениями (6 %) и сквозными проколами (3,6 %). Особенностью именно рассматриваемого памятника является, как видим, значительный удельный вес посуды с «жемчужным» орнаментом, что подчеркивает его архаичность.

Керамика с полесских памятников опубликована значительно лучше, нежели с Посожья. Так, материалы с городищ Ясенец I, II, Хоромск введены в научный оборот Г.М. Залашко, Липняки — М.Ф. Гуриным и автором, а Рассвет и Ястребка — автором (Залашка, 1983, с. 74–75; Залашко, 1988, с. 61–62; Гурын, 1984, с. 71, мал. 2: 1–4; Лашанкоў, 1985, с. 37–38; Лошенков, 1994, с. 60–68, рис. 5; 7). С памятников северной части Центрального Полесья — Ивань и Холопеничи — публикует А.А. Егорейченко (Егорейченко, 1996, с. 25–31, рис. 13–15; 27; 28). На ряде поселений Полесской низменности коллекции керамики относительно небольшие (табл. 27). Полные формы сосудов восстановить удалось в крайне малом количестве (рис. 69). Реконструкции верхних частей посуды позволили выделить на каждом из городищ типы венчиков, которые исследователи соотнесли с аналогичными материалами с приднепровских поселений.

Изучение коллекций посуды с древнейших городищ Полесья по морфологическому направлению позволило автору выделить сосуды больших, средних и малых размеров. Наилучшим образом это отражают материалы городищ Лиски и Старое Красное. На этих поселениях горшки больших размеров имеют диаметр горловины от 20 до 35–40 см. Судя по обломкам, сосудов больших размеров было немного. Больше всего их выявлено

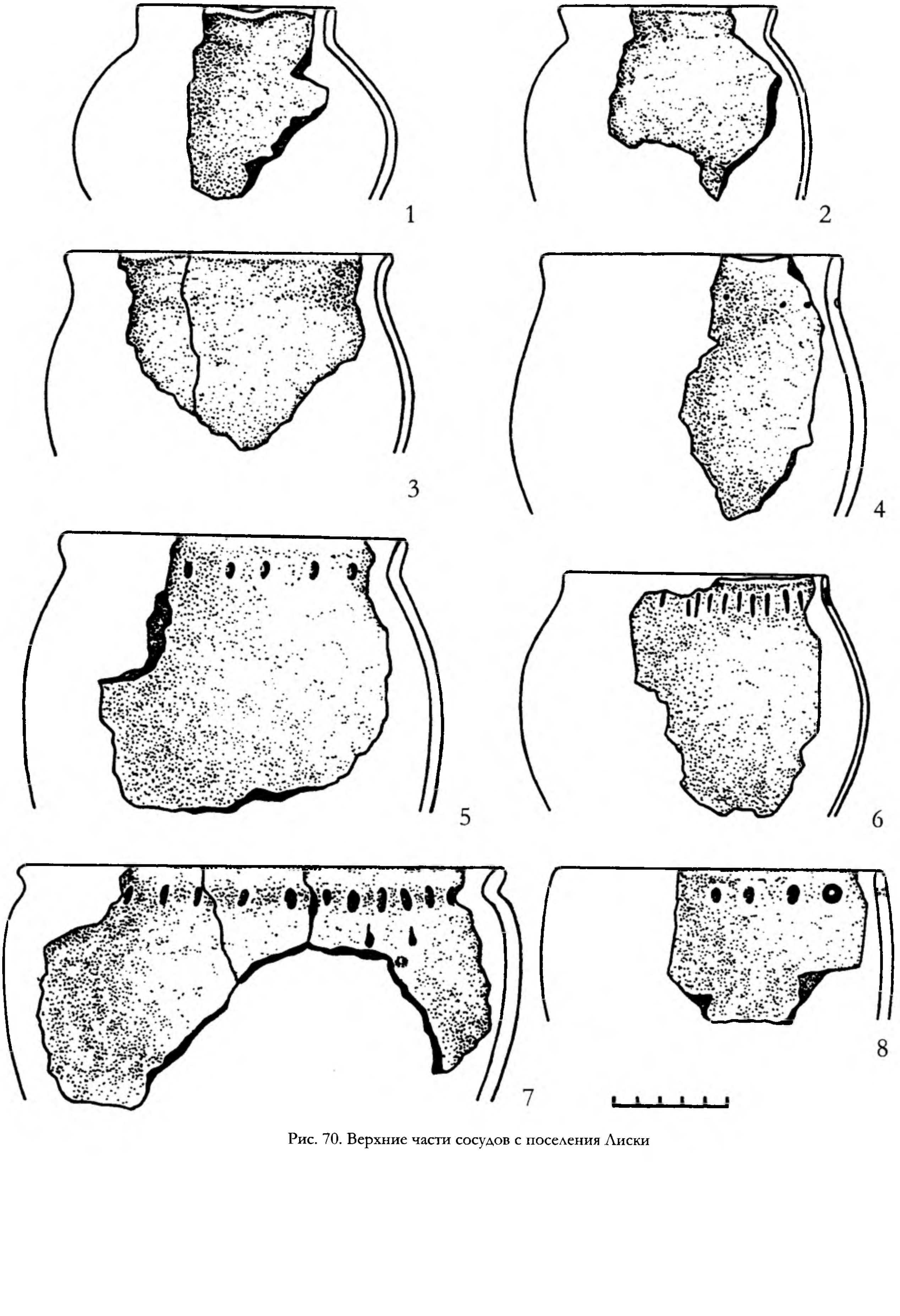

Рис. 70. Верхние части сосудов с поселения Лиски

на Лисковском городище (рис. 70; 71: 1, 3, 5, 7; 72: 6–8). На поселениях Полесской низменности преобладают горшки средней величины с диаметром горловины от 10 до 20 см. Сосуды средних размеров составляют около 80 % всей посуды. Совсем небольшое количество ее приходится на сосуды малых размеров с диаметром горловины до 10 см. По материалам городища Лиски полностью восстановлено восемь сосудов (рис. 69; II: 5). Целые горшки имеют небольшие размеры: высота их варьируется от 9,2 до 17,4 см (у большинства — 11–11,5 см), максимальное расширение тулова от 9,7 до 18 см (у большинства — 10–12 см). Они невысокие, с широким горлом. Наибольшее расширение тулова у них приходится на середину высоты. Шесть сосудов в коллекции слабопрофилированных: тулово округлое, вытянуто по вертикали (рис. 69: 3, 6), — а два имеют сильно профилированное тулово шарообразной формы (рис. 69: 5, 7). Полные формы милоградских горшков, а также ряд реконструкций дают основание говорить о том, что население восточнополесских городищ пользовалось в основном четырьмя типами горшков: 1) с яйцевидным туловом, округленным или плоским дном и отогнутым наружу венчиком (рис. 69: 1, 2); 2) с шаровидным туловом, дном и поставленным вертикально венчиком (рис. 70: 1, 6); 3) слабопрофилированные, с округленным туловом и дном, срезанным верхом и намеченным венчиком в виде вдавленной неширокой полоски под его краем (рис. 69: 3; 70: 8); 4) приземистые с округло-уплощенным туловом, закругленным дном и загнутым внутрь краем без выделенной шейки (рис. 72: 5, 6). Безусловно, выделенные типы сосудов не в полной мере отражают многообразия форм всей посуды, которая имелась на поселениях. Обитатели городищ и селищ пользовались, как видим, сосудами с плоским и шаровидным дном. Среди фрагментов керамики днища встречались довольно редко. В коллекции их немного. Значительно большим разнообразием отличается оформление верхних частей сосудов. По профилям венчиков автор выделяет три устойчивых варианта верхних частей у горшков милоградского населения.

Вариант I. Сосуды, венчики у которых отогнуты наружу резким изгибом шейки. Угол отклонения венчиков варьируется от 5 до 30°. Высота их — 4–6 см. Край — круглый либо срезан горизонтально (рис. 69: 2, 7; 70: 2; 71: 1–3, 7; 72: 7, 8).

Вариант II. Сосуды, у которых венчики отогнуты наружу плавным изгибом шейки. Край венчиков закругленный, а высота — до 4,5–5 см (рис. 69: 1, 4, 5, 8; 70: 3, 4; 71: 4; 72: 1–4).

Вариант III. Сосуды с цилиндрическими шейками и чуть-чуть отогнутыми наружу краями венчиков. Высота венчиков — 2–5 см, края у них округлые (рис. 70: 1; 71: 5).

Выделенные первый и второй варианты верхних частей сосудов свойственны только первому типу таковых. На всех памятниках Полесской низменности значительно преобладают горшки второго варианта. Венчики первого варианта есть примерно у трети сосудов. Третий же вариант венчиков имеется у горшков только второго типа. На каждом из городищ Полесья помимо отмеченных трех вариантов имеются еще венчики, которые отличаются оформлением мелких деталей, но они, как правило, единичные. Последнее обстоятельство, с одной стороны, подчеркивает своеобразие посуды на данном поселении, а с другой — не позволяет выделить их в самостоятельный вариант. В регионе Полесья сосуды первого и второго типов являются ведущими формами. В то же время горшки и миски без выделенной шейки (III и IV типов) — большая редкость. В этом и состоит особенность керамического комплекса посуды милоградского населения Восточного Полесья Беларуси. Здесь уместно

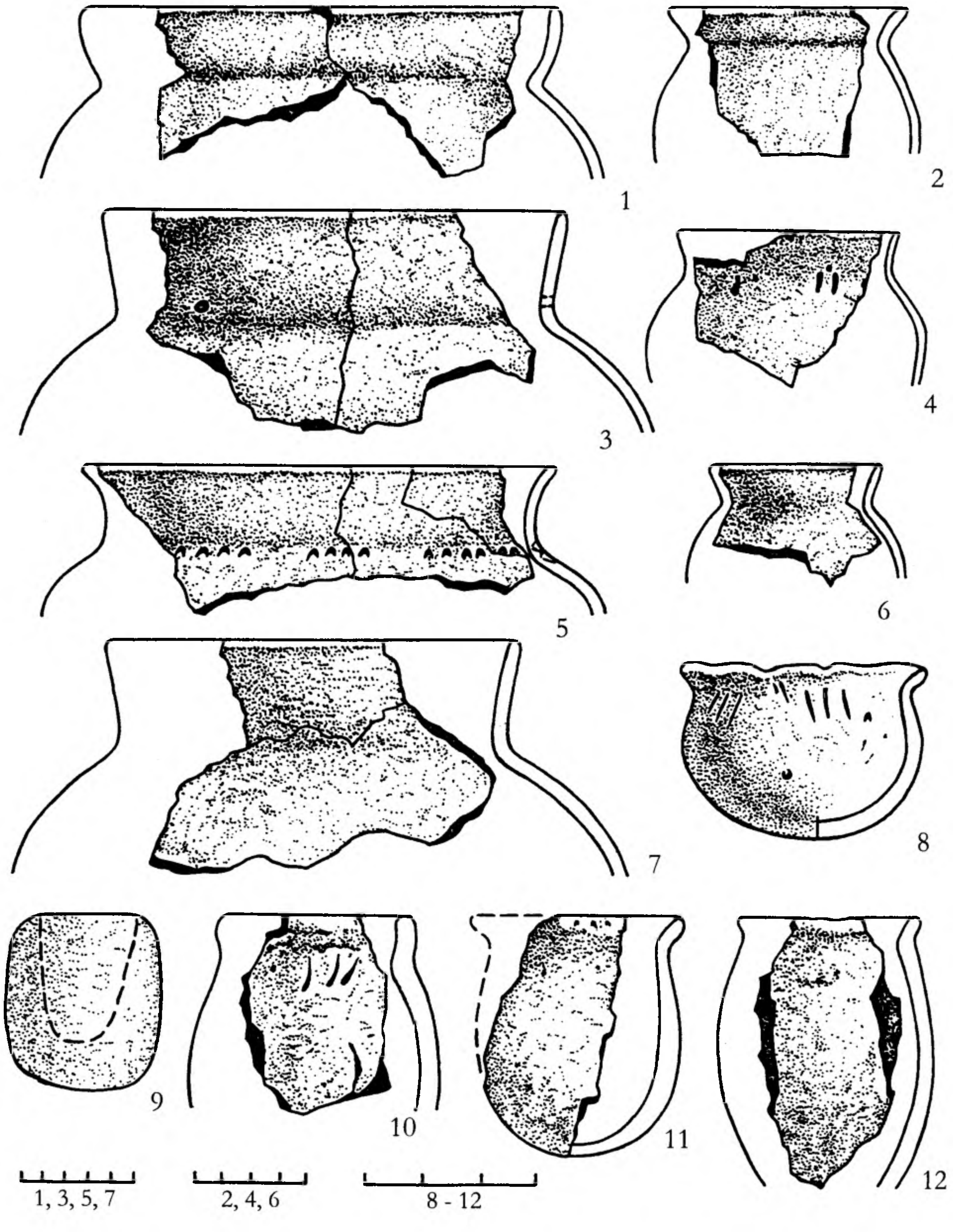

Рис. 71. Фрагменты больших горшков и миниатюрные сосудики с восточнополесских городищ (1 – 8, 11, 12, — Лиски, 9 — Любны, 10 — Старое Красное)

заметить, что на Левобережье Днепра, в Посожье, сосуды без шейки имеются в значительно большем количестве. На это указывают материалы городищ Борхов, Любны, Уваровичи, Черное, Шепотовичи. Возможно, эта черта — большое количество посуды без выделенной шейки — будет локальной особенностью региона Посожья.

Мы уже отмечали, что О.Н. Мельниковская расчленила весь керамический комплекс с поселений Асаревичи, Борхов, Глыбов, Горошков, Колочинское второе, Милоград, Моховское первое на три хронологические группы: раннюю, среднюю и позднюю. Несмотря на то, что Полесские городища являются однослойными, выделить разновременные керамические комплексы, как это сделала О.Н. Мельниковская, не представляется возможным. Стратиграфические наблюдения показывают, что венчики различных форм встречались как в верхних, так и в нижних пластах небольшого по мощности слоя. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди большого количества обломков милоградской посуды почти нет венчиков с жемчужным орнаментом.

В Полесском регионе бóльшая часть глиняной посуды была неорнаментированной. Например, на Лисковском городище орнаментом украшено 11 % от всей коллекции керамики, а на поселениях Ястребка — 39,4 %, Рассвет — 20,4 %, Старое Красное — 17,4 % (Лашанкоў, 1999а, с. 47). По материалам коллекции за 2004 г. на городище Черное, на левобережье Днепра, орнаментировано только 4 % керамики. Орнаменты по способам выполнения их на сосудах четко делятся на следующие виды: "жемчужный", сквозные проколы, ямочные вдавления, оттиски концом пальца и ногтем. В милоградской посуде украшены обычно только венчики, шейки и, как исключение, плечики. Тулова сосудов и их нижние половины никогда не орнаментировались мастерами-керамистами милоградских общин. Верх венчиков не украшался. В подавляющем большинстве случаев все элементы орнаментов на сосудах расположены в один ряд, образуя зону по шейке либо выше нее. Крайне редко в Полесье можно встретить узор двухрядный. В Приднепровье, по сведениям О.Н. Мельниковской, фиксировались узоры и с тремя горизонтальными зонами. В Посожье, судя по немногочисленным публикациям, орнаментальные узоры однорядные.

«Жемчужный». «Жемчужины» — вдавления, выполненные палочкой с внутренней стороны венчика. Они образуют на его внешней поверхности выступающие горошинки-бугорки. Такой способ украшать посуду у милоградских общинников Полесских поселений — явление исключительно редкое. Венчики с таким орнаментом отмечены пока только на четырех городищах: Лиски — 1 экз., первое Ясенецкое — 2 экз., второе Ясенецкое — 1 экз., Ивань — 17 экземпляров (Залашко, 1984а, с. 355; 1985, с. 389; Егорейченко, 1996, с. 29–31, 116, рис. 14). В.С. Вергей отмечает в Западном Полесье на селищах Кривичи, Лемешевичи, Струга I единичные фрагменты сосудов, украшенные «жемчужинами» (Вергей, 1995, с. 88, рис. 2: 20, 21). Следовательно, в рассматриваемом регионе, «жемчужный» орнамент был не характерным для украшения посуды. В Приднепровье, по наблюдениям О.Н. Мельниковской, такой способ украшения сосудов имел место в VI–IV вв. до н. э. Отметим, что посуда с «жемчужным» орнаментом была не на всех поселениях в равнозначном количестве. Больше всего горшков с таким узором было на городище Асаревичи, в то время как на поселении Горошков им принадлежало «незначительное место» (Мельниковская, 1967, с. 104). Если на городище Отрубы венчиков с «жемчужинами», как отмечалось, относительно много, то на городище

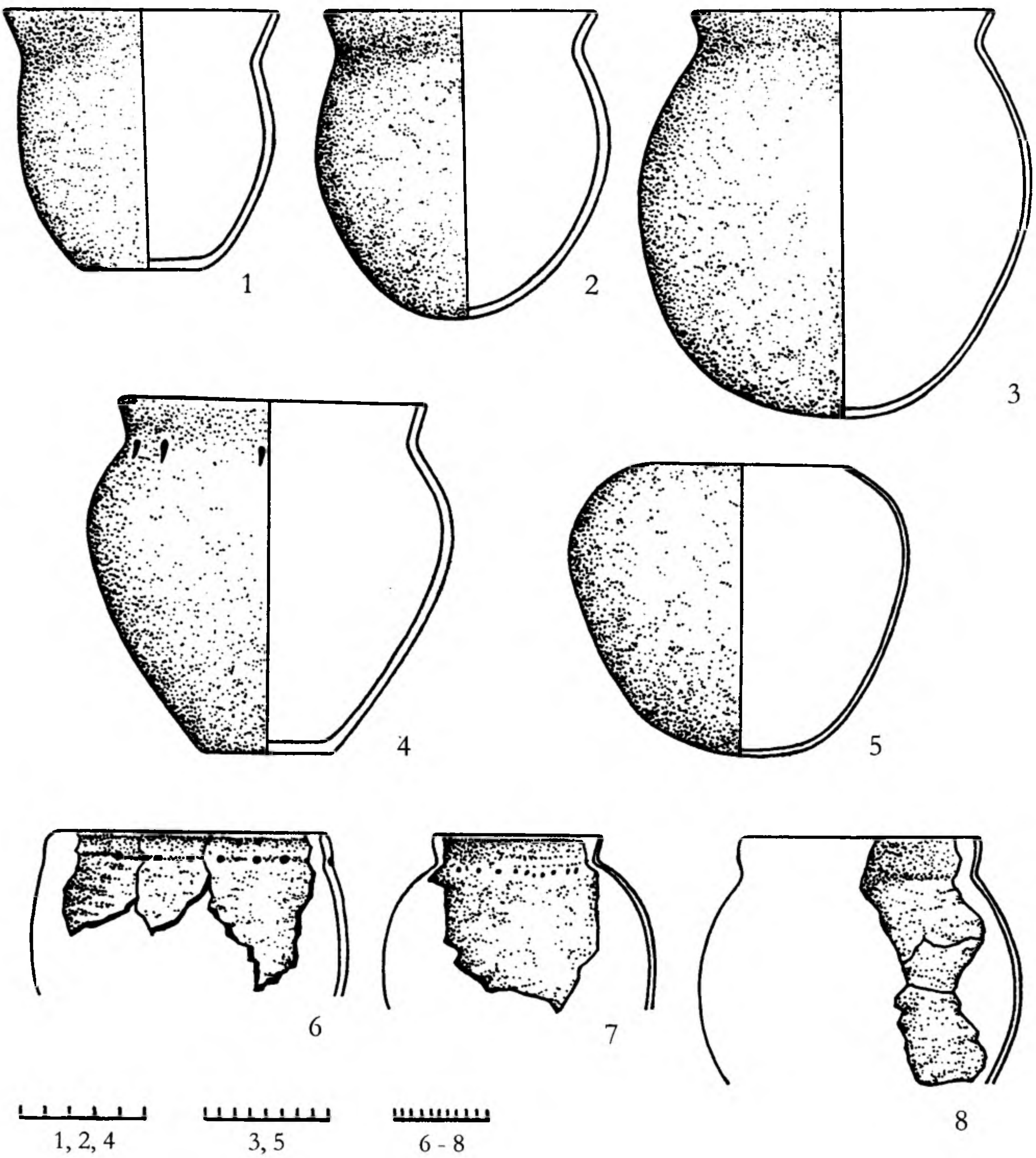

Рис. 72. Милорадская посуда с погребений и поселений Полесской низменности Беларуси (1 — Дубой; 2, 3 — Левановщина (1 – 3 по Г.М. Залашко) 4 — Прибор; 5 — Речица II (4, 5 по Н.В. Бычкову), 6 – 8 — Лиски).

Черное — один на пятнадцать с половиной тысяч фрагментов. Два факта наличия венчиков с «жемчужным» орнаментом в Посожье зафиксированы Л.Д. Поболем на Любенском городище и на поселении Шепотовичи — А.И. Дробушевским (Поболь, 1983, рис. 96: 7; Дробушевский, 1995, с. 43, рис. 3: 7). Украшать посуду «цжемчужинами» — несомненно, архаическая черта у населения милоградской культуры. С учетом последних датировок древностей этой общности автор считает, что временные рамки этого явления относятся ко второй половине VII — VI в. до н. э. Такая традиция как рудимент могла существовать на отдельных поселениях и позднее VI в. до н. э. Наиболее вероятно, что истоки этого способа декорации сосудов уходят корнями в позднебронзовое время (Березанская, 1974, с. 110, рис. 34; она же, 1976, с. 197, 199, 204, рис. 2: 4; 4; 11: 6; Крывальцэвіч, 1996, с. 65–66).

На Украине, на северо-западе Черниговской области, керамика с «жемчужным» орнаментом является отличительной особенностью целой группы памятников: не менее 40 селищ. На трех из них — Ульяновка I, Южный Замглай и Синичина Гора — раскопки осуществил Г.В. Жаров (Жаров, 1995, с. 45–48, рис. 1: 26, 27; 2: 1). Надо полагать, что посуда с интересующим нас орнаментом в этом регионе представлена в значительно большем количестве, в отличие от других регионов огромного ареала расселения «милоградцев». Примечательно, что на Черниговщине такая посуда зафиксирована и в погребениях курганов № 2, 5, 7 могильника Деснянка и Кези II (Шекун, 1995, с. 157, 158, рис. 2: 7, 9, 10). Судя по всему, Черниговский регион содержит наиболее ранний горизонт милоградских древностей — VII–V вв. до н. э. с богатой традицией «жемчужного» декора, что совершенно обоснованно отметил Г.В. Жаров.

Сквозные проколы. Диаметры проколов — 0,2–0,35 см. Они выполнены как перпендикулярно поверхности изделий, так и наклонно, чаще сверху вниз. Расположены проколы в большинстве случаев по шейкам сосудов (рис. 71: 3), затем между шейкой и краем венчика и реже — по верхней части плечиков. Отсутствие целых горшков со сквозными проколами не позволяет установить полные рисунки таких орнаментов. В коллекции есть фрагменты, которые содержат и по два прокола рядом. В целом же посуды, украшенной данным видом орнамента, как и «жемчужным», найдено на изучаемых памятниках Полесья крайне мало. На поселениях Лиски, например, выявлено 35 обломков со сквозными проколами, Старое Красное — 9, Рассвет — 3, Липняки — 1 и на втором Ясенецком городище — 1. Имеющиеся в нашей коллекции материалы говорят о том, что одни горшки были украшены только сквозными проколами (рис. 71: 3), а другие — проколами в сочетании с различного рода вдавлениями. На городищах Рассвет, Старое Красное, Лиски зафиксированы случаи, когда проколы выполнены в ямочках от пальца (рис. 70: 8) и вдавлениях, сделанных палочкой. На двух памятниках: Старое Красное и Лиски — доминируют фрагменты с комбинированным орнаментом, состоящим из проколов и вдавлений.

О.Н. Мельниковской не отмечена керамика со сквозными проколами на милоградских городищах Приднепровья. А вот на поселениях севернее Глыбовского и Милоградского такая керамика есть. Так, автором зафиксированы венчики со сквозными проколами на городище Черное (Лошенков, 2005, с. 547). Н.Н. Дубицкой выявлено шесть фактов такого декора в материалах городища Отрубы (Дубицкая, 2003, с. 61, рис. 5; 6: 6, 9; она же, 2005, с. 81, рис. 6: 1). Один венчик с отверстием с городища Горошков опубликовал Л.Д. Поболь (Поболь, 1983, с. 301, рис. 90: 21). В Посожье сквозные проколы отмечены Л.Д. Поболем в материалах довоенных коллекций с городищ Любны и Шепотовичи

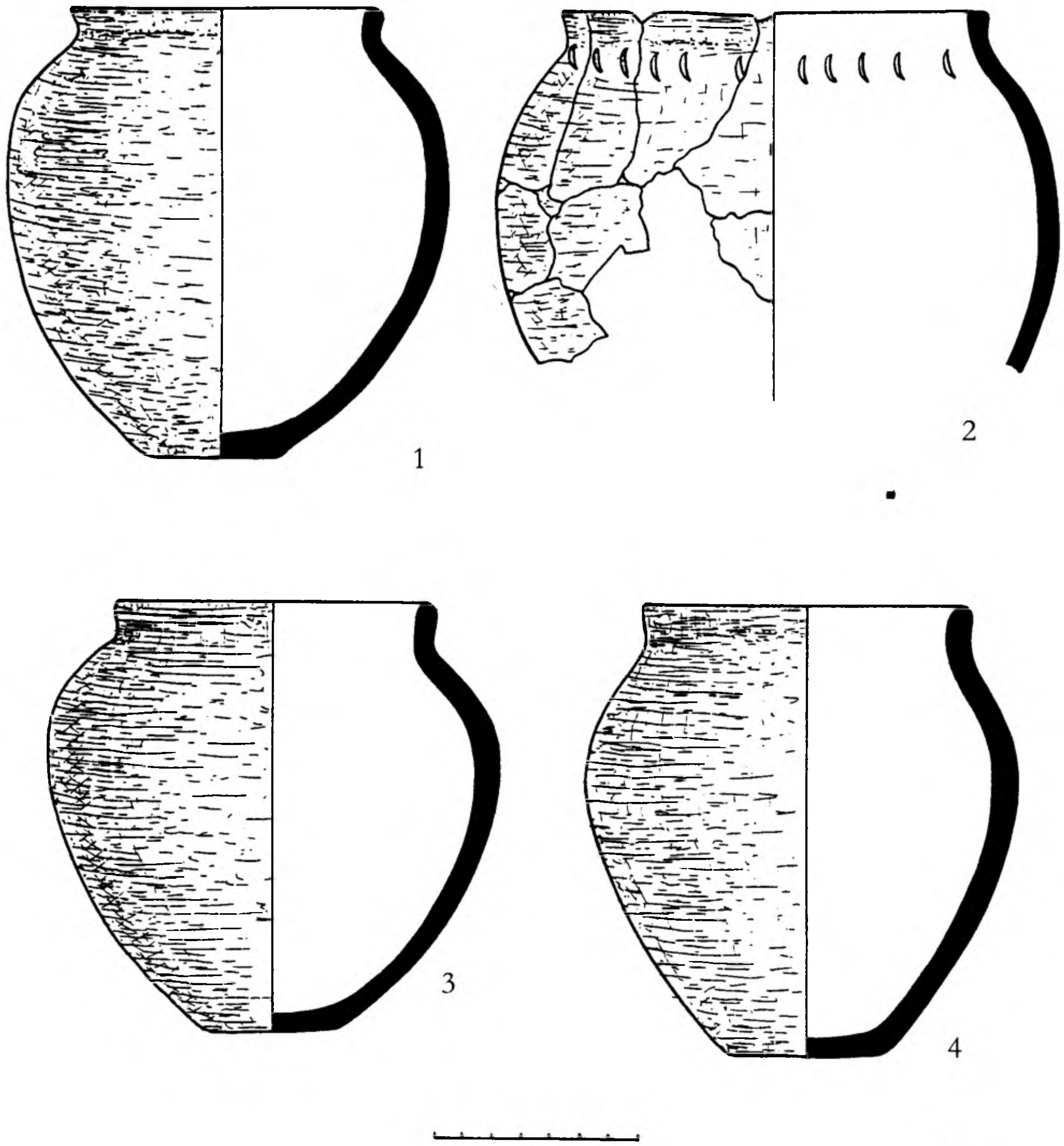

Рис. 73. Горшки с курганного могильника Дубой и городища Ленино по С.Е. Рассадину (1 — курган № 16; 2 — Ленино, 3, 4 — курган № 19)

(Поболь, 1974, рис. 57: 8, 9; 71: 27; он же, 1983, рис. 93: 31; 96: 13, 15–17).

В раннем железном веке обычай украшать посуду сквозными проколами был характерным для населения Левобережной Лесостепи среднего течения Днепра и Северного Донца (Пузикова, 1969, с. 64, 65; она же, 1981, с. 44; она же, 1997, с. 37). В значительно меньшей степени этот орнамент получил распространение на правобережье Днепра у скифского населения, проживавшего на наиболее северных городищах

(Бессонова, 1987, с. 36). Наличие такого вида орнамента, как сквозные проколы, в чистом виде и в сочетании с различными вдавлениями, в милоградской культуре следует объяснять заимствованием его у скифов-пахарей. Скифское влияние на орнаментацию посуды у населения подгорцевской группы милоградской культуры отмечали В.И. Ильинская и А.А. Тереножкин. Последнее, по их мнению, выразилось «в использовании в орнаментации (милоградской посуды. — *М. Л.*) типично скифского орнамента — пальцевого рельефа по краю венчика» (Ильинская, 1983, с. 281). На северных скифских городищах посуда, украшенная проколами, датируется VI–V вв. до н. э. (Бессонова, 1987, с. 36, 38). Ранним временем — VI–V вв. до н. э. следует датировать и те милоградские сосуды с Полесской низменности, которые были украшены сквозными проколами.

Ямочные вдавления. Среди орнаментированных венчиков узоры из разнообразных ямочных вдавлений составляют 70–80 % в Полесском регионе. Наколы выполнены палочками, которые в сечении были круглой, треугольной, эллипсообразной, реже квадратной, прямоугольной формы и в виде восклицательного знака (рис. 69: 8; 70: 4, 6; 71: 4, 8, 10; 72: 4). Крайне редко в таких целях использовались трубчатые кости малого диаметра, возможно, птиц. Подобные факты выявлены в материалах городища Черное. Набор элементов для ямочного орнамента у мастеров милоградских городищ был, как видим, разнообразным. Ямочки нанесены на поверхность посуды только с наружной стороны под венчиком, по шейке и реже — по верхней части плечика. Оттиски свидетельствуют о том, что палочки ставились в большинстве случаев перпендикулярно поверхности изделий, затем наклонно: снизу вверх (чаще) и сверху вниз (рис. 69: 6; 71: 5; 72: 4). Тычковые вдавления сверху вниз встречаются редко на городищах Восточного Полесья. Два фрагмента из поселения Лиски имеют отпечатки палочки, которая была расположена горизонтально справа налево. Дно ямочек — плоское, так как палочки имели прямой срез. Диаметры их разные: от 0,2 до 0,55 см. Глубина в пределах 0,2–0,4 см. Различные по форме ямочки составляют определенные рисунки на поверхностях горшков. Часть сосудов была украшена ямочками через равные промежутки в один ряд и реже — в два ряда. На крупных фрагментах посуды различаются и другие сочетания элементов, которые слагают мотивы геометрических рисунков: по два, три накола в ряд через определенные интервалы. Последние часто неодинаковых размеров. Отдельные мотивы состоят из сочетаний различных элементов, составляющих рисунок: кругло-, овально-, ромбо-, треугольно-, квадратно- и прямоугольно-ямочных вдавлений. К мотивам более сложного строения следует отнести геометрические фигуры, которые расположены в ряд. Например, ямочки треугольной в плане формы расположены на поверхности сосуда в виде треугольника, перевернутого вверх основанием, или тычковые вдавления снизу вверх образуют треугольник. Рисунки около половины украшенных венчиков из восточнополесских городищ состоят из элементов смешанных видов орнаментов. Таковыми являются сочетания ямочек со сквозными отверстиями, с оттисками ногтя, с вдавлениями пальцев. Важно отметить, что все рисунки на сосудах милоградской культуры, несмотря на разные элементы и мотивы орнаментов, образуют только геометрические фигуры. Растительный же орнамент мастера изучаемых поселений для украшения посуды не применяли.

По данным О.Н. Мельниковской, в Приднепровье ямочный орнамент на посуде занимает в количественном отношении второе место (Мельниковская, 1967, с. 102). Этот же способ украшать сосуды получил также широкое распространение и в Посожье,

на что указывают материалы поселений Ворновка, Борхов, Любны, Присно I, II, Чечерск, Шепотовичи (Поболь, 1974, рис. 57: 7, 13, 15; 69: 1, 2; 71: 32; 72: 2–7; 74: 1–8; 75; он же, 1983, рис. 92: 1–12; 93: 9–14, 20–30; 96: 3–6, 8–12, 14; 98: 6–29; 99: 2–4, 6; Лашанкоў, 1993б, с. 37, мал. 5: 1, 2, 5, 9; Дробушевский, 1995, с. 42–43, рис. 3).

Оттиски пальцев. Небольшую группу орнамента на полесских городищах составляют оттиски концом пальца (рис. 70: 5). В плане отпечатки эллипсообразной формы, а в сечении — чашевидные. Глубина их 0,3–0,45 см. Расстояние между отпечатками около 2–3,5 см. Подобные вдавления имеют в основном сосуды больших размеров. В милоградской культуре этот вид орнамента несут на себе чаще всего горшки с намеченной шейкой в виде углубленной и неширокой полоски (рис. 70: 7). Одиночные ямочки от пальца расположены по полоске через интервалы между ними. У отдельных венчиков элементы такого орнамента нанесены по шейке сосудов и ниже по плечикам. Выше шейки горшков оттиски пальцев не наносились на памятниках Полесской низменности. Мотивы рассматриваемого орнамента иногда состоят из двух, трех однообразных элементов, расположенных в ряд и вдавленных через разные промежутки между ними. Орнамент из оттисков пальцев содержат и сосуды без шейки. У таких горшков он нанесен под краем на расстоянии 1,5–2 см от среза. Рисунки отпечатков пальца выполнялись мастерами городищ и в сочетаниях со сквозными проколами, ямочными и ногтевыми вдавлениями. По наблюдениям О.Н. Мельниковской, этот вид орнамента доминирует на городищах Приднепровья, и преобладает он в III–II вв. до н. э. (Мельниковская, 1967, с. 101, 104, 107).

Оттиски ногтей. Орнамент, состоящий из ногтевых вдавлений по шейкам и плечикам горшков встречался редко на таких поселениях, как Рассвет, Липняки, Лиски. Немного больше обломков посуды с ногтевыми отпечатками выявлено на городищах Ястребка, Старое Красное, Любны. Ногтевые оттиски на поверхности сосудов имеют луновидную в плане форму (рис. 73: 4). Ширина их в поперечнике 0,2 см. Одни отпечатки глубокие, другие — мелкие. Судя по дугообразному изгибу, они в большинстве случаев правосторонние. Левосторонних обнаружено очень мало. Подобным орнаментом украшены чаще всего шейки горшков, реже — плечики. Единичные рисунки, сделанные ногтем, имеются и на сосудах без шейки. Они нанесены около края венчиков. На городищах Полесской низменности выделяется несколько мотивов ногтевых рисунков. Это одиночные отпечатки через равные и неравные промежутки, расположенные в один ряд. Затем они состоят из двух, трех, четырех рядом вдавленных оттисков, которые нанесены на шейки и плечики через интервалы в один ряд. На Лисковском городище найден один фрагмент, который содержит отпечатки горизонтально расположенным ногтем. Они выполнены ниже шейки сосуда и образуют цепочку. Сложные мотивы рисунков состоят не только из односторонних (луновидных) оттисков, но и из двухсторонних — листовидной формы. Рисунки с двухсторонними ногтевыми вдавлениями обнаружены на посуде поселений Ястребка, Старое Красное. Ногтевые отпечатки довольно часто встречаются вперемешку с вдавлениями концом пальца. Совсем немного их в сочетании со сквозными проколами и ямочными вдавлениями. О.Н. Мельниковская отмечает, что ногтевой и пальцевый орнамент были характерными для среднего и позднего этапов милоградской культуры (Мельниковская, 1967, с. 107, 110).

Грузики. Грузики, вылепленные из глины, — весьма характерные предметы для населения милоградской культуры. Они являются наиболее частыми находками на памятниках этого населения. В ряде случаев эти изделия составляют значительную часть индивидуальных коллекций на изучаемых поселениях. Автор попытался учесть грузики-пряслица на памятниках,

где проводились раскопки. Так, на 29 преимущественно укрепленных поселениях учтено 1740 грузиков, в числе которых четыре вырезаны из кости — Любны (1 экз.), Уваровичи (2 экз.) и Чечерск (1 экз.). Помимо целых и фрагментов, позволяющих восстановить их изначальные формы, попадались еще обломки, которые никакой информативностью не обладали. Последних отмечено немного. Например, на городищах Борхов — 3 экз., Лиски — 37 экз., Любны — 4 экз., Старое Красное — 8 экз. Вместе с тем, примерно четвертая часть глиняных грузиков по ряду обстоятельств оказалась недоступной для исследований. Крайне упрощенная фиксация их в документации отчетов при отсутствии полноценных описей и качественных рисунков вынудила исклю чить 446 экземпляров таких предметов из нашего рассмотрения.

Сведения по этой категории находок с памятников Приднепровья, которые раскапывались в 50-х годах, частично опубликованы в статьях и монографических исследованиях (Третьяков, 1959, с. 134, табл. 136, 144, рис. 11: 1–20; 15: 1–51; Мельниковская, 1967, с. 116–123; Поболь, 1971, с. 36–37, 41, рис. 22–24).

Аналогичные материалы с памятников Посожья специально никем не рассматривались, а вот из региона Полесья описаны автором (Драбушэўскі, 2004, с. 23, мал. 8; Лашанкоў, 1989, с. 72–81; он же, 1989а, с. 189–194).

Грузики-пряслица изготавливались «милоградцами» из местных глин, расположенных вблизи поселений. Такие глины использовались в значительно большей мере для лепки посуды, нежели для рассматриваемых предметов. Включения искусственных примесей, заметные на поверхностях и в местах разломов изделий, наводят на мысль о том, что рецептура формовочного теста с характерным набором отощителей была, по-видимому, одинаковой как для грузиков, так и для посуды. Сырье в большинстве своем — гидрослюдистые пластичные легкоплавкие глины озерно-аллювиального происхождения. Обращает на себя внимание неаккуратность, с которой они выполнены: шершавость и грубая фактура поверхностей, асимметричность форм и отверстий. Хорошо заглаженные предметы встречаются на поселениях довольно редко. Несмотря на костровой обжиг, грузики обладают максимальной прочностью. Температура обжига их в открытых кострах была в пределах от 450 до 700 °С (Лашанкоў, 1993, с. 74–75). Лабораторным исследованием, используя метод водопоглощения, удалось установить, что на городище Ястребка 13 грузиков обожжены при температуре в интервале 450–650 °С, а на поселении Липняки 4 экземпляра — при 500–650 °С*. При костровом обжиге не выдерживались постоянные температуры и газовая окислительная либо восстановительная среда. Последние существенным образом влияли на окраску изделий. Серый и черный цвета говорят о том, что предметы обожжены в условиях недостатка кислорода и насыщения газа окисью углерода — в восстановительной среде. Красная или бежевая окраска — результат обжига в окислительной среде: с диффузией кислорода в поры изделий. При кратковременном обжиге в окислительной среде грузики снаружи бежевые либо красноватые, а внутри они темно-серые и черные (Августиник, 1956, с. 152–153; Сайко, 1966, с. 195; она же, 1981, с. 44). От условий обжига зависели не только цветовые гаммы грузиков, но и их прочность, на что уже обращалось внимание. Так, в качестве эксперимента автором были помещены в муфельную печь четыре обломка грузиков и пять фрагментов стенок сосудов. В камере печи температура была повышена до 800 °С, естественно, без доступа кислорода. Все образцы растрескались, стали

[1]Исследование образцов произведено в Минском научно-исследовательском институте радиоматериалов научным сотрудником В.С. Васильевым в 1983 г.

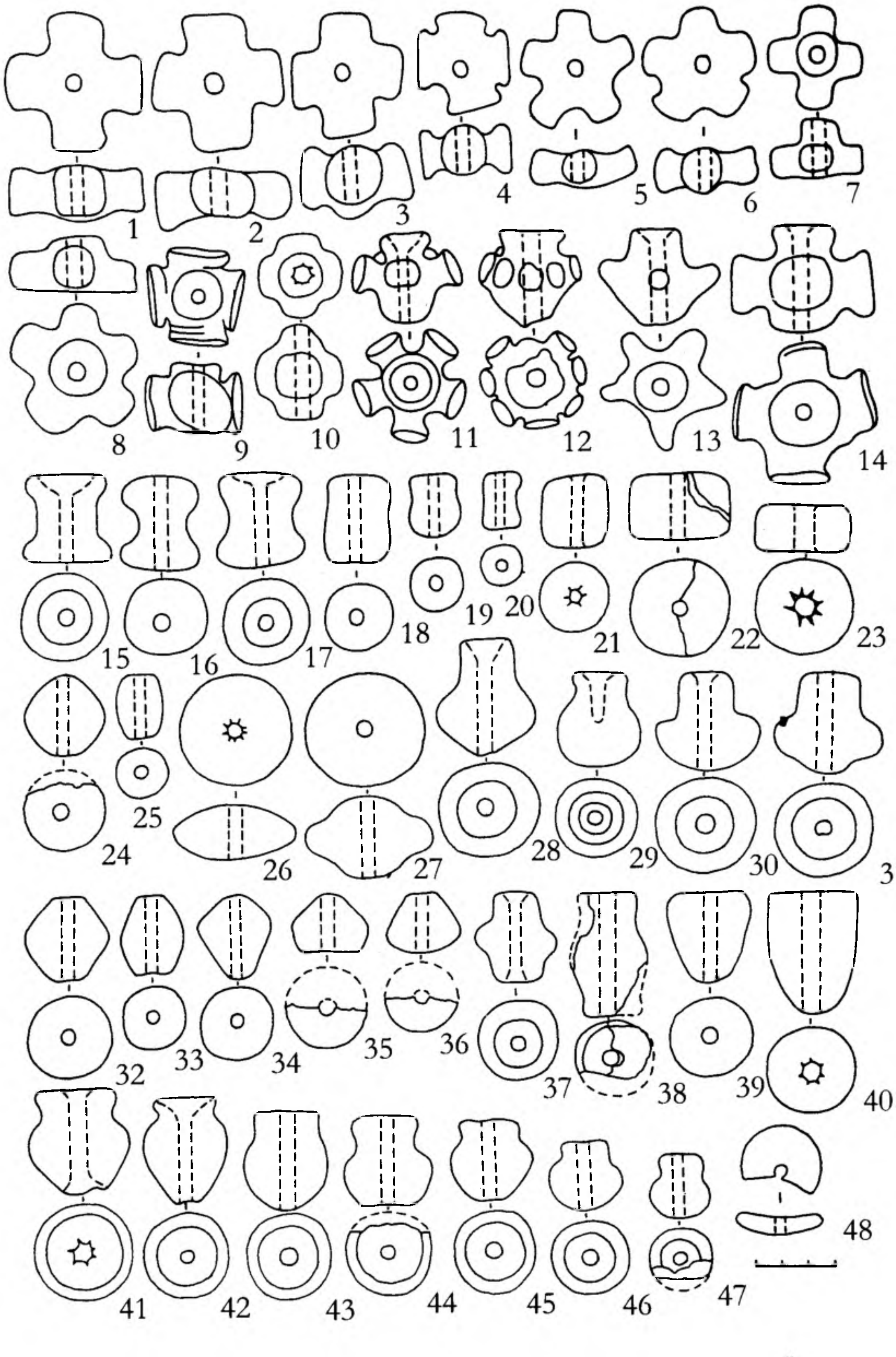

Рис. 74. Типологическая разновидность восточнополесских грузиков милоградской культуры (1, 3, 6 – 11, 14, 16, 18, 23, 24, 26–31, 37, 38, 41–43, 45 – 47 — Лиски, 2, 4, 5, 12, 13, 15, 17, 19 – 22, 32, 40, 44, 48 — Старое Красное; 25, 33, 35, 36 — Ястребка; 34, 39 — Липняки)

хрупкими и легко крошились — утратили свойственную им прочность. Таковы технологические аспекты, связанные с изготовлением глиняных грузиков.

Характеризуя рассматриваемые изделия с городищ восточного Полесья, автор в конце 80-х годов XX столетия выделил три способа их изготовления: 1) глиняная ленточка — полоска загибалась вокруг круглой в сечении палочки либо кости; 2) кому глины придавалась нужная форма, а потом продавливалось отверстие заостренной палочкой; 3) стачивание торцов стенок обломков посуды до придания им формы кружка с последующим высверливанием отверстия в центре (Лашанкоў, 1989, с. 73; он же, 1989а, с. 189; он же, 1999а, с. 48). На последний способ как редкое явление у «милоградцев» обращали внимание О.Н. Мельниковская, И.К. Свешников и автор (Свешников, 1971, рис. 5: 3; Лашанкоў, 1989, с. 73). У одного из грузиков цилиндрической формы с городища Старое Красное обработка поверхности не была завершена, и его обожгли с незаглаженным стыковым швом (рис. 74: 20). Наличие грузика с соединительным швом указывает на один из способов их изготовления. Скорее всего, таким приемом изготавливали не только цилиндрические, но и биконические, шаровидные изделия, что давало возможность придать им более правильные формы. Если для рассмотренного способа имеется лишь один факт, то для второго — их три. Один зафиксирован О.Н. Мельниковской (Мельниковская, 1967, рис. 54: 16, 16а) и два — на городищах Лиски и Черное — автором (рис. 74: 29; 81: 10). К слову сказать, О.Н. Мельниковская констатировала, что «изредка встречаются (на памятниках Приднепровья. — *М.Л.*) грузики без отверстий или со слегка намеченной вмятиной в том месте, где обычно бывает отверстие». Затем она уточняет, что «грузики без отверстий представлены теми же основными формами, что и с отверстиями» (Мельниковская, 1967, с. 116, 117, рис. 53: 37, 37а, 47).

Все авторы раскопок отмечали небольшие размеры этих предметов. Крайние параметры лепных грузиков такие: длина (высота) по каналам отверстий — от 1,4 до 5,1 см, максимальное расширение — от 1,8 до 5 см, отверстия каналов диаметром 0,3–0,8 см. Большинство же изделий имеют среднюю величину в пределах 2,5–3,5 см. Только у выточенных из стенок сосудов пряслиц толщина 0,4–0,6 см.

Если технология, способы изготовления, а также размеры говорят о какой-то устойчивости рассматриваемых глиняных предметов, то формы их — большая тому противоположность. Исходя из материалов с памятников Приднепровья, О.Н. Мельниковская отмечает следующие их разновидности: сосудовидные, биконические, округло-биконические, шаровидные, округло-уплощенные, катушковидные, крестовидные, с пятью или шестью выступами лепешкообразные и точеные (Мельниковская, 1967, с. 117). Систематизируя коллекцию аналогичных находок с памятников Полесья, автор выделил семь типов с восемнадцатью вариантами (Лашанкоў, 1989, с. 73–78, табл.). Указанная типология разработана на 356 предметах и содержит количественные показатели по соотношению изделий разных форм (Лашанкоў, 1989а, с. 190, табл.).

Коллекция же, которую мы рассматриваем, куда более значительная — 1246 грузиков. Естественно, что информация о небольшой части их на разных памятниках далеко не полная. В таком случае применить типологию, которую автор использовал для материалов Полесского региона, в полной мере невозможно. Например, в источниках есть сведения «грузик биконический» или просто «грузик», «пряслице» без указания формы. К тому же в отчетах нет всех полных рисунков этих предметов, что не позволяет отнести их к симметричным либо

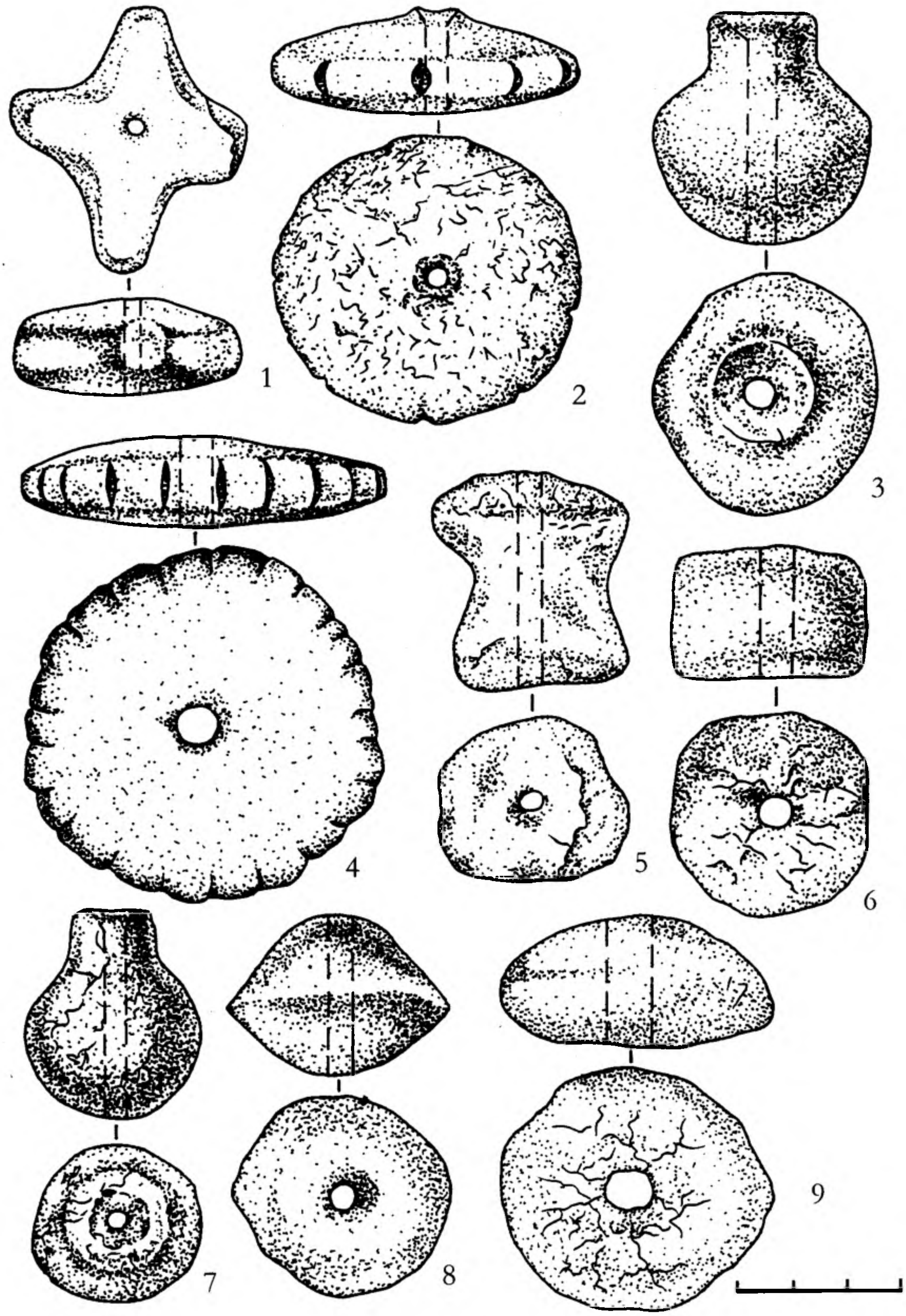

Рис. 75. Глиняные грузики с городища Ясенец I (по Г.М. Залашко)

асимметричным (Лашанкоў, 1989, с. 77, табл.). Отмеченные и ряд других моментов вынудили автора отказаться от некоторых мелких отличий в выделенных вариантах, свойственных соответствующим типам в систематизации полесских материалов. Тем не менее, основываясь на формах изделий в вертикальном и горизонтальном сечениях, автор составил сводную таблицу грузиков с 29 памятников по 16 разновидностям форм этих предметов (табл. 28, рис. III: 17–30; VI: 46–48).

В раннем железном веке население ряда культур лесной полосы не имело такого разнообразия форм глиняных грузиков, как «милоградцы». По разнообразию весьма схожий ассортимент аналогичных изделий наблюдается у племен Лесостепи и Степи (Шрамко, 1987, с. 98, рис. 42; он же, 1998, с. 102–103, рис. 25; Гаврилюк, 1987, с. 119–123, рис. 1; Моруженко, 1988, с. 48, рис. 7: 7–33). У более северных племен — «штриховиков» — пряслица и грузики в большинстве своем совершенно иные (Егорейченко, 1988а, с. 64–70; Ильютик, 1994, с. 183–198). Существенным образом рассматриваемые изделия «милоградцев» отличаются от таковых у населения дьяковской культуры (Дубынин, 1970, с. 37–42, табл. 22–26; Смирнов, 1971, с. 80–98).

При значительном различии форм грузиков у населения милоградской культуры все они имеют разное численное соотношение, как на одном памятнике, так в выделенных регионах и по культуре в целом. Систематизация и подсчеты показывают, что в этом их многообразии есть ведущие и основные формы, а также те, которые имеют незначительный удельный вес (табл. 28). По таблице видно, что половину всей коллекции находок (683 экз. — 55 %) составляют два ведущих типа: биконические и сосудовидные. Сосудовидные преобладают в Приднепровском регионе и Полесье, а биконические — в Посожье и Приднепровье. По численности на третьем месте находятся изделия шаровидной формы. Больше всего их в Посожье, меньше — в Полесье (табл. 28). Четвертое место занимают катушковидные грузики, половина которых приходится на Приднепровье. В остальных регионах их соотношение примерно равное. На пятом месте у «милоградцев» грузики крестовидной формы. Их больше выявлено в Полесском регионе, а меньше всего — в Посожье. Шестое место среди рассматриваемых находок занимают эллипсовидные по форме изделия, удельный вес которых 5,4 %. Соотношение их по регионам примерно равное. Вот это основные типы форм глиняных грузиков, которые в разной степени, как видим в таблице 28, свойственны населению милоградской культуры. Если цилиндрические составляют 3,4 %, то бочковидные, конусовидные и цилиндрические уплощенные — только 1,5 %. В число меньше одного процента попадают грузики сосудовидно-рожковые, точеные, пяти- и шестирогие. Их следует относить к числу редких находок, но весьма выразительных для милоградской культуры в целом.

Как видим, при всем разнообразии форм глиняных грузиков у населения милоградской общности имелись как доминирующие типы (сосудовидные и биконические), так и довольно редкие. Последние (сосудовидно-рожковые, пяти- и шестирогие), надо полагать, не свойственны синхронным племенам сопредельных территорий.

Касаясь форм изделий, совершенно необходимо сделать нижеследующие уточнения. Если крестовидные грузики простые по форме — в плане крест (рис. 74: 1–4; 75: 1; 79: 1–4; 80: 2, 3), то пяти- и шестирогие, судя по полесским материалам, могут быть двух разновидностей. У одних рожки расположены горизонтально (рис. 74: 5, 6; 79: 5), а у других пятый и шестой рожок занимают вертикальное положение (рис. 74: 7–10; 76: 7; 77: 10). Сосудообразно-рогатые отличаются от вышеперечисленных тем, что основа у них по вертикальной оси сосудовидная, от которой расходятся рожки в стороны вверх (рис. 74: 11–14; 77: 11; 79: 6; 81: 1, 2). Число рожков варьируется от 4–5 до 9.

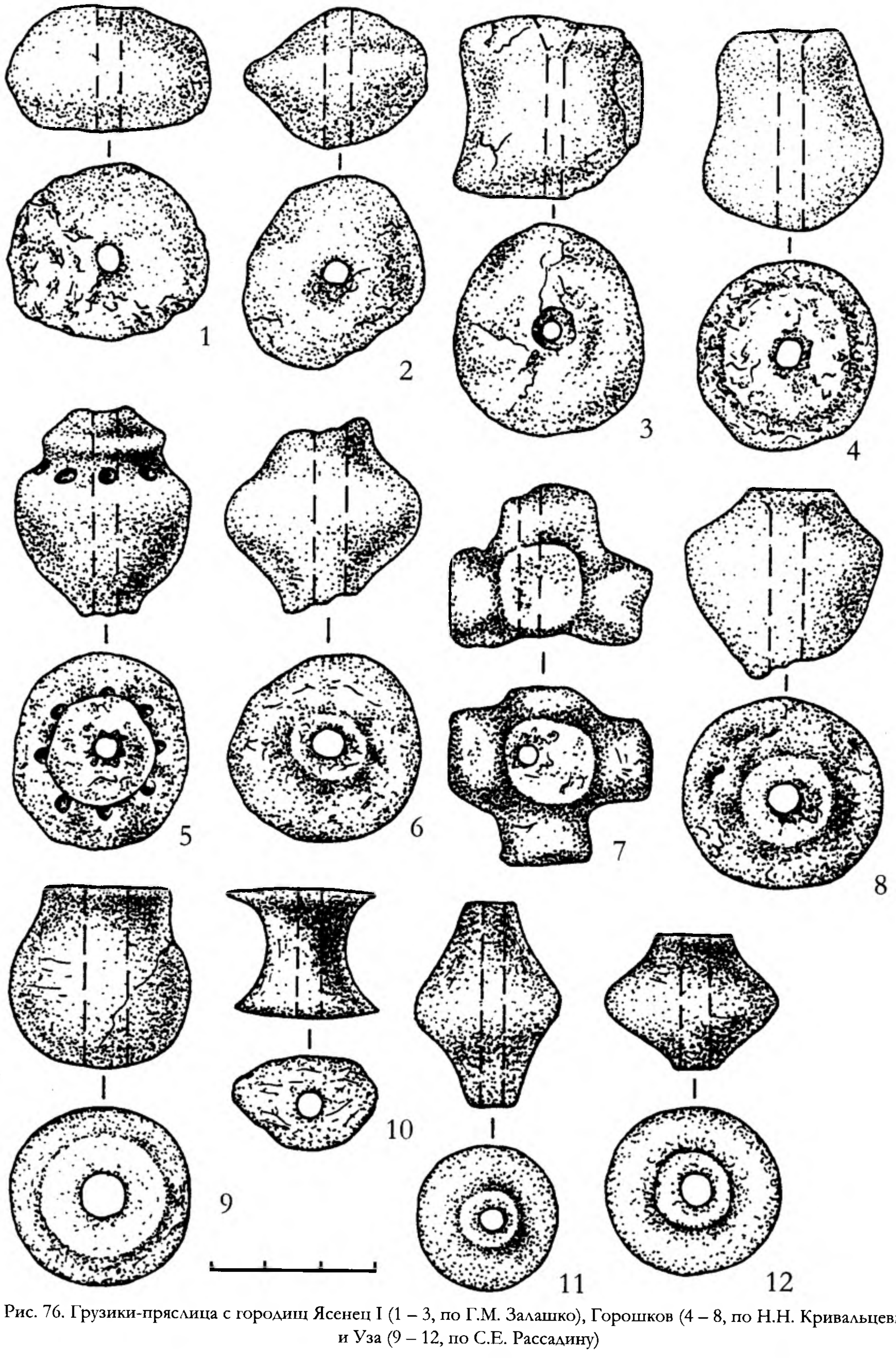

Рис. 76. Грузики-пряслица с городищ Ясенец I (1 – 3, по Г.М. Залашко), Горошков (4 – 8, по Н.Н. Кривальцевичу) и Уза (9 – 12, по С.Е. Рассадину)

Широкие аналогии перечисленным видам глиняных грузиков приведены автором в специальной публикации (Лашанкоў, 1989, с. 73–76). Среди сосудовидных есть с округлым туловом и днищем, с заостренным низом и грушевидные. Эти факты говорят лишь о разнообразии таких изделий. В Полесском регионе асимметричные биконические доминируют над симметричными. Из числа первых преобладают грузики с диаметром большим, чем высота. А изделия с высотой, большей диаметра, составляют в Полесье третью часть от асимметричных. В группе цилиндрических особое место занимают цилиндрические с выгнутой средней частью (рис.78: 3; 79: 22; 80: 1) и уплощенные. Грузики с выгнутой серединой имеют форму как бы колеса (рис. 74: 37). Подобных изделий в изучаемой коллекции немного — 28 экземпляров, что равно 2,3 % (табл. 28). Подобные грузики в дьяковской культуре М.Г. Гусаков относит к типу Б класс IX (Гусаков, 2003, с. 49–56). Что же касается цилиндрических уплощенных, то их совсем мало в Приднепровье, Посожье, как и на полесских памятниках. Изделия именно такой формы весьма характерны для населения племен культуры штрихованной керамики (Митрофанов, 1978, с. 40–41; Ильютик, 1994, с. 183–198; Медведев, 1996, с. 34–36, рис. 60–68).

Надо полагать, что орнаментацию содержит меньшая часть рассматриваемой коллекции грузиков. По предварительным подсчетам О.Н. Мельниковской, на памятниках Приднепровья орнаментировалось около 50 % изделий (Мельниковская, 1967, с. 118, рис. 52; 53; 54). Здесь следует заметить, что такие сведения, наверное, более характерны для Асаревичского, Горошковского и Милоградского городищ. На других же памятниках лепных пряслиц с узорами значительно меньше, как, например, на Глыбовском — 1 из 5, Отрубы — 1 из 7, Черное — 6 из 31. В Полесье удельный вес грузиков с орнаментом составляет 18,2 % (Лашанкоў, 1989, с. 78, мал. 2). С одиннадцати памятников Посожья на городищах Борхов, Ленино, Нисимковичи, Присно II, Чечерск грузики (106 экз.) не имеют узоров. А на поселениях Ворновка, Любны, Подгорье, Уваровичи, Уза, Шепотовичи из 324 экземпляров орнамент есть только у 44 предметов. По всему Посожскому региону их удельный вес — 10,2 %, что, как видим, еще меньше, чем в Полесье.

Узоры на рассматриваемых предметах самые разнообразные. Одни рисунки выделяются осмысленностью, а другие — хаотичными изображениями (рис. 82). По технике исполнения орнаменты двух видов: ямочные и нарезные. Ямочки от вдавлений разные — маленькие в виде точек (точечные) и диаметром 0,2–0,4 см. Последние, в зависимости от сечения палочки, круглые, прямоугольные, квадратные, треугольные в плане (рис. 76: 5; 77: 4, 8, 9; 78: 1, 7, 9, 13, 29, 30; 79: 7, 8, 17, 18, 20). Необходимо отметить, что вдавления на грузиках выполнены не только заостренной либо прямо срезанной палочкой, но в некоторых случаях — трубчатой косточкой, что фиксирует дно таких углублений. Обычно ямочки покрывают верхнюю половину грузиков и редко — всю поверхность изделия. Нарезки в виде неглубоких черточек или врезок выполнены острым предметом. Они, как и ямочки, несут изображения каких-то рисунков: крестиков, заштрихованные кресты, пяти- или шестиконечные звезды, круги, треугольники (рис. 75: 2, 4; 77: 2, 21; 78: 4–6; 79: 9, 19, 20; 82: 25–32, 39, 40). Разнообразие рисунков на глиняных грузиках, возможно, объясняется их семантической направленностью, связанной с конкретным мировоззрением коллектива обитателей того или иного поселения. Рассматривая аналогичные материалы с полесских памятников, автор отмечал поклонение «милоградцев» солнцу, огню и плодородию (Лашанкоў, 1989, с. 79–81; Амброз, 1965, с. 14–27; он же, 1966, с. 61–76; Бессонова, 1983, с. 75). Нельзя не заметить, что

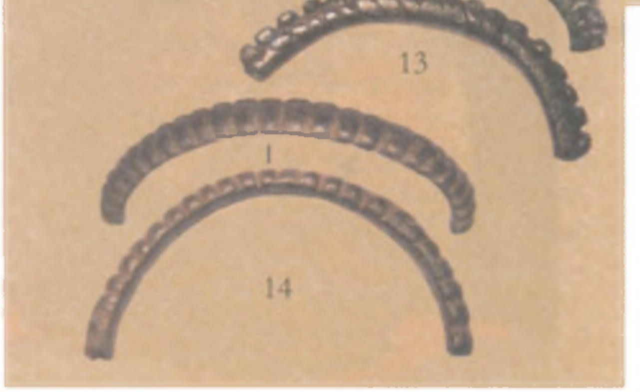

I. 1 — Городище Хойники – Будавник.
Вид с востока.
2 — Раскоп 1977 года на городище Липняки.
Вид с западной стороны.
3 — Горшок из грунтового погребения.
Могильник Левановщина.

II. 4 — Каменный топор из слоя городища Лиски.
5 — Восстановленный сосуд с Лисковского городища.
6 – 9 — Бронзовые двухлопастные наконечники стрел. Селище Хильчицы.
10 — Бронзовая серьга. Лиски.
11 — Фрагмент бронзового браслета с городища Ястребка.
12 – 14 — Браслеты с городища Лиски.

III. 15 — Серповидное орудие. Лиски
16 — Обломок лезвия топора. Лиски.
17 – 30 — Глиняные грузики (17 – 22, 24, 27 – 30, Лиски; 23, 25, 26, Старое Красное).

31

32

33

IV. 31, 32 — Бронзовые зеркала с городища Лиски.
33 — Первое Моховское городище. Внешний склон вала и ров с напольной стороны.

34

35

36

37

38

V. 34 — Серьга с селища Лемешевичи.

35 — Колокольчиковидная подвеска с сёлища Лемешевичи.

36 — Трехлопастный наконечник стрелы. Лемешевичи.

37, 38 — Многовитковые спирали украшений. Лемешевичи.

VI. 39 — Трехгранный наконечник стрелы. Лемешевичи; 40 — Окончание украшения в виде конической спирали. Лемешевичи; 41 — Деформированиое колечко с городища Отрубы; 42 — Железный нож. Отрубы; 43 — Наконечник стрелы. Лемешевичи. 44, 45 — Миниатюрные сосудики с орнаментами. Городище Подгорье; 46–48 — Катушковидные грузики. Подгорье.

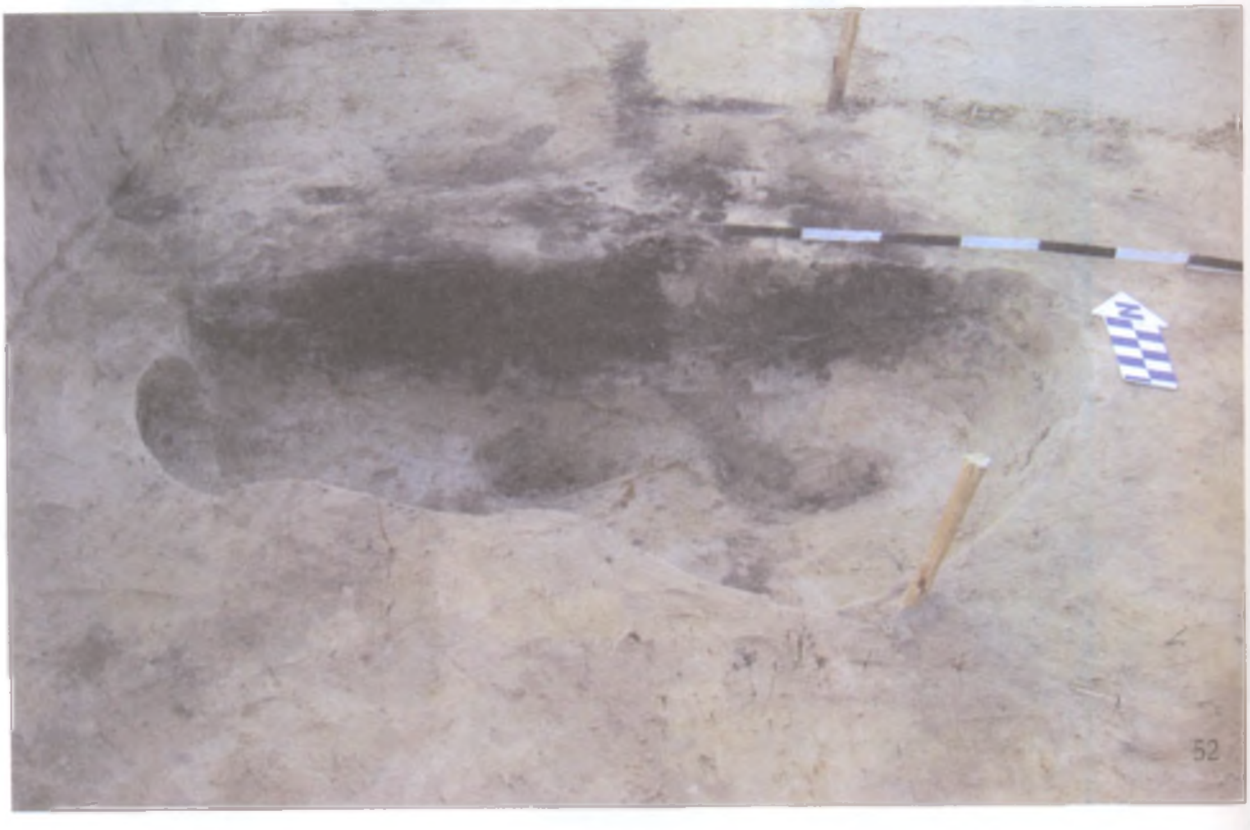
49

50

VII. 49 — Железный кинжал-акинак.
50 — Железный меч.
(Все – Асаревичи, 2006 г.)

VIII. 51 — Городище милоградской культуры "Шолохова Гора" возле д. Мохов.
52 — Погребение на площадке городища по обряду сожжения.
(фото Н.Н. Кривальцевича).

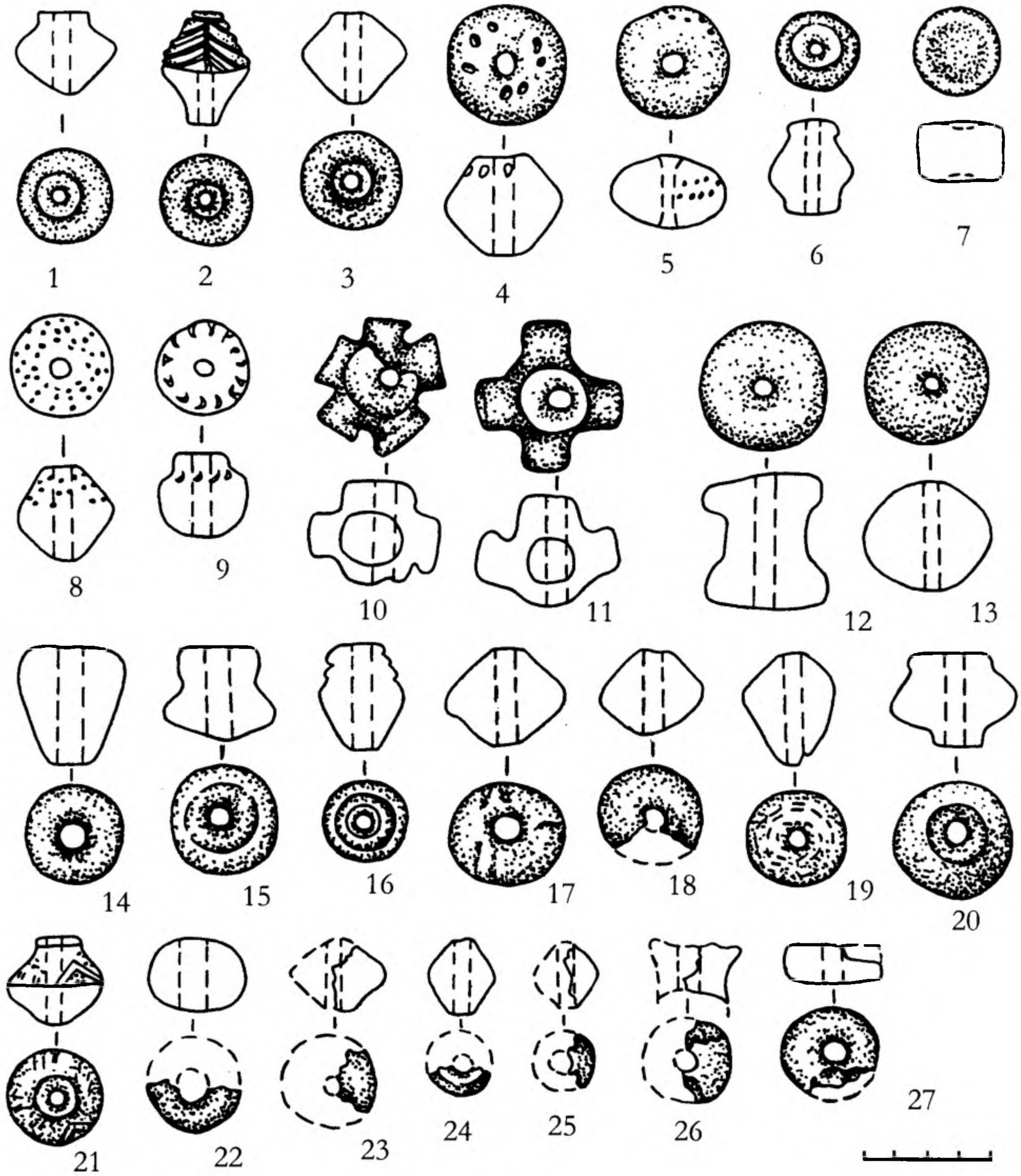

Рис. 77. Грузики с городищ Уза (1 – 3, по С.Е. Рассадину), Любны (4 – 9), Отрубы (10 – 13) Липняки (14 – 27)

орнаментальные рисунки на милоградских грузиках существенно отличаются от таковых у населения Троицкого городища дьковской культуры (Смирнов, 1971, с. 86, 88, 95, 96, рис. 1–4, 6). Многие из рисунковсимволов на грузиках являются результатом религиозно-магических представлений носителей этой общности. Именно

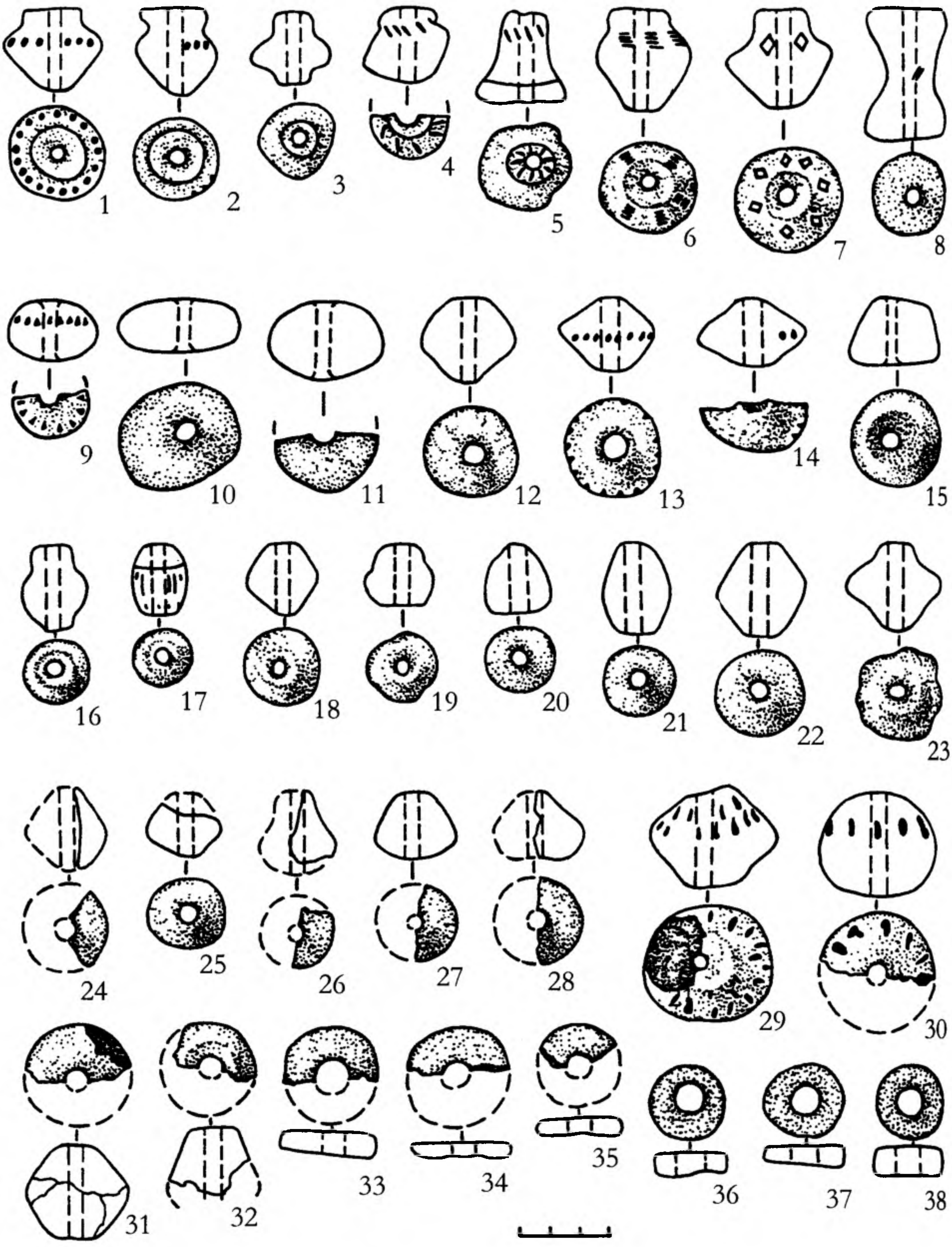

Рис. 78. Грузики с городищ Любны (1 – 15); Ястребка (16 – 28); Расвет (29 – 32); Холопеничи (33 – 38)

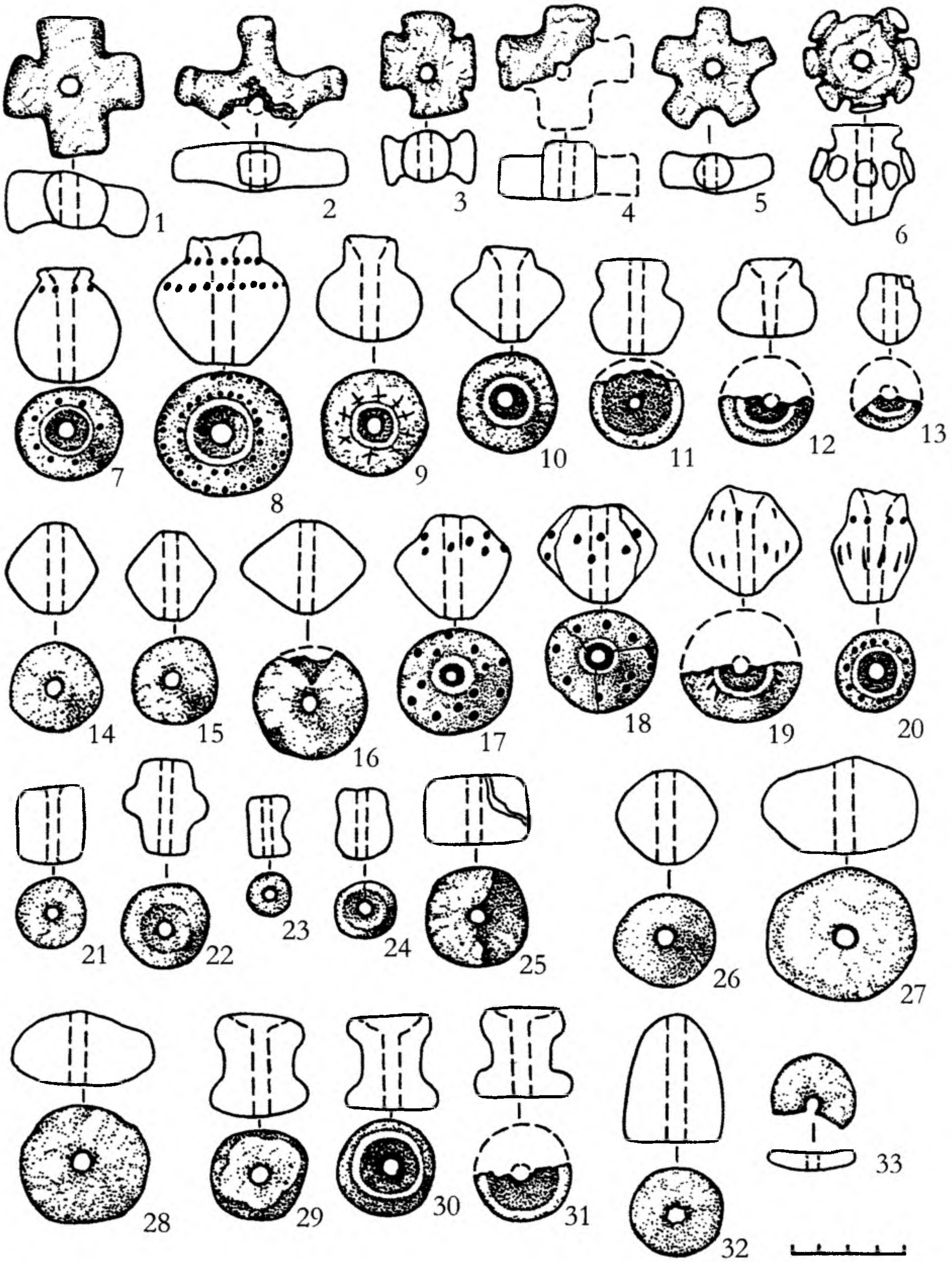

Рис. 79. Грузики с городища Старое Красное

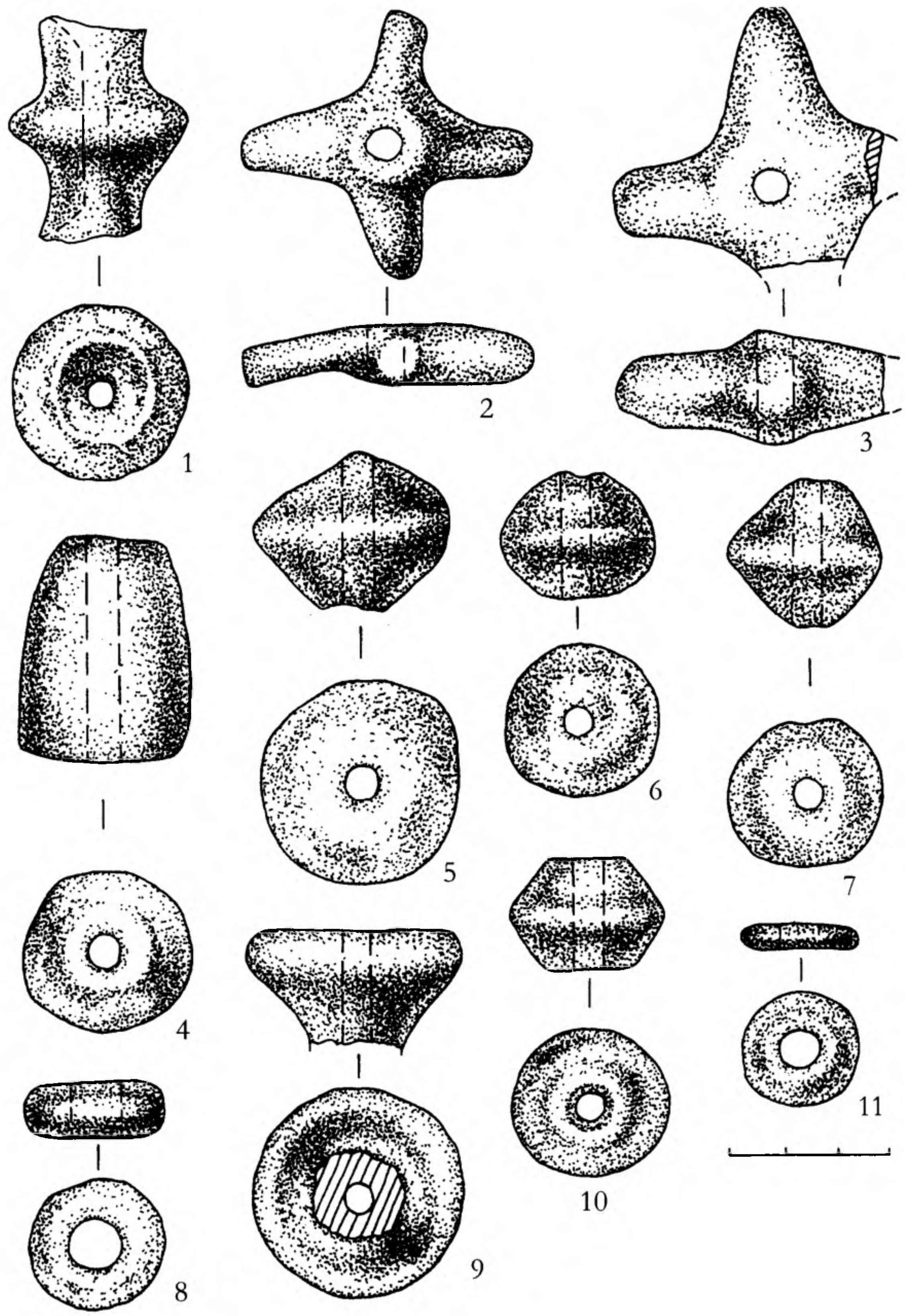

Рис. 80. Грузики с городища Чечерск (по И.М. Чернявскому)

Таблица 28

Сводная таблица форм глиняных грузиков населения милоградской культуры Беларуси

Памятники	Формы																Всего
	крестовидные	пятирогие	шестирогие	сосудовидно-рожковые	сосудовидные	биконические	бочковидные	шаровидные	эллипсовидные	конусовидные	колоколовидные	катушковидные	цилиндрические	цил. с выгнутой серединой	цилиндрические уплощенные	точеные	
Посожье																	
Борхов					2	1		1		1							**5**
Ворновка						2		2				3	1				**8**
Ленино					2	17											**19**
Любны	2				20	17		18	4	1	1	2	3	2	2		**72**
Нисимковичи								1				1					**2**
Присно II	1				2	3		1	1			1					**9**
Подгорье	1				7	26				2		7	6				**49**
Уваровичи	2	1			33	44	5	30	20		7	9	4	1			**162**
Уза					4	8						1					**13**
Чечерск	3				1	15	10	20	2	1		5	10	1	2	1	**71**
Шепотовичи	2				1	13		2				2					**20**
По региону	**11**	**1**	**–**	**–**	**72**	**146**	**15**	**75**	**27**	**5**	**8**	**31**	**24**	**10**	**4**	**1**	**430**
Приднепровье																	
Асаревичи					3	3	1	1									**8**
Глыбов	1					1		1				1			1		**5**
Горошков	10	1	1		89	42		24	5	6	35		1	8	3		**225**
Милоград	3		1		21	6		4		1	1	4	1				**43**
Мохов I					1	1					1	1					**4**
Мохов II					1			3	1								**5**
Отрубы	1	1		1	5		1	1				4					**14**
Чаплин	4				26	65		21	12	2	2	9	6				**147**
Черное	4			3	11	6	2	1				4					**31**
По региону	**23**	**2**	**2**	**5**	**157**	**124**	**4**	**56**	**18**	**9**	**39**	**23**	**8**	**8**	**4**	**–**	**482**
Полесье																	
Ивань								1	8		2	3				3	**17**
Лемешевичи	5					1			4				1			1	**12**
Лиски	18	3	3	3	79	39		9	2	1		11	3	2	4		**177**
Липняки						8		1		2		1		1	1		**14**
Рассвет						4											**4**
Старое Красное	11	1		2	23	17		2	5			8	3	5	1	1	**79**
Холопеничи															4	2	**6**
Ясенец I	1				2	2			3			1	3				**12**
Ястребка					2	7				1			1	2			**13**
По региону	**35**	**4**	**3**	**5**	**106**	**78**	**–**	**13**	**22**	**4**	**2**	**24**	**11**	**10**	**10**	**7**	**334**
По культуре	**69**	**7**	**5**	**10**	**335**	**348**	**19**	**144**	**67**	**18**	**49**	**78**	**43**	**28**	**18**	**8**	**1246**

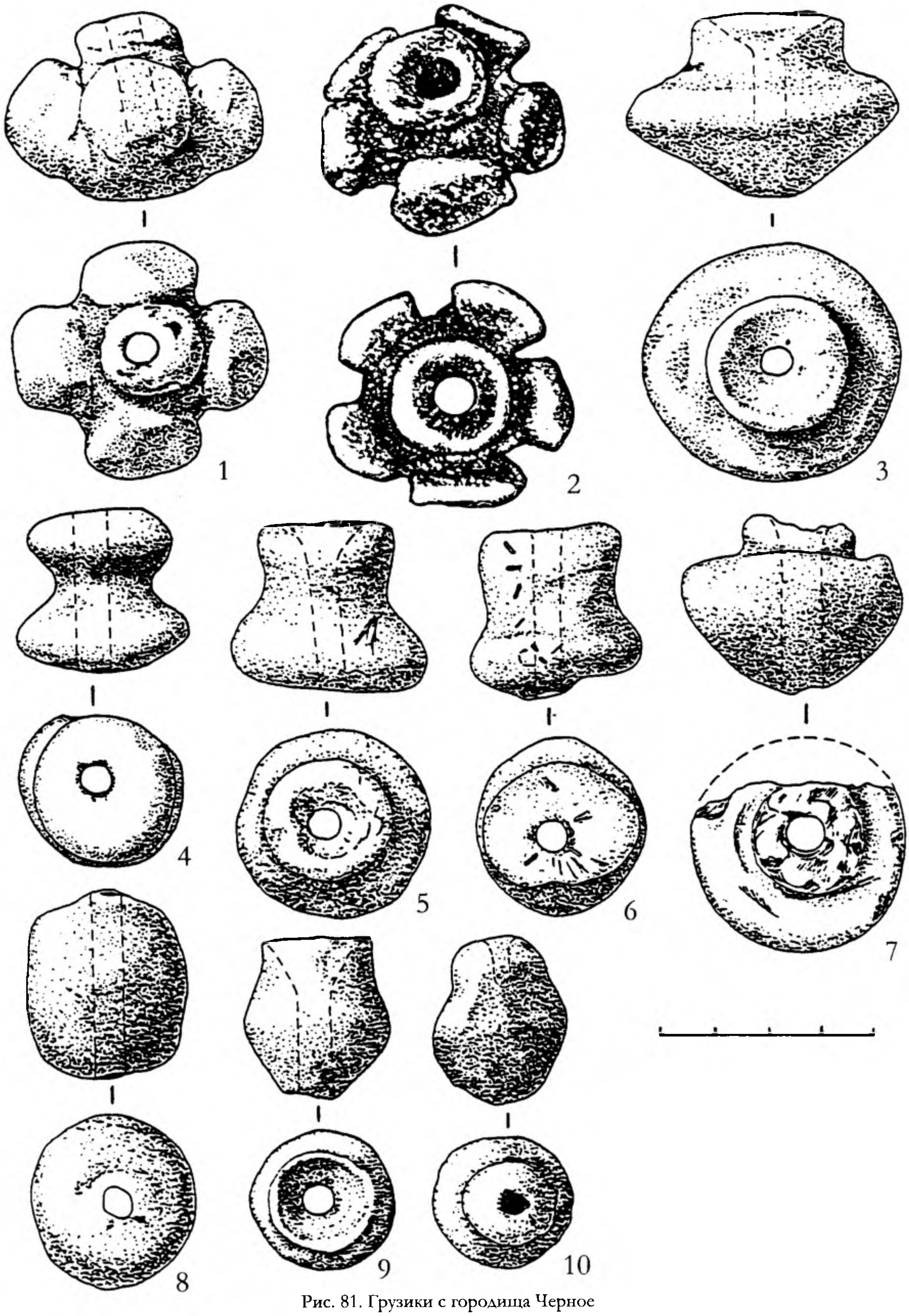

Рис. 81. Грузики с городища Черное

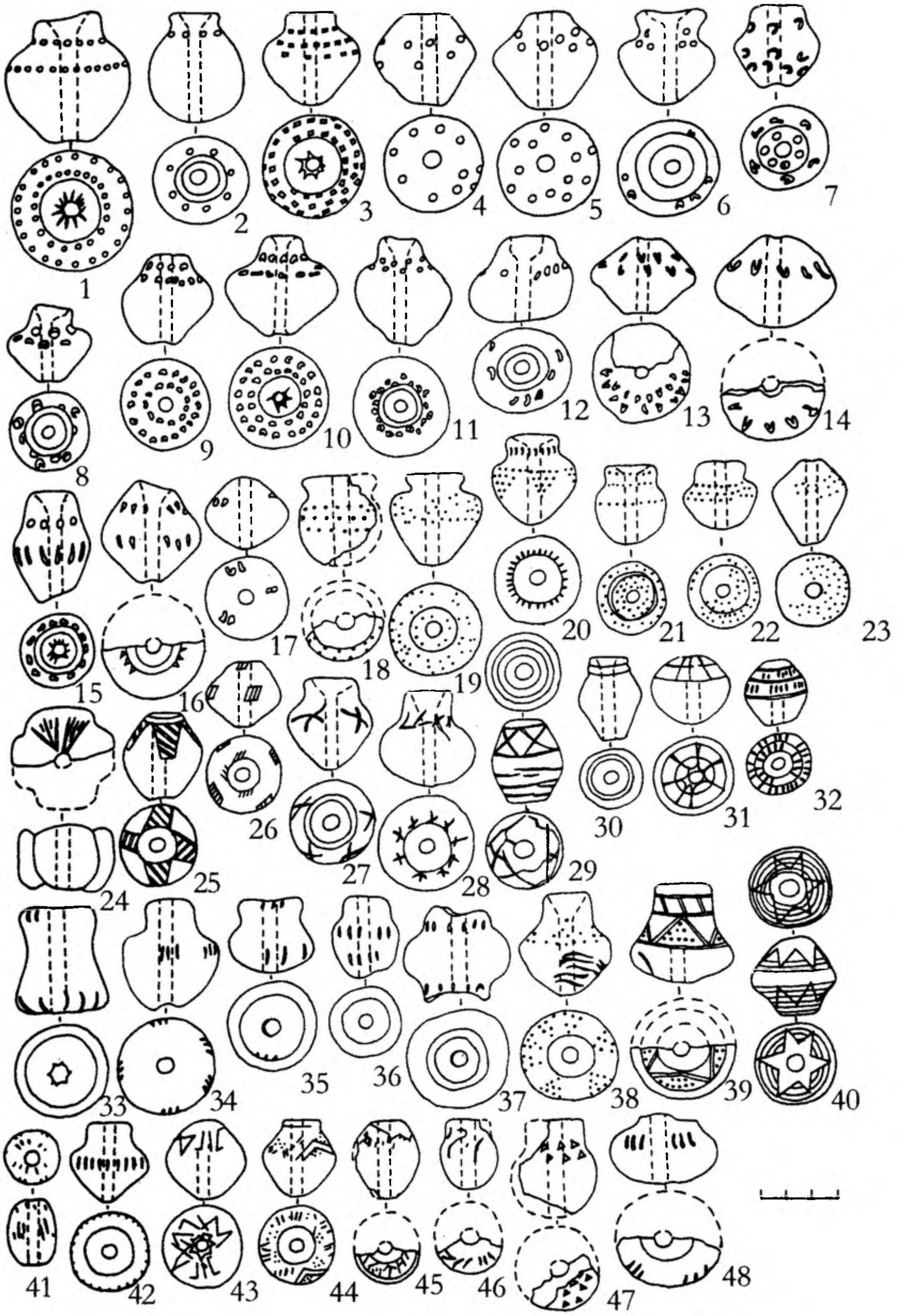

Рис. 82. Орнаменты на грузиках населения милоградской культуры (1, 2, 4, 5, 9, 11, 12, 15, 16, 21, 22, 24, 27, 28, 42, 45 – 47 — Старое Красное; 3, 6, 7, 9, 10, 18 – 20, 25, 26, 29, 31 – 40, 43, 48 — Лиски; 17, 23, 30, 44 — Липняки; 13, 14 — Рассвет; 41 — Ястребка)

на культовый характер изображений на грузиках-пряслицах обращала внимание исследовательница этих древностей О.Н. Мельниковская (Мельниковская, 1967, с. 118, 119, 148–151). Естественно, что не все из имеющихся на поселениях грузики имели такое назначение. Можно предположить, что в религиозных целях использовалось совсем малое их количество, тогда как все остальные лепились для практического назначения. Семантические значения некоторых видов осмысленных рисунков, как и их описания, приведены в публикациях О.Н. Мельниковской и автора (Мельниковская, 1967, с. 118, 148–151; Лашанкоў, 1989, с. 78–81). Грузики с различными рисунками вполне могут быть предметами для особого рассмотрения (рис. 82). Так, например, С.Е. Рассадин полагает, что рисунок, выполненный точечными вдавлениями на катушковидном грузике с городища Присно II, содержит полный цифровой ряд от единицы до десятки и являет собой десятеричную систему счета, известную, по его мнению, и «милоградцам» (Рассадин, 2006, с. 208–209, рис. 1). М.Г. Гусаков, соглашаясь с С.Е. Рассадиным в том, что катушковидный грузик с точечными изображениями — предмет для счета, усматривает в нем еще вещьпамятку (Гусаков, 2008, с. 286–287). О.Н. Мельниковская допускает мысль о совмещении у этих предметов бытовых и культовых функций.

Вопрос о назначении глиняных грузиков является дискуссионным. Сложились четыре взгляда на способы их применения: 1) для натягивания нитей основы в вертикальных станках (Бадер, 1950, с. 104; Дубынин, 1974, с. 246); 2) для прядения с помощью веретен, где они выполняли роль маховичков (Радзіевська, 1979, с. 19–26; Шендаков, 1970, с. 238–241; Післарій, 1982, с. 70–81; Гаврилюк, 1987, с. 116–130); 3) для натягивания нитей в станках (приспособлениях) с горизонтальной основой (Чернай, 1981, с. 111–120; Крис, 1982, с. 41); 4) в культовых целях (Третьяков, 1959, с. 136; Смирнов, 1961, с. 48; Дубынин, 1966, с. 269; Мельниковская, 1967, с. 119, 148; Березанская, 1982, с. 178; Гусаков, 2003, с. 50). Автор разделяет точку зрения тех исследователей, которые считают, что основное назначение грузиков состоит в натягивании нитей в приспособлениях с горизонтальной основой (Лашанкоў, 1989, с. 78; Віннікава, 1994, с. 38).

В процессе раскопок поселений грузики встречались в толще культурных отложений стратиграфически и планиграфически болееменее равномерно. В отдельных случаях они могли находиться кучно. На памятниках Приднепровья наблюдалась концентрация их в жилых, хозяйственных и культовых сооружениях. На полесских поселениях их фиксировали не только в слое, но и в хозяйственных ямах, в насыпях оборонительных валов. Изредка они входили в состав погребального инвентаря (Мельниковская, 1962, с. 166, рис. 5: 7–9). Разного рода наблюдения показывают, что рассматриваемые нами грузики очень редко могут иметь относительно узкую хронологию. Это обстоятельство позволяет исследователям использовать их иногда как датирующие вещи, а также в качестве этноопределяющих предметов.

Рассматривая полесские материалы, автор пришел к заключению, что изделия рожкового типа (крестовидные, пяти- и шестирогие, сосудовидно-рогатые) в милоградских древностях относятся к раннему этапу культуры (Лашанкоў, 1989, с. 76). Аналогичные находки на памятниках Приднепровья и Посожья как будто бы не противоречат этому. Отсутствие же в большинстве случаев узких датировок таких изделий привело к тому, что исследователи стали ограничивать их временные рамки общим для данного поселения временем. Поэтому утверждение О.Н. Мельниковской о том, что «все основные типы их были распространены в течение всего периода существования милоградской культуры», остается в силе (Мельниковская, 1967, с. 119).

Глава IV

Хозяйственно-ремесленная деятельность племен

1. Скотоводство

Скотоводство наряду с земледелием было ведущей отраслью в хозяйстве племен, населявших территорию Южной Беларуси еще в эпоху бронзы (Очерки…, 1970, с. 112–113, 115, 133, 134; Гаспадарчыя заняткі насельнікаў, 2000, с. 80). Велико его значение было и в раннем железном веке у населения милоградской культуры Приднепровья (Мельниковская, 1967, с. 132–137). Эта отрасль древнего хозяйства у «милоградцев» охарактеризована О.Н. Мельниковской по материалам с памятников, раскопки на которых проводились в довоенное время (Чечерск, Шеповичи) и в середине прошлого века. В 50-е годы основная коллекция костей получена исследовательницей с городища Горошков, которое раскапывалось ею девять лет — 1952, 1954–1961 гг. Из остеологической коллекции в десять тысяч единиц В.И. Цалкин определил только 26,3 % костей по видам и количеству особей (Цалкин, 1962, с. 8, 77, прилож. № 9). Полученные им данные были рассмотрены О.Н. Мельниковской при описании скотоводства у племен милоградской культуры. Позднее, со второй половины 70-х годов до Чернобыльских событий 1986 года, автором проведены большие раскопки городищ этой же культуры, расположенных в Восточно-полесской низменности. О важной роли скотоводства в экономике милоградских общин свидетельствует фаунистический материал, полученный с ряда новых памятников (табл. 29). Определения остеологических коллекций с них выполнены археозоологами В.В. Щегловой и А.А. Разлуцкой. По причине плохой сохранности материалов значительная часть их (около 65%) с исследованных памятников оказалась непригодной для определений.

Довольно часто кости и зубы животных встречались в культурном слое в полуистлевшем либо истлевшем состоянии. Такая сохранность их объясняется свойствами

Таблица 29

Коллекции костей с городищ милоградской культуры

Памятники	Исследователи и годы раскопок	Вскрытая площадь, кв. м	Количество костей	
			выявлено, экз.	определено, экз.
Полесье				
1. Липняки	Гурин М.Ф., 1976 г. Лошенков М.И., 1977 г.	1100	19	19
2. Лиски	Лошенков М.И., 1980–1983 гг.	2620	740	535
3. Рассвет	Лошенков М.И., 1983 г.	160	1592	321
4. Старое Красное	Лошенков М.И., 1982, 1983 г.	480	523	208
5. Ястребка	Лошенков М.И., 1978, 1979 г.	1396	1527	443
Посожье				
6. Чечерск	Лявданский А.Н., Дубинский С.А, 1928 г. Ткачев М.А., 1974 г.	163 + (?)	(?)	970*
7. Шепотовичи	Лявданский А.Н., Дубинский С.А., 1928 г. Дробушевский А.И., 1982	54 + (?)	591 + (?)	267
Приднепровье				
8. Отрубы**	Дубицкая Н.Н., 1997, 2000–2006 гг.	336	289	186
9. Черное	Лошенков М.И., 2003, 2004 гг.	120	642	542

* Фоссилии, относящиеся только к раннему железному веку.
** Фаунистический материал с поселений Отрубы и Черное определен А.А. Разлуцкой, а с остальных памятников — В.В. Щегловой

песчаных почв, которые на небольшой глубине (0,3–0,6 м) не способствуют консервации фоссилий. В силу отмеченных природных условий на городищах Ясенец I и Городок они, например, не зафиксированы авторами раскопок (Залашка, 1983, с. 73–77; Дубицкая, 1985, с. 385). На наиболее северном поселении — городище Холопеничи, А.А. Егорейченко получил коллекцию зубов и костей животных (Егорейченко, 1982а, с. 70). Определение этой коллекции выполнила Н.П. Александрович. На вскрытой площади 336 кв. м городища Отрубы Н.Н. Дубицкая выявила остеологическую коллекцию в 289 экземпляров. А.А. Разлуцкая, определявшая ее, установила видовую принадлежность фоссилий как домашним, так и диким животным (Дубицкая, 2003, с. 63; она же, 2005, с. 82, табл. 2; она же, 2005а, с. 58).

Намного реже на территории изучаемого населения встречаются памятники, культурный слой которых обильно насыщен остеологическим материалом. Уникальным в этом отношении является городище Рассвет, где на площади раскопа в 160 кв. м собрана коллекция костей численностью 1592 экземпляра. Около 80 % неопределимого материала в ней составляют сильно раздробленные кости животных, что свидетельствует об употреблении в пищу жителями поселения не только мяса, но и костного мозга.

Почти весь рассматриваемый нами фаунистический материал происходит из культурного слоя поселений. Лишь незначительное количество его выявлено в материковых ямах, как, например, на городищах Ястребка, Лиски, Любны, Холопеничи и Черное. В заполнениях ям кости встречались

Таблица 30

Фаунистические материалы с городищ Посожья

Виды животных	По В.И. Громову	По В.В. Щегловой		Всего	
	кости	кости	особи	кости	особи
Чечерск					
	1930 г.	1974 г.			
Собака	–	1	1	1	1
Свинья*	–	186	55	186	55
Мелкий рогатый скот	26	96	34	122	35**
Крупный рогатый скот	100	288	53	388	54
Лошадь	22	26	14	48	15
Домашние	148	597	157	745	160
Заяц	4	5	5	9	6
Выдра	–	2	2	2	2
Бобр речной	9	17	15	26	16
Куница лесная	–	1	1	1	1
Волк	2	–	–	2	1
Медведь бурый	3	–	–	3	1
Кабан*	–	20	9	20	9
Косуля обыкновенная	7	1	1	8	2
Лось	14	55	24	69	25
Зубр европейский	–	2	2	2	2
Дикие	39	103	59	142	65
Всего	**187**	**700**	**216**	**887**	**225**
Шепотовичи					
	1930 г.	1982 г.			
Собака	–	3	1	3	1
Свинья***	–	20	3	20	3
Мелкий рогатый скот	15	11	1	26	2
Крупный рогатый скот	59	51	3	110	4
Лошадь	40	19	2	59	3
Домашние	114	104	10	218	13
Заяц	–	1	1	1	1
Бобр	3	1	1	4	2
Рысь	–	1	1	1	1
Кабан***	–	2	1	2	1
Косуля	–	1	1	1	1
Лось	7	–	–	7	1
Дикие	10	6	5	16	7
Всего	**124**	**110**	**15**	**234**	**20**

* В.И. Громов дал кости домашней свиньи и дикой (кабана) в совокупности, в связи с чем 83 экземпляра их в данную таблицу не включены.
** Количество костей в определениях В.И. Громова автор принимает за минимальное число особей — 1.
*** В.И. Громов дал в совокупности кости свиньи домашней и дикой (кабана), поэтому 33 экземпляра их в данную таблицу автор не включил

вместе с фрагментами керамики, а иногда и грузиками. В предматериковом слое городища Лиски обнаружено скопление зубов животных (лошади и быка) вместе с болотной рудой, которые были сложены в небольшую грудку. Кроме того, кости животных выявлены в земляных насыпях оборонительных валов. В Лисках они найдены в подсыпке вала, сделанной культурным слоем. В насыпи основного вала поселения Ястребка, также состоящего отчасти из культурного слоя, выявлено 86,5 % костей всей коллекции. Здесь же обнаружены кости человека, остатки двух собак и дикой лесной кошки (Лошенков, 1988, с. 77–78; Щеглова, 1995, с. 173–175). А.А. Егорейченко зафиксировал кости животных (6 экз.) в насыпи вала Холопеничского городища (Егорейченко, 1978,

д. 595). Встречались они и в валу городища Любны (Ющенко, 1925, д. 175; Лашанкоў, 1993б, с. 30).

Городище Липняки содержало в себе милоградско-зарубинецкие культурные отложения и в небольшом количестве материалы эпохи Киевской Руси (Гурын, 1984, с. 67–73). Ввиду незначительной мощности слоя и распаханности его верхнего горизонта расчленить малочисленную коллекцию костей по культурам не представилось возможным. Имеющиеся сведения по костному материалу болотного городища Борхов на левобережье Днепра носят слишком общий характер (Мельниковская, 1967, с. 134). Ценность коллекции с поселения Холопеничи также снижается по ряду причин. Автор раскопок дважды публикует интересующую нас информацию. Так, в статье он сообщает, что «напластования культурного слоя содержали большое количество костей животных», с чем вряд ли можно согласиться, если учесть вскрытую площадь — 246 кв. м и полученную с нее остеологическую коллекцию в 72 экземпляра (Егорейченко, 1982а, с. 70; Егорейченко, 1978, д. 595; Лашанкоў, 1999б, с. 35, 36). Цифры, скорее, говорят об обратном, нежели подтверждают высказанную автором мысль. В монографии «Древнейшие городища Белорусского Полесья» А.А. Егорейченко приводит таблицу № 2 видового состава домашних животных в процентном выражении (Егорейченко, 1996, с. 53). Во второй публикации коллекция костей с Холопеничского городища представлена таким образом, что неизвестно, какое количество из них определено Н.П. Александрович. Еще в середине 50-х годов прошлого века В.И. Цалкин обращал особое внимание археозоологов на методы обработки остеологических материалов с целью получения из них максимальной информации (Цалкин, 1956, с. 119–124). Следовательно, для характеристики скотоводства в Полесском регионе Беларуси основной материал дают однослойные городища милоградской культуры: Лиски, Рассвет, Старое Красное, Ястребка (табл. 29; 31).

Природные условия юга Беларуси в целом благоприятствовали развитию животноводства. Луга поймы Припяти и ее притоков характеризовались обильным травостоем. Качественная оценка их кормовых угодий в настоящее время — высокая биологическая продуктивность и урожайность (Санько, 1983, с. 86–135, 165–173, 178–183, 235–240). Есть все основания полагать, что такой же, если не более продуктивной она была и в I тысячелетии до н. э. Заливные пойменные луга не только являлись пастбищем для скота, но и позволяли заготавливать необходимое количество кормов на зимний период. Обширные площади лугов чередовались с редколесьем и лесными массивами. Такой природный ландшафт Полесья с высокой биопродуктивностью предопределял в некоторых местах сравнительно более высокий удельный вес животноводства, нежели земледелия, как в раннем железном веке, так и в более позднее время (Лошенков, 1982, с. 82; Титов, 1983, с. 85–86; Мядзведзеў, 2000, с. 106).

Касаясь региона Приднепровья, отметим, что новые остеологические коллекции получены с городищ Отрубы и Черное (табл. 29; 31). Они в какой-то мере дополняют данные по хрестоматийному Горошкову. Памятники региона Посожья, в отличие от Полесья и Приднепровья, имеют, с одной стороны, напластования милоградского и зарубинецкого населения, и с другой — они содержат бóльшее количество фоссилий. Например, по сведениям автора раскопок городища Уваровичи А.И. Дробушевского, интересующая нас коллекция составляет около 30 тыс. единиц (Дробушевский, 1995,

Таблица 31

Процентное соотношение костей и особей домашних животных на городищах милоградской культуры

Наименование видов	Кости			Особи		
	количество	% к числу всех животных	% к числу домашних животных	количество	% к числу всех животных	% к числу домашних животных
Липняки						
Крупный рогатый скот	5	–	26,4	1	–	20
Лошадь	12	–	63,2	2	–	40
Свинья	1	–	5,2	1	–	20
Мелкий рогатый скот	1	–	5,2	1	–	20
Всего	**19**	**–**	**100**	**5**	**–**	**100**
Лиски						
Крупный рогатый скот	335	62,68	66,3	16	42,11	48,5
Лошадь	150	27,99	29,6	11	28,95	33,4
Свинья	8	1,5	1,6	4	10,53	12,1
Мелкий рогатый скот	13	2,42	2,5	2	5,26	6,0
Всего	**506**	**94,59**	**100**	**33**	**86,85**	**100**
Рассвет						
Крупный рогатый скот	125	40,32	41,6	3	13,63	16,7
Лошадь	82	26,45	27,2	3	13,63	16,7
Свинья	32	10,32	10,6	4	18,18	22,2
Мелкий рогатый скот	39	12,58	13,0	2	9,1	11,1
Собака	23	7,41	7,6	6	27,28	33,3
Всего	**301**	**97,12**	**100**	**18**	**82,6**	**100**
Старое Красное						
Крупный рогатый скот	101	48,56	51,0	4	33,34	40
Лошадь	80	38,48	40,5	4	33,34	40
Свинья	6	2,88	3,0	1	8,33	10
Мелкий рогатый скот	11	5,28	5,5	1	8,33	10
Всего	**198**	**95,2**	**100**	**10**	**83,34**	**100**
Ястребка						
Крупный рогатый скот	180	40,63	43,7	8	24,25	28,6
Лошадь	97	21,9	23,6	5	15,15	17,8
Свинья	50	11,3	12,1	6	18,18	21,5
Мелкий рогатый скот	37	8,35	9,0	5	15,15	17,8
Собака	48	10,83	11,6	4	12,12	14,3
Всего	**412**	**95,26**	**100**	**28**	**87,88**	**100**
Чечерск						
Крупный рогатый скот	388	43,7	52,1	54	24,1	33,7
Лошадь	48	5,4	6,4	15	6,7	9,4
Свинья	186	21	25	55	24,5	34,4
Мелкий рогатый скот	122	13,7	16,4	35	15,5	21,9
Собака	1	0,1	0,1	1	0,4	0,6
Всего	**745**	**83,9**	**100**	**160**	**71,2**	**100**
Шепотовичи						
Крупный рогатый скот	110	47	50,4	4	20	30,7
Лошадь	59	25,2	27	3	15	23,1
Свинья	20	8,5	9,2	3	15	23,1
Мелкий рогатый скот	26	11,2	12	2	10	15,4
Собака	3	1,3	1,4	1	5	7,7
Всего	**218**	**93,2**	**100**	**13**	**65**	**100**
Отрубы						
Крупный рогатый скот	55	29,5	35,8	9	25,8	37,5
Лошадь	66	35,5	42,8	9	25,8	37,5
Свинья	5	2,7	3,2	1	2,8	4,2
Коза	3	1,6	2,0	1	2,8	4,2
Овца	22	11,9	14,2	3	8,6	12,4
Собака	3	1,6	2,0	1	2,8	4,2
Всего	**154**	**82,8**	**100**	**24**	**68,6**	**100**
Черное						
Крупный рогатый скот	151	28,2	35,9	14	15,2	22,5
Лошадь	89	16,6	21,1	13	14,1	21
Свинья	55	10,3	13	10	10,9	16,2
Коза	27	5	6,4	7	7,6	11,3
Овца	70	13,1	16,6	13	14,1	21
Мелкий рогатый скот	13	2,4	3	2	2,2	3,2
Собака	17	3,2	4	3	3,3	4,8
Всего	**422**	**78,8**	**100**	**62**	**67,4**	**100**

с. 91, 94). К числу памятников с большим количеством костей относится и городище Любны. На вскрытой его площади 289,5 кв. м получена коллекция более чем в 5 тыс. единиц материалов (Сычев, 1976, д. 544; он же, 1977, д. 561; Он же, 1978, д. 657; Лашанкоў, 1993б, с. 35). Приходится констатировать, что остеологические материалы с поселений Любны, Подгорье и Уваровичи не обработаны археозоологами, в силу чего недоступны для характеристики этого региона. Новые данные по Посожью имеются с городищ Чечерск и Шепотовичи (табл. 30; 31), благодаря исследованиям М.А. Ткачева и А.И. Дробушевского (Ткачев, 1974, д. 470; Дробушевский, 1995, с. 41–42).

После некоторых замечаний о сохранности фаунистических коллекций в культурном слое ряда вышеотмеченных поселений милоградской культуры, обратимся к результатам их определений. Несмотря на малочисленность костных остатков, они все же являются единственным источником для освещения вопросов занятости скотоводством изучаемого древнего населения. Выявленные на милоградских памятниках остеологические коллекции четко разделены археозоологами по принадлежности домашним и диким животным. Кости именно домашних животных являются объектами нашего рассмотрения. На поселениях милоградских общинников они доминируют, что хорошо иллюстрирует специальная таблица (табл. 31, рис. 89). С целью выявления локальных особенностей составадомашних стад в разных регионах проживания «милоградцев», остановимся на сравнительной характеристике животных по видам.

Крупный рогатый скот (Bos taurus L.). На милоградских городищах Полесья, как в Приднепровье и Посожье в целом, доминирующее положение в стадах домашних животных занимает крупный рогатый скот (табл. 30–32; рис. 88).

Именно он давал основное количество мясной и молочной пищи обитателям поселений. Бык, кроме того, использовался в качестве тягловой силы, что, по-видимому, предопределило его главенствующее положение среди остального поголовья. Возрастной состав этого вида животных не противоречит, а подтверждает высказанное предположение: основная масса костей принадлежит взрослым особям. Лишь в Ястребке и Лисках обнаружены кости молодых быков по одной особи

Таблица 32

Состав костных остатков крупного рогатого скота с полесских городищ милоградской культуры

Названия костей	Городища				Всего
	Лиски	Рассвет	Старое Красное	Ястребка	
Рог		2			**2**
Череп		1		4	**5**
Череп лицевой		6			**6**
Череп мозговой		1			**1**
Отдельные зубы	272	7	40	24	**343**
Зубы верхние коренные	3	8	18	17	**46**
Зубы нижние коренные	33	9	20	13	**75**
Резцы				3	**3**
Верхняя челюсть		3		2	**5**
Нижняя челюсть	2	13	1	11	**27**
Атлант		1			**1**
Позвонки				12	**12**
Ребра				5	**5**
Лопатка		10		2	**12**
Плечевая	2	3		2	**13**
Лучевая		3	1	3	**7**
Локтевая			1	6	**7**
Тазовая		5		1	**6**
Бедренная		2		1	**3**
Большая берцовая	1	4	1	5	**11**
Пяточная	2	4		5	**11**
Таранная	7	4	4	4	**19**
Пястная		6	2		**8**
Плюсневая	1	1	1	2	**5**
Метаподии	4	2		17	**23**
Мелкие кости конечности	1	19	11	22	**53**
Фаланга			1	1	**2**
Фаланга первая		7		5	**12**
Фаланга вторая	1	1		7	**9**
Фаланга третья		3		3	**6**
Трубчатая				3	**3**
Всего:	**335**	**125**	**101**	**180**	**741**

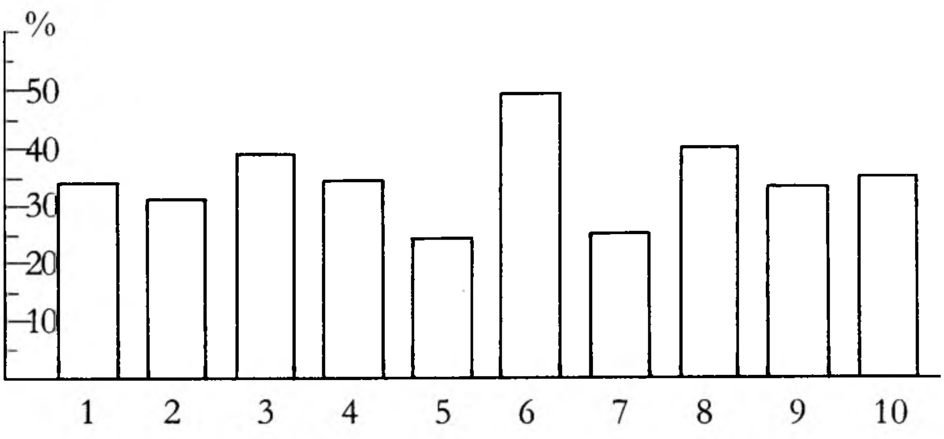

Рис. 83. Удельный вес крупного рогатого скота по количеству особей на милоградских памятниках Беларуси (1 — Чечерск, 2 — Шепотовичи, 3 — Горошков, 4 — Отрубы, 5 — Черное, 6 — Лиски, 7 — Рассвет, 8 — Старое Красное, 9 — Ястребка, 10 — среднее значение по культуре)

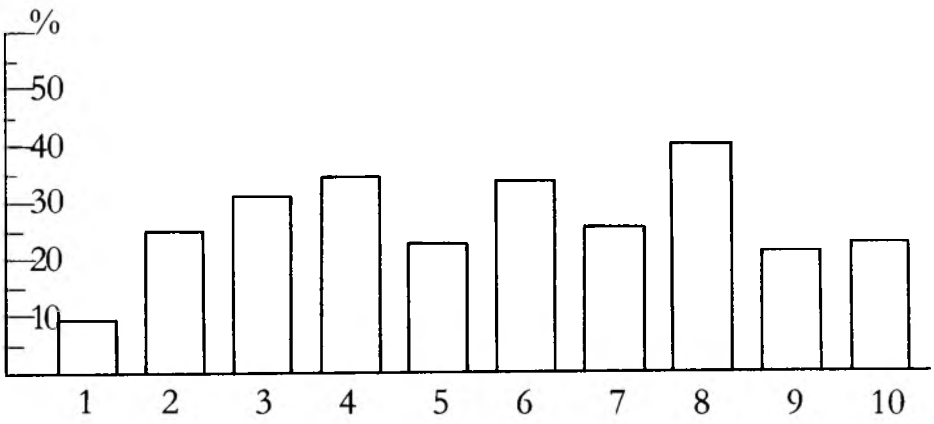

Рис. 84. Удельный вес лошади по количеству особей на милоградских памятниках Беларуси (1 — Чечерск, 2 — Шепотовичи, 3 — Горошков, 4 — Отрубы, 5 — Черное, 6 — Лиски, 7 — Рассвет, 8 — Старое Красное, 9 — Ястребка, 10 — среднее значение по культуре)

(Лошенков, 1982, с. 85). Кости крупного рогатого скота отмечены О.Н. Мельниковской на нижеследующих городищах Приднепровья: Глыбовском, Горошковском, Милоградском, первом и втором Моховских, Чаплинском (Мельниковская, 1967, с. 134). По нашим наблюдениям, костные остатки рассматриваемого животного есть на всех городищах Полесской низменности, на которых в ходе раскопок выявлен остеологический материал. Так, по данным А.А. Егорейченко, кости быка домашнего на городище Ивань составляют 45,5 %, а на Холопеничском — 38,8 % (Егорейченко, 1996, табл. 2; 3).

На памятниках Нижнего Посожья они также имеются, и не только на поселениях Чечерск, Шепотовичи, но и на городище Подгорье, где их удельный вес равен 65,2 % (Рассадин, 1988а, с. 3).

Отметим еще одно существенное обстоятельство. На вышеуказанных памятниках с милоградскими материалами определения остеологических коллекций выполнены рядом специалистов: В.И. Громовым, В.И. Цалкиным, В.В. Щегловой, Н.П. Александрович, А.А. Разлуцкой. К сожалению, не все авторы определений сообщают данные о количестве особей, что весьма существенно как для соотношений статистических показателей, так и для характеристики отрасли скотоводства у населения изучаемой культуры в целом. Высокий процент костных остатков без учета количества особей указывает лишь на общую тенденцию с возможным преобладанием в домашнем стаде данного вида, но никак не отражает доминирования поголовья именно этих животных среди остальных (Цалкин, 1956, с. 119–124). Сведения о количестве особей как рассматриваемого вида, так и остальных животных с поселений Приднепровья ранее имелись только по Горошкову и Чаплину (Цалкин, 1962, с. 72, прилож. № 9). Теперь количество поселений с такими сведениями значительно увеличилось (табл. 31), что позволяет соотнести эталонные данные Горошкова с аналогичными показателями на других памятниках этой же культуры (рис. 83).

Учет поголовья крупного рогатого скота в домашних стадах на девяти милоградских городищах показывает его численное превосходство почти на всех памятниках. При доминирующем положении быка домашнего существует интервал его удельного веса в стадах от 24,2 % до 48,5 % (рис. 83). Наименьшее и наибольшее значения этого интервала дают материалы городищ Чёрное и Лиски. Для милоградской культуры в целом среднее значение этого вида составляет 35,2% (табл. 33; рис. 83).

Сравнивая долю крупного рогатого скота у племен культуры штрихованной керамики по шести поселениям: Лабенщина — 28,5 %, Новосёлки — 37,5 %, Кимия — 22,2 %, Палицкое — 57 %, Сорочи — 26,7 %, Ивань — 18,7 %, — отметим, что интервал его на пяти памятниках находится в пределах от 18,7 до 37,5 %.

Только на городище Палицкое на этот вид по количеству особей приходится более половины всего домашнего скота. Средний же показатель для населения культуры штрихованной керамики по отмеченным памятникам составляет только 28 % (табл. 33). У «штриховиков», как видим, этот показатель ниже, чем у «милоградцев».

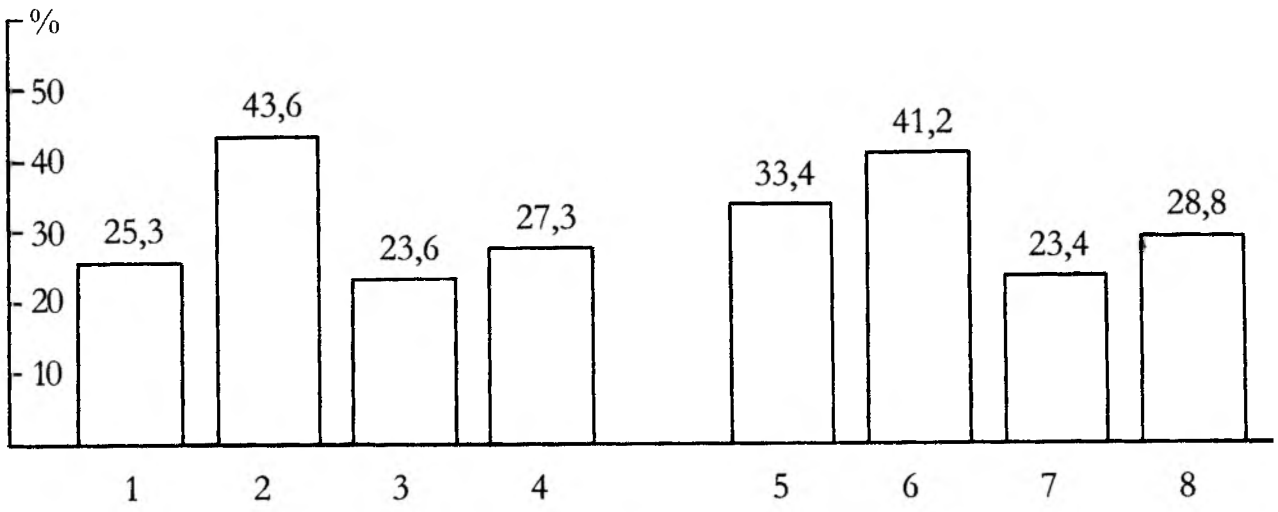
Таблица 33

Соотношение между видами сельскохозяйственных животных по количеству особей у населения разных археологических культур

Культуры	Кол-во особей	Виды, %			
		Крупный рогатый скот	Лошадь	Свинья	Мелкий рогатый скот
Милоградская	480	35,2	22,3	21,9	20,6
Штрихованной керамики	129	28	17	25,6	29,4
Юхновская	205	28,8	26,8	26,8	18,1
Население Лесостепи	799	35,2	24,8	21,5	18,5
Зарубинецкая	267	49	20,6	19,6	10,8
Днепро-двинская	343	30	13,7	36,7	19,6

В.И. Цалкин, обработав коллекцию с восьми юхновских городищ, пришел к заключению о том, что в целом у племен этого населения бык в стаде домашних животных занимает 28,8 % (Цалкин, 1962, с. 7, 60–61, табл. 48, с. 68, табл. 53, с. 70, табл. 55).

У южных соседей — племен лесостепной зоны, на левобережье Днепра, — средний показатель по четырем городищам: Басовское, Бельское, Люботинское и Ширяевское —

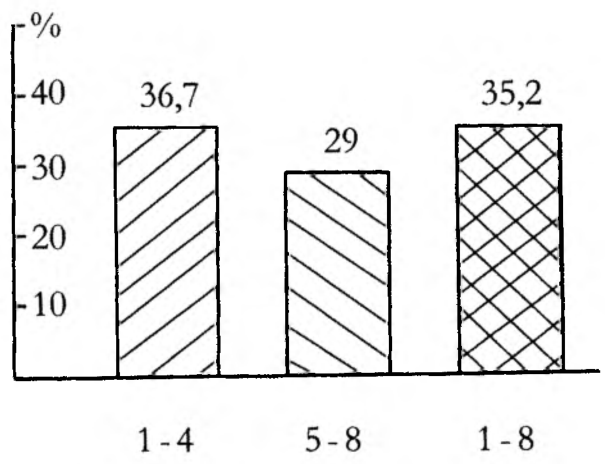

Рис. 85. Соотношение крупного рогатого скота по количеству особей на памятниках Лесостепной украины 1 — Басовское, 2 — Бельское, 3 — Люботинское, 4 — Шыряевское (на левобережье), 5 — Дунаек, 6 — Субботово, 7 — Хотовское, 8 — Шарповское (на правобережье)

равен 36,7 % (рис. 85). В то же время на правобережье Днепра у населения городищ Дунаёк, Субботово, Хотовское и Шарповское он равен 29 % (рис. 85). Обобщенный показатель удельного веса крупного рогатого скота по восьми городищам для всего лесостепного региона составляет 35,2 % (табл. 33; рис. 85). Следовательно, он равен аналогичному значению у милоградского населения.

Для сопоставления данных по крупному рогатому скоту у населения зарубинецкой культуры с аналогичными сведениями у «милоградцев» воспользуемся информацией по одному эталонному памятнику Верхнего Поднепровья — городищу Чаплин. У чаплинских «зарубинцев» на долю быка приходится 49 % домашнего поголовья (табл. 33) (Цалкин, 1962, с. 77, прилож. № 9; Поболь, 1971, с. 149, табл. 22). Это, пожалуй, самый высокий показатель удельного веса крупного рогатого скота в домашнем стаде для населения различных культур раннего железного века лесной и лесостепной полосы Восточной Европы. Данные по Чаплинскому городищу для зарубинецкой культуры оказались намного выше милоградского Горошкова и среднего значения для этой культуры в целом.

Приходится сожалеть, что археозоологи не проработали кости-индикаторы скелетов крупного рогатого скота с памятников милоградской культуры для характеристики и морфологического описания этого вида. Биометрическая обработка костей позволила бы маркировать данные роста животных в холке, их возраст, породу, вес, быков, коров и, возможно, волов в домашних стадах разных общин «милоградцев». Малочисленность костных остатков на поселениях не позволяет иметь дело с полными наборами скелетов (табл. 32), что, естественно, затрудняет описание видов. Поэтому мы не располагаем сведениями о породах крупного рогатого скота с их качественной характеристикой. О.Н. Мельниковская поясняет, что В.И. Цалкин, изучив материалы городища Горошков, весьма осторожно высказал мысль о том, что скот у жителей этого поселения представлен очень мелкой породой с небольшими рогами (Мельниковская, 1967, с. 134). Учитывая мелкопородность крупного рогатого скота у «милоградцев», этот исследователь выделяет в раннем железном веке Восточной Европы три хорошо выраженных породы данного вида: А — рогатую, Б — комолую и В — Черняховскую (Цалкин, 1966, с. 88). Скот у населения городищ Верхней Оки дьяковской и юхновской культур он отнес к породе рогатого со средним ростом в холке у коров 111 см, быков — 116,5 см и волов — 125 см (Цалкин, 1962, с. 24, 30, табл. 18; он же, 1966, с. 88). Население лесостепи и степи, по его исследованиям, содержало крупный рогатый скот комолой породы, как и в предшествующую эпоху поздней бронзы (Цалкин, 1966, с. 88, 96–97; Журавлев, 2001, с. 5–14). По данным П.Г. Прониной и В.Е. Гарутта, бык домашний на городищах культуры штрихованной керамики в центральной Беларуси принадлежал к «животным средних размеров», а по сведениям А.Г. Митрофанова — «мелкой породе (близкой к Bos Taurus brachyceros)» (Пронина, 1957, с. 167; Митрофанов, 1978, с. 45). В.В. Щеглова, изучив кости из скелетов быка домашнего с Чаплинского городища зарубинецкой культуры, пришла к выводу о том, что это животное своими размерами не отличалось от популяции данного вида в эпоху Древней Руси всей лесной полосы (Шчаглова, 1959, с. 130). По ее же данным, на территории Беларуси в X–XIV вв. средняя высота в холке у коров составляла 104,2 см, а в целом у крупного рогатого скота — 107,8 см (Щеглова, 1993, с. 75–76). По наблюдениям В.И. Цалкина, у зарубинецкого населения городища Чаплин преобладали кости коров над остатками быков. Последние употребля-

лись в пищу в молодом возрасте. Коровы взрослые использовались для получения молока (Цалкин, 1956, с. 147). Неравное соотношение крупного рогатого скота по половому различию им зафиксировано у населения юхновской и дьяковской культур, а также у племен Верхней Оки, где этот показатель в домашнем стаде составляет для коров 75 % и быков с волами — 25 % (Цалкин, 1962, с. 22).

Для нас показатель роста в холке важен тем, что, основываясь на нем, можно установить вес животного. Располагая данными о живом весе, несложно вычислить выход употребляемого в пищу мяса с одной особи. Выход мяса с одной головы составляет 60 % ее живого веса (Щеглова, 1993, с. 78). Естественно, что среди домашних животных крупный рогатый скот давал половину и более мяса жителям милоградских поселений исходя из его численного преобладания в стадах.

Лошадь (Eguus caballus L.). На милоградских памятниках Приднепровья О.Н. Мельниковская отмечает кости лошади на городищах Глыбов, первом и втором Моховских, Милоградском и Горошковском. Последнее поселение дало самую большую коллекцию материалов во всем регионе — 43 особи, которые составляют 30,1 % домашнего стада (Мельниковская, 1967, с. 133–134, табл. 3). Также на втором месте по количеству костей и особей она была и у обитателей городищ Отрубы, Чёрное (табл. 31; рис. 84).

Сведения по региону Посожья, на левобережье Днепра, весьма скудны. Остатки рассматриваемого животного зафиксированы на городищах Ворновка, Подгорье, Чечерск, Шепотовичи. Можно с уверенностью говорить и о наличии их в больших коллекциях с городищ Любны и Уваровичи, которые пока еще не обработаны археозоологами. По данным Н.П. Александрович и С.Е. Рассадина, кости лошади на городище Подгорье составляют 21,7 % (Рассадин, 1988а, с. 3). Самый низкий удельный вес этого животного — на Чечерском городище, а высокий — на Шепотовичском (табл. 30). По количеству костей она занимает второе место в домашнем стаде поселений Подгорье и Шепотовичи.

В Полесском регионе лошадь по количеству костных остатков находится на втором месте (табл. 31, 34; рис. 84; 88).

Заметим, что зубы этого животного, как и других видов, обладают лучшей сохранностью, нежели кости (табл. 34). Объясняется это тем, что плотная корка эмали зуба подвергается разложению медленнее, чем кость, обладающая более рыхлой структурой ткани. Поэтому разложение костей протекает интенсивнее по сравнению с зубами. А вот раздробленность костей лошади свидетельствует об употреблении ее в мясном рационе населением городищ. На поселении Рассвет среди фаунистических остатков обнаружены кости от молодой особи. На пяти полесских памятниках выявлено всего 25 особей лошади, что намного меньше по сравнению с данными по городищу Горошков (43). В Полесском регионе минимальное количество — две особи зафиксированы на городище Липняки, а максимальное — одиннадцать — в Лисках (табл. 31). Удельный вес лошади на милоградских памятниках вообще находится в интервале от 9,4 % до 40 % (рис. 84). Среднее же значение ее равно 22,3 % (табл. 33; рис. 84).

На памятниках культуры штрихованной керамики остатки лошади количественно уступают наличию их у «милоградцев». Так, на шести поселениях Центральной и Юго-Восточной Беларуси они по числу особей находятся в интервале от 14,3 % до 25 %. Усредненный показатель этого вида у «штриховиков» равен только 17 %. Это, естественно, несколько меньше, чем у милоградского населения. Еще меньший удельный вес лошади у племен днепро-двинской культуры — 13,7 % (табл. 33).

Таблица 34

Состав костных остатков лошади с полесских городищ милоградской культуры

Названия костей	Городища				Всего
	Лиски	Рассвет	Старое Красное	Ястребка	
Череп		1			**1**
Череп лицевой				1	**1**
Череп мозговой				1	**1**
Отдельные зубы	75		23	8	**106**
Зубы верхние коренные	22	4	29	7	**62**
Зубы нижние коренные	28	16	7	9	**60**
Резцы		12	4	6	**22**
Верхняя челюсть	2	1			**3**
Нижняя челюсть	1	1	1	2	**5**
Плечевая				5	**5**
Лучевая	1	2		6	**9**
Локтевая		1			**1**
Тазовая	1			4	**5**
Бедренная			1		**1**
Большая берцовая		3		3	**6**
Пяточная		1		3	**4**
Таранная	2	3	1	3	**9**
Коленная чашечка				1	**1**
Грифельная		4		2	**6**
Метаподии	1	14	4	6	**25**
Плюсневая				1	**1**
Фаланга			2	1	**3**
Фаланга первая		8		4	**12**
Фаланга вторая		4	1	9	**14**
Фаланга третья		1	2	1	**4**
Кости конечности	17	6	5	12	**40**
Трубчатая				2	**2**
Всего:	**150**	**82**	**80**	**97**	**409**

Для племен, проживавших в лесной полосе, это, пожалуй, самый низкий показатель рассматриваемого вида домашних животных. В Верхнем Приднепровье, у обитателей Чаплинского городища зарубинецкой культуры, на долю лошади приходится 20,6 % домашнего стада. Несколько выше этот показатель у племен лесостепной зоны Украины — 24,8 %. Здесь, по наблюдениям В.И. Цалкина, одни памятники (северные) чрезвычайно богаты остатками лошади, другие (южные), наоборот, крайне бедны ими (Цалкин, 1966, с. 92). У восточных же соседей — населения юхновской культуры — лошади в домашнем стаде составляют 26,8 % (табл. 33).

Нельзя не отметить, что значение лошади в эпоху раннего железа на сопредельных территориях было неодинаковым. У племен лесной полосы, более северных, нежели территория «милоградцев», это животное не имело большого значения (Щеглова, 1969, с. 106, табл. 1, рис. 1). А вот у южных и восточных соседей — наоборот. Исходя из имеющихся в нашем распоряжении материалов, нельзя не согласиться с В.И. Цалкиным в том, что «коневодство было развито у ананьинцев и милоградцев особенно сильно» (Цалкин, 1962, с. 71).

Следовательно, по значимости лошадь в хозяйстве милоградских общинников стоит ближе к удельному весу ее у населения Северной Лесостепи, как на северном скифском городище Киевщины — Хотовском, где она занимает первое место (Петровська, 1970, с. 139, табл. 1). О большом значении ее

у населения милоградских общин безусловно свидетельствуют костные остатки в культурном слое памятников (табл. 31; 34). С одной стороны, это объясняется тем, что данное животное использовалось для верховой езды. Косвенным подтверждением сказанному могут служить детали (преимущественно кольца) от уздечек, а возможно, и сбруи, а также узда (Мельниковская, 1967, с. 72–75, рис. 20: 4; 21: 7; Лашанкоў, 1999а, с. 56–57). С другой стороны, кони использовались и как убойное животное, на что указывают фоссилии молодых особей и раздробленные кости лошадей разного возраста. Численное превосходство их в домашнем стаде над остальными животными объясняется, возможно, еще и тем, что они способны сами добывать себе корм в зимние месяцы. В условиях примитивного хозяйства содержание животных в зимний период требовало, тем не менее, заготовки кормов. Именно это, по мнению В.И. Цалкина, и предопределило высокую роль лошади в скотоводстве населения различных культур лесной полосы Восточной Европы, с чем автор полностью согласен (Цалкин, 1956, с. 149–152; он же, 1966, с. 92–93). Отмечая заметную роль лошади в скотоводстве изучаемого древнего населения в раннем железном веке, подчеркнем, что в более поздние периоды истории значение ее как убойного животного снижается и она используется уже как тягловая сила и транспортное средство (Титов, 1983, с. 87).

К сожалению, В.И. Цалкин не дает никаких сведений о размерах лошадей у жителей городища Горошков. Отсюда можно предположить, что кони у них были очень мелкие, ростом в холке 112–120 см и мелкие — 120–128 см. О.Н. Мельниковская, по-видимому, не без оснований, высказала мысль о малых размерах лошадей у милоградского населения, связывая их с диким предком — тарпаном (Мельниковская, 1967, с. 134, 135). А.Г. Митрофанов вслед за В.Е. Гаруттом отмечает, что у населения культуры штрихованной керамики преобладающее количество костей принадлежит мелким особям, и в то же время на двух памятниках зафиксированы отдельные экземпляры костей от крупных лошадей (Митрофанов, 1978, с. 45–46). У населения лесостепного региона, по данным В.И. Цалкина, лошади были малорослые и средние (Цалкин, 1962, с. 46, табл. 38; он же, 1966, с. 45, 48, табл. 47). Это заключение для нас ценно тем, что такие лошади вполне могли находиться и у милоградского населения, как у северных соседей. Тем более что малорослые и средних размеров лошади имелись у племен дьяковской культуры и у населения верхнеокских городищ, на территориях значительно более северных (Цалкин, 1962, с. 46). В эпоху раннего железа лошади у населения Северной Европы были в среднем небольшого роста, высотой в холке 126–127 см (Цалкин, 1960, с. 44; он же, 1966, с. 89). Изучив биометрическим методом остатки коней с городища Чаплин, В.В. Щеглова пришла к выводу о том, что у обитателей этого поселения лошади были малорослые (Шчаглова, 1959, с. 130). Слабая фактологическая база ископаемых фоссилий лошадей с рассматриваемых поселений (табл. 34) не позволила археозоологам провести сравнительное изучение для характеристики этого вида домашнего животного у «милоградцев». Лишь накопление новых материалов и более углубленное изучение их позволит в будущем осветить данный вопрос.

Свинья (Sus scrofa domestica). Кости свиньи домашней есть на милоградских памятниках, но их количество значительно меньшее по сравнению с аналогичными остатками коней и крупного рогатого скота. Так, в Приднепровском регионе, на эталонном памятнике — городище

Таблица 35

Состав костных остатков свиньи с полесских городищ милоградской культуры

Названия костей	Городища				Всего
	Лиски	Рассвет	Старое Красное	Ястребка	
Череп		1		2	**3**
Отдельные зубы	5	1	4	11	**21**
Зубы нижние коренные				1	**1**
Резцы		2		8	**10**
Клыки		2			**2**
Верхняя челюсть		1		2	**3**
Нижняя челюсть	1	13		6	**20**
Ребра				2	**2**
Лопатка		2		2	**4**
Плечевая		2		1	**3**
Лучевая		1		1	**2**
Локтевая		2			**2**
Бедренная			1		**1**
Большая берцовая				1	**1**
Пяточная		1	1	1	**3**
Таранная				1	**1**
Метаподии				1	**1**
Плюсневая		1			**1**
Фаланга				2	**2**
Фаланга первая				1	**1**
Фаланга вторая		1			**1**
Фаланга третья		1			**1**
Кости конечности		1		3	**4**
Трубчатая	2			4	**6**
Всего:	**8**	**32**	**6**	**50**	**96**

Горошков, это животное занимает последнее, четвертое место, по количеству как костей, так и особей (Мельниковская, 1967, табл. 3). Удельный вес 20 особей в домашнем стаде составляет только 13,9 % (Мельниковская, 1967, с. 134). Также последнее, четвертое место по количеству остатков это животное занимает на городище Черное (табл. 31). Меньше всего костей свиньи зафиксировано в этом регионе на поселениях Отрубы (табл. 31) и Глыбов (Мельниковская, 1967, с. 134). На последних памятниках она занимает в домашнем стаде положение, аналогичное тому, что и на двух предшествующих.

В регионе Посожья кости домашней и дикой свиньи в совокупности отмечены В.И. Громовым на городищах Чечерск — 35,9 % и Шепотовичи — 21,5 % (Мельниковская, 1967, табл. 1; Дробушевский, 1995, с. 42). По сведениям С.Е. Рассадина, на городище Подгорье остатки рассматриваемого животного составляют только 4,3 % (Рассадин, 1988а, с. 3). Новые коллекции с поселений Чечерск и Шепотовичи говорят о том, что домашняя свинья в этом регионе имела большее значение, нежели в Приднепровье. Здесь, в Посожье, ее особи составляют в Чечерске 34,4 %, в Шепотовичах — 23,1 %. Они занимают соответственно первое и третье места (табл. 30; 31).

На памятниках Полесья этот вид домашних животных так же немногочисленен (табл. 31; 35). Количество особей здесь невелико: от одной в Старом Красном и Липняках до шести на городище Ястребка (рис. 86; 88). Если на поселении Горошков их зафиксировано 20 голов, то на пяти памятниках Полесья только 16 (табл. 31). А вот средний показатель для милоградской культуры по

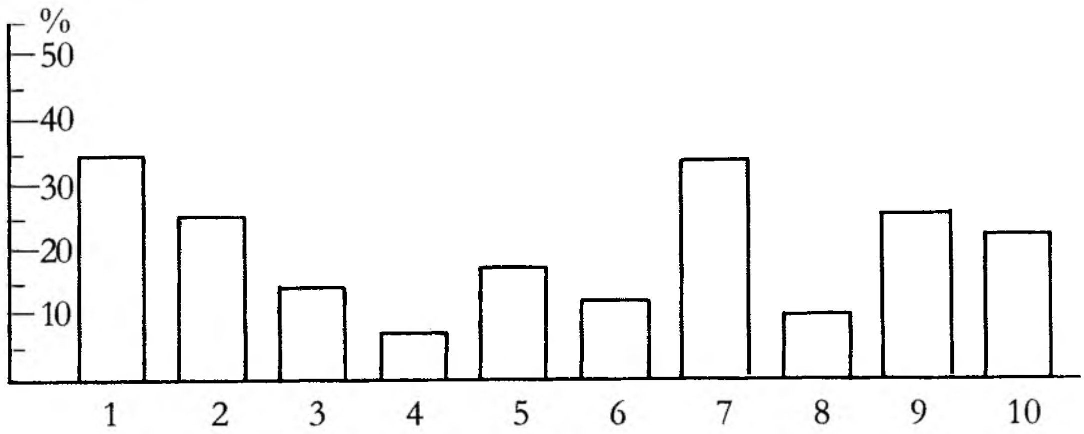

Рис. 86. Удельный вес свиньи по количеству особей на милоградских памятниках Беларуси (1 — Чечерск, 2 — Шепотовичи, 3 — Горошков, 4 — Отрубы, 5 — Черное, 6 — Лиски, 7 — Рассвет, 8 — Старое Красное, 9 — Ястребка, 10 — среднее значение по культуре)

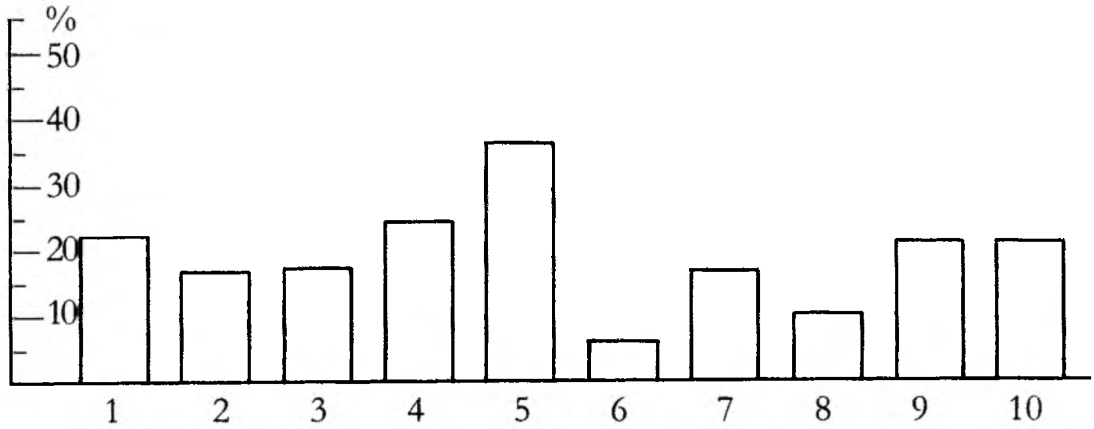

Рис. 87. Удельный вес мелкого рогатого скота по количеству особей на милоградских памятниках Беларуси (1 — Чечерск, 2 — Шепотовичи, 3 — Горошков, 4 — Отрубы, 5 — Черное, 6 — Лиски, 7 — Рассвет, 8 — Старое Красное, 9 — Ястребка, 10 — среднее значение по культуре)

рассматриваемым городищам составляет 21,9 % (табл. 33, рис. 86). Это на 8 % больше, чем по одному Горошковскому городищу.

Леса и дубравы Южной Беларуси являлись хорошей кормовой базой для свиней не только в раннем железном веке, но и в более позднее время (Титов, 1983, с. 84–91). Процент костей домашней свиньи выше там, где возле городища имелись лесные массивы. В силу этого значение свиноводства на милоградских поселениях было неравнозначное (рис. 86; 88). В пищу употреблялось мясо

не только взрослых, но и молодых свиней. Так, на городище Рассвет среди костей этого животного есть остатки от двух молодых особей. Из шести голов, выявленных на городище Ястребка, — две молодые (Лошенков, 1982, с. 85). Надо полагать, что кости молодых свиней имелись и на городище Горошков. В раскопе 2003 г. городища Черное среди полученных остеологических материалов — 13 костей свиньи домашней от четырех особей. В числе последних — одна взрослая, две молодые и одна — девяти месяцев. Как видим, из четырех голов только одна старше года. В материалах 2004 г. есть зубы 3–6-месячного поросенка, кости полувзрослой особи, затем — старше года и от 2 до 3-х лет. По сведениям В.В. Щегловой, на Чаплинском поселении из восьми особей три молодые (Шчаглова, 1959, с. 130). В лесостепной полосе возрастной состав убитых свиней выглядит следующим образом: до 6 месяцев — 2,4 %, от 6 месяцев до года — 44,8 %, от года до 22 месяцев — 29 % и старше 22 месяцев — 23,8 % (Цалкин, 1966, с. 35, табл. 30).

В раннем железном веке в условиях Южной Беларуси выращивание свиней у «милоградцев» не получило широкого развития, как у населения более северной части лесной полосы. Убедительным подтверждением сказанному служат материалы ряда городищ племен культуры штрихованной керамики. Доля этих животных на шести поселениях составляет от 12,5 до 33,3 %, в то время как средний показатель для Центральной и Юго-Восточной Беларуси — 25,6 % (табл. 33). Далее на северо-запад, в Юго-Восточной Литве, кости свиней занимают первое место среди домашних видов, как на городищах Наркунай, Неверишке — 50,5 %, Сокишкяй — 43 % (Волкайте-Куликаускене, 1986, с. 42–43, 47; Григалавичене, 1986, с. 84, 88; Она же, 1986а, с. 127–128, 137).

У племен днепро-двинской культуры в пределах Беларуси остатков свиней зафиксировано не так много, тогда как на памятниках Смоленщины их удельный вес был намного большим — 36,7 % (Щеглова, 1969, с. 106–109, табл. 1, рис. 1; Шадыро, 1985, с. 90–93, табл. 7; Шмидт, 1992, с. 62–70, табл. 13, рис. 14). Население юхновской культуры, как «днепро-двинцы» и «штриховики», также содержало много свиней — 26,8 % (Цалкин, 1962, табл. 53). Доминировали эти животные и у населения Щербинского городища дьяковской культуры (Дубынин, 1974, с. 243, табл. 2). Судя по костным остаткам, зарубинецкое население Чаплинского городища разводило свиней примерно в таком же количестве, как это делали «милоградцы». У них в домашнем стаде свиньи занимали 19,6 %, что несколько меньше, чем средний показатель для милоградской культуры в целом. Такой же, примерно равный, удельный вес свиней наблюдается и у племен лесостепного региона — 21,5 % (табл. 33). Здесь, по наблюдениям П.Д. Либерова, свиноводство было более развито на левобережье Днепра (Либеров, 1960, с. 129).

О.Н. Мельниковская весьма лаконично замечает, что сведениями о размерах и породе свиней у «милоградцев» мы пока не располагаем (Мельниковская, 1967, с. 135). Основываясь на биометрической обработке коллекций домашней свиньи с дьяковских, верхнеокских и юхновских городищ, В.И. Цалкин пришел к заключению, что эти племена разводили свиней более крупных размеров, чем те, которых выращивали в древнерусское время в лесной полосе (Цалкин, 1962, с. 37). По замечанию В.В. Щегловой, на городище Чаплин свиньи были более мелкие, чем те, которые принадлежат к мелкой примитивной породе, зафиксированной на Пекуновском и Староладожском городищах (Шчаглова, 1959, с. 130, 132). В.И. Цалкин высказал мысль

о том, что обилие костей молодых особей на памятниках раннего железа — результат трудностей их содержания в зимнее время. По завершению пастбищных периодов, в осеннее-зимнее время, осуществлялся убой большинства этих животных, включая и молодняк. На содержание зимой оставлялось ограниченное количество маточного поголовья, обладающего высокой плодовитостью, вообще свойственной этим животным (Цалкин, 1956, с. 153). Свиньи всеядные и неприхотливые в содержании. Перезимовав, они быстро восстанавливали поголовье в весеннее-летний период. Подобная ситуация была свойственна не только для эпохи раннего железа, но и в более позднее время на разных территориях (Краснов, 1971, с. 107).

Мелкий рогатый скот (Ovis aries L. et Capra hircus L.). В домашних стадах милоградских общинников содержались не только лошади, крупный рогатый скот, свиньи, но и овцы, козы. На Горошковском городище в Приднепровье В.И. Цалкин определил 143 кости мелкого рогатого скота от 24 особей (Цалкин, 1962, с. 8, 77, прил. 9; Мельниковская, 1967, с. 133, 135, табл. 3). Козы и овцы занимали третье место среди домашних животных у обитателей этого поселения. Совсем мало фоссилий этих животных (5 экз.) зафиксировано на Глыбовском городище (Мельниковская, 1967, с. 134). Севернее этого памятника, в слое поселения Отрубы, их также немного — 25 от 4 особей. По сведениям А.А. Разлуцкой, на данном поселении численно преобладали овцы (табл. 31). В Приднепровском регионе материалами мелкого рогатого скота выделяется городище Черное. Суммарно кости коз и овец занимают здесь второе место после крупного рогатого скота, а по особям — они на первом (табл. 31). Фоссилии коз составляют примерно третью часть от остатков овец.

На памятниках Посожья фоссилии мелкого рогатого скота зафиксированы еще в довоенное время на городищах Чечерск и Шепотовичи (Громаў, 1930, с. 214, табл.). В слое Чечерского поселения 26 костей, а на Шепотовичском — 15, согласно определению В.И. Громова. Раскопки А.И. Дробушевского на последнем городище в 1979 г. позволили получить новую коллекцию, в которой 11 костей принадлежат одной голове (Дробушевский, 1995, с. 41). Несколько необычно выглядит отсутствие животных этого вида на городище Подгорье (Рассадин, 1988а, с. 3). Новые материалы городища Чечерск, с раскопок М.А. Ткачева, показывают, что здесь в домашнем стаде козы и овцы по численности занимали третье место (табл. 30; 31).

Разведение овец и коз в патриархальном хозяйстве жителей полесских городищ не имело большого значения. По количеству выявленных материалов на памятниках Восточного Полесья мелкий рогатый скот находится на последнем месте (табл. 31; 36). На рассматриваемых поселениях доля этих животных варьируется от 6 до 20 % (рис. 87; 88), тогда как средний показатель составляет 20,6 %. Это на 3,8 % больше, чем по Горошковскому городищу. Если в Горошкове обнаружено 24 особи такого скота, то на пяти городищах Полесья только 11, а на двух в Посожье — 37 (табл. 30; 31). Данные с полесских памятников, как видим, выглядят намного беднее.

При сопоставлении поголовья изучаемого скота на милоградских памятниках с аналогичным у населения других культур более отчетливо прослеживается разница в той роли, которую играли овцы и козы в жизни древнего населения на разных территориях. Например, «штриховики» Центральной Беларуси содержали мелкого рогатого скота несколько больше, чем «милоградцы». Это же явление наблюдается и в юго-восточном ареале культуры.

Таблица 36

Состав костных остатков мелкого рогатого скота с полесских городищ милоградской культуры

Названия костей	Городища				Всего
	Лиски	Рассвет	Старое Красное	Ястребка	
Рог			1		**1**
Отдельные зубы	7	16	2	17	**42**
Зубы верхние коренные		1		1	**2**
Зубы нижние коренные		2		9	**11**
Верхня челюсть				1	**1**
Нижняя челюсть		4		4	**8**
Позвонки			6		**6**
Ребра		1			**1**
Лопатка	1	1			**2**
Плечевая		1			**1**
Лучевая		3			**3**
Локтевая		1			**1**
Тазовая			2	1	**3**
Большая берцовая		3		1	**4**
Пястная		1			**1**
Метаподии		2		1	**3**
Фаланга	1				**1**
Кости конечности	4	3		1	**8**
Трубчатая				1	**1**
Всего:	**13**	**39**	**11**	**37**	**100**

Весьма показательны в этом отношении два городища: Новоселки Борисовского и Ивань Слуцкого районов. По данным А.А. Егорейченко, на городище Ивань среди домашних животных доминируют овцы (24 особи). С учетом одной особи козы их удельный вес составил 39,7 % (Егорейченко, 1996, с. 54, табл. 4). Основываясь на данных с шести памятников «штриховиков», мы видим, что средний показатель удельного веса мелкого рогатого скота у этого населения составлял 29,4 %, что считается весьма отличительным фактором в скотоводстве. Это самый высокий показатель разведения коз и овец для культур юга лесной полосы. У днепро-двинского населения Смоленщины эти животные составляют только 19,6 % домашнего стада. Население юхновской культуры содержало мелкого рогатого скота столько, сколько и племена Северной Лесостепи (табл. 33). В лесостепной зоне при относительно невысоком среднем показателе 18,5 % в овцеводстве существует, тем не менее, региональное различие. Так, на левобережье его удельный вес 17,4 %, а на правобережье — 24,4 %. По наблюдениям В.И. Цалкина, на изученных памятниках Правобережной Украины мелкий рогаый скот составляет четвертую часть всех найденных особей сельскохозяйственных животных (Цалкин, 1966, с. 73). На левобережье же Лесостепи рассматриваемые животные занимают последние или предпоследние места по количеству поголовья в домашних стадах (Цалкин, 1966, с. 72). На городище зарубинецкой культуры Чаплин, по данным В.И. Цалкина, который обрабатывал коллекции П.Н. Третьякова, число особей мелкого рогатого скота — 24 головы, как и на городище Горошков (Цалкин, 1962, с. 8, 77, прил. 9). В то же время количество костей овец и коз в Чаплине на 102 экземпляра больше, чем в Горошкове. Обработав коллекцию Л.Д. Поболя, В.В. Щеглова зафиксировала 60 костей от 5 особей. Последние составляют только 9,4 % от поголовья домашних животных (Шчаглова,

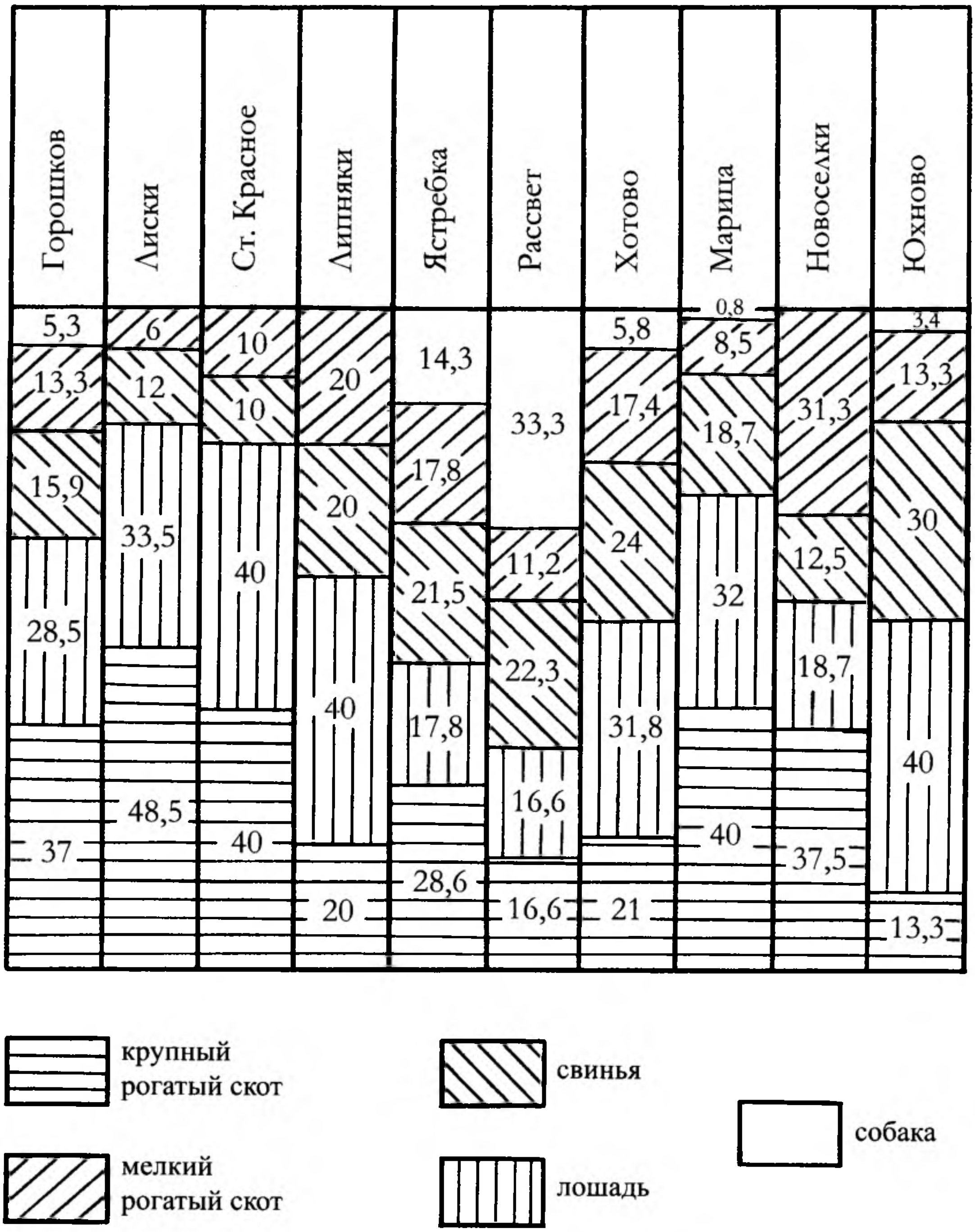

Рис. 88. Процентное соотношение видов домашних животных по количеству особей на восточнополесских городищах и памятниках синхронных культур

1959, с. 130). Суммарный показатель мелкого рогатого скота по Чаплину для зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье составляет только 10,8 % (табл. 33).

Изучив кости-индикаторы и зубы мелкого рогатого скота с дьяковских, верхнеокских и юхновских городищ, В.И. Цалкин пришел к заключению о том, что две трети их остатков приходится на долю молодых животных, в возрасте до полутора лет (Цалкин, 1962, с. 31). В милоградской культуре материалы городища Черное дают нам следующий возрастной диапазон. Среди семи голов коз одна старше 3 лет, три — старше 2 лет, две взрослые и козленок — старше 4 месяцев. Из 15 особей овец шесть — ягнята от 3 до 6 месяцев, две — до 1,5 лет, пять — старше 2 лет, одна — старше 3,5 лет и одна — старше 7 лет. О.П. Журавлев приводит следующие данные о возрастном составе мелкого рогатого скота на памятниках поздней бронзы междуречья Днепра и Дона. На чернолесском поселении Субботово среди семи особей три молодые, одна полувзрослая и три взрослые. В бондарихинско-чернолесском горизонте поселения Диброва 24 особи мелкого рогатого скота, в числе которых 13 взрослых, три полувзрослые и 8 молодых (Журавлев, 2001, с. 106, 107, табл. 25; 26). На Хотовском городище VI–V вв. до н. э. под Киевом, согласно определению В.И. Бибиковой, из 15 особей овец и коз 7 молодых (Петровська, 1970, табл. 1). Можно предположить, что среди 24 голов рассматриваемых животных на городище Горошков имелись не только взрослые, но и молодые особи. Козы и овцы снабжали население милоградской культуры мясом, шерстью, шкурами. Надо полагать, что жители милоградских городищ содержали обычных грубошерстных овец. Учитывая разновременный возраст их убоя, в основном около двух лет, можно заключить, что этот скот выращивался для мяса.

Интересные наблюдения сделаны В.И. Цалкиным о росте овец в эпоху раннего железа в разных природно-климатических зонах: лесной, лесостепной и степной. В лесной полосе овцы разводились малорослые, средней высоты в холке 58,4 см. Несколько более рослыми овцы были в степи. Их средний рост в холке — 61,2 см. У населения Лесостепи эти животные были ростом в среднем 65,18 см (Цалкин, 1966, с. 32, 88, табл. 27). В.В. Щеглова замечает, что мелкий рогатый скот с поселения Чаплин по размерам не отличался от современных новгородских и туркменских пород (Шчаглова, 1959, с. 130, табл. 9).

В пределах территории проживания населения милоградской культуры на Беларуси имелись хорошие природные условия для овцеводства. К тому же эти животные неприхотливы для содержания в пастбищный период. В стойловое зимнее время их, как и других домашних животных, необходимо было обеспечивать кормами.

Собака (Canis familiaris). Состав домашних животных на милоградских поселениях не ограничивался только теми видами, мясо которых являлось основным источником питания. Кроме отмеченных четырех видов животных (крупный рогатый скот, лошадь, свинья, мелкий рогатый скот) на городищах выявлены остатки собаки. Ее кости обнаружены на двух полесских поселениях: Рассвет — 6 особей и Ястребка — 4 (табл. 31; 37; рис. 88). На городище Рассвет часть остатков собаки представлена половинками нижних челюстей с зубами, которые, как и остальные кости, находились в общей массе остеологического материала.

Особого внимания заслуживают находки двух собак в насыпи основного вала городища Ястребка. Они обнаружены в центральной части первоначального вала. Остатки представлены двумя целыми черепами и костями, которые находились не в анатомическом порядке. Кроме того, здесь же выявлены еще кости человека и дикой лесной кошки

Таблица 37

Состав костных остатков собаки с городищ милоградской культуры

Названия костей	Городища				Всего
	Отрубы	Черное	Рассвет	Ястребка	
Череп		3	3	2	**8**
Череп лицевой			1		**1**
Отдельные зубы		2	1		**3**
Клыки			1		**1**
Верхняя челюсть		1	3		**4**
Нижняя челюсть			9		**9**
Позвонки		1			**1**
Ребра		4			**4**
Лопатка			1		**1**
Лучевая		1			**1**
Тазовая	2		1	5	**8**
Бедренная	1		1	1	**3**
Большая берцовая		1	2	2	**5**
Пястная		2			**2**
Метаподии		1		1	**2**
Трубчатая				11	**11**
Фаланга вторая		1			**1**
Остатки скелета				26	**26**
Всего:	**3**	**17**	**23**	**48**	**91**

(Лошенков, 1982, с. 83; он же, 1988, с. 77–78; Щеглова, 1995, с. 173–175). Отсутствие перекопа исключает их более позднее случайное попадание в содержание ядра вала. Кости собак и лесной кошки не выделяются лучшей сохранностью среди остального фаунистического материала. От фоссилий других животных они отличаются тем, что не имеют следов искусственного раздробления. Наличие останков человека, двух собак и дикой кошки в насыпи оборонительного сооружения следует связывать с религиозно-магическими представлениями жителей городища. Их, возможно, следует рассматривать как строительные жертвы (Формозов, 1984, с. 238–241; Лошенков, 1988, с. 77–78). Среди домашних животных на городище Ястребка удельный вес собаки — 14,3 %, а на поселении Рассвет — 33,3 % (табл. 31). В целом же 10 особей по Полесскому региону составляют среди домашних животных только 10,6 %.

Есть остатки собаки и на памятниках Нижнего Посожья. Так, одна кость этого животного зафиксирована в материалах фауны с городища Чечерск (Ткачев, 1974, д. 470). Три кости от одной особи определила В.В. Щеглова среди фоссилий с городища Шепотовичи (Дробушевский, 1995, с. 41). В Посожье, как видим, такие материалы единичные.

В Приднепровском регионе, на городище Горошков, собака представлена 69 костями от 8 особей (Цалкин, 1962, прил. 9; Мельниковская, 1967, с. 135, табл. 3). О.Н. Мельниковская подчеркивает, что они принадлежат «мелким видам, приближающимся к типу современной собаки — лайки» (Мельниковская, 1967, с. 135). Среди особей домашних животных Горошковского городища на собаку приходится 5,3 %. Три особи этого животного на городище Черное составляют 4,8 % (табл. 31; 37). Здесь среди 17 костей есть четыре ребра молодой собаки, в возрасте от года до полутора лет. В 2005 г. на городище Отрубы Н.Н. Дубицкой найдены три кости собаки.

Следует сказать, что на семи милоградских городищах, о которых шла речь выше, —

Горошков, Отрубы, Рассвет, Чечерск, Черное, Шепотовичи и Ястребка — выявлены 164 кости от 24 собак. Заметим, что не на всех поселениях, на которых производились раскопки, кости этих животных обнаружены. Если на городищах Глыбов, Подгорье они пока не отмечены, то с памятников Любны и Уваровичи большие коллекции еще не обработаны археозоологами.

В Верхнем Приднепровье кости собаки зафиксированы и на зарубинецком городище Чаплин (Цалкин, 1956, с. 11, 183, прил. 22; он же, 1962, прил. 9). По данным В.И. Цалкина, на Чаплинском поселении обнаружено 29 костей от 10 особей. В.В. Щеглова определила еще 9 костей от 3 особей (Шчаглова, 1959, с. 122, 124, табл. 1). Всего же с этого памятника происходит 38 костей собаки от 13 особей. Изученные В.В. Щегловой три особи рассматриваемого вида характеризуются небольшими размерами, близкими к размерам торфяного шпица (Шчаглова, 1959, с. 132, табл. 13).

Кости собаки отмечены исследователями на пяти памятниках культуры штрихованной керамики. Первым таким поселением является городище Лабенщина, где выявлено три кости от двух особей (Пронина, 1957, с. 73–74, табл. 1; Митрофанов, 1978, с. 46, табл. 1). Следующий памятник находится в южном ареале культуры. Это — городище Ивань, на котором данное животное представлено минимальным числом костей и особей (Егорейченко, 1996, с. 54, табл. 4). Такое же количество остатков собаки отмечено и на городище Малышки (Медведев, 1996, с. 50, табл. 3). Шесть костей от пяти особей выявлены в слое городища Васьковцы (Медведев, 1996, табл. 3). Самое же большое количество собак у «штриховиков» обнаружено на поселении Кацеличи — 15 особей (Медведев, 1996, с. 50, табл. 2).

На фоне данных по культуре штрихованной керамики и милоградской культуре несколько необычно выглядит отсутствие костей собаки на поселениях белорусского ареала населения днепро-двинской культуры (Шадыро, 1985, с. 96). У племен этой же культуры на Смоленщине остатки этого животного имеются на ряде памятников в небольшом количестве: 123 кости (1,9 %) от 19 особей (5,3 %) (Шмидт, 1992, с. 66, 71, табл. В).

Суммарные данные рассматриваемого вида домашних животных с городищ юхновской культуры Красное, Овстуг, Песочный Ров, Южное Долбатово и Юхновское выглядят следующим образом: 47 экземпляров костей от 8 особей (Цалкин, 1962, с. 76, прил. 6; 7).

Наличие остатков собаки на памятниках лесостепного региона позволило В.И. Цалкину говорить об их повсеместном здесь распространении в раннем железном веке. На более обширном фактологическом материале он сделал наблюдения обобщающего характера. Так, по его мнению, сравнения пропорций костей и особенностей строения черепов у собак показывают, что они очень близки между собой у животных степной, лесостепной и лесной полосы Восточной Европы (Цалкин, 1966, с. 57). Единственная черта существенного отличия собак с памятников лесостепи — бóльшая ширина мозговой коробки по сравнению с аналогичными показателями у животных лесной зоны. Собаки лесостепи весьма близки современной лайке (Цалкин, 1966, с. 89). На Хотовском городище В.И. Бибиковой отмечены остатки только взрослых особей. В.И. Цалкин считает, что эти животные использовались древним человеком для охоты и охраны стад домашнего скота, с чем нельзя не согласиться. Основываясь на сохранности и целостности костей собаки, многие исследователи склонны считать, что мясо этого животного в пищу не употреблялось (Цалкин, 1962, с. 47; он же, 1966, с. 49; Данильченко, 1981, с. 108; Шмидт, 1992, с. 71; Журавлев, 2001, с. 27).

Птицы (Aves)

Помимо мяса млекопитающих животных, о которых речь шла выше, общинники милоградских поселений употребляли в пищу и птицу. На это указывают материалы орнитофауны с трех памятников: Рассвет, Чечерск и Чёрное. В Посожье, на Чечерском городище, остатки птиц в количестве 50 экземпляров, без деления их по видам, зафиксированы В.И. Громовым еще в 1930 г. (Громаў, 1930, с. 215, табл.). Для нас представляет интерес замечание исследователя о наличии среди них костей домашней курицы (Громаў, 1930, с. 216). Затем еще 19 костей птиц отмечены Л.Д. Поболем на этом же памятнике (Поболь, 1974, с. 202). Приходится сожалеть, что вся коллекция виофауны с данного поселения не определена специалистами. В 1957 г. Л.Д. Поболем найдены птичьи кости (14 экземпляров от 5 особей) на городище Чаплин. Согласно определению, они принадлежат четырем видам диких пернатых (Поболь, 1971, с. 151).

В начале 80-х годов прошлого века материалы орнитофауны обнаружены автором на Полесском городище Рассвет в количестве 11 экземпляров (Лашанкоў, 1985, с. 37). Здесь, согласно заключению А.М. Дорофеева, имеются остатки девяти пернатых. Среди них есть домашняя курица (Gallus domesticus L.). Эта птица представлена двумя костями от одной особи (Лошенков, 1986, с. 94; он же, 1990, с. 16). Остальные восемь видов — дикие птицы. На городище Черное найдено четыре кости от трех птиц, видовая принадлежность которых, к сожалению, не установлена.

Как видим, скудные материалы о домашней птице у «милоградцев» представляют пока только один вид — курицу.

Крайне редко птичьи кости встречаются на синхронных археологических памятниках других территорий. Так, на городище культуры штрихованной керамики Лабенщина А.Г. Митрофанов отметил наличие двух костей домашней курицы от двух особей (Митрофанов, 1978, с. 46). В остеологической коллекции «штриховиков» с поселения Сорочи, что на юге Беларуси, имеется одна кость птицы, вид которой не установлен (Лошенков, 2001, с. 166; Ильютик, 2003, с. 131). На Украине, в левобережной лесостепи, на городище VI–III вв. до н. э. Басовское В.И. Бибиковой зафиксированы две особи утки и гуся (Іллінська, 1965, с. 71, 72, табл.).

Основываясь на данных вышерассмотренных городищ, можно с уверенностью говорить о том, что население милоградской культуры употребляло в пищу мясо домашней птицы. Судя по единичным материалам орнитофауны с памятников других территорий, в эпоху раннего железа, такая картина была характерна как для лесной, так и, по-видимому, лесостепной зоны Восточной Европы.

Таким образом, рассмотрев новые остеологические коллекции с памятников населения милоградской культуры Беларуси, необходимо отметить следующее:

– доминирующее положение в домашнем стаде занимал крупный рогатый скот, который давал около половины, а иногда и более, мясной пищи и молочные продукты. Исследования автора подтверждают достоверность такого вывода, сделанного О.Н. Мельниковской на материалах одного памятника;

– вторым по значимости животным у «милоградцев» являлась лошадь, что подтверждают фаунистические материалы большинства изученных памятников;

– выращивание свиней на разных поселениях было не равнозначным: на одних они занимали прочно третье место, а на других последнее — четвертое;

– удельный вес мелкого рогатого скота у половины рассмотренных милоградских общинных хозяйств занимал четвертое

место либо третье. В Полесском регионе его выращивали мало, а вот в Приднепровье — больше, нежели свиней. Среди коз и овец, судя по фоссилиям, овцы заметно преобладали в домашних стадах;

– незначительные костные остатки собак указывают на использование их иногда для питания и в культовых целях. Такие факты следует рассматривать как редкие явления;

– единичный случай свидетельствует об употреблении в пищу мяса домашней курицы.

2. Земледелие

В период раннего железного века природно-географические условия продолжали оказывать сильное влияние на жизнь патриархально-родовых коллективов. В милоградское время Нижнее Посожье, Приднепровье и Полесье Беларуси были заселены первобытными племенами. Территория проживания их в указанных регионах различалась естественными факторами. Ее своеобразие сказалось на хозяйственно-бытовой стороне жизни населения. Комплекс материалов милоградских городищ свидетельствует о занятиях их жителей земледелием. Это — орудия уборки урожая (серпы) и последующей его переработки (нижние и верхние камни зернотерок, песты). Орудия сами по себе не дают представления о характере земледелия в условиях юга республики. Большое значение в этом отношении имеет качество почв. В третьей четверти прошлого века исследователи природы по совокупности таких ее факторов, как климат, рельеф, растительность и почвенный покров, осуществили естественно-историческое районирование территории Беларуси (Природные условия, 1962, с. 7–12; Смеян, 1974, с. 233–261). В результате районирования территория республики была разделена по совокупностям географических особенностей на три широтные зоны (провинции): северную, центральную и южную. Юг Беларуси полностью включен в третью зону. Для нас это важно в связи с тем, что именно в пределах этой зоны в середине I тысячелетия до н. э. проживали племена милоградской культуры, и комплексная оценка почв, климата и растительного покрова весьма ценна. Большая часть территорий проживания «милоградцев» приходится на Восточно-Полесскую

низменность и левобережье Днепра с бассейном нижнего течения реки Сож.

Интересные и обширные сведения о природе Полесского края мы находим и у очевидцев середины — второй половины XIX века: П.М. Шпилевского, А.К. Киркора, И.И. Жилинского, И. Зеленского, которые довольно обстоятельно характеризуют юг Беларуси (Шпилевский, 2004, с. 29–128; Киркор, 1882, с 329–338; он же, 1882а, с. 339–356; он же, 1882б, с. 357–382; Зеленскій, 1864, с. 83–107, 155–173). В очерке И.И. Жилинского имеются подробные геоботанические данные, равно как детальное описание рельефа и почв по микрорегионам обширной низменности Полесья (Жилинский, 1899, с. 251–289). По современным оценкам, Полесскую низменность слагают дерново-слабо- и средне-подзолистые оглееные в нижней части песчаные почвы, заболоченные (дерново-подзолисто-болотные, дерново-болотные) и торфяно-болотные низинного типа (Природные условия, 1962, рис. 1, с. 11–12; Булгаков, 1962, с. 51–56; он же, 1962а, с. 57–67; Кулаковская, 1962, с. 68–92; Романова, 1974, с. 142–159; Торфяно-болотные почвы, 1974, с. 169–186; Роговой, 1974, с. 186–197; Смеян, 1974, с. 253–261, рис. 18, табл. 140; Растительность Белоруссии…, 1979, почвенная карта). Особенностью почвенного покрова Полесского региона является чередование дерново-подзолистых песчаных, заболоченных и болотных почв и связанная с этим мелкая контурность слабопологих плоских возвышенностей, пригодных для земледелия. Возвышенные участки сменяются огромными заболоченными массивами. В пределах Полесской низменности заболоченность составляет 30–60 % (Природные условия, 1962, с. 12). В целом же почвы Полесья характеризуются невысоким плодородием (Мартинкевич, 1960, с. 125). Среди низменности лишь только два участка выделяются высокоплодородными землями: Турово-Давид-Городокский и Мозырско-Хойникско-Брагинский, общей площадью 2,3 тыс. кв. км (Смеян, 1974, с. 259, 261). Дерново-подзолистые рыхлые песчаные почвы занимают плоские, водораздельные возвышенности, находящиеся в виде островов среди обширных понижений, занятых болотами. Особенно низким плодородием выделяются пески на высоких участках, где грунтовые воды залегают глубоко, а их гумусовый горизонт равен лишь 10–12 см (Природные условия, 1962, с. 12; Мартинкевич, 1960, с. 125). Средняя лесистость Полесья составляет 41,6 %. Широколиственно-сосновые леса в южной подзоне размещены крайне неравномерно (Леса Белорусского Полесья…, 1977, с. 20–29, 260–268). Известно, что территория Полесья всегда отличалась большой заселенностью в древности (Зеленскій, 1864, с. 100, 103–107, 115–117, 155–173, 401–411; он же, 1864а, с. 89–90; Кухаренко, 1961, с. 6; Егарэйчанка, 1983, с. 78). Едва ли можно сомневаться в том, что со времени существования милоградской культуры произошли какие-либо качественные изменения в характере почв. Отдаленность земельных участков, пригодных для обработки, ограничивала возможности населения милоградских общин в занятии земледелием (Жилинский, 1899, с. 552). Обитатели патриархальных поселков вынуждены были обрабатывать площади небольших островков, удаленных от мест их постоянного проживания. Такая разбросанность посевных площадей, естественно, затрудняла их обработку. В Полесском крае подобная ситуация с земледелием наблюдалась не только в I тысячелетии до н. э., но она сохранялась еще и в XIX веке. А.К. Киркор во второй половине этого столетия писал: «Вообще большая часть Пинского уезда представляет болотистую почву, так что

пахотные поля и луга разбросаны кое-где клочками среди непроходимых лесов и болот» (Киркор, 1882а, с. 341). Во время весенних паводков и обильных дождей летом невысокие участки возвышенностей затапливались. Последнее обстоятельство не гарантировало нормальных условий для получения урожая. В то же время затопления промывали почву, смывали вредные соли и приносили плодородный ил, что постоянно восстанавливало ее естественное плодородие (Зеленскій, 1864, с. 116). В условиях Полесья земледелие могло иметь частично характер огородничества или быть припоселково-пойменным, смысл которого заключался в обработке невысоких и небольших по площади возвышений среди пойм и болот, вблизи поселений (Лошенков, 1982, с. 82). В последней четверти XIX в. И.И. Жилинский отмечал, что Полесье вообще очень бедно огородами из-за недостатка подходящих для этого земель. Почти все поселения расположены по песчаным буграм, на которых не только огородные овощи, но и хлеба плохо родятся без сильного удобрения навозом. Очень часто болота подходили к поселкам и усадьбам. Вследствие их близости к жилью, небольшой глубины и легкой осушаемости они представляли собой подходящие участки для огородов. В XIX веке крестьяне, увидев пример успешного культивирования болота, охотно стали заводить на своих осушенных болотах огороды, тем более что для этого им не нужно было делать никаких затрат, кроме собственного труда и некоторого количества навоза (Жилинский, 1899, с. 551–552). Очевидно, припоселково-пойменное земледелие выполняло вспомогательную роль в дополнение к основному.

Приднепровский регион ограничивает Полесскую низменность с востока. Это — неширокая полоса (15–20 км) вдоль Днепра от Рогачева до Лоева и Комарина. На правобережье почвы из лёссовидных суглинков тянутся полосой вдоль Днепра. В отдельных местах они чередуются с дерново-подзолистыми, супесчаными массивами (Стецко, 1960, с. 62–73; Растительность Белоруссии…, 1979, карта почв; Карта глебы, 1983, каляровая карта).

На левобережье Днепра, в Нижнем Посожье, почвенно-географическая ситуация, в отличие от Полесья и Приднепровья, совсем иная. Прежде всего она охватывает юго-восточную часть Центрально-Березинской и южную часть Чечерской равнин. Рельеф здесь плоско-волнистый, местами с сильно сглаженными моренными грядами. Территория расчленена речными долинами современных рек и долинами древних потоков. Почвы в основном дерново-подзолистые, местами заболоченные. Переувлажненные почвы занимают около 50 % территории рассматриваемого региона (Смеян, 1974, с. 152–153). Почвообразующими породами являются водно-ледниковые супеси, суглинки и пески, моренные легкие и лёссовидные суглинки. Климатические условия на северо-востоке левобережья наиболее суровые по сравнению с остальными более южными территориями. Приднепровье и Полесье входят в теплую агроклиматическую зону. Средняя температура года +6,5°, а количество осадков около 500 мм (Смеян, 1974, с. 253–261).

Совокупность данных свидетельствует о том, что население милоградской культуры на территории проживания занималось главным образом подсечно-огневым земледелием. Это убедительно доказывают прежде всего сложные природные условия, которые, естественно, сказались как на его технике, так и на характере орудий труда. Во время раскопок укрепленных поселений найдено восемь целых железных топоров: Горошков (2), Моховское I (1), Любны (1), Старое Красное (2), Чаплин (2) — и девять обломков

лезвий: Лиски (3), Ворновка (1), Любны (1), Подгорье (1), Хильчицы (1), Чаплин (1), Ястребка (1). Еще три подобных орудия известны на поселениях Подгорцы и Таценки на Украине, где также проживало изучаемое население (Даниленко, 1956, с. 6, 8, 9; Петровська, 1971, с. 13, рис. 3: 5; Максимов, 1972, с. 40, 79, табл. XIII: 17; VIII: 17; Рассадин, 1989, с. 8; он же, 2005, с. 25–26). Автор полагает, что к числу рубящих орудий следует относить и две пластинчатые мотыжки с городищ Горошков и Моховское I (Мельниковская, 1967, с. 57–58, рис. 20: 5, 21: 4, 23: 7, 8; Лашанкоў, 1999а, с. 49). В зависимости от способа крепления их к деревянной рукояти они могли использоваться более универсально: не только как мотыжки, но и как топоры. В таком случае в милоградских древностях количество топоров увеличивается до 22 экземпляров с учетом обломков лезвий. Кроме железных топоров на памятниках Беларуси неоднократно встречались и каменные, которых зафиксировано около двадцати орудий (табл. 8). Примерно десяток их, разнообразных по форме и материалу изготовления, отмечает О.Н. Мельниковская на городищах Приднепровья (Мельниковская, 1967, с. 67–68). Довольно часто топоры из камня встречались исследователям вблизи поселений. Так, севернее городища Лиски, на возвышенном участке в пойме левого берега р. Ведрич, при распашке выявлено три топора (один с отверстием) и мотыга (рис. 34: 1, 7, 8), которые, возможно, относятся к милоградской культуре. В окрестностях городища Короватичи II найдено четыре шлифованных клиновидных топора и один из кремня (рис. 34: 2–6), а Черное — три: кремневый, с отверстием и клиновидный (Лошенков, 2004, д. 2138). По одному такому орудию находили, опять-таки случайно, в окрестностях укрепленных поселений Горошков, Красная Дуброва, Особок, Старое Красное (2). Железные и каменные топоры использовались для расчистки участков от лесов и кустарников, а каменные, возможно, для рыхления почв вокруг слабо обгоревших пней (Петров, 1968, с. 161–164). Об этом же говорят не только находки топоров, но и разбросанность пригодных для обработки участков, низкое плодородие почв и сильная залесенность территории (Петров, 1968, с. 161–164). По мнению Э.М. Заго-рульского, два последних обстоятельства сдерживали в какой-то мере развитие в эпоху раннего железа на территории Беларуси земледелия как отрасли производящего хозяйства (Загорульский, 1977, с. 96). В первые три-четыре года, пока сохранялось основное агротехническое средство — зола и отсутствовали сорняки, урожайность при подсеке была довольно высокой (Петров, 1968, с. 9, 10, 12, 155–158, 177–183, 191–209). А потом почвы выщелачивались и урожайность резко падала (Коляда, 1985, с. 36). В этом случае выбирался новый участок для обработки (Кабо, 1980, с. 73–74; Мельниковская, 1967, с. 131; Митрофанов, 1978, с. 43, 45). Освоение же новых земель, занятых лесом, могло осуществляться только через стадию развития подсечно-огневой системы земледелия. Но поскольку в Восточном Полесье возвышенных массивов, пригодных для земледелия, было мало, то жители городищ вынуждены были время от времени менять и место своего обитания, что практиковалось и в более позднее время (Титов, 1983, с. 138). Возможно, этим обстоятельством и следует объяснять незначительную мощность культурного слоя (0,1–0,4 м) у большинства укрепленных поселений, а в некоторых случаях и его отсутствие на отдельных из них (Капоринка Брагинского, Василевичи Речицкого, Небытов Хойникского р-нов). На смену мест проживания обращали внимание В.П. Петров и О.Н. Мельниковская (Петров, 1968, с. 20–49; Мельниковская, 1967, с. 131). Подсечно-огневая система

земледелия просуществовала на территории Беларуси вплоть до начала XX в. (Титов, 1983, с. 76).

Чрезвычайно важным вопросом является наличие пашенного земледелия у населения милоградской культуры. О.Н. Мельниковская отмечает два способа обработки земли у милоградских племен: пашенный и подсечно-огневой, отдавая предпочтение первому (Мельниковская, 1967, с. 130–132). А.А. Егорейченко же, напротив, считает, что ведущую роль в земледелии Полесья в раннем железном веке играла подсека (Егарэйчанка, 1983, с. 77–82; Егорейченко, 1996, с. 151–152). М.И. Лошенков высказал мысль о существовании в регионе Полесья припоселково-пойменного земледелия (Лошенков, 1982, с. 82; он же, 1990, с. 17; Лашанкоў, 1999, с. 65–66). На исследованных поселениях не выявлены орудия труда для обработки пашни. Следует отметить, что вообще пахотных орудий, относящихся к этому времени, в степной, лесостепной и лесной зонах Восточной Европы найдено немного: в торфяниках у сел Каплановичи (Клецкий район Минской обл.), Полесье (Жабчичи) (Черниговской обл.), Сергеевск (Стародубский район Брянской обл.) и Токари (Сумской район и обл.) (Березовець, 1952, с. 174–175; Шрамко, 1961, с. 75–83; он же, 1964, с. 84–100; Поболь, 1967, с. 117–128; Краснов, 1971, с. 47). Кроме того, Б.А. Шрамко на Восточно-Бельском городище VI–V в. до н. э. найдена глиняная модель бычьей упряжки и кривогрядильного рала (Шрамко, 1985, с. 47, рис. 1, 4; он же, 1987, с. 84, рис. 34, 1–4). Изображение такого же рала имеется на грузике из Троицкого городища (Краснов, 1971, с. 47, рис. 28). Ближайшие пахотные орудия происходят из Полесского, Сергеевского и Каплановского торфяников. Сергеевское находится в пограничье милоградской и юхновской культур, а Каплановское — в южном ареале культуры штрихованной керамики — предполесье. Найденная А.И. Дробушевским в 1991 г. насадка на рало из рога на городище Уваровичи автором раскопок интерпретируется как изделие зарубинецкого населения (Дробушевский, 1996, с. 5–7). Согласно стратиграфическим наблюдениям исследователя, наиболее вероятная датировка этого орудия — III–II вв. до н. э. Сказанное позволяет заметить, что роговая насадка на рало с городища Уваровичи может быть соотнесена не только с ранними «зарубинцами», но и с поздними «милоградцами», что вряд ли правомерно полностью исключать. Для нас не бесспорно наличие орудия рыхления почвы у милоградского населения в Уваровичах свидетельствует о занятии земледелием, возможно, пашенным, на левобережье Днепра на широте 25 км севернее Гомеля. Здесь уместно высказать мысль о том, что данная роговая насадка могла использоваться как деталь не для тяглового орудия — рала, на чем акцентирует внимание автор раскопок поселения, а как специальное приспособление на небольшую деревянную мотыгу либо обыкновенную палку — исключительно ручное орудие для рыхления обрабатываемой почвы (Сержпутовскій, 1910, с. 46, рис. 1: 1–7; Краснов, 1971, с. 25, 49–51, рис. 7: 1, 2; 29: 5; Загорульский, 1977, с. 111). Учитывая высокую культуру пашенного земледелия у южных соседей — населения Лесостепи, нельзя исключать его наличие у милоградского населения Приднепровья, как это доказывает О.Н. Мельниковская. Трудно себе представить, что население этой же культуры в Полесье не было знакомо с пашенным земледелием, и в особенности то, которое проживало на высокоплодородных землях. О пашенном земледелии в какой-то мере может свидетельствовать и остеологический материал из раскопанных нами городищ Липняки, Ястребка, Лиски, Рассвет, Старое Красное. На этих поселениях в стадах домашних животных доминирующее положение занимает крупный рогатый скот

(Лошенков, 1986, с. 94), который использовался, надо полагать, в качестве тягловой силы. Вместе с тем следует отметить, что на большей части территории Полесья объективные условия для пашенного земледелия были неподходящими (Киркор, 1882а, с. 341). Говорить о преобладании в целом какой-либо из этих двух систем мы можем пока предположительно ввиду малой изученности милоградских поселений. Материалы раскопок городищ не дают однозначного ответа на этот вопрос. Они указывают на их одновременное сосуществование. Так, на городище Горошков найдено пряслице в форме сосуда с изображением на его поверхности сцены, связанной с обработкой почвы (Мельниковская, 1967, рис. 54: 25А). О.Н. Мельниковская комментирует этот примитивный рисунок как сцену пахоты с использованием животных (Мельниковская, 1967, с. 132). Другая подобная находка происходит из городища Подгорье близ Добруша. По мнению автора раскопок, С.Е. Рассадина, на грузике изображен посев или символизирующий его обряд (Рассадин, 1988а, с. 5). Мы можем заключить, что у населения милоградской культуры земледелие по характеру было в основном подсечно-огневым, в некоторых микрорегионах пашенным и в меньшей степени — припоселково-пойменным.

Ю.А. Краснов в фундаментальном исследовании отмечает, что в раннем железном веке население лесной полосы было знакомо со всеми зерновыми, бобовыми и техническими культурами (Краснов, 1971, с. 19). Во время раскопок милоградских памятников не выявлены остатки обугленных зерен культурных растений, возделываемых жителями поселений. Не обнаружены и глиняные модели их, весьма распространенные у южных соседей (Шрамко, 1957, с. 188–194; он же, 1985, с. 48–49). При отсутствии данных о составе выращиваемых культур можно предположить, что у «милоградцев» они были в основном такими же, как и у племен лесостепной зоны на лево- и правобережье Днепра (Ковпаненко, 1975, с. 147–151; Моруженко, 1984, с. 128–141; Пузикова, 1981, с. 89, рис. 35: 1, 2; Кирьянова, 1981, с. 110–111; Шрамко, 1985, с. 47–64; Ромашко, 1986, с. 120–136; Шрамко, 1987, с. 86; Гаврилюк, 1991, с. 51–63; Пузикова, 1997, с. 81; Лебедева, 2001, с. 188–195; она же, 2004, с. 119–126; она же, 2009, с. 203–211, табл. 5–9, рис. 5, 6).

При отсутствии прямых доказательств о культивируемых растениях в виде обугленных зерен обратимся к косвенным данным. Таковыми являются отпечатки зерновок на обломках глиняной посуды. По заключению А.В. Кирьянова, на стенке сосуда с поселения Горошков имеются отпечатки мягкой пшеницы (Мельниковская, 1967, с. 129; Краснов, 1971, с. 16, табл. 1). О.Н. Мельниковская отмечает отпечатки проса на днище одного из сосудов с Асаревичского городища, а на керамике с городища Чаплин — пшеницы (Мельниковская, 1967, с. 129). Палеоботанические материалы указывают на применение мастерами-керамистами при изготовлении глиняной посуды органических искусственных добавок растительного происхождения. В числе таких включений — зерна злаковых: пшеницы (Triticum aestivum L.), проса (Panicum miliaceum L.), ячменя (Hordeum vulgare L.), — бобовых: гороха (Picum sativum L.), боба (Vicia faba L.), — и 11 сорных растений (Лашанкоў, 2005а, с. 56–61; он же , 2007, с. 88, мал. 2; Лошенков, 2008, с. 238, 239, 240; он же, 2010, с. 404–417; он же, 2010а, с.61–72.). Ассортимент именно перечисленных культурных растений и сорняков хорошо фиксируется документально в керамике населения милоградской культуры (табл. 38). Статистические данные показывают, что доминирующее положение,

Таблица 38

Включения зерен растений в керамике населения милоградской культуры

Памятники и вскрытая площадь кв. м.	Авторы раскопок и годы	Керамика		виды растений						
		Всего обработано	Выбрано с отпечатками	пшеница	ячмень	просо	горох	боб	сорняки	всего
Асаревичи (Брагинский р-н), ?	О.Н. Мельниковская, 1955, 1957 гг.	?	На днище сосуда			+				+?
Асаревичи I, п / м	Н.Н. Кривальцевич, 2007 г.	63	3			3				3
Балашевка (Речицкийр-н), 4	И.Н. Езепенко, 2009 г.	323	4			3			1	4
Горошков (Речицкийр-н), 5400	О.Н. Мельниковская, 1952, 1954–1961 гг.	?	На стенке сосуда	+						+?
Горошков п / м	Г.В. Штыхов, 1976 г.	53	7			8			2	10
Горошков п / м	М.И. Лошенков, 1985 г.	203	4		1	3				4
Красная Горка (Жлобинский р-н), 44	Н.Н. Дубицкая, 2004, 2006, 2007 гг.	1703	18	1		18			1	20
Липняки (Лоевский р-н), 200	М.И. Лошенков, 1977 г.	214	5		2	4				6
Лиски (Речицкий р-н), 2620	М.И. Лошенков, 1980 – 1983 гг.	9209	316	4	9	352		1	12	378
Новая Гребля (Брагинский р-н), п / м	Н.Н. Кривальцевич, 2007 г.	30	1			1				1
Отрубы (Жлобинский р-н), 360	Н.Н. Дубицкая, 1997, 2000 –2006 гг.	8853	73	1	5	86	1	3		96
Подгорцы (Обуховский р-н), 200	В.Н. Даниленко, 1950 г.	?	?	+		+				+?
Проскурни (Жлобинский р-н), 64	А.Г. Тимофеенко, 2008, 2009 гг.	1546	25	1		26			1	28
Рассвет (Речицкий р-н), 160	М.И. Лошенков, 1983 г.	676	9			10			1	11
Старое Красное (Речицкий р-н), 480	М.И. Лошенков, 1982, 1983 гг.	3560	205	5	7	207			41	260
Чёрное (Речицкий р-н), 120	М.И. Лошенков, 2003, 2004 гг.	15537	157	2	1	170	1		3	177
Ястребка (Лоевский р-н), 1396	М.И. Лошенков, 1978, 1979 гг.	2385	16	1	1	15				17

судя по включениям выращиваемых культур, среди злаковых, принадлежит просу (табл. 38). Вполне возможно, что именно эта культура преобладала в питании над всеми остальными видами растительной пищи. Доля растительных добавок в керамике разных поселений неодинаковая: Красная Горка — 1,8 % по выборке фрагментов и 2 % по отпечаткам на них, Липняки — соответственно 2,3 % и 2,8 %, Лиски — 3,4 % и 4,1 %, Проскурни — 2 % и 2,2 %, Отрубы — 0,8 % и 1 %, Рассвет — 1,3 % и 1,6 %, Старое Красное — 5,7 % и 7,3 %, Черное — 1 % и 1,1 %, Ястребка — 0,6 % и 0,7 %. Как видим, в рассматриваемой керамике с милоградских памятников включения растительного происхождения варьируются от 0,6–0,7 до 5,4–6,5 %. Они являются полноценными источниками по культивируемым растениям жителями поселений милоградской куль-

туры. Сказанное, в какой-то мере, может подтверждатсься еще и палинологическими данными,согласнокоторымврассматриваемое время на территории Беларуси, в том числе и южной, среди травянистых растений постоянно присутствует пыльца посевных злаков и зерна пшеницы (Еловичева, 1993, с. 51–52, 72–74). На значительно более южной территории Украины — на поселении Подгорцы, южнее Киева, В.Н. Даниленко констатировал у «милоградцев» отпечатки зерен пшеницы и проса на днищах и стенках глиняной посуды (Даниленко, 1953, с. 206; он же, 1956, с. 10).

Здесь уместно обратить внимание на наличие сорняков, засвидетельствованных документально в милоградской керамике. Среди рассматриваемых памятников семена сорных растений выявлены только на восьми: Балашевка, Горошков, Красная Горка, Лиски, Проскурни, Рассвет, Старое Красное, Чёрное (табл. 38). В коллекциях отпечатков сорняки представлены 62 зернами: горцем войлочнолистным (3), горцем почечуйным (2), гречишкой вьюнковой (13), ежовником обыкновенным (1), костером ржаным (2), марью белой (11), подмаренником цепким (1), рожью (3), щетинником зеленым (19), щетинником сизым (2), гвоздиковыми (1), горошек (3), злаки (1). Это однолетние растения. В процессе подготовки формовочной массы они попали в глиняное тесто вместе с добавками злаковых.

Изначально милоградское население проживало во второй половине (SB-2), а точнее, в конце суббореального периода — VII, VI вв. до н. э. В это время, по сведениям геологов-четвертичников, в составах трав на территории Беларуси постоянно присутствует пыльца посевных злаков пшеницы. Средняя температура июля, января и годовая были выше современной на 0,5–1 °С. Количество осадков превышало современный уровень на 50–75 мм. Климат был теплым и более влажным (Еловичева, 1993, с. 51, 72–73).

С середины I тысячелетия до н. э. начался субатлантический период SA-1 (2500–1600 лет назад). На Беларуси среди травянистых растений постоянно отмечались зерна хлебных злаков пшеницы и элементы синнонтропической растительности, как об этом свидетельствуют данные палинологии. Температура июля была ниже современной на 0,5–1 °С, января — на 1–2 °С, годовая — на 0,5–1,5 °С. Осадков выпадало на 25–50 мм меньше, чем в настоящее время. Климат в целом был умеренно-прохладный и сухой (Еловичева, 1993, с. 51–52, 73–74). Спорово-пыльцевые данные этого периода на Беларуси фиксируют снижение антропогенной активности в освоении земельных пространств. По мнению исследователей, в результате подъема уровня воды в озерах, заболачивания территории и подходов к водоемам посевные участки, приуроченные к поймам рек и озер, были затоплены (Признаки хозяйственной деятельности…, 2001, с. 13).

В начале железного века в связи со сменой суббореального климата субатлантическим условия для занятия земледелием, как видим, несколько ухудшились (Краснов, 1971, с. 20; Савукинене, 1971, с. 247–251; Швецов, 1985, с. 25–29). Литовские исследователи, основываясь на палинологических данных своей территории, выделили для этого времени даже фазу «субатлантического упадка земледелия» (Савукинене, 1976, с. 98–99). Ухудшение климатических условий в целом не могло не привести древнее население на юге Беларуси к сокращению посевных площадей и проблеме выведения новых злаков, способных произрастать в более холодных природных условиях. Ю.А. Краснов отмечает, что в лесной полосе в эту пору существовали, по-видимому, лишь яровые посевы (Краснов, 1971, с. 20), с чем нельзя не согласиться. Оценка же почвенно-климатических условий первых столетий субатлантического периода

на территории Литвы показывает, что человек в это время сеял пшеницу и ячмень и собирал урожай с большой примесью сорняков (Савукинене, 1971, с. 250). Несомненно, что эти же культуры выращивались и на более южной территории Беларуси.

Особенности земледелия в условиях Полесья дают основание говорить о том, что его удельный вес здесь был ниже, чем у населения, проживавшего на высоких берегах Днепра (Милоград, Глыбов, Моховское I и II). Этому в значительной мере способствовала холодная и влажная фаза климатического цикла (Швецов, 1985а, с. 31). Природный ландшафт также препятствовал его развитию и в более поздний период (Титов, 1983, с. 75–76, 137–138). Отмечая в целом более низкий удельный вес земледелия в хозяйстве населения милоградских городищ Полесья, следует заметить, что и в самом Полесском регионе оно было распространено далеко не равномерно. На тех поселениях, возле которых пригодных для обработки земель было мало, главной отраслью в хозяйстве становилось скотоводство (Лошенков, 1982, с. 82) и, естественно, увеличивался удельный вес промыслов. В результате комплексного изучения природной обстановки Мозырского Полесья в милоградское время географы пришли к мысли, что «маловероятно, чтобы именно в таких условиях земледелие стало ведущей отраслью хозяйства, как это принято считать» (Швецов, 1985а, с. 31). Исследуя памятники милоградской культуры в среднем течении р. Горынь, И.К. Свешников пришел к заключению, что основу хозяйства их населения составляло скотоводство (Свєшников, 1971, с. 76, 80). Население же городищ, расположенных на высокоплодородных почвах с хорошо доступными для земледелия массивами, имело объективные возможности совершенствовать данную отрасль хозяйства, заменяя подсеку на пашенную обработку. Это позволяло земледелию занимать ведущее место в экономике таких поселков. Хозяйство милоградских общинников было комплексным — скотоводческо-земледельческим, в котором немалую роль играли еще охота, рыболовство и собирательство (Лошенков, 1986, с. 95).

О занятиях обитателей милоградских поселений земледелием можно судить в какой-то мере по специализированным орудиям уборки урожая — серпам. Раньше коллекция их имелась только с четырех памятников Приднепровского региона — Горошкова, Милограда, Моховского II и Чаплина. В ней насчитывалось в общей сложности 21 орудие. Автор полагает, что на городище Отрубы Н.Н. Дубицкой найден серп небольшого размера (Дубицкая, 2003, с. 63, рис. 4: 8). Теперь, в начале III тысячелетия н. э., количество рассматриваемых орудий почти удвоилось: автором учтено 41 орудие. Из этого количества около десятка серпов представлено обломками. Значительно расширилась и территория их использования. Так, в регионе Нижнего Посожья они известны на городищах Подгорье (1), Присно II (1), Уваровичи (3). В Полесье — на неукрепленных поселениях Лемешевичи (2), Хильчицы (1) и городищах Лиски (4), Ястребка (1), Ивань (3). Последний памятник — многослойное поселение: с отложениями «милоградцев», «зарубинцев» и «штриховиков» (Егорейченко, 1983, с. 15; он же, 1996, с. 16–17, 23). Надо полагать, что какая-то часть серпов из 15 выявленных на этом поселении использовалась населением милоградской культуры (Егорейченко, 1996, с. 37, рис. 30: 1–15). О двух аналогичных находках «милоградцев» на территории Украины имеется краткое упоминание (Петровська, 1971, с. 13–14, рис. 3: 2). Примечательно, что у сохранившейся носовой части обломка серпа с поселения Подгорцы на лезвии есть зазубрины. В Беларуси такое новшество зафиксировано исследователями у двух орудий. Специальные зазубрины

имеются у небольших по размерам серпов с городища Горошков и селища Хильчицы (Мельниковская, 1967, с. 56; Залашко, 1981, д. 805). Совершенно очевидно, что специальные зазубринки имели целью повысить рабочие качества жатвенных орудий. Небольшие зубчики — это не насечка, хорошо известная в более позднее время. Наличие зубчиков на лезвиях серпов О.Н. Мельниковская объясняет разным временем их появления (Мельниковская, 1967, с. 56).

Автор определяет рабочие качества орудий по двум показателям: формам и металлу. Соотношения пропорций размеров, форм изгиба лезвия и углов резания милоградских серпов из полесских поселений свидетельствуют об их более низких рабочих качествах по сравнению с серпами из городищ Приднепровья (Краснов, 1971, с. 72, рис. 45: 4–6; 46). Величина угла резания у слабоизогнутого серпа из городища Лиски 7–10°, а у более изогнутого — 16–27°. Следовательно, формы изгиба лезвия у рассматриваемых серпов менее совершенны, чем у серпов из милоградских поселений, расположенных на правом, высоком берегуДнепра: Горошков, Чаплин. Металлографическим исследованием, проведенным М.Ф. Гуриным, установлено, что лишь серп из Ястребки имеет более сложную технологию изготовления: на его железную основу наварена стальная рабочая часть с последующей закалкой (Лошенков, 1994, с. 56). Остальные серпы изготовлены путем свободной горячей ковки без сложных технологий.

Если урожаи снимались железными серпами, то при подсеке основным орудием земледелия являлся топор. Древние обитатели милоградских городищ наряду с железными топорами, по-видимому, еще какое-то время продолжали пользоваться каменными. Последние нами обнаружены как на местах проживания, так и в поле, недалеко от поселений. Однако применение именно железных топоров подняло земледелие на более высокую ступень развития. Ф. Энгельс в связи с этим писал: «Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов» (Энгельс, 1961, с. 163). Микроструктуры железных топоров говорят о том, что только кельт из Старого Красного сделан из железа, а остальные — из стали, и даже сверхтвердой (клиновидный с проушным отверстием). Для улучшения их качества к последнему применена цементация, а к остальным — закалка.

Находки каменных зернотерок также свидетельствуют о повсеместном распространении земледелия у обитателей патриархально-родовых поселков на территории Беларуси.

Таким образом, земледелие в жизни населения милоградских городищ Полесья имело меньший удельный вес, чем в Приднепровье и, надо полагать, в Посожье. Существенным препятствием в его развитии были природные условия. По характеру оно был смешанным: главным образом подсечно-огневым, в незначительной степени — пашенным и припоселково-пойменным. Железные топоры использовались для подсечно-огневой расчистки под посевы новых участков от леса и кустарника. Каменные — вполне могли применяться для рыхления почвы. Посевы были яровые. Как установлено, обитатели поселений выращивали мягкую пшеницу, ячмень, просо, а из бобовых — горох, конские бобы. Урожаи собирали железными серпами и ножами. Зерно хранили в глиняных сосудах больших размеров и в ямах-погребах. Размол подсушенного зерна осуществляли одноручными каменными зернотерками.

Преобладание подсечно-огневого по характеру земледелия у «милоградцев» Полесской низменности сближает его с таким же по характеру земледелием у населения сопредельных территорий лесной полосы: «штриховиков», «днепродвинцев», «дьяковцев», «юхновцев». На высокоплодородных же массивах оно было пашенным, как и у племен лесостепи, но в условиях Полесья оно могло иметь слишком ограниченный характер. Сказанное существенно отличает земледелие патриархально-родовых общин милоградской культуры на изучаемой территории от пашенной системы земледелия у населения Лесостепи на право- и левобережье Среднего Днепра.

3. Охота. Рыболовство. Собирательство

Материалы раскопок древнейших городищ Южной Беларуси свидетельствуют о том, что кроме двух органически взаимосвязанных отраслей раннего производящего хозяйства — скотоводства и земледелия определенным подспорьем в снабжении населения милоградской культуры продуктами питания являлись еще охота, рыболовство и собирательство. Природные богатства Полесского края способствовали занятиям его населения охотой, рыболовством, собирательством не только в XIX веке, но и в эпоху первобытности.

Охота

Уже установлено, что основное количество мяса жителям изучаемых поселений давало скотоводство, о котором шла речь выше. Вместе с тем нельзя сказать, чтобы эта отрасль хозяйственной деятельности полностью удовлетворяла потребности милоградских общинников в мясе. Поэтому обитатели восточнополесских городищ, как, впрочем, и других регионов, вынуждены были заниматься еще и охотой. Об этом говорят находки костей диких животных на исследованных памятниках. О значении охоты в жизни патриархально-родовых коллективов мы судим по количеству костей представителей дикой фауны, выявленных в культурных отложениях поселений (табл. 39; 40; рис. 89).

В регионе Посожья количество костей диких животных на городище Шепотовичи составляет 6,8 % (табл. 39) (Дробушевский, 1995а, с. 41–42). В Добрушском районе на таком же памятнике Подгорье — 8,7 % (Рассадин, 1988а, с. 3). Из слоя Чечерского городища, по данным В.И. Громова с довоенной коллекции, происходит 26,8 %

Таблица 39

Фаунистические материалы диких животных с городищ Посожья

Виды животных	по В.И. Громову	по В.В. Щегловой		Всего	
	кости	кости	особи	кости	особи
Чечерск					
	1930 г.	1974 г.			
Домашние	**148**	**597**	**157**	**745**	**160**
Заяц	4	5	5	9	6*
Выдра речная	–	2	2	2	2
Бобр речной	9	17	15	26	16
Куница лесная	–	1	1	1	1
Волк	2	–	–	2	1
Медведь бурый	3	–	–	3	1
Кабан**	– (83)	20	9	20	9
Косуля обыкновенная	7	1	1	8	2
Лось	14	55	24	69	25
Зубр европейский	–	2	2	2	2
Дикие	**39**	**103**	**59**	**142**	**65**
Всего по памятнику	**187**	**700**	**216**	**887**	**225**
Шепотовичи					
	1930 г.	1982 г.			
Домашние	**114**	**104**	**10**	**218**	**13**
Заяц	–	1	1	1	1
Бобр	3	1	1	4	2
Рысь	–	1	1	1	1
Кабан**	– (33)	2	1	2	1
Косуля	–	1	1	1	1
Лось	7	–	–	7	1
Дикие	**10**	**6**	**5**	**16**	**7**
Всего по памятнику	**124**	**110**	**15**	**234**	**20**

* Количество костей в определениях В.И. Громова автор принимает за минимальное число особей — 1.

** В.И. Громов кости дикой и домашней свиньи дал в совокупности, в связи с чем 83 экземпляра их с городища Чечерск и 33 — с Шепотович в данную таблицу не включены

костей диких животных (Громаў, 1930, с. 214–217, табл.). По новым сведениям, с учетом материалов раскопок 1974 г. М.А. Ткачева (определение В.В. Щегловой), этот показатель, по вычислениям автора, равен 16 %, а по особям он выше — 28,8 % (табл. 39) (Ткачев, 1974, д. 470; он же, 1976, с. 427). Отметим еще одно обстоятельство: если в слое поселений Чечерск и Шепотовичи объекты охоты представлены разнообразными видами (табл. 39), то на городище Подгорье остатки дикой фауны почему-то только от одного ее представителя — лося (Рассадин, 1988а, с. 3).

Роль охоты в Приднепровском регионе в определенной мере охарактеризована О.Н. Мельниковской на материалах городища Горошков. Здесь фоссилии диких животных составляют 5,9 % по отношению к остаткам домашних видов, а вот по числу особей этот показатель выше — 13,7 % (Мельниковская, 1967, с. 137). По мнению исследовательницы, на кости копытных животных, таких как зубр, олень, лось, кабан, приходится три четверти рассматриваемых материалов (75 %). Остальные 25 % костей принадлежат пушным объектам охоты, преимущественно бобру (Мельниковская, 1967, с. 138). Основываясь на данных определений В.И. Цалкина, наш расчет показывает, что соотношения по количеству костей между мясными и

Таблица 40

Костные остатки диких животных на милоградских городищах

Регионы	Посожье		Приднепровье			Полесье				Всего по культуре
Виды животных \ Памятники	Чечерск	Шепотовичи	Горошков	Отрубы	Черное	Лиски	Рассвет	Старое Красное	Ястребка	
Заяц	9/6	1/1	–	–	–	–	2/2	–	–	**12/9**
Бобр речной	26/16	4/2	73/4	–	5/3	15/1	5/1	–	–	**128/27**
Выдра речная	2/2	–	–	–	–	–	–	–	–	**2/2**
Куница лесная	1/1	–	–	1/1	1/1	–	–	–	–	**3/3**
Соболь серебристый	–	–	–	1/1	–	–	–	–	–	**1/1**
Кошка лесная	–	–	–	–	–	–	–	–	10/1	**10/1**
Лисица обыкновенная	–	–	–	–	10/2	–	–	–	–	**10/2**
Барсук	–	–	1/1	–	–	2/1	–	–	–	**3/2**
Волк	2/1	–	–	–	7/2	–	–	–	–	**9/3**
Рысь	–	1/1	–	–	–	–	–	–	–	**1/1**
Медведь бурый	3/1	–	2/1	–	7/2	–	–	–	2/1	**14/5**
Кабан дикий	20/9	2/1	21/7	16/5	17/4	–	2/1	–	16/2	**94/29**
Косуля обыкновенная	8/2	1/1	–	1/1	5/3	–	–	–	–	**15/7**
Олень благородный	–	–	3/1	2/1	16/4	–	–	–	–	**21/6**
Лось	69/25	7/1	51/9	11/2	34/7	12/3	–	9/1	3/1	**196/49**
Зубр европейский	2/2	–	4/1	–	12/2	–	–	1/1	–	**19/6**
Всего	**142/65**	**16/7**	**155/24**	**32/11**	**114/30**	**29/5**	**9/4**	**10/2**	**31/5**	**538/153**

В числителе количество костей / в знаменателе количество особей.

пушными видами на поселении Горошков были примерно равными: от мясных — 52,3 %, от пушных — 47,7 %. В то же время по числу особей пушные животные составляли только пятую часть от парнокопытных млекопитающих дикой фауны — пушных 20,8 %, мясных — 79,2 %. Еще на двух изучаемых памятниках в этом регионе — городищах Отрубы и Черное — удельный вес диких животных имеет следующие показатели: по количеству костей соответственно 17,2 % и 21,2 %, по числу особей — 26,8 % и 33 %.

Памятники Восточного Полесья содержат совсем небольшое количество остатков диких животных: Лиски — 5,4 %, Рассвет — 2,8 %, Старое Красное — 4,8 %, Ястребка — 7 % (табл. 40; рис. 89). Суммарное соотношение между мясными и пушными видами в Полесском регионе выглядит следующим образом: по количеству костей — 57 % от мясных и 43 % от пушных и по количеству особей — соответственно 62,5 % и 37,5 %. Здесь уместно отметить и такой факт, что в этом регионе есть поселения, на которых кости пушного зверя не зафиксированы вообще, как на городищах Старое Красное и Ястребка. А на городище Рассвет, наоборот, преобладают остатки зайца и бобра. И только в Лисках мясные виды доминируют над пушными. Чтобы лучше уяснить особенности охоты у населения милоградской культуры на крупных диких животных и мелкого зверя, рассмотрим более подробно добычу их по отдельным видам в разных регионах. Исходя из имеющихся в нашем распоряжении фаунистических материалов (табл. 40), охота велась «милоградцами» на парнокопытных животных, хищников и пушных зверей. В такой последовательности мы ее и рассмотрим.

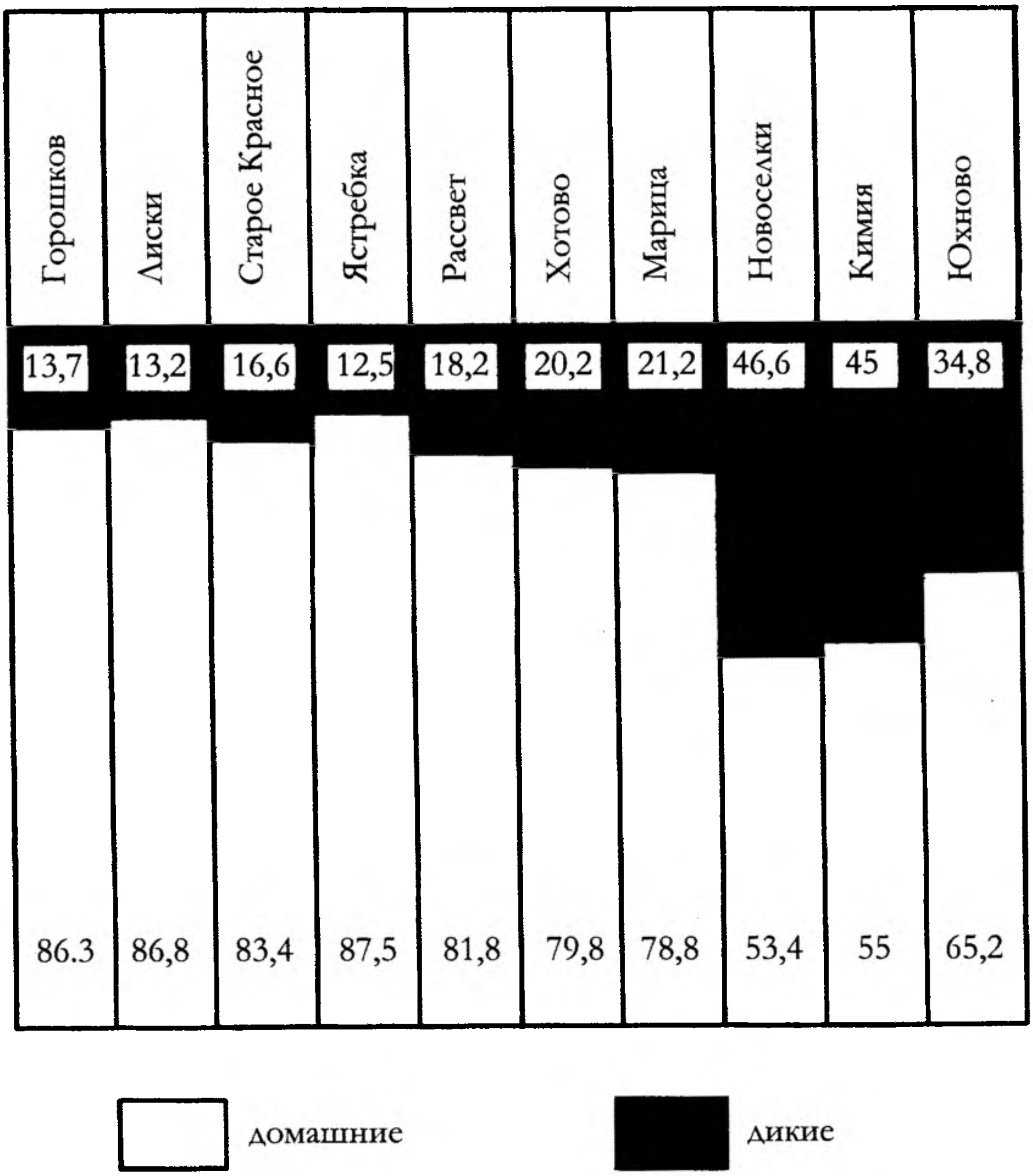

Рис. 89. Поцентное соотношение между домашними и дикими животными по количеству особей на памятниках милоградской культуры и соседних территорий

Парнокопытные (Artiodactyla). Среди парнокопытных животных на поселениях есть кухонные остатки следующих пяти видов: зубра европейского, лося, оленя благородного, косули обыкновенной, кабана.

Лось (Alces alces L.). У милоградского населения лось являлся наиболее частым объектом охоты. Его остатки обнаружены почти на всех памятниках (табл. 40). Но они неизвестны на богатом костями полесском городище Рассвет. Кости этого представителя дикой фауны отсутствуют еще на городищах Глыбов и Милоград (Мельниковская, 1967, с. 134). Согласно определению А.А. Разлуцкой, в материалах поселения Чёрное есть 34 кости от семи особей лосей. Больше всего особей данного животного, как и костей, выявлено на Чечерском городище (табл. 40). На трех полесских памятниках костей его найдено наполовину меньше (24 экз.), чем в Горошкове, а особей всего пять: три — в Лисках и по одной — в Ястребке и Старом Красном. На нижнесожских поселениях число особей составляет 26 голов. Показатель 8,7 % остатков лося на городище Подгорье отражает наличие костей в этом регионе (Рассадин, 1988а, с. 3). Есть все основания полагать, что лось давал половину и более мяса от всех диких животных на памятниках милоградской культуры, где имеются его остатки. Так, особи этого животного на поселении Лиски составляют 60 % среди диких, в Старом Красном — 50 %, в Ястребке — 20 %, в Горошкове — 37,5 %, в Черном — 23,3 %, а в Чечерске — 38,4 %. Удельный вес рассматриваемого трофея среди всех диких животных по культуре в целом составляет 32 % от числа особей и 36,4 % по количеству костей (табл. 40). Здесь следует принять во внимание и то обстоятельство, что взрослые особи могли иметь живой вес в пределах 400–500 кг (табл. 41). Выход мяса с одной головы в таком случае мог составлять 240–300 кг. Естественно, что молодняк имел меньшие весовые показатели, как и выход конечного продукта.

В железном веке лось был излюбленным трофеем не только у милоградского населения, но и у охотников различных племен лесной полосы: «штриховиков», «днепродвинцев», «дьяковцев», «юхновцев» (Пронина, 1957, с. 166, 167, табл. 1; Митрофанов, 1978, с. 44, 46, табл. 2; Медведев, 1996, с. 50, 52, табл. 2; 3; Егорейченко, 1996, с. 55, табл. 5; Ильютик, 2003, с. 131, 135, табл. 2; Шадыро, 1985, с. 95–96, табл. 9; Шмидт, 1992, с. 72–75, табл. Г; Блашко, 2003, с. 145, табл. 3, 6; Цалкин, 1962, с. 50–51, 63, табл. 50, прил. № 1–7; Дубынин, 1974, с. 244–245, табл. 2). Рассматриваемый объект охоты был популярен также и у древнего населения лесостепной полосы Восточной Европы (Цалкин, 1966, с. 59, 86–87, табл. 77, рис. 35).

Кабан (Sus scrofa L.) Не раз желанным трофеем охотников милоградского населения становился дикий кабан. Этот представитель парнокопытных своеобразно выделяется количеством материалов в остеологических коллекциях различных памятников. В Приднепровье его остатки есть в Горошкове, Отрубах и Черном. Больше всего костей (21 экз. от 7 особей) в материалах городища Горошков (Мельниковская, 1967, табл. 6). В Черном пока имеется семнадцать костей от четырех особей. На городище Отрубы есть остатки пяти особей (Дубицкая, 2003, с. 63; она же, 2005, с. 82, 88–89). В Полесском регионе из четырех памятников его остатки есть только на городищах Рассвет и Ястребка (табл. 40). Одна особь с городища Рассвет представлена двумя костями. В коллекции с Ястребки 16 костей от двух особей. Стало быть, на двух полесских памятниках зафиксированы три особи диких свиней. В Посожье коллекции также неравнозначные. Например, на милоградско-зарубинецком городище Шепотовичи, по определению В.В. Щегловой, есть кости от одной особи, а в Чечерске —

от 9 (табл. 39; 40) (Дробушевский, 1995а, с. 42). А вот данные, опубликованные В.И. Громовым, соотнести сложнее (табл. 39). В этой публикации кости дикой и домашней свиньи приведены в совокупности, это во-первых, а во-вторых, нет сведений о количестве особей (Громаў, 1930, с. 214–217, табл.).

Таким образом, кухонные остатки кабана с семи милоградских поселений (Горошков, Отрубы, Рассвет, Чечерск, Чёрное, Шепотовичи и Ястребка) суммарно по культуре выглядят так: 19 % от всех особей диких животных и 17,4 % по количеству костей (табл. 40). Малочисленность фоссилий этого животного на отдельных поселениях никак не свидетельствует о его малом значении в рационе питания. Количество особей дикого кабана среди других объектов охоты милоградского населения говорит о том, что он прочно занимает второе место по культуре в целом.

Весьма несхожая ситуация наблюдается и у населения дьяковской культуры: из 20 городищ, которые раскапывались, остатки кабана есть только на трех. Они представлены очень малыми для лесного региона коллекциями — 45 костей от 16 особей (Цалкин, 1962, с. 53, прил. № 1–4). На городищах юхновской культуры Благовещенская Гора, Долбатово Северное и Южное, Красное, Овстуг и Юхновское костей этого животного также крайне малое количество (Цалкин, 1962, прил. № 6, 7).

В лесной полосе значительно больший удельный вес этот объект охоты имел у «штриховиков», где на семи поселениях его суммарные остатки составляют 186 костей от 37 особей (Митрофанов, 1978, табл. 2; Медведев, 1996, табл. 2, 3; Егорейченко, 1996, табл. 5; Ильютик, 2003, табл. 2). Максимальное число особей отмечено на городище Кащеличи (21), а минимальное — в Сорочах. По днепро-двинской культуре в целом 158 костей от 35 особей (Шадыро, 1985, табл. 9; Шмидт, 1992, табл. Г; Блашко, 2003, табл. 3, 6). У «зарубинцев» в Чаплине по добыче всех видов диких животных первое место занимает именно кабан, на долю которого приходится 620 костей от 60 особей (Цалкин, 1962, прил. 9; Шчаглова, 1960, с. 120, 122–123). Не только в Верхнем, но и в Среднем Приднепровье зарубинецкое население охотилось в основном на кабана, лося, оленя, косулю (Максимов, 1972, с. 75, табл. 2; Пачкова, 1974, с. 57).

Зубр европейский (Bison bonasus L.). Кости самого крупного копытного фауны Беларуси — зубра в культурном слое изучаемых памятников милоградской культуры встречаются редко. Они обнаружены на четырех поселениях: Горошков, Старое Красное, Чечерск и Черное. На каждом из них остатков зубра выявлено мало (табл. 40). На всех памятниках зафиксировано 6 особей этого вида. По природе своей это чуткое животное с высокоразвитым обонянием и слухом, что позволяет ему быть весьма осторожным (Разлуцкая, 2000, с. 53).

В прошлом всю территорию современной Беларуси населял зубр европейский (Живописная…, 1882, с. 336). Его высота в холке могла достигать 160–185 см. Вес был разный: у самок — 400–600 кг, у самцов — 700–800 кг и крайне редко — 1000–1200 кг (Корачкіна, 1983, с. 379). Несмотря на то, что это животное давало большое количество мяса, охота на него у «милоградцев», как видим, носила спорадический характер. Здесь уместно заметить, что в эпоху раннего железа охота на столь крупное животное была, надо полагать, коллективной, и осуществляли ее, скорее всего, загонным способом.

Нерегулярно охотились на зубра и «штриховики». Среди изученных памятников остатки трех особей есть на городищах Кащеличи, Ивань и поселении Сорочи

Таблица 41

Весовые характеристики (кг) диких животных, по разным исследователям

Животное	Млекопитающие Советского Союза*	По Ф.Н. Воронину**	По В.В. Василькову, Б.З. Голодушко***	По А.Б. Герцог****	Энцыклапедыя прыроды Беларусі*****	По О.П. Журавлёву******
Зубр европейский	500–850	450–900			с-ка 400–600	
					с-ц 700–800	
Лось	до 500	250–400		320–570	до 500	250–300
Олень благородный	100–160	140–220		130–170	с-ка 96–160	до 300
					с-ц 132–234	
Косуля	20–37	25–35		14–18	25–35	до 40
Кабан	с-ка 44,6–61,4	с-ка 120		150–200	100–150	250–300
	с-ц 54–77	с-ц 1600				
Медведь бурый	250–300	с-ка 100–200	250–300	150–350	230–387	150–300
		с-ц 120–350				
Волк	32–50	26–39	с-ка 21–36		25–54	до 50
			с-ц 23–45			
Рысь	с-ка 21,5	7–16	до 30	20 и >	16–22	до 30
	с-ц 23,5					
Кошка лесная	5–7				4–6	
Барсук	15–17	10–15	15 и >		10–12	18
Куница лесная	с-ка 0,8–1	1,6–1,8	1,6–1,8		1,0–1,8	
	с-ц 1,4–1,65					
Заяц Беляк		2,8–4	5		до 5	
Заяц Русак			7	3,8–7	до 6	5
Бобр речной		25–35	19–20		до 30	20

с-ц — самец, с-ка — самка

* Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. Млекопитающие Советского Союза : в 3-х т. Т. 1. М., 1961; Т. 2. Ч. 1. М., 1967; Т. 2. Ч. 2. М., 1972.

** Воронин Ф.Н. Фауна Белоруссии и охрана природы. Мн., 1967.

*** Васильков В.В., Голодушко Б.З. Пушные звери Белоруссии и их добыча. Мн., 1969.

**** Герцог А.Б. Охота в иллюстрациях. Príroda Bratislava, ČSSR, 1983, 1986.

***** Энцыклапедыя прыроды Беларусі : у 5-ці т. Т. 1. Мн., 1983; Т. 2. Мн., 1983; Т. 3. Мн., 1984; Т. 4. Мн., 1985.

****** Журавлёв О.П. Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесостепной зоны Днепро-Донского междуречья. Киев, 2001

(Медведев, 1996, с. 50, 52, табл. 2; Егорейченко, 1996, с. 55, табл. 5; Разлуцкая, 2000, с. 52–57; Лошенков, 2001а, с. 318, 319). Если на первых двух памятниках мы имеем дело, как и у «милоградцев», с кухонными остатками, то на третьем — с жертвоприношением (Лошенков, 2001, с. 167; Ильютик, 2003, с. 132). Факт жертвоприношения у населения культуры штрихованной керамики — явление исключительное. В жертву одновременно были принесены четыре крупных парнокопытных: две коровы, бык и самка зубра. Интересующая нас самка зубра была в возрасте 3,5–4 лет и имела рост в холке в пределах 156–162 см (Разлуцкая, 2000, с. 52, табл. 1; Лошенков, 2001, с. 167). Среди населения других культур лесной полосы кости зубра имеются еще на поселениях днепро-двинской культуры. Мясом рассматриваемого животного питались жители городищ Бураково, Городец, Кострица, Кубличи, Урагово (Шадыро, 1985, с. 95, табл. 9; Блашко, 2003, с. 145, табл. 3, 6). Отметим, что остатки зубра фиксируются пока только на памятниках Беларуси и совсем их нет в материалах населения городищ Смоленщины этой же культуры (Шадыро, 1985,

табл. 9; Блашко, 2003, табл. 3; Шмидт, 1992, табл. Г). В лесной зоне кроме «милоградцев», «штриховиков», «днепро-двинцев» на зубров еще более активно охотились обитатели Чаплинского городища зарубинецкой культуры (Цалкин, 1962, прил. № 9; Шчаглова, 1960, с. 116–118). По результатам совокупных раскопок П.Н. Третьякова и Л.Д. Поболя получена коллекция костей этого животного в количестве 227 экз. от 26 особей. Можно предположить, что какое-то количество этих трофеев было добыто проживавшими здесь предшественниками — общинниками милоградской культуры. Единичные случаи охоты на европейского зубра имеются и в Лесостепном регионе. Так, на территории Украины такое явление отмечено в Курской области на городище Переверзево II и в Черкасской области на таких же памятниках Собковка и Субботово (Цалкин, 1966, с. 58–59, 101, прил. VIII, IX; Данильченко, 1989, с. 235, табл. 1).

Олень благородный (Cervus elaphus L.). В ходе изучения милоградских памятников остатки благородного оленя фиксируются исследователями нечасто. Впервые три кости от одной особи этого крупного представителя парнокопытных отмечает В.И. Цалкин в фауне городища Горошков еще в начале 60-х годов (Цалкин, 1962, с. 77, прил. № 9). Затем, в конце прошлого века — в начале нового, кости этого животного, опять в Приднепровском регионе, зафиксированы на городище Отрубы (Дубицкая, 2003, с. 63). О находках остатков оленя на памятниках Посожья данных нет. Касаясь региона Полесья, отметим также полное отсутствие его костей на поселениях (табл. 40). Из всех полесских памятников, на которых проводились раскопки, остатки оленя отмечены только один раз А.А. Егорейченко на городище Холопеничи, которое, по его мнению, содержит милоградско-зарубинецкие отложения (Егарэйчанка, 1986, с. 182; Егорейченко, 1982а, с. 67–71; он же, 1996, с. 16–17). На левобережье Днепра, среди остеологических материалов городища Черное, есть кости оленя благородного (Лошенков, 2004, с. 533; Лашанкоў, 2004, с. 283). Это два фрагмента рогов взрослого самца, один из которых частично обгорел, а другой вымочен в квасцах, согласно заключению А.А. Разлуцкой. Как видим, «милоградцы» охотой на благородных оленей занимались почему-то не повсеместно. Также редким объектом добычи он оказался и у племен днепро-двинской культуры, на территории как Беларуси, так и Смоленщины. Из одиннадцати городищ по всему ареалу культуры отмечены только две особи — на одном из памятников Смоленской области — городище Мокрядино (Шадыро, 1985, табл. 9; Шмидт, 1992, табл. Г; Блашко, 2003, с. 143–150, табл. 3). Интересно, что в раннем железном веке такая же картина, как у «днепро-двинцев», наблюдается у населения верхнеокских городищ и дьяковской культуры. Это животное зафиксировано только на единичных памятниках — Огубском и Свинуховском городищах — из большого количества изученных поселений (Цалкин, 1962, с. 51–52, прил. № 1–5). Вместе с тем наблюдается полное отсутствие рассматриваемого вида среди остеологических материалов городищ юхновской культуры (Цалкин, 1962, прил. № 6, 7).

На фоне уже отмеченных культур эпохи раннего железа лесной полосы, где охота на благородного оленя являлась как бы случайностью, выделяются племена культуры штрихованной керамики. Это население охотилось на рассматриваемое животное, можно сказать, регулярно и повсеместно. Его кости имеются в фаунистических материалах нижеследующих городищ: Васьковцы, Ивань, Кащеличи, Кимия, Лабенщина, Малышки, Новоселки (Медведев, 1996, с. 50, 52, табл. 2, 3; Егорейченко, 1996, с. 55, табл. 5; Пронина, 1957, с. 165–167, табл. 1; Митрофанов, 1978, с. 46, табл. 1). В то же время племена зарубинецкой культуры отдавали предпочтение среди всех

крупных парнокопытных именно благородному оленю. Достаточно сказать, что обитатели Чаплинского городища убили 44 особи этого животного (Цалкин, 1962, прил. № 9; Шчаглова, 1960, с. 119–120, табл. 6).

Косуля (Capreolus capreolus L.). Среди рассматриваемых видов парнокопытных животных кухонные остатки обыкновенной косули обнаружены только на четырех памятниках (табл. 40). На двух поселениях — Отрубы и Шепотовичи — этот вид охотничьей добычи представлен минимальным количеством костей и, соответственно, особей. На городище Черное выявлено пять костей от трех особей (Лошенков, 2004, с. 533; Лашанкоў, 2004, с. 283). Кости этого животного зафиксированы В.И. Громовым в количестве семи экземпляров на Чечерском городище (Громаў, 1930, с. 214–217, табл.). Данное животное в милоградской культуре представлено, как видим, 15 костями как минимум от семи особей (табл. 40). Примечательно, что все три памятника находятся на левобережье Днепра. На восточнополесских поселениях они пока не выявлены. Косуля — самое мелкое животное из парнокопытных видов, при живом весе ее 30–35 кг (табл. 41) могла дать 18–20 кг мяса. Надо полагать, что на всей территории проживания населения милоградской культуры она не являлась каким-то исключением, вроде тотемного животного. Для сравнения отметим, что на зарубинецко-милоградском городище Чаплин исследователями учтено 180 костей от 25 особей данного вида, в числе которых имелись остатки и молодняка (Цалкин, 1962, прил. 9; Шчаглова, 1960, с. 120).

Между пятью видами рассмотренных выше копытных млекопитающих на милоградских поселениях доминирующее положение по трофеям занимает лось. Затем по количеству особей — кабан, косуля, зубр и олень. Такая же последовательность их соблюдается и по наличию костей. Общее число убитых диких копытных по милоградской культуре в целом составляет 97 особей (63,4 %) от всех 153 представителей дикой фауны. Кухонных выбросов (табл. 40) от них выявлено 337 (63,6 %). Среди объектов охоты именно они давали основное количество недостающего мяса общинам рассмотренных милоградских поселений.

Хищники (Carnivora). Остатки крупных хищников менее многочисленны по сравнению с копытными представителями дикой фауны. Они представлены в милоградской культуре следующими видами: бурым медведем, волком и рысью. Охота на них была групповой и, надо полагать, нерегулярной. На это указывают редкие костные остатки самих животных.

Медведь (Ursus arctos L.). Кости бурого медведя отмечены пока только на четырех поселениях: Горошков, Чечерск, Черное и Ястребка. Количество его фоссилий единичное, а число особей минимальное (табл. 40). Если у «милоградцев» этот хищник фиксируется редко, то у племен Лесной полосы на сопредельных территориях его остатки более частые. Так, на пяти городищах «штриховиков» выявлено 11 особей этого представителя леса, а у «днепро-двинцев» на десяти — 31 особь (Митрофанов, 1978, с. 44, табл. 2; Егорейченко, 1996, с. 55, табл. 5; Медведев, 1996, с. 52, табл. 2; Шадыро, 1985, с. 96, табл. 9; Шмидт, 1992, табл. Г; Блашко, 2003, с. 145, табл. 3; Разлуцкая, 2001, с. 84, табл. 1). Довольно много особей бурого медведя (15) в раннем железном веке на территории Беларуси выявлено на Чаплинском городище (Цалкин, 1962, с. 77, прил. № 9). У населения дьяковской культуры В.И. Цалкин отмечает 275 костей от 31 особи, убитой охотниками. На поселениях верхнеокских городищ этот исследователь фиксирует 105 костей от 21 особи медведя, а на юхновских —

соответственно 21 и 9 % (Цалкин, 1962, с. 54). В Лесостепной полосе остатки бурого медведя на поселениях сравнительно редки, и лишь на городищах Курской и Орловской областей они более часты (Цалкин, 1966, с. 62). Приведенные примеры показывают, что общинники милоградских поселений охотились на бурых медведей редко.

Волк (Canis lupus L.). На милоградских памятниках этот хищник представлен очень бедно. Кости волка есть в материалах двух городищ: Чечерск и Черное (табл. 40). Оба поселения находятся на левом берегу Днепра. На памятниках правобережного Приднепровья и Полесья он не выявлен. Волк весьма выносливый, осторожный и агрессивный зверь, который проживал повсеместно. Охота на него у «милоградцев» была почему-то непопулярной. Мало его остатков имеется и у населения культуры штрихованной керамики. На шести памятниках: Ивань, Кимия, Лабенщина, Малышки, Новосёлки и Сорочи — выявлено по одному животному (Пронина, 1957, с. 173, табл. 1; Егорейченко, 1996, с. 55, табл. 5; Ильютик, 2003, с. 131, 135, табл. 2). Удивительно, но на огромном пространстве проживания племен днепро-двинской культуры отмечены три особи волка: одна — на единственном городище Смоленщины — Демидовка (Шмидт, 1992, табл. Г), две — в Браславском Поозерье Беларуси на городище Зазоны (Разлуцкая, 2001, с. 84, табл. 1). По наблюдениям В.И. Цалкина, этот хищник редко был трофеем у «дьяковцев» и «юхновцев» (Цалкин, 1962, с. 55). Что же касается «зарубинцев», то и у них он являлся редкой добычей — 4 особи (Цалкин, 1962, с. 77, прил. № 9). На поселениях Лесостепи в эпоху раннего железа его остатки «очень редки» (Цалкин, 1966, с. 62).

Рассмотренные материалы показывают, что, во-первых, у милоградского населения волки не являлись исключением из охотничьей добычи. А во-вторых, они, по-видимому, требовали особых орудий, способов и приемов охоты, в то время как изобилие других представителей дикой фауны не содействовало развитию и усовершенствованию приемов добычи волков. Пожалуй, именно этим и можно объяснить непопулярность охоты на волка не только у изучаемого населения, но и у других древних коллективов на огромном Восточноевропейском пространстве.

Рысь (Lynx lynx L.). В выделенную нами группу крупных хищников помимо бурого медведя и волка включена еще и рысь. Среди многочисленных трофеев диких животных у населения милоградской культуры есть случай охоты и на этого зверя (табл. 40). Одна кость ее выявлена В.В. Щегловой в материалах городища Шепотовичи (Дробушевский, 1995а, с. 42). Этот высоконогий кот водился в лесах Беларуси. Длина его тела могла достигать одного метра. Рысь — весьма скрытный зверь, питающийся исключительно свежим мясом (Васильков, 1969, с. 120). Также один случай убоя этого животного зафиксирован на городище днепро-двинской культуры Бураково (Шадыро, 1985, табл. 9). Единичный факт отмечен В.И. Цалкиным у населения дьяковской культуры Троицкого городища (Цалкин, 1962, с. 57, прил. № 1). В охоте на рысь в лесной зоне особым старанием отличались охотники зарубинецкой культуры. Так, на Чаплинском городище обнаружено 16 костей от 8 особей, что по сравнению с другими культурами выглядит внушительно (Цалкин, 1962, с. 77, прил. № 9; Шчаглова, 1960, с. 116, 126–127). В качестве далеких аналогий отметим факт наличия двух особей ее на городище Пижемское у населения ананьинской культуры (Цалкин, 1962, с. 77–78, прил. № 10). Для раннего железного века мы смогли констатировать единицы редких случаев охоты на рысь не только у племен милоградской, но и других культур лесной полосы.

Кошка лесная (Felis silvestris Schreb). Остатки дикой лесной кошки найдены автором в 1979 г. на городище Ястребка (Щеглова, 1995, с. 173–175). Находки костей ее на памятниках раннего железного века — явление крайне редкое, а в милоградской культуре — уникальное. В насыпи вала обнаружено 10 костей скелета вместе с целым черепом (Лошенков, 1988, с. 77). Условия «залегания» остатков кошки позволили автору рассматривать их в связи с религиозно-магическим представлением жителей городища Ястребка и интерпретировать как строительную жертву (Лошенков, 1988, с. 78). Здесь уместно заметить, что этот хищник проживал в лесах Беларуси до первой четверти XX столетия (Фядзюшын, 1929, с. 105–107). Поиск аналогий охоты на дикого лесного кота уводит нас далеко за пределы Беларуси, как и Лесной полосы в целом. В эпоху раннего железа такие случаи зафиксированы на Украине, в лесостепи, и в Северном Причерноморье (Ольвия). Так, кости лесного кота обнаружены на Каменском городище (4 кости от 2 особей) в отложениях IV–I вв. до н. э., на скифском городище Гаврилово II в. до н. э. — II в. н. э. (2 кости от 1 особи) и на поселении Любимовка (2 кости от 1 особи), относящемся к концу I тысячелетия до н. э. — началу новой эры (Цалкин, 1960, с. 78, 104, 105, прил. № 17, 18, 22). Надо полагать, что на эти же четыре особи дикого кота на памятниках нижнего Поднепровья указывает и П.Д. Либеров (Либеров, 1960, с. 130, 163, прил. 6). В античном городе Ольвия интересующие нас материалы (1 кость от 1 особи) есть в отложениях VI–I вв. до н. э. и в горизонте I–V вв. н. э. (4 кости от 2 особей) (Цалкин, 1960, с. 78, 107, прил. № 33). Автору известны еще два случая, когда при раскопках синхронных памятников раннежелезного времени на них зафиксированы кости дикой кошки. Это на левобережье Днепра в Лесостепной Украине: в Харьковской области на городище Люботин (6 костей от 1 особи) и в Курской области на городище Переверзево второе — фрагмент нижней челюсти (Цалкин, 1966, с. 100, прил. VI; Данильченко, 1989, с. 235, 240, табл. 1). По мнению П.Д. Либерова, на дикого лесного кота в то время охотились в Лесостепном регионе с целью получения меха (Либеров, 1960, с. 131).

В более раннее время трофеи лесной кошки зафиксированы на раннетрипольском поселении Бернашевка (рубеж V–IV тыс. до н. э.) в Винницкой области Украины (Збенович, 1980, с. 142, табл. 4).

Территориально более близкие аналогии дикой лесной кошки выявлены в древнерусском городе Пскове в слоях второй половины I тысячелетия н. э. (Цалкин, 1956, с. 176, прил. 15). Материалы с Пскова моложе более чем на тысячу лет ископаемой кошки с милоградского городища Ястребка. Ранее в Беларуси на памятнике раннего железного века находили кости кошки, но не дикой лесной, а домашней. Так, А.Г. Митрофанов обнаружил две кости от двух особей на городище культуры штрихованной керамики Лабенщина (Пронина, 1957, с. 174–181, табл. 1; Митрофанов, 1978, с. 46). Ранние отложения на этом памятнике относятся к последней четверти I тысячелетия до н. э., а поздние — к III–IV вв. н. э. (Ильютик, 1995, с. 74, 76; она же, 2002, с. 35–41). Остатки же еще одной кошки домашней с городища Лахтеево Смоленской области следует относить к середине — третьей четверти I тысячелетия н. э. (Пронина, 1957, с. 176; Третьяков, 1963в, с. 117–122).

Суммируя результаты охоты на вышерассмотренных крупных хищников жителями разных милоградских поселений, мы получаем следующие данные для культуры в целом. Количество особей таких животных 9, что составляет 5,9 %. От всех хищников обнаружено 24 кости (4,5 %) по дикой фауне.

Пушные. Помимо копытных млекопитающих и хищников жители милоградских поселений охотились еще и на пушных зверей. В этой группе животных объектами добычи являлись заяц, бобр речной, выдра речная, куница лесная, соболь серебристый, кошка лесная (?), лисица обыкновенная и барсук. Кости именно этих видов пушных присутствуют в материалах поселений (табл. 40). Здесь следует заметить, что все восемь перечисленных видов дают нам обобщенную картину по культуре в целом. Если же касаться каждого конкретного городища, то ситуация с пушными объектами охоты будет совершенно иная. На пяти из девяти анализируемых памятников имеются по два вида пушных представителей (табл. 40). На это обращала внимание и О.Н. Мельниковская, рассматривая материалы городища Горошков (Мельниковская, 1967, с. 137–138, табл. 6). Еще на двух поселениях интересующих нас животных больше: Черное — 3 вида, Чечерск — 4 вида. Последний памятник содержит максимальное число пушного зверя. Рассмотрим их встречаемость в культурном слое милоградских поселений по видам. Это позволит проследить тенденцию в охоте «милоградцев» на мелкого зверя с целью получения меха.

Заяц (Lepus timidus L., Lepus europaeus L.). Кости зайцев есть на трех городищах: на одном в Полесье — Рассвет и на двух — Чечерск и Шепотовичи — в Посожье (табл. 40). В Шепотовичах они представлены минимальным количеством. Больше всего особей зайцев — 6 отмечено в Чечерске. Суммарный показатель по культуре этого представителя пушных такой: 9 особей и 12 костей (табл. 40). Эти скудные находки не позволяют даже установить принадлежность особей к белякам либо русакам. Учтенные данные позволяют именно зайцу, при отсутствии остатков его на Приднепровских городищах и большинстве исследованных памятников Полесья, занимать, тем не менее, второе место среди пушных видов.

Бобр речной (Castor fiber L.). На милоградских памятниках Беларуси куда более представительно на фоне находок фоссилий зайцев выглядят остатки речных бобров. Кости этого грызуна имеются на шести городищах во всех регионах (табл. 40). Данное обстоятельство уже само по себе выделяет «бобровую» охоту у населения изучаемой культуры. Более половины всех особей, при незначительном количетсве костей, дают материалы городища Чечерск. Обобщенные данные бобра речного по культуре — 128 костей от 27 особей — говорят о том, что среди рассматриваемых пушных видов он занимает доминирующее положение (табл. 40). По данным М.В. Фехнера, на отдельных городищах дьяковской культуры (Старшем Каширском и Калязина) остатки бобров также преобладают среди остальных видов пушных зверей (Фехнер, 1989, с. 72). Об этом же говорят сведения и Троицкого городища (Дубынин, 1970, с. 49, табл. III). Охота на бобров давала не только хороший мех, но и мясо. На последнее обстоятельство указывает само наличие фаунистического материала на поселениях. Помимо кухонных отходов О.Н. Мельниковская зафиксировала случай частичного жертвоприношения этого животного на городище Горошков (Мельниковская, 1967, с. 138). Небезинтересен факт находки глиняной фигурки бобра в культурном слое городища Подгорье в Нижнем Посожье (Рассадзін, 1988, с. 75). К сожалению, остеологическая коллекция с этого милоградского поселения должным образом не обработана и не введена в научный оборот.

Выдра (Lutra lutra L.). Речная выдра зафиксирована в остеологических материалах на одном население в Посожье — городище Чечерск (табл. 39). Две особи этого зверька представлены таким же количеством костей. Как видим, этот вид пушных

не пользовался популярностью у охотников милоградских общин.

Куница лесная (Martes martes L.). Кости лесной куницы в минимальном количестве отмечены археологами на трех городищах: Отрубы, Чечерск и Чёрное (табл. 40). Такая ситуация более похожа на случайные явления, нежели на постоянный пушной промысел.

Соболь (Martes zibellina L.). Находки остатков серебристого соболя в милоградской культуре — уникальное явление. Его кости определены А.А. Разлуцкой в остеологической коллекции 2004 г. с городища Отрубы, раскопки на котором проводила Н.Н. Дубицкая (Дубицкая, 2005, с. 58). На этом памятнике найден фрагмент нижнего блока лучевой кости взрослой особи соболя (табл. 40). В эпоху раннего железа он ни разу не отмечен на памятниках сопредельных территорий Лесной полосы. Этот типичный представитель леса известен довольно большим числом (21 особь) на городище Концегорское у синхронного населения ананьинской культуры в далеком от Беларуси Заволжье и Приуралье (Цалкин, 1962, с. 78, табл. 10).

Лисица (Vulpes vulpes L.). Трофеи этой представительницы пушных — весьма редкий материал в обработанных фаунистических коллекциях с памятников милоградской культуры. Десять костей от двух особей обнаружены на городище Черное в Приднепровье (табл. 40). Обыкновенная лисица, как и речной бобр, дает шкурки больших размеров по сравнению с мелкими зверьками пушных видов. Достаточно заметить, что длина тела ее 60–70 см, хвоста — 35–45 см. Обычно пышный хвост составляет около 40 % общей длины животного (Васильков, 1969, с. 107; Герасимов, 1977, с. 4). Отсутствие же ее костей на многих поселениях говорит о том, что на нее не охотились с целью получения меха. Единичные факты на одном памятнике — лучшее тому доказательство. Вместе с тем она являлась объектом охоты у населения культуры штрихованной керамики, днепро-двинской, дьяковской и юхновской культур, у племен верхнеокских городищ и Лесостепи (Митрофанов, 1978, с. 44, табл. 2; Шадыра, 1999, с. 200, табл. 6; Шмидт, 1992, с. 72–73, табл. Г; Разлуцкая, 2001, с. 84, табл. 1; Цалкин, 1962, с. 74–77, прил. № 1, 2, 4–8; Петровьска, 1970, с. 139, табл. 1).

Барсук (Meles meles L.). В числе рассматриваемых животных есть остатки барсука. Его кости зафиксированы на двух городищах: в Горошкове и Лисках (табл. 40). Количество кухонных выбросов, как и особей, минимальное. Этот зверь более крупный по сравнению с куньими. Он всеядный и типично норный. Мех его грубый, но очень прочный (Васильков, 1969, с. 95, 96). Охота на барсука менее опасна, нежели на крупных хищников, но она была сезонной, как и на бобров, с весны до глубокой осени.

Обобщая данные по вышерассмотренным пушным, у населения милоградской культуры отметим следующее. Прежде всего, их удельный вес среди диких животных по наличию костей — 169 экземпляров (31,9 %) и особей — 47 (30,7 %). Как видим, объекты охоты ради меха составляют третью часть по количеству фоссилий и по особям. Последние данные значительно увеличивают роль и значение пушного промысла у «милоградцев». Касаясь восьми видов животных, отметим явную тенденцию бобровой охоты, затем — на зайцев. К числу случайностей следует отнести добычу дикой лесной кошки и серебристого соболя.

Рассмотрев коллекции дикой фауны из разных регионов проживания «милоградцев» и охотничью добычу по видам животных, мы намеренно разделили эти материалы по принадлежности их копытным, хищникам и пушным. Для милоградской культуры получены новые сведения по их соотношениям (табл. 42).

Таблица 42

Соотношения между группами диких животных на милоградских памятниках

Группы животных	Кости	Особи
Парнокопытные	337 экз. (63,6 %)	97 (63,4 %)
Пушные	169 экз. (31,9 %)	47 (30,7 %)
Хищники	24 экз. (4,5 %)	9 (5,9 %)
В с е г о	**530 экз. (100 %)**	**153 (100 %)**

Материалы раскопок показали, что главными объектами охоты у населения милоградской культуры являлись крупные парнокопытные виды животных: лось, кабан, косуля обыкновенная, зубр европейский и олень благородный. Они составляют более половины всей добычи по особям. Именно эти животные были основными поставщиками недостающего мяса. Охота на них могла вестись круглогодично, и в ряде случаев она была коллективной.

Второе место по количеству остатков после парнокопытных занимает, мелкий пушной зверь (табл. 42). По культуре в целом пушные представлены довольно разнообразно: бобр, заяц, выдра, куница, соболь, кошка, лисица, барсук. На большинстве же поселений они фиксируются чаще всего по два вида и редко — большим количеством. Среди восьми видов лидирующее положение принадлежит бобрам (табл. 40). Остатки этих речных грызунов составляют более половины (27 из 47) от всех пушных особей.

Пятую часть убитых в этой группе составляют зайцы, которые занимают второе место. Здесь подчеркнем трехкратное превосходство бобров над зайцами. К числу крайне редких трофеев относятся соболь серебристый и дикая лесная кошка. Наличие в культурном слое городищ костей рассмотренных выше пушных, указывает на то, что они давали не только ценные шкурки для меха, но и мясо, которое употреблялось в пищу местными общинниками.

Удельный вес крупных хищников, добытых на мясо, весьма незначительный у милоградского населения. Они находятся на последнем — третьем месте (табл. 42). Если учесть еще и то обстоятельство, что они зафиксированы на отдельных поселениях, и причем минимальным количеством особей, то напрашивается вывод о нерегулярности охоты на таких представителей леса. К тому же в зимнее время на медведя она исключалась. Охота в одиночку на рысь, волка и медведя была маловероятной.

Птицы (Aves)

В нашем распоряжении имеются костные материалы, которые говорят об охоте «милоградцев» на пернатых. Находки виафауны, естественно, немногочисленны, но они, тем не менее, свидетельствуют и о таких объектах добычи.

В Посожье 23 кости птиц отмечены В.И. Громовым в нижнем слое городища Чечерск (Громаў, 1930, с. 214–217, табл.). Автором в 1983 г. на восточнополесском городище Рассвет получена небольшая коллекция птичьих остатков от разнообразных видов (Лошенков, 1986, с. 95). На этом памятнике добычей индивидуальных охотников были журавль серый (Grus grus L.), тетерев (Lyrurus tetrix L.), куропатка серая (Perdix perdix L.), цапля серая (Ardea cinerea L.), кряква (Anas platyrhynchos L.), чирок-свистунок (Anas crecca L.), чомга (большая поганка) (Podiceps cristatus L.), дрофа (Otis tarda L.) (Лашанкоў, 1999а, с. 67). Восемь видов диких птиц представлены минимальным количеством фоссилий. На поселении Рассвет 11 костей птиц, включая еще две от домашней курицы, составляют 3,5 % от всех 321 экземпляра определимых. В целом же удельный вес пернатых по особям здесь равен 33,3 %. Среди памятников Приднепровья четыре кости, по-видимому, от трех птиц (вид не установлен) обнаружены автором на городище Черное (Лошенков, 2004, с. 533; он же, 2005, с. 546). Охота на птиц являлась, как видим, составной частью этого вида занятий. Можно предположить,

что у общинников городища Рассвет она была лучше налаженным процессом, как на сезонных птиц, так и на постоянно проживающих. Отсутствие же материалов орнитофауны на других памятниках еще не означает, что их население на птиц вообще не охотилось. Кости могли и не сохраниться. Единичные находки их на редких поселениях говорят скорее о том, что охота на пернатых у милоградского населения могла быть нерегулярной.

Также редкий материал по птицам есть и у населения культуры штрихованной керамики. Еще в середине 50-х годов прошлого века И.Г. Пронина и В.Е. Гарутт зафиксировали кости глухаря и тетерева на трех поселениях в Центральной Беларуси. Остатки глухаря в минимальном количестве имелись на городищах Лабенщина и Новосёлки. Кости тетерева выявлены в слое городищ Кимия (1 к / 1 о), Лабенщина (5 / 4) и Новосёлки (1 / 1) (Пронина, 1957, с. 166, 180, табл. 1). В публикации А.Г. Митрофанова есть расхождения со сведениями специалистов: кости глухаря только в Новосёлках, и тетерева в Лабенщине меньше — 3 кости от 2 особей (Митрофанов, 1978, с. 46–47). В южном ареале этой культуры позвонок птицы, вид которой не установлен, отмечен А.А. Разлуцкой на поселении Сорочи (Лошенков, 2001а, с. 319; Ильютик, 2003, с. 131).

О наличии остатков виафауны на днепродвинских памятниках есть следующие лаконичные сведения: «...имеется некоторое количество костей диких видов птиц (как водоплавающих, так и куриных)» (Шмидт, 1992, с. 74).

Л.Д. Поболем обнаружены птичьи кости на Чаплинском городище в 1957 году. А.В. Таттар определил 14 экземпляров их, которые принадлежат пяти особям преимущественно водоплавающих: гусь серый (2 кости), две кряквы (6), чирок (3), куропатка (3) (Поболь, 1971, с. 151).

Также редки аналогичные материалы на синхронных памятниках Украины. У южных соседей на ближайшем городище Хотово имеются по одной кости гуся, утки, вороны и чирка (Покровська, 1952, с. 18; Петровська, 1970, табл. 1).

Рассмотренные материалы орнитофауны отражают единичные факты охоты на пернатых не только у племен милоградской культуры, но и у населения соседних территорий.

Рыболовство

Рыбы (Pisces). Для характеристики рыболовства у милоградских племен мы располагаем, с одной стороны, естественными богатствами юга Беларуси: рек и речушек, стариц, озер, пойм и болот, которые изобиловали рыбой. Наличие рыбного богатства подтверждается литературными сведениями более позднего времени (Зеленский, 1864, с. 292; Киркор, 1882а, с. 346–348; Браім, 1976, с. 5, 16–17, 20; Титов, 1983, с. 93–94). В очерке «Белорусское Полесье» А.К. Киркор писал: «Сама природа указала Полешуку пути для его неутомимой деятельности. Она сделала его земледельцем, скотоводом, охотником, рыболовом» (Киркор, 1882а, с. 345). С другой стороны, на исследованных памятниках милоградского населения кости рыб — большая редкость. Однако их отсутствие в культурном слое большинства городищ еще не позволяет утверждать, что жители поселков не занимались рыболовством. Невозможно представить, чтобы, проживая в таких природных условиях, где имелись большие запасы рыбы, обитатели поселений не занимались ее ловом. Естественно полагать, что рыба являлась важным дополнительным продуктом питания у жителей милоградских городищ, как это имело место в значительно более позднее время (Лысенко, 1974, с. 68, 141; Браім, 1976, с. 19, 20–21).

В каждом из белорусских регионов проживания «милоградцев» мы имеем единичные

материалы ихтиофауны. В Полесье, например, остатки рыб зафиксированы автором на городище Ястребка. В раскопе 1978 г. позвонок и скопление чешуи обнаружены в предматериковом горизонте слоя. В 1979 г. в насыпе основного вала найдены позвонки и кости на глубине 0,7 м от его вершины. Такая же картина наблюдается и в Приднепровье. Здесь на городище Горошков О.Н. Мельниковской выявлены «несколько ребер рыб… и обточенный рыбный позвонок» (Мельниковская, 1967, с. 139, рис. 25: 8). Позвонок, найденный среди камней очага, имеет в центре прокрученное отверстие и, согласно определению археоихтиолога Э.А. Ляшкевич, принадлежит щуке (Esox lucius L.). На городище Черное в 2004 г. автор нашел половину шейного позвонка судака, как это установила Э.А.Ляшкевич. По ее же заключению, судак (Lucioperca lucioperca L.) имел длину 40 см и возраст 7 лет (Лошенков, 2004, д. 2138). По региону Посожья интересующая нас информация есть также с двух памятников, которые содержат милоградско-зарубинецкие отложения. В довоенной коллекции городища Шепотовичи В.И. Громов отметил пять костей рыб (Громаў, 1930, с. 214–215, табл.). Несколько больше сведений есть по Чечерскому городищу. По данным В.И. Громова, из нижнего горизонта слоя происходит 20 рыбьих костей, среди которых есть щучьи (Громаў, 1930, с. 214–216). Это поселение изучали также М.А. Ткачев (223 кв. м) в 1974 и 1975 гг. и И.М. Чернявский (248 кв. м) в 1981–1982 гг. (Ткачев, 1976, с. 427; Чернявский, 1983, с. 363; он же, 1984, с. 375). По определению Э.А. Ляшкевич, в коллекции из раскопа 1975 г. (слоя раннего железного века. — *М. Л.*) есть кости щуки (Esox lucius L.) — 4 экз., леща (Abramis brama L.) — 1 экз., карася (Carassius carassius L.) — 2 экз., голавля (Leuciscus-cephalus L.) — 1 экз., карповых (Cyprinidae) — 1 экз., окуня (Perca fluviatilis L.) — 3 экз., судака (Lucioperca lucioperca L.) — 4 экз. и одна неопределимая*. В материалах же 1982 года есть один позвонок щуки (Чернявский, 1982, д. 782к). На этом фоне весьма неординарно выглядят материалы Чаплинского городища, преимущественно зарубинецкой культуры. Здесь рыбьи кости встречались как в толще культурного слоя, так и в ямах-хранилищах, надо полагать, специальных (Поболь, 1960, с. 137, 139; Поболь, 1971, с. 31, 151). Согласно заключению специалистов кафедры ихтиологии Московского государственного университета, в коллекции Л.Д Поболя из раскопа 1957 г. имелись 296 остатков рыб. Среди них фоссилии пяти видов: плотвы, линя, леща, сома и окуня. Из 296 экземпляров 25 определено до вида и 40 — до семейства, что в совокупности составляет 22 %. Остальные 231 кость, несомненно, рыбьи, но они относятся к неопределимым — 78 % (Поболь, 1960, с. 137–140).

О рыболовстве у «днепро-двинцев» свидетельствуют не только орудия ловли, но и рыбья чешуя, кости. Так, на Смоленщине жители городищ Наквасино и Новые Батеки употребляли в пищу щуку, плотву, язей, линей, лещей, окуней и различных карповых (Шмидт, 1992, с. 77).

Обитатели городища Дьяково в раннее время — V–III вв. до н. э. — употребляли в пищу четыре вида рыбы: леща, плотву, судака и щуку (Кренке, 1991, с. 104–111). В водах Москвы-реки в то время водилось много других видов рыбы, но их остатки в отложениях культурного слоя поселения не обнаружены.

По сведениям А.Р. Митрофанова, отдельные рыбьи кости и чешуя встречались у населения культуры штрихованной керамики на городищах Новоселки и Кимия. На поселении Августово найдены «кости крупных рыб,

* Эта информация автору любезно предоставлена младшим научным сотрудником отдела археологии каменного и бронзового веков Института истории НАН РБ Элоной Александровной Ляшкевич, за что выражаю ей благодарность.

чешуя» (Митрофанов, 1978, с. 47). Весьма выразительные материалы ихтиофауны выявлены Э.А. Ляшкевич в горизонте «штриховиков» на городище Свислочь (Ільюцік, 2003, с. 114). Обитатели данного поселения питались щуками, сомами, из семейства окуневых — судаком обыкновенным, из семейства карповых — жерехом, синцом, чехонью (Ляшкевіч, 2001, с. 270–273).

Информация о рыболовстве у восточных соседей милоградского населения — «юхновцев» неоднозначная. В.П. Левенок отмечает большое значение его у племен юхновской культуры. Подтверждает это он не только находками специальных приспособлений для ловли, но и насыщенностью слоя городищ рыбьими костями и чешуей (Левенок, 1963, с. 82). В.А. Падин, в противоположность В.П. Левенку, говорит о слабой роли рыболовства у этого населения, основываясь на материалах трех городищ: Кудеяров Бугор, Южное Долбатово и Лбище (Падин, 1966, с. 142, 144, 147). Еще раньше, в первое послевоенное время, М.В. Воеводский предоставил остатки рыб с трех городищ юхновской культуры (Юхнов А, Б и Песочный Ров) для исследований ихтиологу МГУ В.Д. Лебедеву. В результате определений он установил 13 видов рыб, которыми питались жители указанных поселений. Это были щука, сом, из семейства окуневых — судак и речной окунь, а из семейства карповых — голавль, язь, вырезуб, красноперка, линь, подуст, лещ, сазан и жерех (Лебедев, 1944, с. 240–249; Воеводский, 1949, с. 74). К сожалению аналогичные материалы 50–60-х и последующих годов прошлого столетия специалистами не проработаны, что значительно снижает их важность в оценке рыболовства у «юхновцев».

Данными о занятиях рыболовством племен Лесостепного региона мы не располагаем.

Сопоставляя столь скудные данные ихтиофауны по раннему железному веку лесной полосы вообще и милоградской культуры в частности, довольно сложно установить степень употребления рыбы в пищу населением вышерассмотренных древних общностей. Учитывая еще и единичные орудия ловли ее у милоградского населения, можно полагать, что рыбу, несмотря на ее изобилие, «милоградцы» если и ели, то в весьма ограниченном количестве по сравнению, например, с «днепро-двинцами» Смоленского региона и юхновскими племенами бассейна Десны.

В процессе раскопок изучаемых памятников не найдено специальных предметов, говорящих о способах охоты. По-видимому, древние охотники были искусными звероловами и осуществляли промысел на мелкого зверя и птиц с помощью специальных ловушек и петель-силков. Охота на мелкую дичь и птицу осуществлялись, по-видимому, с помощью лука и носила индивидуальный характер, а на крупных млекопитающих должна была быть коллективной. В качестве орудий охоты на крупных парнокопытных и хищников общинники милоградского населения вполне могли использовать предметы вооружения, такие как копья, дротики и лук со стрелами. Наконечники стрел были бронзовые, железные либо костяные. В таких целях могли использоваться и мелкие камни, удобные для метания. Естественно, что охота на зайцев существенно отличалась от таковой на волков либо бобров. А.А. Разлуцкая замечает, что на бобров она была специфичнее и разнообразнее (Разлуцкая, 1999, с. 100). Специфичность ее всегда определялась образом жизни и повадками животных, птиц, рыб. О рыболовстве нам говорят редкие находки железных крючков.

В культурном слое милоградских поселений встречается мелкий кремневый инвентарь: скребки, скребловидные орудия, ножевидные пластины с ретушью и без ее. Они применялись жителями поселений для

снятия мездры со шкур как домашних, так и диких животных, что было характерно и в более ранее время (Коробкова, 1983, с. 135–190).

Собирательство

С глубокой древности в заготовке продуктов питания важное значение имели не только охота и рыболовство, но и собирательство. Они долгое время составляли основу существования первобытных коллективов. В период разложения родового строя и усиливающихся производящих отраслей — скотоводства и земледелия — собирательство еще сохраняется в какой-то мере. Это сезонное занятие наиболее продуктивным было в летне-осеннее время. В процессе изучения поселений «милоградцев» авторы раскопок крайне редко фиксируют остатки продуктов собирательства. О.Н. Мельниковская, например, на памятниках Приднепровья такие факты не отмечает. В Полесском регионе автору в слое городищ Рассвет, Старое Красное и Ястребка изредка попадалась обугленная скорлупа лесных орехов. О сборах других даров природы доказательств у нас нет, если не считать этнографические параллели более позднего времени (Киркор, 1882, с. 338; он же, 1882а, с. 348; Титов, 1983, с. 93, 95, 96, 138–139). Имеются еще косвенные сведения о сборе меда диких пчел. На этот вид собирательства указывают обломки глиняных литейных форм для отливки украшений по восковым узорам. Для изготовления образцов востребованных изделий крайне необходим был воск. Его-то и собирали у диких пчел.

Основываясь на сказанном, мы можем говорить, что собирательство у изучаемого населения было, это во-первых, а во-вторых, оно выполняло роль вспомогательного источника существования. Судить же о масштабах его в той или иной общине в раннем железном веке практически невозможно, так как отсутствуют материалы для оценки и сравнений таких продуктов.

4. Металлургия железа и его обработка

Общий уровень развития древней экономики во многом зависел от степени развитости добычи и обработки железа, как в милоградское, так и в последующее время. Обследования и раскопки древнейших городищ юга Беларуси позволили собрать новый материал для характеристики этой отрасли домашнего ремесла. Территория изучаемого региона отличается большими запасами болотной руды (Баркоўскі, 1931, с. 59–74; Ляўданскі, 1932б, с. 55–84). Еще в середине XIX в. И. Зеленский со ссылкой на М. Балинского сообщал о наличии железной руды в болотах и песках под Мозырем. Он отмечал, что руда, как и торф, встречается почти во всех низменных местах Минской губернии (Зеленскій, 1864, с. 105–106). Специальные экспедиции в начале 30-х годов прошлого века позволили собрать обширные сведения о залежах окислов железа на юге Беларуси, которые были затем картографированы А.Н. Лявданским (Красоўскі, 1932, с. 29–30, 32–38; Маеўскі, 1932, с. 95–99; Маргелаў, 1933, с. 42–50; Ляўданскі, 1933, с. 18–36, карта). В результате геологических изысканий Н.Ф. Блиодухо, были составлены два списка полезных ископаемых БССР по состоянию на 1931 и 1934 годы. В этих списках он зафиксировал 118 рудных месторождений, в числе которых были лимониты — бурые железняки, гематиты — красные железняки и вивианиты — фосфорнокислые железняки (Блиодухо, 1952, с. 104, 113, 184–188, 192, 194–195, 208, 210–211, 213–214, 219, 221, 223–224, 227, 234, 236–238, 242–248, карты 1 и 2). Поиски месторождений окислов железа на юге Беларуси свидетельствуют об их повсеместном распространении на территории проживания милоградского населения. Если геологи, занимаясь поисками залежей руд, ограничивались лишь описаниями месторождений, то А.Н. Лявданский попытался увязать их с процессом добычи железа в глубокой древности. Истоки появления железа на Беларуси он связал с родовыми коллективами, проживавшими на укрепленных поселениях — городищах, что и доказал следами металлургии на них: наличием развалов печей-домниц, многочисленными кусками шлаков и, наконец, самими изделиями из железа (Ляўданскі, 1932б, с. 67–84, карта; он же, 1933, с. 3–40, карты 1, 2). Археологические материалы из раскопок памятников во второй половине XX века на Беларуси не раз подтверждали правильность суждений А.Н. Лявданского о черной металлургии в глубокой древности (Мельниковская, 1967, с. 140–143; Митрофанов, 1978, с. 48–49; Гурин, 1982, с. 19–39; Шадыро, 1985, с. 101–103; Вергей, 1987, с. 50–51; Гурын, 1999, с. 10–28). Археологи, как видим, лишь констатировали подобные доказательства у различных племенных объединений в эпоху раннего железа: «милоградцев», «зарубинцев», «штриховиков» и «днепро-двинцев».

На территории проживания милоградского населения бурые железняки иногда выходили на поверхность, обнажались в берегах рек. Залегали они в основном на лугах в низких местах на незначительной глубине — 0,1–0,3 м, и крайне редко — в 0,6–0,7 м от поверхности (Ляўданскі, 1933, с. 24; Левков, 1970, с. 153–154). Средняя мощность рудного слоя в Наровлянском (вблизи г. Наровля) и Щелбинском месторождениях 0,34 м (Асташкин, 1970, с. 229–230). Площади участков залежей руды измеряются от нескольких сотен квадратных метров до нескольких гектаров (Левков, 1970, с. 153; Асташкин, 1970, с. 229–232). На юге Беларуси часты названия населенных пунктов и урочищ с корнем *-руд-* (Рудаков, Рудые, Рудное,

Круглая Рудка, Руденец, Рудавец, Рудня Удалёвская) (Рапановіч, 1980, с. 111; он же, 1981, с. 230–232; он же, 1983, с. 152–153; он же, 1986, с. 147–148). Подобные названия являются отражением выходов залежей болотной руды на поверхность или же указывают на ее месторождение, что не раз отмечалось в специальных публикациях (Баркоўскі, 1931, с. 61; Ляўданскі, 1933, с. 8, 14, 18–19, 21–37). Городища Велетин Хойникского и Колпень-Островы Лоевского районов находятся в урочищах Рудавец (Лошенков, 1987, с. 461). А.Н. Лявданский отмечал месторождение руды в урочище Городок (Ляўданскі, 1933, с. 28). Картографирование местонахождений залежей гидроокислов железа, с одной стороны, и древнейших городищ — с другой, показывает, что около половины рудных месторождений расположены укрепленные поселения милоградского населения. Некоторые из городищ находятся совсем рядом с природными запасами сырья: Новосёлки Хойникского, Рудня Бурицкая Лоевского, Козье, Осовок, Лиски Речицкого, Холопеничи Глусского района (Ляўданскі, 1932б, с. 69). В процессе раскопок болотная руда обнаружена в культурном слое городища Лиски, где она находилась в измельченном состоянии в виде небольших комков, весом 100–300 г. Вес крупных конкреций достигал 1 кг, однако они встречались редко и зафиксированы только в Лисках. Здесь, на вскрытой площади 2620 кв. м собрано более ста килограммов болотной руды. Дважды в предматериковом слое найдены сложенные грудки бурого железняка. В одной из них вес руды составил 5,5 кг. Под насыпью основного вала городища Ястребка, с его внешней стороны, на глубине 0,35 м от дневной поверхности обнаружены естественные залежи этого сырья в виде скоплений ноздреватых глыб, которые лежали в природных ямах на уровне материка. На поселении Старое Красное найдено 76 кусков бурых железняков, вес которых составил 2 кг. В толще слоя городища они встречались равномерно, как маленькими так и большими комками. Куски гидроокислов железа в культурном слое рассматриваемых памятников — сырье, несомненно, принесенное. А вот где конкретно оно взято в окрестностях поселения — вопрос, по-существу, остается открытым и нуждается в специальных изысканиях. Известные нам сегодня месторождения могли быть абсолютно неизвестны обитателям городищ. Такой вопрос требует комплексного изучения рудного сырья, взятого как на памятниках, так и в их окрестностях.

В литературе есть различные оценки качества болотных руд Беларуси (Баркоўскі, 1931, с. 60; Разін, 1932, с. 45; Ляўданскі, 1933, с. 6, 25, 34, 35; Колчин, 1953, с. 36–39, табл. 1; Гурин, 1982, с. 19–23, табл. 2). Содержание железа в гидроокислах колеблется от 20,5 до 76,4 % (Левков, 1970, с. 153). Одни месторождения имеют небольшое количество железа в рудах (Коложенка — 23 %, Задницкое —26 % в Мозырском р-не), а другие, наоборот, — более высокое (Наровлянское — 44, 38 %, Щелбинское — 45,95 %) (Асташкин, 1970, с. 230, 231, 232). В связи с этим для нас интерес представляет качественная оценка тех руд, которые использовались жителями милоградских поселений. Автором на пяти городищах было взято исходное сырье с целью определить процент содержания железа в нем. Ведь качество сырья в значительной степени определяло конечный выход необходимого металла. Лабораторные исследования руд показали, что железа в них мало (табл. 43). Следовательно, для выплавки железа в середине и второй половине I тысячелетия до н. э., как видим, не всегда выбирались руды с высоким содержанием железа, а использовались те, которые имелись вблизи поселений. Именно изобилие и легкодоступность

Таблица 43

Химический состав бурых железняков (%) из полесских городищ милоградской культуры*

	Городища	SiO_2	Al_2O_3	Na_2O	CaO	K_2O	MnO	MgO	TiO_2	Fe общее
1.	Лиски (*Речицкий р-н*)	46,3	4,9	1,3	1,3	1,24	0,9	0,9	0,4	20,8
2.	Островы (*Лоевский р-н*)	62,3	2,4	0,8	1,7	0,62	0,4	0,4	0,2	12,1
3.	Рудня Бурицкая (*Лоевский р-н*)	47,1	1,4	1,5	1	0,39	0,7	0,9	0,1	28,6
4.	Старое Красное (*Речицкий р-н*)	43	3,1	1,8	0,6	0,69	1,7	0,9	0,2	27,9
5.	Ястребка (*Лоевский р-н*)	44,9	3,7	1,1	3,7	1,04	2,8	1,1	0,4	22,3

* Рентгеноспектральный анализ выполнен в Институте геохимии и геофизики АН БССР на квантометре СРМ-18 старшим научным сотрудником В.П. Самодуровым

болотной руды в Полесье предопределили ее широкое и повсеместное использование милоградскими, а затем и зарубинецкими мастерами для металлургии железа. Нет необходимости подробно останавливаться на способе получения железа из руды, так как этот процесс обстоятельно рассмотрен в специальных исследованиях (Колчин, 1953, с. 20–54; Гурин, 1982, с. 19–39; История черной металлургии и металлообработки..., 1983).

На занятия милоградских общинников металлургией железа указывают два весьма важных обстоятельства: наличие в культурном слое поселений сохранившихся печей-домниц и отходов выплавки железа — шлаков. В начале 30-х годов XX в. А.Н. Лявданский зафиксировал остатки «...гліняных плавільных печаў і многа шлакаў ад выплаўкі жалеза» на краю площадки городища Поповка в Славгородском районе (Ляўданскі, 1932б, с. 79). Этот памятник находится в пограничной зоне милоградской и днепро-двинской культур, и раскопки на нем не проводились. Обломки печей для производства железа этот исследователь отмечает и на городище Шепотовичи (Ляўданскі, 1932б, с. 80). Раскопками А.И. Дробушевского установлено, что Шепотовичское поселение содержит слои милоградского (IV–III вв. до н. э.) и зарубинецкого (II в. до н. э. — I в. н. э.) населения. На этом памятнике им найден небольшой обломок горна с отверстием для сопла (Дробушевский, 1995а, с. 41, рис. 2: 4, с. 48–49). В 1958 г. О.Н. Мельниковская в ходе раскопок городища Горошков выявила металлургический горн в виде ямы-домницы в разрушенном состоянии (Мельниковская, 1967, с. 142). Остатки второго горна и крицы железа найдены ею на второй площадке этого же поселения, где расположен могильник. Развалы горнов на могильнике и жилой площадке городища Горошков исследовательница никак не продатировала из-за отсутствия около этих объектов датирующих вещей. Отсюда относительная датировка их приходится на время функционирования поселения — вторую п оловину VI — I в. до н. э.(Мельниковская, 1967, с. 162, 164). Наличие шлаков севернее городища Милоград О.Н. Мельниковская связывает с выносом печей-домниц за пределы поселения, что, по ее мнению, произошло на позднем этапе развития культуры — в конце II в. до н. э. — I в. н. э. (Мельниковская, 1967, с. 10, 162, 166–167). В Приднепровском регионе, как видим, железо выплавляли на площадках городищ и за их пределами. Крайне скудны сведения о его добыче «милоградцами» в Нижнем Посожье. Еще в 1936 г. А.Н. Лявданский и А.Д. Коваленя фиксировали следы производства железа рядом с городищем Ворновка. В полевой документации они

отметили два места выплавки его южнее вала (Лявданский, 1936, д. 457). Рассматриваемое укрепленное поселение содержит отложения милоградского населения и зарубинецкого (Поболь, 1974, с. 205–209, рис. 68: 11–24). За шесть сезонов А.И. Дробушевский вскрыл на городище Уваровичи 640 кв. м при мощности культурного слоя до 1 м (Драбушэўскі, 2001, с. 31). На этом милоградско-зарубинецком памятнике VII в. до н. э. — I в. н. э. найдено всего семь кусков шлаков и по одному обломку горна и сопла. Милоградский горизонт исследователь относит к VII–III вв. до н. э. В 1982 и 1983 году С.Е. Рассадин нашел три фрагмента сопел на городище Подгорье. Вышеизложенные факты, связанные с находками объектов металлургии, свидетельствуют на ряде поселений, конечно же, не бесспорно, о сыродутном способе получения железа «милоградцами» в середине и второй половине I тысячелетия до н. э. Сведения 30-х годов по территории Южной Беларуси ограничиваются в большинстве случаев, к сожалению, либо упоминаниями о печах-домницах, либо информацией слишком общего порядка, как мы находим это у А.Н. Лявданского: «...на Палесьсі у той час (около 2000 лет тому назад, по Лявданскому. — *М. Л.*) існавалі і першабытныя прымітыўныя невялічкія печы для выплаўкі жалеза, падобныя да тых, якія намі знойдзены ў гарадзішчы каля вв. Лабэншчына... Кімія і Азьдзяцічы» (Ляўданскі, 1933, с. 5). В настоящее время указанные объекты металлургии железа «штриховиков» могут быть продатированы, по мнению автора, не ранее II в. до н. э. Отсюда следует, что сыродутная печь с поселения Горошков — самая ранняя в Беларуси, так как она на несколько столетий древнее выявленных в центральной части республики. А.Н. Лявданский характеризует интересующие нас объекты на Полесье следующим образом: «Печы для выплаўкі жалеза рабіліся з дзікага каменю, які набіваўся глінаю. Былі і глінабітныя печы, якія будаваліся ў зямлі. Плавільныя печы былі конуснай і цыліндрычнай формы і мелі невялічкія разьмеры — да 71 см у вышыню і да 53 см у шырыню» (Ляўданскі, 1933, с. 9). Яма-домница 1958 г. с Горошкова была глинобитной, надо полагать, с шахтой цилиндрической формы и конструктивно напоминала аналогичный объект на городище Кимия, отличаясь от последнего размерами и, возможно, какими-то деталями в устройстве нижней части (Ляўданскі, 1932б, с. 70, мал. 7; Колчин, 1953, с. 22, рис. 2: 2; Мельниковская, 1967, с. 142; Гурин, 1982, с. 24, рис. 7: б). Автор считает, что горошковский глинобитный горн может быть продатирован в пределах VI–III вв. до н. э.

Для сравнения заметим, что если у милоградских племен мы располагаем двумя металлургическими печами, то у племен зарубинецкой культуры, в пределах Киевской области Украины, их 17. Причем на поселениях Новые Безрадичи и Хотяновка — по одной, а Лютеж, где имелась усадьба небольшой милоградской семьи, — 15 рассматриваемых объектов (Бидзиля, 1969, с. 51–74; Пачкова, 1970, с. 140–151; История черной металлургии и металлообработки..., 1983, с. 34–35). В лесной полосе, на соседней территории с «милоградцами», у племен культуры штрихованной керамики, на шести исследованных раскопками городищах (Кимия, Клишино, Лабенщина, Оздятичи, Свидно, Слободка) обнаружено 10 развалов сыродутных печей (Ляўданскі, 1932б, с. 70–71; Митрофанов, 1978, с. 48; Ільюцік, 1994, с. 40–41, мал. 1: 2, 3; 2: 2; Шадыра, 2004, с. 122, мал. 9). Если у «штриховиков» на городищах Оздятичи выявлены две печи, а у обитателей Лабенщины — четыре, то у племен днепро-двинской культуры они зафиксированы по одной на восьми поселениях: Абрамово, Бураково, Девички, Кострица, Кривель, Кубличи, Урагово, Тербахунь (Ляўданскі, 1936, с. 214, мал. 4; Шут, 1966, с. 169–170; он же,

1967, с. 414–416, 422; он же, 1969, с. 274, рис. 6; Шадыро, 1985, с. 101–103; Подгурский, 1997, с. 5; он же, 2000, с. 242). Примечательно, что у «днепро-двинцев» печи-домницы найдены в ряде случаев в специальных постройках. Следует согласиться с В.И. Шадыро в том, что в пределах Подвинья Беларуси население днепро-двинской культуры знакомится с железом и начинает его активно использовать с первых веков новой эры (Шадыра, 1999, с. 188).

Другим важным фактором, указывающим на металлургию, являются шлаки — отходы сыродутного процесса получения железа. Шлаки образуются в шахтах горнов в качестве свободных накипей. После остывания горнов их разламывали, чтобы достать железо со дна. Поэтому куски их в виде густотекучих, пористых, каплевидных образований, иногда со стекловидной коркой и отпечатками древесного угля, довольно часто отмечаются исследователями в культурном слое поселений либо рядом, в местах выплавки железа. По заключению Б.А. Колчина, основными компонентами их являются закись железа, кремнезем, глинозем, окиси кальция, марганца (Колчин, 1953, с. 40). Иногда в их содержании остается какая-то часть железа. В зависимости от его количества они по разному реагируют на магнит. Отметим, что на милоградских памятниках Полесья рассматриваемые находки — явление не частое. Например, в процессе раскопок они не обнаружены на городищах Липняки, Городок, Рассвет, Ясенец I и II, Ястребка. В культурном слое городища Старое Красное вместе с рудой были найдены три куска шлаков и столько же — в Лисках. В небольшом количестве они встречались и на городище Любны. В то же время, на более северных поселениях (Холопеничи, Отрубы, Черное) шлаки присутствуют в культурном слое и в значительно большем количестве. Это говорит о том, что милоградское население, проживавшее на периферийной окраине, варило железо на поселениях, скорее всего, на позднем этапе культуры. Для сравнения заметим, что племена культуры штрихованной керамики в конце I тысячелетия до н. э. добычей железа занимались на поселениях. Например, на Петровичском городище, на вскрытой площади 604 кв. м, собрано более 300 кусков шлаков, общий вес которых составил около 8 кг. В толще слоя они встречались равномерно. Интересно, что среди отходов металлургии данного поселения М.Ф. Гурин нашел кусок железа небольших размеров (Гурын, 1999, мал. 3: 3). Подобные находки на памятниках милоградской культуры не отмечены исследователями ни разу.

Обследование окрестностей городищ Козье, Осовок, Лиски позволили установить, что между ними на р. Ведрич, рядом с поселком Новый Свет, есть урочище Жужель. Здесь, по обоим берегам речки на площади около 2 га имеется большое количество шлаков, которыми усыпано и дно реки (Лошенков, 1987, с. 461). Между этим урочищем и деревней Лиски расположено урочище Низ, в котором болотная руда выявлена на площади около 30 га (Блиодухо, 1952, с. 227; Гурин, 1982, с. 20). Отсутствие следов черной металлургии и металлообработки на указанных поселениях дает все основания полагать, что местом производства железа и его последующей обработки для населения этих памятников являлось урочище Жужель. Скопление шлаков нами зафиксировано также в 1 км севернее городища Старое Красное, на левом берегу речки Днеприк. Следовательно, материалы раскопок и обследований свидетельствуют о том, что милоградские мастера восточнополесских городищ осуществляли производство железа за пределами поселений. Очевидно, традицию выносить печи по добыче железа за пределы укрепленных поселений милоградские металлурги пере-

няли у южных соседей (Шрамко, 1962а, с. 72–77; Пузикова, 1981, с. 91; История черной металлургии и металлообработки..., 1983, с. 49). Наши данные в какой то мере подтверждают ранее высказанное А.Н. Лявданским предположение о том, что в древности железо варили и вне поселений (Ляўданскі, 1932б, с. 69). Такие факты отмечала и О.Н. Мельниковская в Приднепровском и Нижнесожском регионах (Мельниковская, 1967, с. 142). У нас есть все основания полагать, что в Полесье вынос металлургических горнов осуществлялся не просто за валы поселков, как это наблюдалось на Горошковском, Милоградском и Ворновском городищах, а к месторождениям сырья. Эта традиция сохранялась в Полесском регионе очень долго, и потому не случайно отмеченные А.Н. Лявданским Рудни находились вблизи естественных запасов бурых железняков (Ляўданскі, 1933). Такой подход к металлургии железа у населения милоградской культуры не требовал дополнительных затрат рабочей силы на доставку большого количества руды на поселение, что имело место на памятниках Приднепровья и Посожья.

Как видим, «милоградцы», проживавшие в регионе Полесья, занимались добычей железа не просто за пределами поселений, а рядом с залежами сырья. В Приднепровье и Посожье — на площадках городищ либо рядом с ними. Сказанное конкретизирует процесс металлургии у племен милоградской общности. Это в какой-то мере не совпадает с ранее высказанным мнением автора: «У той жа час насельніцтва мілаградскай культуры на паўднёвай ускраіне Беларусі вытворчасцю жалеза займалася за межамі гарадзішчаў...» (Мядзведзеў, 2000, с. 110). Такое высказывание было, как видим, не совсем корректным в отношении всего милоградского ареала в пределах Беларуси.

Весьма сложным является в опрос о времени появления сыродутного железа у милоградских общинников. Отсутствие печей по выплавке железа на восточнополесских поселениях не позволяет определить время, когда жители того или иного городища начали добывать его из руды. В этом отношении проблема несколько проясняется с учетом данных с памятников Приднепровья и Посожья. В этих регионах интересующие нас объекты производства уже отмечены на поселениях и возле них. Вместе с тем, рассматривая истоки черной металлургии в Беларуси, М.Ф. Гурин почему-то даже не упоминает о наиболее раннем ямном горне «милоградцев» на поселении Горошков (Гурин, 1990, с. 13–16; он же, 1997, с. 93; Гурын, 1999, с. 10–12). Наиболее вероятное раннее время его на этом памятнике может относиться к концу VI — V в. до н. э., но исследователь пишет, что «сыродутные печи раннего периода пока не выявлены» (Гурин, 1990, с. 16). Касаясь проблемы зарождения и становления местной металлургии и обработки железа, он замечает, что связи милоградских общинников со скифами и кельтами привели к появлению у них этого вида ремесла (Гурин, 1990, с. 9, 15–16). Железные изделия имелись у милоградского населения уже в VII–VI вв. до н. э. «В конце этого периода возникает (на юге Беларуси. — *М. Л.*) собственное железоделательное производство» (Гурин, 1997, с. 93). Здесь можно лишь конкретизировать, что добычу железа «милоградцы» освоили уже на раннем этапе культуры — во второй половине VII — VI в. до н. э., и процесс этот первоначально мог иметь локальный характер, а уже примерно в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. распространился по всей территории их проживания. В доказательство раннего появления металлургии железа на территории Беларуси М.Ф. Гурин ссылается почему-то на сыродутные печи в центральной и северной частях республики, временные рамки которых он относит к первой

Таблица 44

Количество железных изделий на милоградских памятниках Беларуси

Приднепровье			Полесье			Посожье		
Памятники	Всего предметов	Исследовано металлограф.	Памятники	Всего предметов	Исследовано металлограф.	Памятники	Всего предметов	Исследовано металлограф.
Асаревичи (г)	11		Дубой (к)	5		Ленино (г)	3	
Борхов (г)	1		Ивань** (г)	3	3	Любны (г)	17	1
Горошков* (г)	34	5	Лемешевичи*** (с)	6	1	Подгорье (г)	28	27
Милоград (г)	5		Лиски (г)	41	40	Присно (г)	6	6
Моховское I (г)	1		Липняки (г)	10	9	Старое Однополье (с)	1	
Моховское II (г)	1		Старое Красное (г)	5	5	Уваровичи (г)	62	
Отрубы (г)	6		Хильчицы (с)	8	8	Уза (г)	2	
			Холопеничи (г)	2	1	Чечерск*** (г)	2	
			Хоромск (г)	2		Шепотовичи (г)	4	
			Ястребка (г)	4	4	Шерстин (г)	1	
Всего	**59**	**5**	**Всего**	**86**	**71**	**Всего**	**126**	**34**

г — городище, с — селище, к — курганы
* Сведения неполные.
** Изделия, которые могут быть отнесены к милоградской культуре.
*** Предметы только раннего железного века

половине I тысячелетия н. э. — I–VII вв. н. э. (Гурин, 1990, с. 16; Гурын, 1999, с. 11–12).

Рассмотренные нами археологические материалы, связанные с древнейшей металлургией на территории Беларуси, прежде всего не имеют узких датировок. Если география примерно 25 таких объектов распространяется на центральную, северо-восточную, восточную и юго-восточную части республики, то хронологические рамки их, по культурной принадлежности, имеют значительные временные расхождения. Истоки же этого явления, несомненно, принадлежат «милоградцам», что общепризнанно. Неясным остается лишь время начала добычи железа. Уже отмечалось, что горн с Горошкова можно связывать с VI–V вв. до н. э., хотя полной уверенности в этом нет. Железные же предметы на милоградских памятниках имеются уже со второй половины VII — VI в. до н. э. Поэтому автор считает, что наиболее вероятное время зарождения металлургии железа у «милоградцев» относится ко второй четверти I тысячелетич до н. э.: где-то с середины — второй половины VII по III в.до н. э. Это важно в том плане, что эпоха раннего железа на юге Беларуси начинается только со второй половины VII в. до н. э. В таком случае финал бронзового века должен полностью включать VIII в. до н. э. и, возможно, первую половину VII в. до н. э., что вполне допустимо (Крывальцэвіч, 2006а, с. 46, 50). Автор полагает, что со второй половины VII по III в. до н. э. включительно (милоградское время) следует считать начальным периодом освоения металлургии железа на Беларуси в целом, и на юге республики в частности. Подобная ситуация с древнейшей металлургией была свойственна и для лесостепного населения на Украине (Начальный этап обработки…, 1977, с. 57–74; К вопросу…, 1986, с. 156–167).

О.Н. Мельниковская отмечает, что «уже с первых этапов существования памятников милоградской культуры Белоруссии для них характерно широкое применение металли-

ческих, в том числе железных орудий труда и других категорий вещей» (Мельниковская, 1967, с. 55). Результаты исследований автора лишь подтверждают данное положение.

Если следы металлургии железа на ряде городищ не обнаружены, то почти на всех памятниках имеются коллекции готовых изделий. Собственно железных предметов на милоградских и милоградско-зарубинецких памятниках Беларуси найдено не так уж много. Автором учтено, по далеко не полным сведениям, более 270 изделий из железа (табл. 44).

Сохранность металла очень плохая, а в некоторых случаях он полностью уничтожен коррозией. Сильно коррозированные предметы частично утратили свои первоначальные размеры, а иногда и форму. Кроме того, часть находок дошла до нас в обломках, непригодных для исследований типологическим методом. Назначение отдельных из них остается не до конца выясненным. Вся кузнечная продукция представлена следующими категориями изделий: орудиями труда (топорами, мотыжками, серпами, ножами, скобелем), бытовым инвентарем (иглами, остриями, шильями), предметами вооружения (наконечниками дротиков, копий и стрел), украшениями (браслетами, булавками), бритвами, кольцами, обломанными стержнями. Ассортимент изделий кузнецов у изучаемых племен милоградского населения, как видим, был довольно разнообразен. Но, несмотря на такое его разнообразие, среди предметов полностью отсутствует инструментарий кузнецов. С целью выяснить уровень технологии изготовления кузнечной продукции М.Ф. Гуриным металлографически исследовано примерно 39 % железных находок от учтенных автором (табл. 44; 45).

К сожалению, до настоящего времени нет ясной картины о структуре черного металла у «милоградцев». Отсутствует полная публикация находок с описанием металлографических шлифов исследованных предметов, как это выполнено с материалами Троицкого городища дьяковской культуры (Вознесенская, 1965, с. 129–138; она же, 1970, с. 192–199). Первым, кто изучал структуру милоградского металла, был Б.А. Колчин. В начале 60-х годов прошлого века он исследовал вещевой клад 1957 г. с городища Горошков: три серпа, мотыжку и проушный топор. Результаты их микроструктурного изучения им не опубликованы. О.Н. Мельниковская, со ссылкой на Б.А. Колчина, приводит лишь следующее лаконичное высказывание: «...населению городища была к этому времени известна не только цементация железа, но и вполне освоена техника изготовления изделий из сочетания железа и стали» (Мельниковская, 1967, с. 143). Затем, в начале 80-х годов, М.Ф. Гурин опубликовал результаты изучения десяти железных изделий с милоградско-зарубинецкого городища Липняки (Гурин, 1982а, с. 61–67; Гурын, 1984, с. 67–73). Этот исследователь продолжил микроструктурное изучение предметов с памятников Восточного Полесья: Лиски, Старое Красное, Ястребка, Хильчицы, Холопеничи, — и к середине 80-х годов он получил результаты примерно по 70 изделиям милоградского населения (табл. 44). В первой половине рассматриваемого десятилетия им были металлографически проработаны железные предметы с памятников Нижнего Посожья: Любны, Подгорье, Присно. Из региона Посожья в публикацию попали только два предмета из 34 исследованных. Это — булавка посоховидная с городища Любны и нож с городища Присно (Гурин, 1982, с. 41, табл. 6, с. 54, табл. 9, рис. 25: 310, с. 66, табл. 15, рис. 34: 316). Отдельные сведения по наиболее ярким предметам им публиковались спорадически, что не дает целостного представления о технологических приемах изготовления кузнечной продукции (Гурин,

Таблица 45

Ассортимент предметов милоградского населения, изученных металлографически

Предметы	Памятники												Всего
	Горошков	Ивань	Лемешевичи	Лиски	Липняки	Любны	Подгорье	Присно	Старое Красное	Хильчицы	Холопеничи	Ястребка	
Топоры: проушные	1								1				**2**
кельт									1				**1**
лезвия				3			1			1		1	**6**
Серпы	3	1	1	6			1	1		1	1	1	**16**
Ножи		1		11	1		12	4					**29**
Мотыжка	1												**1**
Наконечник копья					1								**1**
Втулка дротика							1						**1**
Наконечники стрел				1			1			6			**8**
Булавки: гвоздевидные				2									**2**
кольцевидные				1					1				**2**
посоховидные		1		5		1	2		1				**10**
Браслеты				2									**2**
Пружина фибулы				1									**1**
Спираль пластинчатая							1						**1**
Пряжка					1								**1**
Кольцо												1	**1**
Шилья				1			4						**5**
Крючок рыболовный												1	**1**
Скоба							1						**1**
Скобель					1								**1**
Острия				1	2		1						**4**
Иглы				1			1	1					**3**
Бритва							1						**1**
Стержни обломанные				4	2								**6**
Обломки изделий (?)				1	1				1				**3**
Всего	**5**	**3**	**1**	**40**	**9**	**1**	**27**	**6**	**5**	**8**	**1**	**4**	**110**

1986, с. 159; Лошенков, 1994, с. 56–57; Гурын, 1999, с. 14–17, мал. 6: 1–13; 7: 13; 8: 4, 7; 9: 2, 5, 6; 10: 2). Изучив 105 изделий населения милоградской культуры, М.Ф. Гурин не сделал обобщения по выполненной металлографии их. В одной из публикаций для раннего этапа ремесла кузнецов он выделил «период становления кузнечной обработки железа», временные рамки которого отнес к V в. до н. э. — I в. н. э. и II–VIII вв. н. э. (Гурин, 1990, с. 15; он же, 1997, с. 96, рис. 1). Касаясь технологии изготовления изделий из черного металла у населения милоградской культуры, равно как и у племен зарубинецкой, штрихованной керамики и днепро-двинской общностей, он замечает, «что орудия труда делались по несложным технологическим схемам: цельножелезные, цельностальные, из неравномерно науглероженного металла, иногда из заготовок, обработанных способом пакетирования. Хотя и не часто, но практиковалась цементация лезвий орудий труда: ножей, топоров, серпов и др.» (Гурин, 1990, с. 18; он же, 1997, с. 96–97, рис. 1, 2). Во-первых, смешивать технологические схемы кузнечных предметов населения четырех племенных союзов методически неверно, даже несмотря на ранний этап зарождения

металлообработки. Во-вторых, и это естественно, у каждой племенной группы они были совершенно разные как по качеству металлов, так по сложности изготовления изделий, а в конечном счете и по количественным соотношениям технологических схем. В сказанном несложно убедиться, обратившись к материалам трех культур раннего железного века — зарубинецкой, дьяковской и днепро-двинской (Розанова, 1997, с. 95–103; Она же, 1997а, с. 120–133, 151–156, рис. 6, 7). На предложенной М.Ф. Гуриным диаграмме соотношения технологических схем для милоградско-зарубинецкого времени нет конкретных процентных выражений, которые для населений двух культурных традиций не могли быть абсолютно равнозначными (Гурин, 1997, с. 97, рис. 2). Характеризуя 57 железных предметов с милоградских городищ Восточного Полесья, автор во второй половине 80-х годов, основываясь на данных М.Ф. Гурина, отметил у части из них сложные технологические схемы. К ним кузнецы применили следующие операции: 1) пакетирование сырья (5 ножей и серп), 2) цементацию (проушный топор из Старого Красного), 3) наварку стальной рабочей части на железную основу (серп из Ястребки) и 4) закалку (топор) (Лошенков, 1988а, с. 117). У всех орудий труда образцы взяты из рабочих частей.

В настоящее время, располагая новейшими данными*, отмечу, что структура черного металла у милоградского населения изучена на 12 памятниках, включая Горошков (табл. 45). Здесь уместно напомнить, что на традиционно зарубинецком городище Чаплин из 92 железных предметов металлографии подвергнуто только 28 (Розанова, 1997, с. 97–103, табл. 2). Вполне возможно, что какие-то из этих изделий принадлежали предшественникам «милоградцам». Не касаясь коллекций с Горошкова и Чаплина, рассмотрим остальные 105 предметов по структуре металлов. На 11 памятниках преобладают изделия из кричного железа (табл. 46). В одном из обломков лезвия топора с городища Лиски наблюдается видманштеттова структура: феррит выделился в виде игл, что свидетельствует о высокой скорости охлаждения предмета. Подобное явление зафиксировано еще в одном ноже с городища Подгорье.

Железо кричное как сырье было со шлаковыми включениями, неоднородной зернистости с небольшим содержанием и неравномерным распределением углерода в нем. Основным способом обработки его являлась свободная ковка в горячем состоянии. Местные кузнецы этим приемом пластической обработки черного металла владели в ряде случаев не в совершенстве. В структуре металлов на это указывают сильная загрязненность железа шлаковыми включениями, разнозернистость и плохая проковка. Здесь уместно отметить, что на таком же уровне металлообработки железа (табл. 48) находились зарубинецкие мастера, а также кузнецы древних городищ Смоленщины и дьяковской культуры (Хомутова, 1978, с. 62–77; она же, 1982, с. 27–34; История черной металлургии и металлообработки…, 1983, с. 93–95). Несмотря на невысокое качество железа, милоградские кузнецы изготавливали из него все виды необходимых предметов, на что указывает ассортимент изделий (табл. 45). Из всех орудий труда, предметов вооружения, украшений и домашнего обихода у «милоградцев» по характеру сырья неординарно выглядят лишь ножи. Среди 29 проанализированных металлографически из железа — менее половины, только 12. Если на Лисковском городище из 11 ножей пять цельножелезных, то на городище Подгорье — из 12 только три. На городище

*В 2007 году М.Ф. Гурин передал автору рукописи черновиков описаний металлографических шлифов с предметов из милоградских памятников Полесья и Посожья. Выражаю М.Ф. Гурину глубокую благодарность за возможность использовать в данной работе результаты его исследований.

Таблица 46

Технологическая характеристика изделий из черных металлов с милоградских памятников Беларуси

Памятники	Всего	Железо	Сталь		Сварка		Термообработка	
			Низкоуглеродистая	Средне- и высокоуглеродистая	Пакетирование	Наварка	Цементация	Закалка
Любны	1	1						
Подгорье	27	14	6	7	1	1	1	1
Присно II	6	3	3		1			
Ивань	3	3			1			
Лемешевичи	1	1				1	1	
Лиски	40	27	9	4	5		1	
Липняки	9	9						
Старое Красное	5	4		1			1	
Хильчицы	8	8						
Холопеничи	1	1						
Ястребка	4	2	1	1		1		2
ИТОГО	**105**	**73**	**19**	**13**	**8**	**3**	**4**	**3**
	105	**73**	**32**		**11**		**7**	
	105				**18**			

Присно среди четырех проанализированных — два цельножелезные. Как видим, в продукции ножей с пяти памятников только на поселении Подгорье весьма мало их выковано из железа (рис. 49: 2). Такой факт следует рассматривать как локальную особенность. Возможно, кузнецы на этом городище владели своим ремеслом более совершенно, нежели на остальных памятниках.

Сталь являлась другим видом исходного сырья для кузнечной продукции у изучаемого населения. Если 69,5 % изделий выковано из железа, то 30,5 % — из стали. Это довольно высокий показатель применения более качественного металла. Здесь нужны следующие пояснения. В указанное количество предметов (табл. 47) автор включил все изделия с использованием стали, а они двух разновидностей: чисто стальные и комбинированные — с сочетанием железа со сталью. Сама сталь в рассматриваемых предметах не однородна. У двух третей изделий (табл. 47) она сырцовая, низкоуглеродистая (с содержанием углерода от 0,2 до 0,5 %), с включениями шлаков и разной зернистости. Так, например, в ферритно-перлитной структуре ножа с Подгорья включения шлаков очень вытянутые. Это говорит о том, что заключительная ковка ножа происходила при остывающем металле. А вот у серпа с этого поселения сталь мелкозернистая и шлаковые включения очень мелкие. Сталь средне- и высокоуглеродистая, с содержанием углерода 0,5–0,7 %, более высококачественная. Изделия с ее применением выявлены на четырех памятниках (табл. 46). Фрагмент лезвия топора — на городище Ястребка. На Лисковском городище — серп, нож, лезвие топора и гвоздевидная булавка. На поселении Подгорье — пять ножей и втулка дротика. У одного из ножей с Подгорья высокоуглеродистая перлитная структура.

Таблица 47

Технологические схемы предметов, исследованных металлографически

Сырье, схемы / Изделия	Всего	Железо	Сталь		Сварка		Термообработка	
			Низкоуглеродистая	Средне- и высокоуглеродистая	Пакетирование	Наварка	Цементация	Закалка
Топоры: проушный	1			1			1	
кельт	1	1						
лезвия	6	4		2			1	1
Серпы	13	9	3	1	2	2	1	1
Ножи	29	12	11	6	6		1	1
Наконечник копья	1	1						
Наконечники стрел	8	8						
Втулка дротика	1			1				
Булавки:								
кольцевидные	2	2						
посоховидные	10	9	1					
гвоздевидные	2		1	1				
Браслеты	2	2						
Пружина фибулы	1		1					
Кольцо	1		1					
Спираль пластинчатая	1		1					
Скоба	1	1				1		
Шилья	5	4		1				
Стержни обломанные	6	6						
Рыболовный крючок	1	1						
Скобель	1	1						
Пряжка	1	1						
Иглы	3	3						
Острия	4	4						
Бритва	1	1						
Фрагменты изделий (?)	3	3						
Итого	**105**	**73**	**19**	**13**	**8**	**3**	**4**	**3**
	105	**73**	**32**		**11**		**7**	
	105				**18**			

На спинке изделия имеется феррит в виде грубой сетки на границах перлитных участков. В ножах с Лисок сталь равномерно науглероженная с концентрацией углерода 0,5–0,7 %. Лезвия клинков имеют полосчатые структуры и состоят из полос разной насыщенности углеродом. Для изготовления их мастер использовал пакетные заготовки стали. У серпа же на этом памятнике сталь с 0,6 %-ным содержанием углерода. Клиновидный топор с проушным отверстием с городища Старое Красное выделяется особым качеством металла. Он сделан из сверхтвердой стали, с содержанием углерода 0,8 %. Кузнец, несмотря на это, произвел цементацию откованного топора (рис. 38: 2). Насыщение металла углеродом привело к образованию цементационного слоя на глубину до 2,5 мм, характерной особенностью которого является наличие цементитной сетки. Основная составляющая структура металла — перлит, а в рабочей части — цементит. Микротвердость перлита 322 кгс/мм^2, цементита — 383 кгс/мм^2.

В целом же количество предметов из высоко- и среднеуглеродистой стали на памятниках милоградского населения невелико. Они составляют одну треть от всех изделий со сталью (табл. 46; 47). Помимо чисто стальных (27) и комбинированных (5) предметов милоградские кузнецы с целью повышения качества их продукции применяли и более сложные технологии. В числе таковых зафиксированы: сварка, закалка, цементация и пакетирование.

Сварка — это соединение двух кусков металла в одно целое при высокой температуре и механическом воздействии — ударов молота. Сварить возможно железо с железом, железо с низко- и среднеуглеродистой сталью (Колчин, 1953, с. 170; Гурин, 1982, с. 67–76). В металлографически исследованных предметах выявлено, что сварка применялась в двух вариантах. Во-первых, это наварка стальных рабочих частей лезвий на железную основу. Такие схемы — у двух серпов с Лемешевичей и Ястребки (рис. 39: 4; 42: 1), а также у скобы с Подгорья. Изделий с наваркой стали, как видим, мало (2,8 %). Сварку в большей мере использовали во время пакетирования заготовок. Пакетирование — разновидность кузнечной сварки (железа с железом, железа со сталью и стали со сталью), которой свойственна многослойная (более двух) полосчатая структура в одном изделии (Гурин, 1982, с. 76–85). Во-вторых, она использовалась именно в полуфабрикатных пакетах для соединения разных по насыщенности углеродом пластин железных и стальных. Изделий из пакетных заготовок в рассматриваемой коллекции восемь: два серпа с Ивани и Лисок, а также шесть ножей — с Лисок (4), Присно (1) и Подгорья (1). Пакетные схемы зафиксированы у 7,6 % предметов. Всего же с применением сварки в черных металлах на милоградских памятниках выявлено одиннадцать (10,4 %) изделий (табл. 46; 47).

Термообработка. Для улучшения рабочих свойств кузнечной продукции мастера применяли иногда термообработку. В рассматриваемых предметах она двух видов: закаливание и цементация. Закаливание — нагрев стальных изделий и сплавов железа со сталью до температуры, при которой происходят фазовые превращения, выдержка в ней и затем охлаждение быстрое либо медленное (Колчин, 1953, с. 171–172; Гурин, 1982, с. 85–87). Закалка обнаружена у трех (2,8 %) предметов с разных памятников. Так, на поселениях Подгорье — в лезвии ножа, а в Ястребке — у серпа с наварным лезвием из стали и в лезвии топора. Цементация — химико-термическая обработка предметов с целью насыщения их углеродом на небольшую глубину от поверхности. Такая операция придает металлу структуру стали высокой твердости (Колчин, 1953, с. 171; Гурин, 1982, с. 85). В древности цементация применялась как у цельножелезных, так и у стальных изделий. У изучаемого населения она отмечена у четырех (3,8 %) предметов. Помимо уже охарактеризованного проушного топора со Старого Красного она выявлена еще в обломке лезвия топора из Подгорья, у серпа с наварным стальным лезвием с Лемешевичей. У одного ножа с городища Лиски цементация лезвия односторонняя — локальная. Рабочие качества у отдельных топоров, серпов и ножей с милоградских памятников улучшены, как видим, разными способами термообработки. Всего в рассматриваемой коллекции термообработанных изделий 6,6 %, что несколько меньше, чем со сваркой (табл. 46; 47).

В технологии изготовления только у 18 изделий выявлены более сложные схемы. К ним применены следующие операции: 1) пакетирование сырья (6 ножей и 2 серпа), 2) цементация (топор-клин, серп, нож и лезвие топора), 3) сварка железа со сталью (два серпа, скоба), 4) закалка (лезвие топора, серп и нож). Если же принять во внимание еще коллекцию из пяти предметов с Горошкова,

Таблица 48

Технологические схемы (%) кузнечной продукции у населения разных культурных традиций

Схемы	Культурные общности						
	Лесостепное Поднепровье	Курское Посеймье	Милоградская культура	Зарубинецкая культура	Дьяковская культура	Днепро-двинская культура	Поздний латен (Галиш-Ловачка)
Всего предметов	75	100	105	219	135	40	105
Цельножелезных	14,7	37	69,5	65,3	26,7	55	37,1
Из стали сырцовой	34,7	19	18,1	17,4	21,5	7,5	13,3
средне- и высокоуглеродистой	17,3	8	12,4	4,1	11,8	27,5	7,6
С пакетированием	25,3	24	7,6	9,5	15,6	10	20
С наваркой	–	–	2,8	0,5	5,9	–	10
С цементацией	8,0	12	3,8	3,2	18,5	–	21
С закалкой	–	3	2,8	6,4	29,6	–	27,6

в которых Б.А. Колчиным зафиксированы сварка и цементация, то количество изделий со сложной технологией будет больше. Милоградские мастера в своей практике, как свидетельствует большинство изделий, очень редко применяли сложные технологические приемы в металлообработке. Предметы с более сложной технологией, возможно, изготовлены местными кузнецами, которые придерживались не местных традиций в обработке металла, либо они являются импортом. Если кузнецы и были знакомы с более сложными технологическими операциями: пакетированием сырья, сваркой железа со сталью, цементацией, закалкой, — то эти приемы при изготовлении изделий не получили широкого применения у местных мастеров (табл. 48). По-видимому, такие традиции в металлообработке проникают в милоградскую среду с юга, от скифов, населения лесостепной полосы либо же с юго-запада, от кельтов. В то же время милоградские металлурги-кузнецы отстают в применении сложных технологий от уровня и количества изделий у кельтов, скифов и населения лесостепной зоны — Курского Посеймья (Технология обработки железа…, 1963, с. 49–51; Новые исследования…, 1971, с. 140–153; Вознесенская, 1979, с. 180–188; Пузикова, 1981, с. 92–93; она же, 1997, с. 82–84; История черной металлургии и металлообработки…, 1983, с. 75–80; Вознесенская, 1984, с. 163–175; К вопросу…, 1986, с. 156–169; Розанова, 1988, с. 30–36; Вознесенская, 1989, с. 139–146; она же, 1997, с. 119–126).

Таким образом, рассмотренные материалы по металлургии и металлообработке с милоградских памятников позволяют автору сделать ряд нижеследующих заключений:

1) добыча железа и стали (сырцовой), а также, по-видимому, частичная обработка их металлургами-кузнецами милоградских поселений осуществлялась вблизи месторождений сырья (в Полесском регионе) и рядом с поселениями либо на них (в Приднепровье и Посожье);

2) разнообразие кузнечных изделий свидетельствует не только о хорошо налаженной металлургии, но и о металлообработке;

3) исходным сырьем для подавляющего большинства предметов было кричное железо (69,5 %) и в меньшей степени — сталь (30,5 %), преимущественно сырцовая;

4) сложные технологии — закалка, цементация, наварка и пакетирование — выявлены

у 17 % изделий. Они зафиксированы не в предметах вооружения, а в орудиях труда — топорах, серпах и ножах;

5) если местные мастера и владели более сложными технологиями, то основная масса продукции ковалась ими из металлов невысокого качества свободной ковкой в горячем состоянии;

6) общий уровень металлообработки у «милоградцев» был таким же, как и у мастеров синхронных культур лесной полосы, и в то же время по внедрению сложных операций они отставали от уровня металлообработки у скифов, населения Лесостепи и кельтов.

5. Бронзолитейное дело

Исследования городищ, селищ и могильников милоградской культуры, проведенные О.Н. Мельниковской, Ю.В. Кухаренко и П.Н. Третьяковым, в 50-е годы XX в., свидетельствуют о широком употреблении населением бронзовых изделий. Основное количество находок, выявленных в ходе раскопок и при обследованиях памятников, представлено украшениями: браслетами, кольцами, булавками, сережками, бусами, подвесками. Помимо этого, встречались наконечники стрел и предметы конского снаряжения. Вместе с целыми вещами и обломками предметов попадались капельки бронзы, выливки и шлаки. С памятников Приднепровья собрана коллекция глиняных изделий, связанных с цветной металлургией: тигельки, льячки, литейные формы — общим количеством около 40 единиц (Мельниковская, 1967, с. 126–128). Раскопки более северных городищ Красная Горка, Отрубы и Черное пополнили эту коллекцию еще на 13 единиц: 5 тиглей и 8 литейных форм в фрагментах (Дубицкая, 2003, с. 62, 64, рис. 3: 3; Лашанкоў, 2004, с. 238, мал. 1: 3; он же, 2005, с. 228; Дубицкая, 2006, с. 50, рис. 2: 7). Здесь уместно подчеркнуть, что на территории, занятой племенами милоградской культуры, нет источников сырья для выплавки бронзы.

Изучение древнейших городищ, расположенных в восточной части Полесской низменности Беларуси: Липняки, Ястребка, Лиски, Старое Красное, Ясенец I, Холопеничи — показало, что их обитатели также занимались бронзолитейным ремеслом, несмотря на отсутствие местного сырья. Кроме изделий из бронзы, как целых, так и обломков, на поселениях неоднократно встречались фрагменты льячек, литейных

Таблица 49

Находки предметов бронзолитейного ремесла на милоградских памятниках Беларуси

	Памятники	Литейные формы	Льячки	Тигли	Капли и выливки	Всего
Посожье	Ленино	1		1		**2**
	Любны		1			**1**
	Нисимковичи				1	**1**
	Подгорье	1		1		**2**
	Уваровичи	18 + 2 к	7	19	9	**55**
	Уза	1				**1**
	Всего	**23**	**8**	**21**	**10**	**62**
Приднепровье	Горошков (г)*		7	3	1	**11**
	Горошков (с)	1				**1**
	Красная Горка	1				**1**
	Милоград*		1	2		**3**
	Моховское I*	1				**1**
	Моховское II	1				**1**
	Отрубы			2		**2**
	Чёрное	7		4		**11**
	Всего	**11**	**8**	**11**	**1**	**31**
Полесье	Липняки (г)			1		**1**
	Липняки (с)	1			1	**2**
	Лиски	2	2	2		**6**
	Старое Красное	1	5	6		**12**
	Ясенец I		1	2		**3**
	Всего	**4**	**8**	**11**	**1**	**24**
	Всего по культуре	**38**	**24**	**43**	**12**	**117**

* — сведения неполные;
к — каменные; г — городище; с — селище

форм, тигельков (Лошенков, 1995, с. 79–81, рис. 1). Все эти предметы (рис. 90; 91: 15, 16) найдены в толще культурного слоя и не связаны с какими-либо сооружениями. На памятниках Приднепровья (Милоград, Горошков) такие находки довольно часто встречались в жилых помещениях. О.Н. Мельниковская пришла к выводу, что мастера милоградской культуры выплавляли бронзу на очагах в жилищах (Мельниковская, 1967, с. 126, 144). В слое восточнополесских городищ не обнаружены капельки бронзы, шлаки и выливки. В то же время на селище Липняки, расположенном вблизи городища, выявлены шлаки и кусочки глины, похожие на обломки литейной формы (Гурын, 1984, с. 73).

Интересующие нас материалы имеются также и на памятниках Посожья. Капельки бронзы и выливки ее зафиксированы в культурном слое городищ Нисимковичи и Уваровичи. Тигли выявлены на поселениях Ленино, Подгорье, Уваровичи. Льячки — на двух памятниках: Любны и Уваровичи. Литейные формы происходят с поселений Ленино, Подгорье, Уваровичи и Уза (рис. 91: 1–3, 12–14). Авторами раскопок С.Е. Рассадиным и А.И. Дробушевским найдено 23 фрагмента форм. В 1990 и 1991 годах А.И. Дробушевский нашел две разъемные створки от каменных литейных форм (Дробушевский, 1991, с. 28, рис. 1: 11). Каменные формы для многоразового использования ранее на памятниках изучаемого населения не встречались.

Раскопки, проведенные археологами Беларуси с середины 70-х годов прошлого века, значительно расширили географию исследованных памятников «милоградцев» и пополнили коллекции новыми материалами. К началу III тысячелетия количество рассматриваемых нами находок увеличилось в 3,5 раза (табл. 49) по сравнению с данными на середину

60-х годов. В связи с тем, что инвентарь бронзолитейщиков в достаточной мере охарактеризован в специальных публикациях (Мельниковская, 1967, с. 126–128, рис. 58; Дробушевский, 1991, с. 26–28, рис. 1; Лошенков, 1995, с. 78–81, рис. 1), нет необходимости снова его описывать. Подчеркнем лишь его некоторые местные особенности.

Тигли. На памятниках Беларуси выявлено более 40 обломков тиглей (табл. 49). Небольшие глиняные сосудики конусообразной формы, в которых плавили бронзу, имели примерно одинаковые размеры на всей территории милоградской культуры. Диаметр их по верхнему краю около 5 см. Толщина стенок составляет 0,5–1,2 см. Высота — в пределах 5–8 см. Тигли существенно различались оформлением нижних частей (рис. 90: 1–4; 91: 10, 11). Так, в Приднепровье они были остродонные, а в Полесье — с закругленным дном (Мельниковская, 1967, с. 126, рис. 58: 12; Лошенков, 1995, с. 79, рис. 1: 1–3). Рассматриваемые изделия с острым низом известны на поселениях Подгорцы и Бортничи на территории Украины (Даниленко, 1956, табл. I: 4, 5; III: 1–3). На неукрепленном поселении Таценки VII (Обуховский р-н Киевской обл.) обнаружены не только фрагменты тиглей, но и крышки для них (Квитницкий, 2009, с.263).

Льячки. Для выливки бронзы в формы применялись специальные глиняные ложечки с литничками — льячки. На исследованных поселениях Беларуси их зафиксировано около 25 фрагментов (табл. 49). Льячки представлены обломками ковшиков и черенков (рис. 90: 5–7; 91: 15, 16). Длина целых изделий на полесских памятниках — до 7 см, на памятниках Приднепровья — от 3,5 до 10–12 см. Ковшики овальной формы размером 4 × 5 см. Черенки у них короткие — 1,5–4,5 см. В поперечным разрезе они круглые, квадратные и треугольные. У всех черенков есть втульчатые отверстия для соединения их с деревянными ручками.

Литейные формы. Если тигли и льячки в бронзолитейном ремесле имели многократное применение, то формы с восковых образцов — только одноразовое. Обломки именно таких форм выявлены на памятниках Полесья (рис. 90: 8–10). В Приднепровье О.Н. Мельниковская отмечает литейные глиняные формы двух разновидностей: разъемные и с восковых моделей (Мельниковская, 1967, с. 128, рис. 58: 1–5, 7, 8). На городище Черное зафиксированы обломки только одноразовых форм (рис. 91: 4–11). Есть на памятниках этого региона и открытые односторонние формы. Так, на втором Моховском городище — для литья сережек, а на Горошковском — подвесок (Третьяков, 1960, с. 45, рис. 22: 1; Мельниковская, 1967, рис. 58: 4). В Посожье, на городище Уза, С.Е. Рассадин нашел половинку формы для литья бисера. Двусоставные глиняные формы на памятниках милоградского населения являются редкостью (рис. 91: 3). В пределах Беларуси обломков глиняных форм обнаружено около 40 (табл. 49). Знакомство с фрагментами показывает, что среди изготавливаемых предметов доминировали браслеты гладкостержневые и с рубчиками (рис. 91: 6, 14). Последние отмечены на поселениях Ленино, Подгорье, Уваровичи, Черное (Дробушевский, 2000, с. 59, рис. 4: 7; он же, 2002, с. 54–55, рис. 4: 5–8, 10, 12; Лашанкоў, 2005, с. 228). Помимо браслетов местные умельцы отливали еще бусы, подвески, сережки и кольца. Фрагменты литейных форм (150 ед.) довольно широкого ассортимента бронзовых украшений выявлены в мастерской ювелира на поселении Таценки VII (Квитницкий, 2009, с. 263, рис. 3: 19 –49).

Половинки двух форм из камня зафиксированы пока только на одном памятнике — Уваровичском городище. Одна, найденная в 1990 г. сделана из мелкозернистого камня. Форма вырезана на плоской стороне плитки

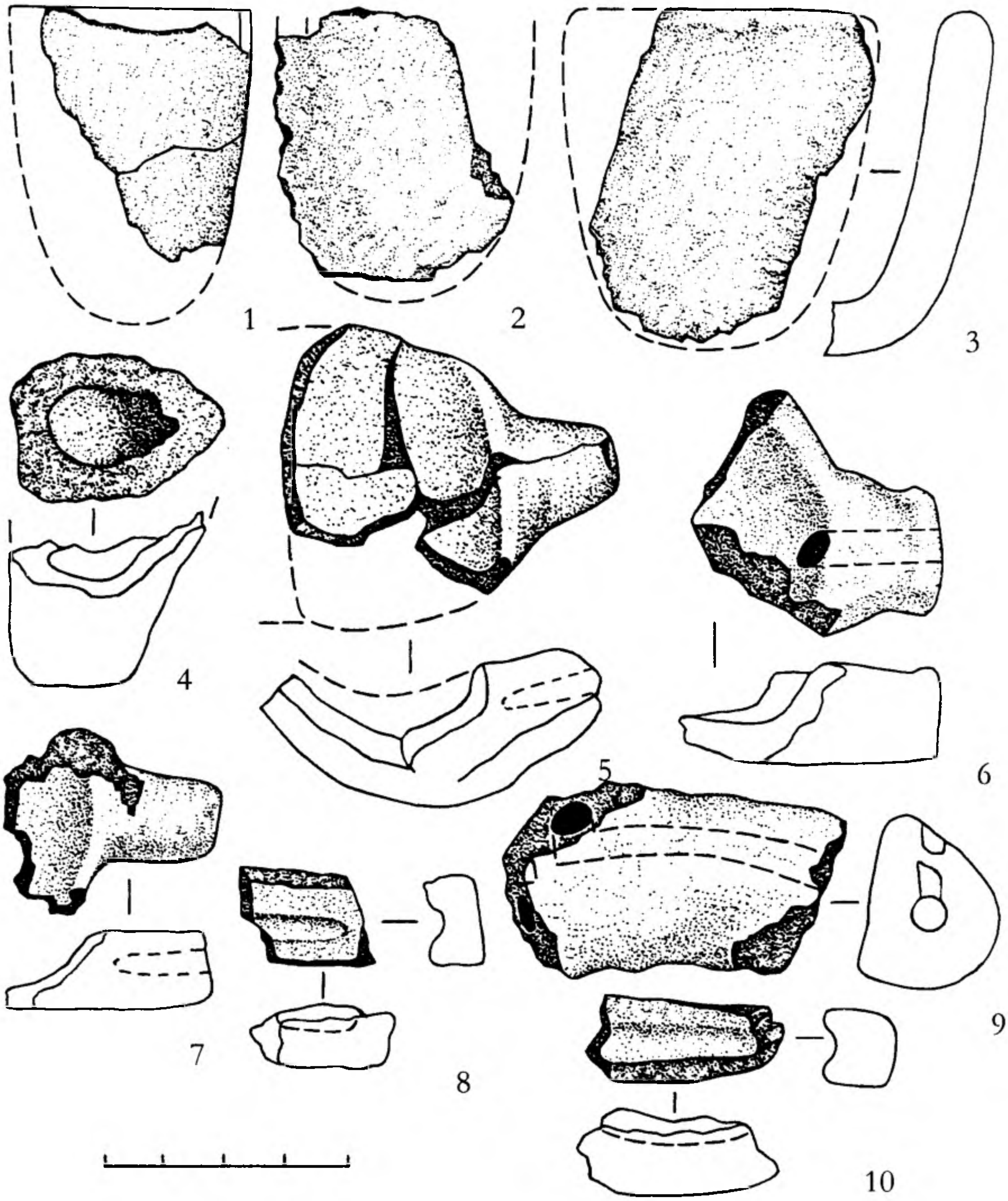

Рис. 90. Тигли, лячки и литейные формы с городищ Восточного Полесья
(1 — Липняки; 2, 3, 7, 8, 10, — Лисски; 4 – 6, 9 — Старое Красное)

толщиной 2–2,2 см. Плитка прямоугольная, размером 3 × 4 см. В нижней ее части углы закруглены (рис. 91: 1). Матрица расположена вверху, у края разлома (рис. 91: 1). Сверху, по центру камня, лейковидный канал длиной 0,5 см для заливки металла. Под каналом находится шаровидное углубление диаметром 0,6 см. От середины этого углубления расходятся горизонтально в противоположные стороны два канала. Ширина их 0,2 см, длина 1,2 см. Эти каналы «выходят» на противоположные торцевые стороны плитки. Данная каменная створка является половинкой формы для литья бус. Она опубликована (Дробушевский, 1991, с. 28, рис. 1: 11). Половинка другой матрицы сделана на плитке толщиной 1 см. Эта плитка в плане каплевидной формы (рис. 91: 2). Вверху она чуть отбита. Размеры ее: высота — 3,5 см, максимальное расширение в середине и нижней трети — 3,2 см. Углубление для бус вырезано в центре камня. Литейный канал длиной 1,5 см. Вверху он имеет расширение. Под каналом находится углубление для бус цилиндрической формы (рис. 91: 2). От цилиндрической ямочки расходятся горизонтально в разные стороны два канала. Конструктивно схемы двух каменных форм схожи. Различие между ними только в формах и размерах самих бусин. Если в первой отливались шаровидные, то во второй — цилиндрические.

Все вышеотмеченное позволяет говорить о том, что у «милоградцев» имелись четыре вида литейных форм: 1) одноразовые с восковых образцов, 2) многоразовые двухстворчатые разъемные с вдавлениями, 3) открытые односторонние с оттисками и 4) каменные. Е.А. Шмидт у «днепро-двинцев» Смоленского Приднепровья выделил три разновидности литейных форм: цельные, изготовленные по восковым моделям; состоящие из двух половинок с оттисками образца и каменные (Шмидт, 1992, с. 89, 91).

Подчеркнем еще одну особенность. Если на памятниках Беларуси обнаружены отдельные находки, связанные с бронзолитейным ремеслом, то на поселениях Украины зафиксированы остатки бронзолитейных мастерских (Даниленко, 1956, с. 8, 11; Квитницкий, 2009, с. 263). Отсутствие аналогичных специализированных мест на территории Беларуси может свидетельствовать о непостоянном либо нерегулярном изготовлении бронзовых предметов местными ремесленниками. У синхронных племен лесной полосы остатки бронзолитейного производства отмечены на Сатинском под Тулой, Дьяково в Москве, а в Подмосковье — на Боршевском и Мутёнковском городищах (Изюмова, 1967, с. 133–134; Крис, 1980, с. 80, рис. 1: 9; Кренке, 2002, с. 90–110; Сапрыкина, 2005, с. 204–211). Аналогичные материалы зафиксированы исследователями у племен культур штрихованной керамики и днепро-двинской в пределах Беларуси и Смоленщины (Митрофанов, 1978, с. 49–50, рис. 22: 17, 18, 25: 1,8; Медведев, 1996, с. 36, рис. 78; Егорейченко, 1969, с. 58–59, рис. 42; Шадыро, 1985, с. 70, рис. 42: 22; Шмидт, 1992, с. 87–92, табл. 39: 9–15).

Помимо инструментария бронзолитейщиков на милоградских памятниках имеется довольно много бронзовых предметов. Надо полагать, что большая часть их поступала в ареал милоградского населения в результате обменов. Местные же умельцы, скорее всего, занимались переплавкой поврежденных либо сломанных вещей в нужные им изделия. Общий уровень бронзолитейного ремесла, которым владели «милоградцы», не позволяет отличать визуально местные предметы от привозных. Несомненно, высокого уровня мастерства требовало изготовление орнаментированных браслетов. Они отливались местными умельцами, что подтверждается наличием

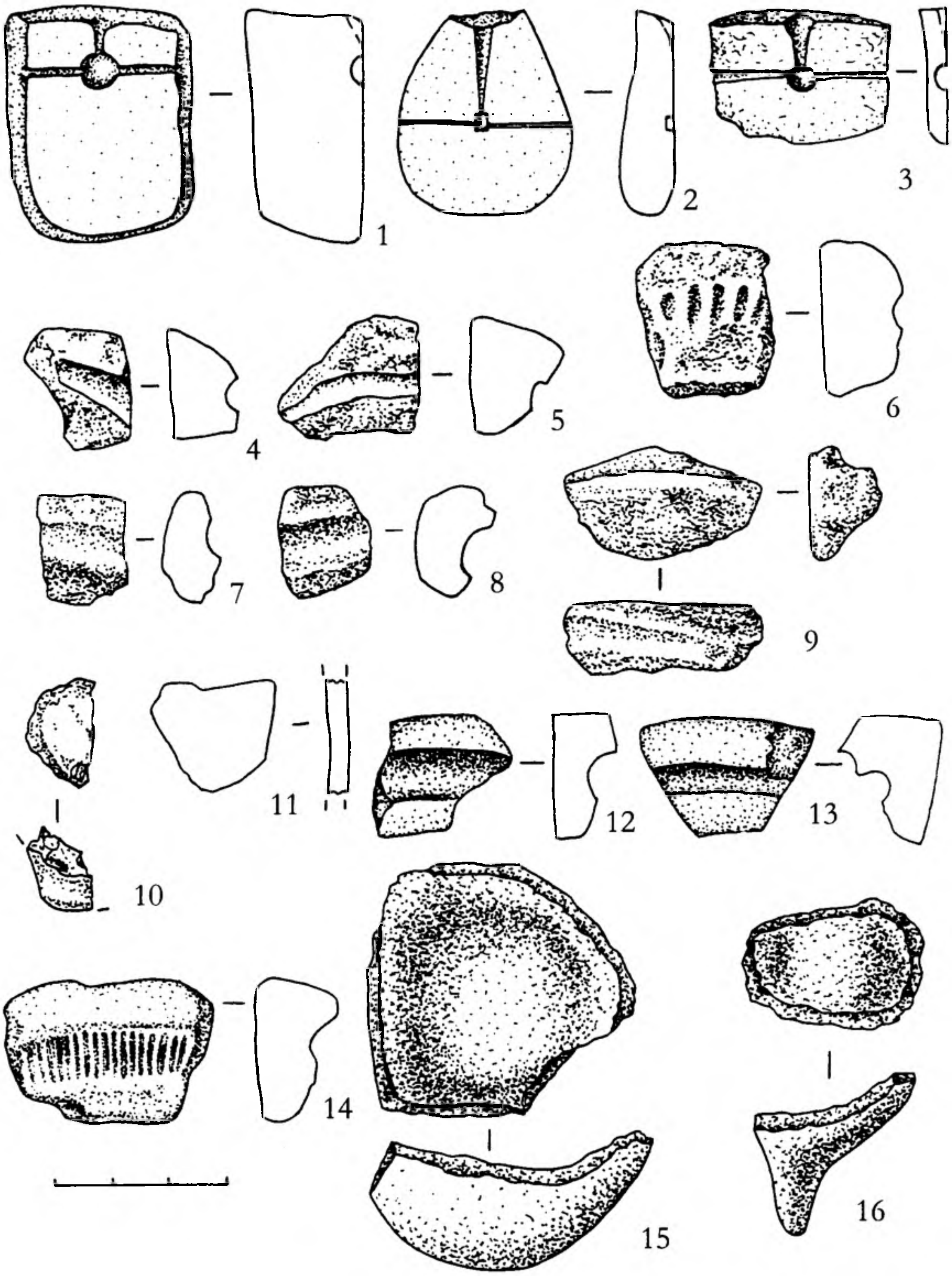

Рис. 91. Предметы бронзолитейного ремесла: литейные формы (1 – 9, 12 – 14)
тигли (10, 11), льячки (15, 16)
(1, 2, 12, 13 — Уваровичи; 3 — Уза; 4 – 11 — Черное; 14 — Подгорье;
15, 16 — Лиски; 1, 2 — камень; 3 – 16 — глина)

соответствующих глиняных форм. Одна из них найдена в погребении на первом Моховском городище (Мельниковская, 1967, с. 128, рис. 58: 8). Мастера изучаемого населения не только занимались литьем сложно-орнаментированных украшений, но и изготавливали комбинированные предметы из железа и бронзы. Например, ажурные булавки (Даниленко, 1953, с. 203, 204; Петровьска, 1971, с. 19–20, рис. 6: 2; 7: 2, 5; Лошенков, 2003, с. 94, рис. 1: 1–3). Такие изделия отмечены исследователями только на поселениях подгорцевской группы памятников этой же культуры на Украине. В пределах Беларуси подобные комбинированные изделия не найдены. Определенный интерес в связи с этим вызывает железное кольцо с городища Ястребка. На нем сохранился участок, покрытый бронзой (Лашанкоў, 1983, с. 39, мал. 8). М.Ф. Гурин установил, что это кольцо сделано из стали, а бронзовое покрытие было нанесено на хорошо подготовленную поверхность. Ранее на милоградских памятниках железные изделия с бронзовым покрытием не встречались.

Весьма важным является вопрос об источниках поступления сырья в ареал милоградской культуры. Надо полагать, что сырье поступало в виде слитков бронзы либо отдельных ее компонентов: меди, олова и свинца. Свинец найден на Горошковском городище и на городище культуры штрихованной керамики около деревни Збаровичи Минского района (Мельниковская, 1967, с. 143; Митрофанов, 1978, с. 22). Бронзовые изделия могли поступать на территорию милоградской культуры и в готовом виде. Отдельные изделия имеют грязно-зеленый цвет и довольно рыхлую окисную пленку. Это говорит о сильной загрязненности бронзы. В лаборатории были растворены два кусочка бронзы из двух зеркал с городища Лиски. В обоих случаях на дне растворов осели мелкие песчинки. На основании типологической близости ряда предметов, и главным образом браслетов из городищ Приднепровья, О.Н. Мельниковская пришла к заключению, что основное сырье для отливки украшений и предметов вооружения милоградское население получало из Центральной Европы (Мельниковская, 1967, с. 143). Утвердительно ответить на вопрос о путях поступления бронзы на территорию милоградской культуры невозможно без проведения спектроаналитических исследований как самих бронзовых изделий, так и предметов, связанных с местным литьем бронзы: шлаков и выливок. Для спектральных анализов в лаборатории ИА АН СССР автором было отобрано 42 пробы с 40 предметов и капелек. Материалы происходят не только с городищ, но и с неукрепленных поселений, раскопки на которых проводили другие исследователи — В.С. Вергей, Г.М. Залашко, А.И. Дробушевский, Н.В. Бычков.

В коллекцию анализируемых изделий включены нижеследующие предметы (табл. 50; рис. 92). Семь проб взято с капелек бронзы, пять — с наконечников стрел, четыре — с обломанных стержней и три — с конского снаряжения (ворворки, бляшки с петелькой и пластины-накладки). С двух предметов туалета — зеркал взяты четыре пробы с дисков и петелек. В наборе украшений 19 вещей: сережки (2), бусы (3), подвески колокольчиковидные (2), булавки (2), браслеты (7), кольцо, язычок застежки, спираль коническая (Лошенков, 1995, с. 89–92, табл. 1, рис. 2; 3; 4). Все перечисленные предметы соответствуют времени с VII по III — начало II в. до н. э. Спектральные анализы выполнены Т.Б. Барцевой. Ниже приводятся ее аналитические выкладки (табл. 50).*

* Автор благодарит Т.Б. Барцеву за возможность использовать ее сведения по составам изученных бронзовых предметов.

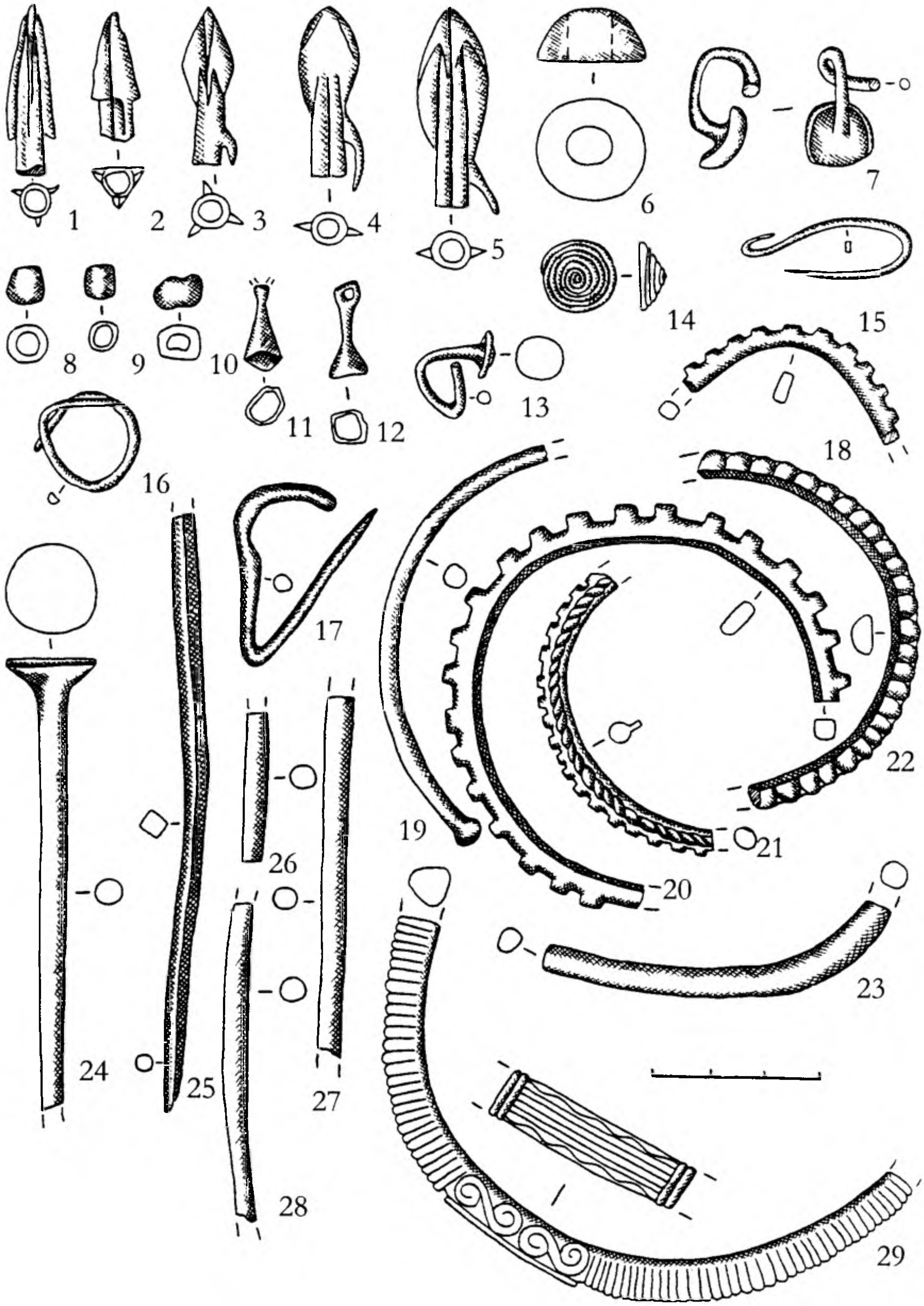

Рис. 92. Бронзовые предметы подвергнутые спектральным анализам (1, 2, 12, 13, 14 — Лемешевичи; 3, 4, 5, — Хильчицы; 6, 7, 18, 20 – 22, 25, 29 — Лиски; 8, 9, 10, 11 — Речица II; 16, 17 — Старое Однополье; 19, 28 — Шепотовичи; 15, 26, 27 — Старое Красное; 23, 24 — Ястребка)

Таблица 50

Спектральный состав бронзовых изделий с памятников милоградской культуры Беларуси*

Шифр лаб.	Предметы	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Рис.
Лиски (городище)													
39939	Браслет плечевой	5,7	2,5	.0046	.004	.032	.063	.17	.0032	.013	.021	.0015	92: 29
39940	Зеркало (петля)	7,6	.45	.0024	.0018	.019	.063	.19	.4	.029	.021	.0022	67: 1
39941	Зеркало (диск)	7,6	1,3	.0029	.0032	.038	.073	.3	.4	.011	.0078	.0015	67: 1
39942	Зеркало (петля)	1,2	3,5	.0024	.085	.047	.034	.12	.046	.0047	.0048	.0084	67: 2
39943	Зеркало (диск)	1,2	4,2	.0017	.1	.038	.031	.028	.024	.0017	.0032	.0064	67: 2
39949	Граненый стержень	6,2	2,5	.0017	.0077	.038	.067	.21	.01	.012	.025	.0019	92: 25
39950	Бляшка с петлей	6,2	4,2	.0017	.025	.076	.17	.33	.1	.078	.023	.0037	57: 2
39951	Сережка	13	.024	.0059	.0095	.027	.15	.42	.13	.026	.061	.0037	92: 7
39952	Ворворка	10	.096	.028	.011	.032	.079	.54	.13	.02	.041	.0029	92: 6
39954	Браслет	5,7	3	.053	.018	.076	.11	.24	.063	.024	.025	.001	92: 22
39955	Браслет (зубчатый)	7,6	3	.017	.016	.089	.15	.3	.086	.043	.031	.14	92: 20
39956	Фрагмент браслета	6,9	3	.01	.011	.089	.4	.37	.017	.25	.045	.0034	92: 18
39957	Часть браслета	7,6	3	.0024	.0086	.089	.12	.24	.039	.029	.031	.0077	92: 21
39958	Часть пластинки	7,6	.083	.017	.0086	.014	.046	.37	1,3	.0051	.0006	.0024	57: 3
Ястребка (городище)													
39944	Фрагмент браслета	8,4	.45	.0029	.0012	.038	.019	.1	.086	.026	.045	.0029	92: 23
39945	Гвоздевидная булавка	6,9	2,7	.0017	.0056	.032	.063	.14	.0044	.011	.025	.0001	92: 24
Старое Красное (городище)													
39946	Фрагмент стержня	6,2	1,8	.01	.0036	.047	.13	.039	.0014	.0096	.0048	.001	92: 27
39947	Язычок застежки	5,2	2,7	.27	.0029	.089	.32	.1	.2	.02	.0078	.0008	92: 15
39948	Обломок стержня	6,2	3	.22	.0021	.038	.021	.11	.35	.012	.023	.0008	92: 26
Шепотовичи (городище)													
39912	Обломок стержня	2,5	.11	.0029	.001	.047	.063	.19	.4	.018	.011	.0024	92: 28
39923	Часть браслета	4,3	7,7	.0014	.0015	.047	.05	.69	.086	.078	.021	.0024	92: 19

Шифр лаб.	Предметы	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au	Рис.
Хильчицы (селище)													
39929	Наконечник стрелы	9,3	1,4	.0059	.005	.047	.13	.33	.017	.015	.0058	.0013	92: 3
39930	Наконечник стрелы	5,7	1,2	.035	.0029	.076	.32	.1	.086	.0096	.0078	.0016	92: 4
39931	Наконечник стрелы	2,5	.096	.002	.0036	.058	.11	.27	.02	.011	.0029	.0053	92: 5
Лемешевичи (селище)													
39913	Наконечник стрелы	1,6	5,9	.076	.0086	.57	.82	.1	.033	.19	.0015	.0016	92: 1
39914	Наконечник стрелы	6,9	2,5	.0009	.016	.038	.058	.24	.063	.024	.0065	.0015	92: 2
39916	Колокольчиковидная подвеска	5,7	1,4	.001	.022	.0029	.023	.12	.23	.011	.0095	.0016	92: 12
39917	Сережка	4,7	1,4	.0017	.03	.32	.3	.69	.046	.047	.011	.0005	92: 13
39918	Спиралька коничная	3,9	.13		.0077	.016	.13	.11	.017	.029	.013	-	92: 14
39920	Капля бронзы	.096	.45	.0009	.0086	.032	.067	.21	.0053	.064	.0021	.0008	
39921	Капля бронзы	.067	.047		.001	.032	.043	.19	.0053	.008	.0014	.0001	
39922	Капля бронзы	6,2	15	.064	.022	.038	.13	.043	.028	.011	.0032		
Речица II (поселение)													
39924	Колокольчиковидная подвеска	2,5	.096	.076	.0056	.047	.05	.37	.0037	.011	.023	.0029	92: 11
39925	Бусина	5,2	2,5	.01	.0062	.027	.063	.27	.046	.012	.023	.0017	92: 10
39926	Бусина	10	.096	.0017	.0077	.016	.031	.21	.054	.024	.041	.0015	92: 8
39927	Бусина	6,9	5,4	.013	.022	.023	.063	.27	.086	.0047	.012	.0064	92: 9
39928	Обломок литника	5,7	5,9	.0076	.022	.027	.037	.15	.02	.011	.021	.0022	
Старое Однополье (поселение)													
39933	Булавка	2,5	1,2	.0017	.0032	.019	.027	.19	.0037	.014	.0065	.0053	92: 17
39934	Кольцо	4,3	1,4	.001	.027	.65	.96	.3	.039	.37	.034	.0003	92: 16
39936	Капля бронзы	1,3	.11	.0009	.0086	.058	.3	1,2	.0037	.039	.0048	.0022	
39937	Капля бронзы	5,7	2,3	.0029	.0086	.076	.3	1,2	.0023	.064	.034	.0012	
39938	Капля бронзы	.92	.096	.0009	.0021	.076	.51	.69	.0062	.064	.0029	.0015	

* Анализы выполнены Т.Б. Барцевой в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР в 1985 г.

Наиболее ранние в коллекции — пять наконечников стрел VII — первой половины VI в. до н. э. (рис. 92: 1–5). Четыре из них (№ 39913, 39914, 39929, 39930), независимо от типологических деталей, отлиты из оловянно-свинцовых бронз с повышенными содержаниями сурьмы (0,3–0,8 %), мышьяка (0,1–1 %), но с низким — кобальта (рис. 92: 1, 4). Пятый (№ 39931) — из бинарного медно-оловянного сплава (рис. 92: 5). Сходные химико-металлургические показатели отмечены у аналогичных наконечников из курганов Днепровской Лесостепи и нартановских погребальных комплексов Кабардино-Балкарии. Находки оружия скифского типа в пределах Полесской низменности Беларуси является, скорее всего, следствием проникновения скифов на эту территорию милоградской культуры.

Уникальными изделиями архаического периода в милоградской культуре являются бронзовые зеркала-диски с центральной ручкой-петелькой (рис. 67). Они происходят из городища Лиски и датируются VII — первой половиной VI в. до н. э. Оба отлиты из оловянно-свинцовых бронз (№ 39940–39943). Интересно, что у зеркала бóльших размеров при сходстве рецептуры отмечается очень высокое содержание висмута — от 0,085 до 0,1 %. Сплавы зеркал, в отличие от наконечников стрел, не содержат повышенных концентраций сурьмы и мышьяка, что свидетельствует о неоднородности исходного сырья и косвенно указывает на изготовление их в обществе кочевников. Архаичные зеркала из некрополей Днепровской лесостепи резко отличаются от рассматриваемых милоградских наличием бортика в деталях внешнего оформления и химико-металлургическим составом (Барцева, 1981, с. 65–67).

Ворворка (рис. 92: 6) отлита из сложного высокооловянно-мышьякового сплава на медной основе (№ 39952). По рецептурно-химическому показателю она ближе всего к металлу казахстанской и саяно-алтайской группы памятников (Барцева, 1987, с. 74, рис. 1, с. 77–78, табл. ан.). Высокое содержание олова (более 13 %) с добавками мышьяка (0,42 %) зафиксировано и у серьги с городища Лиски (рис. 92: 7). Химико-металлургический состав (№ 39951) позволяет ее связывать с аналогичными изделиями в ирменской культуре на Оби (Членова, 1974, рис. 1: 3). Из всего проанализированного материала только дважды выявлен высокооловянный сплав с обязательными добавками мышьяка (0,4–0,5 %) и висмута (0,01 %), что, по мнению Т.Б. Барцевой, скорее свидетельствует об импортном происхождении вещей, из него отлитых.

Иной химический состав сырья за счет низких или отсутствующих содержаний мышьяка и висмута при высокой концентрации олова у шаровидной бусины (№ 39926) с погребения на поселении Речица II (рис. 92: 8).

Самые ранние из милоградских украшений относятся к VI–V вв. до н. э. Это две бочонковидные бусины, одна шаровидная и колоколовидная подвеска (рис. 92: 9–12) с погребения на поселении Речица II (№ 39924–39927), гвоздевидная серьга и колоколовидная подвеска (рис. 92: 12, 13) с поселения Лемешевичи (№ 39916–39917). У них отмечается практическое равновесие рецептов из оловянно-свинцовых и оловянных бронз. По мнению Т.Б. Барцевой, лишь с V в. до н. э. по первые века нашей эры ведущая роль перейдет к медно-оловянно-свинцовым рецептам.

С рубежа V в. до н. э. увеличивается количественно и становится более разнообразным весь набор украшений. В эту группу попадают все виды браслетов, булавки (рис. 33: 8; 37: 1–5, 7; 52: 18–21). Они отлиты, как правило, из оловянно-свинцовых бронз (№ 39923, 39939, 39944–39946, 39948, 39949, 29954–39957). Материалы раскопок, состав сырья и рецептуры изделий не противоречат мнению об их местном производстве по восковым образцам (рис. 92: 16–29).

Лишь отдельные украшения — спиральные многовитковые подвески (рис. 92: 14) отлиты из оловянных бронз (№ 39918), что может говорить не только об изготовлении их в иных центрах, но и о расхождениях временного порядка.

Из отходов производства исследовано семь капелек бронзы. Все они случайные находки на поселениях Лемешевичи, Речица II, Старое Однополье (№ 39920–39922, 39928, 39936–39938). Насыщенность микросостава различными сочетаниями лигатур олова (от 1 до 5,7 %), мышьяка (0,7–1,2 %) и свинца (2,6–15 %) у пяти из семи проанализированных образцов исключает естественные комбинации и позволяет считать их отходами доработки уже готовых изделий. Только две капли (№ 39920–39921), судя по пониженным содержаниям всех микроэлементов, ближе всего к группе сырьевых заготовок, хотя изделия из «чистой» меди в исследованной коллекции незначительны.

Таким образом, в исследованных бронзовых изделиях милоградской культуры отмечено преобладание оловянно-свинцовой бронзы — 39 %, за ней следуют сплавы с добавками мышьяка — 35 % и только 4 % предметов — из «чистой» меди. Различие в составе металла не только говорит о своеобразии цветной металлообработки в отмеченных регионах, но и указывает на то, что связи местного населения с северными и северо-западными территориями были более слабыми по сравнению с юго-западными, южными и восточными. Благодаря контактам обитателей городищ и селищ с внешним миром отдельные бронзовые предметы (зеркала, сережка, ворворка) попали в Белорусский ареал культуры из очень далеких территорий уже в раннее время.

6. Технология изготовления посуды

В раннем железном веке к числу сложных видов домашних ремесел следует относить изготовление посуды. Производство керамики, как и металлургия, включает в себя ряд последовательных технологических операций. Основные звенья этого процесса сводятся к следующему: 1) подготовка сырья, 2) формовка изделий, 3) обработка поверхностей, 4) обжиг (Сайко, 1982, с. 9, 70). К изучаемому времени керамическое ремесло вобрало в себя значительный опыт предшествующих эпох. Для характеристики основных звеньев процесса производства посуды мастерами милоградской культуры воспользуемся данными петрографического исследования керамики (табл. 51).

Необходимо отметить, что из 144 отобранных образцов в большинстве случаев были венчики сосудов и реже — их стенки. Выборка осуществлена с памятников, которые раскапывались с 1976 по 1983 г. С двух городищ: Асаревичи и Горошков — привлечены материалы с разведок автора в 1985 г. За исключением трех селищ: Липняки, Городок и Лемешевичи, — все остальные образцы взяты с городищ. Хронологические рамки поселений охватывают время со второй половины VII в. до н. э. по III — начало II в. до н. э. Петрографическое описание 127 прозрачных шлифов (лаб. № 1–127) с десяти памятников выполнила Т.И. Левкова (табл. 51). Семнадцать образцов с городищ Отрубы, Городок и селищ Городок и Лемешевичи (лаб. № 1–7, 21–36) — Н.Н. Дубицкая. Описания всех рассматриваемых образцов шлифов опубликованы (Минералого-петрографическое описание…, 2002, с. 85–89, 92–113, 118–123, 141–149). Результаты петрографического изучения милоградской керамики нашли отражение в разной степени в

Таблица 51

Количество образцов керамики, привлеченных для петрографических исследований

№	Памятник (район)	Автор раскопок, годы	Вскрытая площадь, кв. м	Всего керамики, р. ж. в.	Выборка на петрографию	Номера лаборат. образцов*
1.	Ястребка (гор.) (Лоевский р-н)	Лошенков М.И., 1978, 1979	1396	2385	15	1–15
2.	Липняки (гор.) (Лоевский р-н)	Лошенков М.И., 1977	200	214	12	16–27
3.	Липняки (сел.) (Лоевский р-н)	Гурин М.Ф., 1976	180	150	2	54–55
4.	Старое Красное (гор.) (Речицкий р-н)	Лошенков М.И., 1982, 1983	480	24185	17	28–39 56–60
5.	Лиски (гор.) (Речицкий р-н)	Лошенков М.И., 1980–1983	2620	30321	19	40–53 76–80
6.	Рассвет (гор.) (Речицкий р-н)	Лошенков М.И., 1983	160	1639	15	61–75
7.	Асаревичи (гор.) (Брагинский р-н)	Лошенков М.И., 1985	п/м	80	6	81–86
8.	Горошков (гор.) (Речицкий р-н)	Лошенков М.И., 1985	п/м	43	6	87–92
9.	Любны (гор.) г. Гомель	Сычев В.И., 1976–1978	289,5	12717	23	93–115
10.	Шепотовичи (гор.) (Чечерский р-н)	Дробушевский А.И., 1979, 1982, 1983	54	более 3 тыс.	12	116–127
11.	Городок (гор.) (Жлобинский р-н)	Дубицкая Н.Н., 1983	16	98	3	1–3
12.	Городок (сел.) (Жлобинский р-н)	Дубицкая Н.Н., 1983	п/м	56	2	7–8
13.	Отрубы (гор.) (Жлобинский р-н)	Дубицкая Н.Н., 1983	24	184	2	4, 6
14.	Лемешевичи (сел.) (Пинский р-н)	Вергей В.С., 1980, 1981	700	4450	10	21–36

* Минералого-петрографическое описание образцов керамики из поселений Белорусского Поднепровья / Н.Н. Дубицкая, Т.И. Левкова, М.И. Лошенков // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мн., 2002. Вып. 4. С. 85–89, 92–113, 118–123, 141–149

ряде тезисов и статей (Лошенков, 1988а, с. 116–119; он же, 1990, с. 20; Лашанкоў, 1993, с. 68–76; он же, 1999а, с. 69–70; Дубицкая, 1998, с. 16–24; Дубіцкая, 1998, с. 86–95; Дубицкая, 1999, с. 29–36; она же, 2000, с. 16–18; она же, 2001, с. 57–61; она же, 2005б, с. 104–105; она же, 2007, с. 5–15, 37–39).

Сырье. Начальным этапом изготовления посуды является подбор глин и приготовление теста — формовочной массы. Лабораторное изучение обломков сосудов в прозрачных шлифах показало, что исходным сырьем для лепки посуды служили ленточные глины озерно-алювиального происхождения, которые имеют гидрослюдистую структуру (Зайцева, 1969, с. 144–186, рис. 1). Гидрослюдистое по минералогическому составу глинистое вещество составляет от 60 до 80 % исходного материала. В глинах, которые отбирались для приготовления теста, содержится около 15 % сопутствующих им естественных примесей. Следовательно, в естественном состоянии они были в разной мере запесоченными. Гидрослюдистая же структура ленточных глин определяет их относительную пластичность и легкоплавкость. Именно эти их физические свойства удовлетворяли требованиям мастеров поселений Ястребка, Липняки, Лиски, Любны, Рассвет, Старое Красное, Шепотовичи, которые они предъявляли к глинам. В целом же милоградское население ряда памятников использовало для лепки посуды однотипное сырье — гидрослюдистые глины, которые имелись вблизи поселений в запесоченном состоянии. Несмотря на это, мастера

подсыпали еще в приготовляемое тесто дресву, шамот, и крайне редко — болотную руду. Минералогическая характеристика специально измельченного камня — дресвы обстоятельно изложена Н.Н. Дубицкой, что избавляет нас от повторных описаний (Дубицкая, 2002, с. 11–12, 15–16, прил. 1, с. 50–71). В керамике Посожья, Приднепровья и Полесья суммарное содержание искусственно введенных добавок не превышает в среднем 10–15 % (Лошенков, 1990, с. 20). Характерно, что дресвы больше шамота на половину или на две трети. В формовочной массе эти отощители находятся в строго дозированном количестве: шамот — 2–5 %, дресва — от 5–7 до 10–15 % (чаще 10 %). Следовательно, рецепт составления формовочных масс мастерами-керамистами милоградской культуры состоял из антропогеновых гидрослюдистых глин, содержащих до 15 % сопутствующих им естественных примесей, в которые добавлялись еще 2–5 % шамота и около 10 % дресвы. Тесто вымешивалось некачественно. Распределение специально введенных добавок неравномерное. По видовым признакам приготавливаемых глин, выделенным А.А. Бобринским, тесто с изучаемых поселений следует относить к средним и очень грубым формовочным массам (Бобринский, 1978, с. 109–111).

Если дресва и шамот являлись искусственными добавками повсеместно, то о болотной руде этого сказать нельзя. В Полесском регионе руда отмечена только на поселении Рассвет в четырех образцах из 15. Именно в этих случаях она полностью замещала керамический бой — шамот (Дубицкая, 2002, с. 12). На памятниках Приднепровья она зафиксирована Н.Н. Дубицкой в двух образцах с городища Отрубы и в таком же количестве на городище Городок, а на одноименном селище — в одном образце (Дубицкая, 2002, с. 65, табл. 12). В Нижнем Посожье включения руды выявлены в двух фрагментах посуды из 23 рассмотренных с поселения Любны (Лашанкоў, 1993, с. 72–74, табл.). Редкие случаи использования болотной руды в качестве отощающих компонентов милоградскими мастерами свидетельствуют о том, что ею заменяли шамот. Такие явления отмечаются в десяти образцах из 144. В рецепты входили помимо гидрослюдистых глин еще дресва и болотная руда. Лишь в двух образцах с городища Отрубы и селища Лемешевичи из искусственных включений присутствуют дресва, руда и шамот (обр. № 6 и 26). Небезынтересен и единичный факт наличия в милоградском сосуде — дуршлаге с Лемешевич (обр. № 36) тщательно откалиброванного крупно- и грубозернистого песка в качестве специально введенного отощителя (Дубицкая, 2001, с. 57, 58, табл. 4; она же, 2007, с. 7, 9, 11, 95–96, табл. 1). Н.Н. Дубицкая, изучая технологию милоградской посуды, высказала мнение, что рецепты глиняных масс с измельченной болотной рудой «появились в милоградском гончарстве Верхнего Поднепровья на среднем и позднем этапах его развития, не ранее IV–III вв. до н. э.» (Дубицкая, 2007, с. 39). Она полагает, что на памятниках Припятского Полесья эта искусственная добавка в посуде появляется в то же время, что и в Приднепровье.

Как и болотная руда, крайне редко исходным материалом для лепки посуды являлась исключительно природная глина. Обломки сосудов из естественной глины зафиксированы по одному на городищах Лиски и Любны. Ввиду того, что репрезентативность рассматриваемых образцов крайне малая, мы не можем говорить об удельном весе посуды на том или ином поселении, изготовленной как с добавками болотной руды, так и из «чистой» глины. Здесь уместно ограничиться лишь констатацией и таких возможностей.

Н.Н. Дубицкая выделяет шесть видов рецептов приготавливаемых формовочных масс у мастеров-керамистов милоградского населения: 1) глина в естественном состоянии; 2) глина + дресва; 3) глина + шамот; 4) глина + дресва + шамот; 5) глина + дресва + руда болотная; 6) глина + дресва + шамот + руда (Дубицкая, 2002, с. 36–37, табл. 15). К простым и, по ее мнению, более ранним она относит естественное сырье и те намеренные добавки, которые состоят только из одного компонента: дресвы либо шамота. В группу сложных — где имеются два и более компонентов искусственных включений. При наличии такого количества рецептурных вариантов доминирующим у «милоградцев» являлся, как видим, четвертый — глина + дресва + шамот. Хорошо зная свойства глин вблизи поселений, милоградские мастера не за одну сотню лет выработали практикой лепки посуды свой оптимальный вариант включений дресвы и шамота, ставший традицией. Такая традиционность сложилась не столько от пожеланий самих мастеров поселений, сколько была обусловлена естественными источниками сырья и сознательно подобранными минеральными искусственными добавками отощителей.

Об органических включениях в керамике милоградского населения говорилось уже в параграфе о земледелии. Добавки зерна растений в керамику (табл. 38) рассматривались как наличие культур, выращиваемых жителями указанных поселений. Для характеристики земледелия такие археоботанические коллекции имеют исключительно констатирующее значение. Это один важный аспект подобных источников. Другой же связан уже не с земледелием, а с изготовлением посуды. Наличие в глиняной посуде включений злаковых и бобовых культур, а также сорных растений, свидетельствует о преднамеренной подсыпке их мастерами-керамистами в приготавливаемое глиняное тесто. Как теперь установлено автором, на памятниках «милоградцев» (табл. 38) органические отощители составляют от 0,6–0,7 до 5,4–6,5 %. Несмотря на малую репрезентативность таких добавок, как зерно растений, они, тем не менее, позволяют автору считать, что правомерно ставить вопрос об органических искусственных примесях в милоградской керамике (Лашанкоў, 2005а, с. 56–61; он же, 2007, с. 88; Лошенков, 2008, с. 238, 239, 240; он же, 2010, с. 404–417, он же, 2010а с. 61–72). Именно такому аспекту в технологии изготовления глиняной посуды у «милоградцев» ранее внимание не уделялось. О растительных примесях в керамике милоградского населения теперь можно говорить утвердительно, не объясняя данное явление единичностью и случайностью подобных фактов. По мнению автора, включения добавок зерна в формовочную массу глин есть не что иное, как слабо выраженная традиция, представляющая собой технологический поиск — новацию либо же глубокий пережиток предшествующего времени — рудимент.

Формовка. После подготовки сырья с учетом пластических свойств глин мастера приступали к следующему этапу технологического процесса — формовке изделий. Вылепливание сосуда из приготовленного теста начиналось с создания какой-то его части. Надо полагать, что таковой являлось основание будущего горшка. А.А. Бобринский, исследуя процесс конструирования посуды, заметил, что на памятниках милоградской культуры донные начины отсутствуют (Бобринский, 1978, с. 117). Он установил, что у милоградского населения господствующими были «донно-емкостные начины, изготовленные лоскутным налепом» (Бобринский, 1978, с. 120). Днища, найденные на восточнополесских поселениях, свидетельствуют о том, что они созданы по донно-емкостной программе, которой

придерживались мастера городищ Липняки, Ястребка, Старое Красное, Лиски, Рассвет. На вылепленную придонную часть сосуда наращивались стенки. Разломы отдельных фрагментов стенок говорят о том, что они конструировались путем лоскутного налепа. Обращаясь к исследованиям А.А. Бобринского, проведенным с керамикой милоградских городищ Нижняя Олба Жлобинского, Асаревичи Брагинского, Моховское I Лоевского районов, отметим выделенные им два способа наращивания стенок лоскутным налепом: 1) кольцевой, или зональный и 2) спиралевидный (Бобринский, 1978, с. 159). Материалы раскопок древнейших городищ Беларуси не позволяют внести что-либо новое в вопрос формообразования посуды у «милоградцев».

Обработка поверхности. Как и формовка, обработка поверхностей сосудов является последующим звеном в технологической цепи. Эта операция выполнялась обычно после окончания лепки изделий, во время их подсушивания. В процессе лепки горшков их поверхности имели неровности, а крупные зерна примесей придавали им еще ошершавленность. Чтобы устранить следы соединения лент, неровности, шероховатости в посуде и придать ей надлежащий вид, мастер заглаживал ее. Судя по отпечаткам, эта операция выполнялась рукой. Изредка на внутренних стенках обломков сосудов имеются следы от заглаживания их пучком травы. О.Н. Мельниковская отмечает, что на керамике из городищ Приднепровья есть следы заглаживания ее тряпкой или куском кожи (Мельниковская, 1967, с. 97). В целом же посуда из милоградских памятников имеет очень грубую фактуру. Лишь отдельные сосуды небольших размеров, по-видимому, ритуального назначения, имели тщательно заглаженную поверхность. Обломки их выявлены почти на всех городищах. Нельзя сказать, чтобы простое заглаживание было единственным приемом обработки поверхности изделий у населения всего ареала милоградской культуры. На большей части изучаемой территории в действительности так оно и было. Вместе с тем на памятниках в северной части Полесья и Приднепровья мы наблюдаем и другой способ обработки поверхности посуды — покрытие ее снаружи штриховкой. Совершенно справедливым на этот счет является замечание А.А. Бобринского, что носители милоградской культуры, «попадая в зону действия традиций «штриховиков», прибегали к такому же способу обработки поверхностей» (Бобринский, 1978, с. 221). Это зафиксировано на городищах Холопеничи, Отрубы, Старое Красное, Кистени (Поболь, 1970а, с. 49; Егорейченко, 1982а, с. 70; Лошенков, 1985, с. 400; Дубицкая, 2003, с. 61; она же, 2005, с. 81). Следовательно, милоградское население в пограничной полосе с культурой штрихованной керамики владело еще кроме собственных и заимствованными способами обработки поверхностей сосудов. По мнению автора, подобное заимствование возможно было лишь на позднем этапе милоградского времени — в конце III — начале II в. до н. э. В западном ареале культуры В.С. Вергей отмечает и такой способ обработки поверхностей сосудов у «милоградцев», как подлощение (Вергей, 1994, с. 136; она же, 1996, с. 88). Подлощение глиняной посуды — это более качественный прием ее обработки. Он зафиксирован пока только на западнополесских памятниках — селищах и могильниках. Подлощеную керамику милоградского населения в Западном Полесье следует рассматривать как локальное явление, свойственное данному региону. Во время подсушивания посуды и обработки поверхности часть ее орнаментировалась. Узоры наносились на влажную поверхность сформованных горшков путем вдавливания

снаружи концом палочки, пальца, трубчатой костью и ногтем. Рисунки свидетельствуют о невысоком техническом исполнении украшений.

После работ, связанных с обработкой поверхностей и украшением сосудов, они какое-то время высушивались. Сушка — необходимая операция, связанная с естественным удалением влаги (Семенов, 1983, с. 222–223; Милюченков, 1984, с. 79). Она обязательно предшествует обжигу.

Обжиг. Завершающим и сложно-управляемым процессом в керамическом производстве является обжиг. Для удаления кристаллизационной воды из просушенных глиняных изделий необходима температура от 450–500 до 700–800 °С (Сайко, 1981а, с. 73; она же, 1982, с. 139; Семенов, 1983, с. 223–229). В процессе раскопок милоградских памятников специальные сооружения (печи, ямы) для режима тепловой обработки глиняного материала не найдены. На городище Горошков О.Н. Мельниковская зафиксировала сильно пережженную глиняную площадку со следом от столба в центре (Мельниковская, 1967, с. 97). По мнению автора раскопок, это — основание печи для обжига керамики. Подобные основания печей с куполообразными перекрытиями выявлены Б.А. Шрамко на Люботинском и Бельском городищах (Мельниковская, 1967, с. 97; Шрамко, 1987, с. 113, рис. 53: 2). Мастера же изучаемого населения посуду обжигали на обычных кострах. В эпоху раннего железа костровой обжиг посуды был господствующим у населения лесной и лесостепной полосы.

Петрографический анализ керамики позволил установить температуры обжига ее на различных памятниках. На поселении Старое Красное обжиг осуществлялся при температурах от 450 до 750 °С. Большинство фрагментов (11 из 17) обожжено при 650 °С. На городище Шепотовичи интервал обжига глиняных изделий варьируется в пределах 500–750 °С. У половины образцов температура не превышала 600 °С. Мастера Лисковского городища производили обжиг посуды при температурах 500–750 °С. Наиболее часто она обжигалась при 550–650 °С. Температурный интервал обжига на поселении Любны— 450–700 °С. Большая часть образцов обожжена при 600–700 °С. На Липняковском городище посуда обжигалась при 450–650 °С, а на городище Ястребка — 450–750 °С, но на последнем чаще при — 550–650 °С.

Кроме петрографического анализа температурный режим обжига посуды из городищ милоградской культуры определялся еще методом (водопоглощения) дифференциально-термического анализа (Сайко, 1982, с. 57–58). Установлено, что грузики-пряслица из поселения Ястребка обожжены при 500–600 °С. У 45 образцов из этого же памятника, в число которых входили 13 грузиков и 32 обломка сосудов, выявлены следующие температуры: 450 °С — у 4 шт., 500 °С — 29 шт., 550 °С — 9 шт., 600 °С — 4 шт. Весьма схожая картина наблюдается и на Липняковском городище, где аналогичным методом исследовано 15 образцов: 4 грузика и 11 фрагментов сосудов (Гурын, 1984, с. 72). Три грузика обожжены при 450 °С и один — 550 °С. Венчики имели температуры обжигов: 450 °С — 5 шт., 500 °С — 3 шт., 600 °С — 3 шт.

Оба вида анализов показывают невысокие температуры при обжиге посуды на костре. Следовательно, для керамики милоградской культуры свойственен низкотемпературный режим обжига в пределах 450–750 °С. Зафиксированные температуры являются следствием кострового обжига как посуды, так и других глиняных изделий. Для сравнения отметим, что столь же низкий режим термической обработки имеют все глиняные изделия на милоградских

памятниках не только Восточного Полесья, но и Приднепровья, Нижнего Посожья (Дубицкая, 2002, с. 50–60, табл. 1–9, с. 65, табл. 12). Б.А. Шрамко указывает более высокую температуру обжига посуды у мастеров Бельского городища — 800–850 °С (Шрамко, 1987, с. 113). Такие температуры обжига посуды на Бельском городище, как и у населения юга Лесостепи, объясняются использованием для этих целей специальных гончарных печей (Шрамко, 1973, с. 102, 104–105, рис. 11; он же, 1998, с. 104–105).

Существенными недостатками кострового обжига посуды являются невыдержанность постоянной температуры и газовой среды. Неравномерность температуры в пламени костра довольно четко фиксируется в структуре образцов при микроскопическом исследовании. В шлифах хорошо видно, как на отдельных участках поверхности сосудов заметны места, где гидрослюдистая глина обесструктурена, что является следствием локального повышения температуры. Судя по образцам, отдельные сосуды были обожжены при достаточно высоких для костра температурах — 650–750 °С. Если от температуры обжига в значительной степени зависит плотность и прочность изделий, то от газовой среды — их окраска. На изломах черепков довольно часто видны два цвета: светлый снаружи и темный внутри, — либо три: наружная поверхность светлая (бежевая), затем черная полоска в середине и серая — со стороны внутренней поверхности. На поверхности же горшков можно наблюдать однотонную окраску бурого цвета либо пятнистую: темные пятна на светлом фоне. Подобные явления — следствия кострового обжига. «Пламя костра состоит из трех основных зон: центральной, газовой, в которой сгорание ничтожно и температура невысока; средней, являющейся оболочкой ядра, образованной газом при неполном сгорании и богатой окисью углерода, — зона восстановительного процесса; наружной, богатой кислородом, в которой сгорание является полным, — зона окислительного процесса» (Семенов, 1983, с. 228).

В зависимости от продолжительности различаются два варианта кострового обжига посуды. Первый — предельно длительный с достаточно низкой температурой, среда дымная, восстановительная. При таком режиме обжига выгорает органика, но минералы остаются неизменными, поверхность сосудов становится темной: бурой, серой и т. д. Второй вариант более быстрый и короткий по времени с относительно высокой температурой и окислительной средой. Этот режим придает сосудам светлую окраску поверхности разной толщины с выгоревшей органикой в окислительной среде и глубинный темный внутренний слой в восстановительной среде. Сосуды, обожженные в окислительной среде за непродолжительное время, имеют окраску светлых тонов на внешней поверхности (Сайко, 1982, с. 139). Следовательно, цветовая гамма поперечного среза фрагментов милоградских сосудов говорит о том, что одни горшки обжигались на костре длительное время в восстановительной среде (у них равномерная темная окраска как наружных поверхностей, так и в поперечном срезе), другие — в окислительной среде непродолжительное время (наружная поверхность у них светлого бежевого цвета, а в поперечном срезе внутренний слой темный).

Таким образом, температура, газовая среда, продолжительность выдержки изделий в пламени костра — вот компоненты режима обжига, которые во многом определяли качество глиняных изделий и требовали от мастеров особых навыков в управлении заключительным этапом в процессе изготовления посуды.

Рассмотрев последовательно этапы изготовления посуды у племен милоградской культуры, следует признать, что сложность этого процесса в целом предполагала совершенно конкретную специализацию мастерства у тех лиц, которые занимались ее производством на домашнем уровне. Совершенно ясно, что не любой рядовой общинник мог изготовить глиняный сосуд, а только мастер, практикой хорошо усвоивший весь гончарный процесс от начала и до конца. Н.Н. Дубицкая полагает, что у рассматри-ваемого населения появление таких специалистов «отчетливо проявились на заключительном этапе милоградской культуры (конец III — II в. до н. э.)» (Дубицкая, 2000, с. 17; она же, 2002, с. 38). Автор считает, что мастера по изготовлению посуды имелись в коллективах уже с самого раннего милоградского времени. Во всяком случае, существенная разница в качестве посуды между ранними и поздними сосудами никак не прослеживается.

В настоящее время соотнести технологический уровень гончарного мастерства «милоградцев» с аналогичным у населения бронзового века на данной территории не представляется возможным. Причина одна — единичные факты изучения керамики предшествующего времени петрографическим методом (Крывальцэвіч, 1999, с. 8, 44–46; Дубицкая, 2006а, с. 119–123). Визуально посуда бронзового века имеет более качественную обработку внешней поверхности, не говоря уже о разнообразной и содержательной орнаментации. Лишь на финальном этапе она становится несколько грубее (Крывальцэвіч, 1996, с. 61–76).

Посуда милоградских мастеров существенно отличается от таковой у дьяковских. Различия имелись не только в формах сосудов, их орнаментации, но и в обработке поверхностей (Розенфельд, 1971, с. 6–79; она же, 1974, с. 90–96, 111–182). Не меньшие отличия у «дьяковцев» были и в технологии ее изготовления. Прежде всего, в самом сырье. Мастера-керамисты городища Дьяково лепили посуду из глин мезозойского времени, которые залегали в глубоких частях покровных суглинков морен (Кренке, 1997, с. 61, 63). В толще покровных суглинков верхние горизонты ее запесоченные, а нижние — жирные с малым количеством алевритового материала. Основным отощителем для жирных глин у дьяковских мастеров являлся дробленый гнейс валунного происхождения. Малая репрезентативность раннедьяковской керамики VIII–III вв. до н. э. показывает, что местные мастера, в отличие от милоградских, во время подготовки теста подсыпали в глину только дресву. Искусственными отощителями в виде шамота и болотной руды они не пользовались (Кренке, 1997, с. 61, 64) Петрографическое изучение сырья показало, что «дьяковцы» использовали для изготовления посуды низкосортные глины. Основываясь на вышесказанном, можно предположить, что качество посуды у населения дьяковской культуры было ниже, нежели у милоградского.

По сведениям А.А. Бобринского, население городища Юхново при изготовлении посуды пользовалось преимущественно простыми рецептами (глина + дресва. — *М. Л.*) (Бобринский, 1978, с. 97, табл. 14).

На смешанные (сложные. — *М. Л.*) рецепты формовочных масс у зарубинецкого населения обращал внимание А.А. Бобринский, характеризуя посуду с могильника Воронино (Бобринский, 1978, с. 97, табл. 15). Изучив петрографическим методом 60 прозрачных шлифов с городища Чаплин, в числе которых 14 — от лощеных сосудов, Н.Н. Дубицкая пришла к заключению, что «зарубинцы» на Верхнем Днепре выработали «один основной рецепт составления формовочной массы для изготовления как лощеной, так и

нелощеной посуды (глина + дресва + руда болотная)» (Дубiцкая, 1992, с. 56; Дубицкая, 2002, с. 22–27, 38–41, прил. 1, с. 61–64, табл. 10; 11; она же, 2004б, с. 125–132). Рецептура чаплинских мастеров по сложности весьма схожа с аналогичной у их предшественников «милоградцев». От последних она отличается третьим компонентом искусственной добавки — болотной рудой вместо шамота. С нашей точки зрения, последнее обстоятельство следует рассматривать как местную традицию, которую не следует распространять на весь ареал зарубинецкого населения на Беларуси, не говоря уже о Посожье, Подесенье и Среднем Поднепровье. Ярким подтверждением сказанному являются материалы с зарубинецкого поселения Городище на речке Ясельда, где добавки руды отмечены самой исследовательницей лишь у пятой части образцов (Дубицкая, 2004, с. 54, табл. 2).

Исследуя керамику «штриховиков» визуально, археологи не раз отмечали наличие в ней дресвы, песка и шамота в разных соотношениях (Митрофанов, 1978, с. 29; Медведев, 1996, с. 37, 38; Егорейченко, 1996, с. 34; Ильютик, 1998, с. 25; Лошенков, 2000, с. 126; он же, 2001, с. 162). К настоящему времени изучено петрографическим методом только три фрагмента керамики от ребристых лощеных мисок с городища Ивань. Из трех образцов только у одного (№ 1) сложный рецепт теста (глина + дресва + шамот), а у остальных хорошо выраженное присутствие шамота не отмечено (Дубицкая, 2003а, с. 109, табл. 1). Опираясь на такое количество данных, нельзя представить в полной мере особенности рецептов у мастеров даже одного поселения, не говоря уже о культуре штрихованной керамики в целом.

7. Обработка камня, кости, дерева

Рассматривая материальную культуру населения милоградских племен, исследователи не раз отмечали наличие в коллекциях предметов из разного сырья. Материалом для изготовления орудий труда, предметов быта, украшений и вооружения служили камень, кость, бронза, железо, серебро, золото, дерево, глина. Каждому из перечисленных видов сырья соответствовал свойственный только ему способ обработки. В связи с тем, что изготовление посуды, обработка черного и цветных металлов нами уже рассмотрены, мы обратимся к способам обработки изделий из камня, кости и дерева.

Камень обрабатывался общинниками милоградского населения с целью получения весьма необходимых предметов. Наличие на изучаемых памятниках каменных орудий говорит не только об использовании их древним населением, но и о способах обработки исходного материала. В раннем железном веке на юге республики в целом количество орудий труда из камня намного сократилось по сравнению с предшествующей эпохой бронзы. В то же время, несмотря на широкое внедрение железа, число изделий из камня на милоградских памятниках продолжало оставаться еще заметным (Мельниковская, 1967, с. 64–69; Лашанкоў, 1999а, с. 49). Некоторые виды специализированных каменных орудий так и не были вытеснены железными не только в милоградское, но и в последующее время. Камень как сырье применялся обитателями поселений в основном для изготовления зернотерок, пестов, ступок, наковаленок, топоров и даже литейных форм (рис. 27–34; 91: 1, 2). Использовался он и для заточки металлических изделий: ножей, серпов,

шильев, игл. Точильные бруски не раз попадались исследователям (табл. 8, рис. 32: 7). Судя по небольшому количеству и ассортименту находок, обработка камня у «милоградцев» была сведена до минимума. Способы обработки определялись, с одной стороны, структурой исходного минерала, а с другой — зависели от конкретного предмета и мастерства изготовителя. При изготовлении нижних камней зернотерок, например, обрабатывалась лишь одна сторона валуна для подготовки рабочей поверхности, тогда как с остальных сторон он имел естественную форму. Песты и топоры обрабатывались со всех сторон. Им придавались нужные размеры и формы. В нашем распоряжении есть готовые изделия из камня и нет с незавершенной обработкой. Поэтому трудно судить о технических приемах, которыми пользовались местные мастера при изготовлении тех или иных предметов. Можно предположить, что первоначально применялась грубая оббивка, а затем использовались более «тонкие» способы обработки, включая шлифовку и полировку на завершающем этапе. Расщепленные камни разной величины повсеместно встречались в культурном слое милоградских памятников. А вот грубообитые орудия в форме клиновидных рубил отмечены пока только на городищах Приднепровья (Мельниковская, 1967, с. 67, рис. 26: 8–10; 28). В.И. Шадыро констатирует, что мастерами днепро-двинской культуры «применялась точечно-ударная техника» при обработке каменных орудий (Шадыро, 1985, с. 98). Владея целенаправленной ударной техникой обработки камня, можно было не только сделать плоскую рабочую поверхность в нижнем камне зернотерки, но и выработать чашевидное углубление в ступках, пестах, придавать исходные формы каменным топорам. Лишь после такой обработки изделия подвергались шлифовке, что в конечном счете придавало им вид хорошо обработанных предметов. Рассматривая степень обработки камня у «днепро-двинцев» в Смоленском Приднепровье, Е.А. Шмидт подчеркивает, что качество таких работ у них регрессировало по сравнению с таковым у населения бронзового века (Шмидт, 1992, с. 81). С помощью техники точечных ударов, шлифования, сверления и полирования население культуры штрихованной керамики, как и днепро-двинские племена, изготавливало на северо-западе Беларуси большое количество сверленых топоров и топоров-клиньев (Зеруго, 1992, с. 92, 95, 103, рис. 1; Звяруга, 2005, с. 14–15, мал. 8; 9). Судя по находкам, милоградские общинники не изготавливали такого количества каменных топоров, какое имелось у синхронного населения более северных территорий лесной полосы.

Население ряда поселений милоградской культуры занималось обработкой не только валунных камней, но и кремня (табл. 8; 9). Из него изготавливался мелкий инвентарь: пластины, скребловидные орудия, ретушеры, проколки, ножевидные пластины с ретушью, скребки, резцы (табл. 9, рис. 33: 1, 3; 34: 1, 4; 35–37). В культурном слое некоторых памятников найдены не только готовые орудия из кремня, но и продукты его расщепления: отщепы, чешуйки, сколы (Лашанкоў, 2005, с. 228). Кроме того, на поселениях Ястребка, Старое Красное, Лиски, Отрубы, Черное встречены нуклеусы. Констатируя факты изготовления кремневых орудий, нельзя не согласиться с О.Н. Мельниковской в том, что практическая значимость их была ничтожной, и такие предметы исследовательница связывает с культом (Мельниковская, 1967, с. 69). Автор полагает, что наличие в культурном слое однослойных памятников небольшого количества мелких кремневых орудий и следов обработки кремня следует рассматривать как реликт, свойственный вообще милоградским общинникам (Лашанкоў, 1999а, с. 49). Исполь-

зование кремневых орудий — архаичная черта, которая сохранялась еще какое-то время. В повседневной жизни такие орудия уже утратили свою практическую значимость. А вот в погребальном обряде их значение продолжало сохраняться.

Таким образом, весь немногочисленный материал изделий из камня с милоградских памятников говорит о том, что их обитатели продолжали заниматься его обработкой, но удельный вес таких орудий постоянно снижался.

Обработка кости как вид домашнего ремесла не получила широкого развития у населения милоградской культуры. На поселениях, расположенных на высоких берегах Днепра, О.Н. Мельниковская отметила небольшое количество костяных предметов (Мельниковская, 1967, с. 63–64, рис. 25). Вместе с тем нельзя не заметить, что скотоводство и охота снабжали обитателей городищ и селищ в достаточном количестве сырьем для костерезного ремесла. Тем не менее, изделия из кости в слое милоградских памятников в большинстве случаев встречаются очень редко. Такая ситуация наблюдается не только в Приднепровье, но и на памятниках Полесья. В этом же регионе костяные изделия известны на городище Ястребка. С этого поселения происходят амулет (рис. 93: 1), рукоять ножа (рис. 93: 2) и обломок ребра со следами ножевых порезов. Ручка ножа сделана из ребра. Она заполирована. Один конец, в котором крепился черенок, расщеплен, а другой — срезан ножом. (рис. 93: 2). Амулет изготовлен из клыка кабана. Верхний конец его обломан. На одной из боковых сторон есть геометрический орнамент, состоящий из кружков с точками в центре (рис. 93: 1). Шесть кружков вырезаны через небольшие промежутки (Лошенков, 1988, с. 76, рис. 1: 6, 7). В предматериковом горизонте Иваньского городища А.А. Егорейченко найдены две рукоятки для ножа и кинжала (Егорейченко, 1996, с. 57, рис. 41: 1, 2). В слое этого памятника обнаружены еще амулет из третьей фаланги медведя и проколка с отверстием. Вполне возможно, что какие-то из этих вещей на данном поселении оставлены «милоградцами».

В Посожье рассматриваемые предметы также единицами зафиксированы на городищах Нисимковичи (заполированная пластина с отверстием и обломок какого-то изделия), Подгорье (рог обрубленный), Уза (заготовка рукояти из рога), Шепотовичи (наконечник стрелы и амулет из клыка кабана). В несколько большем количестве костяные предметы обнаружены на поселениях Любны (11) и Чечерск (20). Из одиннадцати находок на Любенском городище только две найдены В.И. Сычевым (рукоять с циркульным орнаментом и проколка) (рис. 93: 3), тогда как остальные — И.Х. Ющенко. Последним только в 1925 г. обнаружены часть рукояти с циркульным орнаментом (рис. 94: 12), трубочка с двумя дырочками (рис. 94: 13), амулет из клыка кабана (рис. 94: 11), четыре проколки (две — с отверстиями), шило из зуба животного и пряслице (Ющенко, 1925, д. № 175; Поболь, 1974, с. 180, рис. 56: 10; Лашанкоў, 1993б, с. 33, мал. 1: 2).

На Чечерском многослойном городище М.А. Ткачевым и И.М. Чернявским выявлено около 20 костяных предметов и заготовок. В их числе пять рогов со следами первичной обработки, заготовка размером 8,1 × 1,2 см с тремя гранеными сторонами (рис. 94: 3). Плоские грани шириной 0,4 см. В поперечном разрезе она имеет трапециевидную форму. Среди изделий две трубочки-пронизки, три иглы, пряслице, пять проколок, ручка с орнаментом, амулет (рис. 94: 1–8). Одна из трубочек-пронизок длиной 3,2 см с наружным диаметром 0,9 см. Отверстие у нее 0,5 см. Автор полагает, что такие костяные трубочки использовались в качестве бус. Несомненно, что какие-то из перечисленных предметов и заготовок принадлежали основателям данного поселения — «милоградцам».

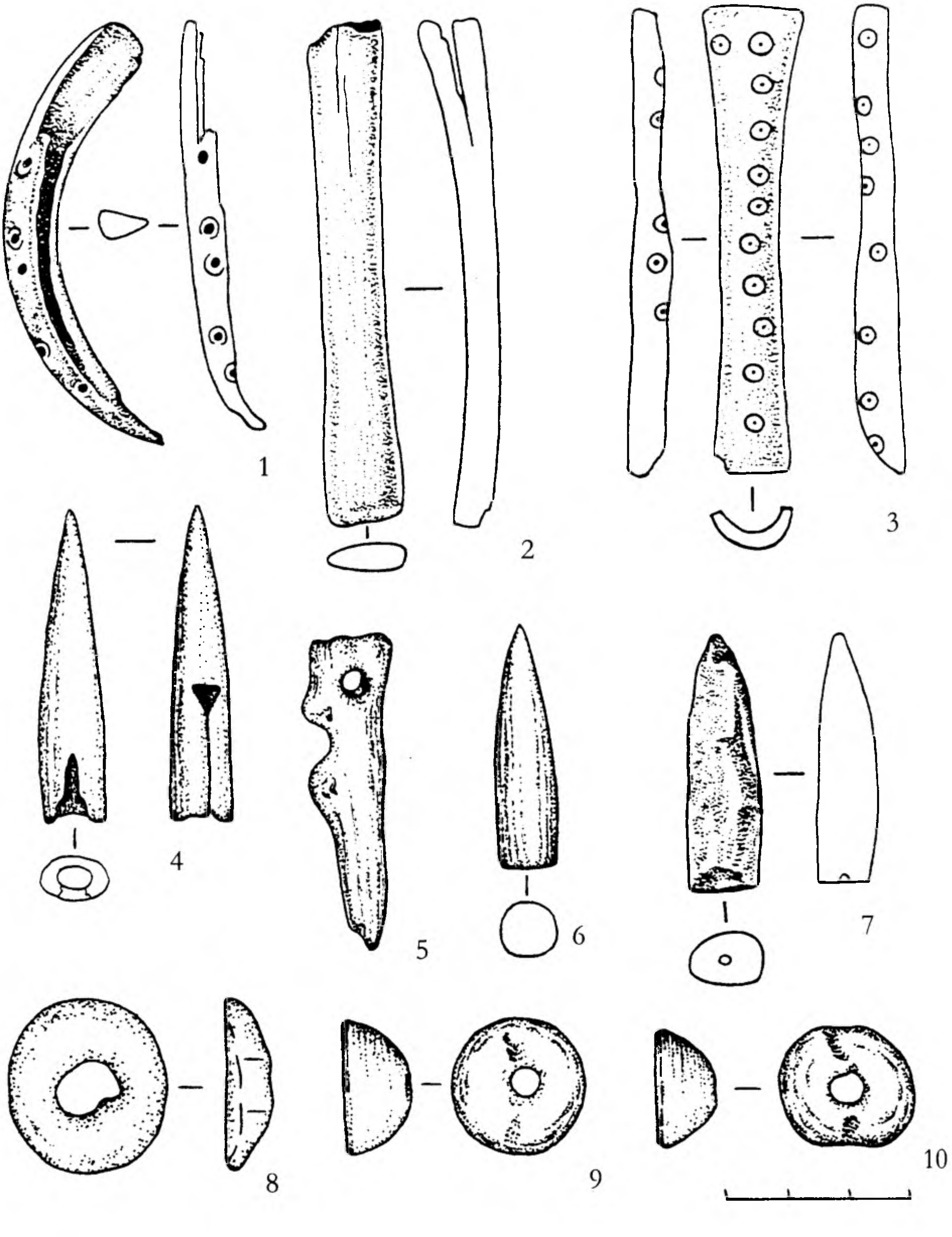

Рис. 93. Костяные изделия милоградского населения
(1, 2 — Ястребка; 3 — Любны; 4 – 6, 8 — Уваровичи (по А.И. Дробушевскому); 7 — Шепотовичи;
9, 10 — Чаплин)

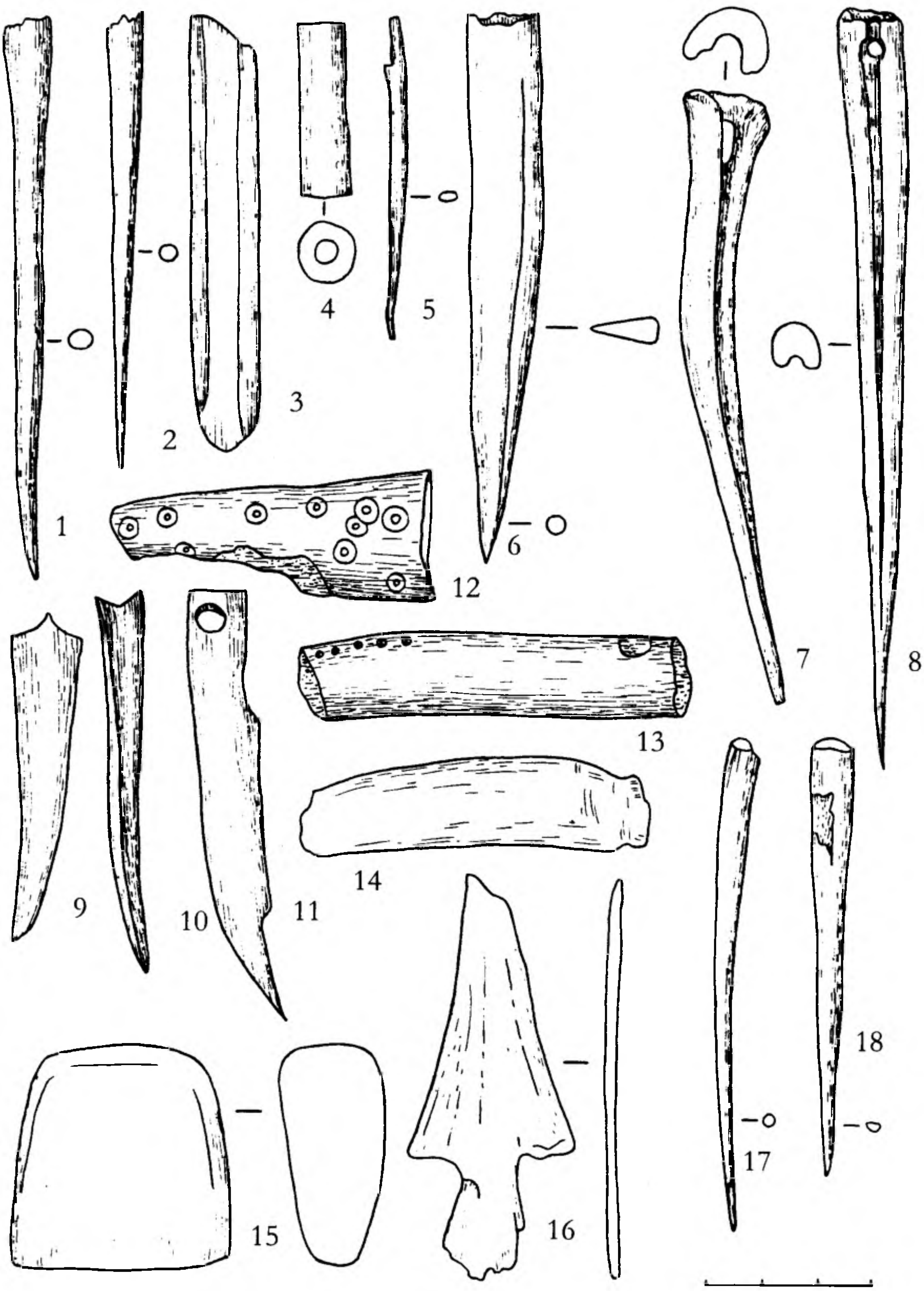

Рис. 94. Находки из кости на милоградских памятниках
(1 – 8 Чечерск (по М.А. Ткачеву); 9 – 13 — Любны (по И.Х. Ющенко);
14 — Уза (по С.Е. Рассадину); 15 – 18 — Уваровичи (по А.И. Дробушевскому))

Среди немногочисленных костяных изделий у «милоградцев» доминируют проколки, амулеты и рукояти ножей. Редко фиксируются бусы (рис. 93: 8–10), подвески и пряслица. О.Н. Мельниковская, между тем, обращала внимание на изготовление пряслиц из рога и кости, не приведя при этом ни одного факта в доказательство (Мельниковская, 1967, с. 119). При отсутствии конкретных данных с памятников Приднепровья отметим, что нет рассматриваемых находок и на памятниках Полесья. Лишь на левобережье Днепра, в Посожье, исследователями отмечены четыре костяные пряслица, о чем мы уже говорили. Грузики из кости — также редкие изделия у населения днепро-двинской и дьяковской культур (Сидорович, 2002, с. 42–43; Сыроватко, 2009, с. 189, рис. 95: 4, 8).

На левобережье Днепра исключительное положение по количеству костяных изделий занимает городище Уваровичи (Дробушевский, 1995, с. 91–98, рис. 1–3). Несмотря на большое количество костяных предметов на нем, найти костеобрабатывающую мастерскую, аналогичную выявленной на Бельском городище, исследователю не удалось (Радзиевская, 1980, с. 181–189). Вместе с тем, на ряде милоградских памятников при раскопках костяные предметы не найдены вообще — Лиски, Ясенец I, Борхов, Глыбов, Отрубы, Черное. В целом, ранее высказанное мнение О.Н. Мельниковской о слабой роли костерезного ремесла у рассматриваемого населения, подтверждается новейшими сведениями по состоянию на начало XXI в.

Для изготовления проколок, амулетов, ручек ножей, бус, трубочек, наконечников стрел, подвесок и даже пряслиц обитатели милоградских поселений использовали трубчатые кости домашних и диких животных, ребра, рога, лопатки, клыки кабанов, грифельные кости. Сначала ненужные части костей спиливались либо скалывались до необходимой заготовки. Затем заготовки, а в некоторых случаях и целые кости обязательно варили в кипятке с целью обезжиривания. Так, в остеологических коллекциях 2003 и 2004 годов с городища Чёрное А.А. Разлуцкая зафиксировала четыре экземпляра вареных костей. В числе их часть левой берцовой и обломок правой бедренной благородного оленя, ребро козы и ребро косули. Небезынтересен и такой факт, когда фрагмент ствола рога взрослого самца благородного оленя вымочен в квасцах. После термообработок либо специальных вымочек заготовкам придавались нужные формы путем обстругивания их. Именно на такой стадии обработки обнаружен наконечник стрелы на Шепотовичском городище (рис. 93: 7). Затем вырезанное изделие подвергалось шлифовке. Эта операция придавала предметам правильные формы и симметричность. Зашлифованные поделки украшались резным геометрическим, чаще циркульным, орнаментом, и в них просверливались отверстия. Заключительной операцией в изготовлении костяных предметов являлась их полировка. Найденные изделия из кости говорят о том, что милоградские мастера в совершенстве владели всеми приемами костерезного ремесла. Отметим, что все выше рассмотренные приемы костеобработки были хорошо известны древним людям еще с каменного века (Герасимов, 1941, с. 65–85; Фосс, 1941, с. 212–235; Изюмова, 1949, с. 15–20; Семенов, 1957, с. 21–22, 175–227). В эпоху раннего железа в лесной полосе использование костяных орудий у разных племен было неравнозначным. Если у «милоградцев», как и у населения Лесостепи, потребность в таких предметах была незначительной, то у восточных и северных соседей она имела куда большее значение. Это обстоятельство отмечали все исследователи (Левенок, 1963, с. 90, рис. 1: 1, 5–10; Митрофанов, 1978, с. 51–52; Шмидт, 1992, с. 98–99; Шадыро,

1985, с. 99–100; Медведев, 1996, с. 25–26; Дубынин, 1970, с. 26–31, табл. 1–7).

Обработка дерева. С глубокой древности дерево являлось подручным материалом, весьма широко используемым в повседневной жизни населением той или иной общности (Семенов, 1957, с. 234–236; Фосс, 1941, с. 215–233). В лесной полосе в эпоху раннего железа его широкое применение различными племенами не вызывает сомнений. В жизни милоградского населения ему, как исходному материалу, также придавалось важное значение. Местные породы деревьев использовались «милоградцами» в значительной степени для сооружений жилищ и других построек. К глубокому сожалению, дерево не сохранилось в культурных отложениях изучаемых памятников. Поэтому судить о его применении мы можем только по ряду косвенных данных.

Лиственные породы деревьев — береза, граб, дуб, ольха, осина, а из хвойных — сосна являлись основным строительным материалом для возведения всевозможных построек. С одной стороны, от таких сооружений остались столбовые и кольевые ямы в природном грунте (материке) исследованных памятников, а в другой — угли от стен и перекрытий, сгоревших во время пожаров. Как установлено, у «милоградцев» жилища были полуземляночные и наземные (Мельниковская, 1967, с. 33–44; Лашанкоў, 1999, с. 32–33). Не в меньшей степени дерево применялось для возведения оборонительных сооружений. Так, остатки его отмечены исследователями во внутривальных конструкциях поселений Лиски, Ястребка, Холопеничи, Асаревичи, Горошков, Заспа, Милоград, Уза. В одних случаях это были деревянные стены как изначальная форма укреплений, что отмечено на Холопеничском городище (Егорейченко, 1982а, с. 69). В других — дерево-земляные внутривальные конструкции, как на городище Ястребка (Лошенков, 1988, с. 72, 73, рис. 2). Помимо отмеченных вариантов применения дерева в защитных сооружениях оно еще использовалось и на вершинах земляных валов в виде стен или тынов, способных усилить фортификационно-оборонительные земляные конструкции рвов и валов.

Для бытовых нужд из рассматриваемого материала население изготавливало ручки для ножей, серпов, шильев, топоров. В военном деле и охоте применялись луки, стрелы, копья, дротики, для которых вырезались древки. Все вышесказанное позволяет с уверенностью говорить о широком применении дерева с целью удовлетворения повседневных потребностей милоградских коллективов.

Широкое использование дерева, безусловно, указывает на его обработку. Этот вид домашнего ремесла был, надо полагать, менее специфичен по сравнению с изготовлением посуды и металлургией железа. По сравнению с камнем, костью и металлами, дерево — самый мягкий природный материал. Несомненно, что в эпоху раннего железа его обработка осуществлялась железными орудиями труда. Выявленные при раскопках специальные инструменты для обработки древесины немногочисленны. Так, на городищах Лиски, Липняки, Старое Красное найдены ложкари, долота, скобель. Кроме специализированных орудий в рассматриваемое время использовались и универсальные — топоры и ножи. В строительном деле весьма необходимыми являлись топоры, долота, скобель. В мелкой деревообработке — резьбе — применялись ножи, ложкари. При отсутствии прямых данных о деревообработке сошлемся еще на косвенные факты. В домостроительстве у «милоградцев» применялись разные конструкции наземных частей жилищ. Так, кольево-столбовая техника постройки предполагала одни операции по обработке дерева, а срубная — совершенно другие, не говоря уже об оборонительных сооружениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История изучения милоградских памятников на территории Беларуси рассматривается автором по двум направлениям: полевые изыскания связанные с археологическими раскопками, и обзор публикаций. Рассмотрев динамику раскопок, он выделил пять периодов. Первый, продолжительностью сто лет, – с 20-х годов XIX в по середину 20-х годов XX в. Второй – довоенный (с середины 20-х до конца 30-х годов прошлого века). Третий, – с 1950 по 1975 г. Четвертый – передчернобыльский, с 1976 по 1986 г. Пятый период – послечернобыльский, продолжительностью более 22 лет. Отмеченные периоды обусловлены эффективностью полевых работ. Первые два из них (с 20-х годов XIX в. до 1940 г.), по сути своей, искусственные, ибо в то время сама милоградская культура, как общность древнего населения, еще не была открыта. Благодаря исследованиям памятников эпохи раннего железа в Приднепровье, Полесье, Посожье во второй половине прошлого века древности населения милоградской культуры стали весомым фактом в истории первобытного общества на территории Беларуси.

В историографическом обзоре внимание обращено на вклад П.Н. Третьякова, Ю.В. Кухаренко, О.Н. Мельниковской, А.А. Егорейченко, С.Е. Рассадина и автора, в изучение древностей населения в период разложения родового строя (VII – начало II в. до н. э.) на территории Южной Беларуси. Своими исследованиями они отразили разные вопросы в жизни первобытных коллективов. Большинство статей последней четверти XX века носит информационный характер. Есть публикации и исследовательского плана, посвященные ремеслам, земледелию, хронологии древностей, типологиям поселений и некоторых видов изделий, вариантам культуры. За 55 лет с начала раскопок опубликованы три монографии – О.Н. Мельниковской, А.А. Егорейченко и С.Е. Рассадина. По материалам с милоградских памятников в Москве и Киеве защищены четыре кандидатских диссертации.

Исследования рассматриваемых городищ на юго-востоке и юге Беларуси позволили уточнить их ареал в пределах республики, отметить свойственные им особенности в топографии, планировке, укреплениях и жилищах. По условиям месторасположения доминируют поселения на низменности, затем – устроенные на берегах рек и, наконец, – на холмах.

Если планировка городищ на холмах и берегах рек зависела от естественной формы останца или берегового мыса, то у низинных поселений она определялась преднамеренным замыслом строителей и не зависела от формы невысокой пологой возвышенности. Общины милоградского населения имели тенденцию сооружать городища в плане преимущественно овальной формы, прямоугольной и круглой. Кроме того, у них были треугольные, квадратные, трапециевидные в плане поселки, но они – редкое явление. Основное количество милоградских городищ – одноплощадочные. Вместе с тем нельзя не отметить еще одну черту, свойственную им: наличие двух и более площадок. Двухчастные городища у «милоградцев» составляли 11,7 % (22), а всего памятников с несколькими площадками 26. В лесной полосе укрепленные поселки с двумя и более площадками не известны у «днепро-двинцев», «дьяковцев», «штриховиков», тогда как у населения Лесостепи они были распространены. Автор считает, что многочастная планировка была позаимствована милоградским населением у южных соседей.

Большинство рассматриваемых памятников (около 67 %) имеют общую площадь от 1000 до 10000 кв. м. Поселения же площадью от 10000 до 20000 кв. м составляют только 20 %. А на

городища очень больших размеров – от 4 до 9 га – приходится 1,8 %. Здесь важно отметить, что у милоградских укрепленных поселений разное соотношение между площадью, занятой укреплениями, и защищенными площадками. У одних площадка составляет одну треть от общей площади поселения. Таких памятников мало – 21 %. У других площади примерно равные между укреплениями и площадками. У третьих площадка занимает две трети от всего памятника. В милоградской культуре наблюдается определенное равенство между вторым и третьим соотношениям. По общим размерам городища «милоградцев» большие, нежели таковые у «штриховиков», «днепро-двинцев», «дьяковцев» и, возможно, «юхновцев». Вместе с тем они намного меньшие по сравнению с городищами у населения Лесостепи.

Рассматриваемым городищам присуще многообразие вариантов укреплений. Автор выделил семь, от простых до сложных. Прорезки валов и рвов на восьми памятниках показали, что они имеют сложное строение насыпей валов с деревянными конструкциями. Для их строительства общинники использовали природную почву из рвов, камень, дерево и культурный слой. Структуры валов подобные милоградским исследователями отмечены у населения других культурных традиций: дьяковской, днепро-двинской, штрихованной керамики, юхновской, а также – у лесостепных племен.

Жилища у «милоградцев» были двух видов: полуземляночные и наземные постройки. Последние имели срубные и реже столбовые конструкции стен. Легкие же постройки типа юрты или шалаша имели кольевый каркас. На поселениях жилища расположены вдоль линии укреплений, около внутреннего склона вала. В Приднепровье они иногда концентрировались в центральной части площадки поселения.

Вещевой комплекс из культурного слоя изученных поселений – ценный источник для характеристики жизнедеятельности их обитателей. Отметим, что насыщенность слоя находками разная: на одних памятниках их много, а на других мало. В повседневной жизни «милоградцы» использовали каменные (зернотерки, песты, ступки, топоры и мелкие кремневые изделия) и железные (топоры, серпы, ножи, шилья, иглы) орудия труда. Новая коллекция железных предметов насчитывает около 180 единиц.

Совсем мало выявлено предметов вооружения – копий, дротиков, кинжалов, мечей. В ассортименте доминируют наконечники стрел. Снаряжение лошади представлено кольцами для ремней, бляшками, ворворками, частью уздечки и удилом.

Украшения значительно преобладают над орудиями труда и оружием. Они весьма разнообразны: браслеты, булавки, бусы, кольца-перстни, сережки подвески, зеркала. Каждая из перечисленных категорий отличается большим разнообразием форм. Бронзовые зеркала – уникальные предметы туалета второй половины VII – первой половины VI вв. до н. э. Украшения выполнены из различных материалов: золота, серебра, бронзы, железа, камня, кости, стекла, глины. Все бусы у «милоградцев», несомненно, были импортными, за исключением, может быть, глиняных и костяных.

Обломки глиняной посуды – массовый материал на поселениях. Глина использовалась еще в предметах, связанных с прядением и ткачеством, – грузиках-пряслицах, а также в бронзолитейном ремесле (литейные формы, льячки, тигли).

Культурная принадлежность памятников устанавливается в основном по керамике. У милоградского населения вся посуда лепная, глиняная и представлена преимущественно горшками,

реже мисками и кубками. Особенностью форм сосудов являются профилированное тулово, шарообразная нижняя часть и отогнутый наружу венчик. В Полесском регионе до 20 % посуды с орнаментом, а в Приднепровье, согласно О.Н. Мельниковской, – большинство. Способы орнаментации – ямочные вдавления, выполненные концом палочки, пальца и ногтем. Керамика с однослойных городищ Восточного Полесья не имеет четко выраженных хронологических различий. В целом вещевой комплекс позволяет датировать рассматриваемые городища примерно с середины VII по III – начало II в. до н. э.

Хозяйственная деятельность населения свидетельствует, что основой их существования являлись земледелие и скотоводство. Земледелие по характеру было преимущественно подсечно-огневым, в меньшей мере пашенным и припоселково-пойменным. В регионе Полесья оно имело меньшее значение, нежели в Приднепровье и Посожье. «Милоградцы» выращивали пшеницу мягкую, просо, ячмень, боб и горох. В обеспечении продуктами питания скотоводство играло не менее важную роль. Основу стада домашних животных, согласно остеологическим коллекциям, составляли крупный рогатый скот, лошадь, свинья и мелкий рогатый скот – козы, овцы. Основные отрасли производящего хозяйства органически дополнялись подсобными промыслами – охотой, рыболовством и собирательством. Относительно низкое значение охоты объясняется, с одной стороны, хорошо развитыми скотоводством и земледелием, а с другой – богатствами других видов даров природы. Хозяйство у жителей милоградских городищ было комплексным с развитыми земледелием и скотоводством, в котором определенная роль отводилась еще охоте, рыболовству и собирательству. Последние имели вспомогательное значение, являлись дополнительными источниками питания.

Весьма важными видами ремесленных занятий у изучаемого населения были металлургия железа и его обработка, бронзолитейное дело, лепка посуды, выделка кож, прядение, ткачество, обработка камня, кости, дерева. Следы металлургии железа имеются не на всех исследованных городищах. Металлографическое изучение 105 изделий местных металлургов-кузнецов позволило установить, что 73 предмета выкованы способом свободной горячей ковки из кричного железа и 32 – из стали. В числе последних 19 — из низкоуглеродистой стали и 13 — из средне- и высокоуглеродистой. Сложные технологические приемы – сварка, закалка, цементация и пакетирование – обнаружены у 18 предметов: по ассортименту у топоров, серпов и ножей. Изобилие болотной руды и легкодоступность такого сырья способствовали развитию металлургии железа и его обработке уже с середины VII в. до н. э.

Бронзолитейное ремесло, в отличие от добычи железа, не имело природных условий (сырья) для успешного развития. Поэтому оно носило эпизодический характер и сводилось к переплавке сломанных предметов либо выплавке из привезенных заготовок или компонентов бронзы. По спектральному анализу изделий из чистой меди мало, а преобладают предметы из оловянно-свинцовых бронз, затем – сплавы с добавками мышьяка, олова и медно-оловянные. По направлениям поступлений бронзовых изделий связи более крепкими были с юго-восточными, южными и юго-западными территориями, тогда как с северными и северо-западными они практически отсутствовали в то далекое время.

Лепка посуды из глины базировалась на местном сырье и опыте в этой области с предшествующих времен. Глины рядом с милоградскими поселениями озерно-аллювиального генезиса. В формовочную массу мастера-керамисты подсыпали еще минеральные добавки (дресву, шамот, болотную руду) и, крайне редко, – органические: мягкую пшеницу, ячмень,

просо, боб, горох. Последние компоненты включений следует рассматривать как новацию либо рудимент. Вся посуда обжигалась на кострах.

В обработке камня «милоградцы» применяли точечно-ударную технику и шлифовку для изготовления зернотерок, пестов, топоров. Косторезное ремесло было, по-видимому, слабо развитым, ибо предметов из кости в слое поселений очень мало. Наиболее мягкий материал – дерево милоградское население обрабатывало уже железными топорами, ножами, теслами, что и привело к его широкому применению при строительстве жилых и нежилых помещений, оборонительных сооружений. Они использовали его в вооружении, орудиях труда и в других повседневных нуждах.

Рассмотренные нами новые материалы населения милоградской культуры с трех регионов проживания в Южной Беларуси расширили наши знания о местных племенах, населявших эту территорию в VII – начале II в до н. э. Общность «милоградцев» находилась у истоков освоения и использования изделий из железа. Последнее привело к имущественному неравенству и ускорило процесс разложения кровно-родственных отношений на финальном этапе первобытного общества. Памятники милоградской культуры с их вещевыми комплексами — своеобразный и богатый пласт древностей первобытного населения, которое проживало на территории Южной и Юго-Васточной Беларуси в середине — второй половине I тысячелетия до н. э.

КАТАЛОГ ГОРОДИЩ МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Топография			Планировка								Укрепления							Площадь			Памятники
низменность	берег	холм	овальное	круглое	полукруглое	прямоугольное	квадратное	трапециевидное	треугольное	кол-во площадок	эскарп	вал	вал и ров	вал, ров, вал	вал, ров, вал, ров	вал и усиление на отдельном участке	комбинированные с рекой	площадки	укреплений	общая	
Полесье — 95																					
Брагинский район — 14																					
	+						+			1		+						4900	3560	8460	Асаревичи
		+		+						1	+							1740	2100	3840	Гдень
	+		+							1			+				+	9500	7500	17000	Городище
+			+							1						+		650	13694	14344	Капоринка
+			+							1		+						1500	2200	37000	Колыбань
		+				+				1						+		17575	22268	39843	Команов
+						+				2				+				4104	17480	21584	Кулажин
+									+	4		+						7300	6140	13445	Новая Гребля
+			+							1			+					9200	4600	13800	Посудово
+						+				2						+		4400	4600	9000	Савичи
+									+	1		+						2760	2640	5400	Селец
	+					+				1				+				5400	1800	7200	Старая Иолча
+						+				1		+						5106	6738	11844	Старый Мокрец
+			+							3				+				16500	11000	27500	Чикаловичи
Ельский район — 2																					
	+			+						1		+						3320	2350	5670	Словечно
+						+				1		+					+	600	1000	1600	Шишки
Житковичский район — 7																					
+									+	2		+						76000	14000	90000	Бечи
+			+							1		+						16500	3800	20300	Борки
+			+							1		+						4000	2600	6600	Буда I
+			+							1				+				29800	13500	43300	Буда II
+				+						1			+					2850	2200	5050	Перёров I
+			+							1		+						2500	1700	4200	Перёров II
+				+						1		+					+	1400	2000	3400	Хильчицы
Калинковичский район — 14																					
+			+							2				+				7500	6800	14300	Виша
+				+						1		+						3300	3200	6500	Гоголево
+			+							1		+						5650	3000	8650	Золотуха
+			+							1		+						5000	2800	7800	Калинковичи

Топография			Планировка								Укрепления							Площадь			Памятники
низменность	берег	холм	овальное	круглое	полукруглое	прямоугольное	квадратное	трапециевидное	треугольное	кол-во площадок	эскарп	вал	вал и ров	вал, ров, вал	вал, ров, вал, ров	вал и усиление на отдельном участке	комбинированные с рекой	площадки	укреплений	общая	
Калинковичский район — 14																					
+									+	2				+				12400	7800	20200	Козловичи
+			+							1				+				42800	29700	72500	Клинск
+				+						1			+					2000	2340	4340	Кротов
+				+						1		+						2400	2000	4400	Луки
+			+							1		+						2550	2200	4750	Новинки
+				+						1		+						2370	2530	4900	Носовичи
+				+						1		+						9500	4600	14100	Рудня Антоновская
	+							+		2			+					60000	5000	65000	Юровичи
+			+							1		+						4900	4800	9700	Юшки I
+			+							1		+						8600	4400	13000	Юшки II
Лельчицкий район — 1																					
+				+						1			+								Рудня Убортская
Мозырский район — 5																					
	+				+					1			+				+	5000	3600	8600	Акулинка
+			+							1				+				7800	7500	15300	Глинница
	+		+							2				+				22800	4800	27600	Моисеевка
+			+							1				+				4200	6000	10200	Ясенец I
+			+							1				+				21300	10300	31600	Ясенец II
Наровлянский район — 3																					
+			+							2					+			6300	24200	30500	Заракитное
+						+				1		+						400	1600	2000	Наровля
	+			+						1			+				+	900	500	1400	Стрельск
Октябрьский район — 2																					
+				+						1		+						3400	2900	6300	Волосовичи
+			+							2			+					15800	4200	20000	Лясковичи
Петриковский район — 14																					
+				+						1		+						7860	2700	10560	Ванюжичи
	+			+						1		+									Ивашковичи I
+			+							1			+					770	450	1220	Ивашковичи II
+						+				1			+					27500	3000	30500	Новоселки I
+				+						1		+						2800	1500	4300	Новоселки II
+				+						1		+						3850	1700	5550	Новоселки III

КАТАЛОГ ГОРОДИЩ МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Топография			Планировка								Укрепления							Площадь			Памятники
низменность	берег	холм	овальное	круглое	полукруглое	прямоугольное	квадратное	трапециевидное	треугольное	кол-во площадок	эскарп	вал	вал и ров	вал, ров, вал	вал, ров, вал, ров	вал и усиление на отдельном участке	комбинированные с рекой	площадки	укреплений	общая	
Петриковский район — 14																					
+				+						1		+						4000	2000	6000	Новоселки IV
+				+						1		+						31400	6600	38000	Новоселки V
+			+							1		+						4500	2700	7200	Пилиповичи (Филиповичи)
+			+							2		+						9200	3700	12900	Снядин
+				+						1						+		5600	3600	9200	Хвойное I
+			+							1		+						5650	2950	8600	Хвойное II
+			+							1		+						6080	3020	9100	Хвойное III
+				+						1			+					6600	4400	11000	Хвойное IV
Светлогорский район — 4																					
+			+							1			+					2335	2980	5315	Давыдовка
		+	+							1	+							10600	3150	13750	Затон
+			+							1			+					10670	4240	14910	Красновка
+			+							1			+					6480	3220	9700	Россава
Хойникский район — 11																					
+				+						2		+						10000	14300	24300	Борисовщина
+						+				1		+						5000	6700	11700	Велетин
+				+						1				+				2800	7000	9800	Великий Бор
+				+						1		+						2800	4700	7500	Дубровица I
+			+							2		+						1700	5500	7200	Дубровица II
+			+							1		+						1600	1700	3300	Кливы
+						+				1				+				6600	10400	17000	Небытов
+						+				1		+						10800	5600	16400	Новоселки
+				+						1				+				2000	7200	9200	Осов
+				+						1		+						3000	3000	6000	Хвойное
+						+				1				+				2000	6000	8000	Хойники (Булавник)
Столинский район — 10																					
+				+						1			+					2000	2800	4800	Белоуша
+			+							1			+					5500	3700	9200	Бор Дубенец
		+				+				2			+					6200	4200	10400	Городное
+				+						1			+					2000	2600	4600	Нечатово

Топография			Планировка								Укрепления							Площадь			Памятники
низменность	берег	холм	овальное	круглое	полукруглое	прямоугольное	квадратное	трапециевидное	треугольное	кол-во площадок	эскарп	вал	вал и ров	вал, ров, вал	вал, ров, вал, ров	вал и усиление на отдельном участке	комбинированные с рекой	площадки	укреплений	общая	
																					Столинский район — 10
+			+							1		+						7850	5000	12850	Туры
		+							+	1	+							700	1900	2600	Хоромск
+						+				1		+									Хотомель I
+							+			1				+				1600	3300	4900	Хотомель II
+						+				1			+					3850	3850	7700	Юнищи I
+							+			1		+						8100	4000	12100	Юнищи II
																					Любанский район — 2
+			+							1		+						3960	2540	6500	Заельное
+				+						2		+						20600	4300	24900	Обчин (Броды)
																					Слуцкий район — 1
	+					+				1		+					+	5700	3900	9600	Ивань
																					Глусский район — 5
+								+		1						+		5600	1600	7200	Доколь
+			+							1					+			22700	8700	31400	Зеленковичи I
+				+						1					+			28000	9600	37600	Зеленковичи II
+				+						1					+			20000	11000	31000	Зеленковичи III
+				+						1		+						4300	3550	7850	Холопеничи
																					Поднепровье — 70
																					Жлобинский район — 7
+						+				1			+					12600	3160	15760	Горбачевка
+			+							1			+					1960	1460	3420	Городок
+			+							1				+				3990	8390	12380	Замен-Рынье
		+				+				?				+				1520	2110	3630	Коротковичи
	+		+							1			+					2120	4400	6520	Красная Горка
	+					+				1				+				8550	4100	12650	Проскурни
	+							+		1			+					5500	2900	8400	Отрубы
																					Лоевский район — 19
	+		+							1		+						1300	1650	2950	Бывальки
+			+							1						+		1570	5500	7070	Волкошанка
	+					+				1			+					5600	1750	7350	Городок Бывальковский с/с
	+				+					1			+					750	1250	2000	Городок Переделковский с/с

КАТАЛОГ ГОРОДИЩ МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Топография			Планировка								Укрепления							Площадь			Памятники
низменность	берег	холм	овальное	круглое	полукруглое	прямоугольное	квадратное	трапециевидное	треугольное	кол-во площадок	эскарп	вал	вал и ров	вал, ров, вал	вал, ров, вал, ров	вал и усиление на отдельном участке	комбинированные с рекой	площадки	укреплений	общая	
Лоевский район — 19																					
+						+				1				+				4500	4000	8500	Колпень
+						+				1				+				1475	6925	8400	Лесуны
+						+				1		+						4200	4424	8624	Липняки
	+								+	1		+						15000	5100	20100	Моховское I
	+							+		1		+						3900	1300	5200	Моховское II
+						+				1		+						622	1050	1672	Новая Борщевка
+							+			1		+						2887	5438	8325	Островы
+						+				1		+						2700	2500	5200	Пустая Гряда
+						+				1		+						3850	2900	6750	Райск
+			+							2						+		12600	10280	22880	Рудня Бурицкая
+						+				1			+					4770	5200	9970	Рудня Каменева
		+				+				1			+					3500	6400	9900	Удалевка
	+							+		1			+					6200	2850	9050	Чаплин
	+					+				1				+				12000	5324	17324	Щитцы
+			+							1						+		3000	4600	7600	Ястребка
Речицкий район — 32																					
+			+							1						+		4400	4550	8950	Балашевка
	+						+			1			+					4900	3200	8100	Брегидов
+						+				1		+						1800	2200	4000	Борхов
+			+							1		+						2100	2400	4500	Будка-Шибенка
+			+							1				+				4200	8100	13300	Василевичи
+			+							1				+				3500	5500	9000	Гиров
	+				+					1		+						13800	3600	17400	Глыбов
	+								+	1			+					540	1460	2000	Горваль
	+								+	2			+					15000	5000	20000	Горошков
	+		+							1		+						940	460	1420	Заспа
	+								+	1		+						5740	2000	7740	Заужель
+									+	2		+						4920	7550	12470	Козье
	+					+				1				+				1530	1370	2900	Колочинское I
	+					+				1				+				1250	2750	4000	Колочинское II

Топография			Планировка								Укрепления							Площадь			Памятники
низменность	берег	холм	овальное	круглое	полукруглое	прямоугольное	квадратное	трапециевидное	треугольное	кол-во площадок	эскарп	вал	вал и ров	вал, ров, вал	вал, ров, вал, ров	вал и усиление на отдельном участке	комбинированные с рекой	площадки	укреплений	общая	
Речицкий район — 32																					
		+				+				1		+						4800	3200	8000	Копань
+				+						1		+						3300	2350	5650	Короватичи I
+			+							1						+		1600	4900	6500	Короватичи II
+			+							1		+						14000	4700	18700	Красная Дуброва
+			+							1						+		5700	5000	10700	Крынки I
+			+							1		+						4200	3300	7500	Крынки II
	+					+							+								Левоши
+									+	1						+		13400	9100	22500	Лиски
	+		+							1		+						3200	2350	5550	Луначарск
	+								+	2		+						6800	3200	10000	Милоград
+						+				1				+				2700	3100	5800	Октябрь
+				+						1		+						960	1400	2360	Первомайск
+				+						1		+						4400	4240	8640	Переволока I
+						+				1		+						1900	2100	4000	Переволока II
+			+							1			+					3000	4260	7260	Рассвет
	+					+				1		+						3400	2900	6300	Речица
+			+							2				+				9800	7700	17500	Старое Красное
+						+				1				+				5100	7400	12500	Храбрый
		+						+		1		+						3400	700	4100	Черное
Рогачевский район — 12																					
	+					+				1			+				+	3740	3040	6780	Задрутье
	+				+					1			+				+	3300	5700	9000	Зборов
	+		+							1				+			+	1200	1600	2800	Каменка
	+							+		1			+				+	2400	800	3200	Кистени
	+				+					1		+					+	6000	5200	11200	Лучин I
	+		+							1				+			+	7650	9220	16870	Лучин II
	+					+				1				+			+	500	4440	4940	Озераны
	+								+	1			+				+	6250	6000	12250	Рогачев
	+		+							1						+	+	1960	3600	5560	Хмеленец
	+		+							1			+				+	940	1400	2340	Хомичи
		+		+						1				+				500	3500	4000	Цагельня
	+		+							1				+				1300	800	2100	Шапчицы

КАТАЛОГ ГОРОДИЩ МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Топография			Планировка								Укрепления							Площадь			Памятники
низменность	берег	холм	овальное	круглое	полукруглое	прямоугольное	квадратное	трапециевидное	треугольное	кол-во площадок	эскарп	вал	вал и ров	вал, ров, вал	вал, ров, вал, ров	вал и усиление на отдельном участке	комбинированные с рекой	площадки	укреплений	общая	
Нижнее Посожье — 56																					
Буда-Кошелевский район — 3																					
+						+				1		+						3000	2500	5500	Ивольск
+							+			1			+					2500	3300	5800	Кошелев
	+			?						1			+				+	3300	1700	5000	Уваровичи
Ветковский район — 13																					
	+		+							1			+					3200	800	4000	Железняки
	+							+		1				+				3200	2800	6000	Новоивановка
+						+				1				+				200	2800	3000	Новоселки
	+					+				1			+					3600	1800	5400	Новые Громыки
	+		+							1		+						4500	1300	5800	Присно I
	+					+				1				+				4100	2200	6300	Присно II
	+			+						1			+					960	420	1380	Радуга
	+					+				1			+					4200	2800	7000	Светиловичи
		+				+				3			+					17800	6200	24000	Старое Село
	+								+	1			+					4700	2900	7600	Хальч I
	+		+							1			+					3300	700	4000	Хальч II
	+					+				1				+				5600	3300	8900	Шерстин
+						+				1		+									Яново
Гомельский район — 16																					
		+		+						1	+							800	200	1000	Азделин
+			+							2				+				1950	2550	4500	Бобовичи
+						+				1		+						3800	3600	7400	Васильево
		+							+	1					+			3000	2000	5000	Любны
+			+							1		+						1200	2000	3200	Новые Терешковичи
	+		+							1			+					12940	860	13800	Поколюбичи I
		+				+				1		+						10300	2450	12750	Поколюбичи II
	+		+							1		+						3140	5060	8200	Прибор
	+							+		1			+					1050	310	1360	Прудок
	+					+				1			+					6000	2000	8000	Рудня Маримонова
+			+							1		+						4500	1500	6000	Рудня Прибытковская

Топография			Планировка								Укрепления							Площадь			Памятники
низменность	берег	холм	овальное	круглое	полукруглое	прямоугольное	квадратное	трапециевидное	треугольное	кол-во площадок	эскарп	вал	вал и ров	вал, ров, вал	вал, ров, вал, ров	вал и усиление на отдельном участке	комбинированные с рекой	площадки	укреплений	общая	
Гомельский район — 16																					
	+					+				1					+		+	4000	6000	10000	Рудня Телешовская
		+						+		1		+						1500	940	2440	Скиток
	+								+	3		+						15500	8800	24300	Уза
+				+						1			+					1960	880	2840	Черетяка I
		+				+				2		+						2200	2300	4500	Черетяка II
Добрушский район — 9																					
+			+							1			+					630	1930	2560	Васильевка
	+				+					1				+				2700	4900	7600	Вылево
	+		+							1		+						9400	6600	16000	Гордуны
+						+				1		+						8440	5060	13500	Добруш I
	+								+	1			+								Добруш II
	+			+						1			+					11300	1900	13200	Крупец
+						+				1				+				1600	3800	5400	Лукьяновка (Ленино)
	+								+	1			+							1000	Подгорье
+				+						1		+						350	550	900	Уть
Кормянский район — 8																					
	+		+							1		+						2200	4100	6300	Вознесенск
	+							+		1					+			5000	6550	11550	Ворновка
	+		+							1			+					500	440	940	Городок
	+			+						1						+		2370	2500	4870	Зятковичи
	+								+	1		+								2000	Косельский Прудок
	+								+	1				+				1900	1160	3060	Луначарск
		+							+	1						+		560	1540	2100	Новый Млын
+						+				1			+					1660	3140	4800	Октябрево
Чечерский район — 7																					
	+		+							1			+					900	1500	2400	Залесье
	+		+							1			+					2640	2130	4770	Нисимковичи
+						+				1		+									Покоть
	+				+					1		+						1100	1400	2500	Полесье
	+								+	1		+								9000	Себровичи
	+		+							1			+					5000			Чечерск
		+				+				1			+					2920	6000	8920	Шепотовичи

ЛИТЕРАТУРА

Августиник, А.Н. К вопросу о методике исследования древней керамики / А.Н. Августиник // КСИИМК. — 1956. — Вып. 64. — С. 149–156.

Алексеева, Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева // САИ. — 1975. — Вып. Г1–12. — 94 с.

Алексеева, Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева // САИ. — 1978. — Вып. Г1–12. — 104 с.

Алексеева, Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / Е.М. Алексеева // САИ. — 1982. — Вып. Г1–12. — 104 с.

Алексеева, Е.М. Бусы и подвески / Е.М. Алексеева // Археология СССР: Античные государства Северного Причерноморья. — М. : Наука, 1984. — С. 237–239, табл. CLVIII.

Алихова, А.Е. Древние городища Курского Посеймья / А.Е. Алихова // МИА. — 1962. — № 113. — С. 86–129.

Амброз, А.К. Раннеземледельческий культовый символ «ромб с крючками» / А.К. Амброз // СА. — 1965. — № 3. — С. 14–27.

Амброз, А.К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа / А.К. Амброз // СА. — 1966. — № 1. — С. 61–76.

Артеменко, И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы / И.И. Артеменко // МИА. — 1967. — № 148. — 140 с.

Археологічні розвідки в районі нижньої течії р. Десни / Ф.Б. Копилов, С.М. Одинцова, О.Г. Шапошнікова // Археологічні пам'ятки УРСР. — Київ, 1952. — Т. III. — С. 85–98.

Археология Украинской ССР : в 3 т. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. — Киев : Наукова думка, 1986. — 589 с.

Арциховский, А.В. К методике изучения серпов / А.В. Арциховский // Труды секции археологии РАНИОН. — М., 1928. — Т. 4. — С. 29–42.

Арциховский, А.В. Курганы вятичей / А.В. Арциховский; Рос. ассоциац. научно-исслед. ин-тов обществ. наук. — М., 1930. — 223 с.

Асташкин, Н.Д. Природные ресурсы БССР / Н.Д. Асташкин. — Минск : Наука и техника, 1970. — 460 с.

Бадер, О.Н. Древние городища на Верхней Волге / О.Н. Бадер // МИА. — 1950. — № 13. — С. 90–132.

Баркоўскі, С. Аб жалезнай прамысловасьці на Беларусі / С. Баркоўскі, В. Скардзіс // Савецкая краіна. — 1931. — № 12. — С. 59–74.

Барцева, Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени: Лесостепное Днепровское Левобережье / Т.Б. Барцева; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. В.Г. Петренко, Е.Н. Черных. — М. : Наука, 1981. — 126 с.

Барцева, Т.Б. Цветной металл из Среднего Приишимья : (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) / Т.Б. Барцева // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского Междуречья. — Челябинск, 1987. — С. 65–83.

Без-Карнилович, М.О. Историческія сведения о примечательнейших местах в Белорусіи с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся / М.О. Без-Карнилович. — СПб., 1855. — 355 с.

Белорусская ССР: Административно-территориальное деление. — Минск : Белорусь, 1974. — 248 с.

Белявец, В. Курадава-1 — шматслойнае паселішча з Цэнтральнага Палесся / В. Белявец, В. Вяргей // МАБ. — 2002. — № 5. — С. 5–24.

Беляшевский, Н.Ф. Поле погребальных урн эпохи la Tene в Радомысльском уезде Кіевской губерніи / Н.Ф. Беляшевский // Археологическая летопись Южной России. — Киев, 1904. — № 1. — С. 13–18.

Березанская, С.С. Пустынка — поселение эпохи бронзы на Днепре / С.С. Березанская; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. Ю.Н. Захарук; рец.: Е.В. Черненко, Л.Д. Поболь. — Киев : Наукова думка, 1974. — 150 с. : табл.

Березанская, С.С. Лебедовская культура эпохи бронзы в лесостепной Украине / С.С. Березанская // Энеолит и бронзовый век Украины : сб. / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Д.Я. Телегин; рец.: Н.Н. Бондарь. — Киев : Наукова думка, 1976. — С. 190–221.

Березанская, С.С. Северная Украина в эпоху бронзы / С.С. Березанская; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. Н.Н. Чередниченко; рец.: Э.А. Балагури, И.Н. Шарафутдинова. — Киев : Навукова думка, 1982. — 212 с.

Березовец, Д.Т. Плуг з Токарівського торфовища / Д.Т. Березовец // Археологія. — 1952. — Т. VII. — С. 174–175.

Бессонова, С.С. Религиозные представления скифов / С.С. Бессонова; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. А.С. Русяева; рец.: Д.С. Раевский, Е.В. Черненко. — Киев : Навукова думка, 1983. — 138 с.

Бессонова, С.С. Новое городище скифского времени на Киевщине / С.С. Бессонова, С.А. Скорый // Скифы Северного Причерноморья : сб. науч. трудов / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: Б.Н. Мозолевский, В.Ю. Мурзин, В.Е. Черненко (отв. ред.); рец.: Ю.Н. Малеев, А.С. Русяева. — Киев : Наукова думка, 1987. — С. 33–40.

Бідзіля, В.І. Поселення Галіш-Ловачка / В.І. Бідзіля // Археологія. — 1964. — Т. XVII. — С. 92–143.

Бидзиля, В.И. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж / В.И. Бидзиля, С.П. Пачкова // МИА. — 1969. — № 160. — С. 51–74.

Бидзиля, В.И. Памятники латенской культуры на территории Закарпатья и к востоку от Карпат / В.И. Бидзиля, М.Б. Щукин // Археология СССР : Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. — М. : Наука, 1993. — С. 67–84.

Битковский, О.В. Скифский курган у с. Богдановка на Херсонщине: (к проблеме хронологии памятников V–IV вв. до н. э.) / О.В. Битковский, С.В. Полин // Скифы Северного Причерноморья : сб. науч. трудов / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: Б.Н. Мозолевский, В.Ю. Мурзин, В.Е. Черненко (отв. ред.); рец.: Ю.Н. Малеев, А.С. Русяева. — Киев : Наукова думка, 1987. — С. 74–85.

Блашко, В.А. Фауна крычаўскага гарадзішча Гарадзец / В.А. Блашко // Мяцельскі, А.А. Старадаўні Крычаў / А.А. Мяцельскі; Ін-т гісторыі НАН Беларусі; нав. рэд. П.Ф. Лысенка; рэц.: Л.У. Калядзінскі, В.С. Пазднякоў, С.В. Тарасаў. — Мінск : Беларуская навука, 2003. — Дадатак 1. — С. 143–150;

Блиодухо, Н.Ф. Сборник трудов по геологии и полезным ископаемым БССР / Н.Ф. Блиодухо; Ин-т геологических наук АН БССР. — М. : Государственное изд-во геологической литературы, 1952. — 249 с.

Блифельд, Д.И. Древнейшее славянское поселение на Черниговщине / Д.И. Блифельд // КСИА АН УССР. — 1952. — Вып. 1. — С. 53–55.

Бобринский, А.А. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения / А.А. Бобринский; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. С.А. Плетнева. — М. : Наука, 1978. — 272 с.

Богомольников, В.В. Раскопки в Чечерске и Нисимковичах / В.В. Богомольников // АО-1981. — М., 1983. — С. 340–341.

Браім, І.М. Рыбалоўства ў Беларусі : (гісторыка-этнаграфічны нарыс) / І.М. Браім; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору АН БССР; рэд. М.Я. Грынблат. — Мінск : Навука і тэхніка, 1976. — 136 с.

Бронзовые украшения эпохи поздней бронзы — начала раннего железного века из фондов Национального музея Украины / С.Д. Лысенко [и др.] // Проблеми археології Середнього Подніпров'я: До 15 річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею / Ін-т археології НАН України; Фастівський держ. краезн. музей; редак. кол.: Н.А. Гаврилюк, М.М. Гладких, Г.Ю. Івакін [та інш.]; рец.: Р.В. Терпіловський, Б.В. Магомедов, М.Ю. Відейко, В.Б. Панковський; відповід. за випуск С.Д. Лисенко. — Київ–Фастів, 2005. — С. 152–200.

Будько, В.Д. Археология в Белоруссии за Советский период / В.Д. Будько, А.Г. Митрофанов // СА. — 1967. — № 4. — С. 123–145.

Булгаков Н.П. Дерново-слабо- и среднеподзолистые оглеенные внизу песчаные почвы / Н.П. Булгаков // Агрохимическая характеристика почв СССР / Почвенный ин-т АН СССР; отв. ред. А.В. Соколов. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. — С. 51–56.

Булгаков, Н.П. Заболоченные почвы / Н.П. Булгаков, Т.А. Романова // Агрохимическая характеристика почв СССР / Почвенный ин-т АН СССР; отв. ред. А.В. Соколов. — М. : Изд-во АН СССР, 1962а. — С. 57–67.

Васильков, В.В. Пушные звери Белоруссии и их добыча / В.В. Васильков, Б.З. Голодушко. — Минск : Урожай, 1969. — 160 с.

Вергей, В.С. Работы в Пинском и Лиозненском районах / В.С. Вергей // АО-1981. — М., 1983. — С. 343–344.

Вергей, В.С. Развитие археологической науки в БССР (1919–1939 гг) : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06 / В.С. Вергей. — Ленинград, 1984. — 22 с.

Вергей, В.С. Изучение памятников железного века / В.С. Вергей // Белорусская археология: Достижения археологов за годы Советской власти / Ин-т истории АН БССР; редкол.: Г.В. Штыхов, В.Ф. Исаенко, Л.Д. Поболь; рец.: П.Ф. Лысенко, А.Г. Митрофанов, О.А. Трусов. — Минск : Наука и техника, 1987. — С. 48–78.

Вергей, В.С. Селище у дер. Лемешевичи на Припяти / В.С. Вергей // ГАЗ. — 1994. — № 5. — С. 133–151.

Вергей, В.С. Западный ареал милоградской культуры / В.С. Вергей // ГАЗ. — 1995. — № 7. — С. 83–100.

Віннікава, М.М. Меркаванне аб з'яўленні і развіцці гарызантальнага ткацкага станка на тэрыторыі Беларусі / М.М. Віннікава // ГАЗ. — 1994. — № 4. — С. 36–48.

Вишневская, О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э.: (по материалам Уйгарака) / О.А. Вишневская; Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР; отв. ред. М.Г. Воробьева. — М. : Наука, 1973. — 160 с.

Вишневский В.И. Раскопки Кикинского городища // КСИА. — 1990. — Вып. 197. — С. 86–92.

Воеводский, М.В. Городища верхней Десны / М.В. Воеводский // КСИИМК. — 1949. — Вып. XXIV. — С. 67–77.

Вознесенская, Г.А. Металл Троицкого городища / Г.А. Вознесенская // Археология и естественные науки / Ин-т археологии АН СССР; под общ. ред. Б.А. Колчина. — М. : Наука, 1965. — С. 129–138.

Вознесенская, Г.А. Металлографическое исследование кузнечных изделий Троицкого городища / Г.А. Вознесенская // Древнее поселение в Подмосковье // МИА. — 1970. — № 156. — С. 192–199.

Вознесенская, Г.А. Техника и технология кузнечного производства на городище Марица / Г.А. Вознесенская, Л.С. Хомутова // СА. — 1979. — № 4. — С. 180–188.

Вознесенская, Г.А. Металлообработка на позднелатенском поселении Галиш-Ловачка / Г.А. Вознесенская // СА. — 1984. — № 4. — С. 163–175.

Вознесенская, Г.А. Технологическое исследование железных предметов с городища Переверзево I / Г.А. Вознесенская, Л.С. Розанова // Естественнонаучные методы в археологии : сб. науч. трудов / Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. Е.Н. Черных; рец.: В.И. Гуляев, Н.Я. Мерперт. — М. : Наука, 1989. — С. 139–146.

Вознесенская, Г.А. Технологическое исследование железных предметов городища Переверзево I / / Г.А. Вознесенская, Л.С. Розанова // Пузикова, А.И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье) / А.И. Пузикова. — М., 1997. — Приложение 2. — С. 119–126.

Волкайте-Куликаускене, Р. Результаты раскопок большого городища Наркунай (нижний культурный слой) / Р. Волкайте-Куликаускене // Lietuvos archeologija. — Vilnius, 1986. — Т. 5. — S. 5–49.

Воронина, Р.Ф. О некоторых кинжалах и акинаках Курской области / Р.Ф. Воронина // МИА. — 1962. — № 113. — С. 130–133.

Ворошилов, А.Н. Копья населения среднедонской культуры скифского времени / А.Н. Ворошилов // Археологические памятники бассейна Дона : межвузовский сб. науч. трудов. — Воронеж : Воронежский педуниверситет, 2004. — С. 202–213.

Ворошилов, О.М. Бронзова та біметалева клинкова зброя скіфського типу Східної Європи і Кавказу / О.М. Ворошилов // Археологічний літопис Лівобережної України / Ін-т археології НАН України; Центр охорони та досліджень пам'яток археології управ. культ. Полтавської облдержадміністрації. — Полтава : ВЦ «Археолоія» ЦОДПА, 2006. — № 1. — С. 34–45.

Ворошилов, А.Н. Биметаллические мечи скифского времени из междуречья Дона и Волги / А.Н. Ворошилов // РА. — 2007. — № 3. — С. 150–156.

Ворошилов, А.Н. Случайные находки архаических акинаков как источнк по истории лесостепного Подонья в раннескифскую эпоху / А.Н. Ворошилов // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст : материалы тематической науч. конференции, Санкт-Петербург, 16–19 декабря 2008 г. / Санкт-Петербургский гос. университет; редкол.: Д.Г. Савинов (отв. ред.) [и др.]. — Санкт-Петербург, 2008. — С. 91–96.

Вяргей, В.С. Археалагічныя помнікі Петрыкаўскага раёна Гомельскай вобласці / В.С. Вяргей, М.К. Селех; Інстытут гісторыі АН Беларусі. — Мінск, 1994. — 63 с.

Вяргей, В.С. Снядзін / В.С. Вяргей // Памяць. Петрыкаўскі раён: Гісторыка-дакументальная хроніка / рэдкал.: А.В. Бічан [і інш.]; рэд.-уклад. В.Р. Феранц. — Мінск : Ураджай, 1995. — С. 41–45.

Гаврилюк, Н.А. Прядение у Степных Скифов / Н.А. Гаврилюк // Скифы Северного Причерноморья : сб. науч. трудов / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: В.Е. Черненко (отв. ред.) [и др.]; рец.: Ю.Н. Малеев, А.С. Русяева. — Киев : Наукова думка, 1987. — С. 116–130.

Гаврилюк, Н.А. Земледельческий компонент в экономике степных скифов конца V — IV в. до н. э. / Н.А. Гаврилюк, Г.А. Пашкевич // СА. — 1991. — № 2. — С. 51–63.

Гаврилюк, Н.А. История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н. э. / Н.А. Гаврилюк; Ин-т археологии НАН Украины; отв. ред Б.А. Шрамко; рец.: С.С. Березанская. – Харьков : Изд-во ПТФ, 1999. — 420 с.

Галанина, Л.К. Скифские древности Поднепровья: (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) / Л.К. Галанина // САИ. — 1977. — Вып. Д1-33. — 68 с.

Галанина, Л.К. Раннескифские уздечные наборы: (по материалам Келермесских курганов) / Л.К. Галанина // АСГЭ. — 1983. — Вып. 24. — С. 32–55.

Галибин, В.А. Химический состав стекла из памятников Восточной Европы (V–X вв.) / В.А. Галибин // Ковалевская, В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии / В.Б. Ковалевская; Ин-т археологии РАН; рец.: А.А Иерусалимская, И.С. Каменецкий. — М., 2000. — С. 244–256.

Галибин, В.А. Состав стекла как археологический источник / В.А. Галибин. — СПб. : Петербургское Востоковедение, 2001. — Т. IV. — 216 с.

Гаскевич, Д.Л. Археологічні памя'ятки біля с. Кощіївка на Фастівщині / Д.Л. Гаскевич, С.Д. Лисенко // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. — Київ, 1998. — С. 69–73.

Гаспадарчыя заняткі насельнікаў / А. Калечыц, М. Крывальцэвіч, М. Чарняўскі // Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 1. Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Экаперспектыва, 2000. — С. 77–84.

Геология антропогена Белоруссии / Э.А. Левков [и др.]; ред. Г.В. Гурский. — Минск : Наука и техника, 1973. — 152 с.

Герасимов, М.М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта / М.М. Герасимов // МИА. — 1941. — № 2. — С. 65–85.

Герасимов, Ю.А. Лисица / Ю.А. Герасимов // Охота на пушных: (биологические основы промысла) / Ю.А. Герасимов [и др.]. — М. : Лесная промышленность, 1977. — С. 3–62.

Голубева, Л.А. Амулеты / Л.А. Голубева // Археология СССР: Древняя Русь. Быт и культура. — М. : Наука, 1997. — С. 153–165.

Гончаров, В.К. Лука-Райковецкая / В.К. Гончаров // МИА. — 1963. — № 108. — С. 283–315.

Городцов, В.А. Болотное Огубское городище / В.А. Городцов // Труды ГИМ. — 1926. — Вып. 1. — С. 107–124.

Горюнова, Е.И. Городище Торфель / Е.И. Горюнова // КСИИМК. — 1950. — Вып. 31. — С. 148–156.

Граков, Б.Н. Каменское городище на Днепре / Б.Н. Граков // МИА. — 1954. — № 36. — 240 с.

Грач, А.Д. Древние кочевники в центре Азии / А.Д. Грач; Тувинский науч.-исслед. ин-т языка, литерат. и истории; отв. ред. Б.Б. Пиотровский. — М. : Наука, 1980. — 256 с.

Григалавичене, Э. Городище Неверишке / Э. Григалавичене // Lituvos archeologija — Vilnius, 1986. — Т. 5. — С. 52–88.

Григалавичене, Э. Городище Сокишкяй / Э. Григалавичене // Lietuvos archeologija. — Vilnius, 1986a. — Т. 5. — С. 89–138.

Громаў, В.І. Аб фаўне гарадзішч БССР і Смаленшчыны / В.І. Громаў // Запіскі аддзелу гуманітарных навук : Кн. 11. Працы археолёгічнай камісіі. — Менск, 1930. — Т. 2. — С. 213–217.

Гуляев, В.И. Зооморфные крючки скифского периода / В.И. Гуляев // МИА. — 1969. — № 151. — С. 109–127.

Гуляев, В.И. Общие проблемы археологии Среднего Дона скифского времени / В.И. Гуляев // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000. — М., 2001. — С. 18–52.

Гурин, М.Ф. Раскопки болотного городища у дер. Липняки / М.Ф. Гурин // АО-1967. — М., 1977. — С. 402–403.

Гурин, М.Ф. Древнее железо Белорусского Поднепровья (I тысячелетие н. э.) / М.Ф. Гурин; Ин-т истории АН БССР; науч. ред. Л.Д. Поболь; рец.: М.А. Ткачев, А.Г. Митрофанов, В.Д. Гопак. — Минск : Наука и техника, 1982. — 126 с.

Гурин, М.Ф. Металлографическое изучение железных изделий из городища Липняки Лоевского р-на / М.Ф. Гурин // Древности Белоруссии и Литвы : сб. ст. / Ин-т истории АН БССР, Ин-т истории АН ЛитССР; науч. ред. Л.Д. Поболь, А.З. Таутавичюс. — Минск : Наука и техника, 1982а. — С. 61–67.

Гурин, М.Ф. Поиск критерия для разработки метода датировки железных предметов / М.Ф. Гурин // Acta interdisciplinaria archaeological. — Nitra, 1986. — Т. 4. — С. 155–160.

Гурин, М.Ф. Производство и обработка железа в Белоруссии (V в. до н. э. — XVIII в.) : автореф. дисс. … д-ра ист. наук / М.Ф. Гурин. — Минск, 1990. — 45 с.

Гурин, М. Развитие металлургии железа в Беларуси / М. Гурин // ГАЗ. — 1997. — № 11. — С. 93–98.

Гурин, М.Ф. Археологические материалы из городища Мысли / М.Ф. Гурин // ГАЗ. — 2000. — № 15. — С. 24–39.

Гурын, М.Ф. Гарадзішча Ліпнякі / М.Ф. Гурын, М.І. Лашанкоў // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1984. — №2. — С. 67–73.

Гурын, М.Ф. Гарадзішча Раманава Слуцкага раёна / М.Ф. Гурын // Случчына: мінулае і сучаснасць / уклад.: Л.У. Калядзінскі, В.С. Відлога. — Слуцк : ВКФ «Дзіва», 1995. — С. 16–20.

Гурын, М.Ф. Узнікненне і развіццё металургіі і апрацоўкі жалеза / М.Ф. Гурын // Археалогія Беларусі : у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. — Мінск: Беларуская навука, 1999. — С. 10–28.

Гусаков, М.Г. О грузиках «дьякова типа»: (К вопросу о систематизации и назначении) / М.Г. Гусаков // МАБ. — 2003. — № 7. — С. 49–59.

Гусаков, М.Г. О грузиках «дьякова типа» из раскопок городища милоградской культуры: (ответ С.Е. Рассадину) / М.Г. Гусаков // МАБ. — 2008. — № 15. — С. 286–287.

Даниленко, В.Н. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР / В.Н. Даниленко // Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. — Киев, 1953. — С. 197–208.

Даниленко, В.М. Дослідження пам'яток підгірського та бобрицького типів на Київщині в 1950 р. / В.Н. Даниленко // Археологічні пам'ятки УРСР. — Київ, 1956. — Т. VI. — С. 5–20.

Данильченко, В.П. Сравнительно-остеологический анализ костного материала городища Марица / В.П. Данильченко // Пузикова, А.И. Марицкое городище в Посеймье VI–V вв. до н. э. / А.И. Пузикова. — М., 1981. — Приложение 3. — С. 108–109.

Данильченко, В.П. Охота и скотоводство по данным остеологического анализа материалов городища Переверзево II / В.П. Данильченко // Естественнонаучные методы в археологии : сб. науч. трудов / Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. Е.Н. Черных; рец.: В.И. Гуляев, Н.Я. Мерперт. — М. : Наука, 1989. — С. 234–241.

Даугудис, В. Городище Саугиняй / В. Даугудис // Древности Литвы и Белоруссии / Ин-т истории АН ЛитССР; Ин-т истории АН БССР; науч. рец.: Л.Д. Поболь, А.З. Таутавичюс. — Вильнюс : Мокслас, 1988. — С. 51–58.

Дослідження в зоні новобудов на Чернігівщині / Т.М. Жарова, Г.В. Жаров, Р.В. Терпиловский // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. — Київ, 2002. — С. 118–120.

Драбушэўскі, А.І. Зямля нашых продкаў / А.І. Драбушэўскі // Памяць. Буда-Кашалёўскі раён : гісторыка-дакументальная хроніка : у 2 кн. Кн. 1 / рэдкал.: Г.К. Кісялёў (гал. рэд.), А.М. Галіцкі [і інш.]; уклад. У.Я. Райскі. — Мінск : БелТА, 2001. — С. 29–35.

Драбушэўскі, А.І. Кароткі нарыс этнакультурнай гісторыі Верхняга Падняпроўя / А.І. Драбушэўскі // Арнаменты Падняпроўя / аўт. тэкстаў Г.Р. Нячаева, А.І. Драбушэўскі [і інш.]; навук. рэд. Я.М. Сахута; рэц.: В.А. Лабачэўская, М.М. Віннікава. — Мінск : Беларуская навука, 2004. — С. 15–37.

Древности железного века в междуречье Десны и Днепра // САИ. — 1962. — Вып. Д1–12. — 75 с. : табл.

Дробушевский, А.И. Разведки в Кормянском и Чечерском районах Гомельской области / А.И. Дробушевский // АО-1982. — М., 1984. — С. 351.

Дробушевский, А.И. Исследования в Нижнем Посожье / А.И. Дробушевский // АО-1984. — М., 1986. — С. 340–341.

Дробушевский, А.И. Городище эпохи раннего железа в г.п. Уваровичи / А.И. Дробушевский // Гомельщина: археология, история, памятники : тезисы Второй Гомельской областной научной конференции по историческому краеведению, 1991 г. — Гомель, 1991. — С. 26–28.

Дробушевский, А.И. Костяные изделия Уваровичского городища / А.И. Дробушевский // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя: Рэгіянальная навуковая канферэнцыя / Упраўленне культуры Магілёўскага аблвыканкама; Магілёўскі абласны краязн. музей; рэд. савет: В.М. Аненкаў (адк. рэд.), В.Ф. Капыцін. — Магілёў, 1995. — Ч. 1. — С. 91–98.

Дробушевский, А.И. Шепотовичское городище эпохи раннего железа / А.И. Дробушевский, М.И. Лошенков // ГАЗ. — 1995а. — № 6. — С. 33–51.

Дробушевский, А.И. Уваровичское рало / А.И. Дробушевский // ГАЗ. — 1996. — № 10. — С. 5–7.

Дробушевский, А.И. Нижнее Посожье на рубеже нашей эры : автореф. дис. … канд. ист. наук. 07.00.06. / А.И. Дробушевский. — Минск, 1998. — 20 с.

Дробушевский, А.И. Чечерская группа верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры / А.И. Дробушевский // Краеведческие записки: (К 80-летию Гомельского областного краеведческого музея). — Гомель, 2000. — С. 49–77.

Дробушевский, А.И. Латенский импорт в Беларуси (ранний период) / А.И. Дробушевский // ГАЗ. — 2002. — № 17. — С. 54–64.

Дробушевский, А.И. Домостроительство и планировка поселений Нижнего Посожья на рубеже нашей эры / А.И. Дробушевский // Славянский мир Полесья в древности и средневековье : материалы Международной историко-археологической конф. / Гомельский обл. исп. ком-т; УО «ГГУ им. Ф. Скорины»; НИИ ист. и культ. восточнославянских народов; редкол.: О.А. Макушников (гл. ред.) [и др.]; рец.: В.И. Шадыро, С.В. Тарасов. — Гомель, 2004. — С. 61–66.

Дробушевский, А.И. Исследования в Ветковском районе Гомельской области / А.И. Дробушевский // МАБ. — 2009. — № 17. — С. 161.

Дубінскі, С.А. Доследы культур жалезнага перыяду на Віцебшчыне, Магілёўшчыне і Меншчыне / С.А. Дубінскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. — Кн. 5: Працы кафедры археалогіі. — Менск, 1928. — Т. 1. — С. 275–284.

Дубінскі, С.А. Доследы культур жалезнага перыяду на БССР у 1929 годзе / С.А. Дубінскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. — Кн. 11: Працы археалагічнай камісіі. — Менск, 1930. — Т. 2. — С. 510–513.

Дубицкая, Н.Н. Разведки Полесского отряда / Н.Н. Дубицкая, Г.М. Залашко // АО-1978. — М., 1979. — С. 432.

Дубицкая, Н.Н. Обследование памятников в Полесье / Н.Н. Дубицкая // АО-1981. — М., 1983. — С. 346.

Дубицкая, Н.Н. Исследования в Полесье / Н.Н. Дубицкая // АО-1983. — М., 1985. — С. 385–386.

Дубицкая, Н.Н. К вопросу о технологии керамической посуды (по материалам городища Чаплин) / Н.Н. Дубицкая // Гомельщина: археология, история, памятники : тезисы Второй Гомельской областной науч. конф. по историч. краеведению. — Гомель, 1991. — С. 30–32.

Дубицкая, Н.Н. К характеристике технологии изготовления керамической посуды у племен милоградской культуры / Н.Н. Дубицкая // ГАЗ. — 1998. — № 13. — С. 16–24.

Дубицкая, Н.Н. Изготовление керамической посуды у племен милоградской культуры в Нижнем Посьжье / Н.Н. Дубицкая // Гісторыя Беларускага Падняпроўя : матэрыялы навук. канф., прысвечанай 130-й гадавіне Магілёўскага абласнога краязнаўчага музея, 13–14 лістапада 1997 г. — Магілёў, 1999. — С. 29–36.

Дубицкая, Н.Н. Исторические аспекты развития керамического производства в Верхнем Поднепровье в VII в. до н. э. — V в. н. э. / Н.Н. Дубицкая // ГАЗ. — 2000. — № 15. — С. 16–23.

Дубицкая, Н.Н. Технология изготовления керамической посуды на селище Лемешевичи (правобережье р. Припять) / Н.Н. Дубицкая // МАБ. — 2001. — № 3. — С. 57–62.

Дубицкая, Н.Н. Керамическое производство Белорусского Поднепровья в VIII в. до н. э. — V в. н. э. / Н.Н. Дубицкая // МАБ. — 2002. — № 4. — 191 с.

Дубицкая, Н.Н. Городища раннего железного века у д. Отрубы / Н.Н. Дубицкая // МАБ. — 2003. — № 7. — С. 60–74.

Дубицкая, Н. К вопросу о технологии изготовления глиняной посуды у племен культуры штрихованной керамики на территории Беларуси (по материалам городища Ивань) / Н. Дубицкая // Український керамологічний журнал. — Опішне, 2003а. — № 1. — С. 108–110.

Дубицкая, Н. Технология изготовления глиняной посуды населением зарубинецкой культуры на поселении Городище на р. Ясельда в Припятском Полесье / Н. Дубицкая // Український керамологічний журнал. — Опішне, 2004. — № 1. — С. 51–55.

Дубицкая, Н.Н. Археологические исследования в бассейне нижней Березины / Н.Н. Дубицкая // ГАЗ. — 2004а. — № 19. — С. 281.

Дубицкая, Н.Н. Технология изготовления керамической посуды на зарубинецком селище Давид-Городок (правобережье Припяти) / Н.Н. Дубицкая // Ceramika Zachodniobaltyjska. Nowe zrodla i interpretacje. — Bialystok, 2004б. — S. 125–132.

Дубицкая, Н.Н. Раскопки городища у д. Отрубы Жлобинского района Гомельской области в 2002 г. / Н.Н. Дубицкая // МАБ. — 2005. Вып. 9. — С. 80–89.

Дубицкая, Н.Н. Раскопки городища у д.Отрубы на Нижней Березине в 2004 г. / Н.Н. Дубицкая // «Открыть миру душу белоруса…»: Міжнародная навук.-практыч. канф., прысвечаная 150-годдзю з дня нараджэння Е.Р. Раманава, 25–26 кастрычніка 2005 г. : зб. матэрыялаў / рэдкал.: А.Р. Ящчанка [і інш.]. — Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2005а. — С. 54–59.

Дубицкая, Н.Н. Технология изготовления керамической посуды в Припятском Полесье в раннем железном веке / Н.Н. Дубицкая // Тураўшчына: Мінулае, сучаснасць, будучыня. — Тураў–Мінск, 2005б. — Вып. 4. — С. 104–108.

Дубицкая, Н.Н. Исследование городища у д. Красная Горка Жлобинского района Гомельской области / Н.Н. Дубицкая // МАБ. — 2006. — Вып. 11. — С. 50–57.

Дубицкая, Н.Н. Результаты минералого-петрографического изучения керамики Прорва 1 / Н.Н. Дубицкая // Крывальцэвіч, М.М. Могільнік сярэдзіны III — пачатку II тысячагоддзя да н. э. на Верхнім Дняпры — Прорва 1 / М.М. Крывальцэвіч; Ін-т гісторыі НАН Беларусі; рэц.: В.С. Вяргей, Э.М. Зайкоўскі, В.Л. Ліпніцкая. — Мінск : ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2006а. — Дадатак 3. — С. 119–123.

Дубицкая, Н.Н. Производство керамической посуды населением Припятского Полесья в эпоху железа и раннего средневековья / Н.Н. Дубицкая / Ин-т истории НАН Беларуси; рец.: В.С. Вергей, С.Е. Рассадин, А.М. Медведев. -– Минск : Белорусская наука, 2007. — 180 с.

Дубицкая, Н.Н. Раскопки городища у д. Отрубы на Нижней Березине / Н.Н. Дубицкая // МАБ. — 2008. — № 15. — С. 194–204.

Дубицкая, Н.Н. Раскопки на городище у д. Красная Горка Жлобинского района Гомельской области в 2007 г. / Н.Н. Дубицкая // МАБ. — 2009. — № 17. — С. 162–168.

Дубіцкая, Н.М. Тэхналагічныя прыёмы вытворчасці посуду на зарубінецкім паселішчы Дражня ў Верхнім Падняпроўі / Н.М. Дубіцкая // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1988. — № 2. — С. 64–70.

Дубіцкая, Н.М. Кераміка гарадзішча Чаплін: (некаторыя пытанні тэхналогіі вытворчасці) / Н.М. Дубіцкая // Весці АН Беларусі. Серыя грамадскіх навук. — 1992. — № 3–4. — С. 56–61.

Дубіцкая, Н.М. Керамічны посуд у плямен мілаградскай культуры: (па матэрыялах гарадзішчаў у басейне р. Ведрыч) / Н.М. Дубіцкая // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. — 1998. — № 2. — С. 86–95.

Дубынин, А.Ф. Об орнаменте грузиков Троицкого городища / А.Ф. Дубынин // СА. — 1966. — № 1. — С. 269–274.

Дубынин, А.Ф. Троицкое городище / А.Ф. Дубынин // Древнее поселение в Подмосковье // МИА. — 1970. — № 156. — С. 5–98.

Дубынин, А.Ф. Щербинское городище / А.Ф. Дубынин // Дьяковская культура / Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. Ю.А. Краснов. — М. : Наука, 1974. — С. 198–281.

Евдокимов, Г.Л. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине / Г.Л. Евдокимов, М.И. Фридман // Скифы Северного Причерноморья : сб. науч. трудов / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: Б.Н. Мозолевский, В.Ю. Мурзин, В.Е. Черненко (отв. ред.); рец.: Ю.Н. Малеев, А.С. Русяева. — Киев : Наукова думка, 1987. — С. 85–115.

Егарэйчанка, А.А. Аб характары земляробства і земляробчых прылад у насельніцтва Беларускага Палесся ў раннім жалезным веку / А.А. Егарэйчанка // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1983. — № 3. — С. 77–82.

Егарэйчанка, А.А. Гарадзішча Халопенічы / А.А. Егарэйчанка // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Магілёўская вобласць / Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору АН БССР; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.), М.В. Бірыла [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1986. — С. 181–182.

Егарэйчанка, А.А. Гарадзішча Івань / А.А. Егарэйчанка // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Мінская вобласць : кн. 2 / Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору АН БССР; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.), М.В. Бірыла [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1987. — С. 181–182.

Егарэйчанка, А.А. Культура штрыхаванай керамікі / А.А. Егарэйчанка // Археалогія Беларусі : у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. — Мінск : Беларуская навука, 1999. — С. 113–173.

Егарэйчанка, А.А. Зарубінецкая культура / А.А. Егарэйчанка // Археалогія Беларусі : у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. — Мінск : Беларуская навука, 1999а. — С. 232–289.

Егорейченко, А.А. Обследование памятников в бассейнах Лани и Случи / А.А. Егорейченко // АО-1977. — М., 1978. — С. 413.

Егорейченко, А.А. Исследования памятников раннего железного века в Белорусском Полесье / А.А. Егорейченко, Т.С. Скрипченко // АО-1978. — М., 1979. — С. 433–434.

Егорейченко, А.А. Типология городищ Белорусского Полесья в раннем железном веке / А.А. Егорейченко // КСИА. — 1980. — Вып. 162. — С. 82–89.

Егорейченко, А.А. Работы в Белорусском Полесье / А.А. Егорейченко // АО-1979. — М., 1980а. — С. 360.

Егорейченко, А.А. К истории населения Белоруссии в раннем железном веке / А.А. Егорейченко // СА. — 1982. — № 1. — С. 54–61.

Егорейченко, А.А. Раскопки городища у д. Холопеничи / А.А. Егорейченко // Древности Белоруссии и Литвы : сб. ст. / Ин-т истории АН БССР, Ин-т истории АН ЛитССР; науч. ред.: Л.Д. Поболь, А.З. Таутавичюс. — Минск : Наука и техника, 1982а. — С. 67–71.

Егорейченко, А.А. Поселения Белорусского Полесья в раннем железном веке : автореф. дис. … канд. ист. наук. 07.00.06 / А.А. Егорейченко. — М., 1982б. — 24 с.

Егорейченко, А.А. Иваньское городище / А.А. Егорейченко // Древнерусское государство и славяне : материалы симпозиума, посвящ. 1500-летию Киева / Ин-т истории АН БССР; редкол.: Л.Д. Поболь, М.М. Чернявский, Г.В. Штыхов; рец.: П.Г. Козловский, М.М. Яницкая. — Минск : Наука и техника, 1983. — С. 14–15.

Егорейченко, А.А. Раскопки городища у д. Ивань / А.А. Егорейченко // АО-1981. — М., 1983а. — С. 347.

Егорейченко, А.А. Раскопки городища у д. Ивань / А.А. Егорейченко // АО-1982. — М., 1984. — С. 353.

Егорейченко, А.А. Раскопки в Ивани / А.А. Егорейченко // АО-1983. — М., 1985. — С. 387–388.

Егорейченко, А.А. Новые данные о домостроительстве в Белорусском ареале культуры штрихованной керамики / А.А. Егорейченко, М.Ф. Гурин // Актуальные проблемы историко-археологических исследований : VI Республиканская конф. молодых археологов : тезисы докладов / редкол.: Е.В. Максимов (отв.ред.) [и др.]. — Киев : Наукова думка, 1987. — С. 52–53.

Егорейченко, А.А. Племена культуры штрихованной керамики и славянский мир: (к вопросу об этнической принадлежности носителей культуры) / А.А. Егорейченко // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. — Киев, 1988. — Т. 4. — С. 61–66.

Егорейченко, А.А. Пряслица и грузики Иваньского городища / А.А. Егорейченко // Древности Литвы и Белоруссии / Ин-т истории АН ЛитССР; Ин-т истории АН БССР; науч ред.: Л.Д. Поболь, А.З. Таутавичюс. — Вильнюс : Мокслас, 1988а. — С. 64–70.

Егорейченко, А.А. Некоторые итоги семилетнего изучения городища Ивань / А.А. Егорейченко // Час, помнікі, людзі : тэзісы дакладаў міжнароднай канф., прысвечанай памяці рэпрэсаваных археолагаў / Ін-т гісторыі АН Беларусі. — Мінск, 1993. — С. 39–42.

Егорейченко, А.А. Древнейшие городища Белорусского Полесья (VII–VI вв. до н. э. — II в. н. э.) / А.А. Егорейченко; науч. ред. В.В. Седов; рец.: Э.М. Загорульский, В.С. Вергей. — Минск, 1996. — 149 с.

Еловичева, Я.К. Палинология позднеледниковья и голоцена Белоруссии / Я.К. Еловичева; Ин-т геологии, геохимии и геофизики АН Беларуси; ред. В.А. Кузнецов; рец.: О.Ф. Якушко, В.А. Кузнецов. — Минск : Навука і тэхніка, 1993. — 94 с.

Еременко, В.Е. Археологическая карта милоградской культуры / В.Е. Еременко // Славяне: Этногенез и этническая история: (Междисциплинарные исследования) : межвузовский сб. / Ленинградский гос. ун-т; под ред.: А.С. Герда, Г.С. Лебедева; рец.: А.Н. Кирпичников, К.В. Чистов. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. — С. 76–105, 156–175.

Еременко, В.Е. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры / В.Е. Еременко, В.Г. Журавлев // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени: по материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988) : сб. науч. ст. / науч. ред. М.Б. Щукин, О.А. Гей. — СПб., 1992. — С. 55–79.

Еременко, В.Е. Киселёвский клад бронзовых браслетов / В.Е. Еременко, Г.М. Залашко // ГАЗ. — 1996. — № 9. — С. 130–132.

Еременко, В.Е. «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура: Опыт реконструкции этнополитических процессов III–I вв. до н. э. в Центральной и Восточной Европе / В.Е. Еременко; Санкт-Петербургский гос. ун-т; рец.: М.Б. Щукин, Г.С. Лебедев. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. — 232 с.

Жаров, Г.В. К вопросу о юго-восточной границе ареала милоградских памятников / Г.В. Жаров, А.В. Шекун // Гомельщина: археология, история, памятники : тезисы Второй Гомельской областной науч. конф. по историч. краеведению, 1991 г. — Гомель, 1991. — С. 19–22.

Жаров, Г.В. Дослідження в басейні р. Снов / Г.В. Жаров // Археологічні дослідження в Україні 1991 року / Ін-т археології АН України; ред. кол.: Д.Н. Козак, В.І. Клочко, М.Ю. Відейко; рец.: О.В. Симоненко, Ю.Н. Малеев. — Луцьк : Надстир'я, 1993. — С 29–30.

Жаров, Г.В. К вопросу о юго-восточном пограничье милоградской культуры / Г.В. Жаров // Археологічні старожитності Подесення. — Чернігів, 1995. — С. 45 –50.

Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении : Т. 3. Литовское и Белорусское Полесье / под ред. П.П. Семенова. — СПб., 1882. — Ч. 2. — С. 233–496.

Жилинский, И.И. Очерк работ Западной экспедиции по осушению болот (1873–1898 гг.). / И.И. Жилинский; Министерство земельных и государственных имуществ. — СПб., 1899. — 744 с.

Журавлев, О.П. Остеологические материалы из памятников эпохи бронзы лесной зоны Днепро-Донского междуречья / О.П. Журавлев; Ин-т археологии НАН Украины; рец.: Я.П. Гершкович, Т.В. Крахмальная. — Киев : НАНУ, 2001. — 200 с. : 71 табл.

Завитневич, В.З. Область Дреговичей, как предмет археологического исследования / В.З. Завитневич // Труды Кіевской духовной Академии за 1886 год. — Киев, 1886. — Т. 2. — № 8. — С. 569–603.

Завитневич, В.З. Из археологической экскурсии в Припятское Полесье / В.З. Завитневич // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. — Киев, 1890. — Кн. 4. — С. 1–29.

Завитневич, В.З. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье / В.З. Завитневич // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. — Киев, 1892. — Кн. 6. — С. 11–72.

Завитневич, В.З. Археологические розысканія в бассейне реки Березины / В.З. Завитневич // Отчет Императорской археологической комиссии за 1892 год. — СПб., 1894. — С. 124–153.

Загорульский, Э.М. Древняя история Белоруссии: Очерки этнической и материальной культуры (до IX в.) / Э.М. Загорульский; рец. А.Г. Митрофанов. — Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1977. — 136 с.

Загорульский, Э.М. Милоградская и зарубинецкая культуры / Э.М. Загорульский // Веснік БГУ. Серыя 3. — 1983. — № 2. — С. 17–22.

Загорульский, Э. Два городища около деревни Кистени / Э. Загорульский // Каштоўнасці мінуўшчыны — 4: Помнікі археалогіі: праблемы аховы і вывучэння : матэрыялы канферэнцыі. — Мінск, 2001. — С. 80–84.

Зайкоўскі, Э.М. Металічныя прылады бронзавага веку Цэнтральнай і Паўночнай Беларусі / Э.М. Зайкоўскі, В.А. Цыркунова // ГАЗ. — 1996. — № 9. — С. 57–60.

Зайцева, Н.В. Ленточные глины Белоруссии / Н.В. Зайцева; Лаборат. геохимич. проблем АН БССР; под общ. ред. К.И. Лукашева. — Минск : Наука и техника, 1969. — 216 с.

Залашка, Г.М. Раскопкі ў наваколлі Ясянца / Г.М. Залашка // ПГКБ. — 1981. — № 3. — С. 46.

Залашка, Г.М. Скрбы скіфскіх курганоў / Г.М. Залашка // ПГКБ. — 1982. — № 3. — С. 43–44.

Залашка, Г.М. Помнікі ранняга жалезнага веку на правабярэжжы Прыпяці / Г.М. Залашка // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1983. — № 2. — С. 72–77.

Залашка, Г.М. Скіфскія помнікі на поўдні Беларусі / Г.М. Залашка // Помнікі культуры: Новыя адкрыцці : зб. арт. / Г.М. Залашка; Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору АН БССР; рэд. С.В. Марцэлеў; рэц.: Н.Ф. Высоцкая, М.Ф. Раманюк, У.Ф. Ісаенка. — Мінск : Навука і тэхніка, 1985. — С. 160–162.

Залашка, Г.М. Гарадзішча Ясянец-1 / Г.М. Залашка, У.Ф. Ісаенка // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць / Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору АН БССР; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.), М.В. Бірыла [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1985а. — С. 264.

Залашко, Г.М. Работы в Мозырском и Слуцком районах / Г.М. Залашко // АО-1979. — М., 1980. — С. 361.

Залашко, Г.М. Изучение памятников эпохи раннего железа на правобережье Припяти / Г.М. Залашко // АО-1980. — М., 1981. — С. 334–335.

Залашко, Г.М. Изучение древностей в бассейнах Горыни и Ствиги / Г.М. Залашко // АО-1981. — М., 1983. — С. 348–349.

Залашко, Г.М. Новый зарубинецкий могильник в Полесье / Г.М. Залашко, В.Е. Еременко // СА. — 1984. — № 2. — С. 234–239.

Залашко, Г.М. Исследования в Белорусском Полесье / Г.М. Залашко // АО-1982. — М., 1984а. — С. 354–355.

Залашко, Г.М. Исследования в южной Белоруссии / Г.М. Залашко, В.Е. Еременко // АО-1983. — М., 1985. — С. 389–390.

Залашко, Г.М. К вопросу о датировке кладов браслетов латенского времени в Поднепровье / Г.М. Залашко, В.Е. Еременко // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ : тезисы докладов III конференции молодых ученых ИА АН СССР. — М., 1986. — С. 59–61.

Залашко, Г.М. Городище «Бесова Гора» возле д. Хоромск Столинского района / Г.М. Залашко // Древности Литвы и Белоруссии / Ин-т истории АН ЛитССР; Ин-т истории АН БССР; науч ред.: Л.Д. Поболь, А.З. Таутавичюс. — Вильнюс : Мокслас, 1988. — С. 59–63.

Запольский, М. Брагинская волость : исторический очерк / М. Запольский // Календарь Северо-Западного Края на 1889 год. — М., 1889. — С. 113–117.

Збенович, В.Г. Поселение Бернашевка на Днестре: (к происхождению трипольской культуры) / В.Г. Збенович; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. В.А. Круц; рец.: А.В. Арциховский, Т.Г. Мовша. — Киев : Наукова думка, 1980. — 179 с.

Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Брэсцкая вобласць / Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору АН БССР; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.), М.В. Бірыла [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1984. — 368 с.

Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Гомельская вобласць / Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору АН БССР; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.), М.В. Бірыла [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1985. — 383 с.

Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Магілёўская вобласць / Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору АН БССР; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.), М.В. Бірыла [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1986. — 408 с.

Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Мінская вобласць. Кн. 1 / Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору АН БССР; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.), М.В. Бірыла [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1987. — 284 с.

Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Мінская вобласць. Кн. 2 / Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору АН БССР; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.), М.В. Бірыла [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1987а. — 308 с.

Зверуго, Я. Исследования Гораньского городища / Я. Зверуго // Lietuvos archeologija. — Vilnius, 1992. — Т. 9. — С. 92–103.

Звяруга, Я.Г. Беларускае Павілле ў жалезным веку і раннім сярэдневякоўі / Я.Г. Звяруга // МАБ. — 2005. — Вып. 10. — 174 с.

Зеленскій, П. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба: Минская губернія / П. Зеленскій. — СПб., 1864. — Ч. 1. — 672 с.

Зеленскій, П. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба: Минская губернія / П. Зеленскій. — СПб., 1864а. — Ч. 2. — 701 с.

Иванов, В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.) / В.А. Иванов; Ин-т истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР; отв. ред. М.Г. Мошкова. — М. : Наука, 1984. — 87. с.

Игнатьев, Р.Г. Замечательные местности в Мозырском уезде / Р.Г. Игнатьев // Памятная книжка Минской губернии 1878 года. — Минск, 1878. — Ч. 2. — С. 97–106.

Изюмова, С.А. Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси / С.А. Изюмова // КСИИМК. — 1949. — Вып. XXX. — С. 15–25.

Изюмова, С.А. О бронзолитейном производстве Сатинского городища / С.А. Изюмова // СА. — 1967. — № 1. — С. 122–139.

Ильинская, В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья / В.А. Ильинская; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. К.Ф. Смирнов. — Киев : Наукова думка, 1968. — 268 с.

Ильинская, В.А. Скифская узда IV в. до н. э. / В.А. Ильинская // Скифские древности : сб. ст. / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин; рец. А.М. Хазанов. — Киев : Наукова думка, 1973. — С. 42–63.

Ильинская, В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э) / В.А. Ильинская; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. Г.Т. Ковпаненко; рец.: Е.В. Максимов, А.И. Мелюкова. — Киев : Наукова думка, 1975. — 204 с.

Ильинская, В.А. Скифия VII–IV вв. до н. э. / В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. И.И. Артеменко; рец.: К.Ф. Смирнов, Е.В. Черненко. — Киев : Навукова думка, 1983. — 380 с.

Ильинская, В.А. Чернолесская культура / В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин // Археология Украинской ССР : в 3-х т. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. — Киев : Наукова думка, 1986. — С. 29–36.

Ильинская, В.А. Памятники Степной Скифии / В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин // Археология Украинской ССР : в 3-х т. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. — Киев : Наукова думка, 1986а. — С. 60–90.

Ильинская, В.А. Подгорцевско-милоградская культура / В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин // Археология Украинской ССР : в 3-х т. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. — Киев : Наукова думка, 1986б. — С. 178–181.

Іллінська, В.А. Верхньосульська експедиція 1947 р. / В.А. Іллінська // Археологічні пам'ятки УРСР. — Кіів, 1952. — Т. IV. — С. 34–42.

Іллінська, В.А. Скіфські сокири / В.А. Іллінська // Археологія. — 1961. — Т. 12. — С. 27–52.

Іллінська, В.А. Басівське городище / В.А. Іллінська // Археологія. — 1965. — Т. XVIII. — С. 48–76.

Іллінська, В.А. Із неопублікованих матеріалів скіфського часу в Лівобережному Лісостепу / В.А. Іллінська // Археологія. — 1968. — Т. XXI. — С. 147–163.

Ильютик, А.В. Пряслица и грузики из городищ раннего железного века бассейна Березины / А.В. Ильютик // ГАЗ. — 1994. — № 5. — С. 183–198.

Ильютик, А.В. Керамика городища Лабенщина / А.В. Ильютик // ГАЗ. — 1995. — № 6. — С. 57–77.

Ильютик, А.В. Керамика городищ железного века бассейна Березины / А.В. Ильютик // ГАЗ. — 1998. — № 13. — С. 25–39.

Ильютик, А.В. О датировке и культурной принадлежности ранних городищ железного века в бассейне Березины / А.В. Ильютик // ГАЗ. — 2002. — № 17. — С. 35–41.

Ильютик, А.В. Сорочи — поселение на р. Орессе / А.В. Ильютик, М.И. Лошенков // МАБ. — 2003. — № 8. — С. 127–152.

Ільюцік, А.У. Гарадзішча Янава / А.У. Ільюцік // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1985. — № 3. — С. 76–81.

Ільюцік, А.У. Вынікі вывучэння гарадзішча Слабодка / А.У. Ільюцік // ГАЗ. — 1994. — № 3. — С. 38–45.

Ільюцік, А.У. Гарадзішча Свіслач : матэрыялы даследавання 2000 года / А.У. Ільюцік, В.І. Кошман // МАБ. — 2003. — № 6. — С. 110–129.

Исаенко, В.Ф. Археологическая карта Белоруссии: памятники бронзового века / В.Ф. Исаенко; Бел. добровольное об-во охр. пам. ист. и культуры; Сектор археологии Ин-та истории АН БССР; под ред. Ф.В. Борисевича. — Минск : Полымя, 1976. — Вып. 3. — 151 с.

Исаенко, В.Ф Введение / В.Ф. Исаенко // Белорусская археология: Достижения археологов за годы Советской власти / Ин-т истории АН БССР; редкол.: Г.В. Штыхов, В.Ф. Исаенко, Л.Д. Поболь; рец.: П.Ф. Лысенко, А.Г. Митрофанов, О.А. Трусов. — Минск : Наука и техника, 1987. — С. 5–12.

История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э. — III в. н. э.) / В.И. Бидзиля [и др.]; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. Б.А. Колчин; рец.: Ю.А. Анисимов, А.Т. Смиленко. — Киев : Наукова думка, 1983. — 112 с.

Кабо, В.Р. У истоков производящей экономики / В.Р. Кабо // Ранние земледельцы : этнографич. очерк / Ин-т этнографии им. Н.Н Миклухо-Маклая АН СССР; отв.ред.: Н.А. Бутинов, А.М. Решетов. — Ленинград : Наука, 1980. — С. 59–85.

Каваленя, А.З. Матар'ялы з дагісторыі Тураўшчыны / А.З. Каваленя, С.С. Шутаў // Запіскі аддзелу гуманітарных навук : Кн. 11. Працы археалагічнай камісіі. — Менск, 1930. — Т. 2. — С. 339–378.

Калечиц, Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е.Г. Калечиц; Ин-т истории АН БССР; науч. ред. Д.Я. Телегин; рец.: В.Ф. Исаенко, А.Г. Митрофанов [и др.]. — Минск : Наука и техника, 1987. — 158 с.

Карта глебы / А.Р. Мядзведзеў, М.І. Смяян, І.М. Салавей // Энцыклапедыя прыроды Беларусі : у 5 т. Т. 2. Гатня–Катынь / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1983. — Каляровая карта: Глебы.

Каспарова, К.В. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья / К.В. Каспарова // АСГЭ. — 1976. — Вып. 17. — С. 35–66.

Каспарова, К.В. Некоторые спорные вопросы в изучении зарубинецкой культуры / К.В. Каспарова // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции : краткие тезисы докладов науч. конф., посвященной 60-летию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири / Гос. Эрмитаж; науч. ред. Н.К. Качалова. — СПб., 1991. — С. 21–24.

Каспарова, К.В. К вопросу о происхождении и этнической принадлежности зарубинецкой культуры / К.В. Каспарова // Гомельщина: археология, история, памятники : тезисы Второй Гомельской областной науч. конф. по историч. краеведению, 1991 г. — Гомель, 1991а. — С. 22–25.

Каханоўскі, Г.А. Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст. / Г.А. Каханоўскі; навук. рэд. Л.Д. Победь; рэц.: М.М. Улашчык, М.А. Ткачоў, М.М. Чарняўскі. — Мінск : Навука і тэхніка, 1984. — 120 с.

Квитницкий, М.В. Охранные раскопки у с. Таценки под Киевом / М.В. Квитницкий, С.Д. Лысенко// МАБ. – 2009. – № 17. – С. 262–267.

К вопросу о железообрабатывающем ремесле в степной Скифии / Б.А. Шрамко, Л.Д. Солнцев, Л.А. Фомин // СА. — 1986. — № 2. — С. 156–169.

Киркор, А.К. Природа Белоруссии / А.К. Киркор // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении : Т. 3. Литовское и Белорусское Полесье / под ред. П.П. Семенова. — СПб., 1882. — С. 329–338.

Киркор, А.К. Долина Припяти / А.К. Киркор // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении : Т. 3. Литовское и Белорусское Полесье / под ред. П.П. Семенова. — СПб., 1882а. — С. 339–356.

Киркор, А.К. Поселения в Белорусском Полесье: I. Минская губерния / А.К. Киркор // Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении : Т. 3. Литовское и Белорусское Полесье / под ред. П.П. Семенова. — СПб., 1882б. — С. 357–382.

Кирьянова, Н.А. О материалах по земледелию городища Марица / Н.А. Кирьянова // Пузикова, А.И. Марицкое городище в Посеймье / А.И. Пузикова. — М., 1981. — Приложение 4. — С. 110–111.

Ковпаненко, Г.Т. Отпечатки злаков на керамике из Трёхтемировского городища / Г.Т. Ковпаненко, З.В. Янушевич // Скифский мир / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин (отв. ред.) [и др.]; рец. К.Ф. Смирнов. — Киев : Наукова думка, 1975. — С. 147–151.

Козуб, Ю.И. Ремёсла: Металлообработка / Ю.И. Козуб // Археология Украинской ССР : в 3-х т. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. — Киев : Наукова думка, 1986. — С. 444–450.

Колчин, Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси / Б.А. Колчин // МИА. — 1953. — № 32. — 260 с.

Коляда, В.В. Роль подсечного земледелия в преобразовании ландшафтов Витебской области в раннем железном веке / В.В. Коляда // Географические аспекты рационального природопользования : сб. ст. / Ин-т геохимии и геофизики АН БССР; редкол.: К.И. Лукашев (отв. ред.), А.В. Матвеев [и др.]; рец.: О.Ф. Якушко, Н.Н. Петухова. — Минск : Наука и техника, 1985. — С. 35–40.

Корачкіна, Л.М. Зубр еўрапейскі / Л.М. Корачкіна // Энцыклапедыя прыроды Беларусі : у 5 т. Т. 2. Гатня–Катынь / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1983. — С. 379.

Коржуев, С.С. Рельеф Припятского Полесья / С.С. Коржуев; Ин-т географии АН СССР; отв. ред. С.Ю. Геллер. — М. : Изд-во АН СССР, 1960. — 142 с.

Коробкова, Г.Ф. Технология обработки шкур и выделки кожи в каменном веке / Г.Ф. Коробкова // Семенов, С.А. Технология древнейших производств (мезолит–энеолит) / С.А. Семенов, Г.Ф. Коробкова; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. А.Н. Рогачев; рец.: А.Д. Столяр, А.К. Филиппов. — Ленинград : Наука, 1983. — С. 135–190.

Коробушкина, Т.Н. Обследование Хойникского района Гомельской области / Т.Н. Коробушкина // АО-1976. — М., 1977. — С. 408.

Крайнов, Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья: (Фатьяновская культура II тысячелетия до н. э.) / Д.А. Крайнов; Ин-т археологии АН СССР. — М. : Наука, 1972. — 276 с.

Краснов, Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы / Ю.А. Краснов // МИА. — 1971. — № 174. — 168 с.

Красоўскі, А.У. Да геолёгіі і гідра-геолёгіі Палесься / А.У. Красоўскі // Матар'ялы па вывучэньню геолёгіі і карысных выкапняў Беларусі. — Менск, 1932. — Т. 5. — С. 3–42.

Кренке, Н.А. Вал Дьякова городища / Н.А. Кренке // КСИА. — 1986. — Вып. 186. — С. 90–95.

Кренке, Н.А. Рыболовство на Москве-реке с V в до н. э. по VII в н. э. / Н.А. Кренке, Е.А. Цепкин // СА. — 1991. — № 1. — С. 104–111.

Кренке, Н.А. Петрографическое изучение керамики городища Дьяково и Тушемля / Н.А. Кренке, Н.В. Лопатин // РА. — 1997. — № 1. — С. 60–67.

Кренке, Н.А. Литейные формы с Дьякова городища / Н.А. Кренке, Е.Ю. Тавлинцева // РА. — 2002. — № 4. — С. 90–110.

Кренке, Н.А. Стеклянные бусы Дьякова городища / Н.А. Кренке, О.С. Румянцева // РА. — 2008. — № 2. — С. 95–106.

Крис, Х.И. Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища / Х.И. Крис // Древнее поселение в Подмосковье // МИА. — 1970. — № 156. — С. 145–169.

Крис, Х.И. Городища дьякова типа Боршева и Селецкое / Х.И. Крис, И.Л. Черная // КСИА. — 1980. — № 162. — С. 75–82.

Крис, Х.И. Грузики дьякова типа из Боршевы / Х.И. Крис // КСИА. — 1982. — Вып. 170. — С. 40–47.

Крис, Х.И. Вал Боршевского городища / Х.И. Крис // КСИА. — 1986. — Вып. 186. — С. 95–99.

Кристаллические руководящие валуны Прибалтики / Отдел географии АН Литовской ССР, Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса, Ин-т геологии АН Эстонской ССР; Х. Вайдинг, А. Гайгалас, В. Гуделис, А. Раукас, Р. Тарвидас; под ред. В.К. Гуделиса. — Вильнюс: Минтис, 1971. — 96 с. : ил.

Крушельницкая, Л.И. Высоцкая культура / Л.И. Крушельницкая // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо) / Ин-т общественных наук АН УССР; отв. ред. А.П. Черныш. — Киев : Наукова думка, 1990. — С. 115–122.

Крушельницкая, Л.И. Раннескифская культура в Западном Подолье / Л.И. Крушельницкая // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо) / Ин-т общественных наук АН УССР; отв. ред. А.П. Черныш. — Киев : Наукова думка, 1990а. С. 151–157.

Крывальцэвіч, М.М. Прыбарскія курганныя могільнікі эпохі бронзы / М.М. Крывальцэвіч, М.У. Бычкоў // ГАЗ. — 1996. — № 9. — С. 61–76.

Крывальцэвіч, М.М. Азярное 1 — паселішча эпохі бронзы на поўначы Палесся / М.М. Крывальцэвіч // МАБ. — 1999. — Вып. 2. — 109 с.

Крывальцэвіч, М.М. З даследаванняў позняга перыяду эпохі бронзы на поўдні Беларусі / М.М. Крывальцэвіч // Zmierzch kompleksu trzciniecho-komarowskiego / Lubelskie Materialy Archeologiczne. — Lublin, 2006. — T. XIV. — S. 123–131.

Крывальцэвіч, М. Праблемы перыядызацыі і храналогіі эпохі бронзы на тэрыторыі Паўднёвай Беларусі / М.Крывальцэвіч // ГАЗ. – 2006а. – № 22. – С. 39 –52.

Кузнецова, Т.М. Зеркала из скифских памятников VI–III вв. до н. э. (классификация и хронологическое распределение) / Т.М. Кузнецова // СА. — 1987. — № 1. — С. 35–47.

Кузнецова, Т.М. Зеркала // Археология СССР: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Т.М. Кузнецова. — М. : Наука, 1989. — С. 109–110.

Кузьмина, Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии / Е.Е. Кузьмина // САИ. — 1966. — Вып. В4–9. — 150 с.

Кулаковская, Т.Н. Торфяно-болотные почвы / Т.Н. Кулаковская // Агрохимическая характеристика почв СССР / Почвенный ин-т АН СССР; отв. ред. А.В. Соколов. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. — С. 68–92.

Кухаренко, Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья / Ю.В. Кухаренко // САИ. — 1961. — Вып. Д1–29. — 70 с. : табл.

Кухаренко, Ю.В. Средневековые памятники Полесья / Ю.В. Кухаренко // САИ. — 1961а. — Вып. Е1–57. — 40 с. : табл.

Кухаренко, Ю.В. Первобытные памятники Полесья / Ю.В. Кухаренко // САИ. — 1962. — Вып. Б1–18. — 24 с. : табл.

Кухаренко, Ю.В. Зарубинецкая культура / Ю.В. Кухаренко // САИ. — 1964. — Вып. Д1–19. — 68 с.

Кухаренко, Ю.В. Древнее Полесье : автореф. дисс. … д-ра ист. наук / Ю.В. Кухаренко. — М., 1965. — 30 с.

Кухаренко, Ю.В. Из разведок в Полесье / Ю.В. Кухаренко // КСИА. — 1966. — Вып. 107. — С. 111–113.

Кучера, М.П. Городища милоградської культури в Київському Поліссі / М.П. Кучера // Археологія. — 1976. — № 20. — С.88–94.

Лашанкоў, М.І. Раскопкі ў Лоеўскім раёне / М.І. Лашанкоў // ПГКБ. — 1978. —№ 3. — С. 35–36.

Лашанкоў, М.І. Бронзавыя люстэркі / М.І. Лашанкоў // ПГКБ. — 1982. — № 2. — С. 43–44.

Лашанкоў, М.І. Раскопкі ля вёскі Ястрабка / М.І. Лашанкоў // ПГКБ. — 1983. — № 4. — С. 38–39.

Лашанкоў, М.І. Паселішча ранняга жалезнага веку / М.І. Лашанкоў // ПГКБ. — 1985. — № 3. — С. 36–38.

Лашанкоў, М.І. Тыпалогія гліняных грузікаў з усходнепалескіх гарадзішчаў мілаградскай культуры / М.І. Лашанкоў // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1989. — № 5. — С. 72–81.

Лашанкоў, М.І. Грузікі мілаградскай культуры з усходнепалескіх гарадзішчаў / М.І. Лашанкоў // Помнікі мастацкай культуры Беларусі: Новыя даследаванні : зб. арт. / Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору АН БССР; рэд. С.В. Марцэлеў; рэц.: П.А. Карнач, Э.А. Петэрсон, У.Ф. Ісаенка. — Мінск : Навука і тэхніка, 1989а. — С. 189–194.

Лашанкоў, М.І. Тэхналогія вытворчасці посуду насельніцтвам мілаградскай культуры гарадзішчаў Любны і Шапатовічы / М.І. Лашанкоў // Весці АН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. — 1993. — № 4. — С. 68–76.

Лашанкоў, М.І. Аб сувязях насельніцтва мілаградскай культуры і культуры штрыхаванай керамікі / М.І. Лашанкоў // Час, помнікі, людзі / Ін-т гісторыі АН Беларусі : тэзісы дакладаў міжнар. канф., прысвечанай памяці рэпрэсаваных археолагаў. — Мінск, 1993а. — С. 71–73.

Лашанкоў, М.І. Раскопкі гарадзішча Любны / М.І. Лашанкоў, В.І. Сычоў // ГАЗ: (Памяці Міхася Ткачова). — 1993б. — № 2. — Ч. 2. — С. 22–41.

Лашанкоў, М.І. Гарадзішчы ранняга жалеза Ніжняй Бярэзіны / М.І. Лашанкоў // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы) : Усебеларуская канф. гісторыкаў. Мінск 3–5 лют. 1993 г. : у 2 ч. Ч. 1. Гісторыя Беларусі / Мініст-ва адук. Рэсп. Беларусь; Бел. дзярж. ун-т; Ін-т гісторыі АН Беларусі; рэдкал.: М.П. Касцюк (гал. рэд.), А.П. Ігнаценка [і інш.]. — Мінск : Універсітэцкае, 1994. — С. 29–34.

Лашанкоў, М.І. Раскопы ў Бабруйскім і Бялыніцкім раёнах / М.І. Лашанкоў // Весці АН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. — 1994а. — № 4. — С. 122–123.

Лашанкоў, М.І. Аб часе з'яўлення «штрыхавікоў» у Паўднёва-Усходняй Беларусі / М.І. Лашанкоў // Этногенез и этнокультурные контакты славян : труды VI Международного Конгресса славянской археологии. — М. : Наука, 1997. — Т. 3. — С. 147–155.

Лашанкоў, М.І. Паліцкае гарадзішча і яго месца сярод помнікаў бассеіна Бярэзіны / М.І. Лашанкоў // Заслаўскія чытальні 1995 г. :матэрыялы міжнар. канф. "Гісторыя і культура Заслаўя ў святле агульнанацыянальных праблем" (9–11 лістапада 1995 г.) / Гісторыка-культурны запаведнік Заслаўе; укл. Т.С. Скрыпчанка; навук. рэд. Т.С. Скрыпчанка. — Заслаўе, 1997а. — С. 30–38.

Лашанкоў, М.І. Археалагічныя помнікі мілаградскай культуры / М.І. Лашанкоў // Археалогія Беларусі : у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. — Мінск : Беларуская навука, 1999. — С. 29–39.

Лашанкоў, М.І. Матэрыяльная культура і заняткі насельніцтва / М.І. Лашанкоў // Археалогія Беларусі : у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. — Мінск : Беларуская навука, 1999а. — С. 46–70.

Лашанкоў, М. Помнікі археалогіі жалезнага веку на Глушчыне / М. Лашанкоў // Глуская зямля: дыялог з гісторыяй : зб. матэрыялаў краязнаўчай канферэнцыі, Глуск 17 лістапада 1998 г. — Глуск, 1999б. — С. 32–41.

Лашанкоў, М. Вывучэнне гарадзішча Чорнае / М. Лашанкоў // ГАЗ. — 2004. — № 19. — С. 281–283.

Лашанкоў, М.І. Раскопкі ў Рэчыцкім раёне / М.І. Лашанкоў // ГАЗ. — 2005. — № 20. — С. 227 –228.

Лашанкоў, М.І. Палеаэтнабатанічныя даследаванні матэрыялаў з помнікаў ранняга жалезнага веку Паўднёва-Усходняй Беларусі / М.І. Лашанкоў, Д.І. Трацякоў // ГАЗ. — 2005а. — № 20. — С. 56–61.

Лашанкоў, М.І. Археабатанічныя матэрыялы жалезнага веку ў зборы Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі / М.І. Лашанкоў, Д.І. Трацякоў // Acta Archaeologica Albaruthenica / рэд. рада: Ю.М. Бохан, А.Г. Калечыц [і інш.]; рэц.: М.М. Крывальцэвіч, М.І. Лашанкоў; уклад.: М.А. Плавінскі, В.М. Сідаровіч. — Мінск : І.П. Логвінаў, 2007. — Vol. 1. — С. 86–103.

Лашанкоў, М.І. Гарошкаў / М.І. Лашанкоў // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. Т. 1. А–К / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. — С. 233–235.

Лебедев, В.Д. К вопросу об изменении ихтиофауны реки Десна в период от последней межледниковой до современной эпохи / В.Д. Лебедев // Зоологический журнал. — М., 1944. — Т. XXIII. — Вып. 5. — С. 240–249.

Лебедева, Е.Ю. Новые данные о земледелии на Среднем Дону в скифское время / Е.Ю. Лебедева // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. : сб. статей / Е.Ю. Лебедева; Ин-т археологии РАН; отв. ред. В.И. Гуляев; рец.: К.А. Смирнов, В.С. Ольховский. — М. : ИА РАН, 2001. — С. 188–195.

Лебедева, Е.Ю. Итоги археоботанических исследований на Среднем и Нижнем Дону в 2001–2003 гг. / Е.Ю. Лебедева // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. : сб. статей / Ин-т археологии РАН; отв. ред. В.И. Гуляев; рец.: А.Н. Гей, И.С. Каменецкий. — М. : ИА РАН, 2004. — С. 119–126.

Лебедева, Е.Ю. Городище Рассошки 1 — «постоянный адрес или временная прописка?» / Е.Ю. Лебедева, Е.Е Антипина // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. : сб. статей / Ин-т археологии РАН; отв. ред. В.И. Гуляев; рец.: С.Б. Вальчик, И.С. Каменецкий. — М. : ИА РАН, 2009. — С. 198–220.

Левашова, В.П. Сельское хозяйство / В.П. Левашова // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Труды ГИМ. — 1956. — Вып. 32. — С. 19–105.

Левашова, В.П. Браслеты сельского населения X–XIII вв. / В.П. Левашова // Труды ГИМ. — 1967. — Вып. 43. — С. 207–252.

Левенок, В.П. Городища Юхновской культуры / В.П. Левенок // КСИА АН УССР. — 1957. — Вып. 7. — С. 49–53.

Левенок, В.П. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) / В.П. Левенок // СА. — 1963. — № 3. — С. 79–96.

Левков, Э.А. Полезные ископаемые антропогеновых отложений БССР / Э.А. Левков, М.С. Банченко // Твердые полезные ископаемые БССР. — Минск, 1970. — С. 145–155.

Леса Белорусского Полесья (геоботанические исследования) / И.Д. Юркевич, Н.Ф. Ловчий, В.С. Гельтман; Ин-т эксперимент. бот. им. В.Ф. Купревича АН БССР; рец.: Л.П. Смоляк, И.Н. Рахтеенко. — Минск : Наука и техника, 1977. — 288 с.

Либеров, П.Д. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа (IX в. до н.э. — V в. н.э.) / П.Д. Либеров // МИА. — 1960. — № 53. — С. 110–164.

Либеров, П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца / П.Д. Либеров // МИА. — 1962. — № 113. — С. 5–85.

Либеров, П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону / П.Д. Либеров // САИ. — 1965. — Вып. Д1–31. — 112 с.

Лобай, Б.І. Кургани скіфського часу на Вінниччині / Б.І. Лобай // Археологія. — 1977. — № 21. — С. 77–84.

Лошенков, М.И. Работы Полесского отряда на Гомельщине / М.И. Лошенков, Г.М. Залашко // АО-1977. — М., 1978. — С. 419.

Лошенков, М.И. Болотное городище у д. Ястребка / М.И. Лошенков // АО-1978. — М., 1979. — С. 441–442.

Лошенков, М.И. Раскопки болотного городища в бассейне р. Брагинка / М.И. Лошенков // АО-1979. — М., 1980. — С. 366.

Лошенков, М.И. Раскопки городища у д. Лиски / М.И. Лошенков, В.В. Богомольников // АО-1980. — М., 1981. — С. 341–342.

Лошенков, М.И. О хозяйственных занятиях населения болотных городищ Южной Белоруссии / М.И. Лошенков // Древности Белоруссии и Литвы : сб. ст. / Ин-т истории АН БССР, Ин-т истории АН ЛитССР; науч. ред.: Л.Д. Поболь, А.З. Таутавичюс. — Минск : Наука и техника, 1982. — С. 80–86.

Лошенков, М.И. Работы в среднем течении р. Ведрич / М.И. Лошенков // АО-1981. — М., 1983. — С. 357–358.

Лошенков, М.И. Городища бассейна Брагинки / М.И. Лошенков // Древнерусское государство и славяне : материалы симпозиума, посвящ. 1500-летию Киева / Ин-т истории АН БССР; редкол.: Л.Д. Поболь, М.М. Чернявский, Г.В. Штыхов; рец.: П.Г. Козловский, М.М. Яницкая. — Минск : Наука и техника, 1983а. — С. 10–12.

Лошенков, М.И. Работы в бассейне р. Ведрич / М.И. Лошенков // АО-1982. — М., 1984. — С. 365.

Лошенков, М.И. Работы в Речицком районе Гомельской области / М.И. Лошенков // АО-1983. — М., 1985. — С. 400–401.

Лошенков, М.И. О хозяйственной деятельности населения городищ милоградской культуры Белорусского Полесья / М.И. Лошенков // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ : тезисы докладов III конференции молодых ученых ИА АН СССР. — М., 1986. — С. 94–95.

Лошенков, М.И. Исследования в междуречье Днепра и Нижней Припяти / М.И. Лошенков // АО-1985. — М., 1987. — С. 460–461.

Лошенков, М.И. Городища милоградской культуры восточной части Белорусского Полесья / М.И. Лошенков // Актуальные проблемы историко-археологических исследований : VI Республиканская конференция молодых археологов : тезисы докладов / редкол.: Е.В. Максимов (отв. ред.) [и др.]. — Киев : Наукова думка, 1987а. — С. 102–103.

Лошенков, М.И. Укрепления городища Ястребка / М.И. Лошенков // Древности Литвы и Белоруссии / Ин-т истории АН ЛитССР, Ин-т истории АН БССР; науч. рец.: Л.Д. Поболь, А.З. Таутавичюс. — Вильнюс : Мокслас, 1988. — С. 71–78.

Лошенков, М.И. Ремесленная деятельность населения восточно-полесских городищ милоградской культуры / М.И. Лошенков // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным : тезисы докладов IV конференции молодых ученых ИА АН СССР. — М., 1988а. — С. 116–119.

Лошенков, М.И. О жилищах населения милоградской культуры восточной части Белорусского Полесья / М.И. Лошенков // Первая Гомельская областная научная конференция по историческому краеведению. — Гомель, 1989. — С. 77–78.

Лошенков, М.И. Городища милоградской культуры восточной части Белорусского Полесья : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06 / М.И. Лошенков. — Киев, 1990. — 22 с.

Лошенков, М.И. Городище милоградской культуры Старое Красное / М.И. Лошенков // Гомельщина: археология, история, памятники : тезисы Второй Гомельской областной научной конференции по историческому краеведению 1991 года. — Гомель, 1991. — С. 16–19.

Лошенков, М.И. Материалы населения городищ бассейна Нижней Березины / М.И. Лошенков // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза : тэзісы дакладаў канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю з дня нараджэння А.Р. Мітрафанава, 10–12 снежня 1992 г. — Минск, 1992. — С. 70–73.

Лошенков, М.И. Ястребка — городище милоградской культуры / М.И. Лошенков // ГАЗ. — 1994. — № 3. — С. 46–73.

Лошенков, М.И. К вопросу о бронзолитейном ремесле населения милоградской культуры / М.И. Лошенков, Г.Б. Барцева // ГАЗ. — 1995. — № 6. — С. 78–104.

Лошенков, М.И. Обследование археологических памятников в Глусском районе и случайные находки / М.И. Лошенков // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя : Рэгіянальная навуковая канферэнцыя / Упраўленне культуры Магілёўскага аблвыканкама, Магілёўскі абласны краязн. музей; рэд савет: В.М. Аненкаў (адк. рэд), В.Ф. Капыцін. — Магілёў, 1995а. — Ч. 1. — С. 74–85.

Лошенков, М.И. Городище Палицкое / М.И. Лошенков // Iš baltų kultūros istorijos. — Vilnius, 2000. — P. 125–140.

Лошенков, М.И. Поселение культуры штрихованной керамики на юге Беларуси / М.И. Лошенков // Lietuvos archeologija. — Vilnius, 2001. — Т. 21. — С. 159–170.

Лошенков, М.И. Раскопки поселения Сорочи в Любанском районе / М.И. Лошенков // АО-1999. — М., 2001а. — С. 318–319.

Лошенков, М.И. Культурная принадлежность городища Городец в Кричеве / М.И. Лошенков // ГАЗ. — 2002. — № 17. — С. 23–34.

Лошенков, М. Булавки населения милоградской культуры / М. Лошенков // ГАЗ. — 2003. — № 18. — С. 94–105.

Лошенков, М.И. Раскопки на городище Черное в Речицком районе Белоруссии / М.И. Лошенков // АО-2003. — М., 2004. — С. 532–533.

Лошенков, М.И. Изучение городища Черное в Гомельской области / М.И. Лошенков // АО-2004. — М., 2005. — С. 545–547.

Лошенков, М.И. Новые находки милоградского времени в Беларуси / М.И. Лошенков, П.М. Кенько // ГАЗ. — 2007. — № 23. — С. 214–216.

Лошенков, М.И. Оружие населения милоградской культуры / М.И. Лошенков // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социо-религиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья : материалы международной науч.-теоретич. конференции (Витебск, 19–20 апреля 2007 г.). — Витебск, 2007а. — Ч. 1. — С. 9–11.

Лошенков, М.И. Археоботанические материалы с зарубинецкого селища Хотомель / М.И. Лошенков // Ботаника (исследования) : сб. науч. трудов / / М.И. Лошенков; Ин-т эксперимент. бот. НАН Беларуси; редкол.: Н.А. Ламан, В.И. Парфенов [и др.]. — Минск : Право и экономика, 2008. — Вып. 35. — С. 226–245.

Лошенков, М.И. Палеоботанические находки на археологических памятниках милоградской культуры Беларуси / М.И. Лошенков // Ботаника (исследования) : сб. науч. трудов / М.И. Лошенков; Ин-т эксперимент. бот. НАН Беларуси; редкол.: Н.А. Ламан, В.И. Парфенов [и др.]. — Минск : Право и экономика, 2010. — Вып. 38. — С. 404–417.

Лошенков, М.И. Археоботанические коллекции с городищ милоградской культуры Черное, Отрубы и Красная Горка в Беларуси / М.И. Лошенков // РА. — 2010а. — № 3. — С. 61–72.

Лысенко, П.Ф. Города Туровской земли / П.Ф. Лысенко; Ин-т истории АН БССР; ред. В.В. Седов; рец.: А.Г. Митрофанов, Э.М. Загорульский, Л.А. Михайловский. — Минск : Наука и техника, 1974. — 200 с.

Лысенко, С.Д. Новые данные к датировке памятников подгорцевско-милоградского типа в Киевском Поднепровье / С.Д. Лысенко // На пошану Софії Станіславівни Березанської : збірка наукових праць / Ін-т археолонії НАН України; ред. кол.: В.В. Отрощенко (відп. ред.) [та ін.].; рец.: М.І. Гладких, Л.Л. Залізняк. — Київ : Від-во «Шлях», 2005. — С. 320–327.

Лявданский, А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии / А.Н. Лявданский // Научные известия Смоленского Государственного университета. — Смоленск, 1926. — Т. 3. — Вып. 3. — С. 179–296.

Лявданский, А.Н. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции / А.Н. Лявданский // Сообщения ГАИМК. — 1932. — № 7–8. — С. 61–62.

Ляўданскі, А.Н. Краязнаўчыя організацыі і археалогія / А.Н. Ляўданскі // Наш край. — 1928. — № 12. — С. 56–61.

Ляўданскі, А. Кароткае паведамленне аб доследах культур эпохі жалеза ў БССР у 1930–1931 гг. / А. Ляўданскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук: Працы секцыі археалогіі. — Менск, 1932. — Т. 3. — С. 230–235.

Ляўданскі, А. Розныя знахадкі / А. Ляўданскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук: Працы секцыі археалогіі. — Менск, 1932а. — Т. 3. — С. 244–246.

Ляўданскі, А.Н. Да гісторыі жалезнай прамысловасці на Беларусі па данных археалёгіі / А.Н. Ляўданскі, К.М. Палікарповіч // Савецкая країна. — 1932б. — № 5. — С. 55–85.

Ляўданскі, А.Н. Да гісторыі жалезнага промыслу на Палессі / А.Н. Ляўданскі // Працы Палескай экспэдыцыі. — Менск, 1933. — Вып. 2. — С. 3–40, карта.

Ляўданскі, А.Н. Археалагічныя доследы ў БССР у 1933–1934 гг. / А.Н. Ляўданскі, К.М. Палікарповіч // Запіскі Беларускай акадэміі навук. — Мінск, 1936. — Кн. 5. — С. 210–223.

Ляшкевіч, Э. Аб рэштках рыб з раскопак Свіслацкага замка / Э. Ляшкевіч, А. Зубей // МАБ. — 2001. — № 3. — С. 270–273.

Ляпушкин, И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа / И.И. Ляпушкин // МИА. — 1961. — № 104. — 384 с.

Маеўскі, В.Я. Справаздача аб геолёгічных досьледах адкладаў бурых жалязьнякоў у раёне дрэваапрацоўчага заводу «Труд» — Жыткавіцкага раёну, пасёлкаў Красная Горка, Красны, Красны Труд і хутароў Карчмішча, Лугоўе — Старобінскага раёну / В.Я. Маеўскі // Матар'ялы па вывучэнню геолёгіі і карысных выкапняў Беларусі. — Менск, 1932. — Т. 5. — С. 95–99.

Максимов, Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры / Е.В. Максимов; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. М.И. Вязьмитина; рец. Л.М. Славин. — Киев : Наукова думка, 1972. — 183 с.

Максимов, Е.В. К вопросу о зарубинецких городищах на Среднем Приднепровье / Е.В. Максимов // Скифский мир : сб. ст. / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский, А.И. Тереножкин (отв. ред.); рец. К.Ф. Смирнов. — Киев : Наукова думка, 1975. — С. 186–192.

Максимов, Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР / Е.В. Максимов; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. В.И. Бидзиля; рец.: Н.Н. Бондарь, Р.В. Терпиловский. — Киев : Наукова думка, 1982. — 184 с.

Максимов, Е.В. Зарубинецкая культура / Е.В. Максимов // Археология Украинской ССР : в 3 т. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. — Киев : Наукова думка, 1986. — С. 14–34.

Максимов, Е.В. Зарубинецкая культура / Е.В. Максимов, И.П. Русанова // Археология СССР: Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. — М. : Наука, 1993. — С. 20–39.

Макушнікаў, А.А. Гомель / А.А. Макушнікаў // Археалогія Беларусі : энцыклапедыя : у 2 т. Т. 1. А–К / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. — С. 250–253.

Маргелаў, С.П. Да пытання аб рэсурсах Палесься БССР / С.П. Маргелаў // Працы Палескай экспэдыцыі. — Менск, 1933. — С. 9–60.

Мартинкевич, Ф.С. Специализация сельского хозяйства Белорусского Полесья / Ф.С. Мартинкевич // Вопросы географии Белоруссии. — Минск, 1960. — Вып. 1. — С. 123 –138.

Махно, Є. Дві пам'ятки бронзової доби в басейні р. Тетерева / Є. Махно // Археологічні пам'ятки УРСР. — Київ, 1949. — Т. II. — С. 205–211.

Медведев, А.М. Поселения культуры штрихованной керамики Беларуси (некоторые экономические и социальные аспекты в расселении) / А.М. Медведев // ГАЗ. — 1994. — № 3. — С. 74–102.

Медведев, А.М. Посоховидные булавки / А.М. Медведев // ГАЗ. — 1995. — № 7. — С. 172–201.

Медведев, А.М. Беларуское Понеманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. — V в. н. э.) / А.М. Медведев; Ин-т истории АН Беларуси. — Минск, 1996. — 200 с.

Медведев, А.П. Курган скифского времени у с. Абрамовка / А.П. Медведев, К.Ю. Ефимов // Археолгия Среднего Дона в скифскую эпоху : труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. — М. : Институт археологии РАН, 2001. — С. 202–210.

Мельниковская, О.Н. Древнейшие городища Южной Белоруссии / О.Н. Мельниковская // КСИИМК. — 1957. — Вып. 70. — С. 28–39.

Мельниковская, О.Н. Памятники раннего железного века Верхнего Поднепровья / О.Н. Мельниковская // КСИА АН УССР. — 1957а. — Вып. 7. — С. 46–48.

Мельниковская, О.Н. Клад латенского времени из Юго-Восточной Белоруссии / О.Н. Мельниковская // МАБ. — 1957б. — Т. 1. — С. 149–154.

Мельниковская, О.Н. Могильник милоградской культуры в дер. Горошков в Южной Белоруссии / О.Н. Мельниковская // СА. — 1962. — № 1. — С. 163–172.

Мельниковская, О.Н. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в южной Белоруссии / О.Н. Мельниковская // СА. — 1963. — № 1. — С. 32–42.

Мельниковская, О.Н. Памятники раннего железного века Юго-Восточной Белоруссии / О.Н. Мельниковская // КСИА. — 1963а. — Вып. 94. — С. 9–19.

Мельниковская, О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке / О.Н. Мельниковская; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. Ю.В. Кухаренко. — М. : Наука, 1967. — 196 с.

Мелюкова, А.И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре / А.И. Мелюкова // КСИИМК. — 1953. — Вып. 51. — С. 60–73.

Мелюкова, А.И. Вооружение скифов / А.И. Мелюкова // САИ. — 1964. — Вып. Д1–4. — 92 с.

Мелюкова, А.И. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия / А.И. Мелюкова // Археология СССР: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М. : Наука, 1989. — С. 92–100.

Метельский, А.А. Становление Посожских городов Смоленской земли / А.А. Метельский // ГАЗ. — 1997. — № 12. — С. 181–186.

Милюченков, С.А. Белорусское народное гончарство / С.А. Милюченков; Ин-т искусствовед., этногр. и фольклора АН БССР; науч. ред. В.К. Бондарчик; рец.: Е.П. Бусыгин, Ю.Ф. Лащук, В.С. Гурков. — Минск : Наука и техника, 1984. — 183 с.

Минасян, Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья / Р.С. Минасян // АСГЭ. — 1978. — № 19. — С. 74–85.

Минералого-петрографическое описание образцов керамики из поселений Белорусского Поднепровья / Н.Н. Дубицкая, Т.И. Левкова, М.И. Лошенков // МАБ. — 2002. — № 4. — С. 72–149.

Митрофанов, А.Г. К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа : автореф. дисс. … канд. ист. наук / А.Г. Митрофанов. — Ленинград, 1955. — 18 с.

Митрофанов, А.Г. Железный век средней Белоруссии / А.Г. Митрофанов; Ин-т истории АН БССР; науч. ред. Г.В. Штыхов; рец.: П.Ф. Лысенко, Э.М. Загорульский, А.З. Таутавичюс. — Минск : Наука и техника, 1978. — 160 с.

Митрофанов, А.Г. Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э. — IX в. н. э.) / А.Г. Митрофанов // Из древнейшей истории балтских народов: (По данным археологии и антропологии) / Ин-т истории АН Латвийской ССР; редкол.: Р.Я. Денисова, Ф.А. Загорскис, Э.С. Мугуревич (отв. ред). — Рига : Зинатне, 1980. — С. 102–110.

Митрофанов, А.Г. Рецензия на кн.: Поболь, Л.Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век (Минск, 1983) / А.Г. Митрофанов // СА. — 1986. — № 1. — С. 286–293.

Мозолевский, Б.Н. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине / Б.Н. Мозолевский // Скифские древности : сб. ст. / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин (отв. ред.), Е.В. Черненко; рец. А.М. Хазанов. — Киев : Наукова думка, 1973. — С. 187–234.

Мозолевский, Б.Н. Скифский курган у с. Ерковцы на Киевщине / Б.Н. Мозолевский // Скифский мир : сб. ст. / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский, А.И. Тереножкин (отв. ред); рец. К.Ф. Смирнов. — Киев : Наукова думка, 1975. — С. 211–217.

Монгайт, А.Л. Археология Западной Европы: Бронзовый и железный века / А.Л. Монгайт; Ин-т археологии АН СССР. — М. : Наука, 1974. — 408 с.

Моруженко, А.А. Оборонительные сооружения городищ Поворсклья в скифскую эпоху / А.А. Моруженко // Скифский мир : сб. ст. / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: В.А. Ильинская, Б.Н. Мозолевский, А.И. Тереножкин (отв. ред); рец. К.Ф. Смирнов. — Киев : Наукова думка, 1975. — С. 133–146.

Моруженко, А.А. Новые данные о развитии земледельческого хозяйства на поселениях VII–III вв. до н. э. в бассейне Ворсклы / А.А. Моруженко, З.В. Янушевич // Проблемы археологии Поднепровья III–I тыс. до н. э. : межвузовский сб. науч. трудов / Мин-во высш. и сред. спец. образованя СССР; Днепропетровский гос. ун-т; редкол.: И.И. Артеменко, Н.Я. Мерперт, И.Ф. Ковалева (отв. ред.) [и др.]; рец.: С.С. Березанская. — Днепропетровск : ДГУ, 1984. — Вып. 1. — С. 128–141.

Моруженко, А.А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н. э. / А.А. Моруженко // СА. — 1985. — № 1. — С. 160–178.

Моруженко, А.А. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Ворсклы / А.А. Моруженко // СА. — 1988. — № 1. — С. 33–52.

Мошеева, О.Н. Глазчатые бусы / О.Н. Мошеева // РА. — 2008. — № 4. — С. 23–33.

Мядзведзеў, А. Гаспадарчыя заняткі ў жалезным веку / А. Мядзведзеў, М. Лашанкоў // Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 1. Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Экаперспектыва, 2000. — С. 106–114.

Мяцельскі, А.А. Крычаў / А.А. Мяцельскі, А.М. Ткачоў // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: В.В. Гетаў, У.Ф. Ісаенка [і інш.]. — Мінск : БелЭН, 1993. — С. 347–348.

Мяцельскі, А.А. Воласць крывічоў у XII — сярэдзіне XVI стст.: тэрыторыя, адміністрацыйна-гаспадарчы падзел, паселішчы / А.А. Мяцельскі // ГАЗ. — 2000. — № 15. — С. 81–92.

Начальный этап обработки железа в лесостепной и степной Скифии / Б.А. Шрамко, Л.Д. Фомин, Л.А. Солнцев // СА. — 1977. — № 1. — С. 57–74.

Нефёдова, Е.С. К вопросу о браслетах «латенского стиля» / Е.С. Нефёдова // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени : по материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988) : сб. науч. ст. / науч. ред. М.Б. Щукин, О.А. Гей. — СПб., 1992. — С. 21–34.

Никольская, Т.Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. / Т.Н. Никольская // МИА. — 1959. — № 72. — 152 с.

Новые исследования техники обработки железа в Скифии / Б.А. Шрамко, Л.Д. Фомин, Л.А. Солнцев // СА. — 1971. — № 4. — С. 140–153.

Новые раскопки на Черниговщине / А.В. Шекун [и др.] // АО-1977. — М., 1978. — С. 401–402.

Обломский, А.М. Верхнеднепровский вариант зарубинецкой культуры : автореф. дис. … канд. ист. наук. 07.00.06 / А.М. Обломский. — М., 1983.

Онайко, Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. / Н.А. Онайко // САИ. — 1970. — Вып. Д1–27. — 213 с.

Очерки по археологии Белоруссии / Ин-т истории АН БССР; редкол.: В.Ф. Исаенко, А.Г. Митрофанов, Г.В. Штыхов. — Минск : Наука и техника, 1970. — Ч. 1. — 272 с.

Падин, В.А. Юхновские поселения средней Десны / В.А. Падин // СА. — 1966. — № 2. — С. 137–150.

Палікарповіч, К.М. Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сажа / К.М. Палікарповіч // Запіскі аддзелу гуманітарных навук : Кн. 5. Працы катэдры археолёгіі. — Менск, 1928. — Т. 1. — С. 123–252.

Палікарповіч, К.М. Доследы культур каменнага і бронзавага перыядаў у усходняй Беларусі / К.М. Палікарповіч // Запіскі аддзелу гуманітарных навук : Кн. 5. Працы катэдры археолёгіі. — Менск, 1928а. — Т. 1. — С. 263–274.

Палікарповіч, К.М. Вынікі археалагічных даследаванняў на Беларусі пасля Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі / К.М. Палікарповіч // Весці АН БССР. Серыя гістарычная. — 1947. — Вып. 1. — С. 53–74.

Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион) / Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессонова, С.А. Скорый; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. Б.Н. Мозолевский. — Киев : Наукова думка, 1989. — 336 с.

Панаев, С. Серп / С. Панаев // Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук: Пшеница–Соломорезка. — СПб., 1903. — Т. VIII. — С. 1026–1027.

Пачкова, С.П. Металлургический центр зарубинецкой культуры у села Лютеж // СА. — 1970. — № 1. С. — 140–151.

Петренко, В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. / В.Г. Петренко // САИ. — 1967. — Вып. Д1–4. — 180 с.

Петренко, В.Г. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. / В.Г. Петренко // САИ. — 1978. — Вып. Д4–5. — 144 с.

Петренко, В.Г. Украшения и булавки / В.Г. Петренко // Археология СССР: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М. : Наука, 1989. — С. 106–108.

Петров, В.П. Подсечное земледелие / В.П. Петров; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. В.О. Довженок. — Киев : Наукова думка, 1968. — 228 с.

Петровская, Е.А. Находки скифского времени у с. Казаровичи Киевской области / Е.А. Петровская // Археологические исследования на Украине в 1968 г. — Киев, 1971. — Вып. 3. — С. 148–150.

Петровська, Є.О. Курган VI ст. до н. э. біля с. Мала Офірна на Київщині / Є.О. Петровська // Археологія. — 1968. — Т. XXI. — С. 164–174.

Петровська, Є.О. Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва / Є.О. Петровська // Археологія. — 1970. — Т. XXIV. — С. 129–139.

Петровська, Є.О. Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я / Є.О. Петровська // Археологія. — 1971. — № 2. — С. 9–22.

Петровська, Є.О. Стародавні знахідки з с. Ораного на Київщині / Є.О. Петровська // Археологія. — 1971а. — № 3. — С. 83–85.

Петровська, Є.О. Акінак із с. Забір'я поблизу Київа / Є.О. Петровська, І.І. Іванов // Археологія. — 1975. — № 16. — С. 64–65.

Післарій, І.О. Про ткацтво в добу міді–бронзы та раннього заліза / І.О. Післарій // Археологія. — 1982. — № 38. — С. 70–81.

Побаль, Л.Д. Гарадзішча Багушэвічы Мінскай вобласці: (Да пытання аб паўночнай граніцы плямён мілаградскай і зарубінецкай культур у басейне сярэдняй Беразіны) / Л.Д. Побаль // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1968. — № 3. — С. 61–66.

Побаль, Л.Д. Спорныя пытанні лакалізацыі плямён паўночнай часткі верхняга Падняпроўя ў БССР у раннім жалезным веку / Л.Д. Побаль // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1974. — № 2. — С. 138–142.

Побаль, Л.Д. Баравікі / Л.Д. Побаль // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыклапедыя / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: В.В. Гетаў, У.Ф. Ісаенка [і інш.]. — Мінск : БелЭН, 1993. — С. 73–74.

Поболь, Л.Д. Рыбы Чаплинского городища / Л.Д. Поболь, Е.А. Цепкин // Весці АН БССР. Серыя біялагічных навук. — 1960. — № 2. — С. 137–140.

Поболь, Л.Д. Поселения и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине : автореф. дисс. … канд. ист. наук. 07.00.06 / Л.Д. Поболь. — М., 1960а. — 20 с.

Поболь, Л.Д. Деревянное рало из торфяника у дер. Каплановичи / Л.Д. Поболь // Acta Baltico-Slavica. — Białystok, 1967. — Т. 5. — С. 117–128.

Поболь, Л.Д. Поселения железного века около д. Щатково Бобруйского района / Л.Д. Поболь // Белорусские древности. — Минск, 1967а. — С. 182–242.

Поболь, Л.Д. Древности Туровщины / Л.Д. Поболь; Ин-т истории АН БССР. — Минск, 1969. — 141 с.

Поболь, Л.Д. Племена раннего этапа зарубинецкой культуры / Л.Д. Поболь // Очерки по археологии Белоруссии / Ин-т истории АН БССР; редкол.: В.Ф. Исаенко [и др.]. — Минск : Наука и техника, 1970. — Ч. 1. — С. 138–151.

Поболь, Л.Д. Городище Кистени / Л.Д. Поболь // МИА. — 1970а. — № 176. — С. 48–50.

Поболь, Л.Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкай культуры) / Л.Д. Поболь; Ин-т истории АН БССР; ред. Ю.В. Кухаренко. — Минск : Наука и техника, 1971. — 232 с.

Поболь, Л.Д. Посоховидные булавки (о времени их появления, территории распространения и этнической принадлежности) / Л.Д. Поболь // Acta archeologica Carpathica. — Kraków, 1971а. — Т. 12. — Р. 1–2. — S. 239–247.

Поболь, Л.Д. Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры) / Л.Д. Поболь; Ин-т истории АН БССР; ред. Ю.В. Кухаренко. — Минск : Наука и техника, 1973. — 280 с.

Поболь, Л.Д. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры с середины III в. до н. э. по начало II в. н. э.) / Л.Д. Поболь; Ин-т истории АН БССР; ред. Ю.В. Кухаренко. — Минск : Наука и техника, 1974. — 424 с.

Поболь, Л.Д. Древности Белоруссии в музеях Польши / Л.Д. Поболь; Ин-т истории АН БССР; науч. ред. Ю.В. Кухаренко; рец.: Л.В. Алексеев, Э.М. Загорульский. — Минск : Наука и техника, 1979. — 208 с. : ил.

Поболь, Л.Д. Археологические памятники Белоруссии: Железный век / Л.Д. Поболь; Ин-т истории АН БССР; науч. ред. М.А. Ткачев. — Минск : Наука и техника, 1983. — 456 с.

Погодин, М. Историческая система Ходоковского / М. Погодин // Русский исторический сборник. — М., 1837. — Т. 1. — Кн. 3. — С. 3–109.

Погодин, М. Донесение о первых успехах путешествия Зоріяна Долуга Ходаковского / М. Погодин // Русский исторический сборник. — М., 1844. — Т. 7. — 378 с.

Погодин, М. Письмо Ходаковского к З.Я. Корнееву / М. Погодин // Киевская Старина. — Киев, 1891. — Т. 33. — С. 469–475.

Подгурский, П.Н. Новые сведения о Кривельском городище / П.Н. Подгурский // Магілёўшчына. — Магілёў, 1997. — Вып. 7. — С. 3–5.

Подгурский, П.Н. Кривель — памятник днепро-двинской культуры в Могилевском Поднепровье / П.Н. Подгурский // Беларусь и Европа: взаимодействие культур: (история, уроки, опыт, современность) : материалы международной науч.-практич. конференции, 30 ноября — 1 декабря 2000 г. — Витебск, 2000. — С. 242–243.

Покровська, Є.Ф. Хотівське городище / Є.Ф. Покровська // Археологічні пам'ятки УРСР. — Київ, 1952. — Т. IV. — С. 12–20.

Покровська, Є.Ф. Курган біля с. Сеньківки / Є.Ф. Покровська // Археологія. — 1965. — Т. XVIII. — С. 139–149.

Полін, С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток / С.В. Полін // Археологія. — 1987. — № 59. — С. 17–36.

Помнікі Хойніцкага раёна / М.М. Казлоўская, А.М. Кулагін, Т.М. Каробушкіна // ПГКБ. — 1983. — № 3. — С. 13–18.

Признаки хозяйственной деятельности человека в пыльцевых спектрах голоцена Беларуси / В.П. Зерницкая, Г.И. Симакова, И.Д. Павлова // ГАЗ. — 2001. — № 16. — С. 5–19.

Природные условия / И.С. Лупинович, П.П. Роговой, Н.П. Булгаков // Агрохимическая характеристика почв СССР / Почвенный ин-т АН СССР; отв. ред. А.В. Соколов. — М. : Изд-во АН СССР. — 1962. — С. 5–12.

Пронина, И.Г. Остатки животных из поселений III в. до н. э. — V в. н. э. на территории Минской области БССР / И.Г. Пронина, В.Е. Гарутт // МАБ. — 1957. — Т. 1. — С. 165–181.

Пузикова, А.И. Поселения Среднего Дона / А.И. Пузикова // МИА. — 1969. — № 151. — С. 41–81.

Пузикова, А.И. Марицкое городище в Посеймье / А.И. Пузикова; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. А.И. Мелюкова. — М. : Наука, 1981. — 120 с.

Пузикова, А.И. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье) / А.И. Пузикова; Ин-т археологии РАН; рец.: Т.М. Кузнецова, В.С. Ольховский. — М., 1997. — 126 с.

Пузикова, А.И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья : (Публикация комплексов) / А.И. Пузикова; Ин-т археологии РАН; рец.: В.Е. Маслов, В.С. Ольховский. — М. : Индрик, 2001. — 272 с.

Радзиевская, В.Е. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище / В.Е. Радзиевская, Б.А. Шрамко // СА. — 1980. — № 4. — С. 181–189.

Радзієвська, В.Є. Техніка прядіння у населення лісостепової Скіфії / В.Є. Радзієвська // Археологія. —1979. — № 32. — С. 19–26.

Разін. Карысныя выкапні БССР і пэрспэктывы іх скарыстаньня / Разін, Палеес // Савецкая краіна. — 1932. — № 5. — С. 38–45.

Разлуцкая, А.А. Речной бобр стоянки Осовец 2 / А.А. Разлуцкая // ГАЗ. — 1999. — № 14. — С. 98–103.

Разлуцкая, А.А. Ритуальное захоронение животных на поселении Сорочи в Центральном Полесье / А.А. Разлуцкая // Старажытнасці Рагачоўшчыны : матэтыялы навукова-практыч. канферэнцыі / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; Рагачоўскі краязн. музей; навук. рэд. А.М. Мядзведзеў; рэц.: А.А. Мяцельскі, А.В. Іоў; уклад.: Г.В. Цітовіч, І.М. Язэпенка. — Мінск–Рагачоў, 2000. — С. 52–57.

Разлуцкая, А. Паляванне старажытных браслаўчан / А. Разлуцкая // Браслаўскія чытанні — 2000. — Браслаў, 2001. — С. 83–85.

Разуваев, Ю.Д. Акинак из с. Латное Воронежской области / Ю.Д. Разуваев, А.В. Курьянов // Археологические памятники бассейна Дона : межвузовский сб. науч. трудов / Воронежский госпедуниверситет. — Воронеж, 2004. — С. 191–192.

Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці / Я.Н. Рапановіч; рэд. П.П. Шуба; рэц.: В.А. Жучкевіч, М.І. Алексяюк. — Мінск : Навука і тэхніка, 1980. — 176 с.

Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Мінскай вобласці / Я.Н. Рапановіч; рэд. П.П. Шуба; рэц.: В.А. Жучкевіч, С.М. Грабчыкаў, Г.А. Каханоўскі. — Мінск : Навука і тэхніка, 1981. — 360 с.

Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Магілёўскай вобласці / Я.Н. Рапановіч; рэд. П.П. Шуба; рэц.: В.А. Жучкевіч, С.М. Грабчыкаў, І.Я. Яшкін, Г.А. Каханоўскі. — Мінск : Навука і тэхніка, 1983. — 240 с.

Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Гомельскай вобласці / Я.Н. Рапановіч; рэд. П.П. Шуба; рэц.: С.М. Грабчыкаў, Г.А. Каханоўскі. — Мінск : Навука і тэхніка, 1986. — 240 с.

Рассадзін, С.Я. На старажытных гарадзішчах / С.Я. Рассадзін // ПГКБ. — 1982. — № 3. — С. 40–41.

Рассадзін, С.Я. Гарадзішча Чарацяка-2 / С.Я. Рассадзін // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Гомельская вобласць / Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору АН БССР; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.), М.В. Бірыла [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1985. — С. 142.

Рассадзін, С. Жывёлы ў старажытным мастацтве / С. Рассадзін // Мастацтва Беларусі. — 1988. — № 8. — С. 75–76.

Рассадзін, С.Я. Інвентар мілаградскага пахавання каля в. Прыборск у Кіеўскім Палессі / С.Я. Рассадзін, С.А. Скоры // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1991. — № 3. — С. 74–79.

Рассадзін, С.Я. Ніжнесожскія гарадзішчы ранняга жалезнага веку: тыпалогія і культурна-хранапагічная дыферэнцыяцыя / С.Я. Рассадзін // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1991а. — № 6. — С. 72–80.

Рассадзін, С.Я. Да пытання аб сувязях старажытнага насельніцтва Беларусі са скіфскімі землямі ў VIII–III стст. да н. э. / С.Я. Рассадзін // Весці АН Беларусі. Серыя грамадскіх навук. — 1992. — № 2. — С. 66–74.

Рассадзін, С.Я. Землі амаль невядомыя: Будучая Беларусь паводле антычных манускрыптаў / С.Я. Рассадзін; рэд. В.А. Фядосік. — Мінск : Полымя, 1996. — 95 с.

Рассадзін, С.Я. Тэрыторыя і варыянты культуры / С.Я. Рассадзін // Археалогія Беларусі : у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча / пад рэд.: В.І. Шадыра, В.С. Вяргей. — Мінск : Беларуская навука, 1999. — С. 39–46.

Рассадзін, С.Я. Храналогія і этнічная прыналежнасць / С.Я. Рассадзін // Археалогія Беларусі : у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча / пад рэд.: В.І. Шадыра, В.С. Вяргей. — Мінск : Беларуская навука, 1999а. — С. 70–75.

Рассадин, С.Е. Разведки в Посожье / С.Е. Рассадин // АО-1980. — М., 1981. — С. 343–344.

Рассадин, С.Е. Новые данные о городищах эпохи раннего железа Посожья / С.Е. Рассадин // Древнерусское государство и славяне : материалы симпозиума, посвящ. 1500-летию Киева / Ин-т истории АН БССР; редкол.: Л.Д. Поболь, М.М. Чернявский, Г.В. Штыхов; рец.: П.Г. Козловский, М.М. Яницкая. — Минск : Наука и техника, 1983. — С. 12–14.

Рассадин, С.Е. Работы в Гомельской области / С.Е. Рассадин // АО-1982. — М., 1984. — С. 367–369.

Рассадин, С.Е. О новых основах хронологии милоградской культуры / С.Е. Рассадин // Актуальные проблемы историко-археологических исследований : VI Республиканская конференция молодых археологов : тезисы докладов / редкол.: Е.В. Максимов (отв.ред.) [и др.]. — Киев : Наукова думка, 1987. — С. 137–138.

Рассадин, С.Е. Раскопки Волчасского городища / С.Е. Рассадин // АО-1986. — М., 1988. — С. 376–377.

Рассадин, С.Е. Свидетельства о земледельцах Гомельщины в скифское время / С.Е. Рассадин // Сельское хозяйство: история, современный опыт и перестройка : тезисы докладов конференции 27–29 октября, г. Гомель. — Гомель, 1988а. — С. 3–5.

Рассадин, С.Я. О времени бытования одного из типов ажурных украшений / С.Е. Рассадин // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным : тезисы докладов IV конференции молодых ученых ИА НА СССР. — М., 1988б. — С. 121–123.

Рассадин, С.Е. Милоградская культура : (актуальные проблемы исследования) : автореф. дисс. … канд. ист. наук. 07.00.06 / С.Е. Рассадин. — Киев, 1989. — 20 с.

Рассадин, С.Е. Среднебелорусский вариант милоградской культуры или памятники типа нижних слоев Лабенщины? / С.Е. Рассадин // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1989 : тезисы докладов научно-практич. конференции. — Псков, 1990. — С. 68–70.

Рассадин, С.Е. О находках из Белоруссии — свидетельствах контактов ее жителей с Лесостепью скифской эпохи / С.Е. Рассадин // Гомельщина: археология, история, памятники : тезисы Второй Гомельской областной науч. конференции по историч. краеведению 1991 года. — Гомель, 1991. — С. 13–15.

Рассадин, С.Е. Ажурные украшения подгорцевского стиля / С.Е. Рассадин // ГАЗ. — 1994. — № 5. — С. 263–274.

Рассадин, С.Е. Милоградская культура: ареал, хронология, этнос / С.Е. Рассадин; рец.: В.С. Вергей, А.М. Медведев. — Минск : ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2005. — 106 с.

Рассадин, С.Е. Числа, от единицы до десятка, на грузике из городища милоградской культуры Присно II / С.Е. Рассадин // МАБ. — 2006.— Вып. 11. — С. 208–209.

Рассадин, С.Е. Юхновская культура в белорусско-российском Посожье / С.Е. Рассадин // МАБ. – 2007. – № 14. – С. 37–53.

Рассадин, С.Е. Первые славяне. Славяногенез / С.Е. Рассадин; науч. ред. С.П. Витязь; рец.: В.А. Федосик, А.М. Медведев. — Минск : Белорусский Экзархат, 2008. — 288 с.

Растительность Белоруссии, ее картографирование, охрана и использование / И.Д. Юркевич, Д.С. Голод, В.С. Адерихо. — Минск : Наука и техника, 1979. — 247 с. — Приложение: Карта растительности Белорусской ССР: Почвенная карта.

Рельеф Белорусского Полесья / А.В. Матвеев [и др.] / Ин-т геохимии и геофизики АН БССР; ред. Б.Н. Гурский; рец.: О.Ф. Якушко, М.А. Вальчик. — Минск : Наука и техника, 1982. — 131 с.

Ремесло энеолита–бронзы на Украине / С.С. Березанская [и др.]; Ин-т археологии АН Украины; отв. ред. И.Т. Черняков. — Киев : Наукова думка, 1994. — 190 с.

Рецензия на кн.: Поболь, Л.Д. Славянские древности Белоруссии (Минск, 1971); он же. Славянские древности Белоруссии (Минск, 1973); он же. Славянские древности Белоруссии (Минск, 1974) / К.В. Каспарова, Д.А. Мачинский, М.Б. Щукин // СА. — 1976. — № 4. — С. 241–253.

Роговой, П.П. Пойменные (аллювиальные) почвы. Пойменные дерновые почвы. Пойменные торфяно-болотные почвы / П.П. Роговой, И.А. Юшкевич // Почвы Белорусской ССР / Белорус. науч.-исслед. ин-т почвоведения и агрохимии; под ред. Т.Н. Кулаковской, П.П. Рогового, Н.И. Смеян. — Минск : Ураджай, 1974. — С. 186–197.

Розанова, Л.С. Технологическая характеристика железных изделий из памятников Курского Посеймья / Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова // КСИА. — 1988. — Вып. 194. — С. 30–36.

Розанова, Л.С. Характеристика железообрабатывающего производства в лесостепной зоне / Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова // Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе / Терехова Н.Н. [и др.]; Ин-т археологии РАН; Рос. гуманит. науч. фонд; отв.ред. Е.Н. Черных. — М. : Металлургия, 1997. — С. 95–119.

Розанова, Л.С. Характеристика техники железообработки в лесной зоне / Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова // Очерки по истории древней железообработки в Восточнй Европе / Терехова Н.Н. [и др.]; Ин-т археологии РАН; Рос. гуманит. науч. фонд; отв. ред. Е.Н. Черных. — М. : Металлургия, 1997а. — С. 120–156.

Розенфельд, И.Г. Керамика Троицкого городища / И.Г. Розенфельд // Древнее поселение в Подмосковье // МИА. — 1971. — № 184. — С. 6–79.

Розенфельд, И.Г. Керамика дьяковской культуры / И.Г. Розенфельд // Дьяковская культура / Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. Ю.А. Краснов. — М. : Наука, 1974. — С. 90–197.

Романов, Е.Р. Раскопки в Могилёвской губернии в 1888 году / Е.Р. Романов // Древности : Труды императирского московского археологического общества. — М., 1889. — Т. 13. — Вып. 1. — С. 129–153.

Романов, Е.Р. Археологический очерк Гомельского уезда / Е.Р. Романов // Записки Северо-Западного отделения Императорского Русского Географического общества. — Вильна, 1910. — Кн. 1. — С. 97–128.

Романова, Т.А. Дерново-подзолистые заболоченные почвы / Т.А. Романова, И.Н. Соловей // Почвы Белорусской ССР / Белорус. науч.-исслед. ин-т почвоведения и агрохимии; под ред. Т.Н. Кулаковской, П.П. Рогового, Н.И. Смеян. — Минск : Ураджай, 1974. — С. 142–159.

Ромашко, В.А. Природно-климатические условия и хозяйственная деятельность населения пограничья степи и лесостепи левобережной Украины на рубеже II–I тыс. до н. э. / В.А. Ромашко // Проблемы археологии Поднепровья : Межвузовский сб. науч. трудов / Мин-во высш. и сред. спец. образования СССР; Днепропетр. гос. ун-т; редкол.: И.И. Артеменко, И.Ф. Ковалева (отв. ред.) [и др.]; рец.: А.Д. Пряхин, С.С. Березанская. — Днепропетровск : ДГУ, 1986. — Вып. 2. — С. 120–136.

Рыбалова, В.Д. О связях Правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху поздней бронзы и раннего железа / В.Д. Рыбалова // Исследования по археологии СССР. — Ленинград, 1961. — С. 80–95.

Рыбаков, Б.А. Геродотова Скифия : историко-географический анализ / Б.А. Рыбаков; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. Д.Б. Шилов. — М. : Наука, 1979. — 247 с.

Рыбаков, Б.А. Язычество Древней Руси / Б.А. Рыбаков; Ин-т археологии АН СССР; рец.: В.П. Даркевич, С.А. Плетнева. — М. : Наука, 1987. — 783 с.

Рындина, Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы / Н.В. Рындина. — М. : Изд-во Московского ун-та, 1971. — 175 с.

Рынейскі, А. Археалагічныя разведкі на р. Пціч / А. Рынейскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук: Працы секцыі археалогіі. — Менск, 1932. — Т. 3. — С. 196–214.

Савукинене, Н.П. Влияние субатлантического ухудшения климата на развитие земледелия в Литве в свете палинологических исследований / Н.П. Савукинене, А.А. Сейбутис // Первобытный человек и природная среда. — М., 1971. — С. 247–251.

Савукинене, Н.П. Основные фазы развития земледелия в Литве по палинологическим данным / Н.П. Савукинене, А.А. Сейбутис // Палинология в континентальных и морских геологических исследованиях. — Рига, 1976. — С. 91–100.

Савченко, Е.И. Могильник скифского времени «Терновое 1 — Колбино 1» на Среднем Дону (погребальный обряд) / Е.И. Савченко // Археологичя Среднего Дона в скифскую эпоху : труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000. — М., 2001. — С. 53–143.

Савченко, Е.И. Наступательное вооружение (копья) населения Среднего Дона (по материалам из могильников «Терновое 1 — Колбино 1») / Е.И. Савченко // Археолгические памятники Восточной Европы : межвузовский сб. науч. трудов. — Воронеж : Воронежский гос. пед. ун-т, 2002. — С. 134–138.

Савченко, Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону / Е.И. Савченко // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003. — М. : Институт археологии РАН, 2004. — С. 151–277.

Савченко, Е.И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник / Е.И. Савченко // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. : сб. статей / Ин-т археологии РАН; отв. ред. В.И. Гуляев; рец.: С.Б. Вальчик, И.С. Каменецкий. — М. : ИА РАН, 2009. — С. 221–328.

Савчук, А.П. Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине / А.П. Савчук // КСИА АН УССР. — 1952. — Вып. 1. — С. 56–58.

Сайко, Э.В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII–XII вв. / Э.В. Сайко; Ин-т истории АН Таджикской ССР; отв. ред. А.И. Августиник. — Душанбе, 1966. — 212 с.

Сайко, Э.В. Режим обжига в практике древних и средневековых гончаров Востока / Э.В. Сайко // КСИА. — 1981. — Вып. 167. — С. 43–48.

Сайко, Э.В. Становление керамического и металлообрабатывающего производства / Э.В. Сайко, Н.Н. Терехова // Становление производства в эпоху энеолита и бронзы / Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. Б.А. Колчин, Э.В.Сайко. — М. : Наука, 1981а. — С. 72–122.

Сайко, Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии / Э.В. Сайко; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред.: Б.А. Колчин, В.М. Массон. — М. : Наука, 1982. — 212 с.

Самоквасов, Д.Я. Историческое значение городищ / Д.Я. Самоквасов // Труды третьего археологического съезда в России. — Киев, 1878. — Т. 1. — С. 225–235.

Санько, П.М. Естественные луга Белоруссии, их характеристика и оценка / П.М. Санько; науч. ред. А.Г. Медведев; рец.: Г.И. Горецкий, А.Л. Семенов, Т.А. Романова. — Минск : Наука и техника, 1983. — 247 с.

Сапрыкина, И.А. Литейные формы из раскопок Мутёнковского городища / И.А. Сапрыкина // Труды ГИМ. — 2005. — Вып. 145. — С. 204–211.

Сведения 1873 г. о городищах и курганах // Известия Императорской археологической комиссии. — СПб., 1903. — Вып. 5. — С. 29–64.

Свєшников, І.К. Пам'ятки милоградської культури в басейні р. Горинь / І.К. Свєшников // Археологія. — 1971. — № 2. — С. 68–81.

Свешников, И.К. Милоградская культура / И.К. Свешников // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо) / Ин-т общественных наук АН УССР; отв. ред. А.П. Черныш. — Киев : Наукова думка, 1990. — С. 162–164.

Седов, В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) / В.В. Седов // МИА. — 1960. — № 92. — 158 с.

Седов, В.В. Городище Церковище / В.В. Седов // КСИА. — 1964. — Вып. 102. — С. 70–74.

Седов, В.В. Рецензия на кн.: Третьяков П.Н., Шмидт Е.А. Древние городища Смоленщины (М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1963. 193 с.) / В.В. Седов // СА. — 1965. — № 4. — С. 274–278.

Седов, В.В. Булавки Восточных балтов в эпоху раннего железа / В.В. Седов // Acta Baltico-Slavica. — Białystok, 1967. — T. 5. — S. 129–145.

Седов, В.В. Культура днепро-двинского междуречья в конце I тыс. до н. э. / В.В. Седов // СА. — 1969. — № 2. — С. 116–125.

Седов, В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья / В.В. Седов // МИА. — 1970. — № 163. — 200 с.

Седов, В.В. Рецензия на кн.: Мельниковская, О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке (М. : Наука, 1967. 196 с.) / В.В. Седов // СА. — 1970а. — № 2. — С. 265–272.

Седов, В.В. Происхождение и ранняя история славян / В.В. Седов; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. Б.А. Рыбаков. — М. : Наука, 1979. — 157 с.

Седов, В.В. Днепровские балты / В.В. Седов // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов : сб. ст. / Ин-т истории АН ЛитССР; редкол.: Р. Волкайте-Куликаускене (отв. ред), В. Мажюлис [и др.]. — Вильнюс : Мокслас, 1985. — С. 20–30.

Семенов, С.А. Первобытная техника / С.А. Семенов // МИА. — 1957. — № 54. — 240 с.

Семенов, С.А. Раннее керамическое производство / С.А. Семенов, Г.Ф. Коробкова // Семенов, С.А. Технология древнейших производств (мезолит–энеолит) / С.А. Семенов, Г.Ф. Коробкова; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. А.Н. Рогачёв; рец.: А.Д. Столяр, А.К. Филиппов. — Ленинград : Наука, 1983. — С. 191–234.

Сержпутовскій, А.К. Земледельческія орудія белорусского Полесья / А.К. Сержпутовскій // Матеріалы по этнографіи Россіи. — СПб., 1910. — Т. 1. — С. 45–59.

Сидорович, О.М. Роговые грузики дьяковского типа на памятниках железного века Беларуси / О.М. Сидорович // ГАЗ. — 2002. — № 17. — С. 42–43.

Сікорський, М.І. Знахідки в с. Козинці Переяслав-Хмельницкого району / М.І. Сікорський, А.П. Савчук // Археологія. — 1971. — № 4. — С. 65–73.

Синюк, А.Т. Сасовские курганы на реке Потудани / А.Т. Синюк // Древние памятники на территории Восточной Европы // Известия Воронежского ордена «Знак Почета» государственного педагогического института. — Воронеж, 1983. — Т. 227. — С. 91–111.

Скифские курганы Никопольщины / А.И. Тереножкин [и др.] // Скифские древности : сб. ст. / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин (отв. ред.), Е.В. Черненко; рец. А.М. Хазанов. — Киев : Наукова думка, 1973. — С. 113–186.

Смеян, Н.И. Почвенно-географическое районирование территории Белорусской ССР / Н.И. Смеян, И.Н. Соловей // Почвы Белорусской ССР / Белорус. науч.-исслед. ин-т почвоведения и агрохимии; под ред. Т.Н. Кулаковской, П.П. Рогового, Н.И. Смеян. — Минск : Ураджай, 1974. — С. 233–261.

Смирнов, К.А. К вопросу о назначении грузиков дьякова типа / К.А. Смирнов // СА. — 1961. — № 3. — С. 45–55.

Смирнов, К.А. К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища / К.А. Смирнов // Древнее поселение в Подмосковье / МИА. — 1971. — № 184. — С. 80–98.

Смирнов, К.А. Дьяковская культура / К.А. Смирнов // Дьяковская культура / Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. Ю.А. Краснов. — М. : Наука, 1974. — С. 7–89.

Смирнов, К.А. Раскопки городища у д. Савики / К.А. Смирнов // КСИА. — 1986. — № 186. — С. 88–90.

Смирнов, К.Ф. Вооружение савроматов / К.Ф. Смирнов // МИА. — 1961. — № 101. — 162 с. : ил.

Смирнов, К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры / К.Ф. Смирнов // Археология СССР: Степи еврепейской части СССР в скифо-сарматское время. — М. : Наука, 1989. — С. 165–177.

Смирнова, Г.И. О работах на раннескифском поселении у с. Долиняны в 1985 и 1987 гг. / Г.И. Смирнова // АСГЭ. — 1998. — Вып. 33. — С. 33–48.

Соболь, В.Е. Обследование памятников на Гомельщине / В.Е. Соболь // АО-1975. — М., 1976. — С. 426–427.

Станкевич, Я.В. К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. / Я.В. Станкевич // МИА. — 1960. — № 76. — С. 7–323.

Стецко, В.В. Некоторые результаты изучения лёссовых пород Белоруссии / В.В. Стецко // Вопросы географии Белоруссии / Географич. общ-во Белоруссии при АН БССР; редкол.: К.И. Лукашёв (гл. ред.), В.Д. Дементьев [и др.]; отв. ред. Л.Н. Вознячук. — Минск, 1960. — Вып. 1. — С. 62 –73.

Сыроватко, А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: К характеристике локальных вариантов дьяковской культуры / А.С. Сыроватко; Мин-во образ. Московской области; Коломенский гос. пед. ин-т; науч. ред. С. Григорян; рец.: И.В. Исланова, В.В. Сидоров. — М. : Изд-во «CheBuk», 2009. — 352 с.

Тарановіч, В.П. Старасьветчына Мазыршчыны ў матэрыяльных помніках / В.П. Тарановіч // Наш край. — 1928. — № 8–9. — С. 37–44.

Татур, Г.Х. Археологическое значение Минской губернии / Г.Х. Татур // Памятная книжка Минской губернии 1878 г. — Минск, 1878. — Ч. 2. — С. 108–122.

Татур, Г.Х. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и ее археологическое значение / Г.Х. Татур. — Минск, 1892. — 276 с.

Тереножкин, А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье / А.И. Тереножкин; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. С.Н. Бибиков. — Киев : Изд-во АН УССР, 1961. — 248 с.

Технология обработки железа в лесостепной и степной Скифии / Б.А. Шрамко, Л.А. Солнцев, Л.Д. Фомин // СА. — 1963. — № 4. — С. 49–51.

Титов, В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов / В.С. Титов; Ин-т искусствовед., этногр. и фольклора АН БССР; ред. В.К. Бондарчик; рец.: К.В. Чистов, А.Г. Митрофанов, Л.М. Соловей. — Минск : Наука и техника, 1983. — 152 с.

Ткачев, М.А. Работы в Белорусском Посожье / М.А. Ткачев // АО-1975. — М., 1976. — С. 427–428.

Ткачоў, М.А. Гарадзішча «Замак» / М.А. Ткачоў // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Магілёўская вобласць / Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору АН БССР; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.), М.В. Бірыла [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1986. — С. 275.

Торфяно-болотные почвы / А.С. Мееровский, И.Н. Соловей, И.Н. Афанасьев // Почвы Белорусской ССР / Белорус. науч.-исслед. ин-т почвоведения и агрохимии; под ред.: Т.Н. Кулаковской, П.П. Рогового, Н.И. Смеян. — Минск : Ураджай, 1974. — С. 169–186.

Третьяков, П.Н. Восточнославянские племена / П.Н. Третьяков; АН СССР; отв. ред. Б.Д. Греков. — М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1948. — 184 с.

Третьяков, П.Н. Восточнославянские племена / П.Н. Третьяков; Ин-т истории материальной культуры АН СССР; отв. ред. А.Д. Удальцов. — М. : Изд-во АН СССР, 1953. — 312 с.

Третьяков, П.Н. Городища-святилища левобережной Смоленщины / П.Н. Третьяков // СА. — 1958. — № 4. — С. 170–186.

Третьяков, П.Н. Чаплинское городище / П.Н. Третьяков // МИА. — 1959. — № 70. — С. 119–153.

Третьяков, П.Н. Моховское второе городище / П.Н. Третьяков // КСИА. — 1960. — Вып. 81. — С. 43–48.

Третьяков, П.Н. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура / П.Н. Третьяков // СА. — 1960а. — № 1. — С. 36–46.

Третьяков, П.Н. Археологические исследования в 1954–1962 годах и их основные итоги / П.Н. Третьяков // Третьяков, П.Н. Древние городища Смоленщины / П.Н. Третьяков, Е.А. Шмидт; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. И.И. Ляпушкин. — М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1963. — С. 9–41.

Третьяков, П.Н. Городище Тушемля / П.Н. Третьяков // Третьяков, П.Н. Древние городища Смоленщины / П.Н. Третьяков, Е.А. Шмидт; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. И.И. Ляпушкин. — М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1963а. — С. 42–71.

Третьяков, П.Н. Мокрядинское городище / П.Н. Третьяков // Третьяков, П.Н. Древние городища Смоленщины / П.Н. Третьяков, Е.А. Шмидт; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. И.И. Ляпушкин. — М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1963б. — С. 71–93.

Третьяков, П.Н. Городища у деревень Лахтаево и Колычёво / П.Н. Третьяков // Третьяков, П.Н. Древние городища Смоленщины / П.Н. Третьяков, Е.А. Шмидт. — М.–Л., 1963в. — С. 117–123.

Третьяков, П.Н. Раскопки на болотных городищах / П.Н. Третьяков // Третьяков, П.Н. Древние городища Смоленщины / П.Н. Третьяков, Е.А. Шмидт; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. И.И. Ляпушкин. — М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1963г. — С. 123–129.

Третьяков, П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге / П.Н. Третьяков; Ин-т археолгии АН СССР. — М.–Л. : Наука, 1966. — 308 с.

Третьяков, П.Н. У истоков древнерусской народности / П.Н. Третьяков // МИА. — 1970. — № 179. — 156 с.

Третьяков, П.Н. По следам древних славянских племен / П.Н. Третьяков; Отделение истории АН СССР; под ред. Б.А. Рыбакова, Э.А. Сымоновича. — Ленинград : Наука, 1982. — 143 с.

Уводзіны / У.Д. Будзько [і інш.] // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Магілёўская вобласць / Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору АН БССР; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.), М.В. Бірыла [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1986. — С. 9–42.

Фехнер, М.В. Бобровый промысел в Волго-Окском междуречье / М.В. Фехнер // СА. — 1989. — № 3. — С. 71–78.

Формозов, А.А. Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего железа / А.А. Формозов // СА. — 1984. — № 4. — С. 238–241.

Фосс, М.Е. Костяные и деревянные изделия стоянки Вережье / М.Е. Фосс // МИА. — 1941. — № 2. — С. 212–235.

Фядзюшын, А.У. Новыя даныя аб дзікім каце (Felis silvestris Schreb) на Беларусі / А.У. Фядзюшын // Матар'ялы да вывучэння флёры і фаўны Беларусі. — Мінск, 1929. — Т. 4. — С. 105–108.

Хомутова, Л.С. Металлообработка на поселениях дьяковской культуры / Л.С. Хомутова // СА. — 1978. — № 2. — С. 62–77.

Хомутова, Л.С. Кузнечная обработка на поселениях Смоленщины в эпоху железа / Л.С. Хомутова // КСИА. — 1982. — Вып. 170. — С. 27–34.

Цалкин, В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси / В.И. Цалкин // МИА. — 1956. — № 51. — 186 с.

Цалкин, В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа / В.И. Цалкин // МИА. — 1960. — № 53. — С. 7–109.

Цалкин, В.И. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке / В.И. Цалкин // МИА. — 1962. — № 107. — С. 5–96.

Цалкин, В.И. Животноводство и охота племен восточноевропейской лесостепи в раннем железном веке / В.И. Цалкин // МИА. — 1966. — № 135. — С. 3–107.

Циглис, Я. Железные клиновидные топоры в Латвии / Я. Циглис // Archaeologia Lituana / Vilniaus universiteto archeologijos katedra. — Vilniaus universiteto leidykla. — 2003. — № 4. — P. 112–121.

Циндровська, О.Л. Колекція матеріалів раннього залізного віку з фондів Археологічного музею / О.Л. Циндровська // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. — Київ, 1998. — С. 152.

Чайкоўскі, П. «Млыноцкі вал» / П. Чайкоўскі // Наш край. — 1928. — № 8–9. — С. 45–46.

Чарняўскі, М.М. Паўночнабеларуская культура / М.М. Чарняўскі // Археалогія Беларусі : у 4 т. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. — Мінск : Беларуская навука, 1997. — С. 311–330.

Чарняўскі, М. Металічныя вырабы са стаянак паўночнабеларускай культуры / Макс. Чарняўскі // Археалагічны зборнік / Нацыянальны музей гіст. і культ. Белакрусі; рэдкал.: С.М. Гаўрылава, П.С. Хацько (гал. рэд.) [і інш.]; рэц.: А.Г. Калечыц, С.В. Тарасаў; уклад.: М.А. Плавінскі, В.М. Сідаровіч. — Мінск : Юніпак, 2006. — Вып. 1. — С. 18–21.

Чернай, И.Л. Глиняные грузики городища Марица / И.Л. Чернай // Пузикова, А.И. Марицкое городище в Посеймье / А.И. Пузикова. — М., 1981. — Приложение № 5. — С. 111–120.

Чернявский, И.М. Архитектурно-археологические исследования в Гомельской и Гродненской областях / И.М. Чернявский // АО-1981. — М., 1983. — С. 363–364.

Чернявский, И.М. Исследования памятников средневековой гражданской архитектуры / И.М. Чернявский // АО-1982. — М., 1984. — С. 375.

Членова, Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры / Н.Л. Членова; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. М.Г. Воробьева. — М. : Наука, 1967. — 299 с.

Членова, Н.Л. Раскопки могильника Камышенка на Северном Алтае / Н.Л. Членова // Из истории Сибири / Томский гос. ун-т. — Томск, 1974. — Вып. 15. — С. 112–119.

Членова, Н.Л. Могильник VI в. до н. э. Султан-гора III под Кисловодском / Н.Л. Членова // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Ин-т археологии АН СССР; под ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. — М. : Наука, 1984. С. 235–241.

Черненко, Е.Е. Случайные находки из урочища Татарская Горка возле Чернигова / Е.Е. Черненко // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст : материалы тематической научной конференции, Санкт-Петербург, 16–19 декабря 2008 г. / Санкт-Петербургский гос. университет; редкол.: Д.Г. Савинов (отв. ред.), В.Н. Седых, В.И. Беляева, Н.А. Лазаревская. — СПб., 2008. — С. 115–118.

Чэшка, В.У. Знаходкі бронзавага веку на захадзе Гомельскай вобласці / В.У. Чэшка // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. — 1978. — № 1. — С. 109–114.

Шадыра, В.І. Днепра-дзвінская культура / В.І. Шадыра // Археалогія Беларусі : у 4 т. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. — Мінск, Беларуская навука, 1999. — С. 174–231.

Шадыра, В. Раскопкі гарадзішча «Выспянская Гара» на возеры Селява Крупскага раёна / В. Шадыра // ГАЗ. — 2005. — № 20. — С. 230–231.

Шадыро, В.И. Племена днепро-двинской культуры Белорусского Подвинья (VIII–VII вв. до н. э. — IV в. н. э.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. 07.00.06 / В.И. Шадыро. — Ленинград, 1981. — 20 с.

Шадыро, В.И. Ранний железный век северной Белоруссии / В.И. Шадыро; Ин-т истории АН БССР; рец.: Г.В. Штыхов, В.Д. Будько, В.Б. Перхавко. — Минск : Наука и техника, 1985. — 126 с.

Швецов, А.А. О возрасте, природных факторах и тенденциях развития геокомплексов Полесья / А.А. Швецов // Географические аспекты рационального природопользования : сб. ст. / Ин-т геохимии и геофизики АН БССР; редкол.: К.И. Лукашёв (отв. ред.), А.В. Матвеев [и др.]; рец.: О.Ф. Якушко, Н.Н. Петухова. — Минск : Наука и техника, 1985. — С. 25–29.

Швецов, А.А. Антропогенные изменения геокомплексов Мозырского Полесья от неолита до средних веков / А.А. Швецов // Географические аспекты рационального природопользования : сб. ст. / Ин-т геохимии и геофизики АН БССР; редкол.: К.И. Лукашёв (отв. ред.), А.В. Матвеев [и др.]; рец.: О.Ф. Якушко, Н.Н. Петухова. — Минск : Наука и техника, 1985а. — С. 29–35.

Шевченко, А.А. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино 1 на Среднем Дону / А.А. Шевченко // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. : сб. статей / Ин-т археологии РАН; отв. ред. В.И. Гуляев; рец.: С.Б. Вальчик, И.С. Каменецкий. — М. : ИА РАН, 2009. — С. 26–111.

Шекун, А.В. Работы Черниговской областной археологической экспедиции / А.В. Шекун // АО-1980. — М., 1981. — С. 321–322.

Шекун, А.В. Исследования на Черниговщине / А.В. Шекун // АО-1981. — М., 1983. — С. 332–333.

Шекун, А.В. Исследования в Черниговской области / А.В. Шекун // АО-1982. — М., 1984. — С. 342–343.

Шекун, А.В. Могильник милоградской культуры у с. Деснянка близ Чернигова / А.В. Шекун // Археологічні старожитності Подесення. — Чернігів, 1995. — С. 152–158.

Шелов, Д.Б. Ремесленное производство / Д.Б. Шелов // Археология СССР: Античные государства Северного Причерноморья. — М. : Наука, 1984. — С. 162–173.

Шендаков, Г.Н. О пряслицах срубной культуры / Г.Н. Шендаков // СА. — 1970. — № 1. — С. 238–241.

Шмаглий, Н.М. Находки раннескифского времени у с. Троянова под Житомиром / Н.М. Шмаглий // СА. — 1960. — № 4. — С. 152–155.

Шмидт, Е.А. К вопросам хронологии и этнической принадлежности древнейших городищ верховьев Днепра / Е.А. Шмидт // Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1961 года / Ин-т истории Лат.ССР; Мин-во культуры Латвийской ССР. — Рига, 1962. — С. 38–40.

Шмидт, Е.А. Городище у д. Новые Батеки / Е.А. Шмидт // Третьяков, П.Н. Древние городища Смоленщины /П.Н. Третьяков, Е.А. Шмидт; Ин-т археологии АН СССР; отв. ред. И.И. Ляпушкин. — М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1963. — С. 141–176.

Шмидт, Е.А. Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий в железном веке (VIII в. до н. э. — III–IV вв. н. э.) : автореф. дис. … канд. ист наук / Е.А. Шмидт. — М., 1963а. — 22 с.

Шмидт, Е.А. Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII века н. э.) / Е.А. Шмидт; Смоленское отдел. всероссийского общ-ва охраны пам. ист. и культуры. — Смоленск, 1976. — 288 с.

Шмидт, Е.А. Оборонительные сооружения восточнобалтских племен днепродвинской культуры середины I тысячелетия до н. э. / Е.А. Шмидт // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий : сб. ст. / Ин-т истории Эстонской ССР; под. ред. Ю. Селиранда. — Таллин, 1985. — С. 180–192.

Шмидт, Е.А. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства : 1. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. — III в н. э.) / Е.А. Шмидт; Смоленский государственный педагогический университет им К. Маркса; рец.: Д.А. Авдусин, Д.И. Будаев. — М. : Прометей, 1992. — 208 с.

Шмидт, Е.А. Городище Самсонцы в Смоленском Подвинье / Е.А. Шмидт // Смоленские древности: Городища Смоленской земли / Центр по охране и использованию памятников истории и культуры; гл. ред. Ф.Э. Модестов. — Смоленск, 2002. — Вып. 2. — С. 98–166.

Шпилевский, П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П.М. Шпилевский // Современник. — 1853. — Т. XL. — № 8. — С. 39–110.

Шпилевский, П.М. Мозырщина / П.М. Шпилевский // Архив исторических и практических сведений относящихся до России. — СПб., 1859. — Кн. 3. — С. 1–49.

Шпилевский, П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П.М. Шпилевский; предисл., текстол. подгот., прим. и комментарии С.А. Кузняевой. — Минск : Беларусь, 2004. — 251 с. : ил.

Шрамко, Б.А. Новые поселения и жилища скифского времени в бассейне Северного Донца / Б.А. Шрамко // КСИИМК. — 1954. — Вып. 54. — С. 105–115.

Шрамко, Б.А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке / Б.А. Шрамко // СА. — 1957. — № 1. — С. 178–198.

Шрамко, Б.А. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе / Б.А. Шрамко // СА. — 1961. — № 1. — С. 73–90.

Шрамко, Б.А. Древности Северского Донца / Б.А. Шрамко; отв. ред. К.Э. Гриневич. — Харьков : Изд-во гос. ун-та им. А.М. Горького, 1962. — 404 с.

Шрамко, Б.А. Новые данные о добыче железа в Скифии // КСИА. — 1962а. — Вып. 91. — С. 72–77.

Шрамко, Б.А. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника / Б.А. Шрамко // СА. — 1964. — № 4. — С. 84–100.

Шрамко, Б.А. Металёві знаряддя виробництва лісостепової Скіфії (ножі) / Б.А. Шрамко // Питання історії народів СРСР. — Харків, 1965. — Вип. 1. — С. 137–152.

Шрамко, Б.А. Господарство лісостеповых племен на території України (VII–III ст. до н. э.) / Б.А. Шрамко // Український історичний журнал. — Київ, 1971. — № 1. — С. 53–61.

Шрамко, Б.А. Восточное укрепление Бельского городища / Б.А. Шрамко // Скифские древности : сб. ст. / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин; рец. А.М. Хазанов. — Киев : Наукова думка, 1973. — С. 82–112.

Шрамко, Б.А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон / Б.А. Шрамко // Скифский мир / Ин-т археологии АН УССР; редкол.: В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин (отв. ред.) [и др.]; рец. К.Ф. Смирнов. — Киев : Наукова думка, 1975. — С. 94–132.

Шрамко, Б.А. Культурные растения Скифии / Б.А. Шрамко, З.В. Янушевич // СА. — 1985. — № 2. — С. 47–64.

Шрамко, Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон) / Б.А. Шрамко; Ин-т археологии АН УССР; отв. ред. Е.В. Черненко; рец.: В.И. Бидзиля, В.К. Михеев, Д.П. Недопако. — Киев : Наукова думка, 1987. — 183 с.

Шрамко, Б.А. Люботинское городище / Б.А. Шрамко // Люботинское городище / редкол.: Ю.В. Буйнов, Б.А. Шрамко [и др.]; рец.: С.Д. Крыжицкий. — Харьков : Регион-информ, 1998. — С. 9–131.

Штыхов, Г.В. Археологическая карта Белоруссии: памятники железного века и эпохи феодализма / Г.В. Штыхов; под ред. Ф.В. Борисевича. — Минск : Полымя, 1971. — Вып. 2. — 276 с.

Штыхов, Г.В. Обследование городищ и курганов в Речицком районе / Г.В. Штыхов // АО-1976. — М., 1977. — С. 419–420.

Шут, К.П. Памятники раннего железного века на севере Белоруссии / К.П. Шут // Древности Белоруссии. — Минск, 1966. — С. 166–182.

Шут, К.П. Городища эпохи раннего железа на северо-западе Белоруссии / К.П. Шут // Доклады к XI конференции молодых ученых Белоруской ССР. — Минск, 1967. — С. 406–424.

Шут, К.П. Городище Кубличи Ушачского района / К.П. Шут // Древности Белоруссии. — Минск, 1969. — С. 262–289.

Шчаглова, В.В. Аб свойскіх жывёлах Чаплінскага гарадзішча / В.В. Шчаглова, Л.Д. Побаль // Весці АН БССР. Серыя біялагічных навук. — 1959. — № 4. — С. 122–134.

Шчаглова, В.В. Аб фаўне дзікіх жывёл Чаплінскага гарадзішча / В.В. Шчаглова, Л.Д. Побаль // Весці АН БССР. Серыя біялагічных навук. — 1960. — № 1. — С. 116 –129.

Щеглова, В.В. О видовом составе и соотношении между домашними и дикими животными на городищах эпохи раннего железа северной Белоруссии / В.В. Щеглова // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. — Минск, 1969. — С. 106–109.

Щеглова, В.В. Роль охоты в снабжении мясом населения на территории Беларуси в X–XIV вв. / В.В. Щеглова // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі: Новыя матэрыялы і даследаванні / Ін-т гісторыі АН Беларусі; нав. рэд. В.М. Ляўко; рэц.: В.Ф. Голубеў, Л.У. Дучыц, А.Р. Мітрафанаў. — Мінск : Навука і тэхніка, 1993. — С. 74–82.

Щеглова, В.В. Об остатках дикой лесной кошки на городище Ястребка / В.В. Щеглова, М.И. Лошенков // Літасфера. — Мінск, 1995. — № 2. — С. 173–175.

Щукин, М.Б. На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе / М.Б. Щукин; Российская Археологическая Библиотека — № 2. — СПб. : Фарн, 1994. — 324 с. : ил.

Энгельс, Ф. Фортификация / Ф. Энгельс // Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Госполитиздат, 1959. — Т. 14. — С. 326–351.

Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М. : Госполитиздат, 1961. — Т. 21. — С. 23–178.

Юшчанка, І.Х. Археалагічныя доследы ў Гомельскай акрузе / І.Х. Юшчанка // Запіскі аддзелу гуманітарных навук : Кн. 11. Працы археалагічнай камісіі. — Менск, 1930. — Т. 2. — С. 513–515.

Юшчанка, І.Х. Археалагічнае абследаванне р. Брагінкі (вадазбор ніжняй Прыпяці) / І.Х. Юшчанка // Запіскі аддзелу гуманітарных навук: Працы секцыі археалогіі. — Менск, 1932. — Т. 3. — С. 241–242.

Яковенко, Е.В. Скіфська зброя в Менському краєзнавчому музеї / Е.В. Яковенко, В.Ф. Покотило // Археологія. — 1979. — № 30. — С. 90–91.

Янушевич, З.В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям / З.В. Янушевич; Ботанич. сад АН Молдавской ССР; отв. ред. Ф.Х. Бахтеев. — Кишинев : Штиинца, 1976. — 216 с.

Яроміна, В.А. Фізіка-геаграфічнае раянаванне / В.А. Яроміна // Энцыклапедыя прыроды Беларусі : у 5 т. Т. 5. Стаўраструм–Яшчур / рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1986. — С. 199–200, каляровая карта.

Filip, J. Keltove ve stredni Evrope / J. Filip. — Praha, 1956. — T. 5.

Pietkiewicz, Cz. Chojniki / Cz. Pietkiewicz // Ziemia. — 1927. — № 15–16. — S. 249–252.

Pobol, L. Z badan nad ceramika kultur bialoruskego Naddnieprza w okresie od VII w. p. n. e. do V w. n. e. / L. Pobol, L. Kociszewski // Archeologia Polska. — Wroclaw–Warszawa–Krakow, 1968. — T. XIII. — Z. 2. — S. 474–489.

Wegrzynowicz, T. Zabytki z epoki brazu i wczesnej epoki zeluza z Ukrainy i Białorusi w zbiorach Panstwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie / Teresa Wegrzynowicz. — Warszawa, 2001. — 123 s.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Бычков, Н.В. Отчет о полевых исследованиях в 1981 году / Н.В. Бычков // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 842.

Дробушевский, А.И. Отчет об археологических разведках в Кормянском и Чечерском районах Гомельской области за 1982 год / А.И. Дробушевский // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 784, 784а.

Дробушевский, А.И. Отчет об археологических исследованиях в Гомельской области в 1989 году / А.И. Дробушевский // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 1141.

Дробушевский, А.И. Отчет об археологических исследованиях в Гомельской области в 1993 году / А.И. Дробушевский // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 1482.

Егорейченко, А.А. Отчет о полевых археологических работах в 1978 году / А.А. Егорейченко // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 595.

Залашко, Г.М. Отчет об археологических исследованиях в 1981 году / Г.М. Залашко // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 805.

Лошенков, М.И. Отчет о полевых исследованиях в Полесье за 1977 год / М.И. Лошенков // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 570.

Лошенков, М.И. Отчет о полевых археологических работах в бассейне реки Брагинки в 1978 году / М.И. Лошенков // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 577.

Лошенков, М.И. Отчет о полевых археологических работах в Логойском районе и в бассейне реки Брагинки в 1979 году / М.И. Лошенков // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 637.

Лошенков, М.И. Отчет о раскопках пойменного городища в бассейне реки Ведрич и дообследовании в Логойском районе в 1980 году / М.И. Лошенков // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 677.

Лошенков, М.И. Отчет о работе в бассейне реки Ведрич и обследовании Оршанского района в 1981 году / М.И. Лошенков // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 779.

Лошенков, М.И. Отчет о раскопках городища Лиски и работах в бассейне речки Днеприк в 1982 году / М.И. Лошенков // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 810.

Лошенков, М.И. Отчет о раскопках городищ раннего железного века в Речицком районе в 1983 году / М.И. Лошенков // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 840.

Лошенков, М.И. Отчет об обследовании памятников археологии в междуречье Днепра и нижней Припяти в 1985 году / М.И. Лошенков // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 911.

Лошенков, М.И. Отчет о полевых работах в Глусском, Бобруйском и Речицком районах в 1987 году / М.И. Лошенков // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 1017.

Лошенков, М.И. Отчет об исследованиях в Бобруйском и Речицком районах летом 1988 года / М.И. Лошенков // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 1067.

Лошенков, М.И. Отчет о раскопках городища Черное в Речицком районе Гомельской области в 2003 году / М.И. Лошенков // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 2061.

Лошенков, М.И. Отчет об исследованиях городища Черное в 2004 году на Левобережье Днепра в Речицком районе / М.И. Лошенков // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 2138.

Лявданский, А.Н. Дневник по обследованию р. Сож в 1936 г. / А.Н. Лявданский, А.Д. Коваления // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 457.

Мельниковская, О.Н. Отчет о работах Днепровского отряда Славянской экспедиции ИИМК АН СССР на территории БССР в 1955 году / О.Н. Мельниковская // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 13.

Мельниковская, О.Н. Альбом иллюстраций к отчету Днепровского отряда Славянской экспедиции 1955 г. / О.Н. Мельниковская // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 32.

Мельниковская, О.Н. Отчет о работах Гомельского отряда Верхнее-Днепровской экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. / О.Н. Мельниковская // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 26.

Мельниковская, О.Н. Альбом к отчету о раскопках в Гомельской области в 1957 году / О.Н. Мельниковская // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 34.

Мельниковская, О.Н. Отчет о работе Гомельского отряда Верхне-Днепровской экспедиции Института археологии АН СССР в 1959 году / О.Н. Мельниковская // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 60, 60а.

Рассадин, С.Е. Отчет об археологических исследованиях в 1981 году / С.Е. Рассадин // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 776.

Рассадин, С.Е. Отчет о раскопках 1982 года / С.Е. Рассадин // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 864.

Рассадин, С.Е. Отчет о раскопках городища Уза Гомельского района летом 1987 года / С.Е. Рассадин // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 1108.

Седов, В.В. Отчет о полевых археологических работах на территории БССР / В.В. Седов // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 115.

Сычев, В.И. Отчет об археологических работах на Любенском городище в 1976 году / В.И. Сычев // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 544.

Сычев, В.И. Отчет об археологических работах на Любенском городище в 1977 году / В.И. Сычев // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 561.

Сычев, В.И. История исследования и археологические раскопки Любенского городища в 1978 году / В.И. Сычев // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 657.

Ткачев, М.А. Отчет о полевых исследованиях за 1974 год / М.А. Ткачев // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 470.

Ткачоў, М.А. Справаздача аб палявых археалагічных даследаваннях за 1975 год Пасожскага атрада / М.А. Ткачоў // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 514.

Чернявский, И.М. Отчет о проведении археологических раскопок в июне–июле 1981 года на Замковой Горе в г. Чечерске Гомельской области / И.М. Чернявский // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 768.

Чернявский, И.М. Археологический отчет о проведении раскопок в июне 1982 года на Замковой Горе в г. Чечерск Гомельской области / И.М. Чернявский // Архив Института истории НАН Беларуси. — Дело № 782, 782к.

Ющенко, И.Х. Отчет о раскопках Любенского городища в 1925 г. / И.Х. Ющенко // Архив ЛОИА. — Ф. 2., оп. 175.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия. — М.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. — Л.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГАЗ — Гістарычна-археалагічны зборнік. — Мінск.
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. — М.
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. — М.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. — Киев.
МАБ — Материалы и исследования по археологии БССР. — Минск.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. — М.
ПГКБ — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. — Мінск.
РА — Российская археология. — М.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. — М.
СА — Советская археология. — М.
САИ — Свод археологических источников. – М.
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея. – М.

THE SETTLEMENTS OF THE MILOGRADSKAYA CULTURE ON THE TERRITORY OF BELARUS

Chapter I

History and Research Historiography

From the research history. The first mentioning of the ancient settlement in southeast part of Belarus and neighbouring territories was published in "Slovar" ("Dictionary") by Z.D. Hodakovskii in the 40-s of the XIX century. In the second part of the XIX century M.P. Shpilevskii, R.G. Ignatev, A.K. Kirkor, E.R. Romanov, V.Z. Zavitnenich, M.V. Dovnar-Zapolskii informed about such relics sporadically.

In the 20-30-s of the XX century republic archeologists gathered information about all archeological relics in Belarus. In the pre-war time little excavations was carried out on the reinforced Milograd settlement: Vornovka, Lyubni, Hilchitsi, Chechersk, Shepotovichi.

After World War II, in the beginning of the 50-s, Moscow archeologists P.N. Tretyakov, Y.V. Kuharenko, O.N. Melnikovskaya conducted reconnaissance and excavations of settlement of Gomel Pridnieper (Goroshkov, Milograd, Mohovskoe 1 and 2, Chaplin). O.N. Melnikovskaya summarized the result of field work of Slavic expedition in her monograph "The Tribes of South Belarus in the early Iron Age" in the middle of the 60-s. The researcher substantiated the Milogradskaya culture and displayed its features. On the Ukraine territory the antiquity of these inhabitants V.N. Danilenko and E.A. Petrenko researched. From the second part of the 70-s to the Chernobyl disaster of 1986 Belarusian archeologists conducted excavations of relics of Polesie, Sozh region and in the basin of the lower Beresina.

Survey of literature on the subject, from the 20-s of the XIX century to the middle of the first decade of the XXI century, according to the archeological excavations of the settlements and burial grounds Milograd inhabitants in Belarus gave the author an opportunity to mark out five stages in their research.

The first stage is one hundred years. It begins from the 20-s of the XIX century to the middle of the 20-s of the XX century. During this period information about relics was accumulated. Some researchers – Z.D. Hodakovskii, D.Y. Samokvasov, E.R. Romanov – tried to explain the functional setting of the settlement.

The second period is pre-war: from the middle of the 20-s to the end of the 30-s of the last century. The main research was to discover and register all archeological relic, among which Milograd relics were.

The third period is from 1950 to 1975. Archeological excavations were conducted on a large territory. The excavations were passed mainly by Slavic expedition of the Archeology institute of Academy of Science of USSR in the Pridnieper region. The relics of the excavations were quickly researched by Moscow archeologists and were brought in science turn.

The forth is the period before Chernobyl: from 1976 to 1986. During this decade Belarusian archeologists conducted field research mainly in Polesie, Sozh region. On ten settlements of Polesie – Ivan, Lipnyaki, Liski, Rassvet, Staroe Krasnoe, Holopenichi, Horomsk, Yastrebka, Yasenets 1 and 2 – 7685 square metres were researched. On seven settlements of Sozh region – Lenino, Lyubni, Nisimkovichi, Prisno 2, Podgorie, Chechersk, Shepotovichi – 1433 square metres were researched.

The fifth period is a period after the Chernobyl disaster which continued more than 20 years (22). During this period on seven reinforced settlements – Ivan, Krasnaya Gorka, Otrubi, Uvarovichi, Uza, Chernoe – 1628 square metres were researched.

These five periods, that were marked out by the author in researching of the Milograd settlement, were conditioned by effectiveness of field research. The difference in duration of periods is explained by this. All researches conducted in different regions connected with the basin of rivers Sozh, Pripyat, Lower Berezina and Dnieper.

Historiography aspect. The results of field research by Y.V. Kuharenko, O.N. Melnikovskaya and P.N. Tretyakov gave us an opportunity not just to collect new material of archeological relics of Belarusian Pridnieper, but to realize them, to show their place among other relics of the early Iron Age in Belarus. These researchers actively studied and published materials of the Milogradskaya culture, that was the beginning of its research. Further the author examines contribution of pioneers (Y.V. Kuharenko, O.N. Melnikovskaya and P.N. Tretyakov) in development of theoretical knowledge connected with the reconstruction of different aspects of tribes life of the Milogradskaya culture. O.N. Melnikovskaya examines the beginning of researching of the Milogradskaya culture relics in Belarus from the last decades of the XIX century and finishes in the first half of the 60-s of the XX century in her monograph.

At the end of 80-s the researcher from St. Petersburg V.E. Eremenko marked out three stages in researching of the Milogradskaya culture: 1) – from the end of the XIX century – to the beginning of the 50-s of the XX century; 2) – from the 50-s – to the beginning of the 60-s: 3) – from the second part of the 60-s – to the end of the 80-s of the XX century.

As for the researching of the tribes of the early Iron Age – the Milogradskaya culture, the Zarubinetskaya culture, the Culture of Hatch ceramics – on the territory of the central part of Belarusian Polesie, A.A. Egoreichenko marked out three stages: the first one is the 20 – 30-s; the second one is the 50 – 60-s; the third one is the 70 – 80-s of the XX century.

S.E Rassadin marked out five periods in the researching of the Milogradskaya culture relics on the territory of the Ukraine and Belarus: 1) – 1873 – 1912; 2) – 1924 – 1937; 3) – 1947 – 1967; 4) – 1967 – the end of the 80-s; 5) – current.

It is not difficult to notice that all five researchers, including the author, have difference of approach to the criteria and as a result to assessment of degree of knowledge of examined relics. Difference of dedicated periods and their duration is explained by the independent opinions of the researchers. But the different points of view are not worth being considered as contradictions of the authors' opinions. In the aggregate they complete each other and concretize different points of 55-year history of researching of the Milogradskaya culture from time of its discover.

In the last quarter of the XX century a great number of publications are of informational character. Some of articles have subject orienrtation. They are about smithcraft, manufacturing of crockery, agriculture, chronology of relics, typology of settings, versions of culture, ethnic attribution of tribes.

There are three monographs published. In 1967 – "The Tribes of South Belarus in the early Iron Age" by O.N. Melnikovskaya. In 1996 – "The Ancient Settlements of Belarusian Polisie" by A.A. Egoreichenko. In 2005 – "The Milogradskaya culture: natural habitat, chronology, ethnos" by S.E. Rassadin. And this research of the author is the fourth book which is devoted to tribes of the Milogradskaya culture.

According to the material of the Milogradskaya culture relics four Candidate's dissertations were defended. In Moscow in 1964 – O.N. Melnikovskaya's dissertation was "History of The Tribes of South Belarus in the early Iron Age". In Moscow in 1982 – A.A. Egoreichenko's dissertation was

"The Settlement of Belarusian Polesie of the early Iron Age". In Kiev in 1989 – S.E. Rassadin's dissertaion was "The Milogradskaya culture (urgent problems of researching)". In Kiev in 1990 – M.I. Loshenkov's "The Settlement of the Milogradskaya culture of Eastern Part of Belarusian Polesie".

Chapter II

The inhabitants, territory and relics

II.1. *The natural habitats of the Milogradskaya culture.* Studying the inhabitation territory of the Milogradskaya culture of Southern Belarus, the author defined more exactly the western bound of the Milogradskaya culture, according to summarized facts of O.N. Melnikovskaya and new investigations, archeological excavations and reconnaissances which were carried out by Belarusian archeologists in the last quarter of the XX century. The territory was about 50 thousand square km (table 1.) in the south-east and south of Belarus. As for the administrative relation it consisted of the contemporary Gomel region, the southern part of Minsk and the eastern part (to Pinsk) of Brest regions (pic. 1.). As for the natural habitats of the Milogradskaya culture the author basically agrees with O.N. Melnikovskaya and does not share definitions of the northern bound of the territory according to L.D. Pobol, A.A. Egoreichenko, S.E. Rassadin, V.E. Eremenko.

II.2. *Topography, planning and size of the settlement.* Topography. Characterizing the reinforced settlement of the Milogradskaya culture the author pays attention to topography of the relics. According to the conditions of location of the settlements he divided them into three groups: 1 – low-lying (pic. 2: 1, 2, 4; 4), 2 – waterside (pic. 6: 3; 7; 8) and 3 – located on hills (pic. 3: 2; 5: 3). In three regions – Polesie, Posojiye, Pridnieper correlation of topography groups of the reinforced settlements is different (table 2.). In total the Milogradskaya culture was in increasingly the low-lying settlements (58%) and then – waterside (34%). The settlements located on hills make up just 8%. Building of the reinforced settlements on low land among flood plains and swamps under the early Iron Age did not get such wide size of development among synchronous inhabitants of other cultures of forest and forest-steppe striae of Western Europe as the Milogradskaya culture. That is why the low-lying settlements of the first group are specific feature of inhabitants of the Milogradskaya culture.

Planning. The plans of the settlements reflect the planning structure of the settings. The form of the settlements influenced on arrangement of their protection essentially. Topography and planning of the settlements were evidence of that Milograd commoners built the settlements accommodating to shape of the coast or outlier or the shape of the territory did not take into account. In latter case the settlements were built according to the beforehand plan that is progressive phenomenon. Consciously thinking up plan of the settlements on the smooth country reflects existed tendency in planning of the reinforced settlements increasingly. Whereas right geometry the author fixed according the plan of the settlements the next differences: oval (pic. 2: 4; 4: 2; 6: 4), round (pic. 5: 4; 5; 8: 1; 9: 1), semicircular (pic. 4: 1), right-angled (pic. 2: 1; 5: 1; 9: 2), square (pic. 6: 1), triangular (pic. 2: 3; 3: 1; 7), trapeziform (pic. 6: 3). In Polesie, Posojiye, Pridnieper regions these settlements differ considerably in correlation in variety of forms (table 3). The oval settlements prevail (34%). The second place is occupied by the right-angled settlements (25.7%). The round settlements are on the third place (19%) and the triangular settlements are the fourth (10%). As for the plan of the settlements we have to admit predominance of certain forms and rarity of others, for instance, square (pic. 6: 1), trapeziform (pic. 6: 3), semicircular (pic. 4: 1) (table 3).

The Milogradskaya culture owns one more distinctive feature that is the presence of two and more areas. If the main number of the settlements – 195 relics – have one area, 26 consist of some

areas (table 3). The settlements with two and more areas are in each region of habitation of the Milogradskaya culture. Among examined settlements the two areal settlements predominate (22) (pic. 3: 1; 3; 4: 3). There are three settlements – Uza (pic. 7: A), Staroe Selo, Chikalovichi – of three areal, and just one – Novaya Greblya – of four areal. In the forest stripe of Eastern Europe the double settlements of the Milogradskaya culture are known in small number (11.7%). The similar relics are not known among tribes of culture of the Hatch Ceramics, the Dnieper-Dvina culture, the Dyakovskaya culture and evidently the Yuhnovskaya culture. At the same time southern neighbours – Right- and Left-bank of the Middle Dnieper the multipartite settlements were wide spread. The author thinks that exactly the double settlements were borrowed by inhabitants from the inhabitants of Forest-Steppe Scythian. But this innovation did not get wide spreading among inhabitants the Milogradskaya culture.

Size. Size is rather demonstrative for characteristic of the settlements. Summary information about the relics is in the catalogue (page 360-367). For convenient systematization the author used the scale of continuity of size and the interval was 500 sq. m. (table 4.). The general area of the majority of the Milograd settlements – 147 (68.6%) – is from 1000 sq. m. to 10000 sq. m. There are the settlements of 10000 sq. m. to 20000 sq. m. then. They are not many, just 43 (20 %). Only four settlements (1.8%) have the biggest area: Buda-2 (43 300 sq. m.), Yurovichi (65 000 sq. m.), Klinsk (72 500 sq. m.) and Bechi (90 000 sq. m.). Three aspects were taken into account for the complete information: the general area of the relics, the area of the protected grounds (table 5.) and the areas that were occupied by defensive constructions. Three variants of differences of the Milograd settlements were established: 1) the settlements which ground is one third of the ground area of the general area; 2) the settlements which have approximately equal sizes of ground and the protected ground: 3) the settlements which have the protected ground of the two third of the general area (table 5.). According to this correlation the Milogradskaya culture has definite equality between the second and the third variants (table 5.). The settlements of the small ground and the big protected ground are about 21%. The settlements of more then 2 hectares are the relics of big size for the Milogradskaya culture. They are just 24 (11.2%). According to the general size of the settlements of the Milogradskaya culture they are rather bigger than of culture of the Hatch Ceramics, the Dnieper-Dvina culture, the Dyakovskaya culture and the Yuhnovskaya culture. And with that they are much smaller than the same of the tribes of Forest-steppe. The author thinks that the big settlements of the Milogradskaya culture appeared under the influence of the tribes of Forest-steppe from the South.

II.3. *The Settlement fortifying.* Besides natural hard-to-rich approach the Milogradskaya culture has artificially built fortifying looking like earthen ramparts and ditches. The width of ramparts in low was from 8 – 10 to 12 – 16 m. The height of their crest was from 1.3 – 1.5 to 2.5 – 3 m. The ditches from the external side of the ramparts were not big: the width was 2 – 4 m. and the depth was about 1 m. There is information that on the tops of the ramparts were wooden defensive constructions. Subject to the complexity of fortifying the author marks out seven variants of the protection of the settlements (table 7): 1) without ramparts and ditches (pic. 3: 2); 2) with one deck curb rampart (pic. 4: 2; 5: 1, 4, 5; 6: 1); 3) the settlement is protected by rampart and ditch from the external side; 4) the settlement with two ramparts and ditch between them (pic. 4: 3, 4; 6: 4), inside rampart is big, it is the main and external rampart is smaller size (pic. 3: 3; 5: 2, 3); 5) this variant of protection is consists of two ramparts and two ditches; 6) except the main deck curb rampart there are extra ramparts and ditches from more dangerous sides (pic. 2: 2; 4: 1, 4; 6: 2); 7) one of the sides was blocked up by the riverbed. The settlements with one rampart predominated – 43% (table 7) among the Milograd settlements. The second place was occupied by the settlements with rampart and ditch – 26% and the third – with the difficult system (rampart – ditch – rampart) – 18.5%.

Eight settlements have the cuts of ramparts and ditches – Holopenichi (pic. 10), Chechersk (pic. 11), Ivan (pic. 12), Uza (pic. 7: Б; 13), Yasenec 1 (pic. 14), Lyubni (pic. 2: 3; 15), Liski (pic. 6: 2; 16), Yastrebka (pic. 2: 2; 17), that showed that they have difficult structure of the embankments of the ramparts with the wooden construction. For the building and the repairing of the ramparts inhabitants used natural soil from ditches, stones, wood and cultural layer. It is established three settlements had initially wooden protecting constructions (Goroshkov, Lyubni, Holopenichi). The other settlements had ancient banks mainly from sand, width is 6 – 8.5 m and height is 1 – 1.5 m. As a result they were increased to 2 – 3 m in height and 10 – 12 m in width (sometimes 16 – 18 m). Similar the Milograd settlements inside structures of banks and ditches were marked by researchers among inhabitants of other ancient communities the Hatch Ceramics, the Dnieper-Dvina culture, the Dyakovskaya culture and the Yuhnovskaya culture and also the tribes of Forest-steppe.

II.4. *Dwellings and nondomestic building.* Dwellings show the level of everyday culture and general development of the inhabitants who lived there. O.N. Melnikovskaya marked out three types of dwelling of the inhabitants of Pridnieper: 1 – dugout, 2 – halfdugout (pic. 18: 1, 2) (deep to 0.25 – 0.6 m) and 3 – ground (pic. 18: 3, 4). In Posojie on the settlements Lyubni (pic. 19), Podgorie and Shepotovichi there were studied six dwellings: three halfdugout and three ground. They are of the IV – beginning of the II centuries B.C. On nine settlements of Polessie lowland, where were studied about 8 thousand square meters there was not found a dugout. In Polissie where is high level of ground water it is no reason to build halfdugouts because they are filled in with water. Three halfdugouts were found: the settlement Lipnyaki (pic. 22) and Lemeshevichi (pic. 23). Remains of ground building were found on the settlement Borhov (pic. 24). There were ground buildings of frame rectangular constructions in Polessie. O.N. Melnikovskaya marked two ways of building of walls: wattle constructions and horizontal beam between columns. The frame buildings assume the walls just from beams lay horizontally. The light buildings such as yurta or shelter were of peg structure. On the settlements of the Milogradskaya culture in Polessie the buildings were near the main bank along the line of fortifying. Near the banks there remained open heaths of the ground buildings of the settlements Yastrebka (pic. 20: 2), Lyubni (pic. 20: 1; 21), Shepotovichi. In Pridieper dwellings sometimes were densely concentrated in the centre of the settlement. There are a lot of holes in the centre of this settlements. They are various in shape, size and in purpose (pic. 25; 26). There are holes from columns, pegs, production purpose among them – holes-hearth, holes-storage, for everyday waste, for utility handicraft purpose, hearth and cultural purpose.

Chapter III

Description of things.

III.1. *Stone tools.* The new collections of the stone tools (168) were received in the result of archeological excavations. Raw materials and waste products of working of flint put together 202 unites. From different minerals of glacial origin there are 113 objects and from flint – 55 (table 8). According their functional setting they are seed-rubs (pic. 27 – 30), pestles (pic. 31; 32: 5), pounders (pic. 32: 1, 4), axes (pic. 33), grindstones (pic. 32: 3, 7), foundry forms (pic. 91: 1, 2) and also decorations – bead and pendant (pic. 68: 2). The flint tools are basically small (table 9): arrowheads (pic. 37: 1, 3, 4; 36: 3), punches (pic. 35: 4, 8; 37: 6), knives (pic. 35: 3; 37: 10), scrapers (pic. 35: 6; 36: 1; 37: 8), plates and fractions with retouch (pic. 35: 1, 2, 5, 7, 9; 36: 2, 6; 37: 7, 9, 12), and for big one – retouchers, axes (pic. 33: 1, 3; 36: 4). These stone tools had practical meaning for inhabitants of the Milogradskaya culture that shows their range. At the early time they were more, later their number and range recalled.

III.2. *Iron tools.* The new collection of the iron tools counts about 180 unities. They are axes (pic. 38), sickles (pic. 39 – 42), knives (pic. 49, 50), needles (pic. 51: 1 – 4), awls (pic. 51: 6 – 8, 11 – 17), razors (pic. 51: 9, 10). The Milograd inhabitants had three types of axes: lamellate axes (table 10), (pic. 38: 4 – 6), axes with holes (table 11), (pic. 38: 1, 2), kelt axes (table 12), (pic. 38: 3, 7, 8). The narrator thinks that lamellate axes appeared in the VII – VI centuries B.C., axes with holes – in the VI – V centuries B.C. and iron kelt axes – in the IV – III centuries B.C.

Among account 40 harvest tools – sickles – just 30 possess working characteristic more or less (pic. 39 – 42). In Belarus they were found on 12 relics, and in the Ukraine – on 2 (table 13). The description of sickles is given according to the method of Y. A. Krasnov (table 14), (pic. 39 – 48). Judging by qualitative characteristics these tools were not perfect forms.

The collection of knives is the biggest (table 15). Three types of these articles are examined. The first type is archaic – the VII – VI centuries B.C. with hook back and straight blade (pic. 49: 1). They are 18 %. The second type is crescentshaped (60%) with arched back and curve blade (pic. 49: 6). The knives of this type were used from the VII to the beginning of the II centuries B.C. The third type is the knives with slightly bend shape of blade (pic. 49: 7, 8). They are 22%. The length of these blades is not less than 11.5 – 12 cm. The time of their use is the VII – V centuries B.C. The second type of knives was predominant.

Small everyday stock is present by needles and awls on these settlements (pic. 51). There are not many of them found – 40 items – on the Milograd settlements (table 16). Personal care items – razors (pic. 51: 9, 10) – were found on three settlements – Asarevichi, Podgorie and Lemeshevichi. They appeared about the IV century B.C.

Among the iron items the first place is occupied by knives, the second – sickled. Axes also had an important meaning. The iron tools were used from the VII century B.C.

III.3. *Arms and items of horse equipment.* Arms were less found than tools. All the arms items are divided into arms of distant fight – bow and arrows, arms of middle distance – spears (pic. 54), darts (pic. 55: 1, 2) and slings, for near and hand-to-hand fight they used daggers (pic. 55: 3, 4), swords (pic. 56) and knives. Neither bow nor shafts were found during the archeological excavations. But as for the metal tips for these shafts they were found in quantity (table 17). There are 8 bone tips, 73 bronze tips and 79 iron tips (pic. 52; 53). The bone tips are bushed with pins pic. 52: 1, 2) and like bullet (pic. 93: 4, 6, 7). The first ones date back to the VII – VI centuries B.C. and the second ones – the IV – III centuries B.C. The bronze tips are of three types: two-blades – the VII – VI centuries B.C. (pic. 52: 3 – 12, 13 – 15), three- blades – the VII – V centuries B.C. (pic. 52: 16 – 18) and three-edged – the IV – III centuries B.C. (pic. 52: 19 – 28; 53: 1 – 3). The iron tips are lamellate and bushed (table 17). The lamellate tips are of the VII – III centuries B.C. (pic. 53: 4 – 27), bushed tips are of the V – IV centuries B.C. (pic. 53: 28 – 30).

Horse equipment were found in quantity. They are rings for belts (pic. 57: 7 – 11), plates (pic. 57: 2), bells (pic. 57: 4 – 6), angles, parts of bridle.

III.4. *Decorations and toilettes.* The collection of decorations is the biggest. It includes: bracelets, pins, beads, rings, earrings, pendants, mirrors. They were made from different materials – gold, silver, bronze, iron, stone, bone, clay and glass.

Pins is the biggest category of decorations of the Milograd inhabitants (table 19). According the forms of the tops the author fixed ten kinds of these items – openworked (pic. 58), biconical (pic. 59: 9 – 11), nail-shaped (pic. 59: 1 – 5, 7), needle-shaped (pic. 59: 6, 8), ring-shaped (pic. 60: 8 – 15), conic (pic. 60: 1), spittle-shaped (pic. 61: 1), staff-shaped (pic. 61: 2 – 16), helical (pic. 60: 4 – 7), cylindrical (pic. 60: 2, 3). They were used from the VII to III – beginning of the II centuries B.C. (table 20).

Bracelets. The next big group of decorates is the group of bracelets of various shapes (table 21). The author divided all bracelets into two groups: hand bracelets (pic. 62: 1 – 9, 11, 12) and leg bracelets (humeral) (pic. 62: 10; 63: 1, 5). These groups are divided into sections – rod (pic. 62: 1 – 7, 9 – 12; 63: 1 – 6, 8) and lamellate (pic. 62: 8; 63: 7). Inside of rod section there are three types: smooth rod (pic. 62: 2, 5 –7, 9, 12), ornament (pic. 62: 1 – 4, 11; 63: 2, 3, 6 – 8) and twisted (pic. 63: 4). Variants of bracelets depend on the mounting of their endings and types of ones depend on way of their ornamentation.

In this collection leg and shoulder bracelets are the smallest section – seven items. Among them four are with smooth rod (table 21) and three are with ornament rod (pic. 62: 10, 63: 1, 5).

The section of hand bracelets is rather big – 92 items. Hand bracelets are of two subdivision: lamellate (6.7%) and rod (93.3%). The lamellate bracelets did not spread very much (pic. 62: 8; 63: 7). They located on the relics of Pridnieper region. In rod subdivision hand bracelets with twisted rod are 6% (pic. 63: 4), ornament – 39.7% (pic. 62: 1 – 4, 11; 63: 2, 3, 6, 8), and smooth – 54.3% (pic. 62: 5 – 7, 9, 12). In this section of decorations bronze items dominate (84.4%), the second place is occupied by iron items (12.5%) and the third – silver (3.1%). Most of such decorations were found in the cultural stratum of the settlements – 59 items, then in the treasures – 29 items and less of them in the burial – 8 items. They used bracelets from the VI – the beginning of the II centuries B.C., and they were very popular in the IV – III centuries B.C. Silver and some of bronze bracelets were imported. Iron and part of bronze bracelets were made by local smiths.

Earrings. There are much fewer earrings (37 items) than bracelets and pins (table 22) found on the relics of the Milograd settlements. These decorations were made just from gold and bronze. Two gold earrings were found in the burial Duboi (barrow № 5) and Desnyanka (barrow № 4). According the information that was given by O.N. Melnikovskaya the third was found on the settlement Azarichi. On the territory where the Milograd inhabitants lived, by the present time, researchers have found five types of earrings. It depends on their shape – sprig-shaped (pic. 64: 11), nail-shaped (pic. 64: 10), ring-shaped (pic. 64: 12), with conic blind (pic. 64: 1 – 3, 15, 16), with segment-shaped blind (pic. 64: 4 – 9, 13). The most popular were with segment-shaped blind, then sprig-shaped and finally with conic blind earrings (table 22). The sprig-shaped earrings were mostly spread on the territory of the Ukraine. The time of using of these decorations is from the end of the VII to the V centuries B.C.

Rings and finger-rings. Rings as category were marked by O.N. Melnikovskaya. She divided them according their functional purpose into four types: temporal, finger, ring-earrings and amulets (with bench). Researcher stated three finger-rings. The silver one from the burial Asarevichi, bronze cut one from the settlement Goroshkov (pic. 65: 6) and wire spiral one from the settlement Milograd (pic. 65: 21). The author has counted 47 finger-rings (table 23). Among them: a silver ring, forty bronze ones and six iron ones. They are cast (pic. 65: 1, 2) and bent (pic. 65: 3 – 21). Three cast rings were found on the settlement Bobrica. Among bent lamellate rings are 14 (pic. 65: 10 – 16) and wire ones are 30 (pic.65: 1 – 9, 17 – 21) (table 23). They used the finger-rings from the V to the beginning of the II centuries B.C.

Pendants. The Milograd inhabitants used different kinds of pendants as decorations. Skilled craftsmen made them from stone, bone and metal. The stone and bone pendants are rather rare but metal pendants are widespread – 87 items (table 24). Among them there are six iron pendants (pic. 66: 8, 9, 14, 15, 20) and 81 bronze ones. All iron pendants are lamellate: two of three-cornered sharp (pic. 66: 14, 15) and four – trapeziform (pic. 66: 8, 9, 20). The bronze pendants are more various. The author marks out some types of them: bottle-shaped (pic. 66: 1 – 4), round (66: 5), moon-shaped (pic. 66: 6, 24), right-angled (pic. 66: 11, 13), three-cornered (pic. 66: 16 – 19, 23) and trapeziform (pic. 66: 7, 10, 12, 21, 22). According to the number of them the first place is occupied by three-cornered pendants,

the second – bottle-shaped ones, the third – trapeziform ones and the fourth – round ones. The iron pendants are forged and the bronze ones are cast – 63 items (72.4%) and stamped – 18 items (20.7%). They were used from the VI to the beginning of the II centuries B.C. In consideration of new materials the second place after the metal pendants is occupied by the bone ones. According to the material and way of treatment the author marked out three types of bone pendants: lamellate – 10 items, from teeth of animals – 14 items and from pipe bone – 13 items.

Mirrors. Mirrors are unique finds. They were found in 1980. Two of them were found by the author on the settlement Liski (pic. 67), and the third – by A.V. Shekun in the barrow № 5 burial ground Desnyanskii of Chernigov region of the Ukraine. The diameters of the discs – 8.3 cm, 10.5 cm, 13.5 cm. The mirrors from Liski have bow-shaped eyelets on the back, and one from the barrow № 5 burial ground Desnyanskii has iron plane handle that fasten to the disc by rivets. They were used in different times. Items from Liski were used from the second part of the VII to the first part of the VI centuries B.C., items from Desnyanka – in the VI century B.C.

Fibulas. Nine fibulas were found on the relics of the Milogradskaya culture (the settlements Goroshkov, Liski, Milograd, Shepotovichi and Kuradovo 1). According to their constructions peculiarities they are earlie-, middle- and latelatine. There are two items of earlielatine (Goroshkov and Kuradovo 1) of 380-370 – 283-262 years B.C. Two fibulas of middlelatine from Goroshkov and Shepotovichi dated back to the II – I centuries B.C. Latelatine items (4) comes from Goroshkov, Milograd (two items) and Shepotovichi. They are of the I century B.C. It is possible that middle- and latelatine were brought to the Milograd settlement by new inhabitants of the Zarubinetskaya culture.

Beads. The author has counted 476 items of such decorations (table 25). They were found on the settlements and burials. The material they were made of was stone (pic. 68: 2), clay (pic. 68: 3 – 8), bronze (pic. 68: 9 – 14), iron, amber, glass (pic. 68: 15 – 25, 27, 28, 30 – 34), non-transparent glassy paste (pic. 68: 26, 29) and from organic materials – bone (pic. 68: 1) and seashells of mollusk cowry. The only bead was found in the burial of the barrow № 5 of burial ground Desnyanskii not far from Chernigov. Six stone beads were found on the settlements Goroshkov, Uvarovichi, Kuradovo 1 and in the burial of the barrow № 5 of Desnyanka. Minerals for them were chalcedony, carnelian and marble. There are 11 clay beads in the collection. They are globe-shaped, cylindrical, ring-shaped, biconical. There are 63 bronze beads on the territory of Belarus and the Ukraine. The most part of them is cast. There are fewer of twist and strip-lamellate beads. Among the finds there are casting forms for making beads. The most numerous collection of beads is from glass – 294 items. Glass beads are of different colour: yellow, blue, dark blue, turquoise, light blue, light green, greenish yellow (table 26). Glass is transparent. They have different sharpe and size (pic. 68: 15 – 25, 27, 28, 30 – 34). Examined beads of the Milograd inhabitants are imported decorations from the North Black Sea Coast, probably from Oliviay. Amber beads are seldom met among the Milograd finds. They were found just on two relics: the settlement Goroshkov (1) and in the burial of Desnyanka (24). It is possible that they came to the Milograd inhabitants in stringing together with the other beads from the North Black Sea Coast. In the burials they dated by the V century B.C. There are about 70 paste beads. They are basically spotted. On the background of one colour the spots mark out another colour. In necklaces such beads were together with others, alternating between the others. Very seldom the beads of seashells of mollusk cowry meet in the necklaces. Five seashells of mollusk cowry were found just on the one relic – the settlement Uvarovichi by A.I. Drobushevskii. They appeared on this settlement in the V or IV century B.C. The V – IV centuries B.C. are the time when import of beads was very intensive. There are four bone beads (68: 1; 93: 8 – 10). They were found on the settlements Goroshkov, Uvarovichi, Chaplin. The bone beads were made by local craftsmen.

III.5. *Clay dishes and sinkers.* On the relics of the MIlograd inhabitants clay items put together 90% of all material. The main place among clay items belongs to the dishes (pic. 69 – 73). There are fewer clay items of spinning and weaving – leads; of bronze cast craft – crucibles, casting forms; decora-

tions – beads; items of worship – figures of animals in the cultural stratum.

The dishes. There are a great number of the dishes on the settlements (pic. 69 – 72). The number of the dishes in the cultural stratum differ (table 27). The exclusive importance of ceramics is that it gives the chance to establish the belonging to the specific group of ancient population. The ceramic from Pridnieper region O.N. Melnikovskaya divided into three groups: vessels that have height is more than diameter; height is approximately equal to diameter; height is less than diameter. The classification scheme the researcher put together with the chronological cycle – early, middle and late.

There are fewer fragments of the clay dishes on the relics of Polesie than in Pridnieper. In the collections from the settlements of Polesie the author marked out four types of pots: 1) with egg-shaped body and rounded bottom and outside deflected corona (pic. 69: 1, 2, 8; 72: 2, 3); 2) with globe-shaped body, bottom and vertical corona (pic. 70: 1, 6; 72: 7; 73: 2); 3) weak-shaped with round body, bottom and press into stripe under corona (pic. 69: 3; 70: 8); 4) with round-flatten body, bottom, without neck, with turn into corona (pic. 72: 5, 6). In types of Polesie dishes according to the shape of corona they examine variants. On the settlements of Polesie ceramics had fewer ornamental patterns (11 – 21%) than in Pridnieper. According to the way of making ornament the author has marked out some way: pearl, through puncture (pic. 71: 3), press by stick holes (pic. 69: 8; 70: 4, 6), press by finger or nail holes (pic. 70: 5, 7; 73: 2).

Leads. The author has counted 1740 clay leads on 29 mainly reinforced settlements (pic. 74 – 82). It is marked three ways of their producing. The first way is that clay ribbon was wound round stick that was round in section. The second – clay lump was made in initial shape and then pressed hole in it. The third – fragments of walls of the dishes were ground off butt-ends, shaped forms of circles than turned over holes in the centre. According to the shapes of leads in vertical and horizon sections the author has marked out 16 variety of such items (table 28). In Pridnieper region 50% of clay leads were decorated, in Polesie – 18.2% (pic. 82) and in Sozh region – 10.2%. On some pictures it is possible to see ideograms of the sun and fire (pic. 82: 1 – 11, 20, 25 – 28), on another ones – chaotic illustrations (pic. 82: 41, 43, 45, 46).

Chapter IV

Economical and handicraft activity of the tribes

IV.1. *Cattle-breeding.* Animal breeding of the population of the Milagradskaya culture is examined on osteological collections from new relicts (tables 29 – 32, 34 – 37). The structure of the domestic animals in the herds on the explored settlements is monotonous: small cattle (goats, sheep), horses, pigs, cattle (table 31 – 33).

Dominating position in animal herds judging by the bone reminders belonged to cattle and its part was 24.2 – 48.5% (pic. 83). It was the cattle that gave basic quantity of meat and dairy food to the inhabitants of the ancient settlement (table 33). The horse took the second place (pic. 84). There are its bones on all the ancient settlements of the Milagradskaya culture and these bones form 9.4 – 40 % (table 31, 33, 34). The pig took the third place among domestic animals according to the bone reminders.

New materials indicate that unit weight was rather larger than it was considered before (table 31, 33, 35). The significance of this animal was not equal in the different regions. The goats and sheep in the domestic heard form 6 – 20 % (pic. 87, 88). Their importance in Polesie region was the lowest against to Pridnieper and Sozh area (table 31, 33, 36). It is likely that the population of the Milagradskaya culture eat dog meat and their bones were found on seven ancient settlements (table 31, 37:

pic. 88). A rare fact was eating poultry – domestic chicken – by the inhabitants of the settlement Rassvet. The author considers that the cattle-breeding prevailed over agriculture among the population of the Milagradskaya culture.

IV.2. *Agriculture.* Geographical features of the relief on the south of Belarus limited possibilities of the population of the Milagradskaya culture in agriculture. To a considerable extent these limits were in Polesie region and in the lowest territories of the Sozh area of Gomel region. On the marked territories there is soil of low-laying types: sod-swampy soil and peat-swampy soil. The inhabitants of Polesie region had to cultivate ground of small height islands for crops. During spring floods low elevations were flooded. In years of hard rains there were no guaranties of getting harvest. In Pridnieper region as in Sozh region to the north of Gomel region the relief is different – plain. It is not block the development of agriculture. The inhabitants of the Milograd settlements mainly produced crops – soft wheat, millet, barley and as for legumes – pea and bean (table 38). The prints of crops on the walls of bodies, bottoms, shoulders, necks and coronas prove it. Except cultivated plants there were discovered accompanying seeds of weeds. There were fixed 870 prints of seeds on 12 relics. Among them there are 822 of cultural seeds and 48 – weed seeds (table 38).

During the archeological excavations of the Milograd settlements there were found more than 40 tools of harvesting – sickles. Treatment of corn into flour was carried out by single-handed grain-floats. 70 items of upper and lower stones were found. Tools for treatment of soil were not found.

The agriculture of the inhabitants of the Milograd settlements was slash-and-burn and in some regions (David-Gorodok region and Braginsko-Hoinickii region) it was plough and gardening. The author considers that the agriculture of the inhabitants of the Milograd settlements in Polesie region and lower Sozh region was not so spread as in Pridnieper region and northern part of Sozh region.

IV.3. *Hunt. Fishing. Gathering.* Two organically closely coupled branches of produce economy – agriculture and cattle-breeding did not provide needs of the patriarchal-family group in corpora by foodstuffs. That is why they had to hunt, fish and gather to supply deficient of foodstuffs and to diversify ration.

Thanks to the number of bones of wild animals we can judge about the role of hunt (pic. 89). The remains of wild fauna are not equal on research relics (table 39, 40). To receive meat the hunt was on artiodactyles animals – elk, wild board, Europe aurochs, noble deer, roe. Rare trophies of hunters were predators – bear, wolf, lynx (table 40). To get fur inhabitants of the settlements hunt on hare, beaver, otter, marten, sable, forest cat, fox, badger. The correlation between objects of hunt: artiodactyles animals took the first place, fur-bearing animal – the second and predators – the third (table 42). Rare bag was bird.

The finds of bones and scales of fish on the settlements Goroshkov, Yastrebka, Chechersk, Shepotovichi, Chernoe tell us about fishing. It does not depend on the plenty of fish in water body the using of fish was limited and not equivalent in different regions of habitation of examining population. Fishing as well as gathering carried out the auxiliary role. Evidently to diversify ration they gather eggs, honey of forest bees, fruit of wild trees and plants, berries.

IV.4. *Metallurgy of iron and treatment.* There is brown ironstone – marsh ore on the territory of the inhabitants of the Milograd settlements. The presence of raw material promoted development of black metallurgy and treatment of iron. Two sources denote pursuit metallurgy: blast furnaces and slags of iron. In Pridnieper region breakdowns of three blast furnaces were found on the settlements Goroshkov (2) and Otrubi (1). Metallurgy traces were marked near the settlements Vornovka and Milograd. There are rare iron slags in the cultural stratum of the inhabitants. There are iron items on some relics where traces of metallurgy were not fixed.

The author has counted more then 270 items of blacksmith's production (table 44). B.A. Kolchenok and M.F. Gurin have metallographic researched 110 items which are rather various (table 45).

The structure of metal has been researched on 12 relics (table 46). It was established that from 105 of blacksmith's items 73 (69.5%) were made in way of open hot forging of bloomery iron and 32 (30.5%) – of steel. Among steel items 19 of low-carbon steel and 13 of mid- carbon steel and high carbon steel. The range of researching finds according their initial raw material is displayed in special table (table 47). Difficult technological planes – welding hardening, cementation, packetization – were found in 18 items of blacksmith's production (table 46, 47). Among Milograd finds welding (11 items – 10.4%) and termotreatment (7 items – 6.6%) were emerged just among axes, sickles and knives.

IV.5. *Bronze-casting.* On the relics of the Milograd inhabitants on the regions of Belarus the author has counted 117 items which connect with bronze-casting craft (table 49). Among finds are crucibles 36.7% (pic. 90: 1 – 4), casting forms 32.5% (pic. 90: 7 – 10; 91: 1 – 9, 12 – 14), casting spoons 20.5% (pic. 90: 5 – 7; 91: 15, 16) and small drops of bronze 10.2%. The level of bronze-casters was rather high. It is rather difficult to distinguish visually items of local manufacturing from imported ones. The question of coming of raw material or finish items, because of absence of local raw material, was very important. According to the idea of O.N. Melnikovskaya the main raw material for decorations and tips of arrows the inhabitants of the Milograd settlements got from Central Europe. It is not possible to answer this question affirmative without spectrum-analytical analysis of bronze items.

Spectrum analysis of 40 items and drops were made in the laboratory of natural-science methods of Archeological institute of the Academy of Sciences of Belarus (table 50). It was established that among these items (pic. 92) tin-plumbeous bronze (39%) predominates, than alloy materials with addition of arsenic (35%), tin, copper-tin come. The items of pure bronze are just 4 %. As for the directions of import items the author thinks that relationships of the local inhabitants with the northern and northwestern territories were weaker then with the eastern, southern and southwestern.

IV.6. *Technology of manufacturing of the dishes.* The manufacturing of the dishes was very difficult type of domestic craft in the early Iron Age. Consecutive stages of this process are 1) the preparation of the raw material; 2) the forming of the vessels; 3) the treatment of the surface; 4) the burning. The author has researched the technology of modeling of the dishes using the petrographical method. The selections of 14 relics were researched by the petrographical method (table 51).

It was established that raw material was belt clay of lake-alluvia origin. Belt clay was of illite structure. There was from 60 to 80% of clayey substance in initial material. Such clay contains about 15% of accompany natural dirt. In natural state the content of send was differ. The structure of belt clay defines its comparative plasticity and light-casting. The ceramists deliberately added gravel (ground stone), chammote (ground ceramics) and sometimes marsh ore. Besides artificial additions the foremen added to pastry organic loadings – seeds of cultural plants. They mainly used millet, barley, soft wheat, bean, pea and seeds of weed (table 38). The organic addition is 0.5 – 2% and more on 12 relics of the inhabitants of the Milograd settlements.

First of all the bottom and the near-bottom parts were constructed, than walls of the body and upper part of the earthenware pot were built up by belt modeling. The quality of treatment surface of vessels was not always high – the marking of floating of belts is visible. Most part of the dishes had rough surface and we can rare meet the dishes with carefully smooth surface. The burning was on the fire and the temperature was from 450 to 750 degrees. In that way the constant temperature and gas environment did not keep. In spite of some complications during the modeling of the clay dishes the ceramists produced earthenware pots, bowls, beakers and others and of high quality.

IV.7. *The treatment of stone, bone and wood.* The *stone* as initial material was wide spread in everyday life of the inhabitants of the Milograd settlements. Because of a lot of finds of stone and stone items in the cultural stratum (table 8, 9) and in the burials. As a building material it was used for defensive banks and hearths. It also was the raw material for making grain-floats, pestles, axes and even decorations – beads, pendants (pic. 27 – 37). It was possible used for making arms – missile stones for sling.

The treatment of stone was very labour-intensive process. It needs special skills in polish and pointwise-percussive techniques. The other ways of the treatment of stone were not known among the inhabitants of the Milograd settlements. Mentioned ways used for treatment after-glacial detritus of granite, gneiss, amphibolites, diabase. Besides mentioned rocks the Milograd inhabitants used flint tools but not a lot of (table 9).

The small collection of *bone* items on the Milograd settlements tells us that bone as raw material was limited in use. The range of bone items is not rich – punches, handles for knives, tips for arrows, amulets and beads (pic. 93, 94). There are animal bones in the cultural stratum of the settlements but using bone for making items was very rare. The single finds tell us about rare using of bone items. There were found items with not finished treatment on the reinforced settlement Chechersk, Shepotovichi, Lyubni, Chernoe. In the middle of the 60-s of the last century O.N. Melnikovskaya suggested about weak role of bone craft of the Milograd inhabitants. The new information from the relics that were excavated during the last quarter of the XX – the beginning of the XXI centuries confirms the opinion of the researcher. The author considers that the decay of bone treatment happened because of early using iron items – from the VII centuries B.C.

Wood was very important for everyday life of the Milograd inhabitants. It is clear the using of wood in the forest stripe of South Belarus. As initial material local race of wood was used by the local inhabitants for building of dwellings, non-residential building and all sorts of barriers. They used wood for construction of defensive banks for inside constructions and on the tops. Wood was fuel for hearths. It is also possible that it was used for making the dishes. Iron tools, arms and hunt items were not possible to use without wooden parts: handles, staffs. Woodworking items were axes and knives. Of the ways of treatment we can single out the cutting-down and the carving. Different technical ways of treatment were used during building of blockhouse and picket-column buildings.

Научное издание

ЛОШЕНКОВ Михаил Иванович

ГОРОДИЩА МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Художественное оформление *Зинченко Т.В.*
Редактор *Костелецкая А.П., Малашевич Е.В.*
Художественный редактор *Дрозд А.И.*
Технический редактор *Бобрович А.В.*
Компьютерная верстка *Вацуро А.С.*

Подписано в печать 25.10.2011. Формат 84x108 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,68.
Уч.-изд. л. 33,9. Тираж 300 экз. Заказ 1853.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УП «Минская фабрика цветной печати».
Лицензии ЛВ № 02330/0494375 от 16.03.2009 и
ЛП № 02330/0494156 от 03.04.2009.
Ул. Корженевского, 20, г. Минск, 220024.

Михаил Иванович Лошенков — профессиональный археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного научного учреждения "Институт истории НАН Беларуси".

Родился 18 ноября 1951 года в д. Ново-Хороброво Оршанского района Витебской области. В 1969 году окончил СШ № 10 им. К.С. Заслонова г. Орша. После службы в армии в 1972 году поступил, а в 1977 году закончил исторический факультет Минского государственного педагогического института им. А.М. Горкого.

В Институте истории работает с 1977 года старшим лаборантом, с 1978 года — младшим научным, с 1990 года — научным, а с 1992 года — старшим научным сотрудником.

Кандидатскую диссертацию защитил в Киеве в 1991 году. Научные интересы связаны с изучением на территории Беларуси древностей железного века: I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.

Является автором более 260 научных и энциклопедических статей, а также коллективных работ ("Археалогія Беларусі" у 4 т., Т. 2; "Гісторыя Беларусі" у 6 т., Т. 1).

ISBN 978-985-454-575-2